

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 3204.1.5

**Harvard College
Library**

**THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge**

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

11111

ТОРОПЕЦКАЯ СТАРИНА.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ГОРОДА ТОРОПЦА

съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка.

И з с л ѣ д о в а н і е

Ивана Побойнина.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1902.

Star 3204.1.5

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
29 APR 1925

L

Печатано подъ наблюдєніємъ члена-соревнователя И. И. Побойниина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историко - географическій очеркъ города Торопца и его волостей
(до 1500 г.).

I.

Торопецкія волости. Торопецкая земля въ древности расположена была по обоимъ берегамъ рѣки Торопы и по верхнему теченію Западной Двины, отъ ея истока до впаденія въ нее р. Торопы; она занимала и все пространство между этими рѣками. Эта мѣстность, изобилующая рѣками и озерами, въ то время была почти сплошь покрыта дремучими лѣсами и болотами. Еще въ 1706 году Петръ Великій, проѣхавши по самому бойкому пути Торопецкаго уѣзда, отиѣняя свое прежнее распоряженіе, писалъ: „а сею дорогою, которою мы ѣхали, не надобно подводить ставить для того, что зѣло лѣсиста и болотиста“¹. Въ древнее время славяне, для большей безопасности, нарочно выбирали для поселенія лѣсистыя и болотистыя мѣста²; въ особенности это можно сказать о миролюбивыхъ кривичахъ, потомки которыхъ и въ настоящее время большею частію устрояютъ свои поселки въ лѣсной глуши, въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ. Въ этихъ привольныхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ поселенцы находили въ необыкновенномъ изобиліи рыбу и всякую лѣсную дичь, составлявшія ихъ главную пищу, а также мѣха и воскъ, сдѣлавшіеся въ скоромъ времени почти единственными предметами выгодной торговли съ иностранцами³. Первыми насельниками этой мѣстности были

¹ Тетрати записанныя всякимъ писмамъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ Его Имп. Велич. Петра Великаго, стр. 123 и 124: письмо къ Головинну съ дороги, изъ Торопца, 17 марта 1706 г.

² По словамъ Иорнанда: „Hi (slavini) paludes silvasque pro civitatibus habent“ (Goth. c. 5).

³ Аристова Промышленность др. Руся, 82.

славяне-кривичи. Къ такому заключенію приводятъ свидѣтельство начальной лѣтописи ⁴, древнія географическія названія въ Торопецкой землѣ ⁵ и особенности современнаго торопецкаго говора. Можно догадываться, что кривичи поселились по верхнему теченію З. Двины и по рѣкѣ Торопѣ въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка. Въ то время дѣло колонизаціи было хорошо знакомо кривичамъ, и очень правдоподобно, что ими уже были усвоены извѣстные приемы и правила, которые они повсюду примѣняли при поселеніи на новыхъ мѣстахъ. Можетъ быть, руководствуясь стародавнимъ обычаемъ, вѣтвь кривичей, поселившаяся по берегамъ рѣкъ Торопы и З. Двины, первоначально не разсѣивалась по странѣ, расселяясь отдѣльными семьями въ однодворныхъ поселкахъ, а напротивъ того, сосредоточивалась въ городкахъ, соединяясь вмѣстѣ по нѣскольку семействъ. Уцѣлѣвшія до настоящаго времени въ Торопецкомъ уѣздѣ городища, т. е. городки, оказавшіеся неудобными въ хозяйственномъ отношеніи и потому переставшіе быть жилыми мѣстами еще въ древности, своими весьма значительными размѣрами доказываютъ, что они не могли быть обиталищемъ одной семьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ почти всѣ необитаемыя въ настоящее время городища своимъ видомъ ясно свидѣлствуютъ, что они никогда не могли имѣть важнаго значенія въ военномъ отношеніи. Видно, что они были устроены кривичами для поселенія еще въ то время, когда имъ не было нужды много заботиться объ укрѣпленіи своихъ городковъ, такъ какъ страна никѣмъ, кромѣ нихъ, не была занята, а противъ сосѣдей-иноземцевъ надежною защитой еще служили болота и лѣса. Расселяясь по рѣкамъ Торопѣ и З. Двинѣ, кривичи выбирали, большею частію въ сторонѣ отъ рѣчного пути, возвышенное, самою природою укрѣпленное мѣсто, нѣсколько укрѣпляли его и искусственно, и такимъ образомъ являлся городокъ, жители котораго занимались рыболовствомъ, охотою и земледѣліемъ. Позднѣе, когда умножалось населеніе городка, нѣкоторые изъ обитателей его, съ цѣлію съ бѣльшимъ удобствомъ заниматься земледѣліемъ и эксплуатировать лѣсныя богатства окрестнаго края, распространялись изъ городка по всей прилегающей къ городку мѣстности, постепенно покрывая ее своими дворами ⁶. Городокъ становился во главѣ такимъ образомъ заселеннаго округа, который дѣлался его волостью. Наиболѣе укрѣпленнымъ и многолюднымъ изъ этихъ город-

⁴ Лаврент. 10.

⁵ Почти всѣ несомнѣнно славянскія.

⁶ Подобное явленіе можно еще наблюдать въ памятникахъ XVI в. (Тороп. писц. книга 1540—41 г. въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д.).

скихъ поселеній былъ городъ Кривитескъ, который также имѣлъ свою волость, и притомъ болѣе обширную, чѣмъ волости городковъ. Съ теченіемъ времени изъ всѣхъ этихъ волостей составилаь „земля“, представлявшая собою союзъ волостей, во главѣ котораго стоялъ городъ Кривитескъ, потомъ называвшійся Торопцемъ. Жители города Торопца и его волости и жители всѣхъ окрестныхъ городковъ и ихъ волостей—впослѣдствіи составляли одно цѣлое и носили общее названіе „торопчанъ“, кромѣ того они назывались „Торопецкою землею“⁷ или „Торопецкою волостію“; также называлась и самая мѣстность, занятая ихъ поселеніями, т. е. берега З. Двины отъ ея истоковъ до впаденія въ нее рѣки Торопы и берега рѣки Торопы, а равно и все пространство между ними.

Въ XII вѣкѣ, при образованіи Торопецкаго княжества, къ Торопецкой землѣ были присоединены нѣкоторыя, весьма значительныя по своимъ размѣрамъ, сосѣднія волости.

Торопецкое княжество заключало въ себѣ, кромѣ пространства, занимаемаго нынѣшними Торопецкимъ, Осташковскимъ и Ржевскимъ уѣздами, еще весьма значительныя части уѣздовъ Велижскаго, Холмскаго и Бѣльскаго и небольшія части Порѣчскаго и Великолуцкаго уѣздовъ. Слѣдовательно, вся сѣверная половина Смоленскаго княжества во второй половинѣ XII вѣка сдѣлалась независимою отъ Смоленска и составила изъ себя отдѣльное княжество Торопецкое.

Восточная граница Торопецкаго княжества, начинаясь отъ впаденія р. Вазузы въ Волгу, простиралась до озера Селигера, причемъ городъ Зубцовъ былъ пограничнымъ суздальскимъ (потомъ тверскимъ) городомъ, а Ржевъ и южная половина оз. Селигера находились въ предѣлахъ Торопецкаго княжества. Отъ озера Селигера граница шла на западъ до города Холма, который сначала былъ крайнимъ смоленскимъ городомъ на сѣверо-западѣ, а потомъ вошелъ въ составъ новгородскихъ владѣній. Отъ Холма рубежъ Торопецкаго княжества спускался на югъ рѣкой Куней или, можетъ быть, Лбватью, но во всякомъ случаѣ во все время существованія Торопецкаго княжества городъ Великіе Луки постоянно находился во власти Новгорода Великаго. Отъ В. Лукъ граница доходила до полоцкаго города Усвята, гдѣ Торопецкая земля сходилась съ землею Полоцкою. Далѣе отъ Усвята торопецкая граница шла, кажется, къ Западной Двинѣ, за-

⁷ Еще въ 1556 г. сохранялось наименованіе жителей города Торопца и его уѣзда „Торопецкою землею“: „... Невѣжу Лопатина выбрали въ Торопецъ на городовоу приказъ всею Торопецкою землею“... (Доп. къ А. И. I, 108, № 52.).

тѣмъ по рѣкамъ Двинѣ, Межѣ, Обшѣ и далѣе до города Зубцова^{*}. Само собою разумѣется, что границы Торопецкаго княжества могутъ быть обозначены только приблизительно, тѣмъ болѣе, что и встарину не было точно опредѣленныхъ границъ. Кромѣ того, земли, лежавшія на окраинахъ областей, часто находились въ смѣсномъ владѣніи, происхожденіе котораго объясняется съ одной стороны требованіями тогдашней охоты, съ другой — изобиліемъ и малоцѣнностью земли.

Торопецкое княжество занимало очень выгодное положеніе между другими русскими областями. Оно было окружено съ запада и сѣвера землями новгородскими, съ востока—тверскими, съ юга землями своихъ смолянъ и родственныхъ полочанъ. Этими владѣніями оно защищено было отъ нападенія различныхъ инородцевъ; только съ начала XIII вѣка ослабѣвшая Полоцкая земля была уже не въ силахъ сдерживать натискъ литовцевъ, которые стали дѣлать нападенія и на Торопецкую землю. Кромѣ того, истоки и верхнее теченіе З. Двины и Волги и волоки между ними находились въ предѣлахъ Торопецкаго княжества, жители котораго имѣли свободный водный путь во всѣ стороны; жители же другихъ сосѣднихъ русскихъ областей могли сообщаться между собою только чрезъ земли Торопецкаго княжества.

Такое его положеніе между областями Полоцкою, Новгородскою, Суздальскою и Кіевскою, въ тѣсной связи съ которою находился и Смоленскъ, и обладаніе путями сообщенія между ними — неминусомъ должно было доставить ему весьма важное значеніе, особенно во время междоусобій, происходившихъ между этими областями.

Большое значеніе имѣли также волоки, находившіеся въ Торопецкомъ княжествѣ. Въ восточной его части, собственно въ Ржевской землѣ, проходилъ путь изъ Суздальской земли къ Балтійскому морю по Волгѣ, озеромъ Пено и волокомъ въ озеро Жаденье (называемое теперь „Охватъ“). На этотъ же волокъ велъ путь съ оз. Селигера, которое, за исключеніемъ сѣверной части, входило въ составъ Торопецкаго княжества. На границѣ Торопецкаго княжества находился еще путь изъ Суздальской земли въ Приднѣпровье по Волгѣ, Вазузѣ и волокомъ въ Днѣпръ.

Въ западной половинѣ княжества проходилъ самый важный въ древности водный путь „изъ Варягъ въ Греки“. Относительно того, какимъ путемъ шелъ Великій водный путь между З. Двиной и Лб-

^{*} Бѣляева Географ. свѣденія на Руси въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. VI, 174—176. Доп. къ А. И. I, № 4.

вацию, существуют различныя мнѣнія⁹. То мнѣніе, по которому онъ шелъ отъ З. Двины р. Усвачей, оз. Усвятомъ, волокомъ до р. Ловати, не можетъ быть принято, такъ какъ верховья р. Ловати и въ древности не могли быть удобными для судоходства, и такъ какъ въ такомъ случаѣ волокъ находился бы въ полоцкихъ владѣніяхъ, но киевляне, новгородцы и смоляне, которыхъ тѣсно соединяло единство ихъ торговыхъ интересовъ, не допустили бы, чтобы этотъ важнѣйшій водный путь проходилъ чрезъ землю враждебныхъ имъ полочанъ, и должны были найти для себя иной путь сообщенія и устроить на немъ волокъ. Сообщенія между Подвиньемъ и Озерною областью могли поддерживаться только двумя путями: Жижецкимъ и Торопецкимъ или однимъ изъ нихъ, потому что предположеніе о существованіи отдѣльныхъ вѣтвей Великаго воднаго пути на Еменець и Лучинъ должно быть отвергнуто. Путь на Еменець могъ служить для сообщеній только между Новгородомъ и Полоцкомъ, и то съ извѣстнымъ ограниченіемъ: лѣтопись говоритъ о зимнемъ походѣ на Полоцкъ, а въ другомъ мѣстѣ говорится о походѣ новгородцевъ на Полоцкъ совсѣмъ инымъ путемъ (тоже зимой)¹⁰. Указаніе на отдѣльную вѣтьвь, проходившую черезъ городъ Лучинъ, также неосновательно, такъ какъ гор. Лучинъ находился на Днѣпрѣ¹¹.

Указывается еще на одну вѣтьвь варяжскаго пути, пролегавшую чрезъ Торопецкое княжество „отъ Ловати вверхъ по р. Куньей до с. Клина, и оттуда уже волокомъ (черезъ Городецъ къ югу отъ Клина) на городъ Жижицы или Жижъ (тамъ гдѣ теп. сел. Жесцо-Живецъ, близъ западнаго озера Жесца), или прямо къ оз. Двиньне, изъ котораго—протокъ Двинка въ Двину¹²“.

Относящіяся къ этому пути указанія лѣтописи объ отступленіи литовцевъ въ 1223, 1225 и 1245 годахъ — свидѣтельствуютъ о зимней дорогѣ, потому что воднымъ путемъ литовцы отъ Торонца отступали бы по рѣкамъ Торопѣ и З. Двинѣ. Преслѣдованіе литовцевъ

⁹ Забѣлина Ист. рус. жизни I, 178; II, 57.—Барсова Очерки рус. истор. геогр., 19—23, XIII.—¹⁰ Новгор. 160.

¹¹ Подробнѣе объ этомъ у г. Довнаръ-Запольскаго въ Киевск. Унив. извѣстіяхъ 1890 г. № 12, 35 и 36. Г. Барсовъ въ другомъ своемъ сочиненіи (Мат. для ист. геогр. Словаря, 117 и 118) тоже считаетъ Лучинъ—селомъ на Днѣпрѣ.

¹² Барсова Очерки рус. ист. геогр., 22. Слѣдуетъ дополнить указаніе проф. Барсова, что однимъ волокомъ можно было отъ р. Куньей попасть только въ озеро Двиньне, а если ѣхать чрезъ Жижець, то тогда надо было бы переѣхать черезъ три волока.

въ 1234 году происходило лѣтомъ; но черезъ Торопецкую волость гнались одни только конники; слѣдовательно, и въ этомъ лѣтописномъ извѣстїи говорится тоже о сухопутной дорогѣ ¹³. Однако нельзя отрицать возможности прохожденія здѣсь и воднаго пути. Болѣе вѣроятія заключается въ мнѣніи, по которому Великій водный путь „изъ Варагъ въ Греки“ проходилъ мимо г. Торопца. Въ лѣтописяхъ нѣтъ указаній на этотъ путь ¹⁴. Но Ходаковский, не приведя никакихъ доводовъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, указалъ на то, что Великій водный путь проходилъ „по озеру Ильмену, вверхъ по р. Ловати, Сережѣ въ Холмскомъ уѣздѣ до Волока 30верстнаго къ Желну на р. Торопѣ, по которой внизъ, также по Двинѣ къ устью Косопли...“ ¹⁵ Достаточно указать на пропускъ рѣки Куней, чтобы доказать совершенное незнакомство Ходаковского съ тою мѣстностью, о которой онъ здѣсь говоритъ. Однако его мысль сама по себѣ была настолько правдоподобна, что нѣкоторые историки приняли его мнѣніе о прохожденіи Великаго воднаго пути мимо города Торопца.

Въ предѣлахъ Торопецкаго княжества, между истоками Волги и З. Двины, отдѣлялся отъ Алаунской плоской возвышенности кряжъ холмовъ, который въ югозападномъ направленіи проходилъ по Торопецкой волости широкою, возвышенною полосою, служа водораздѣломъ рѣкъ бассейна Ловати отъ рѣкъ бассейна З. Двины. Проѣзжавшимъ по Великому водному пути необходимо было черезъ эту возвышенность (140—200 футовъ высоты надъ поверхностью долинъ) перебираться сухопутьемъ.

Разстояніе между истоками Серези (притокъ Куней, впадающей въ Ловать) и Торопы (притокъ З. Двины)—самое незначительное: верстѣ 7; но онѣ берутъ начало у самыхъ вершинъ главнаго кряжа Алаунской отрасли и никогда въ самыхъ верхнихъ своихъ частяхъ не могли быть судоходными ¹⁶. Но и все верхнее теченіе Торопы до города Торопца—въ настоящее время — извиристо, отли-

¹³ Новгород. 244.

¹⁴ Посѣщеніе Торопца въ 1167 году Ростиславомъ Мстиславичемъ, по всей вѣроятности, вызывалось необходимостью устроить тамъ дѣла своего сына; точно также и посѣщеніе Торопца Александромъ Невскимъ въ 1239 году можетъ быть объяснено семейными дѣлами Александра, заставившими его вѣнчаться именно въ этомъ городѣ. Ипат., 362. Новгород. 252.

¹⁵ Рус. Истор. Сборникъ I, 13.

¹⁶ Военно-стат. обзор. Рос. имперіи т. III, ч. 2-я, стр. 4, 29—30, 38—39, 51. Семенова Георг. стат. словаря т. V.

чается быстрымъ теченіемъ и вообще неудобно для судоходства, по множеству отмелей и порожистыхъ мѣстъ; точно также и верхнее теченіе Сereжи до погоста Волока, пролегая по мѣстности гористой, въ глубокой крутоберегой долинѣ, дѣлается судоходнымъ только отъ Волока, да и то только въ весеннее полповодье. Такъ какъ вся окружающая мѣстность и въ настоящее время въ высшей степени богата лѣсами, рѣками, озерами и болотами, то едва ли здѣсь со времени XII—XIII вѣковъ могло произойти то чрезвычайное обмелѣніе рѣкъ, которое несомнѣнно наблюдается на югѣ. Поэтому можно думать, что и въ древности верхнія части рѣкъ Сereжи и Торопы не представляли удобствъ для судоходства и являлась необходимость въ волокъ, таившемся на значительномъ разстояніи. Такой волокъ, вѣроятно, находился между городомъ Торопцомъ и погостомъ Волокомъ. Въ настоящее время дорога между этими мѣстами тянется на протяженіи 55 верстъ; кратчайшее же разстояніе между ними—43 версты или еще менѣе. Волокъ отъ Жельна до погоста Волока (по прямому направленію 37 верстъ), о которомъ говоритъ Ходаковский, шель бы по гористой и вообще неудобной мѣстности и, при перевозкѣ товаровъ, едва ли оказался бы болѣе короткимъ, чѣмъ волокъ отъ города Торопца. Сверхъ того, пришлось бы отъ Торопца до Жельна пробираться очень неудобнымъ и длиннымъ путемъ, на примѣръ: сухопутнымъ отъ города Торопца до погоста Кудина—3 версты, а водою, черезъ озера Соломено, Кудинецъ, Кудино и рѣку Торопу—надо проѣхать до погоста около 31 версты. Кажется, слѣдуетъ совсѣмъ отвергнуть мысль о прохожденіи волока отъ Жельна до погоста Волока.

Если предположить, что волокъ проходилъ между селомъ Волокомъ и г. Торопцемъ, въ предѣлахъ стариннаго Торопецкаго уѣзда, то значительная часть его шла бы приблизительно по той линіи, по которой идетъ теперь почтовый трактъ изъ Торопца въ городъ Холмъ. На этомъ пути вышеупомянутая отрасль Алаунской возвышенности, проходящая сѣвернѣе Торопца и называемая здѣсь Воробьевыми горами, не высока и удобна для переѣзда.

Между Ловатью и Днѣпромъ было два волока. О Касплинскомъ волокѣ между Днѣпромъ и Двиною существуетъ совершенно определенное извѣстіе, свидѣтельствующее, что въ 1229 году товары черезъ этотъ волокъ перевозились артелью волочанъ сухимъ путемъ, на „волѣхъ“ (на телѣгахъ). Нѣтъ никакого основанія думать, что и на волокъ между Двиной и Ловатью употреблялся какой-нибудь иной способъ перевозки товаровъ ¹⁷.

¹⁷ Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 1. Аже тноуѣ оуслышати, Латинескымъ

Итакъ, Великій водный путь, по всей вѣроятности, шелъ: Днѣ-прокъ, волокомъ до озера Касплинскаго, р. Касплею, З. Двиною, Торопою до города Торопца, гдѣ Великій водный путь опять прерывался, и товары перевозились до села Волока сухимъ путемъ, на телѣгахъ, вѣроятно, такими же волочанами, во главѣ которыхъ стоялъ особенный тиунъ, и такимъ же порядкомъ, какъ это было на другомъ волокѣ, о которомъ разсказывается въ договорѣ 1229 года. Затѣмъ отъ села Волока Великій водный путь шелъ внизъ по р. Сережѣ до впаденія ея (при Зуевѣ) въ рѣку Кунью, рѣкою Куньей до ея устья около города Холма, рѣкою Ловатью, оз. Ильменемъ, р. Волховомъ, Ладожскимъ озеромъ и рѣкою Невою въ Финскій заливъ. Если допустить, что слова Ростиславовой грамоты: „въ Лодейницѣхъ 10 гривенъ дани“... относятся къ той торопецкой пристани, которая въ XVI вѣкѣ называлась „Лодѣйницею“, а ранѣе могла называться „Лодейницами“, то это могло бы служить указаніемъ на проходившій здѣсь Великій водный путь. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ этой пристани останавливались только свои торопецкіе лодейники, то съ нихъ не брали бы поплинъ. Возникаетъ само собою предположеніе, что торопчане собирали поплины со всѣхъ приплывавшихъ сюда купцовъ, которые въ этомъ мѣстѣ перегружали свои товары на „кола“, чтобы продолжать свой путь уже волокомъ, или, если они прибывали изъ „верхнихъ земель“, то съ телѣгъ перегружали товары въ лодки. Часть этихъ поплинъ въ видѣ „дани“ могла поступать въ княжескую казну.

Все вышеизложенное доказываетъ выгодность географическаго положенія Торопецкаго княжества. Но изъ какихъ частей составилось оно?

Смоленскія волости, изъ которыхъ оно образовалось, впервые поименованы въ грамотѣ 1150 года подъ слѣдующими названіями: Вержавляне Великіе, Врочницы, Торопчъ и Жижець.

Съ этихъ волостей тогда собиралось одной только дани не менѣе 1740 гривенъ кунъ, то-есть гораздо болѣе, чѣмъ со всѣхъ остальныхъ смоленскихъ волостей, вмѣстѣ взятыхъ. Между тѣмъ эта часть Смоленской области состояла изъ лѣсистыхъ и болотистыхъ волостей,

гость пришелъ, послати іѣмоу люди с колы пьревѣсти товаръ..... Который Вълъчанинъ възмѣтъ Латиньскый товаръ чересъ Вълъкъ вѣсти, а что погынетъ ѿ того товара, что іѣмоу приказано, тѣ платити всемъ Вълъчанымъ“..... Карамзина III, прим. 248: „А како услышитъ Володскый Тиунъ, еже гость Нѣмечкый прѣйхалъ въ Смоленяны на Волокъ, послати ему своего челоувѣка вборзѣ къ Волочаномъ, атъ перевезутъ Нѣмечкый гость съ товаромъ“...

худшихъ по качеству почвы и, если судить по позднѣйшему времени, менѣ населенныхъ. Во всякомъ случаѣ, возможность собирать съ этихъ волостей такое количество дани доказываетъ, что лѣсные промыслы въ то время доставляли занимающимся ими весьма большія выгоды.

Самою обширною изъ волостей Торопецкаго княжества были Вержавляне В., находившіеся въ восточной его части. Эта область занимала старинный Ржевскій уѣздъ, то-есть нынѣшніе Осташковскій и Ржевскій уѣзды; быть можетъ, что и значительная часть Бѣльскаго уѣзда входила въ составъ области „Вержавляне“, обнимавшей собою такимъ образомъ ту мѣстность, которая въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ называется Оковскимъ лѣсомъ. Въ ржевскихъ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вѣковъ описывается небольшая Оковецкая волость, находившаяся въ срединѣ стариннаго Ржевскаго уѣзда. Но рядомъ съ этимъ названіемъ въ XII вѣкѣ существовало другое Вержевѣ, сократившееся потомъ въ „Ржева“. Слово „Ржева“, образовалось изъ Вержева, вслѣдствіе отпаденія согласной в послѣ исчезновенія глухого ь, подобно тому какъ слова Пльсковъ и Дѣбрянскъ превратились въ Псковъ и Брянскъ ¹⁸. До сихъ поръ попытки объяснить значеніе слова „Ржевъ“ были неудачны. Производили его отъ словъ рожь, ржавчина, сопоставляли его съ сербскимъ врж (кустъ). Можно было бы еще предложить производство отъ русскаго корня вьрг, который сохранился въ глаголѣ вергать, употребляемомъ обыкновенно съ предлогами, напр.: низвергаться, свергать и пр. Представленіе объ Оковскомъ лѣсѣ, какъ о возвышенной мѣстности, съ которой стекаютъ къ морямъ Двина, Волга и Днѣпръ, обнаруживается уже въ начальной лѣтописи ¹⁹. „Страна истоковъ“, такъ какъ кромѣ названныхъ рѣкъ, здѣсь берутъ начало многіе притоки Волги и З. Двины. Впослѣдствіи не только городъ Ржевъ, но и вся Ржевская область называлась Ржевою; и названіе города, и названіе жителей

¹⁸ Соболевскаго, Лекція по ист. рус. языка, стр. 82: „Стеченіе подъ рядъ нѣсколькихъ согласныхъ, образовавшееся послѣ исчезновенія глухихъ, повело иногда къ выпаденію одного или болѣе изъ нихъ какъ въ срединѣ, такъ и въ началѣ словъ“... Стр. 83: „Такъ же образовались Псковъ изъ Пльсковъ, Псковъ, и Ржева (соврем. Ржевъ) изъ Вержева.“

¹⁹ Лаврент.: „Днѣпръ бо потече изъ Оковскаго лѣса и потечеть на полѣдѣ, а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощѣ, и видѣть въ море Варяжское изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и вѣтечь семьюдесять жерелъ въ море Хвалинское“.

этой области Вержавлянами—произошли отъ прозванія области Вержевы, которая и сама называлась иногда Вержавлянами ²⁰.

Въ 1150 году въ Ржевской землѣ не существовало ни города Ржева, ни города Вержавска. Доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что тогда въ Вержавлянахъ дань собиралась не въ городахъ, а въ погостахъ. Хотя Ржевскіе погосты не были податными округами, а только мѣстами, на которыхъ находились церкви и дворы священно и церковно-служителей, однако, вслѣдствіе того, что въ обширной Ржевской волости въ то время не существовало ни городовъ, ни большихъ селеній, они служили для многихъ иныхъ цѣлей, кромѣ своего богослужебнаго назначенія, и такимъ образомъ приобрѣтали особенно важное значеніе.

Вержавлянскіе погосты въ грамотѣ 1150 года не поименованы по той причинѣ, что они, кажется, не имѣли тогда особенныхъ прозваній. По крайней мѣрѣ даже въ 1624 и 1625 годахъ въ писцовыхъ книгахъ Ржевскаго уѣзда погосты перечисляются иногда съ поименованіемъ только святыхъ, во имя которыхъ были построены церкви, иногда, кромѣ того, съ обозначеніемъ рѣки, при которой находился погостъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаетъ болѣе точное обозначеніе мѣстности ²¹.

²⁰ Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 86: „... даю своей княгинѣ Издѣтемлю, да Иудину слободу, да Ядрово, да во Ржеве село Ондрѣевское“... Городъ Вержавскъ, упоминаемый въ грамотѣ 1150 года, кромѣ названія, ничего общаго не имѣлъ съ Ржевомъ; точно также онъ не могъ быть въ тѣсной связи съ Вержавлянами В., потому что никогда не находился въ Ржевской землѣ: волость Вержавскъ съ своимъ городомъ была расположена на лѣвомъ берегу Днѣпра и была коренною собственно смоленскою волостью. Въ 1489 году, когда Ржевъ, бывшій дотогѣ значительнымъ тверскимъ городомъ, уже находился подъ властію Москвы,—великій князь литовскій отдаетъ въ „держаніе“ смоленскую „волостьку Вержавскъ“ одному изъ своихъ подданныхъ (см. въ дѣлахъ Литовской метрики Зап. кн. IV, л. 75 об.: „Ивашку Онѣбросовичу волостька Вержавскъ на годъ после перьвыхъ“). Въ то время въ Смоленской землѣ были смоленскіе бояре и доспѣшныя и щитныя слуги въ Вержавскомъ пути (Записей Вел. кн. Литовскаго кн. IV, л. 45: „За дѣпрошъ бояръ у Вержавскомъ (слѣд. читать: у Вержавскомъ) пути.... л. 160: Слуги доспешные у Вержавскомъ пути за Днепромъ... Слуги щитные у Вержавскомъ пути...).

²¹ Такъ напримѣръ: „Погостъ, а въ немъ церковь великие Христовы мученицы Парасковьи, нарицаемая Пятницы“... „Погостъ пустъ, а въ немъ была церковь Покровъ святыя Богородицы“... „Погостъ надъ рекою надъ Волгою, а въ немъ была церковь страстотерпецъ Христовыхъ Бориса и Глеба“... „Погостъ

Вержавляне платили въ казну Смоленскаго князя 1000 гривенъ, очень значительную сумму денегъ, указывающую на весьма большіе размѣры этой волости и на зажиточность ея жителей. Когда эта волость вскорѣ послѣ 1150 года вошла въ составъ новообразованнаго Торопецкаго княжества, то и княжескіе доходы, собиравшіеся съ нея, должны были поступать уже въ казну Торопецкаго князя.

Лѣтописныя извѣстія о походѣ Мстислава Мстиславича въ Суздальскую землю въ 1216 году — прямо свидѣтельствуютъ, что вся Ржевская земля уже была волостью Торопецкаго княжества, и что тогда уже существовалъ городъ Ржева на Волгѣ, повидимому, основанный этимъ же Мстиславомъ для защиты торопецкихъ владѣній отъ суздальцевъ. Хотя Ржевъ и называется городкомъ, однако уже въ это время онъ былъ настолько сильною крѣпостью, что Мстиславовъ воевода Ярунъ съ сотнею дружинниковъ былъ въ состояніи отбиться отъ десятитысячнаго отряда войска, осаждавшаго городъ подъ начальствомъ князя Святослава Всеволодовича²². Въ половинѣ XIV вѣка городъ Ржева былъ уже несомнѣнно очень сильною крѣпостью, которою съ большими усилиями овладѣвали то литовцы, то москвитяне. Въ то время, кромѣ Ржева, въ Ржевской землѣ существовали городки Вселукъ, Осѣченъ, Тудъ и Сижка²³. Должно думать, что упоминаемые въ грамотѣ Ростислава „Врочницы“ находились около Вержавлянъ и Торопца, такъ какъ въ ней податные округа перечисляются въ извѣстномъ порядкѣ и сначала поименовываются сѣверные округа²⁴. Однако въ этой мѣстности нѣтъ города или волости съ подобнымъ названіемъ. Возможно, что словомъ „Врочницы“ обозначались урочники, то есть люди, платившіе урокъ, или оброкъ. Въ мѣстностяхъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ Торопецкаго

пустъ въ Котелне, а въ немъ была церковь Николы Чудотворца“... (Въ Арх. М. Юстиціи Ржевская писц. кн. 833, лл. 35, 80, 118, 147, 160, 219, 414, 415 и др.

²² Новг. лѣт. по син. хар. сп. 200 и 201: „Мстиславъ же поиде Саре-геремъ, и вѣиде въ свою волость, и рече Новгородцемъ: идѣте въ зажитія, толико головъ не емлѣте идоша исполнишася кѣрма и сами и кони и быша върху Вълзѣ осѣлѣ Святославъ Ръжевку городъ Мстиславъ съ пѣкы въ 10 тысящъ... а Ярунъ бѣше затворилъся въ градъ въ 100 и отбѣся ихъ и поиде Мстиславъ и взяа Зубъчевъ“...

²³ П. С. Р. Л. VII, 241. Тоѣже въ Новг. лѣт. по Син. Хар. сп. 446.

²⁴ Доп. къ А. И. № 4: „а во Врочницѣхъ... гривенъ, то ти изъ того взяти епископу 20 гривенъ“.

княжества, находились земли, бывшія личною собственностью смоленских князей. Очень вѣроятно, что владѣвшіе этими землями крестьяне сидѣли „на вроцѣ“, т.-е. за пользованіе княжескою землею, взаимнѣ натуральныхъ повинностей, платили князю опредѣленную подать въ размѣрѣ 200 гривенъ. Въ позднѣйшую эпоху, когда Смоленская земля входила въ составъ Литовско-русскаго государства, въ ней собиралось „врочное серебро“ и „въ тѣхъ случаяхъ, когда количество наличныхъ крестьянскихъ служебъ превышало потребности господарскаго двора“, предписывалось лишнихъ людей „на вроцѣ осадити“²⁵.

Въ составъ Торопецкаго княжества вошла также Жижецкая волость, расположенная вокругъ большихъ озеръ Двинья (встарину „Двино“), Жижда и др. и по верхнему теченію рѣки Куньей. Она въ послѣдствіи заключала въ себѣ волости: Жижецкую, Озерецкую, Плавѣцкую и, кажется, Нежельскую. Жижецкая волость, до включенія ея въ составъ Торопецкаго княжества, была обособленною волостью, заселенною отдѣльною вѣтвію племени кривичей. Самое названіе города, рѣки, озера, указывая своею постоянною взаимною замѣною звуковъ ц и ч—на принадлежность жижецкаго говора къ числу кривичскихъ говоровъ, въ то же время указывала и на особую близость его къ псковскому говору, а не къ полоцко-смоленскому, къ которому должно отнести говоръ древнихъ торопчанъ. Въ псковскомъ старинномъ говорѣ ш и ж произносятся иногда какъ с и з. Такъ въ грамотѣ 1150 года встрѣчается: „а въ Жижди“... „жизца также отъ всѣхъ рыбъ“... „А се въ Жижда“... Точно также въ писцовой торопецкой книгѣ 1540—41 года: Жижда, Жиждо, но въ приправочной переписной книгѣ 1584 года: Жисцо, Жисца.

Въ 1150 году съ Жижецкой волости собиралось 130 гривенъ кунъ. Кромѣ того, отсюда къ княжескому двору отправлялась рыба, такъ какъ озеро Жиждо славилось своею рыбою. Городъ Жижець (Жиждь, Жиждьчъ) находился на сѣверо-западномъ берегу озера Жижда (Жижецкаго) на узкомъ полуостровѣ, вдающемся въ озеро. Въ настоящее время здѣсь находится погостъ Жесцо-Живецъ, названіе котораго слѣдовало бы замѣнить названіемъ Жисцо-Жижець. Жители города Жижда платили въ 1150 году урока 5 гривенъ, а почестья гривну и лисицу²⁶. Когда Жижець сдѣлался торопецкимъ го-

²⁵ М. Б. Любавскаго „Областное дѣленіе и мѣстн. управление Лит.-рус. государства“, стр. 415 и 416.

²⁶ Доп. къ А. Н. I, № 4: „а се въ Жижди пять гривенъ, а почестья гривна и лисица“.

родомъ, онъ неминуемо долженъ былъ потерять прежнее значеніе, однако въ концѣ XIV вѣка онъ былъ еще городомъ²⁷. Послѣ присоединенія Торопца къ Московскому государству, когда образованъ былъ Торопецкій уѣздъ,—волости Жижецкая, Озерецкая и Плавѣцкая были причислены къ Великолуцкому уѣзду; граница между Торопецкимъ и Великолуцкимъ уѣздами тогда проходила отъ Западной Двины рѣкой Двинкой, озерами Двиньемъ и Жиждемъ, причемъ восточная половина этихъ озеръ отнесена была къ Торопецкому уѣзду, а западная къ Великолуцкому. Собственно Торопецкая земля, лежавшая по теченію рѣки Торопы и по верхнему теченію З. Двины, была только небольшою частью Торопецкаго княжества. Къ Торопецкой землѣ должно отнести и тѣ волости, которыя составляютъ въ настоящее время сѣверную часть Бѣльскаго уѣзда. Еще въ XV вѣкѣ, когда Ржевская земля уже принадлежала Твери и Москвѣ, въ предѣлахъ нынѣшняго Бѣльскаго уѣзда находились торопецкія волости Рожна, Бибирева и половина обширной Старцевой волости²⁸.

Торопецкое княжество, образованное во второй половинѣ XII вѣка Ростиславомъ Смоленскимъ и сдѣлавшееся владѣніемъ его сына Мстислава Храбраго, встрѣчается въ лѣтописи подъ 1209, 1216, 1225 и 1234 годами подъ названіемъ „Торопецкой волости“. Тѣ же мелкія волости, которыя назывались торопецкими при присоединеніи Торопца къ Московскому государству, впервые поименовываются въ актахъ такъ называемой Литовской метрики въ концѣ XV вѣка²⁹. Въ нихъ подъ

²⁷ П. С. Р. Л. VII, 241.

²⁸ Во всѣхъ памятникахъ XV вѣка и въ духовной грамотѣ Ивана III эти волости называются торопецкими. „Половина Старцевой волости“ описывается въ торопецкой писцовой книгѣ 1540—41 года (л. 106). Въ 1522 г. упоминается и другая половина: „Бѣлская волость Старцова“ (Сборник. Имп. Рус. Ист. Общ. томъ XXXV, 658).

²⁹ Лаврент. 413; Новг. 200, П. С. Р. Л. I, 211, XV, 323; Новг. 222, П. С. Р. Л. I, 219; Новг. 244, П. С. Р. Л. I, 221. Правда, въ Никоновской лѣтописи подъ 1168 г. читается: „Тогоже лѣта пакы Новгородци ходиша со княземъ своимъ Романомъ Мстиславичемъ, ратию къ Торопцу, и села и власти пожгоша, и многое множество плѣнниша, возвратишася восвоеи (П. С. Р. Л. IX, 236). Но составитель Никоновскаго сборника сдѣлалъ отъ себя добавленія, упомянувши о волостяхъ, которыхъ, можетъ быть, въ 1168 г. совсѣмъ еще не было въ Торопецкой землѣ. По крайней мѣрѣ въ древнѣйшей лѣтописи объ этомъ походѣ сказано слѣдующее: „... ходи Романъ съ Новгородьци къ Торопцю, и пожгоша дома ихъ, и головъ множество полониша“ (Новг. 148).

1489 г. упоминаются волости Торопецкая, Козаринская и Дубна. При перечисленіи дани, собранной въ 1496 г. въ нѣкоторыхъ задвинскихъ волостяхъ и отправленной въ скарбъ великаго княжества Литовскаго — въ Вильну, поименовываются слѣдующія торопецкія волости: Дубна, Рожна, Любута, Тура, Бибирева, Торопецкая, Нежелская, Жиженская, Плавѣцкая, и Озерецкая. Въ 1497 г. встрѣчается Старцева волость, а подъ 1494 г. — Велижская, находившаяся подъ властью отдѣльнаго намістника ³⁰.

Затѣмъ въ мирномъ договорѣ 1503 г. и въ духовной грамотѣ Ивана III, написанной около 1504 г., названы торопецкими слѣдующія волости: Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберево, Старцева, Нежелская, Велижская, Плавѣцкая, Жыжетцкая, Озерская, Козариновская. Торопецкая же волость въ тѣсномъ смыслѣ вмѣстѣ съ г. Торопцемъ въ этой духовной грамотѣ упоминается отдѣльно отъ другихъ торопецкихъ волостей. „Да сыну же своему Василью даю г. Торопецъ съ волостями и съ погосты и зъ селы и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что къ нему потягло; да волости Данково, Любута, Дубна и. т. д.“ ³¹. Хотя, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ, всѣ торопецкія волости тянули къ г. Торопцу, но между волостью Торопецкою въ тѣсномъ смыслѣ и городомъ Торопцемъ существовала особенно тѣсная связь, и городъ съ его округомъ составлялъ одно неразрывное цѣлое.

Дѣленіе Торопецкой земли на волости и перевары, кажется, было введено правительственною властію для болѣе удобнаго взысканія дани, кормовъ и различныхъ повинностей. Собственно географическое мѣстное дѣленіе было совсѣмъ иное. Каждая небольшая мѣстность, заключавшая въ себѣ нѣсколько селъ и дворовъ, носила особое названіе. Напримѣръ для обозначенія мѣсторасположенія извѣстныхъ селъ и дворовъ употреблялись такія названія: „У Тяполовѣ (въ Тяполовѣ) дватцать дворовъ сожгли (1489 г.)....“ Въ Тяполовѣ: село Тяполово.... деревня въ Тяполовѣ же, на рѣчкѣ на Сережѣ“ (1540 г.).... „Въ Добшѣ: деревня Добша.... дер Побсево на Добшѣ.... починокъ Козловской на рѣчкѣ на Каменѣ.... дер. надъ озеромъ надъ Торопцомъ Беленецъ Сенка Павлова.... дер надъ озеромъ надъ Любегов-

³⁰ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. XXXV, 35 и 36; Лит. метр. Записей кн. VI, л. 280 и 281; Зап. кн. VI, л. 107; Зап. кн. VI, л. 274 и 275; Зап. кн. IV, л. 108 об. и кн. V, л. 9.

³¹ Сбор. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 395, 399 и 400; Собрание госуд. грам. и догов. I, 393.

домъ да на рѣчкѣ на Чернавицѣ Исачка да сына его Матюшка ..., Подобнымъ же образомъ перечисляются въ писц. книгѣ 1540 г. деревни въ Каменѣ, въ Стругѣхъ, въ Уклейницѣ, въ Окѣ, въ Сухорянѣхъ, въ Манушкинѣ, въ Овсяцахъ, въ Суходолѣ, въ Бончаровѣ, въ Лужниѣхъ, въ Пожняхъ, въ Сопкахъ, въ Нешевицахъ, въ Озерцахъ и т. под ³².

Уже въ XIII вѣкѣ въ Торопецкой землѣ несомнѣнно существовали поселки, называвшіеся селами ³³. Въ памятникахъ XV вѣка селами называются имѣнія витебскихъ и торопецкихъ бояръ ³⁴. Надо думать, что селами назывались въ Торопецкой землѣ, какъ и въ другихъ областяхъ Литовско русскаго государства въ то время, и крестьянскія поселенія, состоявшія изъ нѣсколькихъ или многихъ дворовъ. Это подтверждается тѣмъ, что въ Торопецкомъ уѣздѣ въ XVI вѣкѣ селами назывались не только помѣщичьи имѣнія, но и большія крестьянскія поселенія.

Вѣроятно, въ Торопецкой землѣ существовали и княжескія имѣнія. Сохранилось относящееся къ 1489 г. извѣстіе, позволяющее сдѣлать такое предположеніе: „а у селка дворъ сожгли а головъ повели 20, а коней свели полчетвертатцать (35), животы и статьи все побрали“ ³⁵. Повидимому, здѣсь говорится о поселеніи, называвшемся впослѣдствіи „Княжимъ селомъ“.

Однودворныя поселки мелкихъ служилыхъ людей (слугъ) и крестьянъ назывались „дворами“ ³⁶ до 1500 года, когда, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Москвѣ, названіе это было замѣнено словомъ деревня.

Кромѣ того были еще поселенія на погостахъ. О погостахъ въ Торопецкой землѣ впервые упоминается въ 1489 г., когда король Казимиръ высказывалъ претензіи на то, что холмскій намѣстникъ сдѣлалъ нападеніе на торопецкій погостъ Бологое, причемъ „попа въ церкви поймали и съ нимъ многихъ людей поймали“.... Погостъ Бологое представляется здѣсь селеніемъ съ церковью, на которую сдѣлано было нападеніе во время богослуженія съ цѣлью захватить въ плѣнъ большее количество людей.

Въ духовной грамотѣ Ивана III торопецкія села, т. е. селенія, въ которыхъ жили помѣщики или крестьяне, обособляются отъ пого-

³² Сбор. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 35; Тороп. писц. кн. Ал. Дав. Ульянина 1540—41 г., лл. 179, 80.

³³ Новгород. 244; „и постиже ѿ на Дубровнѣ на селищи, въ Торопьчскомъ волости“...

³⁴ Сбор. Имп. рус. общ. XXXV, 35.—³⁵ Тамъ же.—³⁶ Тамъ же.

стовъ, очевидно, бывшихъ поселеніями иного рода. Въ 1541 году въ Торопецкомъ уѣздѣ погостомъ называлась церковная земля, освобожденная отъ всякихъ податей и повинностей, на которой, кромѣ церкви и дворовъ священно и церковнослужителей, были еще пахатныя и сѣновосныя земли.

Въ XV вѣкѣ въ торопецкихъ погостныхъ церквахъ находились: „денисусъ, двери царскіе, и столпцы, и иконы“. Необходимою принадлежностью церкви былъ колоколъ³⁷.

Обозрѣніе волостей, входившихъ въ составъ Торопецкаго княжества, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) городъ Торопецъ съ его ближайшими „волостями“ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое. Впослѣдствіи обнаруживаются и названія этихъ волостей: Порѣцкая, Избудецкая, Кудинская, Стрежинская, Стругская, Грядецкая³⁸. 2) Волости Данкова, Дубна, Любута, Тура, Рожна, Бибирева и Старцева примыкали къ этой городской волости, тянули къ городу Торопцу и вмѣстѣ съ Торопецкою волостью и городомъ Торопцемъ составляли Торопецкую землю. 3) Во второй половинѣ XII вѣка, при образованіи Торопецкаго княжества, къ Торопецкой землѣ были присоединены Врочниці, Жижецкая земля, Велижская волость и Ржевская земля. Если допустить, что врочниці жили тамъ, гдѣ позднѣе расположена была торопецкая волость Козаринская, въ которой преимущественно сосредоточивались земли княжескія, а впослѣдствіи помѣщичьи, то придется заключить, что и Врочниці также тѣсно были соединены съ Торопецкой землею. 4) Менѣе тѣсная связь существовала между г. Торопцемъ и Велижскою волостью и Жижецкою землею. Въ 1503 г., во время переговоровъ о заключеніи мира между Литвою и Москвою, московскимъ боярамъ пришлось доказывать, что „Велижъ, Озерцо, Плавѣецъ, Жижецъ, то волости Торопецкіе и нынѣ тянутъ къ Торопцу“ (литовскіе послы называли ихъ волостями витебскими³⁹). 5) Что же касается Ржевской земли, то она рано отпала отъ Торопца (по всей вѣроятности, въ XIV вѣкѣ), и связь ея съ Торопцемъ была всегда слабою: только власть торопецкаго князя объединяла ихъ.

³⁷ Сб. Имп. ист. общ. XXXV, 54; С. Г. Г. и Д. I, 393; Тор. пис. кн. 1540—41 г. л. 97.

³⁸ Въ Арх. М. Ю. писц. кн. 8165 и 838 (1584 и 1628—1630 гг.); ср. также въ М. Г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ писц. тороп. кн. 1540—41 г.

³⁹ Сб. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 395.

II.

Городъ Торопецъ. Въ срединѣ Торопецкой земли, между озеромъ Соломеномъ и рѣкой Торопой, находился городъ Кривитескъ, занимавшій ту часть города Торопца, за рѣкой Торопой, гдѣ находится въ настоящее время возвышенная полоса земли, называемая „Большимъ городищемъ“, и прилегающій къ ней „Старый посадъ“. Низменная мѣстность, прилегавшая къ городу, изобиловала водою. На пространствѣ 5 верстъ во всѣ стороны отъ города находились: рѣка Торопа, рѣчки Святица, Обжа, Талица, Чичиринка, Породинка, Уписынка, Укленика, озера Спасское, Безъимянное, Матренино, Святицы, Кудино, Уклеино (верхнее, среднее и нижнее), Соломено (7 верстъ длины) и Заликовье (6½ верстъ). Такое положеніе главнаго города среди многочисленныхъ болотъ, рѣкъ и озеръ указываетъ на желаніе основателей города выбрать 1) мѣсто, малодоступное для нападенія враговъ, и 2) мѣсто особенно удобное для занятія рыболовствомъ. Замѣчательно, что въ Торопецкомъ уѣздѣ поселенія съ названіями, носящими на себѣ слѣды глубокой древности, болѣею частію расположены при озерахъ; при озерахъ же, особенно большихъ и обильныхъ рыбою, возникли единственные въ предѣлахъ Торопецкой земли города Торопецъ и Жижець, которые еще въ половинѣ XII вѣка считались во всей Смоленской области мѣстами, наиболѣе изобильными рыбой⁴⁰. То обстоятельство, что кривичей сюда привлекало болѣе всего изобиліе рыбы, можетъ отчасти подтверждать вышевысказанную догадку, что кривичи поселились въ этотъ краѣ въ концѣ VII или въ началѣ VIII вѣка, то есть въ то время, когда занятіе рыболовствомъ имѣло гораздо болѣе значеніе, чѣмъ позднѣе, когда, со времени утвержденія въ теченіе VIII вѣка хозарскаго владычества, занятіе охотою и бортнымъ пчеловодствомъ сдѣлалось особенно прибыльнымъ, вслѣдствіе приобрѣтенія, подъ хозарскимъ покровительствомъ, рынковъ для сбыта мѣховъ и воска⁴¹. Между торопчанами сохранилось преданіе, что городъ ихъ основанъ кривичами и что онъ встарину назывался „Кривитескъ“, „Кривичъ“ или „Кривигъ“. Это преданіе подтверждается и письменными извѣстіями, хотя и начинающимися только съ начала XVII вѣка. До насъ дошли выписи изъ писцовой книги письма и мѣры Дм. Воейкова да подъячаго Ѳ. Про-

⁴⁰ Доп. къ А. И. I, № 4.

⁴¹ Проф. Блужевскаго статья въ Рус. Мысли за 1880 г. № 4, стр. 19.

топопова 1628 и 1629 годовъ, въ которыхъ между прочимъ находится слѣдующее мѣсто: „А межа тому Старому посаду, по межевой городоваго прикащика Воина Обашева 125 (1617) году, учинена отъ дворянскихъ, и отъ детей боярскихъ, и отъ монастырскихъ земель, и отъ посадской выгонной земли: идучи отъ города въ Егорьевские задние ворота отъ реки отъ Торопы на правую сторону берегомъ по Ладѣйку, а отъ Ладѣйки возле Броснинского болота, кругомъ Старово Большово Городища Кривитеска, по Студеной колодезь“ и т. д.⁴². Изъ этихъ словъ обнаруживается древнѣйшее названіе города, въ теченіе всего XVII вѣка сохранявшееся въ памяти народной и закрѣпившееся официальными документами. Въ письменныхъ и печатныхъ книгахъ XVIII и XIX вв. слово Кривитескъ нѣсколько измѣнялось. Въ извѣстии, посланномъ въ 1764 г. изъ Торопецкой воеводской канцеляріи, Городище названо—Кривитепскомъ⁴³. Въ рукописномъ сборникѣ архива Торопецкаго собора, составленномъ около 1760 года, находится между прочимъ такое оглавленіе: „Исторія отъ древнихъ лѣтописцевъ о градѣ Кривите, яже Старая Городища, и о обывателяхъ того Кривичехъ“.... Также Кривитомъ называютъ Старое городище свящ. П. Иродіоновъ, который въ 1778 году первый составилъ историческій очеркъ г. Торопца, и всѣ тѣ, которые, при составленіи своихъ очерковъ, преимущественно ему слѣдовали: свящ. І. Знаменскій, М. И. Семеvскій, В. А. Щувинъ и др. Митрополитъ Евгений неточно называетъ его „Кривити“, ссылаясь на писцовыя книги, въ которыхъ однако Старое городище названо Кривитескомъ⁴⁴. То же самое должно сказать и о кн. Щербатовѣ, назвавшемъ его „Кривигомъ“⁴⁵. Мѣсту,

⁴² Въ Архивѣ М. Юстиціи: Жалов. грамоты Кол. Экономіи № 12265 и 12276, а также подлинная межевая книга Л. И. Монастырева 1686 г., кн. 478, лл. 478—497.

⁴³ Великолуцкой провинціи городъ Торопецъ съ уѣздомъ (по запроснымъ извѣстіямъ изъ Тороп. Воевод. Канцеляріи, присланнымъ въ Академію наукъ генваря отъ 19 дня 1764 года) у Бакмейстера, Топограф. извѣстія, служ. для полнаго описанія Россійской имперіи. Тома перваго часть 1-я, стр. 388—392. Спб. 1771.

⁴⁴ ...„Торопецъ, вѣроятно, строенъ еще Смоленскими Кривичами, ибо близъ онаго есть городище на р. Торопѣ, окупанное валомъ, которое и въ писцовыхъ книгахъ именовано Кривити“ (Ист. княж. Псковскаго I, 29)...

⁴⁵ Въ предувѣдомленіи на I томъ, въ примѣчаніи къ 105 страницѣ: „Кривичи: о семъ народѣ есть предположеніе въ Россіи, якобы они жили близъ Торопца, и градъ ихъ назывался Кривигъ, котораго мѣсто и понынѣ тѣмъ же именемъ называется“.

гдѣ встарину расположенъ былъ городъ Торопецъ, въ настоящее время, какъ и въ началѣ XIX столѣтія, нѣкоторые жители Торопца даютъ слѣдующія названія: Кривитескъ, Кривичъ или Кривигъ. („Городъ сей (Торопецъ) отъ многихъ называется еще Кривитескъ, Кривичъ или Кривигъ, отъ народа Кривичей, обитавшихъ въ древности около сего города.“)⁴⁶. Всѣ вышеприведенныя названія города Торопца (въ древности) согласно свидѣлствуютъ о первыхъ обитателяхъ его кривичахъ.

Итакъ городъ Торопецъ въ древнѣйшее время назывался Кривитескомъ. Какія же названія носили прилегавшія къ нему озеро и рѣка? Названія давались селеніямъ, рѣкамъ и озерамъ тогда, когда надо было отличать ихъ отъ другихъ. Очень вѣроятно, что въ первое время по поселеніи кривичей въ Кривитескъ—городъ назывался просто градомъ, городомъ, а потомъ „Кривитьскыи градъ“; озеро называлось, какъ и въ настоящее время, словомъ „Соломено“, означающимъ—протокъ, потому что чрезъ это озеро протекала рѣка Торопа⁴⁷. Ручей Рѣчанка, названіе „Рѣчане“ для обозначенія мѣстности, расположенной по рѣкѣ Торопѣ кругомъ погоста „Рѣчане“, названіе мѣстности „Порѣчье“ и названіе „Порѣцкой“ волости, расположенныхъ по р. Торопѣ,—могутъ служить указаніемъ, что и рѣка Торопа сначала называлась „рѣкою“, т. е. и озеро, и рѣка собственно не имѣли прозваній. Но уже въ очень древнее время явилось новое названіе города, рѣки и озера. Это новое названіе города: Торопчъ, Торопцъ, Торопечь, Торопецъ и позднѣе Торопецъ⁴⁸. Въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается подъ 1074 годомъ житель Торопца „торопчанинъ“ Исакій. Подъ названіемъ Торопца встрѣчается этотъ городъ и въ грамотѣ Ростислава, написанной въ 1150 году.

Предполагаютъ, что названіе города произошло отъ рѣки Торопы, но это неосновательно. Въ писцовой книгѣ 1540/41 года⁴⁹ р. Торопа имѣетъ слѣдующія названія: Торопецкая, Торопица, Торопеца, Торопца; слово Торопца представляетъ переходъ въ названіе Торопа, подъ ко-

⁴⁶ Зябловскаго Землеописаніе Россійской имперіи III, 371 и 372. Спб. 1810.

⁴⁷ Словарь Даля.

⁴⁸ „Общая особенность кривичскихъ говоровъ состояла въ томъ, что въ нихъ могли мѣняться, т. е. замѣнять другъ друга, звуки ц и ч“ (Соболевскаго Лекціи по исторіи русскаго языка, стр. 33).

⁴⁹ Книги торопецкіе писма Александра Давыдовича Ульянина да Тимофея Степанова сына Библикова лѣта 7048 и 7049-го (въ М. Гл. Арх. Мин. Иностранн. Дѣл.).

торымъ уже постоянно потомъ встрѣчается эта рѣка. Въ книгѣ 1540/41 г. озеро Соломено является подъ названіями: Торбѣцкое, Торбѣцкое, Торбѣцъ, Торбѣцъ, Торбѣцъ, а въ писцовой книгѣ 1628—30 гг.⁵⁰ между прочимъ подъ названіемъ „Соломено“ и „Торопецкое Соломено“. Городъ въ обѣихъ книгахъ названъ „Торбѣцъ“. Городъ Торопецъ, рѣка Торопеца, озеро Торопецъ—имѣютъ одно общее названіе. Названіе озера и рѣки „Торопецкими“ скорѣе можетъ указывать на наименованіе ихъ по имени города.

Но почему городъ Кривитеськъ получилъ новое названіе? И какъ объяснить происхожденіе слова Торопецъ? Въ отвѣтъ на эти вопросы можно представить только малоосновательныя предположенія и догадки.

Въ русскомъ языкѣ существуютъ слова: торопиться, торопко, оторопѣть, съ значеніемъ страха и поспѣшности подъ вліяніемъ страха. (... Князь прибѣжа въ торопѣ къ рѣцѣ, гонимъ напрасно.... Новгород. 4, 73). Названіе страшнымъ могло быть придано городу и прилегающимъ къ нему озеру и рѣкѣ на томъ же основаніи, на какомъ сосѣдняя съ Торопцемъ мѣстность, а затѣмъ и находящіяся въ ней погостъ и озеро получили названіе „Кудино“, т. е. бѣсовское мѣсто.

Названіе Торопъ-чь могло произойти отъ имени какого-нибудь Торопа, который могъ быть для Торопца тѣмъ, чѣмъ были для Полоцка и Турова заморскіе выходцы Рогволодъ и Туръ, или скорѣе простымъ предводителемъ храброй дружины, впрочемъ оставившимъ о себѣ память во многихъ географическихъ названіяхъ. Такъ въ предѣлахъ стариннаго Торопецкаго уѣзда, въ 35 верстахъ къ сѣверу отъ Торопца, въ горной отрасли, отходящей отъ Алаунской плоской возвышенности и служащей въ этомъ мѣстѣ водораздѣломъ между системою рѣки З. Двины и системою рѣки Лѣваты,—находится глухая, малонаселенная лѣсная мѣстность, гдѣ беретъ начало рѣка Торопа. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ изъ земли бьетъ ключъ, образующій незначительный ручеекъ, который, протекивши нѣсколько десятковъ сажень, впадаетъ въ озеро Торбѣцъ; по выходѣ изъ озера онъ уже образуетъ весьма значительную рѣчку Торопу. Въ этой лѣсной трупщобѣ существуетъ городище⁵¹, служившее, можетъ быть, гнѣздомъ, изъ котораго Торопъ съ своею дружиною распространилъ власть на самый Кривитеськъ. Съ этимъ Торопомъ, можетъ быть, имѣетъ какую-нибудь связь и ростовское преданіе о богатырѣ Александрѣ Попо-

⁵⁰ Бн. 888 (въ А. Мин. Юстиціи).

⁵¹ Да въ селѣ же Торопатцѣ дворъ помещицынъ... лѣсу пашенного за городищемъ—десятина, а непашенного две десятины (Писц. кн. 888, л. 60—61).

вичъ и его слугъ Торопѣ⁵². Нельзя удовлетворительно объяснить себѣ происхожденіе названія города Торопца, но самая замѣна названія „Кривитескъ“—названіемъ „Торопъчъ“ указываетъ, что въ немъ произошли какія-то событія, не сохранившіяся въ памяти народной, но имѣвшія большое вліяніе на судьбу обитателей цѣлаго края.

Какъ бы то ни было, съ теченіемъ времени народонаселеніе Торопецкой земли размножилось и городъ Торопецъ былъ сильно укрѣпленъ. Онъ былъ расположенъ въ южной части нынѣшняго города Торопца, за рѣкой Торопой; занималъ площадь приблизительно въ 30 десятинъ и имѣлъ въ окружности около 2¼ верстъ. Благодаря большею частію сохранившимся землянымъ укрѣпленіямъ, границы стараго города легко опредѣляются: съ восточной его стороны находилось озеро Торопецъ (Соломено), съ сѣверной—рѣка Торопца (Торопа), съ западной заливъ рѣки Торопеццы, обратившійся впослѣдствіи въ Броснинское болото, а съ южной стороны—глубокій ровъ и отъ Студенаго колодца ручей, впадавшій въ озеро Соломено.

Съ сѣверной стороны города по берегу рѣки Торопы, гдѣ теперь Набережная улица, съ восточной—по берегу озера Соломена, а также отчасти съ южной близъ Студенаго колодца, по всѣмъ признакамъ въ древнее время были непроходимыя топкія, болотистыя мѣста, служившія для города лучшею защитой, чѣмъ рѣка Торопца и озеро Соломено, по которымъ враги могли приблизиться къ городу въ лодкахъ. Эти топкія мѣста дѣлали городъ недоступнымъ съ сѣвера, востока и отчасти съ юга, и потому земляныя укрѣпленія въ древнемъ Торопцѣ находились съ западной и южной сторонъ⁵³. Если съ восточной стороны на большомъ пространствѣ возможенъ былъ доступъ къ городу, то здѣсь преградою служило земляное укрѣпленіе, извѣстное подъ названіемъ Высокаго малаго городища. Такимъ образомъ, топкія мѣста по берегамъ рѣки Торопы и озера Соломена представ-

⁵² Олешка Поповичъ и человекъ Торопъ..... и тамо побѣди Костантинь молитвами Пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ, ту же бѣ и Тимоня Золотой поясъ... И слуга бѣ у него именовъ Торопъ... (П. С. Р. Л. XV, 323, 336 и 337).

⁵³ Когда въ недавнее время случалось рыть землю на мѣстахъ, гдѣ встарину были вышеупомянутыя болотистыя мѣста, то подъ верхнимъ слоемъ черной земли находили мостовую изъ булыжника, подъ ней слой песку, затѣмъ щебенъ, еще глубже помость изъ толстыхъ бревенъ, подъ которыми, на глубинѣ приблизительно трехъ аршинъ отъ поверхности земли, оказывалась жидкая земля. Самыми длинными шестами, опускаемыми въ эту жидкую грязь, не могли достать твердаго грунта.

ляли препятствіе для нападенія враговъ лѣтомъ; но извѣстно, что въ древней Руси для нападеній избирали большею частію зимнее время, когда по озеру и рѣкѣ легко было войти въ городъ. Вслѣдствіе этого въ XVII вѣкѣ торопчане по озеру Соломену и по рѣкѣ Торопѣ на протяженіи 356—483 сажень ставили по льду „козлиными“ деревянный острогъ, кругомъ котораго скалывали ледъ⁵⁴. Еслибы и въ болѣе древнее время торопчане вздумали ставить острогъ по льду, то имъ пришлось бы устранивать его съ восточной и сѣверной сторонъ на протяженіи приблизительно 757 сажень.

Едва ли жители Торопца были въ состояніи защищать такую длинную оборонительную линію, такъ какъ, кромѣ того, имъ необходимо было защищать городъ съ западной и южной сторонъ.

О Торопцѣ пишутъ, что онъ „перерѣзанъ никогда незамерзающею рѣкою Торопою“⁵⁵. „Рѣка (Торопа) имѣетъ теченіе тихое, и между тѣмъ случается, что зимою мѣстами не замерзаетъ, вѣроятно, вслѣдствіе какихъ либо теплыхъ ключей“... „Торопа принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ гнилыхъ рѣкъ, замерзаетъ она весьма медленно, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ остаются полыньи на всю зиму. Въ городѣ Торопцѣ такая полынья, остающаяся на всю зиму, сажень сорокъ“⁵⁶... Въ извѣстіяхъ, присланныхъ въ 1764 году въ Академію наукъ изъ Торопецкой воеводской канцеляріи, сказано, что „между городомъ и посадомъ внизъ до озера Заликовья на версту оная рѣка не замерзаетъ; а хотя въ самые большіе морозы и мерзнетъ, но только дня на два или на три“⁵⁷... Изъ этихъ словъ можно заключить, что въ прошедшемъ столѣтіи рѣка Торопа не замерзала на большемъ протяженіи, чѣмъ въ настоящее время. Можно думать, что въ древности и озеро Соломено, черезъ которое протекаетъ рѣка Торопа, также не замерзало въ мѣстахъ, прилегавшихъ къ древнему Торопцу. Если это было такъ, то городъ Торопецъ не только лѣтомъ, но и зимой—былъ недоступенъ для нападенія съ восточной и сѣверной сторонъ, что, быть можетъ, и послужило главнымъ побужденіемъ къ избранію этого мѣста для поселенія. Съ западной и отчасти южной сторонъ, какъ выше сказано, были устроены искусственныя укрѣпленія.

⁵⁴ Московскаго стола кн. 61, лл. 482—486. Десятенъ книга 289, лл. 263—289 (въ Моск. арх. ман. юстиціи).

⁵⁵ Географ. словарь Семенова.

⁵⁶ Военно-статистич. обзоръ Рос. имп., т. III, ч. 2-я, стр. 39 и 167.

⁵⁷ Топограф. извѣстія, служ. для полн. географ. описанія Рос. имперіи, т. I, стр. 388 и слѣд. Спб. 1771.

Древній Торопецъ расположенъ былъ на полуостровѣ, между заливомъ рѣки Торопецы, рѣкою Торопцею и озеромъ Торопецемъ (Соломеномъ). Поверхность этого полуострова — вообще весьма волнообразна. Западную часть его составляло природное возвышеніе, танувшее на протяженіи полувёрсты вдоль залива рѣки Торопецы, обратившагося впослѣдствіи въ Броснинское болото. Восточный склонъ этой возвышенности, вообще очень отлогій, опускался террасами къ озеру Соломену и наконецъ переходилъ въ низменный берегъ озера. Западный склонъ, напротивъ, былъ очень крутъ и обрывистъ. Торопчане, воспользовавшись природными выгодами положенія, произвели весьма трудныя земляныя работы и такимъ образомъ сдѣлали городъ съ этой стороны почти недоступнымъ для непріятелей. Стѣны откоса были ими искусственно срѣзаны и сдѣланы почти отвѣсными; только на срединѣ высоты откоса былъ устроенъ правильный уступъ, съ котораго, быть можетъ, имѣлось въ виду давать первый отпоръ нападающимъ и по которому, въ случаѣ невозможности сдерживать натискъ непріятеля, легко было уйти въ городъ, чтобы вновь встрѣтить его уже на верхнемъ городскомъ валу.

Эта укрѣпленная полоса съ сѣверной стороны города направлялась нѣсколько на юго-востокъ, и потому на южной сторонѣ города пограничная черта была много короче, чѣмъ на сѣверной. Кромѣ того, на пространствѣ между озеромъ и Студенымъ колодцемъ мѣстность несомнѣнно была топкая и непроходимая. Но линія, простиравшаяся отъ Студенаго колодезя до дороги, выходившей изъ юго-западнаго угла города Торопца, длиною во сто саженей, была всего менѣе защищена природой и требовала для ея обороны особенныхъ усилій со стороны жителей. На этомъ пространствѣ былъ устроенъ очень высокій валъ, причемъ часть его, находившаяся вблизи Студенаго колодца, была сверху до основанія насыпная изъ песку. Съ вѣншной стороны этого вала былъ выкопанъ широкій и глубокій ровъ, оканчивавшійся у вышеупомянутой дороги, на которой въ этомъ мѣстѣ, повидимому, находились ворота. По сторонамъ воротъ, кажется были башни, на что указываютъ доселѣ сохранившіеся небольшія земляныя возвышенія по обѣ стороны дороги. Проходившая здѣсь встарину дорога въ XVII вѣкѣ называлась „Речанскою“ (Рѣчанскою).

Югозападная часть города была наиболѣе доступна для нападенія непріятелей: здѣсь былъ въѣздъ въ городъ по Рѣчанской дорогѣ и по дорогѣ, шедшей отъ рѣки Торопецы. Вслѣдствіе этого въ древности она, кромѣ земляныхъ валовъ, вѣроятно была защищена и деревянными стѣнами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можетъ быть, и ка-

менными. Эта югозападная, самая возвышенная и наиболѣе укрѣпленная часть города была тѣмъ, чѣмъ былъ въ древнихъ русскихъ городахъ дѣтинецъ, или кремль. Въ XVII вѣкѣ эта часть города называлась „Старымъ большимъ городищемъ Кривитескомъ“.

Къ этой югозападной части города непосредственно примыкала широкая, гладкая дорога, искусственно устроенная въ самомъ откосѣ, посредствомъ выемки громаднаго количества земли. Дорога, начинаясь отъ залива рѣки Торопецы, отъ самаго основанія откоса, поднималась вверхъ съ правильной постепенностью. Она была устроена такимъ образомъ, что по мѣрѣ того какъ она поднималась вверхъ, поднималась выше и стѣна откоса, при которой она была устроена, такъ что враги, поднимаясь по этой дорогѣ, все время подвергались бы со стороны горожанъ дѣйствию различныхъ употреблявшихся въ древности орудій обороны.

Къ этой дорогѣ подплывали на лодьяхъ отъ торопецкой пристани. Близъ сѣверозападнаго угла города, на рѣкѣ Торопецѣ, въ древности находилась пристань для судовъ, называвшаяся Лодейницей⁵⁸. Отъ этой „лодейной пристани“ нѣкоторыя лодьи подводились къ вышеупомянутой дорогѣ, гдѣ разгружались и нагружались товары. Внизу, гдѣ начиналась дорога, и теперь видна небольшая выемка въ землѣ, какъ будто нарочно устроенная для того, чтобы въ нее входилъ носъ лодьи. Можетъ быть, на гору по этой дорогѣ втаскивались товары на какомъ нибудь большомъ каткѣ, ободья колесъ котораго были очень широкіе. Такая догадка подтверждается колеями, доселѣ сохранившимися въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой уже много вѣковъ заброшенной дороги.

⁵⁸ Въ торопецкой писцовой книгѣ 1540—41 г. „Лодейницей“, а въ выпискахъ изъ писцовой книги 1628 года „Ладѣйкой“ называлось только то мѣсто берега рѣки Торопы, которымъ она отдѣлялась отъ Броснинскаго болота. Но въ древнее время, быть можетъ, называлось лодейницей, или лодейною пристанью,—все Броснинское болото, бывшее тогда рѣчнымъ заливомъ, соединявшимся посредствомъ канала съ рѣкой Торопой. Въ Исторіи Русовъ Георгія Бонискаго (стр. 43) находится слѣдующее извѣстіе, относящееся къ Новгороду Сѣверскому. „Войска польскія, окружавшія самозванца Отрепьева.... приближаясь къ Новгороду Сѣверскому, расположили станъ свой при Соленомъ озерѣ; у вершинъ обширныхъ и глубокихъ рвовъ, заросшихъ лѣсомъ, кои нѣкогда наполнялись водою и окружали Новгородъ. Правый изъ нихъ назывался Ладейною пристанью, по входившимъ въ него ладіямъ, когда въ рѣкѣ Деснѣ вода была возвышеннѣе, а лѣвый звался Ярославскимъ потокомъ или ручьемъ... (Чтенія въ Имп. общ. исторіи и др. рос. 1846 г., № 2).

Повидимому, существовала дорога также и на противоположной сторонѣ древняго города. На это указываетъ очень узкая, нѣсколько возвышенная полоса земли, идущая отъ озера Соломена къ Псковской улицѣ. Эта длинная полоса земли, пролегавшая встарину по топкому, болотистому мѣсту, состоитъ изъ насыпной земли.

Въ этой же восточной, низменной части древняго города возвышалось одиноко стоящее земляное укрѣпленіе, извѣстное въ XVII вѣкѣ подъ названіемъ „Высокаго Малаго Городища“, хотя оно было ниже всей западной окраины города. Малое городище имѣло въ основаніи и въ верхней площади форму трапеціи, но при окончательномъ устройствѣ этого укрѣпленія углы были сръзаны и закруглены. Кругомъ городища по основанію 220 сажень, а по валу, на верху городища, 165 сажень. Восточная сторона гораздо короче западной: по валу западная длиной—50 сажень, восточная—30. Разстояніе по верхней площади отъ восточной окраины городища до западной болѣе 60 сажень, а отъ сѣвернаго входа до южной окраины—35. Верхняя площадь городища занимаетъ пространство мѣрою менѣе полудесятина. Высота Малаго городища по самому крутому откосу—около 10 сажень⁵⁹.

Повидимому, для устройства Малаго городища воспользовались находившеюся въ этомъ мѣстѣ, на берегу озера Соломена, возвышенностью, которая вдавалась въ него мысомъ. Вырытъ былъ широкій ровъ, чтобъ отдѣлить этотъ мысъ отъ берега; бока его были скрыты съ цѣлью сдѣлать откосы труднодоступными. Такъ какъ восточная сторона городища въ древнее время, повидимому, была очень низка, то необходимо было искусственно возвысить ее; и дѣйствительно, въ этой части городища и отчасти въ срединѣ его наблюдается насыпная черная земля, подобная той, которая находится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около городища.

Валъ, идущій вокругъ всей верхней площади городища, очень высокъ, такъ что середина городища представляетъ глубокую впадину. Мѣстами попадающіеся на валу осколки крѣпкаго кирпича наводятъ на мысль, что нѣкогда были здѣсь кирпичныя стѣны.

Всходъ на городище былъ съ сѣверной стороны. Идущая къ нему, внизу городища, узкая возвышенная полоса земли показываетъ, что Малое городище въ древнее время было окружено топкими мѣстами, озеромъ Соломеномъ и рвомъ, наполненнымъ водою. Старики

⁵⁹ Всѣ приведенныя здѣсь цифры—только приблизительныя.

помнить, что около городища плавали гуси и утки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время большею частью бываетъ сухо.

Котловина, находящаяся на городищѣ, почти вся покрыта черною землею, въ которой попадаютъ уголья, кости животныхъ и черепки глиняныхъ горшковъ, свидѣтельствующіе, что городище, хотя бы только временно, было обитаемо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на самой незначительной глубинѣ земля дѣлается весьма сырою, потому что атмосферическіе осадки, падающіе на валъ и котловину, не имѣютъ стока съ городища. Но, быть можетъ, прежде было иначе. Въ недавнее время какіе-то кладонскатели на глубинѣ одного аршина дорылись до какой-то трубы, болѣе чѣмъ въ аршинъ шириною и высокою, сдѣланной изъ сосновыхъ бревенъ. Рассказываютъ, что когда однажды на городищѣ начали рыть землю, то подъ толстымъ слоемъ черной земли обнаружили слой извести (или чего-то подобнаго), который едва могли пробить; подъ известью оказался помостъ изъ толстыхъ бревенъ. Осталось неизвѣстнымъ, что было глубже, такъ какъ раскопка была приостановлена. При помощи шупа можно убѣдиться, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малаго городища на двухаршинной глубинѣ начинается какая-то пустота; въ другихъ же мѣстахъ на аршинъ ниже поверхности земли шупъ ударяется во что-то твердое.

Кромѣ того, на Маломъ городищѣ, вѣроятно, существовалъ тайникъ. Въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка, при описаніи городковъ, подобныхъ торопецкому Малому городищу, упоминаются иногда тайники. „Да въ городкѣ жъ, для осаднаго времени, тайникъ изъ городка по подземелью къ рѣчкѣ“...⁶⁰ Въ 1637 году, когда городъ Торопецъ уже давно перенесенъ былъ на низменный островъ р. Торопы, въ немъ несомнѣнно существовалъ тайникъ. „Да тайнику къ Соломену озеру—вдоль по мѣре 4 сажени, поперекъ 2 сажени.“⁶¹ Такъ какъ на Маломъ городищѣ въ „осадное время“ могло скопиться очень много людей, то и необходимо было устроить въ немъ „по подземелью“ тайникъ къ озеру Соломену. На восточной сторонѣ городища, по откосу, въ настоящее время есть сверху до основанія узкая впадина, образовавшаяся, можетъ быть, вслѣдствіе того, что проходившій въ этомъ мѣстѣ тайникъ былъ заваленъ находившеюся надъ нимъ землею.

Пустое пространство внутри городища, бревна, несомнѣнно находящіяся внутри его,—невольно приводятъ къ убѣжденію въ суще-

⁶⁰ Устюга Великаго писцовая книга 131—134 гг. Бн. 507, л. 967 (въ А. М. Юстиціи).

⁶¹ Десятенъ кн. 277, л. 58 (въ А. М. Ю.).

ствованіи внутри Малаго городища не только тайника, но и особыхъ внутреннихъ помѣщеній. Но естественная въ этомъ случаѣ любознательность можетъ быть удовлетворена только тогда, когда на Городищѣ будутъ произведены раскопки.

Но и теперь можно придти къ заключенію, что Малое городище было для Торопца тѣмъ, чѣмъ былъ кремль, или дѣтинецъ для другихъ городовъ. И въ послѣдующія времена торопчане, жившіе на посадѣ, имѣли „осадные дворы“ въ „городѣ“; въ древнее время еще болѣе необходимо было жителямъ города Торопца имѣть такое укрѣпленіе, въ которомъ они могли бы сосредоточиться на маломъ пространствѣ, и гдѣ бы непріатели не могли ввести въ дѣло все свое войско.

Очень возможно, что Малымъ городищемъ какъ укрѣпленнымъ мѣстомъ пользовались и послѣ того, какъ городъ Торопецъ перенесенъ былъ на другое мѣсто: литовцы, завладѣвшіе Торопецкою землею, могли помѣстить свой гарнизонъ на Маломъ городищѣ, какъ на самомъ недоступномъ мѣстѣ въ той мѣстности. Но во всякомъ случаѣ Торопецъ, будучи заселеннымъ мѣстомъ уже въ древнѣйшее время, окончательно былъ укрѣпленъ въ „княжескую эпоху,“ и потому имѣетъ всѣ отличительные признаки городищъ княжескаго періода.

Первая церковь въ Торопцѣ возникла, безъ сомнѣнія, вскорѣ послѣ принятія христіанства жителями этого города. Первое прямое дѣтописное указаніе на существованіе въ немъ церкви относится къ 1239 году. „Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославъ, въ Новѣгородѣ, поя въ Полотскѣ у Брячслава дочь и вѣнчася въ Торопчи; ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую“. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, относящихся къ XVII вѣку, можно заключить, что въ древнемъ Торопцѣ, называвшемся въ XVI и XVII вѣкахъ Старымъ посадомъ, до половины XIV вѣка было 4 церкви: Егорьевская, Борисоглѣбская, Пятницкая и Рождества Іоанна Предтечи.

По всей вѣроятности, главною и древнѣйшею изъ этихъ церквей была церковь во имя „страстотерпца Христова Георгія“. Такое предположеніе основывается на томъ, что 1) во многихъ другихъ русскихъ городахъ Георгіевскія церкви были древнѣйшими и, вѣроятно, основанными при Ярославѣ I, христіанское имя котораго было Георгій; 2) въ XVI вѣкѣ Георгіевскій соборъ былъ главнѣйшею изъ всѣхъ торопецкихъ церквей; 3) только этой церкви въ XVI вѣкѣ принадлежали лавки, только при ней были „вѣсчіе старосты“, собиравшіе въ пользу собора пошлины съ пріѣзжихъ купцовъ,—торговые порядки

“ Новгор. 252.

въ XVI вѣкѣ уже исчезающіе, но сильно распространенные, повидимому, въ XII вѣкѣ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ новгородскихъ грамотъ. Егорьевскій храмъ, быть можетъ, расположенъ былъ на Маломъ городищѣ, гдѣ и теперь виднѣются въ западной его части какіе-то бугорки, своимъ видомъ напоминающіе древнія христіанскія могилы. Въ Торопцѣ рассказываютъ о какомъ-то соборѣ изъ „дуба“, существовавшемъ въ древнемъ городѣ⁶³, и о провалившейся на Маломъ городищѣ церкви.

Кромѣ Георгіевской церкви, въ предѣлахъ „Старого посада“ было еще три церкви. Въ 1617 году торопчане пожертвовали въ пользу причта Георгіевского собора „Старый посадъ“, то есть мѣсто, которое до половины XIV вѣка занималъ городъ Торопецъ, но при этомъ выдѣлили три мѣста, имъ не принадлежавшія, хотя и находившіяся въ чертѣ Старого посада. Эти „нивы“ занимали въ общей сложности около 3½ десятинъ и въ XVII вѣкѣ были собственностью трехъ торопецкихъ церквей, находившихся уже въ новомъ посадѣ, на другой сторонѣ рѣки Торопы. Такое явленіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что на этихъ мѣстахъ въ древности были расположены церкви, кладбища при нихъ и дворы священнослужителей, перенесенные впоследствии на новыя мѣста. „Да къ соборной же церкви страстотерпца Христова Георгія и чудотворному образу Пречистые Богородицы Корсунскіе дали въ домъ торопчане посадские люди, всѣмъ городомъ, Старой посадъ, за городомъ, на другой сторонѣ Торопы реки“.... „Да въ томъ же ободу нива Борисоглѣбская, да нива Іванна Предтечи, да нива Пятницкая, и тѣми нивами Егорьевскимъ попомъ не владѣть, а владѣть имъ Старымъ посадомъ.“⁶⁴ Въ XVI вѣкѣ, послѣ Егорьев-

⁶³ Св. В. Шуклина Истор.—стат. очеркъ Торопца, стр. 14: „Еще въ XIII столѣтіи въ Торопцѣ упоминается соборъ изъ „дуба“, въ которомъ въ 1239 г. вѣнчался святой Александръ Невскій“....

⁶⁴ См. „Выпись съ тороп. писц. книгъ писма и мѣры Дм. Воейкова да подьячево Фед. Протопопова 136 и 137 году“ въ грамотѣ Коллегіи экономіи, № 12265 (въ А. М. Ю.). Въ подлинной писц. книгѣ (1686 г.) А. И. Монастырева и подьячаго Исаѣ Баскакова (Бн. 478, лл. 472—477) между прочимъ написано: „Соборныя церкви Пречистые Богородицы Корсунскіе да страстотерпца Христова Георгія... Старый посадъ... А по нынешнему писму і мѣре на томъ Старомъ посадѣ пашни середіне земли тринацать четі съ третникомъ въ поле, а въ двѣ потому жъ, сѣна возле озера Соломина і возле пашни на Торопѣ рече—сорокъ семь копенъ“... „къ той церкви Борису и Глѣбу... пашни перелогу три четі“... „нива Іоанна Предтечи... въ той нивѣ пашни паханные середіне земли двѣ четі“... „нива Пятницкая... въ той нивѣ пашни середіне земли двѣ четі безъ третника“... (Въ М. А. М. Юстиціи).

скаго собора, значительнѣйшею изъ торопецкихъ церквей была церковь Борисоглѣбская. Если судить по количеству земли, принадлежавшей этой церкви на Старомъ посадѣ (полторы десятины), то можно предполагать, что она и въ древнее время была болѣе значительной по своимъ размѣрамъ и болѣе богатой, чѣмъ церкви Іоанна Предтечи и Пятницы Параскевы. По всей вѣроятности, она была построена однимъ изъ торопецкихъ князей, происходившихъ изъ рода Ростислава Мстиславича, который въ Смоленскѣ построилъ и богато украсилъ Борисоглѣбскую церковь въ Смядынскомъ монастырѣ. Вообще память свв. Бориса и Глѣба особенно чтилась русскими князьями въ XII и XIII вѣкахъ. Пятницкая церковь, вѣроятно, находилась на торговой площади, расположенной около Малаго городища, подобно тому, какъ и въ другихъ торговыхъ русскихъ городахъ въ древности существовали Пятницкія церкви „на торгу“. Выкапываемыя въ настоящее время на этой площади человѣческія кости—указываютъ мѣсто, гдѣ находилось при этой церкви кладбище.

При церкви Рождества Іоанна Предтечи, существовавшей на Старомъ посадѣ, можетъ быть, находился женскій монастырь, какъ и въ позднѣйшее время въ новомъ посадѣ. Основаніе этого монастыря можетъ быть сопоставлено съ именемъ одной изъ торопецкихъ княгинь, и самое избраніе города Торопца мѣстомъ бракосочетанія Александра Невского можетъ быть объяснено правдоподобіемъ всего пребываніемъ въ немъ вдовы Мстислава Мстиславича Удатнаго, бабки Александра Невского, при которой въ это время, быть можетъ, жила и мать Александра, какъ извѣстно, часто находившаяся не въ ладахъ съ своимъ мужемъ.

Нѣкоторые изъ жителей Торопца сохранили воспоминаніе о существовавшей некогда на Старомъ посадѣ церкви Іоанна Предтечи; они даже указываютъ мѣсто въ южной части города, гдѣ она находилась, и говорятъ, что она была сожжена литовцами.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о внѣшнемъ видѣ церквей, находившихся въ древности на Старомъ посадѣ. Можно утверждать, что всѣ онѣ были деревянные. Судя по слѣдамъ оставшимся отъ церкви Іоанна Предтечи, можно заключить, что она была расположена по склону горы, на обрывистомъ выступѣ ея; имѣла форму узкаго, но довольно длиннаго прямоугольника, съ небольшимъ выступомъ, въ видѣ полукружія, съ восточной стороны. Съ западной стороны при входѣ въ храмъ, находился небольшой необдѣланный камень, съ котораго прямо входили въ дверь храма. При взглядѣ на слѣды древней церкви, является представленіе объ очень бѣдной и непри-

хотливой постройки. Близъ того мѣста, гдѣ была церковь Іоанна Предтечи, обнаруживаются ясныя признаки христіанскаго кладбища. Рассказываютъ, что здѣсь выкапывали иногда человѣческія кости, крестки, серебряныя кольца и тому подобное.

Кромѣ того, близъ древняго города, кажется, существовалъ мужской Никольскій монастырь. Если въ 1211 году княжившій въ Новгородѣ Мстиславъ Мстиславичъ нашелъ возможнымъ отправить въ Торопецъ въ заточеніе архіепископа Матрофана, то надо предполагать, что тамъ былъ уже монастырь, который могъ бы служить ему мѣстомъ заключенія. Въ Никольской церкви, при которой въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ несомнѣнно существовалъ монастырь, на древней иконѣ чудотворца Николая находятся два бѣдныя привѣса: крестикъ и костяная рѣзная панагія, которые, кажется, могутъ быть отнесены къ числу издѣлій XII вѣка. Вѣроятно, древній монастырь находился къ западу отъ древняго Торопца, близъ озера Заливовья. Въ XVII вѣкѣ Никольскому монастырю принадлежалъ находившійся здѣсь „Гольцовъ наволокъ“, занимавшій пространство болѣе 2½ десятинъ.

Такимъ образомъ, въ древнемъ Торопцѣ существовали 4 церкви и, кромѣ того, около города находился мужской монастырь.

Несомнѣнно, что въ городѣ находился также княжескій дворъ. Можно даже предполагать, что верстахъ въ 7 отъ „Старога посада“, въ красивой мѣстности, на берегу озера Соломена, былъ загородный дворъ торопецкихъ князей,—„гай“, какъ тогда на югѣ называли княжескія дачи⁶⁵. Эгогъ „гай“, быть можетъ, былъ расположенъ на мѣстѣ нынѣшней деревни „Городокъ“, вблизи которой существуетъ поселокъ, подъ названіемъ „Подгай“⁶⁶.

Трудно сказать что-нибудь о степени населенности Торопца въ древнее время. Впрочемъ, сохранилось въ лѣтописи подъ 1168 годомъ извѣстіе, которое можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на многолюдство его обитателей. „Тому же лѣту исходящю, на весну, ходи Романъ съ Новгородьци къ Торопцю и пожьгоша дома ихъ и головъ множество полониша“⁶⁷. Въ лѣтописи есть еще замѣтка, сви-

⁶⁵ Ипат. 597.

⁶⁶ Въ М. А. М. Юстиціи, въ грамотѣ Коллегіи Экономін № 12276: Да къ той же соборной церкви написаны пожни: пожня въ Подгае, къ озеру, попа Іваниса зъ братью, сѣна восемь копенъ; пожня тово же Іваниса попа зъ братью, сѣна 8 копенъ; пожня, пониже князины, церковная Пятицкая соборного дьякона Григорья, сѣна 10 копенъ...

⁶⁷ Новгор. 148.

дѣтельствующая, что въ 1337 году все пространство (болѣе 50 десятинъ), занятое древнимъ Торопцемъ, было заселено, и даже низменные мѣста, находившіяся въ чертѣ города, были застроены домами. „Того же лѣта (1337 г.) Москва вся погорѣ, и тогда наиде дождь силенъ и потопа иное все въ погребѣхъ, иное на площадѣхъ, что гдѣ выношено. Того же лѣта и Торопецъ погорѣ и потопа“⁶⁸.

Вышеописанная мѣстность, на которой расположенъ былъ древній Кривитескъ—Торопецъ, около половины XIV вѣка была покинута торопчанами. Они поселились на сосѣднемъ островѣ, за рѣкой Торопой, и на ближайшихъ къ нему низменныхъ берегахъ озера Соломена и рѣки Торопы. Новооснованный городъ въ XV в. былъ окруженъ валомъ съ возвышавшимися на немъ деревянными стѣнами. Судя по количеству дани и другихъ податей, собиравшихся въ то время съ торопчанъ, и по многочисленности городского населенія въ 1540 году, можно заключить, что и на новомъ мѣстѣ Торопецъ уже въ XV вѣкѣ имѣлъ весьма значительное населеніе.

⁶⁸ Новгород. 333.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Очеркъ политической исторіи города Торопца до 1503 года.

О жизни торопчанъ въ древнѣйшую эпоху, предшествовавшую образованію Торопецкаго княжества, извѣстій не сохранилось; но, безъ сомнѣнія, событія, совершавшіяся тогда на Руси, въ большей или меньшей степени отражались на жизни обитателей города Торопца.

Можно предполагать, что торопецкіе кривичи, составлявшіе отдѣльную вѣтвь кривичей, подобно другимъ кривичамъ (исключая смольнянъ) въ IX вѣкѣ входили въ составъ сѣвернаго союза новгородскихъ славянъ, кривичей и финскихъ племенъ, во главѣ котораго стоялъ Новгородъ¹. Когда подъ руководствомъ князей Рюриковичей началось объединеніе восточныхъ славянъ, то въ первое же время (въ 882 году), кажется, встрѣчаются въ лѣтописи торопчане, тогда называвшіеся Кривичами. „Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Веси, Мерю и (всѣ) Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой; оттуда поиде внизъ, и вся Любечъ, и посади мужи свои“². Олегъ, желая распространить свою власть на остальные племена восточныхъ славянъ, собралъ многочисленное войско, но къ Смоленску подступилъ не со всѣмъ войскомъ; онъ взялъ съ собою только родственныхъ и наиболѣе близкихъ смольнянамъ кривичей, жившихъ къ сѣверу отъ нихъ, у которыхъ былъ городъ Кривитескъ, и которые тогда назывались Кривичами. Олегъ не хотѣлъ взять Смоленскъ силою, какъ „взялъ“ Любечъ; онъ надѣялся, что этотъ городъ добровольно признаетъ надъ собою его власть, что его можно будетъ „пріять“. Справедливость такого предположенія о появленіи Олега передъ Смоленскомъ съ незначительнымъ числомъ воиновъ и о мирномъ его занятіи подтверждается народнымъ преданіемъ, находящимся въ Архангелогородскомъ спискѣ

¹ Вслѣдствіе своего положенія на берегахъ З. Двины, Торопецкая земля, кажется, тянула въ то время болѣе къ Полоцку и Витебску, чѣмъ къ Смоленску, который, находясь на Днѣпрѣ, болѣе сближался съ Кіевомъ.

² Лаврент. 22.

лѣтописи и, вѣроятно, заимствованномъ изъ какой-нибудь недошедшей до насъ смоленской лѣтописи ³. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно допустить, чтобы хитрый Олегъ подошелъ къ Смоленску съ цѣлымъ войскомъ, состоявшимъ изъ кривичей, между которыми были малоизвѣстные смольнянамъ новгородскіе и псковскіе кривичи. Вслѣдствіе этого составители позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ совсѣмъ выкинули непонятныя для нихъ слова „съ Кривичи“, а нѣкоторые ученые изслѣдователи приписали ихъ ошибкѣ переписчика, хотя они находятся почти во всѣхъ спискахъ начальной лѣтописи, (кромѣ Ипатьевского) ⁴.

Въ началѣ XII вѣка жители Торопца и его волостей не назывались уже Кривичами. По всей вѣроятности, слова „съ Кривичи“ были взяты составителемъ начальной лѣтописи изъ народнаго преданія о походѣ Олега или изъ записокъ какого-нибудь болѣе древняго лѣтописца, который этими словами обозначилъ, что Олегъ подступилъ къ городу Смоленску только съ родственными смольнянамъ жителями небольшого города Кривитеска, называвшимися въ его время Кривичами. Въ томъ же лѣтописномъ разсказѣ Олегъ и передъ Кіевомъ является съ небольшимъ числомъ воиновъ и посылаетъ сказать Асколду и Диру: „да придѣта к намъ к родомъ своимъ“.

Со времени Олега Кривитескъ находился въ зависимости отъ великихъ князей кіевскихъ; это обнаруживается изъ событій временъ Ярослава I. Въ 1021 году полоцкій князь Брячиславъ задумалъ подчинить себѣ Новгородъ, чтобы владѣнія его не находились между областями, принадлежавшими Ярославу I. Завязавшаяся борьба окончилась побѣдой Ярослава, который однако уступилъ Брячиславу Усвятъ и Витебскъ, думая этимъ способомъ прекратить борьбу навсегда ⁵. Но и послѣ этой уступки кіевскіе князья попрежнему имѣли возможность сообщаться съ Новгородомъ и пользоваться Великимъ

³ Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ російскую исторію отъ 6360/852 до 7106/1598 лѣта. Москва. 1819. Стр. 6 и 7.

⁴ Соловьева Ист. Рос. I, XXX (изд. 1851 г.): „Вмѣсто съ Кривичи, должно читать въ Кривичи: переписчикъ не понялъ, что значить въ Кривичи, тогда какъ прежде сказано, что Олегъ уже шелъ съ Кривичами, и потому написалъ съ Кривичи“.

⁵ П. С. Р. I. VII, 328:... и давъ ему два города Восвячъ и Видбескъ, и рече ему: „буди же со мною заодно“. И воевоша Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего. П. С. Р. I. IX, 77:... и вда ему два града, Свячь и Видбескъ...

воднымъ путемъ чрезъ Торопецкую землю, смежную съ Усвятомъ и Витебскомъ. Если Усвятъ и Витебскъ, непосредственно примыкавшіе къ Полоцкой землѣ, находились до 1021 года во владѣніи кіевскихъ князей, то очевидно, что и Торопецъ былъ подъ ихъ властью.

Начальная лѣтопись и Ростиславова грамота 1150 года ясно свидѣлствуютъ, что Торопецкая земля въ XII вѣкѣ была смоленскою волостью. Но эти же памятники даютъ нѣкоторыя указанія на то, что Торопецъ вошелъ въ составъ Смоленскаго княжества незадолго до времени ихъ составленія. „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княжене въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги, и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже сѣверъ отъ нихъ“⁶. Изъ этихъ словъ видно, что Торопецкая земля, лежавшая по верхнему теченію Двины, входила уже въ составъ той Кривицкой земли, во главѣ которой былъ городъ Смоленскъ. Но есть основаніе думать, что слова „туда бо сѣдять Кривичи, таже сѣверъ (сѣверо, сѣвера) отъ нихъ“—суть слова пояснительныя и относятся къ кривичамъ, а не къ сѣверянамъ. Во всемъ вышеприведенномъ лѣтописномъ отрывкѣ можно находить слѣдующее содержаніе: 1) кривичи живутъ по верхнему теченію Волги, Двины и Днѣпра, 2) у нихъ главный городъ Смоленскъ, 3) тутъ, вокругъ Смоленска, живутъ кривичи, 4) и къ сѣверу отъ нихъ (смолянъ) живутъ тоже кривичи. Подъ послѣдними должно разумѣть жителей Ржевской и Торопецкой земель, въ началѣ XII вѣка уже входившихъ въ составъ области Смоленской; но самая необходимость дѣлать такое поясненіе—указываетъ на то, что прежде обитатели сѣверной части Смоленской земли были независимыми отъ Смоленска. Такъ понималъ это мѣсто начальной лѣтописи и составитель Никоновской лѣтописи, во всѣхъ спискахъ которой находятся слова: „туда живутъ Кривичи, таже на Северъ отнихъ сѣдять“⁷.

Уставная грамота 1150 года уже прямо называетъ Торопецъ въ числѣ смоленскихъ волостей⁸. Но внимательное разсмотрѣніе этой грамоты приводитъ къ предположенію, что Торопецкая земля была присоединена къ Смоленску незадолго до 1150 года и что прежде

⁶ Въ Лаврент. 10: „туда бо сѣдять Кривичи. Таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣозерѣ, сѣдять Вѣсь... Ипат. 6:... туда бо сѣдять Кривичи. Таже сѣвера отъ нихъ, на Бѣлѣозерѣ, сѣдять Вѣсь...

⁷ Рус. лѣт. по Никонову списку I, 8.—⁸ Доп. къ Актанъ истор. I, № 4.

она была самостоятельна или принадлежала какой-нибудь иной землѣ, но не Смоленской.

На это указываютъ, напримѣръ, то, что Торопецъ платилъ дань въ весьма значительномъ размѣрѣ—400 гривенъ, гораздо болѣе коренныхъ смоленскихъ областей, а также и то, что городъ Торопецъ платилъ еще и погородіе, тогда какъ внутренніе, собственно смоленскіе города платили только погородіе, а нѣкоторые (Красный, Васильевъ) ничего не платили; ничего не платилъ князю и главный городъ Смоленскъ.

Итакъ, Торопецъ находился въ зависимости сначала отъ Новгорода, затѣмъ непосредственно отъ Кіева, потомъ—отъ Кіева чрезъ посредство Смоленска, находившагося въ то время въ самой тѣсной связи съ Кіевомъ. При этомъ Торопецкая земля была сначала волостью смоленскою, а потомъ однимъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ княжествъ. Впослѣдствіи, когда Кіевъ потерялъ значеніе главнѣйшаго изъ русскихъ городовъ, и когда болѣе сильною на Руси землею сдѣлалась земля Владиміро-Суздальская, тогда и въ Торопцѣ появляются великіе князья владимірскіе Ярославъ Всеволодовичъ и Александръ Невскій—въ качествѣ его защитниковъ и, вѣроятно, обладателей. Такъ какъ Торопецкая земля находилась при Великомъ водномъ пути и въ срединѣ между всѣми главными русскими областями, то обладаніе ею было настолько важно, что болѣе сильное въ данное время княжество не могло оставить Торопецъ во власти какого-нибудь другого княжества.

Неизвѣстно, въ чемъ выражалась зависимость Торопца отъ Новгорода и Кіева; можно только догадываться, что она была очень слаба. По всей вѣроятности, Торопецкая земля въ эту эпоху оставалась попрежнему самоуправляющеюся „землею“. Но съ начала XII вѣка и до образованія Торопецкаго княжества она должна была находиться совсѣмъ въ иномъ положеніи. Она сдѣлалась „волостью“ той земли, о которой между прочимъ сказано: „Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ пригорода ставятъ“⁹. Въ это время Торопецъ уже не могъ оставаться вполне самостоятельнымъ и долженъ былъ во многомъ подчиняться рѣшеніямъ смоленскаго вѣча. Когда же, въ періодъ дробленія Руси на удѣлы, изъ сѣверной половины Смоленской области образовалось отдѣльное княжеское владѣніе, то естественно, что во главѣ этого вновь образованнаго княжества сталъ городъ Торопецъ.

⁹ Лаврент. 358.

Трудно опредѣлить точно время образованія Торопецкаго княжества. Можно предполагать, что Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій отдѣлилъ Торопецкую волость своему сыну Мстиславу въ 1159 году, когда онъ избранъ былъ на великокняжескій кievскій столъ. Но скорѣе слѣдуетъ думать, что это случилось 8 годами позднѣе. Ростиславъ Мстиславичъ незадолго до смерти своей, послѣдовавшей 14 марта 1167 года, ѣхалъ изъ Смоленска въ Новгородъ, чтобы примирить своего сына Святослава съ новгородцами. Въ это время зимняя дорога изъ Смоленска въ Новгородъ лежала гораздо сѣвернѣе города Торопца ¹⁰, а между тѣмъ Ростиславъ свернулъ съ прямого пути и заѣхалъ въ Торопецъ ¹¹. Къ концу своего княженія Ростиславъ, желая примирить князей, какъ извѣстно, надѣлилъ волостями всѣхъ младшихъ родичей. Естественно, что онъ долженъ былъ надѣлить волостью и своего собственнаго сына, которому предназначалъ Торопецкую землю. Необходимо было спѣшить образованіемъ новаго Торопецкаго княжества, потому что во время пребыванія въ Торопцѣ Ростиславъ опасно занемогъ, такъ что не могъ уже продолжать свой путь до Новгорода, до котораго оставалось еще около 280 верстъ. По всей вѣроятности, къ этому времени, то есть къ началу 1167 года, слѣдуетъ отнести образованіе Торопецкаго княжества, первымъ княземъ котораго былъ, несомнѣнно, Мстиславъ Ростиславичъ, прозванный Храбрымъ.

Со времени образованія Торопецкаго княжества, когда городъ Торопецъ сталъ во главѣ нѣсколькихъ земель, его военное и политико-административное значеніе естественно расширилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ Торопецъ, уже ранѣе бывшій значительнымъ торгово-промышленнымъ городомъ, теперь, ставши во главѣ обширной области, не имѣвшей, кромѣ него и Жижица, городовъ, долженъ былъ еще болѣе разбогатѣть и усилиться, завязавши торговые связи съ вновь присоединенными, потянувшими къ нему, волостями.

¹⁰ Тороп. межеван. кн. 1629—30 гг., въ А. М. Юсѣ. писц. кн. 552, л. 490: Межа Константина Обрабова сына Непейцына помѣстью въ Казаринской волости селцу Кленницы: отъ Петрова да отъ Иванова помѣстья Козловыхъ учинена отъ озера отъ Жабера отъ тони Поддубной прямо на большую дорогу, что ѣзживали прѣжъ сего отъ Смоленска въ Великой Новгородъ...

¹¹ Ипат. 362: ...иде Смоленську... велии обрадовашася вси приходу его, и множество даровъ подаяша ему; и оттудѣ въ Торопецъ. И оттудѣ посла къ сыну Святославу Новгороду, веля ему възѣхати противу себѣ на Луки,—бѣ бо уже Ростиславъ нѣ здравуя велии, и ту спинася на Лукахъ съ сыномъ и с Новгородци..

Торопецкое княжество образовалось въ то время, когда на Руси съ особенной силой проявилось стремленіе областей къ обособленію, совпавшее съ размноженіемъ потомства Ярослава I. Торопецкая земля, и прежде находившаяся въ слабой зависимости отъ Смоленска, теперь сдѣлалась вполне самостоятельной и въ лицѣ Мстислава Храбраго, самаго блестящаго представителя князей той эпохи, приобрѣла своего собственнаго, Торопецкаго князя. Но сближеніе съ этимъ отважнымъ и предприимчивымъ княземъ увлекло торопчанъ въ самый водоворотъ бурныхъ событій того времени.

Въ первые годы существованія Торопецкаго княжества, въ 1167 и 1168 годахъ, Торопецъ, если не былъ мѣстомъ постояннаго жительства Мстислава Храбраго, то во всякомъ случаѣ часто былъ имъ посѣщаемъ, потому что въ это время онъ жилъ на сѣверѣ ¹².

Въ 1167 году смольняне, въ числѣ которыхъ были, вѣроятно, и торопчане, подъ предводительствомъ Романа и Мстислава Ростиславичей, изъ Торопца совершили походъ на Вел. Луки, а затѣмъ, вмѣстѣ съ суздальцами и полочанами, дошли почти до города Русы, но принуждены были отступить. 14 апрѣля слѣдующаго 1168 года въ Новгородъ пріѣхалъ выбранный новгородцами князь Романъ Мстиславичъ, сынъ великаго князя кіевскаго. Въ томъ же году предпринялъ онъ походъ на полочанъ и опустошилъ ихъ землю. Нападенія должны были ожидать и торопчане, но новгородцы на этотъ разъ удовольствовались тѣмъ, что отомстили полочанамъ ¹³.

Наступилъ 1169 годъ. Мстиславъ не могъ уклониться отъ участія въ рѣшительныхъ событіяхъ, готовыхъ совершиться на югѣ, и отправился съ старшимъ братомъ Романомъ и съ смольнянами, между которыми, вѣроятно, находились и торопчане, къ Вышгороду, назначенному сборнымъ пунктомъ для войскъ; оттуда въ мартѣ 1169 года войска союзниковъ двинулись къ Кіеву и взяли его ¹⁴.

¹² Что въ это время Мстислава не было на югѣ, это видно изъ слѣдующаго: 1) Мстиславъ, участвовавшій въ 1166 году въ походѣ русскихъ князей для защиты „гречниковъ“ отъ половцевъ, въ такомъ же походѣ 1167 года не принималъ участія; 2) при вступленіи на великокняжескій престолъ Мстислава Изяславича и во время несогласій, происходившихъ между нимъ и Ростиславичами, упоминаются въ лѣтописи только Давыдъ и Рюрикъ Ростиславичи; 3) точно также не упоминается въ лѣтописи Мстиславъ Храбрый и въ началѣ 1169 года, когда, при приближеніи къ Кіеву войскъ Андрея Боголюбскаго и Романа Смоленскаго, Рюрикъ и Давыдъ послали отрядъ за Михаиломъ Юрьевичемъ, отправленнымъ съ Черными Блобуками къ Новгороду.

¹³ Ипат. 361, 365, 366, 368—372.

¹⁴ Ипат. 372: „Романъ изъ Смоленска, Володимиръ Андрѣевичъ изъ Доро-

Но въ то самое время, какъ смольняне и торопчане съ своими князьями приближались къ Кіеву, новгородцы,—съ цѣлью отвлечь смольнянъ отъ Кіева и вмѣстѣ съ тѣмъ отмстить имъ за недавнее опустошеніе своихъ волостей,—въ февралѣ 1169 года сдѣлали нападеніе на беззащитную Торопецкую землю, сожгли самый городъ Торопецъ и увели въ плѣнъ много торопчанъ. „Тому же лѣту (6676) исходящю, на весну, ходи Романъ съ Новгородьци къ Торопцю и пожгоша дома ихъ и головъ множество полонина“¹⁵.

Мстить за разореніе своихъ волостей—было въ обычаѣ того времени¹⁶, поэтому смоленскому и торопецкому князьямъ не слѣдовало отправляться на югъ, въ виду возможности нападенія новгородцевъ на ихъ волости.

Опустошеніе новгородцами Полоцкой земли, случившееся за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, и посылка изъ Кіева къ Новгороду отряда Черныхъ Клобуковъ—должны были показать Ростиславичамъ, что для нихъ всего необходимѣе было позаботиться объ оборонѣ сво-

гобужа, Рюрикъ изъ Вручего, Давыдъ изъ Вышегорода, братъ его Мстиславъ, Олегъ Святославичъ... Лавр. 336:... Рюрикъ с братомъ съ Мстиславомъ... Это мѣсто, доказывающее участіе Мстислава Храбраго въ походѣ на Кіевъ, указываетъ и на то, что онъ не имѣлъ въ то время волости на югѣ и что, по всей вѣроятности, онъ былъ княземъ торопецкимъ и въ 1173 г. подъ Вышеградомъ начальствовалъ надъ дружиной Давыда.

¹⁵ Новгород. 148. Въ Тверской лѣтописи: „ходи съ Новгородци къ Торопцу и пожгоша хоромы и головъ множество поимаша (П. С. Р. Л. XV, 240). Въ Никоновскомъ сборникѣ (П. С. Р. Л. IX, 236): „Того же лѣта пакы Новгородци ходиша со княземъ своимъ Романомъ Мстиславичемъ ратію къ Торопцу, и села и власти пожгоша, и многое множество плѣниша, возвратишася восвояси“. Что въ Новгород. лѣтописи (въ которой находится самое вѣрное и точное извѣстіе объ этомъ нападеніи на Торопецъ) говорится о соженіи домовъ горожанъ,—это видно изъ слѣдующихъ словъ той же самой Первой Новгород. лѣт.: „и пожгоше Новыи тѣргъ, а Новотѣржци отступиша къ Новгороду, и много пакости творяше домоу ихъ, и села ихъ потрати“ (Новгород. 147).

¹⁶ Въ ту эпоху было въ обыкновеніи жтѣть за разореніе своихъ волостей. Указаній на это въ лѣтописи много, напримѣръ: „...и тако ополонившеся челядью и скотомъ и отиштившеся возвратишася во свояси“ (1196 г.)... Романъ пожегъ волость ихъ и отоштившеся возвратишася восвояси (Ипат. 468 и 471). О Мстиславѣ Ростиславичѣ Храбромъ: „и вложи Богъ въ сердце Мстиславу мысль благу пойти на Чюдь, и созва мужи Новгородскыи и рече имъ: „брате! се обидятъ ны поганіи; а быхомъ, узрѣвше на Богъ и на святой Богородици помощь, помыслили себе и свободнии быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ“. И бы любя рѣчь его всиимъ мужемъ Новгородскимъ (Ипат. 411).

ихъ собственныхъ областей. Ихъ ошибка тяжело отозвалась на нечастныхъ жителяхъ Торопца. Впрочемъ, торопчане, не умѣвшіе прощать врагамъ свои обиды, уже въ слѣдующемъ году рѣшились на попытку отмстить за своихъ убитыхъ и плѣнныхъ согражданъ и за разореніе родного города: они приняли дѣятельное участіе въ войнѣ Андрея Боголюбскаго съ Великимъ Новгородомъ.

Въ началѣ 1170 года суздальцы и ихъ союзники, между которыми были и торопчане съ своимъ княземъ Мстиславомъ Ростиславичемъ¹⁷, вступили въ Новгородскую область и на протяженіи 300 верстъ жгли новгородскія села, убивали или брали въ плѣнъ жителей, захватывали скотъ и имущество и наконецъ подступили къ Новгороду. Въ теченіе четырехъ дней происходили ожесточенныя схватки съ осажденными. Самый продолжительный и рѣшительный бой былъ на четвертый день, 25 февраля 1170 года. Въ этомъ бою особенную храбрость проявилъ князь Мстиславъ (по всей вѣроятности Мстиславъ Торопецкій)¹⁸, который вѣхалъ даже въ городскія ворота и убилъ нѣсколько мужей, но однако былъ принужденъ возвратиться къ своимъ. Къ вечеру новгородцы одолѣли и суздальцы отступили. Это отступление по странѣ, ими же самими передъ тѣмъ опустошенной, какъ извѣстно, было очень гибельно для союзниковъ¹⁹. Несчастливъ былъ этотъ походъ для торопчанъ, но имъ всетаки удалось отмстить новгородцамъ: область ихъ была совершенно разорена, и въ ней, вслѣдъ за этой войной, начался страшный голодъ.

Дѣятельное участіе торопчанъ въ войнѣ 1170 года указываетъ на преувеличенность лѣтописнаго сообщенія о множествѣ плѣнниковъ, взятыхъ въ Торопцѣ въ предѣдущемъ году, и вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что многіе торопчане въ 1169 году дѣйствительно участвовали въ походѣ на Кіевъ, и потому не попали въ плѣнъ новгородцамъ, сдѣлавшимъ нападеніе на ихъ городъ, и могли въ слѣдующемъ году въ значительномъ числѣ отправиться въ походъ на Новгородъ.

Въ Степенной книгѣ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ сообщается объ участіи въ этомъ походѣ 72 князей; но изъ нихъ поименовывается только 3 князей и между ними Мстиславъ Храбрый;

¹⁷ О составѣ ополченія самое точное и правильное извѣстіе находится въ Первой Новгородской лѣтописи: „придоша подъ Новгородъ Суздальцы съ Андреевичемъ, Романъ и Мстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцаны, Муромьци и Рязаньци съ двема князьми, Полоцьскый князь съ Полоцьяны, и вся земля престо Русьская“ (Новгор. 149).

¹⁸ Соловьева Ист. Рос. II, прим. 386 (изд. 1862 года).—¹⁹ Ипат. 382.

князь торопецкій. Кромѣ того, почти во всѣхъ лѣтописяхъ торопчане упоминаются въ числѣ участниковъ похода стѣльно отъ смолянъ. Это даетъ право заключить, что торопчанъ подъ стѣнами Новгорода было много, и что они, предводимые своимъ героемъ княземъ, выказали и здѣсь ту выдающуюся храбрость, которою всегда отличались. Замѣчаемое въ лѣтописяхъ обособленіе торопчанъ отъ смолянъ, у которыхъ княземъ въ это время былъ Романъ Ростиславичъ, служить лучшимъ доказательствомъ, что въ 1170 году уже существовало самостоятельное Торопецкое княжество со своимъ отдѣльнымъ княземъ, Мстиславомъ Ростиславичемъ.

Послѣ похода 1170 года о Торопцѣ въ лѣтописяхъ даже не упоминается до 1209 года. Въ послѣдующее время, съ 1209 по 1228 годъ, то есть до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго, рѣдко упоминается Торопецъ; собственно о торопчанахъ встрѣчаются извѣстія только объ участіи ихъ въ походѣ 1214 года на Чудь, въ преслѣдованіи литовцевъ, разорившихъ Торопецкую землю въ 1226 году, и въ послѣдовавшей за тѣмъ битвѣ при Усвятѣ. Такой недостатокъ извѣстій о торопчанахъ заставляетъ пополнить, насколько возможно, этотъ пробѣлъ лѣтописными свѣдѣніями о дѣятельности торопецкихъ князей, въ надеждѣ такимъ путемъ составить себѣ хотя какое-нибудь представление о состояніи Торопецкаго княжества и о жизни торопчанъ въ этотъ періодъ времени.

Въ 1172—1173 годахъ, во время своей геройской борьбы съ Андреемъ Боголюбскимъ, Мстиславъ Храбрый, повидимому, не имѣлъ волости на югѣ и подъ Вышеградомъ предводительствовалъ полкомъ своего брата Давыда²⁰; это обстоятельство заставляетъ предполагать, что онъ въ это время еще былъ торопецкимъ княземъ. Но въ 1175 году онъ сдѣлался княземъ смоленскимъ; въ 1179—1180 гг. онъ княжилъ въ Новгородѣ. Хотя можно допустить, что въ это время Мстиславъ имѣлъ большое вліяніе на дѣла въ Торопецкомъ княжествѣ, какъ это было позднѣе, при подобныхъ обстоятельствахъ, при его сынѣ, но торопецкимъ княземъ былъ тогда, по всей вѣроятности, какой-нибудь другой князь.

Передъ смертію (1180 г.) Мстиславъ Храбрый отдалъ своего младшаго сына Владимира на попеченіе боярину Борису Захарьевичу, бывшему приближеннымъ лицомъ еще къ отцу Мстислава, Ростиславу Мстиславичу²¹; затѣмъ и Бориса Захарьевича, и Владимира „отдалъ

²⁰ Ипат. 406.—²¹ Ипат. 364.

на руки" братьям своимъ Рюрику и Давиду. Вѣроятно, подобнымъ же образомъ поступилъ онъ и относительно своего другого сына, Мстислава Мстиславича²². По крайней мѣрѣ года черезъ два Мстиславъ владѣлъ Треполемъ и находился на попеченіи боярина Сдеслава Жирославича. При этомъ полки малолѣтнихъ князей, Мстислава и Владимира Мстиславичей, предводительствуемые Борисомъ Захарьевичемъ и Сдеславомъ Жирославичемъ, находились въ полномъ распоряженіи великаго князя Рюрика Ростиславича. Лѣтъ черезъ 13 послѣ этого, Мстиславъ Мстиславичъ, уже взрослый, еще не разставался съ „мужемъ своимъ“ Сдеславомъ Жирославичемъ и попрежнему владѣлъ Треполемъ²³. Въ 1207 году онъ храбро защищалъ Торческъ отъ войскъ Всеволода Чермнаго, однако принужденъ былъ сдать городъ и покинуть югъ до 1214 года²⁴. По необходимости долженъ былъ Мстиславъ поселиться въ Торопцѣ, въ „своей волости“.

Въ то время какъ онъ княжилъ въ Торопцѣ, недовольство новгородцевъ своимъ княземъ Святославомъ и его отцомъ Всеволодомъ III достигло крайнихъ предѣловъ, и въ 1209 году нѣкоторые изъ новгородцевъ завязали тайныя сношенія съ Мстиславомъ, прося его о помощи. Мстиславъ Торопецкій, всегда поддерживавшій „старый бытъ старыхъ городовъ“, рѣшился и на этотъ разъ выступить защитникомъ старинныхъ новгородскихъ правъ отъ незаконныхъ притязаній Святослава. Съ своей дружиной явился онъ въ Торжеѣ, схватилъ Святославовыхъ бояръ и посадника, приверженца Святослава, и послалъ сказать новгородцамъ: „пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ насиліе отъ князя, жаль ми своея отчины“. Новгородцы заключили Святослава подъ стражу и пригласили Мстислава княжить въ Новгородѣ. Тотчасъ по его пріѣздѣ, новгородцы вооружились и отправились въ походъ на суздальцевъ. Всеволодъ выслалъ противъ нихъ войско, во главѣ котораго были его сыновья Константинъ, Юрій и Ярославъ. Но до сраженія дѣло не дошло: князья заключили договоръ, по которому вмѣсто Святослава новгородскимъ княземъ сдѣлался его братъ Вла-

²² Ипат. 412: „се приказываю дѣти свое Володимѣра Борисови Захарьичю, и со снѣмъ даю брату Рюрикови и Давыдови с волостью на руцѣ; а что е мнѣ Богъ промыслить“. И тако приказавъ дѣти свои братьѣ своей и воздѣвъ руцѣ... Здѣсь какъ будто что-то пропущено: въ первоначальномъ спискѣ лѣтописи, быть можетъ, помѣщено было распоряженіе и относительно Мстислава Мстиславича („и тако приказавъ дѣти свои“...)

²³ Ипат. 420, 421, 455, 478.

²⁴ Лаврент. 408. Подробнѣе у Татищева III, 352—353.

димиръ, Мстиславъ же Мстиславичъ долженъ былъ возвратиться въ свой Торопецъ.

Однако и при новомъ князѣ въ Новгородѣ продолжали господствовать прежніе „суздальскіе“ порядки. Недовольство поведеніемъ князя Владимира Всеволодовича все болѣе и болѣе усиливалось, и уже въ слѣдующемъ 1210 году новгородцы вновь призвали къ себѣ Мстислава Торопецкаго, Владимиръ же, опасаясь участи брата, поспѣшилъ уѣхать къ отцу²⁵. Такимъ образомъ Мстиславъ надолго утвердился на новгородскомъ княжескомъ престолѣ.

Можно предполагать, что Мстиславъ и Владимиръ, сыновья Мстислава Храбраго, долгое время княжили въ Торопцѣ и вслѣдствіе этого постоянно удерживали за собою прозваніе „Торопецкій“, даже тогда, когда княжили въ другихъ земляхъ²⁶. Но несомнѣнно, что въ 1207—1210 годахъ торопецкимъ княземъ былъ Мстиславъ Мстиславичъ. Въ 1210 году Мстиславъ Мстиславичъ, отправляясь на княженіе въ Новгородъ, кажется, назначилъ торопецкимъ княземъ своего брата Владимира. Если это было такъ, то Владимиру недолго пришлось княжить въ Торопцѣ: уже въ слѣдующемъ 1211 году Мстиславъ счелъ необходимымъ перемѣстить его въ Великіе Луки, для лучшей обороны новгородскихъ владѣній отъ нападеній литовцевъ²⁷.

Съ 1211 по 1225 годъ торопецкимъ княземъ былъ Давидъ. По всей вѣроятности, онъ былъ двоюроднымъ братомъ Мстислава Торопецкаго и роднымъ братомъ Владимира Рюриковича, друга и постоянного, неизмѣннаго союзника Мстислава Мстиславича во всѣхъ его предпріятіяхъ²⁸.

²⁵ Лаврент. 413.—Новгор. 192 и 193.—Воскр. П. С. Р. Л. VII, 116. Никон. П. С. Р. Л. X, 60 и 61.—Татищева III, 366—370.—Соловьева въ Чтен. ист. и др. росс. (1846 г.) № 1, 56, 57 и 116.

²⁶ П. С. Р. Л. VII, 116: Тогда (1208 г.), на зиму, „Новгородци приведоша къ себѣ князя Мстислава Торопецкаго. Лаврент. 424: „и слышавше я Русетин князи, Мстиславъ Быевскій, и Мстиславъ Торопичскій и Черниговскій, и прочіи, одумаша ити на нѣ“ (разсказъ о битвѣ на Калкѣ). Въ Воскрес. спискѣ: „Преставися Мстиславъ Мстиславичъ князь Торопецскій, княживъ въ Галичи, и поиде въ Кіевъ, разболѣ же оя на пути и пострижесе въ схиму, и тако преставися“ (П. С. Р. Л. VII, 134).—О Владимирѣ Мстиславичѣ: „Изгнаша Псковичи отъ себе князя Володимира Торопецкаго“... (П. С. Р. Л. IV, 20). „Изгнаша отъ себя Псковичи князя литовскаго Володимира Торопецкаго“... (П. С. Р. Л. V, 177).—²⁷ Новгород. 193.

²⁸ Въ разсказѣ о походѣ Мстислава Мстиславича на чудь-Ереву въ 1214 г. (Новгор. лѣт. 195) въ заключеніе прибавляется: „быша же ту и Пльсковскимъ

Съ 1210 года по 1218 (съ небольшимъ перерывомъ) Мстиславъ княжилъ въ Новгородѣ, и торопецкими князьями въ то время были Владимиръ Мстиславичъ и Давидъ Рюриковичъ; но и тогда Мстиславъ не терялъ связи съ Торопцемъ, и его значеніе въ Торопецкомъ княжествѣ было сильнѣе, чѣмъ значеніе самихъ тогдашнихъ торопецкихъ князей, бывшихъ въ сущности лишь его намѣстниками. Въ 1211 году Мстиславъ отправилъ въ заточеніе архіепископа Митрофана, принадлежавшаго къ враждебной ему суздальской партіи, именно въ городъ Торопецъ, на преданность жителей котораго онъ вполне могъ положиться. Въ 1216 году, когда торопецкимъ княземъ былъ Давидъ, князь новгородскій Мстиславъ Мстиславичъ, вступивши въ предѣлы Торопецкаго княжества, по словамъ лѣтописи, „въише въ свою волость“ и позволилъ своимъ воинамъ брать, сколько нужно, хлѣба и фуража, только людей въ плѣнъ не забирать. При этомъ городокъ Ржевка (Ржевъ на Волгѣ), находившійся на восточной окраинѣ Торопецкаго княжества, называется городомъ Мстиславовымъ, и его защищаетъ Мстиславовъ воевода Ярунъ во главѣ Мстиславовой дружины. Въ 1216 году враги Мстислава хорошо знали, что, сдѣлавши нападеніе на Торопецкую землю, можно было всего болѣе ему повредить²⁰.

Такимъ образомъ Владимиръ и Давидъ, бывшіе торопецкими князьями при жизни Мстислава, не могли имѣть большого значенія для Торопца. Но большое вліяніе на жизнь и дѣятельность торопчанъ должны были оказать два Мстислава, отецъ и сынъ, эти „самые блестящіе

князь Всеволодъ Борисовичъ съ Пльсковичи, и Торопыцкыи князь Давидъ Володимириъ братъ“. Еслибы Давидъ былъ роднымъ братомъ Мстислава и Владимира Мстиславичей Торопецкихъ, то въ приведенномъ лѣтописномъ извѣстіи вмѣсто словъ „Володимириъ братъ“ скорѣе слѣдовало бы ожидать „Мстиславъ братъ“, и тѣмъ болѣе, что въ этомъ мѣстѣ выше упоминается только о Мстиславѣ Мстиславичѣ, который былъ притомъ предводителемъ всего войска и душою всего этого военного предпріятія. Можно указать также и на предсмертное распоряженіе Мстислава Храбраго, въ которомъ о Давидѣ ничего не сказано (Ипат. 412).

²⁰ Новгород. 200 и 201: „Мстиславъ же поиде Серегеремъ и въише въ свою волость, и рече Новгородьцемъ: идѣте въ зажитіа, толико головъ не смѣйте;—идоша, исполнишася кърна и сами и кони и быша върху Вълзѣ, осѣла Святославъ Ржевку, городъ Мстиславъ“... Въ лѣтописи по Воспрес. списку: „... и тако начаша воевати волость Торопецкую изъ Торжну“... (П. С. Р. Л. VII, 120).

представители старой, юго-западной Руси“, которые „хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями и вмѣстѣ старый быть старыхъ городовъ“²⁰.

Чѣмъ были Мстиславы для торопчанъ?

Отвѣтомъ на это могутъ служить слѣдующія слова современника Мстислава Ростиславича по поводу его смерти: „не бѣ бо тоѣ землѣ в Руси, которая же его не хоташеть ни любяшеть... и плакашеса по немъ вся земля Руская, не може забыть доблести его, и Чернии Клобуци вси не могутъ забыть приголубления его“²¹. Лѣтописныя извѣстія о княженіи Мстислава Мстиславича въ Новгородѣ также указываютъ на народную къ нему любовь и на то, что онъ стоялъ за неприкосновенность народныхъ правъ и съ уваженіемъ относился къ народному вѣчу и его постановленіямъ²². Народное расположеніе къ торопецкимъ князьямъ изъ рода Ростислава Мстиславича еще болѣе возрастало вслѣдствіе необыкновеннаго благородства ихъ характера и выдающейся храбрости. Къ нимъ ко всѣмъ приложимы слова кievскаго лѣтописца, сказанныя о Мстиславѣ Ростиславичѣ: „Мстиславъ бо отъ уности навекъ баше не уполошится никогоже, но токмо Бога единого блюстися“²³. Можно быть увѣреннымъ, что и торопчане съ большою любовью относились къ этимъ своимъ князьямъ, не боявшимся никого, кромѣ Бога, и постоянно поддерживавшимъ народное самоуправленіе. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что оба Мстислава были могущественными защитниками Торопецкой земли отъ нападенія враговъ. Несомнѣнно также, что эти доблестные князья, сохраняя дружественныя отношенія къ смоляннамъ и постоянно находясь въ тѣсной связи съ Ростиславичами, навсегда доставили Торопцу полную политическую независимость отъ Смоленска, тогда какъ до нихъ Торопецкая земля была одною изъ смоленскихъ волостей.

Послѣ торопецкихъ князей изъ рода Ростислава ясно обнаруживается полная отчужденность Торопца отъ Смоленска и постоянное внимательство князей владиміро-суздальскихъ въ дѣла Торопца. О

²⁰ Соловьева Ист. Рос. II, 325 (3-е изд.).—²¹ Ипат. 414.

²² Полевое вѣче на походѣ въ 1214 г. (Новг. 196), его слова: „пришлъ есмь къ вамъ, слышавъ насилъе отъ князь, и жалъ ми своя отчины“... „а вы вальны въ князьяхъ“... (Новгор. 192 и 197).

²³ П. С. Р. Л. II, 121. Троицкая лѣтопись: „ци зримъ оже при нашихъ полцѣхъ тѣхъ мало Ростислава племяни, да князи мудри суть и ряди и хобри, а мужи ихъ Новгородци и Смоленци дерзи къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаста въ томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изво вѣхъ“ (П. С. Р. Л. I, 212).

торопецких князьях нѣтъ никакихъ извѣстій, а князя Ярославъ Всеволодовичъ, Александръ Невскій и его сынъ Василій являются для Торопца тѣмъ, чѣмъ былъ прежде Мстиславъ Мстиславичъ въ то время, когда княжилъ въ Новгородѣ или въ Галичѣ. Это обстоятельство находитъ объясненіе въ ихъ родственной связи съ Мстиславомъ Торопецкимъ. Въ 1214 году Ярославъ женился на Ростиславѣ-Феодосіи, дочери Мстислава ³⁴. Извѣстно, какъ много заботился Мстиславъ о лучшемъ устройствѣ своихъ дочерей Маріи и Анны, выданныхъ замужъ за Даниила Романовича и за венгерскаго королевича Андрея. Онъ имѣлъ особенныя основанія похлопотать о судьбѣ Феодосіи и ея малолѣтнихъ сыновей, такъ какъ не могъ надѣяться на своего зятя Ярослава, котораго онъ отъ всей души презиралъ. Нелюбимая и обижаемая Ярославомъ княгиня Феодосія даже не всегда жила вмѣстѣ съ своимъ мужемъ ³⁵. Очень правдоподобно, что Мстиславъ отдалъ ей и ея сыновьямъ Торопецкую волость со всѣми своими доходами и имѣніями (княжескими селами). Вотъ причина, почему Ярославъ, а потомъ и сынъ его Александръ Невскій, при всякомъ нападеніи на Торопецкую землю, непременно являлись на помощь. Во всякомъ случаѣ, что-то крѣпко связывало Феодосію и ея сына Александра съ Торопцемъ. Это выразилось между прочимъ и въ томъ, что бракосочетаніе Александра было совершено въ Торопцѣ. „Ожепися князь Олександръ, сынъ Ярославъ, в Новѣгородѣ: поя в Полотскѣ у Брячслава дщерь і вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую“ ³⁶.

Со второй половины XIII вѣка начинается эпоха, отличающаяся крайней скудостью дошедшихъ до насъ историческихъ свѣдѣній даже о самыхъ значительныхъ городахъ.

³⁴ Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго: Ведена быс Ростислава из Новгорода, дщи Мстислава Мстиславича за Ярослава, сына великого князя Всеволода въ Переяславль Суздальскыи“ (Времен. кн. 9, стр. 111).

³⁵ Еще въ 1216 году Мстиславъ взялъ свою дочь отъ Ярослава (Новгор. 204. Троицк. 215 (П. С. Р. Л. I, 215) Татищ. III, 385). Потомъ состоялось примиреніе; въ 1218 г. родился Феодоръ, а 30 мая 1219 года Александръ (Татищ. III, 423). Но и впослѣдствіи Ростислава жила иногда отдѣльно отъ мужа. Такъ напр.: въ 1240 году „выиде князь Олександръ из Новгорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвся съ Новгородци“ (Новгор. 258). Въ 1244 году „преставися княгини Ярославля, пострѣгшися у святаго Георгия в монастыри (Новгор. 263). Слѣдовательно и умерла въ Новгородѣ, живя вмѣстѣ съ Александромъ, вдали отъ мужа.

³⁶ Новгор. 252.

Въ столѣтіе, слѣдовавшее за смертью Александра Невского, въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій о Торопцѣ, кромѣ упоминанія о пожарѣ и наводненіи 1337 года. Остается неизвѣстнымъ, кто княжилъ тогда въ Торопцѣ; даже неизвѣстно, были ли тамъ князья въ этотъ періодъ времени. Но несомнѣнно, что въ это время подготовлялось подчиненіе Торопца Литвѣ.

При торопецкихъ князьяхъ Ростиславичахъ литовцы были еще слабы и разрознены; но зато въ первую четверть XIII вѣка шла упорная борьба между нѣмцами и русскими изъ-за господства надъ туземными обитателями Прибалтійскаго края. Торговые интересы принудили и торопчанъ принять дѣятельное участіе въ этой борьбѣ. Такъ въ 1214 году, когда Мстиславъ Мстиславичъ съ 15000-мъ отрядомъ новгородцевъ отправился походомъ на Чудь, жившую въ западной части нынѣшней Эстляндской губерніи, то и торопчане, подъ предводительствомъ своего князя Давида Рюриковича, охотно пошли за „удатнымъ“ княземъ Мстиславомъ, незадолго передъ тѣмъ княжившимъ у нихъ въ Торопцѣ.³⁷ Походъ 1214 года не былъ единственнымъ походомъ торопчанъ на Чудь. Въ хроникѣ Генриха Латыша разсказывается, что когда полоцкій князь Владимиръ, по призыву эстовъ созвалъ войско, состоявшее изъ русскихъ и литовцевъ, и всѣ уже готовы были къ выступленію въ походъ, Владимира постигла внезапная смерть, а войско его будто бы разсѣялось и возвратилось въ свою землю.³⁸ Надо думать, что между русскими, явившимися на призывъ Владимира, были и торопчане; иначе невозможно объяснить, почему они и ихъ князь Давидъ въ 1216 году не принимали участія въ оборонѣ своей Торопецкой земли отъ нападенія суздальцевъ,³⁹ а также въ Липецкой битвѣ (и во всѣхъ послѣдовавшихъ событіяхъ). Въ то время, когда новгородцы, псковичи и смолянне вели борьбу съ суздальцами, нѣмцы съ ливами и латышами, пользуясь междоусобіями русскихъ князей, опустошали русскія земли. Только по окончаніи междоусобія Владимиръ Рюриковичъ Смоленскій съ своими союзниками поспѣшилъ въ Ливонію, а Мстиславъ Мстиславичъ отправилъ туда отрядъ новгородцевъ подъ начальствомъ Всеволода Мстиславича.⁴⁰

³⁷ Новгород. 195. Въ „Scriptores rerum livonicarum“ Наперскаго въ 1-мъ томѣ Chronicon livonicum vetus, p. 162.

³⁸ Chron liv. vetus, p. 198 и 200.

³⁹ П. С. Р. Л. VII, 120: „и тако начаша воевати волость Торопецкую изъ Торжку“ П. С. Р. Л. XV, 323.

⁴⁰ Татищева III, 509: „Стрыйковскій... о сей войнѣ такъ сказыетъ: князи Константинъ, Мстиславъ, Всеволодъ конча войну съ Юріемъ Володимирскимъ

Можетъ быть, происходили еще другіе походы торопчанъ въ Прибалтійскій край, но дошедшія до насъ лѣтописи не даютъ на это никакихъ указаній. Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ нападенія новгородцевъ въ 1169 году, при торопецкихъ князьяхъ изъ рода Ростислава, Торопецъ не подвергался нападенію враговъ. Но когда въ XIII вѣкѣ усилились литовцы, торопчане испытали большія невзгоды. Въ теченіе 30 лѣтъ Торопецкая земля пять разъ подвергалась разоренію; въ 1245 году литовцы ворвались даже въ самый городъ Торопецъ.

Въ 1223 году литовцы воевали около Торопца, то есть „убивали однихъ, уводили въ неволю другихъ и отнимали все имущество“. На помощь къ торопчанамъ поспѣшилъ Ярославъ Всеволодовичъ съ новгородцами, но литовцы съ полономъ уже возвращались домой, и преслѣдовавшій ихъ Ярославъ не догналъ ихъ и возвратился отъ Усвята. ⁴¹ Зимой, въ началѣ 1226 года литовцы, въ числѣ 7000 человекъ, воевали около Торжка, захвативши передъ этимъ всю Торопецкую волость, и съ большою добычей возвращались домой. Князь торопецкій Давидъ въ это время, вѣроятно, заперся въ городѣ Торопцѣ съ городскими и волостными людьми. Ярославъ Всеволодовичъ съ своей дружиной, Владимиръ Мстиславичъ Торопецкій, княжившій въ то время въ Торжкѣ, съ новоторжцами, небольшое число новгородцевъ, а вслѣдъ за ними и торопчане съ своимъ княземъ Давидомъ погнались за литовцами и настигли ихъ около города Усвята въ Полоцкой землѣ, на границѣ съ Торопецкой. Здѣсь 1 марта 1226 года на озерѣ произошла кровопролитная битва. Всѣ русскіе плѣнники были освобождены, много литовцевъ убито, князья литовскіе и около 2000 простыхъ воиновъ попались въ плѣнъ, остальные разбѣжались. Въ этомъ бою между прочими былъ убитъ торопецкій князь Давидъ. ⁴² Въ

Ярославомъ Переяславскимъ, возвратился, и потомъ въ годъ Литва, видя междоусобіе русскихъ, вышелъ изъ лѣсовъ съ великимъ войскомъ, шли въ Русь, гдѣ разорять и палить начали. Володимиръ же Рюриковичъ Кіевскій, собравъ воинство Смоленское, а къ тому князя Романа Борисовича, Константина, Мстислава и Ростислава, дѣтей Давидовыхъ, присовокупя, пошелъ на Литву, и по жестокомъ сраженіи побѣдилъ“.

⁴¹ Новгор. 214.

⁴² Новгор. 222 и 223, Лаврент. 425 и 426, П. С. Р. Л. XV, 345 и 346. По словамъ польскихъ историковъ, въ этой битвѣ русскихъ погибло больше, чѣмъ потерпѣвшихъ пораженіе литовскихъ и жидовскихъ воиновъ, которые посланы были въ этотъ походъ жидовскимъ княземъ Монтевиломъ и литовскимъ княжичемъ Живибундомъ (Kronica Macieja Strykowskiego, р. 225—226 въ „Zbiór dziejopisów polskich“).

1234 году литовцы, возвращавшіеся съ добычей изъ Руси, были постигнуты и разбиты новгородцами въ Торопецкой волости, около Дубровны.⁴³ Въ 1245 году Литва воевала около Бѣжецка и Торжка. Новогоры были разбиты, и литовцы удалились съ полономъ. Новоторы, тверичи и дмитровцы преслѣдовали ихъ и разбили около города Торопца. Литовцы ворвались въ Торопецъ и затворились въ немъ. Но на другой день подоспѣлъ Александръ Невскій съ новгородцами, избилъ до восьми литовскихъ князей и отпаялъ весь полонтъ; литовцы, вышедши изъ города Торопца, стали поспѣшно отступать къ Усвяту. Новгородцы, считая свое дѣло оконченнымъ, отправились въ Новгородъ, но Александръ, только съ одними своими дружинниками, бросился въ погоню за литовцами, настигъ ихъ около города Жижица, находившагося въ предѣлахъ Торопецкой земли, избилъ остальныхъ ихъ князей и истребилъ весь отрядъ. Покончивши съ литовцами Александръ поѣхалъ въ Витебскъ, гдѣ воспитывался, какъ надо полагать, его пятилѣтній сынъ у своего дѣда Брячислава. Взявши съ собой сына, Александръ возвращался въ Новгородъ и совсѣмъ неожиданно встрѣтилъ около Усвята еще литовскій отрядъ, который также былъ имъ уничтоженъ.⁴⁴ Наконецъ, въ 1253 году, литовцы, повоевавши Новгородскую волость, отступали чрезъ Торопецкую землю и у Торопца были разбиты тринадцатилѣтнимъ сыномъ Александра, новгородскимъ княземъ Василиемъ.⁴⁵ Такимъ образомъ собственно три набѣга литовскихъ были разорительны для Торопецкой земли, а именно нападенія, сдѣланныя ими въ 1223, 1226 и 1245 годахъ.

По всему видно, что захватъ всякаго имущества и, въ особенности, возможно большаго числа плѣнниковъ былъ главною цѣлью этихъ набѣговъ.

Литовцы большею частію нападали на Торопецкую землю зимой, потому что эта волость, нѣсколько сходная по природѣ съ ихъ роднымъ краемъ, была всего доступнѣе именно въ зимнее время. Направлялись они къ Торопцу сухопутною дорогой отъ Усвята и этою же дорогой возвращались назадъ съ добычей и плѣнниками.

Отправляясь въ походъ, литовцы собирались въ большомъ числѣ. Всего многочисленнѣе было ихъ войско въ 1226 году, когда по выраженію лѣтописи, „бѣ бо рать велика зѣло, ака же не была отъ начала міру“. Изъ другихъ списковъ лѣтописи узнаемъ, что въ этомъ нападеніи участвовало 7000 литовцевъ.⁴⁶

⁴³ Новгор. 244.—⁴⁴ Новгор. 270 и 271.—⁴⁵ Новгор. 274.

⁴⁶ Лаврент. 425, Новгор. 222 и др.

Такъ какъ Торопецкая и сосѣднія съ нею земли въ XIII вѣкѣ были почти сплошь покрыты дремучими лѣсами, то литовцы считали необходимымъ раздѣляться на нѣсколько малочисленныхъ отрядовъ, чтобы, обнимая своимъ нападеніемъ возможно большее пространство, получать болѣе добычи и легче находить продовольствіе для людей и коней. Такъ наприимѣръ: въ 1226 году семитысячное литовское войско одновременно „воевало“ около Торжка, Новгорода, Полоцка, Торопца и Смоленска.⁴⁷ Эти малочисленные отряды находились подъ предводительствомъ отдѣльныхъ князей. Когда было нужно, они соединялись. Такъ въ 1245 году въ Торопцѣ пало въ битвѣ 8 литовскихъ князей, а во время преслѣдованія около города Жижца были убиты и остальные ихъ князья⁴⁸.

Язычники-литовцы отличались жестокостью, и ихъ нападенія были опустошительны. „Поимаша множество много зѣло хрестіанъ и многа зла створиша воюя“.⁴⁹

Сельскіе жители Торопецкой земли, разсѣянные на большомъ пространствѣ посреди лѣсовъ, не могли во время литовскихъ набѣговъ своевременно соединяться; имъ оставалось одно средство спасенія: скрываться въ лѣсахъ, но и это не всегда оказывалось возможнымъ, такъ какъ торопчане въ XIII вѣкѣ защищались не отъ степняковъ—половцевъ, а отъ литовцевъ, свывшихся съ жизнью въ лѣсахъ. Нѣмецкій лѣтописецъ той эпохи говоритъ: „Въ то время литовцы были настолько сильнѣе всѣхъ христіанскихъ и языческихъ народцевъ, жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ, что едва ли кто-нибудь, въ особенности изъ леттовъ, осмѣливался жить въ своихъ маленькихъ поселкахъ: оставивши пустыми свои дома, они отыскивали мрачныя лѣсныя убѣжища, но даже и такимъ образомъ не могли спастись отъ литовцевъ, потому что тѣ, подстерегая ихъ въ лѣсахъ во всякое время, захватывали и убивали однихъ, уводили въ свою землю другихъ и расхищали все ихъ имущество. И русскіе бѣгали отъ литовцевъ, хотя бы и малочисленныхъ, по лѣсамъ и поселкамъ, подобно тому, какъ бѣгаютъ зайцы предъ охотниками“...⁵⁰

Изъ описанія набѣга 1226 года видно, что торопчане въ то время не могли защититься отъ литовцевъ однѣми собственными силами, однако принимали дѣятельное участіе въ оборонѣ своей земли. При описаніи же событій, происходившихъ черезъ 20 лѣтъ послѣ этого, лѣтописецъ, рассказывая о томъ, какъ литовское войско потер-

⁴⁷ Лавр. 425.—⁴⁸ Новгород. 270.—⁴⁹ Лавр. 425.

⁵⁰ Chronicon livon. vetus, p. 134.

пѣло поражение подъ Торопцемъ, какъ разбитые литовцы „вбѣжали“ въ самый городъ и выгнаны были оттуда на другой день Александромъ Невскимъ,—совсѣмъ не упоминаетъ о торопчанахъ.

Видно, что литовцы совсѣмъ разорили Торопецкую землю и стоявшій во главѣ ея городъ Торопецъ, несмотря на его малодоступное для нападенія положеніе и его казавшіяся неприступными укрѣпленія. Уже въ половинѣ XIII вѣка можно было предвидѣть, что вскорѣ литовцы совсѣмъ завладѣютъ Торопцемъ, и такимъ образомъ прекратится его самостоятельное политическое существованіе. Сильное вліяніе Литвы на судьбы Торопецкой земли, вѣроятно, началось уже съ половины XIII вѣка, т. е. со времени утвержденія литовскихъ князей въ Полоцкѣ. Благодаря литовскому вліянію Торопецъ, какъ и сосѣднія съ нимъ Витебская и Полоцкая земли, не испыталъ на себѣ татарскаго ига. По крайней мѣрѣ не сохранилось ни мѣстныхъ преданій, ни лѣтописныхъ указаній на существованіе его въ Торопецкой землѣ, хотя нашествіе Батыя и коснулось сѣверо-восточныхъ границъ Торопецкаго княжества: Батый шелъ такъ называвшимся Селигерскимъ путемъ. Но вскорѣ литовское вліяніе перешло во владычество надъ Торопцемъ: въ „Перечнѣ городовъ дальнихъ и ближнихъ“, составленномъ во второй половинѣ XIV вѣка, онъ упоминается уже въ числѣ литовскихъ городовъ⁵¹. Естественно, возникаетъ вопросъ о времени присоединенія Торопца къ Литовско-русскому государству и перенесенія города на новое мѣсто.

Хотя прямого отвѣта на этотъ вопросъ и не даютъ источники, однако съ увѣренностью можно утверждать, что присоединеніе Торопца къ Литовско-русскому государству произошло при Ольгердѣ, и что въ то же время, вѣроятно, торопчане принуждены были переселиться на новое мѣсто.

Ольгердъ, подобно отцу своему, стремился создать себѣ державу изъ русскихъ земель. Но онъ не хотѣлъ достигать этой цѣли путемъ насилія. „Ольгердъ не столько силою, елико мудростию воеваша“⁵². Вообще о присоединеніи русскихъ земель къ Литвѣ при Ольгердѣ можно сказать, что большею частью „подчиненіе ихъ власти литовскихъ князей совершалось путемъ не завоеванія, а „пріязни“, по всѣмъ видимостямъ—при содѣйствіи самого же населенія, видѣвшаго въ литовскихъ вождяхъ оберегателей (по крайней мѣрѣ, на первыхъ

⁵¹ П. С. Р. Л. VII, 240 и 241,

⁵² Руск. лѣт. по Никои. списку ч. 4, 21.

порахъ, до сближенія Литвы съ Польшей) спокойнаго развитія его внутренней жизни“⁵³.

Въ 1320 году Ольгердъ, послѣ смерти своего тестя, послѣдняго витебскаго князя Ярославъ Васильевича, получилъ Витебское княжество, въ качествѣ вѣна жены. Онъ неминуемо долженъ былъ обратить вниманіе на сосѣднюю Торопецкую землю, въ то время независимую и обособленную отъ другихъ земель. Одна изъ торопецкихъ волостей Велижская, находившаяся за Двиной, рядомъ съ витебскими волостями, вѣроятно, была приобрѣтена Ольгердомъ прежде присоединенія Торопца, чѣмъ и объясняется существованіе въ послѣдующее время Велижскаго намѣстничества отдѣльно отъ Торопецкаго намѣстничества⁵⁴. Затѣмъ вскорѣ долженъ былъ и Торопецъ подчиниться Ольгерду.

Взятіе Ольгердомъ Ржева въ 1355 году и принадлежность Бѣльчи (г. Бѣлаго) Литвѣ въ 1358 году—свидѣтельствуютъ, что верхнее теченіе З. Двины и все теченіе р. Межи уже находились во власти литовцевъ. Если Ржевъ на Волгѣ, самый отдаленный отъ Витебска городъ Торопецкой земли, въ 1355 году занятъ былъ литовцами, то ближайшій къ нему городъ Торопецъ, безъ сомнѣнія, попалъ въ руки Ольгерда ранѣе этого времени.

Занятіе города Торопца, быть можетъ, не обошлось безъ предварительнаго сопротивленія со стороны жителей. По крайней мѣрѣ сохранилось одно извѣстіе *позднѣйшаго времени*, свидѣтельствующее, что Ольгердомъ Торопецъ „едва не до основанія былъ разоренъ“. Первый историкъ города Торопца, священникъ П. Иродіоновъ,—пишетъ, что такъ какъ Торопецъ „близъ Польской и Литовской границы состоялъ, то всегда прежде прочихъ претерпѣвалъ тяжчайшія нападенія, безпокойства, разоренія и опустошенія, наипаче же *послѣ* 1362 года, при кн. Дмитріи Донскомъ, когда кн. Ольгердъ Литовскій, въ Витепскѣ княжившій, опустошалъ крайне многіе порубежные города. Сей городъ, яко самый ближній къ Витепску, едва не до основанія

⁵³ О. Н. Леонтовича: Очерки исторіи лит. рус. права (Ж. М. Нар. Пр. 1893, мартъ, стр. 96). На стр. 91 того же сочиненія: „Что касается Мстислава и другихъ пограничныхъ волостей Смоленской земли (со стороны Витебскаго княжества), то по выраженію Стадницкаго, волости эти добыты Ольгердомъ „najczęściej znienczka, mniej przemocą, niż wojennym podstępem“ (К. Stadnicki, Olgerd i Kiejstut, 134). См. также проф. Антоновича Очерки исторіи вел. княж. Литовскаго, I, 96—99.

⁵⁴ Вел. кн. лит. записей кн. IV, л. 87: „Отъ велижскаго намѣстничества Ходоръ далъ 3 копы“.

былъ разоренъ. Спасшіеся бѣгствомъ или изъ плѣну возвратившіеся граждане, какъ послѣ жатвы класы, хотя паки начали собираться но были весьма слабы и немногочисленны⁵⁵...

Знакомство священника Иродіонова съ источниками, сообщавшими только о тѣхъ нападеніяхъ Ольгерда на русскія области, которыя происходили въ княженіе Дмитрія Донского, ошибочная увѣренность его въ томъ, что торопчане переселились на новое мѣсто въ началѣ XVII вѣка, и незнаніе того, что Торопецкая земля въ теченіе долгаго времени находилась подъ властью Литвы,—кажется, были главными причинами недостаточно полной и точной передачи имъ тѣхъ свѣдѣній о взятіи Ольгердомъ Торопца, которыя находились въ его распоряженіи. Если принять во вниманіе, съ какой симпатіей относился Ольгердъ къ *русской* культурѣ и къ интересамъ своихъ подданныхъ *русской* національности, то придется признать рассказъ о. Иродіонова о полномъ разореніи Торопца по меньшей мѣрѣ преувеличеннымъ.

Кажется, можно предположить, что Ольгердъ, завладѣвши Торопцемъ, жителей его поселилъ на смежныхъ низменныхъ мѣстахъ по берегамъ р. Торопы и озера Соломена, не представлявшихъ никакихъ преградъ для нападенія. Переселеніе жителей облегчалось, если допустить, что Торопецъ, сильно пострадавшій въ 1337 году отъ пожара и наводненія, при нападеніи Ольгерда дѣйствительно былъ разоренъ. Можно предполагать также, что Ольгердъ, чтобы легче господствовать надъ торопчанами, помѣстилъ литовскій гарни-

⁵⁵ Въ писаніи о Торопцѣ, основываясь исключительно на вышеприведенныхъ словахъ, утверждали, что Торопецъ былъ разоренъ Ольгердомъ въ 1362 году. Свящ. Иродіоновъ, основываясь на источникахъ, сообщавшихъ только о нападеніяхъ Ольгерда, происходившихъ въ княженіе Дмитрія Д., говоритъ, что нападенія Ольгерда происходили *послѣ* 1362 года. Его слова, что Торопецъ „прежде прочихъ претерпѣвалъ тяжчайшія нападенія“ дали поводъ послѣдующимъ историкамъ совершенно неосновательно считать 1362 годъ—годомъ разоренія Торопца. Самъ о. Петръ Иродіоновъ не дѣлаетъ точнаго опредѣленія времени и не говоритъ о разореніи Торопца въ 1362 году. Его слова: „когда кн. Ольгердъ Д., въ Вителскѣ княжившій“... и „сей городъ, яко самый ближній къ Витепску, едва не до основанія былъ разоренъ“... могутъ служить лишь подтвержденіемъ вышевысказанныхъ соображеній о взятіи Торопца Ольгердомъ ранѣе 1355 года, потому что слова: Ольгердъ „княжившій въ Вителскѣ“, можно было бы употребить, говоря о событіяхъ, совершившихся до 1345 года, а не въ послѣдующее время, когда онъ былъ великимъ княземъ и обладателемъ обширнаго Литовско-русскаго государства.

зона въ старомъ городѣ, болѣе укрѣпленномъ и природою, и искусствомъ. Можетъ быть, по этой причинѣ эта часть города въ настоящее время зовется иногда Польшею, а обитатели ея поляками ⁵⁶.— Деревянные стѣны, о которыхъ упоминается въ „Перечнѣ городовъ“, въ XIV вѣкѣ существовали, вѣроятно, на литовской сторонѣ, въ старомъ городѣ. Тѣ же стѣны, которыя въ концѣ XV вѣка торопецкіе городскіе и волостные люди должны были строить и охранять „по давнему“, находились въ новомъ городѣ, на другой сторонѣ р. Торопы.—Со времени взятія Торопца Ольгердомъ до 1500-го года, въ теченіе болѣе 150 лѣтъ, Торопецкая земля входила въ составъ Литовско-русскаго государства.

Русскія земли, объединенныя подъ верховной властью великаго князя литовскаго, во внутренней своей жизни долгое время сохраняли свое старинное устройство и уже установившіеся порядки; постояннымъ правиломъ литовскихъ князей было держаться старинны и избѣгать нововведеній въ присоединенныхъ къ Литвѣ русскихъ областяхъ ⁵⁷. Въ особенности это можно утверждать о такъ называемыхъ задвинскихъ волостяхъ, связь которыхъ съ центромъ государства была самая слабая, и въ которыхъ старинные русскіе порядки сохранялись болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Къ числу задвинскихъ волостей принадлежали и торопецкія волости. Но и въ этихъ волостяхъ литовское владычество не могло остаться безслѣднымъ. Напримѣръ, весьма значительно было вліяніе на (торопецкія) внутреннія дѣла торопецкаго намѣстника, назначаемого великимъ княземъ литовскимъ. Какъ на послѣдствіе литовскаго владычества должно указать и на усиленіе военнаго элемента въ составѣ населенія Торопецкой земли, причѣмъ витебскіе и торопецкіе бояре и слуги, получавшіе въ ней земли на помѣстномъ правѣ, находились въ полной зависимости отъ великаго князя литовскаго. Со времени литовскаго завоеванія была также поколеблена прежняя неразрывная связь города Торопца съ его волостями. Такъ напримѣръ: Старцева волость, при помощи великихъ князей литовскихъ, сдѣлалась почти совсѣмъ независимой отъ города ⁵⁸.

⁵⁶ Когда произведены будутъ раскопки на „Маломъ городищѣ“, то, вѣроятно, обнаружится, что малочисленные литовцы старались приспособить его на случай необходимости „отсѣдѣться“ отъ многочисленныхъ враговъ

⁵⁷ Вел. кн. Литов. записей книга VI, л. 130 об.: „бо мы никому новины не въводимъ а старины не рушаемъ.“

⁵⁸ Въ актахъ Литовской метрики Записей книга VI, стр. 547—548 (листь поданнымъ торопецкимъ Старцовое волости 20 марта 1497 года), а также Записей кн. VI, стр. 213 и 214.

Что же касается до внѣшнихъ историческихъ событій, совершившихся въ Торопцѣ въ эпоху литовскаго владычества, то о нихъ въ лѣтописяхъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а тѣ немногія свѣденія о Торопцѣ, которыя находятся въ актахъ такъ называемой Литовской метрики, относятся лишь ко второй половинѣ XV вѣка. Однако съ увѣренностью можно сказать, что для Торопца въ то время никакіе внѣшніе враги не могли быть опасными до утвержденія московскаго владычества въ Новгородской области, когда москвичи начали все болѣе и болѣе тѣснить и торопчанъ, причемъ захватамъ и нападеніямъ подвергалась преимущественно сѣверная часть Торопецкой земли. Какъ только Иванъ III Васильевичъ „узилъ Новгородъ и вечно имъ сказалъ“, во всѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, находившихся въ смѣсномъ владѣніи, начались столкновенія съ Литвою. Великіе Луки, Ржевъ и Холмскій погост объявлены были новгородскими владѣніями, и король Казимиръ имѣлъ основаніе жаловаться, что онъ не получаетъ прежнихъ доходовъ съ этихъ волостей. Затѣмъ начались вторженія въ пограничныя торопецкія владѣнія, которыя никогда не были подчинены Новгороду.

Торопчане съ своей стороны мстили за эти набѣги. Съ обѣихъ сторонъ война велась попрежнему: убивали или уводили въ неволю людей, разграбляли и сжигали дворы, старались разорить цѣлую волость.

Въ 1488 году торопчане жаловались Казимиру, что новгородскій намѣстникъ Ѳеодоръ Ивановичъ Бѣльскій дѣлалъ на Торопецкую землю „наѣздки, грабежи, всилства и иные многи шкоды“. Иванъ III на это отвѣчалъ, что торопецкій намѣстникъ, князь Семенъ Ѳеодоровичъ Соколинской въ томъ же 1488 году наславъ на новгородскія волости многихъ людей, которые эти „волости выграбили и выжгли и животы людскіе поимали“; кромѣ того, убили 8 слугъ Ѳ. И. Бѣльскаго и многихъ волостныхъ людей убили и плѣнили. Въ 1489 году люди князя Бѣльскаго около Торопца сожгли села витебскихъ бояръ и иныхъ владѣльцевъ; въ Торопецкой волости въ этомъ году было сожжено 177 дворовъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ, взято въ плѣнъ 102 человекъ, 3 повѣшено, а въ Козаринской волости сожжено 500 дворовъ, взято въ плѣнъ тоже 500 человекъ, 6 повѣшено, „а битыхъ и вѣшанныхъ и раненыхъ и числа нѣтъ“.

Въ томъ же 1489 году Василій Давыдовичъ, намѣстникъ все-луцкій⁵⁹, отнялъ восточную половину торопецкой волости Дубны и

⁵⁹ Вселуцкая волость, находившаяся прежде въ предѣлахъ Торопецкаго-

присоединилъ ее къ ржевскимъ волостямъ, принадлежавшимъ въ то время князю Василю Ивановичу.

Въ 1491 году Андрей Колычовъ, бывшій въ то время намѣстникомъ московскимъ на Чернокуяствѣ, или иначе въ Холмскомъ погостѣ, наслалъ на торопецкій погостъ Бологое своихъ людей, которые священника и многихъ людей схватили въ церкви и увели въ свои владѣнія, въ село Морхово, другихъ повѣсили или утопили въ озерѣ, иныхъ заставили присягнуть Ивану III. Въ томъ же году самъ Андрей Колычовъ со многими людьми напалъ на Торопецкую волость, причеиъ былъ убитъ торопецкій намѣстникъ, многіе люди были убиты или уведены въ плѣнъ, сильно разорены Торопецкая и Козаринская волости, и много земли отнято въ этихъ волостяхъ и присоединено, вмѣстѣ съ ея населеніемъ, къ Чернокуяству.

Эти нападенія Андрея Колычова, имѣвшія такія тяжкія для Торопецкой земли послѣдствія, вызвали со стороны торопчанъ желаніе отмстить за свои бѣдствія. Зенько Евлашковичъ, назначенный Казимиромъ на мѣсто убитаго торопецкаго намѣстника, весною 1492 года, во главѣ торопчанъ, сдѣлалъ набѣгъ на Чернокуяство, съ очевидною цѣлью отмстить Колычову и холмичамъ за прошлогоднее разореніе сѣверной части Торопецкой земли. Онъ разграбилъ и сжегъ дворъ холмскаго намѣстника; награбленное имущество Колычова и его людей оцѣнено было москвичами въ „тысячу рублей на рижскую“. Кроме того Зенько Евлашковичъ ограбилъ и сжегъ 60 холмскихъ деревень, многихъ людей убилъ и 30 человекъ съ женами и дѣтьми взялъ въ плѣнъ; добычи въ этихъ деревняхъ взялъ на 700 рублей на рижскую. Въ томъ же 1492 году въ Торопцѣ и въ другихъ литовскихъ городахъ и по дорогамъ били и грабили лучанъ и холмичей; также пограбили (на 25 рублей) троїцкихъ монастырскихъ людей, прїѣхавшихъ изъ-подъ Москвы въ Холмскій погостъ.

Во всей этой борьбѣ Москвы съ Литвой перевѣсъ, очевидно, былъ на сторонѣ Москвы. Люди вк. Бѣльскаго и Колычова не только опустошали Торопецкую землю, убивали и забирали въ плѣнъ „людей и данниковъ“ короля Казимира, но и захватывали въ пограничныхъ Козаринской, Торопецкой и Дубенской волостяхъ земли вмѣстѣ съ ихъ жителями, которыхъ принуждали присягать въ вѣрности Ивану III. Въ самомъ тонѣ дипломатической переписки, происходившей въ то время между Москвой и Литвою, ясно обнаруживается со стороны

княжества, въ XV вѣкѣ была одною изъ ржевскихъ волостей (въ наст. вр. въ Осташковскомъ уѣздѣ).

литовских дипломатов сознание своего безсилія; наоборотъ, со стороны московскаго правительства—сознание своего могущества и твердая увѣренность въ побѣдѣ.

Въ 1494 году великій князь Александръ, преемникъ Казимира, женился на Еленѣ, дочери Ивана III. По „довончальной“ грамотѣ установленъ былъ „рубежъ Новгородскимъ волостемъ, Лукамъ Великимъ, и Ржевѣ, и Холмскому погосту, и Велилѣ, и Лопастикамъ, и Буицу, и инымъ волостемъ, всей землѣ Новгородской съ Литвою, и съ Полочанъ, и съ Видблянъ, и съ Торопчянъ, землѣ и водѣ, по старому рубежу“⁶⁰. Но этотъ брачный союзъ не прекратилъ враждебныхъ столкновений между Москвой и Литвой, и наступательное движеніе Москвы на Торопецкую землю продолжалось. Уже въ 1496 году бояринъ Иванъ Васильевичъ въ Торопецкой волости забралъ много земли вмѣстѣ „съ людьми и съ данями“. Напрасно Александръ отправилъ своихъ пановъ (въ томъ числѣ торопецкаго намѣстника) на рубежъ для разбора „обидныхъ дѣлъ“. Въ 1499 году торопецкіе помѣщики жаловались великому князю литовскому, что „бояре“ московскаго государя, жившіе на новгородскихъ границахъ, отняли у нихъ „земли ихъ питомыи съ людьми и съ житомъ“, въ длину на 50 миль, въ ширину верстъ на десять⁶¹.

Такимъ образомъ, до 1500 года шла порубежная мелкая война между помѣщиками Московскаго государства, испомѣщенными въ пограничныхъ новгородскихъ волостяхъ, и испомѣщенными въ сѣверной части Торопецкой земли литовскими помѣщиками, набранными изъ торопчанъ, видблянъ и другихъ. Волости Дубна, Торопецкая и Козаринская въ это время были сильно опустошены и частью присоединены къ Холмскому погосту. Самый же городъ Торопецъ во время этой борьбы до 1500 года не подвергался нападенію.

Въ 1500 году пограничная борьба перешла въ настоящую войну. Послѣ взятія московскими войсками Брянска, Путивля, Дорогобужа и другихъ городовъ, послѣ рѣшительной Ведрошской битвы (14 іюля

⁶⁰ При заключеніи этого договора вел. кн. Александръ настоятельно требовалъ, чтобы захваченные москвичами участки Торопецкой земли были возвращены. „А о торопецкую землю, што орублена (отрублена) к московскому, штобы тая земля вся зася отдана а отрублена к Торопцу подавному“ (Вел. кн. лит. записей кн. V, 147. А. 3. Р. I, 135).

⁶¹ О всѣхъ вышеписанныхъ столкновенияхъ между Москвою и Литвою см. въ 35 томѣ сборника Импер. Рус. Истор. Общества стр. 20, 21, 35, 36, 54, 55, 63, 64, 66, 67, 217, 218, 125, 126, 129, 130.

1500 года), дошла очередь и до Торопца, и онъ былъ взятъ соединенными московскими, новгородскими и псковскими войсками, находившимися подъ начальствомъ московскихъ воеводъ⁶². Передъ этимъ походомъ псковичи произвели между собою разверстку и выставили съ 10 сохъ-коня, а съ 40 рублей—коня и человѣка въ dospѣхъ, бо-были же явились пѣшими. Составленная такимъ образомъ псковская рать въ половинѣ іюля 1500 года отправилась на помощь Ивану III и вторглась въ литовскія владѣнія.

Пробывши въ походѣ 11 недѣль, псковичи съ своимъ княземъ Александромъ Володимировичемъ 1 октября того же 1500 года возвратились во Псковъ „все здоровы“. Въ соединеніи съ московскими и новгородскими войсками они въ литовской землѣ взяли городъ Торопецъ⁶³.

Торопецъ, давно уже лишившійся своихъ восточныхъ волостей, составляющихъ въ настоящее время Осташковскій, Ржевскій и часть Бѣльскаго уѣзда, по шестилѣтнему перемирію, заключенному 25 марта 1503 года, отошелъ къ Москвѣ вмѣстѣ съ своими 13 коренными торопецкими волостями⁶⁴. Такимъ образомъ, всѣ волости, изъ которыхъ образовалось Торопецкое княжество, входили теперь въ составъ Московскаго государства.

⁶² П. С. Р. Л. IV, 272: Посылалъ князь великой воеводѣ своихъ въ Литовскую землю на короля Александра, на зятя своего; а Московскіе воеводы Литовскихъ воеводъ побили и воеводѣ поимали, а Торопецъ взяли. У Карамзина (примѣч. 493 къ VI тому): „Въ Синод. Лѣт. № 110, л. 86: Посылалъ князь великій своихъ братанничевъ... да Боярина Андрея Ѳедоровича, Намѣстника Новгородскаго да кн. Александра Володимировича Ростовскаго, Намѣстника Псковскаго; они же Торопецъ взяша, и волости около Полотека и Витебска поплѣниша, а людей многихъ мечемъ предаша“. По словамъ Герберштейна (записки о Московіи, перев. Анонинова, стр. 20), Иванъ III раздѣлилъ свое войско на 3 отряда: „первую армію онъ послалъ на югъ, въ область Сѣверскую, другую на западъ, противъ Торопца и Бѣлы, третію поставилъ посреднѣ, по направленію къ Дорогобужу и Смоленску“... „у рѣки Ведроши... литовцы, пораженные страхомъ, побѣжали; предводитель войска вмѣстѣ со многими вельможами былъ взятъ въ плѣнъ; остальные отъ страха оставили непріятелю лагерь, сдались сами и также отдали крѣпости Дорогобужъ, Торопецъ и Бѣлу“.

⁶³ Полн. собр. рус. лѣт. IV, 272 и 273; П. С. Р. Л. VI, 24, 45 и 46; П. С. Р. Л. VIII, 259.—Въ одномъ спискѣ Псковской лѣтописи (П. С. Р. Л. IV, 272) сказано: „того же лѣта Торопецъ взялъ Литовской князь Иванъ“. Столь неудачная разстановка словъ дала поводъ нѣкоторымъ историкамъ ошибочно утверждать, будто-бы взятый москвичами городъ Торопецъ опять былъ на нѣкоторое время отбитъ литовскимъ (!) княземъ Иваномъ.

⁶⁴ Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. XXXV, 400 (изд. 1892 г.), С. Г. Г. II Д. V, 25.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Очеркъ внутренней исторіи города Торопца до конца XV вѣка.

I.

Составъ городского населенія. Составъ жителей города Торопца въ древнее время былъ весьма разнородный. Выше уже было указано, что городъ Торопецъ съ своею волостью составлялъ одно неразрывное цѣлое. Представленіе объ единствѣ города съ его волостью до такой степени было вкоренено въ понятіяхъ торопчанъ, что даже торопецкіе помѣщики, принадлежавшіе къ семействамъ, впервые испомѣщеннымъ въ Торопецкомъ уѣздѣ въ началѣ XVI вѣка, но тамъ родившіеся и выросшіе, на земскомъ соборѣ 1566 года согласились съ мнѣніемъ представителей духовенства, утверждавшихъ, что „и тому ся сстати мочно ли, что городу быти безъ уѣзда? Ано и село или деревни безъ поль и безъ угодей не живутъ, а городу какъ быти безъ уѣзда?“¹ Городъ столько же принадлежалъ горожанамъ, сколько и волостнымъ людямъ, и въ особенности волостнымъ людямъ Торопецкой волости въ тѣсномъ смыслѣ. Жители торопецкихъ волостей должны были строить и поддерживать городскія стѣны. Такъ напримѣръ: въ концѣ XV вѣка мужи Старцевой волости „подавному“ обязаны были „рубить городъ“ и даже „давать на городъ сторожу“². Естественно, что въ военное время за земляными валами и деревянными стѣнами города³ находили себѣ убѣжище и волостные люди (мужи), изъ коихъ иные могли имѣть въ городѣ свои собственные осадные дворы, какъ это обыкновенно бывало въ XVI вѣкѣ.

Въ древнѣйшее время торопчанами назывались жители города Торопца и всей вообще Торопецкой земли. Въ XIV и XV вѣкахъ такъ назывались преимущественно обитатели города и его ближайшихъ окрестностей, т.-е. Торопецкой волости въ тѣсномъ смыслѣ. Въ литовское время они подраздѣлялись на городскихъ людей и волостныхъ людей, изъ коихъ первые на официальномъ языкѣ того времени

¹ Собр. Гос. Гр. и Дог. I, №. 192. —² Лит. метр. записей кн. VI, л. 107.

³ Новгор. 448; Лит. метр. записей кн. VI, л. 107.

назывались иногда „мѣщанами“, а послѣдніе „мужами“⁴. Большинство городскихъ людей состояло, конечно, изъ той части городского населенія, которая въ позднѣйшую эпоху называлась въ Торопцѣ „посадскими людьми“ и состояла изъ торговыхъ людей, ремесленниковъ и горожанъ, преимущественно занимавшихся земледѣліемъ. Кромѣ торговыхъ людей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, въ числѣ торопецкихъ горожанъ находились бояре и земцы.

Въ сосѣднихъ кривичскихъ городахъ, съ населеніемъ родственнымъ торопецкому: въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ, въ періодъ ихъ самобытности, бояре были не только болѣе или менѣе крупными, привилегированными землевладѣльцами, но и весьма вліятельными жителями города. Надо думать, что и торопецкіе бояре въ древнее время входили въ составъ городского населенія. Въ 1540 году, когда торопецкіе бояре въ Торопцѣ давно уже были замѣнены переведенными изъ другихъ волостей помѣщиками—дѣтьми боярскими, въ писцовой книгѣ, при описаніи посада, перечисляются „дворы боярскіе“; также и въ описаніи Торопецкаго уѣзда иногда помѣщичьи дворы называются „дворами боярскими“⁵. Это наименованіе дворовъ дѣтей боярскихъ „боярскими дворами“ можетъ указывать на дѣйствительное существованіе въ городѣ Торопцѣ дворовъ торопецкихъ бояръ во время, предшествовавшее московскому владычеству.

Вѣроятно, что уже во время существованія Торопецкаго княжества въ распоряженіи торопецкихъ князей находились земли „на раздаваніе оружникамъ“. Во всякомъ случаѣ послѣ подчиненія Торопца Литвѣ литовскіе великіе князья раздавали земли въ Торопецкой землѣ въ вотчины съ условіемъ военной службы. „Торопецкое волости Артиму Кашиновичу земля дана Нарши Черевочова Есковича“, „Жаловали его милости (великому князю Александру Казимировичу) люди, торопчане, на твоихъ бояръ, которые живутъ на новгородскихъ границахъ, и тожъ тыи твои бояре земли ихъ питоми зъ людьми и съ житомъ отрубили“...⁶

Въ актахъ XV вѣка въ числѣ торопецкихъ землевладѣльцевъ встрѣчаются „витебскіе бояре“⁷. Наименованіе ихъ „витебскими“ указываетъ на то, что тѣ, которые тогда назывались „торопецкими боярами“ были коренными жителями Торопецкой земли.

⁴ Ibid. лл. 107 и 274.

⁵ Тор. писц. кн. 1540 г., лл. 16, 17, 18, 184, 251, 273.

⁶ Лит. метр. зап. кн. 3, л. 15.—Сб. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 283.

⁷ Сб. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 35.

Упоминаются также надѣленные землями „люди“, которые владѣли не селами, а „дворами“. Это, кажется, были мелкіе служилые люди (слуги) ⁹.

Послѣ присоединенія Торопца къ Москвѣ, торопецкіе бояре должны были удалиться изъ Торопецкой земли. Ихъ вотчины сдѣлались собственностью Московскаго великаго князя, который роздалъ ихъ въ „помѣстья“ помѣщикамъ, переселеннымъ большею частью изъ Чернокунства (сѣверовосточной части нынѣшняго Холмскаго уѣзда).

Властители литовско-русскаго государства взяли подъ свое покровительство бывшихъ торопецкихъ бояръ. Изъ одной жалованной грамоты короля Сигизмунда видно, что бояринъ торопецкій Алексѣй Лукьяновичъ Теребуежскій, послѣ присоединенія Торопца къ Москвѣ, взаменъ своей торопецкой вотчины получилъ имѣніе въ Полоцкомъ повѣтѣ ⁹. Въ другой весьма любопытной грамотѣ короля Сигизмунда читаемъ: „Били намъ чоломъ бояре наши торопецкіи Нееедей а Михалко о томъ, штожъ непріятель нашъ великій князь Московскій отчину ихъ забралъ и поселъ, и не мають на чомъ поживитися, и просили в насъ... и мы имъ тыхъ вышейписанныхъ людей и зъ землями ихъ и зъ службами дали: нехай они ихъ держать и поживенье собе с нихъ мають до тыхъ часовъ, поки дастъ Богъ отчину ихъ отъ непріятеля нашего очистимъ. И ты бы имъ въ то увязанье далъ безъ чолобитья и безъ увязного, бо дей они вельми стравилися и не мають тобѣ чого дати“ (21 авг. 1506 г.) ¹⁰. Видно, что торопчане въ ожиданіи возвращенія ихъ вотчинъ отъ непріятеля, „до очищенія отчины ихъ у князя Московскаго“, терпѣли крайнюю нужду. Сигизмундъ

⁹ Ibid. XXXV, 35.

⁹ Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ вел. кн. Литовскомъ, стр. 168: ...„Билъ намъ чоломъ бояринъ нашъ Гаврило Олексѣевичъ и повѣдиль передъ нами, имъ которые имѣнья въ повѣтѣ Полоцкомъ отецъ его Алексѣй Лукьяновичъ Теребуежскій, на противку отчины своей, которую у *Торопцу* имѣлъ, зъ данины наше держалъ, то какъ дей отецъ его въ небытности его змеръ, а онъ ся отца своего малъ zostалъ и на службѣ у панствъ нашего князства великомъ Литовскомъ былъ. А въ тотъ часъ будучи ему у молодости лѣтъ его тые имѣнья его у повѣтѣ Полотскомъ въ замку нашему Полотскому привернены... И билъ намъ чоломъ, абыхмо ласку нашу ему вчинили и на противу тыхъ имѣней, которые отецъ его, противъ отчины своей, у Полоцку держалъ, пожаловали“... Фамилія Ал. Лук. Теребуежскаго указываетъ на мѣстоположеніе его вотчины въ Торопецкой землѣ: озеро Теребосжъ находилось въ Старцевой волости, верстахъ въ 35 отъ города Торопца.

¹⁰ Литов. метр. записей кн. VIII, лл. 170 и 171.

старался, чѣмъ можно, помогать имъ; такъ 8 сентября 1508 года выдано было „торопчанамъ 20 карцовъ жита“ (20 четвертей ржи)¹¹.

Кромѣ бояръ въ составъ населенія города Торопца входили земцы. Слово „земецъ“ примѣняется къ обитателямъ Торопецкаго уѣзда въ 1540 году, при описаніи осадныхъ дворовъ въ г. Торопцѣ. „Дворъ семцовъ Семеновъ да Родивоновъ Еѣимьевыхъ детей Роздеришинныхъ да братонечовъ ихъ Оеромѣиковъ да Харитоновъ Роздеришинныхъ“¹². Упомянутое о торопецкихъ земцахъ, относящееся ко времени полного упадка земецкаго землевладѣнія, доказываетъ существованіе земцевъ въ Торопецкой землѣ и въ эпоху предшествующую. Чтобы составить себѣ представленіе о возникновеніи и характерѣ земецкаго землевладѣнія въ Торопецкой землѣ, за недостаткомъ свѣдѣній, относящихся къ ранней эпохѣ, приходится воспользоваться данными, находящимися въ торопецкой писцовой книгѣ 1540—41 годовъ. Изъ этой книги видно, что земцы Роздеришины владѣли тогда 5 участками земли, расположенными рядомъ, къ юго-западу отъ города Торопца, вокругъ озера Допша. Вотъ ихъ имена: 1) Еѣимъ да Микифоръ Ляпунъ, Прощевы дѣти Роздеришина, 2) Пигасей да Ѳедка, Филипповы дѣти Роздеришина, 3) Вохромей да Харитонъ, Горностаевы дѣти Роздеришина, 4) Родивонъ, Еѣимьевъ сынъ Роздеришина, и 5) Семенъ да Родіонъ, Еѣимьевы дѣти Роздеришина. Перечисленные здѣсь земцы жили, кромѣ Еѣима Прощкова, во дворахъ на своихъ земляхъ. На ихъ земляхъ жили также ихъ люди (холопы) и крестьяне, которые въ противоположность земцамъ называются уменьшительными именами. Роздеришины не платили ни дани, ни хлѣбнаго оброка, ни оброка за мелкій доходъ, ни оброка за рыбную ловлю, какъ крестьяне черныхъ волостей; но они и не получали опредѣленнаго дохода деньгами, хлѣбнаго и мелкаго дохода, какъ помѣщики съ своихъ помѣстьевъ. Въ писцовой книгѣ земцы Роздеришины совсѣмъ обособлены отъ помѣщиковъ. Изъ вышепоименованныхъ земцевъ Вохромей, Харитонъ и ихъ двоюродные братья Семенъ и Родіонъ Роздеришины имѣли общій осадный дворъ въ городѣ Торопцѣ и были, какъ видно, обладателями большаго количества земли, чѣмъ ихъ родственники. Особеннымъ вліяніемъ, кажется, пользовался Семенъ Роздеришинъ, который въ писцовой книгѣ является на первомъ планѣ („А угоды у Семена з братьею“...) Онъ, повидимому, отличался особенною предприимчивостью: у него 1 деревня и 4 починка, въ которыхъ было 10 дворовъ и 10

¹¹ Лит. метр. записей вв. VIII, л. 426. Стат. лит. розд. III, ар. 36, пункт. 107.

¹² Книги торопецкіе писма Александра Давыдовича Удьянина, л. 2.

человѣкъ его людей и крестьянъ; пашни $22\frac{1}{2}$ десятины въ каждомъ полѣ и, кромѣ того, отдѣльно $3\frac{1}{2}$ десятины пашни; сѣнокосной земли—32 десятины ¹³.

Очень правдоподобно, что земецкое землевладѣніе возникло вслѣдствіе раздачи земли городскимъ людямъ на льготныхъ условіяхъ, съ цѣлью разработки нетронутыхъ, никому непринадлежавшихъ земель. Кромѣ того, въ болѣе раннюю эпоху земцы могли приобретать себѣ земли „захваткомъ“. Въ писцовой книгѣ 1540 г. встрѣчается указаніе на такой способъ приобретения поземельной собственности. Одинъ изъ торопецкихъ земцевъ Семенъ Роздеришинъ владѣлъ въ 1540 году, между прочимъ, нѣсколькими сѣнокосными мѣстами, о которыхъ въ писцовой книгѣ сказано: „а даны Семену тѣ пожни, что отдана пожня Семенова къ Троицѣ Святой, къ пустынь на рѣкѣ на Торопицѣ, а были тѣ пожни захваткомъ“. При устройствѣ Кудинскаго монастыря къ нему „помѣчена пожня Ковердяевская, что косилъ Семенъ Роздеришинъ“ ¹⁴.

Любопытна дѣятельность одного изъ торопецкихъ земцевъ, съ цѣлью расширенія площади распаханной земли, уже въ московское время, при новыхъ порядкахъ. Еюимъ Прошковъ (Прокоѣевъ) сынъ Роздеришина, владѣлецъ тяглаго двора въ городѣ Торопцѣ, владѣлъ 1) деревнею Чертежъ Оѳонаска Пролада Мышонкова, въ которой самъ жилъ во дворѣ, 2) сосѣднею деревнею Чертежъ Иванка Онаньина, въ которой во дворѣ жилъ его сынъ Тимошъ Еюимовъ сынъ Роздеришина, 3) деревней Чертежъ, что была пустошь Демеховъ слѣдъ, въ которой жили Ленидко да Иванко, Еюимовы люди Роздеришина, 4) кромѣ того, онъ, кажется, взялъ еще на льготныхъ условіяхъ пустошь Сычоекъ. „Въ Збудкой же переварѣ пустошь Сычокъ, а была деревня Санки Семенова, дана на льготу на десять лѣтъ лѣта 7051-го—Еюиму Прокоѣеву сыну, и ему въ те десять лѣтъ пашня распахать, и дворы поставити, и людей призвати, а после льготы имъ потянуть съ волосными крестьяны повытно“ ¹⁵. Такимъ образомъ, земецъ Еюимъ Роздеришинъ, занимая и обрабатывая вмѣстѣ съ своими людьми деревни и пустоши, входившія въ составъ черныхъ волостныхъ земель, долженъ былъ, по истеченіи льготнаго времени, тянуть тягло вмѣстѣ съ волостными крестьянами, оставаясь въ то же время тяглымъ городскимъ человѣкомъ; а въ его земецкой вотчинѣ жилъ его братъ Микифоръ Лапунъ. Въ сущности онъ уже не былъ

¹³ Ibid. лл. 84—87 вел.—¹⁴ Ibid. л. 96.

¹⁵ Ibid. лл. 29, 77, 80.

землемъ. Онъ находился въ положеніи тѣхъ городскихъ людей, которые въ половинѣ XVI вѣка, не переставая тянуть городское тягло, въ то же время жили въ деревняхъ и занимались обработкой пашни сами, или при помощи крестьянъ, или пахали ее „наѣздомъ“ изъ города. Вышеприведенныя свѣденія о торопецкихъ земцахъ даютъ право утверждать, что земцы и земецкое землевладѣніе существовали въ Торопецкой землѣ и ранѣе XVI вѣка, и что число земцевъ въ Торопцѣ могло быть въ древнее время весьма значительнымъ. Они были городскими людьми, владѣвшими поземельной собственностью въ волости г. Торопца, данною имъ городомъ на льготныхъ условіяхъ или добытою ими „захваткомъ“¹⁶. Въ 1540 году болѣе мелкіе изъ этихъ собственниковъ, оставшись тяглыми городскими людьми, владѣли въ то же время поземельными участками въ черныхъ волостяхъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, но уже подъ условіемъ тянуть тягло съ волостными людьми повытно. Что же касается болѣе значительныхъ участковъ земли, въ 1540 году бывшихъ еще вотчинами, то они вскорѣ были превращены въ помѣстья, а ихъ владѣльцы обратились въ мелкихъ помѣщиковъ. Въ десятиѣ 1596 года Роздеришины являются уже дѣтьми боярскими, надѣленными самымъ малымъ окладомъ (въ 100 четвертей). Въ торопецкой десятиѣ 1606 года поименовывается уже болѣе десятка дѣтей боярскихъ Роздеришинныхъ, у которыхъ помѣстный окладъ былъ отъ 100 до 250 четей (низшій окладъ въ то время въ Торопецкомъ уѣздѣ—100 четей, высшій—600 четей)¹⁷.

Необходимость доказывать самое существованіе торопецкихъ земцевъ и бояръ—яснѣе всего указываетъ на ихъ незначительность въ составѣ городского населенія. Въ древнее время, какъ и въ XVI вѣкѣ, населеніе города Торопца, очевидно, состояло главнымъ образомъ изъ городскихъ людей, не имѣвшихъ въ волостяхъ поземельной собственности и если занимавшихся земледѣльствомъ, то на городской землѣ, примыкавшей непосредственно къ городу.

Хотя Торопецъ, стоявшій во главѣ порубежной волости, имѣлъ очень важное значеніе въ военномъ отношеніи, однако едва ли до исхода XV вѣка въ немъ были, кромѣ бояръ, иные ратные люди.

¹⁶ О возникновеніи и характерѣ земецкаго владѣнія вообще и о судьбѣ земцевъ подъ московскою властью см. В. О. Ключевского „Разборъ изсл. г. Чулуина о городахъ Моск. гос.“ (въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 26—35).

¹⁷ Десятина всѣхъ городовъ 1596 г., л. 26 (въ М. Г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ). Десятина книги 60, лл. 103, 106, 114, 119, 121, 125, 128, 129, 154 (въ Арх. Мин. Юстиціи).

Упомянутое об обязанности жителей Старцевой волости „давать на городъ сторожу“ заставляет думать, что ратныхъ людей, подобныхъ торопецкимъ козакамъ, стрѣльцамъ и пушкарямъ XVI и XVII вѣковъ, въ болѣе раннюю эпоху въ Торопцѣ не было, и что, по всей вѣроятности, ихъ обязанности исполняли городскіе торговцы, ремесленники и земледѣльцы, а также и волостные люди изъ ближайшихъ торопецкихъ волостей.

Въ Торопцѣ въ древнее время было 4 церкви и мужской Никольскій монастырь. Послѣ перенесенія города на новое мѣсто число церквей, вѣроятно, немного увеличилось. Слѣдовательно, въ Торопцѣ существовало бѣлое и черное духовенство, но число духовныхъ лицъ было незначительно. Въ первой четверти XIII вѣка въ составъ населенія города Торопца совершенно неожиданно оказался архіепископъ: когда новгородскимъ княземъ сдѣлался Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, то вскорѣ его противникъ, сторонникъ суздальской партіи архіепископъ Митрофанъ былъ сосланъ въ Торопецъ, гдѣ прожилъ въ Никольскомъ монастырѣ съ 1211 по 1219 годъ. Пребываніе въ Торопцѣ этого сильнаго умомъ и характеромъ архіепископа не могло остаться безслѣднымъ; быть можетъ, оно отчасти содѣйствовало тому тѣсному сближенію торопчанъ съ суздальскими князьями, которое вскорѣ обнаружилось при Ярославѣ Всеволодовичѣ и Александрѣ Невскомъ.

II.

У п р а в л е н і е. Неизвѣстно, въ чьихъ рукахъ находилось управленіе и судъ въ Торопцѣ въ то время, когда онъ былъ смоленскимъ пригородомъ. Когда же образовалось самостоятельное Торопецкое княжество, то право управленія и суда принадлежало торопецкому князю. Торопчане желали, чтобы ихъ князь непосредственно управлялъ ими и въ важнѣйшихъ дѣлахъ самъ судилъ ихъ. Вѣроятно, по этой причинѣ Мстиславъ Мстиславовичъ, сдѣлавшись повгородскимъ княземъ, счелъ необходимымъ назначить торопецкимъ княземъ Давида Рюрикovichа, хотя и продолжалъ попрежнему имѣть большое вліяніе на все, происходившее въ Торопцѣ, и даже назывался „Торопецкимъ“.

Послѣ присоединенія къ Литвѣ, судъ и управленіе въ Торопцѣ находились въ рукахъ тивуновъ, пазначавшихся великимъ княземъ литовскимъ. Договорныя грамоты Казимира IV съ Новгородомъ свидѣтельствуютъ, что не только въ то время, когда Казимиръ былъ еще только великимъ княземъ (до 1444 г.), но и въ 1470 году существовалъ въ Торопцѣ тивунъ, повидимому, занимавшій такое положеніе,

которое исключало возможность существованія въ то же время торопецкаго намѣстника ¹⁸.

Послѣ покоренія Новгорода Москвою, когда начались пограничныя столкновенія Москвы съ Литвою, король Казимиръ вынужденъ былъ, для лучшей обороны торопецкихъ волостей, вмѣсто тивуновъ назначать въ Торопецъ намѣстниковъ изъ западно-русскихъ знатныхъ бояръ. Извѣстны имена двухъ такихъ торопецкихъ намѣстниковъ. Несомнѣнно, въ 1488—1489 годахъ намѣстникомъ въ Торопцѣ уже былъ князь Семенъ Ѳеодоровичъ Соколинскій; но занялъ онъ эту должность раньше этого времени: въ актахъ литовской метрики попадаетъ извѣстіе, что еще въ 1487 году ему пожаловано было 20 копѣ грошей изъ дани торопецкой. Когда князь Соколинскій сдѣлался намѣстникомъ въ Брянскѣ, то послѣ него короткое время держалъ Торопецъ, кажется, кто-то изъ торопецкихъ уроженцевъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ; онъ былъ въ 1491 году убитъ при вторженіи въ Торопецкую волость холмскаго намѣстника Андрея Колычева ¹⁹. Другой извѣстный по имени торопецкій намѣстникъ былъ панъ Зенько Есаашковичъ, имѣвшій значительныя имѣнія въ повѣтѣ Новгородскомъ (Литовскомъ). Въ 1482 году онъ былъ конюшимъ новгородскимъ и тивуномъ воложинскимъ; въ 1489 году—городничимъ и включникомъ въ Новгороде Литовскомъ. Съ 1491 года по крайней мѣрѣ до 1498 года онъ „держалъ“ Торопецъ ²⁰.

Кромѣ того, сохранилось извѣстіе, что витебскіе бояре, поочередно, въ теченіе года держали, то-есть управляли нѣкоторыми торопецкими волостями и пользовались доходами съ нихъ. Перечисляются 15 семей витебскихъ бояръ, „тымъ годѣно тни волостѣи держать: Жиженцъ, Велижъ, Дубну“ ²¹. Безъ сомнѣнія, эти бояре заботились болѣе всего о полученіи доходовъ въ свою пользу.

¹⁸ А. З. Р. I, 53: „А торопецкому тивуну по новгородскимъ волостемъ не судити“... А. А. Эксп. I, 63: „А на Лукахъ нашъ тіунъ а твой другой, а судъ нѣ напелы, а Торопецкому тіуну по Новгородской волости не судити“... См. также М. Е. Любавскаго Обл. дѣл. и мѣстн. упр. Лит.-рус. гос., стр. 286, 421—422.

¹⁹ Сборн. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 21, 55, 58, 122. Лит. метр. записей кн. IV, лл. 31 и 75.

²⁰ Лит. метр. кн. III, л. 81, кн. IV, лл. 48, 213, 275, 281. Сб. Имп. рус. ист. общ. XXXV, 63, 67, 217, 218.

²¹ Лит. метр. запис. кн. IV, л. 108.—Владимірскаго Буданова „Помѣстное право въ эпоху Литовско-русскаго государства“ въ Чт. въ общ. Нестора лѣт., кн. 3, стр. 76: „волостью управляли поочереды бояре, получившіе на то пожа-

Торопецкіе тивуны, существовавшіе, по всей вѣроятности, и въ древнѣйшую эпоху, во время литовскаго владычества до появленія намѣстниковъ чинили судъ и управу и собирали великокняжескіе доходы, а также и свои доходы, которые впослѣдствіи, когда тивуны въ Торопцѣ были замѣнены намѣстниками, собирались уже въ пользу великаго князя подъ названіемъ тивунщины.

Замѣнявшіе тивуновъ торопецкіе намѣстники защищали торопецкія волости отъ непріятельскихъ нападеній, во главѣ торопчанъ дѣлали вторженія въ сосѣднія новгородскія волости, въ то время уже принадлежавшія Москвѣ. Иногда ихъ назначали на сѣзды, собиравшіеся для разбора „обидныхъ дѣлъ“, т.-е. различныхъ пограничныхъ ссоръ и недоразумѣній между жителями литовско-русскихъ и московскихъ областей. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ намѣстники судили и рѣшали жителей Торопца и нѣкоторыхъ торопецкихъ волостей, причемъ получали въ свою пользу установленныя пошлины, изъ коихъ уплачивали извѣстную сумму „отъ наместничества князю великому, воеводѣ и писаремъ“. Иногда они отправляли въ Вильно въ скарбъ доходы, собранные въ Торопцѣ и въ торопецкихъ волостяхъ, хотя правомъ вѣзда въ волости для сбора податей они не пользовались.

Главною ихъ обязанностью было заботиться о внѣшней безопасности торопецкихъ волостей, во внутреннія же дѣла они, кажется, вмѣшивались лишь постольку, поскольку это было необходимо для полученія ихъ намѣстничьяго дохода. Въ значительной степени значеніе торопецкихъ намѣстниковъ ограничивали господарскіе писари, посылавшіеся время отъ времени для сбора недоимокъ и для другихъ господарскихъ дѣлъ. Вообще власть намѣстника во внутреннихъ дѣлахъ была весьма незначительна. Доказательствомъ этого служатъ случавшееся иногда назначеніе намѣстника изъ торопецкихъ уроженцевъ и предоставленіе нѣкоторымъ волостямъ полной независимости отъ торопецкаго намѣстника.

Назначеніе намѣстникомъ кого-нибудь изъ среды торопецкихъ бояръ или мѣщанъ вызывало большое неудовольствіе со стороны обитателей Старцевой волости, нежелавшихъ подчиняться намѣстнику, избранному изъ торопчанъ. Они добивались, чтобы, въ случаѣ назначенія намѣстникомъ торопчанина, ихъ волость относительно управле-

лованіе; но управленіе заключалось только въ томъ, чтобы „волею выбрать“, т. е. въ полученіи доходовъ. Самое же управленіе въ дѣйствительности находилось въ рукахъ мѣстныхъ жителей и осуществлялось чрезъ выборныхъ лицъ. Такой порядокъ повсемѣстный въ государствѣ“.

нія и суда совсѣмъ была отдѣлена отъ Торопца и судить бы и рѣшилъ ихъ волостной старецъ. 20-го марта 1497 года великій князь литовскій Александръ далъ жителямъ Старцевой волости уставную грамоту, которою освободилъ ихъ отъ всякой зависимости отъ торопецкаго намѣстника, если онъ по происхожденію торопчанинъ, и уничтожилъ всякую связь ихъ съ городскими людьми. Но вскорѣ случилось то же самое, что и при королѣ Казимирѣ, который также сначала „отлучилъ ихъ отъ Торопца, потомъ зася ихъ прилучилъ къ Торопцу“. Другою грамотой, данной, по всей вѣроятности, въ томъ же 1497 году, Александръ уничтожилъ первую грамоту и оставилъ жителей Старцевой волости въ прежнемъ соединеніи съ горожанами, только точнѣе опредѣлилъ ихъ взаимныя отношенія. Этой послѣдней грамотой, „коли дамо отъ насъ Торопецъ держати тамошнему ихъ мещанину або волостному человеку торопцеому“, предоставлялось собирать дань и тивунщину съ Старцевой волости самимъ волостнымъ людямъ и ихъ старцу, и имъ же предоставлялось право самимъ, отдѣльно отъ торопчанъ, „свои стацны и проторы въ свою волость самимъ розметывати“, а судъ и управа въ такомъ случаѣ находились въ рукахъ старца.

Въ городѣ Торопцѣ существовалъ „тивунскій дворъ“, который строили и ремонтировали городскіе и волостные люди. На этомъ дворѣ тивуны, а затѣмъ и намѣстники производили судъ и управу. Здѣсь же останавливались присылаемые по временамъ въ Торопецъ господарскіе писари. Въ 1540 году, когда въ Торопцѣ давно уже не было тивуновъ, существовалъ еще въ Торопцѣ на посадѣ „дворъ тивуновъ“; но тогда въ „городѣ“ уже находился и „намѣстничій дворъ“¹¹.

Изъ вышеказаннаго видно, что власть торопецкихъ тивуновъ и намѣстниковъ въ дѣлахъ внутренняго управленія была незначительна. Очевидно, что въ Торопцѣ до исхода XV вѣка существовало самоуправленіе. Во второй половинѣ XII вѣка, по прямому свидѣтельству лѣтописи, во всѣхъ русскихъ волостяхъ существовали вѣча. Въ западныхъ русскихъ областяхъ долѣе удержались народныя собранія, въ особенности въ Литовско-русскомъ государствѣ, гдѣ великіе князья въ принадлежавшихъ имъ русскихъ волостяхъ оставляли неприкосновен-

¹¹ Сб. Имп. Рус. Ист. Общ. XXXV, 21, 63, 67, 218. Вышеуказанныя грамоты падаются въ актахъ Литов. метрики, въ VI книгѣ записей, лл. 274 и 275, 107. Первая грамота напечатана въ А. З. Р. I, № 146, вторая составлена въ X приложеніе къ соч. М. Е. Лубавскаго Обл. дѣл. и мѣст. управл. Лит.-рус. госуд. Записей кн. VI, л. 281; кн. тороп. писма Ал. Д. Ульянина, лл. 1, 13 и др.

ными старинные русские порядки. Несомненно, что и въ Торопцѣ существовали народныя собранія, или мірскіе сходы, на которыхъ городскіе и волостные люди (мѣщане и мужи) сообща обсуждали важнѣйшія свои дѣла и преимущественно дѣла финансоваго свойства. Значеніе торопецкаго мірскаго схода, какъ бы ни назывался онъ встарину, обнаруживается изъ того, что государь литовскій иногда вступалъ въ непосредственныя сношенія съ торопецкими мѣщанами и мужами и иногда имъ непосредственно писалъ грамоты. Торопчане имѣли право прямо королю подавать жалобы; король или великій князь литовскій иногда лично разбиралъ ихъ дѣла въ присутствіи ихъ выборныхъ людей. Торопецкій мірской сходъ производилъ разверстку податей не только между горожанами и крестьянами мелкихъ соседнихъ торопецкихъ волостей, но по своему усмотрѣнію облагалъ Старцеву и другія волости частью податей, шедшихъ въ скарбъ великаго княжества Литовскаго. На существованіе въ древности мірскаго схода, облеченнаго весьма значительными полномочіями, указываетъ и то, что было въ Торопцѣ впослѣдствіи. Въ актахъ, относящихся къ XVI и XVII вѣкамъ, къ тому времени, когда Торонецъ уже былъ одною изъ московскихъ волостей, встрѣчаются однако слѣдующія выраженія: „Невѣжу Нечаева сына Лопатина выбрали въ Торонецъ на городской приказъ *всею Торопецкою землею*“... „Да къ соборной же церкви. . дали въ домъ торопчане посадские люди *вспомъ городомъ*—старой посадъ за городомъ на другой сторонѣ Торопы реки“... „Торопчане, дворяне и дѣти боярскіе и посадскіе всякіе люди... попомни Бога и Пречистую Богородицу и русскихъ чюдотворцевъ, и твое Государево крестное цѣлованье, въ соборномъ храмѣ, въ Торопцѣ, знаменовались Пречистые Богородицы образомъ на томъ, что имъ служить и прямили тебѣ Государю попрежнему, и съ нами, холопи твоими, и съ Смоленяны, быти во единствѣ и стояти за истинную христіанскую вѣру“... и такимъ образомъ „отъ прелести и отъ смуты отсталъ“... ²².

Органами городского самоуправления въ Торопцѣ были сотскіе. Въ противоположность тивунамъ и намѣстникамъ, представителямъ княжеской власти, „соцкіе“ были выбранными изъ среды торопчанъ охранителями ихъ правъ и финансовыхъ интересовъ. Дѣятельность сотскихъ, будучи исключительно исполнительною, проявлялась главнымъ образомъ въ сборѣ и раскладѣ податей и въ распредѣленіи и

²² Дополн. къ А. Н. I, 108; выписъ изъ тор. писц. кн. 1629 г. Коллегіи Эконом. грам. № 12265 и др.; А. Н. II, 274.

надзоръ за отбываніемъ разнаго рода повинностей. Повидимому, въ древнее время дѣятельность торопецкихъ сотскихъ простиралась одинаково на жителей города и всѣхъ торопецкихъ волостей. Но въ концѣ XV вѣка ихъ дѣятельность, кажется, была ограничена только городомъ Торопцемъ и его ближайшими мелкими волостями, составлявшими Торопецкую волость въ тѣсномъ смыслѣ. Извѣстно, напримеръ, что жители Старцевой волости въ самомъ концѣ XV столѣтія во всѣхъ финансовыхъ дѣлахъ совсѣмъ освободились отъ внимательства торопецкихъ сотскихъ, и ихъ выборный „старецъ“ съ этого времени началъ завѣдывать волостными податями и повинностями²⁴.

Итакъ, истарину во главѣ Торопецкой земли стоялъ городъ Торопецъ съ его вѣчемъ. Городъ и волости составляли одно неразрывное цѣлое. Судъ и управленіе находились въ рукахъ князя и, вѣроятно, его тіуна. Со времени литовскаго владычества Торопецкая земля распалась на отдѣльныя самоуправлявшіяся волости, потерявшія на нѣкоторое время связь съ городомъ Торопцемъ и зависѣвшія только отъ центральной власти Литовско-русскаго государства. Тивуны и намѣстники, державшіе городъ и волости, главнымъ образомъ заботились о полученіи возможно большаго количества доходовъ. Кажется, что финансовыя дѣла служили главною связью и князей русскихъ и литовскихъ съ Торопецкою землею. Во всякомъ случаѣ, и при русскіхъ князьяхъ, и при великихъ князьяхъ литовскихъ—во всѣхъ внутреннихъ, мѣстныхъ дѣлахъ городъ Торопецъ и всѣ торопецкія волости до самаго конца XV вѣка были вполне самостоятельны.

III.

Подати и повинности. Когда первые русскіе князья распространяли свою власть надъ славянскими племенами, ихъ господство прежде всего проявлялось въ обложеніи покоренныхъ данью, состоявшею изъ мѣховъ²⁵. Весьма вѣроятно, что и въ Торопецкой

²⁴ Литов. метр. зап. кн. VI, л. 107. Въ актахъ упоминается только о торопецкихъ сотскихъ и о старцѣ Старцевой волости; неизвѣстно, были ли въ другихъ торопецкихъ волостяхъ сотскіе и старцы. О Веляжской волости встрѣчается такое выраженіе: „люди наши Веляжане вся волость быють челомъ“... о старцѣ не упомянуто, между тѣмъ какъ въ подобныхъ случаяхъ въ актахъ Литовской метрики обыкновенно встрѣчается выраженіе: „старецъ и вси мужи волости“... или „старецъ и вся волость“.. (Запис. кн. V, л. 9).

²⁵ Лаврент. лѣт. 23: „Поча Олегъ коевати Деревляны, и привучивъ ѿ внаше на нихъ дань по черѣ кунѣ“.

землѣ подчиненіе сосѣднимъ русскимъ князьямъ въ древнѣйшую эпоху выражалось платежомъ куничной дани (куницы шерстью). Многое заставляетъ также предполагать, что въ переварахъ, т. е. въ мѣстахъ остановокъ сборщиковъ дани съ ихъ спутниками, торопчане должны были ихъ кормить и, главное, поить пивомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Въ послѣдствіи въ этихъ переварахъ останавливались и тиуны, прѣзжавшіе въ волость не только для сбора дани, но и для производства суда и управы. Кормъ и угощеніе пивомъ (переварой) были въ то время недежкой повинностью, вслѣдствіе чего въ содержаніи „въѣзжавшихъ“ въ волость княжескихъ чиновниковъ принимали участіе всѣ окрестные жители, „танувшіе въ перевару“ и называвшіеся переварянами. Такіе порядки существовали въ смежныхъ съ Торопцемъ волостяхъ еще въ XV вѣкѣ. Въ то время земли, лежавшія къ западу, сѣверу и востоку отъ торопецкихъ волостей, болѣею частью находились въ смѣсномъ владѣніи литовскихъ князей и ихъ сосѣдей. Великіе князья литовскіе получали „черную куру“, и область, расположенная къ сѣверу отъ Торопецкой земли называлась Чернокунствомъ, а обитатели ея чернокунцами. Кромѣ того, по договорнымъ грамотамъ XV вѣка они получали „медъ и пиво съ перевары по силѣ“, „пиво съ перевары, а медъ сытити по силѣ“. Этими грамотами опредѣлялось также литовскому „тувуну“ ѣздить по переваромъ у пятнадцати человѣкохъ, а по чернокунцомъ потому жъ въ пятнадцати человѣкохъ²⁶. Все это въ XV вѣкѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ было обыкновеннымъ явленіемъ²⁷. Въ самой Торопецкой землѣ въ концѣ XV вѣка существовалъ еще сборъ куничныхъ грошей и даже куницъ шерстью; и въ половинѣ XVI вѣка сохранялось еще дѣленіе нѣкоторыхъ мѣстностей Торопецкаго уѣзда на перевары, въ которыхъ жили переварскіе крестьяне, „танувшіе въ перевары“. Когда Торопецкая земля сдѣлалась одною изъ смоленскихъ волостей, яви-

²⁶ А. З. Р. I, № 39; А. А. 9. I, № 87.

²⁷ Въ Ржевской волости: „А люди на нихъ варать дванадцать варовъ пива, а дванадцать ночей имъ ночевати у волости, у восень 12 а зиме 12“... „на владычина поезника варать пиво зиме 12 а лете 12; коли они ездятъ, а подводы берутъ съ перевари до перевари“... „ѣздитъ по тымъ варемъ пивнымъ, пока объедеть пива, а объехавши пива прочъ едетъ“... (А. З. Р. I, № 71). Даже въ частновладѣльческихъ мѣстностяхъ существовали подобныя порядки: „и тѣ села вѣдаетъ игумень и старци; а кунцани мои съ тѣхъ селянъ кунъ не берутъ и иныхъ никакихъ пошлинъ, ни прикащикъ мой къ нимъ не въѣзжаетъ, ни переваръ не піетъ, ни пошлинъ не емлетъ“... (Акты Юридич. № 110, 1470 годъ).

лась возможность большую часть натуральных податей перевести въ денежныя.

Въ 1150 году жители города Торопца и его волостей должны были вносить въ казну смоленскаго князя: дань, погородіе, полюдье, судебныя (продажи и виры) и другія пошлыны. Въ уставныхъ грамотахъ Ростислава Мстиславича, данныхъ въ 1150 году епископіи смоленской, точно указанъ размѣръ дани, получавшейся съ Торопца и его волостей, а также указано, въ чемъ состояло погородіе, собиравшееся только съ жителей города и соотвѣтствовавшее полюдью, получавшемуся исключительно отъ сельскихъ жителей²². Вотъ мѣста Ростиславовой грамоты, которыя относятся къ Торопцу: ...„А въ Торопчи дани чотыриста гривенъ“... „въ Лодейницѣхъ 10 гривенъ дани“... „И се даю изъ Торопча отъ всѣхъ рыбъ, иже идетъ ко мнѣ десатину Святѣй Богородици и епископу“... „А се погородіе: ...а у Торопчи урока 40 гривенъ и 15 лисиць и 10 черныхъ кунъ, неводъ, тре...ица, бредникъ, трои сани рыбы, полавачникъ, двѣ скатерти, три убрусы, берковескъ меду“... Изъ этихъ словъ видно, что въ 1150 году торопчане платили, кромѣ рыбы, мѣховъ, меда и разныхъ издѣлій, деньгами 450 гривенъ, т. е. 180 фунтовъ серебра, если считать гривну кунъ половины XII вѣка вѣсомъ немного менѣе 40 золотниковъ. Еслибы перевести 180 фунтовъ серебра на нашу серебряную монету, то оказалось бы, что торопчане платили въ 1150 году серебромъ дани и погородіа 4320 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей²³.

Неизвѣстно, что собиралось съ городскихъ и волостныхъ людей во время существованія Торопецкаго княжества и позднѣе, но сохранились нѣкоторыя отрывочныя извѣстія о податахъ, поступившихъ въ самомъ концѣ XV вѣка изъ торопецкихъ волостей въ скарбъ великаго княжества Литовскаго.

Въ періодъ литовскаго господства въ Торопцѣ населеніе города и волостей состояло главнымъ образомъ изъ данниковъ, т. е. изъ людей, служба которыхъ главнымъ образомъ заключалась въ платежѣ дани. Дань платили они: грошевую, медовую и куничную. Грошевая дань бралась съ пахатныхъ земель, которыми владѣли данники, а натуральныя—съ ихъ угодій. Впослѣдствіи только въ нѣкоторыхъ

²² Доп. къ А. И. I, № 4. Влад. Буданова Хрест. по ист. праву, вып. I, стр. 247, прил. 40. (3-е изданіе).

²³ У В. О. Ключевскаго въ прилож. къ „Боярской думѣ“ (Изд. 2).—По разсчету г. Голубовскаго 450 гривенъ кунъ соотвѣтствуютъ 81000 нашихъ рублей (въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ 1895 г. апрѣль, стр. 231 и прил. къ ней).

торопецких волостях существовало бортное пчеловодство; кажется, и куничная дань могла быть собираема только съ некоторых волостей, въ других же волостях, гдѣ получило значительное развитіе земледѣліе и скотоводство, куничная дань была замѣнена въ однихъ—яловищиной, въ другихъ (Дубна и Любута)—коневщиной, т. е. вмѣсто платежа дани мѣхами стали доставлять яловицъ или коней. Когда же вмѣсто купицъ перстью была установлена подать куничными грошамъ, то и натуральная дань яловищиной превратилась въ денежную, причѣмъ за яловицу установлено было платить 30 грошей (3 р. 25 коп.)³⁰. Кромѣ дани грошей и дани куничной или замѣнявшей ее яловищиной и коневщиной, тивуны собирали еще доходъ въ свою пользу. Когда же они были замѣнены намѣстниками, то ихъ доходъ поступалъ уже въ казну подъ названіемъ тивунщины. Кромѣ постоянныхъ ежегодныхъ податей торопчане въ XV вѣкѣ платили еще временную дань—серебщину, собиравшуюся на военныя нужды въ различномъ количествѣ, смотря по надобности. Сверхъ того намѣстники и господарскіе писари, посылаемые для собиранія недоимокъ, а иногда и для другихъ государевыхъ дѣлъ, получали свой „писарскій доходъ“, „намѣстничій кормъ“, стацы, подводы и т. д.

Въ актахъ Литовской метрики³¹ находятся извѣстія о количествѣ дани, полученной въ 1495 году съ города Торопца и съ торопецкихъ волостей. 13 мая 1496 года торопчане доставили въ Трои прошлогодней (за 1495 г.) дани—20 рублей грошей. „Торопчане дали дани 20 рублей грошей (рубль по две копе) лоньское дань“. Изъ отчета господарскаго писаря Ивана Яцковича, отъ 21 марта 1496 года, видно, что въ 1496 году получено съ волостей: съ Дубны—15 рублей грошей, съ Рожны—5 р., съ Любута 10 р., съ Туры—7 руб., съ Жижецкой волости—50 р., съ Нежелской—5 р., съ Плавѣцкой—12 р. Въ томъ же году (17 іюля) торопецкій намѣстникъ Зенько Евлашковичъ прислалъ съ 6 задвинскихъ волостей 398 копъ грошей или 199 рублей грошей. Правда, въ числѣ этихъ волостей

³⁰ Въ Лит. метрику запис. кн. V, л. 9:... новина нѣ уведена была, што они дають яловицы до скарбу нашего грошми, барывано дей на нихъ по 50 грошей за яловицу въ каждый годъ. Ино мы тыми разы то нѣ отложили и казали есмо нѣ давати въ кождый годъ за яловицу по полукони грошей и то относится до скарбу нашего (3 мая 1494 г., Велижская волость). Словарь Горбачевского, 146 и 332.

³¹ „Прыходъ и расходъ пенязей, з розныхъ мѣстъ до скарбу припомѣныхъ (Запис. кн. VI, лл. 277—281).

находились 2 волости (Озерицкая и Усвятская), которые не были торопецкими, но зато въ отчетѣ Ивана Яцковича не упомянуты торопецкія волости: Данковская, Старцева, Козаринская и Велижская. Весьма вѣроятно, что здѣсь перечислено не все, что должно было поступать въ скарбъ съ г. Торопца и торопецкихъ волостей въ течение года. Но если допустить, что ежегодно получалось грошевой дани 646 копъ или 323 рубля грошей, и что копа грошей равнялась $6\frac{1}{2}$ современнымъ рублямъ, то сумма всей грошевой дани равнялась бы 4199 нынѣшнимъ рублямъ²². (Въ половинѣ XII вѣка денежной дани поступало въ казну смоленскаго князя ежегодно 450 гривенъ или 4320 нашихъ серебряныхъ рублей).

Сверхъ грошевой дани съ торопецкихъ волостей въ 1496 году получено: яловицны и коневщины приблизительно 175 современныхъ рублей или 27 копъ грошей (въ томъ числѣ коневщины 160 грошей); куничныхъ грошей или кунницъ шерстью съ нѣкоторыхъ волостей—654 гроша (около 71 нынѣшнихъ рублей); тивунщины (съ волостей Жижецкой, Дубны и Туры)—10 копъ грошей или 69 нашихъ рублей.

Такимъ образомъ, кромѣ серебщины, торопчане ежегодно платили дани не менѣе 4500 нынѣшнихъ рублей.

Кромѣ податей на торопчаныхъ лежало много различныхъ повинностей. Изъ *личныхъ* повинностей въ актахъ указываются²³: 1) военная повинность, которая, конечно, падала главнымъ образомъ на служилыхъ людей; 2) городовое дѣло, въ которомъ принимали участіе какъ городскіе, такъ и волостные люди²⁴; 3) отправленіе караульной службы въ Торопцѣ (сторожу на городъ давати); 4) постройка и ремонтровка тивунскаго двора, намѣстничьяго двора и пр.

Изъ *матуральныхъ* повинностей можно указать: 1) содержаніе намѣстниковъ, тивуновъ и господарскихъ писарей во время ихъ „въѣз-

²² См. Горбачевского Слов. древн. акт. языка сѣв.-зап. края, стр. 146 и 332.

²³ Запис. кн. VI, лл. 107 и 275.

²⁴ Въ одной грамотѣ 1460 года король Казимиръ повелѣваетъ, чтобы полоцкій намѣстникъ „маеть приказывати и роздавати дѣло волостемъ, которые будутъ издавна городъ Полтескъ рубливали“. . (А. З. Р. I, № 64). Принимать участіе въ „городовомъ дѣлѣ“ въ Полоцкѣ изъ Задвинскихъ волостей могли только Озерицкая и Усвятская, которые въ древности были полоцкими волостями, но позднѣе они тянули къ Витебску (см. въ Литовской метрицѣ записей книги V, лл. 63 и 64, а также Писц. книг., изд. Импер. Рус. Геогр. Общ., подъ редакціей Балачева, ч. I-я, отд. 2, стр. 433). Задвинскія волости, за исключеніемъ Озерицкой и Усвятской, были торопецкими волостями.

довъ" въ торопецкія волости. Кормы, иначе называвшіяся „стацьями“, въ XV вѣкѣ уже замѣнены были денежными сборами, однако господарскихъ писарей попрежнему во время ихъ прїѣздовъ въ г. Торопецъ и торопецкія волости должны были содержать городскіе и волостные люди (мають они на писара нашего станъ радити и стацьями его и подводами наполю съ торопчаны поднимати); 2) отправленіе подводной повинности.

Смоленскіе великіе князья, а впоследствии и литовскіе, облагали Торопецъ и его волости различными податями общемою суммой, и городскіе и волостные люди платили ихъ сообща, сами распредѣляя ихъ между собою. Въ XV вѣкѣ волости въ финансовомъ отношеніи начали обособляться отъ города и въ большей части волостей подати собирались уже отдѣльно отъ города. Старцева волость, хотя еще платила подати сообща съ торопчанами, однако подати въ ней размѣтывались старцемъ и самими мужами Старцевой волости, и центральное правительство уже устанавливало ту часть общей дани, которая должна была собираться съ Старцевой волости. Такъ напрямѣръ: торопчане должны были платить двѣ доли серебщины, и стацьями и подводами двѣ доли давать, а Старцева волость, вмѣстѣ съ оброчниками, — „третью часть мають платити серебщины и стацьями и подводами поднимати (господарскаго писаря) въ томъ же дворе тивунскомъ въ городе“.

Распредѣленіе податей между городомъ и волостями предоставлено было самимъ торопчанамъ. Въ древнее время городскіе и волостные люди сами размѣтывали между собою подати и повинности на своихъ сходахъ. Въ XV вѣкѣ большая часть торопецкихъ волостей уже отдѣльно отъ Торопца размѣтывала между собою подати. Даже Старцева волость, не успѣвшая еще и въ самомъ концѣ столѣтія обособиться отъ города, добилась уставной грамоты, по которой, между прочимъ, предоставлялось старцу и волостнымъ людямъ самимъ, отдѣльно отъ торопчанъ, размѣтывать между собой все подати и повинности: „А торопчаномъ и соцкимъ торопецкимъ не надобе в нихъ вступатися: заведати ихъ старцу, и дань, и серебщину, и тивунщину збирати самимъ имъ, опрочъ торопчанъ“. Усиленное стараніе горожанъ удержать прежніе порядки и, наоборотъ, настойчивыя хлопоты жителей Старцевой волости отдѣлиться въ финансовомъ отношеніи отъ города доказываютъ, что на торопецкомъ вѣчѣ господствовали горожане и что раскладка податей и повинностей, вслѣдствіе этого, производилась такимъ образомъ, что городъ Торопецъ оказывался въ привилегированномъ положеніи.

Со временъ Витовта данники торопецкихъ волостей, чрезъ своихъ сотскихъ и старцевъ, сами собирали подати и отсылали ихъ до скарба³⁵. Надо полагать, что и въ болѣе раннюю эпоху торопчане сами производили между собой раскладку податей, и что дань собиралась ихъ сотскими и старцами, причемъ на первомъ мѣстѣ въ Торопецкой землѣ стояли торопецкіе сотскіе, финансовая власть которыхъ простиралась, кажется, на всѣ торопецкія волости; они, вмѣстѣ съ ихъ помощниками, были главными сборщиками податей. Въ XV вѣкѣ для сбора серебщины и недоимокъ иногда присылались господарскіе писари, пользовавшіеся отъ городскихъ и волостныхъ людей не только кормами и подводами, но и такъ-называемымъ писарскимъ доходомъ („доходъ писарскій, то-есть взъездъ ихъ“). Подати отсылались въ скарбъ и самими торопчанами, и ихъ сотскими, и старцами Старцевой волости, и торопецкими намѣстниками, и господарскими писарями.

Изъ вышеизложеннаго обнаруживаются только прямые налоги и составлявшаяся изъ нихъ сумма денегъ, которая въ 1150 году поступала въ смоленскую казну, а въ 1496 году въ скарбъ великаго княжества Литовскаго. Хотя остаются неизвѣстными тѣ колебанія и измѣненія, которыя происходили въ разное время и въ самыхъ податяхъ, и въ количествахъ собираемыхъ съ Торопецкой земли денегъ, и въ способѣ ихъ взиманія, а также и величина торговыхъ и судебныхъ пошлинъ и тѣхъ налоговъ, которыя шли на удовлетвореніе мѣстныхъ погребностей, однако вышеприведенныя данныя во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о весьма значительныхъ размѣрахъ торопецкихъ податей. Изъ грамоты 1150 года видно, что Торопецкая земля, платившая болѣе седьмой части дани, получавшейся со всѣхъ смоленскихъ податныхъ округовъ, была первымъ округомъ по количеству дани, и что изъ 11 поименованныхъ въ грамотѣ городовъ Торопецъ платилъ болѣе чѣмъ 10 остальныхъ городовъ въ совокупности. Но само собою разумѣется, это не даетъ права заключать, что Торопецъ по своему богатству былъ первымъ послѣ Смоленска городомъ въ Смоленской землѣ, потому что при раскладкѣ податей могли приниматься въ соображеніе, кромѣ платежныхъ силъ населенія, и другія основанія. Коренные, внутренніе смоленскіе города платили сравнительно незначительную дань, а нѣкоторые изъ нихъ платили только погородіе, съ Торопца же бралась большая дань потому, что эта волость не была коренною смоленскою и была присоединена къ Смоленску незадолго

³⁵ А. З. Р. II, № 75.

до 1150 года. И во время литовскаго владычества торопецкая дань должна была быть значительною, потому что литовскіе господа имѣли основаніе смотрѣть на нее какъ на контрибуцію, какъ на результатъ завоеванія и вмѣстѣ освобожденія торопчанъ отъ возможности платить дань татарамъ. Слѣдовательно, значительные размѣры податей не могутъ служить въ данномъ случаѣ показателемъ богатства и матеріальнаго благосостоянія торопчанъ. Но при этомъ невольно возникаетъ вопросъ, въ чемъ заключались источники тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя давали имъ возможность уплачивать довольно тяжелые налоги. Отвѣтъ на этотъ вопросъ приводитъ къ ознакомленію съ экономическимъ бытомъ древнихъ обитателей Торопца.

IV.

Экономическій бытъ. Въ древнее время природа и географическое положеніе Торопецкой земли предрасполагали ея обитателей къ занятіямъ охотой, рыбной ловлей и бортнымъ пчеловодствомъ. И дѣйствительно, въ 1150 году даже горожане доставляли въ княжескую казну, между прочимъ, въ весьма значительномъ количествѣ медь, мѣха и рыбу. Нельзя допустить, чтобы они пріобрѣтали ихъ посредствомъ покупки для уплаты погородія. Въ 1150 году вся дань, даже собираемая съ волостныхъ людей, уже была переведена на деньги, поэтому горожане, еслибы не добывали сами мѣховъ, рыбы и меда, платили бы все погородіе гривнами кунъ. Слѣдовательно, горожане владѣли весьма значительнымъ пространствомъ земли внѣ города и вслѣдствіе этого, имѣли возможность въ большихъ размѣрахъ заниматься охотой, рыболовствомъ и бортнымъ пчеловодствомъ.

Въ лѣсистой и многоводной Торопецкой землѣ, въ которой еще въ самомъ концѣ XVII вѣка существовалъ „корабельнаго дерева промыслъ“, должны были существовать и тѣ первобытные приемы охоты на звѣрей и птицъ, какіе въ древнее время были примѣняемы въ другихъ русскихъ областяхъ. На это указываютъ „путики“, о которыхъ упоминается еще въ XVI вѣкѣ, названіе деревни „Перевѣсъ“ на рѣкѣ Торопѣ и многое другое³⁶. Также нельзя сомнѣваться, что жители города Торопца занимались въ 1150 году пчеловодствомъ, такъ какъ сохранилось извѣстіе, что они въ то время доставляли въ казну князя „берковескъ меду“. Кромѣ того, во всей Смоленской области

³⁶ Дѣла Печати. прик. помл., книга 285, л. 21 (въ А. Мин. Юст.).—Тор. писц. кн. 1540—41 г., л. 277 (въ М. Г. А. М. Иностр. Д.).—Тороп. писц. кн. 1628—31 гг. № 888, л. 581 (въ А. М. Юст.).

только изъ Торопца и Жижица доставлялась рыба для княжескаго двора, вѣроятно вслѣдствіе того, что рыба изъ озеръ Соломена, Заликовья и Жижица (Жижецкаго) считалась въ то время особенно вкусною (въ настоящее время славится своимъ вкусомъ рыба только изъ Жижецкаго озера). Рыбная ловля производилась лѣтомъ и зимой. Жители города Торопца въ половинѣ XII вѣка давали въ княжескую казну отъ зимняго улова 3 саней рыбы.

Съ теченіемъ времени народонаселеніе торопецкихъ волостей возросло, а площадь, занятая лѣсами, уменьшилась, и охота, рыболовство и пчеловодство сдѣлались менѣе выгодными промыслами и могли доставлять занятіе лишь ограниченному числу людей. Въ концѣ XV вѣка въ литовскую казну поступало сравнительно немного куничныхъ грошей и кунницъ шерстью и притомъ только съ нѣкоторыхъ волостей. Рыба уже не доставлялась къ княжескому двору и такъ дорого цѣнилась, что съ первой половинѣ XVI вѣка жители черныхъ волостей за пользованіе рыбною ловлею платили уже значительный оброкъ московскому великому князю. Медъ тоже не отпирался до ключа великаго князя литовскаго, какъ бывало прежде и какъ дѣлалось въ томъ же XV вѣкѣ въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Литовско-русскаго государства. Въ 1540 г. только въ двухъ волостяхъ Торопецкаго уѣзда, а въ 1584 г. въ одной, еще собирался оброкъ „съ лѣсу съ бортного ухोजея“³⁷. Въ 1540—41 г. крестьяне Козаринской волости, гдѣ исполнены были дѣти боярскіе, должны были доставлять своимъ помѣщикамъ медъ, что можетъ свидѣтельствовать о возникновеніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой волости искусственнаго пчеловодства. По всей вѣроятности, бортное пчеловодство все болѣе и болѣе падало и постепенно замѣнялось искусственнымъ. Вотъ въ какомъ положеніи еще въ XVII вѣкѣ (21 октября 1678 г.) находилось пчеловодство въ одной мѣстности, до исхода XV вѣка входившей въ составъ Торопецкой земли. „Въ той же (Жарковской) волости пчелной дворъ огороженъ заборомъ, а на немъ строенъ — анбаръ новой, да на дворе жъ 22 улья со пчелами, 30 ульевъ бѣзъ пчелъ. Да бортного жъ лѣсу вдоль на 7, поперегъ на полтретьи версты. А въ техъ лѣсахъ—10 бортей со пчелами, 56 бортей безъ пчелъ“³⁸.

³⁷ Тороп. писц. книга Алекс. Ульянина и „Списокъ съ приправочной переписной книги оброчныхъ и безоброчныхъ рыбныхъ ловель... писана Гр. Колединскаго 1584 г.“ въ книгѣ 8165, лл. 739—745 (въ Арх. М. Юстиціи).

³⁸ Переписная книга дворцовыхъ волостей Бѣльскаго уѣзда 1679 года. Кн. 637, л. 222 (въ А. М. Юстиціи).

По мѣрѣ того, какъ населеніе возростало въ Торопецкой землѣ, охота, рыболовство и пчеловодство могли служить занятіемъ уже для меньшаго числа людей, чѣмъ прежде; занятіе же земледѣліемъ даже между городскими жителями должно было получить большое распространеніе. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что было въ городѣ Торопцѣ въ половинѣ XVI-го вѣка. Тогда въ распоряженіи горожанъ были пахатныя и сѣнокосныя земли, рыбныя ловли, выгонная земля, находившіяся около самаго города. Кромѣ пользованія этой городской землей, нѣкоторые жители занимали еще участки земли вблизи города и пахали ихъ „наѣдомъ“, продолжая жить въ городѣ; другіе занимали въ разныхъ частяхъ уѣзда не занятые или запустѣвшіе участки земли и обрабатывали ихъ или сами лично, или посредствомъ своихъ людей (холоповъ), или призывали къ себѣ крестьянъ, ставили дворы и распахивали земли, причемъ пользовались десятилѣтнею льготой отъ податей и повинностей.

Несомнѣнно, что уже въ древнѣйшую эпоху въ городѣ Торопцѣ была развита и ремесленная дѣятельность. Въ 1150 г. торопчане, одни изъ всѣхъ жителей Смоленской земли, доставляли князю различныя рыболовныя снасти и различныя полотняныя издѣлія, между прочимъ скатерти, слѣдовательно, имъ уже извѣстно было такъ-называемое гирное тканье. Видно, что торопецкія льняныя и конопляныя издѣлія пріобрѣли уже извѣстность²². По мѣрѣ увеличенія народонаселенія въ Торопецкой землѣ, должна была все болѣе развиваться ремесленная дѣятельность городского населенія, направленная, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ на удовлетвореніе первоначальныхъ потребностей жителей города и его волостей.

Хотя большинство городского населенія искало себѣ средствъ къ жизни въ занятіяхъ земледѣліемъ, охотой, рыболовствомъ, пчело-

²² Аристова Промышлен. въ др. Руси, 135.—На основаніи словъ Ростиславовой грамоты г. Красноперовъ утверждаетъ, что „изъ Торопца привозились въ Смоленскъ для продажи убрusy, скатерти, полотна и пр. предметы, преимущественно женскаго кустарнаго производства... Такъ извѣстно, что женщины-кустары занимались въ XII в. гирнымъ тканьемъ (въ Торопецкой области), производствомъ скатертей, плетеньемъ кружевъ, тканьемъ полотенецъ, полавочниковъ и пр. Что эта отрасль кустарнаго производства была здѣсь значительно распространена, видно изъ Уставной Ростиславовой грамоты, по которой смоленскому князю шла даже особая дань издѣліями кустарнаго производства“. (См. „Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества“, въ „Историч. Обзорѣн“, т. VII, 92 и 100).

водствомъ и ремеслами, однако въ Торопцѣ очень рано проявляется и торговая дѣятельность. Уже вещи, найденныя въ одной сопкѣ торопецкаго могильника, свидѣтельствуютъ о торговых сношеніяхъ торопчанъ: желѣзо не добывалось въ Торопецкой землѣ, а между тѣмъ въ сопкѣ найдены желѣзные ножи и гвоздь; искусно сдѣланная серебряная серга и красивая пуговка той же могилы, вѣроятно, попали въ Торопецъ изъ Византіи. Первый торопчанинъ, о которомъ разсказывается въ лѣтописи подъ 1074 годомъ, былъ богатымъ купцомъ. „Яко се бысть другій черноризецъ, именемъ Исакий: яко же и еще сущю ему в мірѣ, въ житіи мирьстѣмъ, и богату сущю ему, бѣ бо купецъ, родомъ Торопечанинъ, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣнье свое требующимъ и монастыремъ, и иде к великому Антонію въ пещеру, моляся ему, дабы ѿ створилъ черноризцемъ, и пріять ѿ Антоніи, възложи на нь порты чернецкыя царекъ имя ему Исакий, бѣ бо имя ему Чернь“⁴⁰... Изъ житія св. Θεодосія видно, что Исакий прожилъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ не менѣе семи лѣтъ до ухода Антонія въ Черниговъ (1068 г.), слѣдовательно, уже въ 1061 году въ Торопцѣ настолько была развита торговая дѣятельность, что между тамошними торговцами могли попадаться даже богатые купцы.

Около стараго городища Кривитеска находится мѣсто, называвшееся въ XVI вѣкѣ Лодѣйницею. Оно встарину служило пристанью для „лодій“, „лодей“. Очень правдоподобно, что торопчане собирали какую-нибудь пошлину съ останавливавшихся въ этой пристани „лодій“ („лодья“) и съ проѣзжавшихъ лодейниковъ („лодьяница“), и что эта доходная статья облагалась данью въ пользу смоленскаго князя. Въ грамотѣ 1150 года находятся такіе слова: „Въ Лодейницѣхъ 10 гривень дани, а изъ того гривна Святѣй Богородици. И се даю изъ Торопча отъ всѣхъ рыбъ, иже вдетъ ко мнѣ, десятину Святѣй Богородици и епископу“... Если допустить, что здѣсь говорится о торопецкой пристани, то это могло бы служить указаніемъ на значитель-

⁴⁰ Лаврент., 186. Патерикъ Печерскій—II. С. Р. Л. I, 259 и 263. Здѣсь между прочимъ: „и ина многа повѣдаютъ о немъ, другое и самъ видѣхъ“. См. стр. 84, 261 и 264. Но въ житіи Θεодосія по списку XII вѣка, написанномъ преп. Несторомъ (Чтенія въ Общ. исторіи и древн. рос. 1858 г., кн. 3), въ разсказѣ о славныхъ черноризцахъ, жившихъ при Θεодосіи въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, ничего не сказано о подвигахъ Исакія. Это одно изъ доказательствъ того, что Несторъ не былъ составителемъ начальной лѣтописи.—II. С. Р. Л. IX, 104.

ные размѣры торопецкой торговли и на бойкій торговый водный путь, проходившій около города Торопца⁴¹.

Но, какъ бы ни были значительны торговые обороты города Торопца, по всей вѣроятности, они сосредоточивались въ рукахъ нѣсколькихъ богачей, подобныхъ вышеуказанному Исакию, которому имя „мирьскос“ было „Чернь“.

Послѣ вышеприведенныхъ извѣстій лѣтописи и Ростиславовой грамоты до самаго XVI вѣка не встрѣчается прямыхъ указаній на торопецкую торговлю. Однако, многія обстоятельства приводятъ къ убѣжденію, что и послѣ XII вѣка торопецкая торговля не могла притти въ совершенный упадокъ. 1) Городъ если и не лежалъ на такъ-называемомъ великомъ водномъ пути, то во всякомъ случаѣ находился въ недалекомъ отъ него разстояніи. 2) Съ половины XII вѣка происходило бойкое торговое движеніе между Смоленскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ съ одной стороны и Ригой, Готландомъ и нѣкоторыми нѣмецкими городами съ другой. Близость Торопца (55 верстъ) отъ торговаго пути по Западной Двинѣ и близкая связь его съ упомянутыми русскими городами неминуемо заставляютъ предполагать какое бы то ни было участіе торопчанъ въ этихъ торговыхъ сношеніяхъ съ иностранцами⁴². 3) Извѣстія, дошедшія до насъ отъ XVI вѣка, внушаютъ увѣренность, что Торопецъ давно уже былъ торговымъ городомъ.

Неизвѣстно, съ кѣмъ торговали торопчане до XVI вѣка; можно только догадываться, что они возили въ Ригу нѣкоторые произведенія своей страны, напримѣръ, строевой лѣсъ. Если существовали въ

⁴¹ Тороп. книги писма А. Д. Ульянина 1540 г., л. 82: „Въ Збуцкой переварѣ, подъ городомъ подъ Торопцемъ, деревня за торопецкими ямщиками Чернье, деревня Небино надъ озеромъ надъ Торопецкимъ, противъ Лодѣйницы, а въ немъ живутъ ямщики“... Деревни Чернье и Небино расположены были противъ стариннаго города, по другую сторону р. Торопы, гдѣ со второй половины XVI вѣка находился Небинъ монастырь и его владѣнія. Названіе „Чернье“ не указываетъ на, что эта мѣстность нѣкогда принадлежала Исакию?

⁴² Въ хроникѣ Генриха Латыша, вслѣдъ за описаніемъ битвы на Балкѣ, говорится, что смоленскій, полоцкій и *нѣкоторые другіе русскіе князья* отправили пословъ въ Ригу съ просьбой о заключеніи мира („*Emisit rex de Smalenceka et rex de Plosceke et quidam alii regis de Ruscia nuncios suos in Rigam*“... *Chronicon livon. vetus*, р. 266). По всей вѣроятности, подъ „нѣкоторыми другими князьями“ разумѣются князья витебскій и торопецкій, принявшіе участіе въ посылкѣ пословъ для заключенія извѣстнаго торговаго договора 1229 года.

XV вѣкѣ и раньше какихъ-либо непосредственныхъ торговыхъ сношеній Торопца съ нѣмецкими городами, то, кромѣ Риги, торопчане могли торговать также съ жителями Данцига, такъ какъ этотъ городъ, со времени заключенія мирнаго договора 12 октября 1398 года между Витовтомъ и нѣмецкимъ орденомъ, игралъ въ областяхъ Полоцкой и Смоленской, ближайшихъ къ Торопцу, первенствующую торговую роль. Должно думать, что Торопецъ, подобно тому, какъ это было въ XVI вѣкѣ, посѣщали торговцы изъ Витебска, Полоцка, Новгорода, Москвы и другихъ русскихъ городовъ. По всей вѣроятности, въ эти же города ѣздили и торопецкіе торговцы.

Главнымъ образомъ торопецкая торговля служила для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, и предметами торговли были преимущественно предметы первой необходимости. Предметами же отпускной торговли были мѣха и рыба. Можно предполагать, что впослѣдствіи начала развиваться торговля сукнами, крашениной, грубымъ полотномъ, щепетиньемъ и т. п. товарами. По мѣрѣ развитія земледѣлія и увеличенія количества домашнихъ животныхъ, начали торговать и кожами. Въ началѣ XVII-го вѣка (1605 г.) торговля коровьими, лошадиными и овечьими шкурами приняла весьма значительные размѣры. Конечно, нельзя утверждать, что торопчане въ древнее время торговали выдѣланными и невыдѣланными кожами. Впрочемъ, въ Данцигѣ въ XV вѣкѣ продавалась черная и красная юфть изъ Смоленской области (*Smolenskisches Werk*). Въ 1425 г. тысяча черныхъ кожъ продавались за 56 марокъ (=168 соврем. талерамъ), тысяча красныхъ за 40 (=120 тал.), (цѣны въ разные годы были неодинаковы)¹¹. Такъ какъ впослѣдствіи Торопецъ славился своими кожевенными заводами, то можно предположить, что подъ „*Smolenskisches Werk*“, между прочимъ, разумѣется и торопецкая юфть.

Изъ Данцига, чрезъ посредство литовскихъ купцовъ, привозилась въ Торопецъ соль. Хотя въ Старой Русѣ очень рано началось добываніе соли, однако еще въ 1540 г. соль привозилась въ Торопецъ „пріѣзжими людьми съ Литвы“.

Не сохранилось свѣдѣній о способахъ и характерѣ торопецкой торговли до XVI вѣка, но извѣстно, что въ другихъ сосѣднихъ торговыхъ городахъ въ древности торговля производилась большею частью компаніями или артелями. Купцы соединялись между собою въ торговые товарищества, отдавали себя подъ покровительство церкви

¹¹ Г. Голубовскаго Ист. Смол. земли, стр. 137 (въ Киев. Унив. Изв. 1895 г., № 1).

и святого патрона, добивались права самимъ управлять торговыми дѣлами и имѣть свой независимый торговый судъ. Грамота Всеволода, данная церкви Ивана на Опокахъ, представляетъ нѣкоторыя указанія на составъ и дѣятельность Ивановскаго товарищества⁴⁴. Такъ какъ такого рода учрежденія вытекали изъ условій и духа того времени, то надо предположить существованіе чего-нибудь подобнаго и въ городѣ Торопцѣ. Торопчанинъ Чернь былъ богатымъ купцомъ, слѣдовательно, съ самаго древняго времени уже существовало въ Торопцѣ купечество, но существовали ли тамъ купеческія общины или купеческія товарищества?

Сопоставляя грамоту Всеволода Мстиславича съ тѣмъ мѣстомъ торопецкой писцовой книги 1540 г., гдѣ говорится о пошлинахъ, собиравшихся въ пользу Егорьевской церкви, должно притти къ заключенію, что въ Торопцѣ въ XVI вѣкѣ, наканунѣ отмѣны старинныхъ порядковъ, удерживались еще русскіе торговые обычаи XII вѣка⁴⁵. Въ 1540 г. соборной церкви св. Егорія принадлежало 12 лавокъ; люди, торговавшіе въ нихъ, давали ежегодно въ церковь „12 гривенокъ темьяну“. Для сбора „пошлинъ церковныхъ св. Егорья“ избирался изъ общины особый „вѣсчен староста“, который собиралъ пошлины съ „пріѣзжихъ людей съ Литвы“, а также съ торговцевъ, пріѣзжавшихъ изъ Москвы, Новгорода и другихъ городовъ. Собранныя вѣсчимъ старостой деньги шли „на церковную потребу: на воскъ, и на темьянъ, и на проскуры, и на церковное строенія, а попомъ то на поделъ, не идетъ“. Какъ остатокъ старинны и въ настоящее время подъ нѣкоторыми торопецкими церквами находятся лавки и помѣщенія для склада товаровъ, хотя въ Торопцѣ нѣтъ церквей, построенныхъ раньше XVII вѣка.

Такъ какъ всѣми принято, что въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ при церкви св. Іоанна было самоуправляющееся купеческое товарищество или гильдія⁴⁶, то слѣдуетъ признать, что и въ Торопцѣ до XVII вѣка существовала по крайней мѣрѣ одна привилегированная община купцовъ, имѣвшая покровительную соборную церковь св. Егорія.

⁴⁴ Доп. къ А. И. I, № 3:... „а вѣсити старостамъ Иваньскимъ, двѣма купцемъ пошлымъ, добрымъ людямъ, а непошлымъ купцемъ старощенія не дръжати, ни вѣсу ниъ не вѣсити Иваньского. А у гостя ниъ вѣсити:... а Новгородцю не вѣсити ни на которого гостя“....

⁴⁵ Книги тороп. писма А. Д. Ульянина, л. 33.—Доп. къ А. И. I, № 95.

⁴⁶ Никитскаго Ист. эконом. быта В. Новгорода, стр. 89—96; см. также его статью „Святой Иванъ на Опокахъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1870 г., ч. CXLL.

Вышеприведенныя неполныя и отрывочныя свѣдѣнія о занятіяхъ жителей города Торопца до исхода XV вѣка свидѣтельствуютъ, что въ этомъ небольшомъ городѣ довольно сильно по тому времени была развита не только добывающая промышленность, но даже и обрабатывающая и передаточная.

V.

Религіозно-нравственное состояніе общества. Несомнѣнно, что на первомъ планѣ для торопчанъ было ихъ матеріальное благосостояніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ то время имъ нечужды были духовныя потребности, удовлетвореніе коихъ они находили главнымъ образомъ въ религіи и исполненіи различныхъ религіозныхъ обрядовъ.

Лучшимъ доказательствомъ заселенія Торопца кривичами въ дохристіанскую эпоху служить существованіе около города курганнаго славянскаго кладбища. Въ XVII вѣкѣ оно называлось урочищемъ „Могила“ и находилось въ междѣ выгонной городской земли. Однако въ послѣдствіи торопчане-христіане не подорожили этимъ мѣстомъ, и оно попало во владѣніе поповъ торопецкой церкви свв. Бориса и Глѣба: „владѣли изстари прежныіе попы до писца Дмитрія Воейкова“ (до 1628 года). Дм. Воейковъ, описавшій въ своей книгѣ самыя ничтожныя клочки земли, принадлежавшія Борисоглѣбской церкви, даже не упомянулъ объ этомъ урочищѣ, и только въ 1686 году новыя писцы измѣрили его и оказалось „по нынѣшнему писму и мѣрѣ и по сыску стороннихъ всякихъ чиновъ людей—449 человекъ—въ урочищѣ Могилахъ пашенной земли—четыре десятины, сѣна 25 копень“⁴⁷.

Это кладбище, окруженное съ трехъ сторонъ рѣкою Торопой и озеромъ Заликовьемъ, было расположено такимъ образомъ, что изъ Кривитеска можно было сюда перевезти покойника не иначе, какъ на лодкѣ: городъ живыхъ совсѣмъ былъ отдѣленъ отъ царства мертвыхъ. Замѣчательно, что съ высоты Кривитеска нельзя было видѣть сопокъ, хотя онѣ были насыпаны на высокомъ мѣстѣ⁴⁸.

Кладбище находится не болѣе версты разстоянія къ западу отъ того мѣста, гдѣ находился городъ Кривитескъ, за глубокимъ и широкимъ оврагомъ, прежнимъ русломъ рѣки Торопы, называвшимся

⁴⁷ Подлинная писцовая книга Л. И. Монастырева и подьячаго Исаи Баскакова, книга 478, лл. 474 и 475 (въ А. М. Юстиціи).

⁴⁸ Сопъ-насыпь; въ предѣлахъ всего Торопецкаго княжества курганы назывались сопками и теперь такъ называются.

въ XVII вѣѣ—Броснинскимъ болотомъ⁴⁹. Постепенно понижаясь къ сѣверу, оно спускается къ озеру Заликовью и къ устью рѣки Торопы двумя полосами, идущими параллельно, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой. На восточной полосѣ, лежавшей ближе къ городу, при впаденіи рѣки Торопы въ озеро Заликовье, можно насчитать до 60 сопокъ; на западной, спускающейся уже къ озеру Заликовью,— до 40 сопокъ; по берегу озера, между этими двумя полосами, вытянулись въ одну линію еще сопокъ десять. Прежде сопокъ было несравненно большее количество, но изъ нихъ постоянно брали песокъ и такимъ образомъ ихъ уничтожали; и теперь замѣтны мѣста, гдѣ еще недавно были сопки, скрытыя до основанія⁵⁰.

Наибольшее скопленіе сопокъ замѣчается въ сѣверной части, ближе къ рѣкѣ Торопѣ и озеру Заликовью. Здѣсь почва состоитъ изъ грубаго желтаго песку, изъ котораго и сопки насыпаны. Вѣроятно, по бесплодности почвы землю здѣсь не пахали; по крайней мѣрѣ, въ этомъ мѣстѣ могильника сопки болѣе или менѣе сохранили свою полушаровидную форму. Къ югу же отъ этихъ нижнихъ сопокъ, на мѣстѣ еще болѣе возвышенномъ, гдѣ верхній слой земли лучшаго свойства, отъ долговременной пахоты—сопки совсѣмъ потеряли свою первоначальную форму.

Онѣ, повидимому, расположены безъ всякаго порядка, хотя, можетъ быть, что такъ представляется только при поверхностномъ наблюденіи. Напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ пять или шесть небольшихъ сопокъ расположены по окружности въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, а въ центрѣ круга — большая сопка. Въ другомъ мѣстѣ кладбища есть очень высокая, хорошо сохранившаяся сопка, къ которой совсѣмъ примыкаетъ другая, низкая и сравнительно незначительная по величинѣ, сопка такой же формы, какъ современные христіанскія могилы, только несравненно большихъ размѣровъ. Несомнѣнно, что эти двѣ сопки составляли одно цѣлое, точно также какъ и предыдущая группа.

Для ознакомленія съ торопецкими погребальными обычаями, на этомъ могильникѣ недавно разрыта была одна сопка, своимъ внѣш-

⁴⁹ Въ настоящее время это старое русло рѣки Торопы представляетъ болото, съ трудомъ переходимое въ самое жаркое лѣто.

⁵⁰ Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что кромѣ описываемаго курганнаго кладбища, вблизи города уцѣлѣло еще большее количество сопокъ съ южной стороны; отдѣльныя группы сопокъ, отъ 2—6 сопокъ и болѣе, находятся повсемѣстно въ Торопецкомъ уѣздѣ, представляя собою, вѣроятно, семейныя кладбища (Котляревскаго О погреб. обыч., стр. 227).

нимъ видомъ наиболѣе сходная съ большинствомъ сопоекъ и расположенная въ мѣстѣ наибольшаго ихъ скопленія.

Полусферовидная сопка, съ испорченною вершиной, имѣла въ окружности по основанію—64 аршина; отъ основанія чрезъ вершину до основанія сопки съ другой стороны: съ востока на западъ—25 арш., съ юга на сѣверъ—21 арш.; діаметръ основанія (съ юга на сѣверъ)—19 аршинъ; высота болѣе двухъ аршинъ (сопка испорченная). Сопка насыпана изъ крупнаго желтаго песку, взятаго тутъ же. На почвенномъ слоѣ подъ трупомъ насыпанъ былъ тонкій слой чего-то, ярко-краснаго цвѣта. Угольевъ на почвенномъ слоѣ совсѣмъ не оказалось: костра, слѣдовательно, не было; но оказался толстый слой черной земли, который образовался, вѣроятно, вслѣдствіе сожженія туловища и гроба или только обжиганія ихъ посредствомъ березовой коры. (Найденный здѣсь большой, нѣсколько погнутый желѣзный гвоздь, на которомъ замѣчено было совсѣмъ истлѣвшее дерево, по-видимому, былъ вбитъ въ гробъ). Но если туловище было предано сожженію или обжиганію, то голова, напротивъ того, съ цѣлью защитить ее отъ дѣйствія огня, была до такой степени плотно обернута чѣмъ-то непроницаемымъ, что, когда счищали съ черепа землю, всѣми присутствовавшими при раскопкѣ сопки ощущался весьма сильный трупный запахъ. Сохранились: сильно истлѣвшій черепъ (въ нижней челюсти 4 совсѣмъ стертыхъ зуба, остальныхъ же не было задолго до смерти), 3 шейныхъ позвонка и 2 плечевыхъ кости. Такимъ образомъ эти похороны представляютъ переходную ступень отъ трупосожженія къ погребенію. Положеніе трупа было: ноги къ востоку, голова къ западу (лицо было обращено къ востоку). Глиняныхъ горшковъ не оказалось. Въ двухъ мѣстахъ внутри сопки, въ равномъ разстояніи отъ покойника къ сѣверу и югу, найдены принадлежности кожевенныхъ заводовъ: куски полустлѣвшихъ кожи, бересты, кусковъ дубоваго дерева и коры съ тонкихъ прутьевъ. Неужели эти предметы должны были обозначать главное занятіе при жизни покойника? Неужели уже въ дохристіанскую эпоху существовали въ Кривитескѣ кожевенные заводы, которыми впослѣдствіи славился Торопецъ? Кромѣ вышеупомянутаго гвоздя, въ сопкѣ найдены были два неодинаковой величины желѣзныхъ ножа, съ слѣдами деревянныхъ черенковъ, серебряная серьга съ зеленымъ стекляннымъ колечкомъ (въ видѣ привѣска) и на шеѣ свѣтложелтый шарикъ съ 6 на немъ разноцвѣтными пятнами и съ отверстіемъ для продѣванія шнура.

Эта сопка, весьма сходная по внешнему виду съ большинствомъ сопокъ торопецкаго могильника, по разрытіи ея представила нѣкоторыя особенности, быть можетъ, характеризующія торопецкій способъ языческаго погребенія; но во всякомъ случаѣ при этомъ обнаружилось во всемъ существенномъ полное сходство со всѣмъ тѣмъ, что наблюдалось при раскопкѣ славянскихъ кургановъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи; это обстоятельство позволяетъ сдѣлать заключеніе, что и въ курганный періодъ погребенія въ Торопцѣ существовало славянское населеніе.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, это языческое кладбище было совсѣмъ заброшено и заросло дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ, по мѣстному преданію, въ полной безопасности скрывались разбойники.

Такимъ образомъ, позабыто было торопчанами языческое кладбище и утрачено воспоминаніе о событіяхъ дохристіанской эпохи, но сохранились въ Торопцѣ нѣкоторыя языческія празднества и игрыща, имѣвшія очень важное значеніе въ жизни торопчанъ долгое время послѣ принятія христіанства. Эти религіозныя языческіе обряды и игрыща пережили память объ именахъ божествъ, въ честь которыхъ они были установлены. Однако преданіе помнитъ, что въ Торопцѣ нѣкогда поклонялись идоламъ. Свящ. Иродіоновъ въ 1778 году писалъ, что „на всѣхъ сторонахъ“ города Торопца находятся горы, „нарочито окопанныя и положеніемъ отличныя“, на которыхъ язычники приносили жертвы и поклонялись идоламъ, почему и стали называться „поклонными.“⁵¹ Описаніе празднествъ и игрыщъ можетъ отчасти показать, какимъ божествамъ между прочимъ поклонялись язычники-кривичи.

Извѣстное въ Польшѣ, Чехіи и другихъ земляхъ, гдѣ жили западные славяне, названіе праздника „суботки“, „сobotки“ (sobótka; польск. sobota=суббота)⁵²—существуетъ и теперь въ Торопцѣ для обозначенія игрыщъ, совпадающихъ по времени съ великорусскими святками и малорусской колядою. „На другой день послѣ праздника Рождества Христова начинаются здѣсь ночныя посидѣлки, субботками называемыя, на которыхъ дѣвицы одна выше другой садятся въ избахъ на подмосткахъ, съ возженными предъ собою свѣчами, и, расположась такимъ образомъ, поютъ пѣсни, древнимъ славянскимъ богамъ при-

⁵¹ Свящ. Петра Иродіонова Историческія, географическія и политическія извѣстія, до города Торопца и его округа касающіяся. Первое изданіе въ 1778 году, второе въ 1788.

⁵² Снегирева Рус. простонар. праздники и суевѣрные обряды, I, 178.

личныя.⁵²—Лѣтъ 30 тому назадъ въ комнатѣ, гдѣ устроивалась суббота, горѣлъ красиво убранный фонарь, съ 4 или 6 вставленными въ него свѣчами, а при входѣ другой фонарь.⁵³ Въ настоящее время на субботкахъ въ комнатѣ горятъ свѣчи, убранныя ленточками и искусственными цвѣтами; при входѣ—фонарь.—Прежде субботки продолжались со второго дня праздника Рождества Христова до Пасхи; теперь же послѣ праздника Крещенія онѣ превращаются въ простыя посидѣлки, при чемъ горитъ одна или двѣ свѣчи. Замѣчательно, что пѣсни на этихъ посидѣлкахъ перемежаются хороводами.

Какъ въ Польшѣ считалось необходимымъ, чтобы на день св. Іоанна всегда горѣла Суботка,⁵⁴ такъ и въ Торопцѣ, гдѣ субботки бывають зимою, огонь тоже почитался необходимою ихъ принадлежностью.

Продолженіемъ субботокъ были прекратившіеся только въ началѣ нынѣшняго столѣтія „танцы“ или „танцы.“ На нѣкоторыхъ дворахъ строили съ трехъ сторонъ огороженные тесомъ навѣсы; полъ усыпали ельникомъ, устроивали, какъ и на субботкахъ, въ два, въ три ряда скамейки, одинъ рядъ выше другого. Дѣвушки пѣли пѣсни, закрывъ покрывалами лица; сюда приходили молодые люди и разговаривали съ ними „безъ всякаго завору“⁵⁵.

Всю весну продолжались эти „танці“ часовъ отъ 3-хъ дня до 8 часовъ вечера. Субботки происходили при свѣтѣ свѣчей, танцы при свѣтѣ солнечномъ и, конечно, имѣли связь съ чествованіемъ солнца. Если на предшествовавшихъ танцамъ посидѣлкахъ бывали хороводы, то тѣмъ болѣе должны были они имѣть мѣсто на танцахъ, которые мало отличались отъ субботокъ и несомнѣнно были „игрищами“. Въ Курской губерніи слово „танбѣтъ“—значить хороводъ, „танкѣ водить“—играть въ хороводы, плясать съ пѣснями въ собравшихся кругахъ.⁵⁷

⁵² Свящ. Иродіоновъ, стр. 10 (изд. 1788 г.).

⁵⁴ Семевского „Торопецъ“ въ Библ. для чтенія, 1863 г., № 12.

⁵⁵ Снегирева I, 126.—⁵⁶ Свящ. Иродіоновъ, стр. 11.

⁵⁷ Обл. великор. словарь, изд. 2 отд. Академіи наукъ.—Сохранился одинъ указъ Кіевской духовной консисторіи (1719 года), запрещающій „зборища на вулачки, Богу и челоувѣкомъ ненавистные гулянія, прозываемыя вечерницы, на которые многие люде молодые и неповестягивные отъ родителей своихъ, мужеска и женска полу, дѣти по ночамъ купами собираючися, несповѣдная безчинія и мерзкия незаконія творить, сирауючи себѣ игри. танци и всякие пиятихи сиверная и воздухъ оскверняющая пѣсней восклицанія и козлогласованія“... (Кіевская Старина, Т. X., 1884, сент., стр. 178).

Видно, что „танцы“ во времена язычества не были тѣмъ, чѣмъ сдѣлались они въ XVIII вѣкѣ. Тѣ обстоятельства, которыя заставили дѣвушекъ торопецкихъ закрываться покрывалами или смотрѣть только „правымъ глазомъ“ и даже „никогда безъ нужды не ходить въ церковь“⁵⁸,—эти обстоятельства, вѣроятно, перевели и танцы изъ сосѣднихъ „рощей“ на дворы городскіе.

За субботами и танцами слѣдовало большое празднество въ „рощахъ“, которое въ настоящее время начинается въ четвергъ послѣ Троицына дня и оканчивается въ понедѣльникъ, первый день Петрова поста. Въ эти дни, въ особенности въ понедѣльникъ, на гулянье отправляются переряженные и намазанные мужчины и женщины и „гуляютъ тамъ разнымъ образомъ“. Разказы объ этомъ празднествѣ очень напоминаютъ описанія празднествъ въ честь Ярилы, Лады, Костромы, справляемыхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи именно въ эти дни. Изъ трехъ вышеупомянутыхъ названій божества—въ Торопцѣ извѣстно было имя „Лада“, и даже существовали чествованія Лады. „При началіи свадебъ, взлѣзая на высокія мѣста, пѣли въ недавнихъ годахъ пѣсни, призывая на помощь Ладу, Леню, Лелю, Полею и прочихъ“, писалъ священникъ Иродіоновъ въ 1778 году.⁵⁹ По свидѣтельству того же о. П. Иродіонова, торопчане на праздникъ Рождества Іоанна Предтечи „стерегутъ восхожденіе солнца за тѣмъ, якобы оно того утра хорошо играетъ; скачутъ чрезъ огонь и краниву,... ищутъ кладовъ и упоминаютъ въ пѣсняхъ имена древнихъ боговъ.“⁶⁰

Всѣ эти языческія празднества, превратившіяся въ простыя забавы и гулянья, однако и теперь называемыя „играми“, встарину принадлежали къ разряду тѣхъ игрищъ, о которыхъ читаемъ въ начальной лѣтописи: „брати не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся“... „умыкиваху у воды дѣвица“....

Въ Торопецкомъ уѣздѣ мѣста, гдѣ происходили эти игрища, еще въ XVII вѣкѣ назывались „старыми игрищами“. „Для города Торопца

⁵⁸ Свящ. Иродіоновъ.

⁵⁹ Недалекъ отъ Торопца въ XVII вѣкѣ существовала одна пустошь, называвшаяся Дудолодовскою (Тор. писц. кн. 1628—1630 гг. № 888, л. 620, а также грамота Коллегіи Экономін № 12263 (въ А. М. Юстиціи).

⁶⁰ Свящ. Иродіоновъ, стр. 11.—М. И. Сеневаго „Торопецъ“ въ Вѣд. для чт. за 1863 г. № 12, стр. 3—6, 26—28, и изъ Зап. Геогр. Общ. за 1864 г. № 1 отдѣльный оттискъ, стр. 42—49.

⁶¹ „Отъ ясну чернымъ лѣсомъ поперекъ Быкова иху на ель, а на ели—

такимъ мѣстомъ были преимущественно такъ называемыя „рощѣ“, отдѣлявшіяся отъ древняго города озеромъ Соломеномъ. Въ настоящее время „рощи“ представляютъ мѣсто неправильной формы, нѣсколько возвышенное сравнительно съ прилегающими къ нему низменностями, длиной на видъ сажень 60—80, шириной—20—40. Съ его южной стороны течетъ ручей, на берегахъ котораго прежде происходили кулачные бои.⁶² На этомъ холмѣ находятся 16 уже засыхающихъ сосенъ, которыя своей толщиной, толщиной своихъ вѣтвей и вообще своимъ видомъ настолько отличаются, напримѣръ, отъ 150 годовыхъ сосенъ, что дали поводъ нѣкоторымъ торопчанамъ допускать ихъ тысячелѣтнее существованіе. На этомъ же холмѣ есть неглубокая впадина, имѣющая форму прямоугольника. Не для погребенія-ли Лады служила она?—Вблизи отъ „рощей“—довольно высокая гора, называемая „Востанъ“, и Востанскій колодезь, отличающійся лучшей водой въ городѣ.⁶³ Какъ повсемѣстно въ Россіи на мѣстахъ, гдѣ происходили игрища въ честь Ярилы, появились кладбища и церкви во имя всѣхъ святыхъ, такъ и на горѣ „Востанъ“ также находится кладбище и церковь во имя всѣхъ святыхъ.⁶⁴

Къ востоку отъ Востани и отъ рощѣй находилась обширная мѣстность, и въ настоящее время незаселенная, а встарину совсѣмъ непроходимая, болотистая и лѣсистая; называлась она—„Кудино“—бѣсовское мѣсто (Кудъ—бѣсъ, кудесникъ—служитель бѣсовъ). Естественно, что здѣсь, на окраинѣ этой мѣстности, наполненной различными кудесами, скорѣе всего должно было совершаться поклоненіе бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ (і ежъ жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладеземъ), здѣсь должно было находиться мѣсто, гдѣ „поимаютъ (жены свои)

грань, да на старое игрище на дубъ, а отъ игрища чернымъ лѣсомъ на виловатый дубъ... (въ Арх. М. Юстиц. тороп. межев. кн. 1629 и 1630 гг. № 522, л. 315).

⁶² Ручей впадаетъ недалеко въ озеро Соломено, близъ колодца, водою котораго пользуются страдающіе глазными болѣзнями.—Кулачные бои послѣ Троицына дня „въ рощахъ“—прекращены только лѣтъ 15 тому назадъ.

⁶³ Можетъ быть, гора получила прозваніе „Возстанъ“, т. е. мѣсто, возвышающееся надъ окрестностью; но также возможно, что прозваніе горы и всей прилегающей къ ней мѣстности словомъ „Востанъ“, по мѣстному произношенію, скрываетъ въ себѣ совсѣмъ иное значеніе.

⁶⁴ „За городомъ на кладбищѣ построена вновь“, писалъ въ 1778 году свящ. Иродіоновъ, „на каменномъ фундаментѣ деревянная церковь во имя всѣхъ святыхъ“, (стр. 34).

сплясаніем і гуденіем і плесканіем“, ⁶⁵ гдѣ происходили игрища, во время которыхъ умыкались дѣвушки непремѣнно у воды, на что, можетъ быть, указываетъ и самое слово „игра“ (греч. τὰ ὑγρό—жидкость, влага).

Всѣ эти игрища и пѣсни, остатки языческой старины, удерживались до послѣдняго времени въ Торопцѣ, несмотря на чрезвычайное благочестіе горожанъ.

Людей, прїѣзжавшихъ изъ другихъ городовъ, всегда поражала необыкновенная любовь торопчанъ къ пѣснямъ и играмъ. Въ концѣ XVIII вѣка одинъ торопецкій городничій доносилъ рапортомъ смоленскому и псковскому генералъ-губернатору: „не извѣстно, по привычкѣ-ли, по заведенію-ли, или отъ праздности здѣшнихъ обывателей, въ позднее время по вечерамъ, даже и по ночамъ не только мужескъ, но даже и женскъ полъ, ходя по улицамъ и стоя по перекресткамъ, производятъ шумъ пѣніемъ во все горло пѣсень, такъ что, наполняя крикомъ свои уши покоющихся въ ночное время согражданъ, наносятъ ужасъ и безпокойство, а тѣмъ самымъ нарушаютъ немало и предписанныя Уставомъ благочинія тишину и спокойствіе“.

Не сохранилось извѣстій, когда пало въ Торопцѣ язычество. Но можно думать, что въ этомъ городѣ, лежавшемъ на пути изъ Кіева въ Новгородъ, христіанство введено было еще въ княженіе Владимира Св., который началъ „люди на крещенье приводить по *всѣмъ* градомъ и селомъ“. ⁶⁶

Со времени принятія христіанства въ Торопцѣ между лучшими людьми начала появляться любовь къ чтенію книгъ духовнаго содержанія, и даже началъ распространяться обычай переписывать наиболѣе любимыя книги. ⁶⁷ Вмѣстѣ съ этимъ обнаружилась выдающаяся на-

⁶⁵ Церк. правило митр. Іоанна ко Іакову чернирицу въ Ист. рус. церкви Макарія, II, 372 и 376.

⁶⁶ Лаврент. 116. См. Макарія Ист. рус. церкви I, 7—8 (изд. 2-е). „Крести же и всю землю русскую отъ коньца до коньца“ (Макар. I, 257). Сборникъ изъ древнехран. Погодина, № 1600: „въ лѣто 6521 (1013) крести Владиміръ всю землю Смоленскую“.

⁶⁷ Въ Супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (Бѣлостокскаго у. Гродненской губ.) хранится между прочимъ „Супрасльскій помянникъ или синодикъ. Рукопись 1631 г. Въ этой рукописи между 38 и 39 листами вклеенъ клочекъ бумаги съ слѣдующею надписью: „Родъ зъ Торопца, мѣста зъ Маскѣвы, благороднагъ Матеея Іоановича, написавшаго и надавашаго въ монастыр Супрасльскій книгу великую, рекомую Десятоглав. Влѣтъ отъ Созданія миру хѣи (7015) року Гдѣмъ лѣфх (1507) г.“ (Бѣлоруссія и Литва. Истор. судьбы сѣв.-зап. края. Изд.

божность и расположение въ монашеской жизни, выразившіяся, между прочимъ, въ основаніи мужского Никольскаго монастыря и, можетъ быть, также и женскаго монастыря Рождества Іоанна Предтечи. Еще раньше, во второй половинѣ XI вѣка торопчанинъ Исакій уже выдавался своими аскетическими подвигами между черноризцами Кіево-печерскаго монастыря. Сохранился одинъ разсказъ, относящійся къ его монашеской жизни, ко времени тридцатилѣтняго пребыванія его въ монастырѣ.⁶⁸

Чернь-Исакій, бывшій въ міру богатымъ торопецкимъ купцомъ, въ 1061 году постригся въ монахи и сдѣлался затворникомъ, потому что въ то время въ Кіево-печерскомъ монастырѣ затворничество считалось „вышимъ и многотруднѣйшимъ родомъ подвижничества.“⁶⁹ Онъ безвыходно 7 лѣтъ прожилъ въ маленькой пещерѣ, питаясь черезъ день одною просфорою. По истеченіи этого времени, однажды ночью представились ему бѣсы во образѣ ангеловъ и самого Христа, которому онъ и поклонился. Тогда бѣсы „начаша имъ играти и, утомивше ѱ, оставиша ѱ оле жива“. Исакій не только впалъ въ полное разслабленіе, но даже лишился разсудка. Тяжкая болѣзнь его продолжалась болѣе 2 лѣтъ. Мало по малу онъ поправился и снова началъ прежнюю подвижническую жизнь, но уже не въ затворѣ, а въ монастырѣ между братією, и при этомъ сталъ юродствовать. Впослѣдствіи однако опять сдѣлался затворникомъ. Бѣсы и на этотъ разъ начали, по словамъ составителя Θεодосіева житія, всячески искушать его, но тщетно и, наконецъ, принуждены были сказать: „Исакіе! побѣдилъ еси насъ“.— Умирающаго Исакія вынесли изъ пещеры только за 8 дней до кончины, которая послѣдовала 14 февраля 1090 года.

Въ этомъ разсказѣ о жизни Исакія въ монастырѣ проявляются нѣкоторыя черты его характера: ни передъ чѣмъ не останавливающаяся смѣлость и рѣшительность, неуступчивость въ борьбѣ и увѣренность въ своихъ силахъ, твердость характера и настойчивость въ достиженіи своихъ цѣлей. Несомнѣнно, что историческія судьбы города Торопца могли возбудить и развить эти свойства характера, и если позволительно перенести на торопчанъ хотя въ нѣкоторой степени

Батюшковымъ. Спб. 1890, 91-е объясненіе къ рисункамъ, помѣщеннымъ въ книгѣ „Бѣлоруссія и Литва“).

⁶⁸ Лаврент. 186—192.—⁶⁹ Макарія Ист. рус. церкви II, 73 (2-е изд.).

вышеуказанныя черты характера ихъ выдающагося согражданина, то еще понятнѣе будетъ быстрое возвышеніе города Торопца ⁷⁰.

Обозрѣніе исторіи города Торопца съ древнѣйшихъ временъ до конца XV вѣка приводитъ къ слѣдующему заключенію.

Неплодородная, лѣсистая и болотистая Торопецкая земля представляла однако большой просторъ и разнообразныя источники для добыванія средствъ къ жизни, и дѣятельность торопчанъ была направлена преимущественно на улучшеніе условій экономическаго быта и увеличеніе матеріальнаго благосостоянія. Находясь лишь въ слабой политической зависимости отъ своихъ сосѣдей, русскихъ или литовцевъ, торопчане не теряли въполнѣ своей самобытности, но зато подвергались частымъ нападеніямъ враговъ и должны были много заботиться объ укрѣпленіи и оборонѣ своего города. Въ своей внутренней жизни въ этотъ періодъ своей исторіи они были въполнѣ самостоятельны.

⁷⁰ Смѣлый, удалой характеръ торопчанъ далъ поводъ къ прозванію ихъ чортовыми или наставными головами; такъ изстари называли ихъ не только обитатели другихъ волостей, но и сами торопчане—въ ссорахъ между собою. Не извѣстно, когда появилось это прозвище. Для объясненія его происхожденія въ Торопцѣ существовала слѣдующая легенда, слышанная покойнымъ М. И. Семевакимъ отъ одного крестьянина. „Шелъ разъ Іисусъ Христосъ по нояшнему торопецкому уѣзду, и былъ съ нимъ не то апостолъ Петръ, не то Іоаннъ, а надо-быть апостолъ Петръ. И слышалъ свѣтъ - Христосъ крикъ въ лѣсу, на полянѣ. „Петръ, говоритъ свѣтъ - Христосъ, сходи ты посмотри, что то за крикъ, никакъ тамъ дерутся?“ Сходилъ Петръ, поглядѣлъ. „Такъ точно, свѣтъ-Христосъ! Торопчанинъ съ чортомъ связались и разъ ничѣмъ ихъ не разнять“. „Поди, умири“, говоритъ свѣтъ-Христосъ.—Приходе Петръ: „успокоилъ!“ говорить.—Какъ? „А такъ, свѣтъ-Христосъ, срубилъ обоимъ головы и успокоилъ“. —„Э, эхъ, говоритъ свѣтъ-Христосъ, не по-христіански ты сдѣлалъ, поди, наставь имъ головы“.—Сыскалъ тѣ головы Петръ, да не досужно-ль ему было, спѣшилъ за свѣтъ-Христомъ, а въ такъ съ насердки на бунновъ, онъ и приставилъ торопецкую голову чорту, а чортову торопчанину. Съ тѣхъ поръ и носятъ торопчане чортовы головы“. (Семеваго „Торопецъ“ въ Библ. для чтенія 1863 г., № 12, стр. 2 и 3).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Историко-статистическій очеркъ города Торопца и его уѣзда въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Тѣсная связь города Торопца съ его волостями, не только военно-административная, но и культурно-экономическая, въ значительной степени сохранялась и послѣ завоеванія Торопца Москвою и заведенія въ немъ московскихъ порядковъ. Вслѣдствіе этого, прежде ознакомленія съ городомъ Торопцемъ въ XVI и XVII вѣкахъ, необходимо бросить хотя бы только бѣглый взглядъ на положеніе его уѣзда въ эту эпоху.

I.

Торопецкій уѣздъ. Тринадцать торопецкихъ волостей, со времени присоединенія къ Московскому государству, образовали уѣздъ города Торопца. Встарину Торопецкій уѣздъ занималъ почти такое пространство земли, какое занимаетъ въ настоящее время: онъ захватывалъ на сѣверѣ значительную часть нынѣшняго Холмскаго уѣзда, но зато западная его часть входила въ XVI и XVII вѣкахъ въ составъ Великолуцкаго уѣзда.

Населеніе Торопецкаго уѣзда въ XVI и XVII вѣкахъ не могло быть многочисленнымъ, такъ какъ большая часть площади, занятой уѣздомъ, была покрыта лѣсами. Для приблизительнаго опредѣленія количества населенныхъ мѣстъ, существовавшихъ въ то время въ Торопецкомъ уѣздѣ, и числа уѣздныхъ жителей—всего удобнѣе воспользоваться извѣстіями, относящимися къ 1541, 1630 и 1678 годамъ.

До 1503 года Торопецкая земля соприкасалась съ московскими владѣніями на сѣверѣ, вслѣдствіе чего сѣверная ея часть подвергалась постоянной опасности со стороны непріятелей и поэтому была заселена преимущественно служилыми людьми. Послѣ же присоединенія Торопца къ Московскому государству, пограничною съ Литвой сдѣлалась южная часть уѣзда, и здѣсь, повидимому, слѣдовало

бы испомѣстить московскихъ служилыхъ людей. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы отнять земли у черныхъ волостныхъ крестьянъ. Московское правительство этого не сдѣлало и призванныхъ изъ Холмскаго уѣзда дѣтей боярскихъ надѣлило землями прежнихъ литовскихъ и торопецкихъ бояръ.

Въ этой сѣверной части Торопецкаго уѣзда, по приблизительному исчисленію, въ 1541 году существовало 895 селъ, селець, деревень и починковъ, въ которыхъ насчитывалось 43 помѣщичьихъ двора, 26 дворовъ, принадлежавшихъ священно и церковнослужителямъ и около 1972 людскихъ и крестьянскихъ дворовъ. Священниковъ, «паномарей» и «проскурницъ», жившихъ на двухъ погостахъ и въ помѣщичьихъ селахъ, было въ то время 26 человекъ; дѣтей боярскихъ, надѣленныхъ помѣстною землею, около 80 человекъ, которые принадлежали къ 42 семействамъ. На земляхъ этихъ боярскихъ дѣтей жило болѣе 220 принадлежавшихъ имъ холоповъ (людей) и около 2015 человекъ крестьянъ. Конечно, и число дворовъ, и число людей и крестьянъ неравномѣрно распредѣлялось между различными помѣстьями, но среднимъ числомъ на одну помѣщичью семью и помѣстье приходилось приблизительно по 47 крестьянъ; на одно селеніе—болѣе 2 дворовъ, на одинъ дворъ—большею частью лишь по одному мужчине.

Въ остальной, бѣльшей части уѣзда расположены были черныя волости. Здѣсь въ 762 селеніяхъ находилось 1393 двора, въ которыхъ жило 2233 крестьянъ (впрочемъ, въ томъ числѣ попадались и городскіе люди). Кромѣ того, въ этихъ же черныхъ волостяхъ жило небольшое число духовенства, ямщиковъ и земцевъ съ ихъ людьми и крестьянами.

На помѣстныхъ земляхъ, въ сѣверной части Торопецкаго уѣзда, находилось 11 церквей и посреди помѣщичьихъ земель 4 церкви на погостахъ, «на погостной землѣ». Посреди же черныхъ волостныхъ земель, въ остальной части уѣзда, въ то время существовало 10 церквей, изъ коихъ 3 были построены уже въ XVI вѣкѣ, точно также какъ и церковь при Кудинѣ монастырѣ. Только о четырехъ изъ этихъ 11 церквей въ писцовой книгѣ сказано, что онѣ находились на погостахъ. Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было тогда 26.

Изъ вышеизложеннаго видно, что количество всѣхъ поселковъ Торопецкаго уѣзда въ 1541 году простиралось до 1655, число дворовъ достигало приблизительно цифры 2450, съ взрослымъ мужскимъ населеніемъ въ 4600 человекъ. Если принять предположеніе, что, умноживши цифру взрослого мужского населенія данной мѣстности

на 3.266, можно получить приблизительную цифру всего населенія этой мѣстности, то въ такомъ случаѣ можно было бы признать, что все населеніе Торопецкаго уѣзда въ 1541 году простиралось до 15000 душъ обоого пола. Кажется, этотъ расчетъ можетъ быть принятъ для опредѣленія минимальной цифры населенія Торопецкаго уѣзда въ XVI столѣтіи ¹.

Въ 1541 году было множество однодворныхъ поселковъ, называвшихся деревнями, а не «дворами», какъ до исхода XV вѣка; сель, т. е. селеній съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ дворовъ, попадалось немного. Населеніе въ уѣздѣ замѣтно умножалось, и увеличивалось число новыхъ деревень и починковъ. Кромѣ пахатной земли, примыкавшей къ деревнямъ, во владѣніи крестьянъ находилось много лѣсовъ, въ которыхъ у нихъ были «захоженіи нивы» или пашни и деревни, паханныя наѣздомъ. Встрѣчавшіяся кое-гдѣ пустоши указывали лишь на переложную систему хозяйства, продолжавшую въ то время господствовать у торопецкихъ крестьянъ. (Однако упоминаніе о трехъ поляхъ и выраженіе «столько-то четей въ полѣ, а въ дву потомужъ» постоянно употребляется въ писцовой книгѣ 1540 года при описаніи помѣщичьихъ земель). «Отъ повѣтрія и отъ литовской войны» запустѣли немногія мѣстности: это были преимущественно села и деревни, расположенныя на пути съ юга къ городу Торопцу. Пострадавшія волости даже не лишились своихъ крестьянъ, которые лишь «перенеслись, снеслись съ села на новое мѣсто, рознеслись по своимъ по захожимъ пашнямъ, нынѣча рознеслись розно по лѣсомъ» ²...

Но опустошенія, произведенныя въ Торопецкомъ уѣздѣ въ 1580 году войсками Стефана Баторія, оставили весьма замѣтные слѣды. По приправочной перечневой книгѣ Григорія Колединскаго да Не-

¹ Чечулина, Города Моск. госуд. въ XVI в., 29—31. Ср. рецензію на это сочиненіе В. О. Ключевского, стр. 7—9.

² Въ М. Г. А. Мин. Иност. Дѣлъ „Книги торопецкіе письма Александра Давыдовича Ульянина да Тимоѣя Степанова сына Бибикова лѣта 7048 и лѣта 49, а въ нихъ писанъ посадь тороп., волости черныя и помѣсчики“. Описаніе города и посада на 1—33 листахъ (4-го и 5-го не достаесть), описаніе черныхъ волостей на 34—130 листахъ включительно, описаніе помѣстныхъ земель на листахъ 131—278, (не достаесть листовъ 135 по 145); всего въ наличности 265 листовъ. Эта книга, написанная полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, содержитъ въ себѣ много драгоцѣннѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свѣденій о г. Торопцѣ и его уѣздѣ.

чая Сорочнева 1584 года оказалось «пустоты» около 4770 десятин³.

Еще ужаснѣе было «литовское разореніе» въ Смутную эпоху, когда запустѣла значительная часть уѣзда. Писцовыя и межевыя книги живо рисуютъ картину запустѣнія, описывая непроходимые лѣса и дебри, которые иногда заставляли межевщиковъ отказываться отъ попытки опредѣлить границы между помѣстьями и вынуждали у нихъ признаніе, что «землі отмежевать не умѣтъ: заломило лѣсомъ и старожильцовъ нѣтъ». *Всѣ* земли, которыя даны были торопецкимъ помѣщикамъ въ Холмскомъ уѣздѣ, не только оставались необработанными, но даже и границы ихъ не были опредѣлены. «А которые торопецкіе помѣщики испомѣщены въ додачу въ Холмскомъ уѣздѣ въ разныхъ станѣхъ и они тѣмъ землямъ межъ и грани не знаютъ, потому что тѣ имъ земли и даваны изъ порозжихъ земель, а запустѣли тѣ земли отъ первые литовскіе войны, поросли большимъ хоромнымъ лѣсомъ». Повсемѣстно были замѣтны слѣды литовскаго разоренія, и въ особенности по южной литовской границѣ, по рѣкѣ Двинѣ. Въ 1628 году изъ Торопца доносили въ Москву: «А нынѣ по рубежу пусто: на твоей государевѣ землѣ живущихъ деревень нѣтъ на 15 верстъ, и запустѣло де отъ войны литовскихъ людей тому лѣтъ съ двадцать; а которые де крестьяне по рубежу жили, и тѣ побиты, а иные померли»⁴...

Въ 1631 году въ Торопецкомъ уѣздѣ находилось: 4 села, 179 селецъ, 355 деревень, 14 починковъ, 12 выставковъ. Слѣдовательно, изъ 1655 жилыхъ мѣстъ, существовавшихъ въ 1541 году, осталась лишь третья часть, именно 564 поселка; дворовъ въ нихъ было 895. Напротивъ того, число пустошей доходило уже до 1382. Населеніе уѣзда было сравнительно незначительно и составляло только третью часть того числа, которое насчитывалось за 90 лѣтъ передъ тѣмъ. Далѣе, въ 1631 году не существовало совсѣмъ въ Торопецкомъ уѣздѣ не только земецкихъ вотчинъ, но и черныхъ волостныхъ земель. За исключеніемъ небольшого пространства земли, принадлежавшаго монастырю, соборнымъ попамъ и 4 вотчинникамъ изъ дворянъ, вся остальная площадь уѣзда находилась во владѣніи 189 по-

³ Нѣкоторые свѣденія изъ несохранившейся книги Гр. Колединскаго находятся въ Тороп. писц. книгѣ 1629—31 гг.

⁴ Въ А. М. Юстиціи: „Книги межевыя Тороп. уѣзда писма и мѣры Дн. Воейкова 137 и 138 гг.“ Книга 522, л. 485.—„Книги межевыя города Холму уѣзду дворянъ и дѣтей боярскихъ“, кн. 322, л. 282.—А. Моск. госуд. I, 233.

мѣщичьихъ семействъ. Крестьяне, подраздѣлявшіеся въ то время на крестьянъ и бобылей, жили въ вотчинахъ и помѣстьяхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ которыхъ находилось 556 крестьянскихъ, 339 бобыльскихъ и 193 землевладѣльческихъ двора. Количество взросло-го мужского тяглаго населенія доходило до 1389 человекъ. Такимъ образомъ одновременно съ уменьшеніемъ числа крестьянъ замѣчается значительное умноженіе помѣстьевъ и помѣщиковъ: съ 43 помѣстьевъ, существовавшихъ въ Торопецкомъ уѣздѣ въ 1541 году, число ихъ возросло до 193, и на каждую помѣщичью семью среднимъ числомъ приходилось уже только по 7 семействъ крестьянскихъ. Число церквей съ 1541 года нѣсколько увеличилось: въ селахъ, сельцахъ и деревняхъ было 34 деревянныя церкви, изъ коихъ 4 были «безъ пѣнія». На церковныхъ земляхъ находилось въ то время 98 священно и церковнослужительскихъ дворовъ⁵. Если помножить число землевладѣльцевъ, лицъ духовнаго сословія и крестьянъ на 3.266, какъ сдѣлано при счетѣ населенія въ 1541 году, то окажется, что число крестьянъ въ 1631 году доходило до 4.536 душъ обоюго пола, все же населеніе Торопецкаго уѣзда простиралось приблизительно до 5.486 человекъ.

Послѣ 1631 года населеніе Торопецкаго уѣзда стало быстро возрастать въ числѣ и уже въ 1678 году было сравнительно весьма многочисленнымъ. Въ 1678 году за помѣщиками, вотчинниками, монастырями и за однимъ бояриномъ числилось 848 крестьянскихъ дворовъ, 656 бобыльскихъ и 354 двора задворныхъ людей, всего 1.858 дворовъ. Въ нихъ жило 5.307 крестьянъ, 3.073 бобылей, 1.476 задворныхъ людей и 1.556 дворовыхъ людей. Слѣдовательно, число жителей мужескаго пола, принадлежавшихъ къ низшему классу населенія, доходило тогда до 11.412 человекъ; число же всѣхъ обитателей Торопецкаго уѣзда мужескаго и женскаго пола, за исключеніемъ дворянъ и духовенства, простиралось приблизительно до 22.824 человекъ. Изъ сравненія этой цифры съ количествомъ додатнаго населенія Торопецкаго уѣзда въ 1631 году (4536 ч.), обнаруживается, что населеніе менѣе чѣмъ въ пятидесятилѣтній періодъ

⁵ Списокъ съ писцовой книги помѣстныхъ и вотчинныхъ земель писца Дмитрія Воейкова да подьячаго Федора Протопопова. Въ А. М. Юстиціи писцовая книга 8165, лл. 1—738, кн. 888, лл. 1—688; см. въ особен. лл. 684—688.—Къ концу XVII вѣка число уѣздныхъ церквей возросло до 46 (см., наприм., Базеннаго приказа книгу 171, лл. 330—337).—Въ 1873 году въ Тороп. уѣздѣ числилось 58 церквей, изъ нихъ 43 каменныхъ.

умножилось болѣе чѣмъ въ пять разъ. Число же дворовъ возросло не въ такой пропорціи: оно возвысилось съ 895 лишь до 1.858 дворовъ⁶. Это объясняется тѣмъ, что съ 1646 года московское правительство начало постепенно переводить платежъ податей съ «сошнаго письма» на «дворовое число», на подворную раскладку, что неминуемо должно было повести къ увеличенію количества душъ въ каждомъ отдѣльномъ дворѣ.

Въ 1541 году крестьяне Торопецкаго уѣзда болѣею частью находились еще въ прежнемъ положеніи и, за исключеніемъ небольшого числа «людей», были лично свободны. Попрежнему нѣкоторыя деревни назывались переварскими, а ихъ обитатели переварскими крестьянами, «тянувшими въ перевару». Это была отживавшая свой вѣкъ старина, московскимъ писцамъ совсѣмъ непонятная и вызывавшая много ошибокъ съ ихъ стороны. Выше уже было сказано, что крестьяне, жившіе вокругъ того мѣста, гдѣ при объѣздахъ волостей останавливался намѣстникъ или его тивунъ, должны были сообщая въ опредѣленномъ количествѣ поставлять перевару или пиво. Впослѣдствіи переварянами стали называться, кажется, всѣ тѣ, которые должны были платить какой-нибудь особенный «оброкъ» вмѣсто обыкновенныхъ податей и повинностей, составлявшихъ тягло волостныхъ крестьянъ. Кажется, переваряне назывались иначе «оброчниками». Въ 1541 году переваряне еще въ дѣйствительности «тянули въ перевару». Волостные крестьяне платили дань, ямскія деньги, намѣстничій и тѣуновъ кормъ, праведчиковъ и доводчиковъ поборъ и другія пошліны; на нихъ лежала обязанность строить мосты, городовое дѣло, посошная служба; они платили также деньги «за мелкой доходъ» и деньги вмѣсто оброка за рыбную ловлю.

Въ то время кромѣ крестьянъ, жившихъ въ черныхъ волостяхъ, въ Торопецкомъ уѣздѣ жили также крестьяне на помѣстныхъ земляхъ. Они обязаны были давать землевладѣльцу: 1) *доходъ деньгами*, 2) *хлѣбный доходъ* рожью, овсомъ, ячмыемъ солодомъ, пшеницей, гречневыми крупами, горохомъ, коноплей и хмелемъ, 3) *мелкій доходъ* баранами, полтями мяса, курами, зайцами, тетеревами, сыромъ, овчинами, поярками, льномъ, коровьимъ масломъ, медомъ, сѣномъ. Двое городничихъ, имѣвшихъ маленькія помѣстья около самаго города, также получали съ жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ

⁶ Въ А. М. Юстиціи переписная книга Тор. уѣзда 1678 года, кн. 8172, л. 367. Въ этой книгѣ сосчитано все мужское населеніе, взрослое и несовершеннолѣтнее, а не одно только тяглое, какъ въ книгѣ 1629—31 гг.

доходъ деньгами, хлѣбный доходъ и мелкій доходъ. Помѣщичьи крестьяне еще рѣзко отличались отъ «людей», по отношенію къ которымъ помѣщикъ назывался господаремъ¹. Лучшимъ доказательствомъ свободной и выгодной въ хозяйственномъ отношеніи жизни крестьянъ на помѣстныхъ земляхъ служить то, что они составляли почти половину крестьянскаго населенія, между тѣмъ какъ въ то время бѣольшая часть уѣзда занята была черными волостями, гдѣ новымъ поселенцамъ предоставлялась десятилѣтняя льгота отъ податей и повинностей; многіе изъ городскихъ людей прельщались этими льготами, и потому исключительно ихъ деревнями были наполнены нѣкоторыя мѣстности въ Торопецкомъ уѣздѣ². Впрочемъ, давать льготу новымъ поселенцамъ было въ обычаѣ того времени: и на помѣщичьихъ земляхъ крестьяне, жившіе въ «починкахъ», не давали доходъ землевладѣльцу. «А доходу съ нихъ не емлютъ помесчики ничего». Даже дѣти боярскіе, получавшіе въ помѣсть необработанныя и незаселенныя земли, пользовались льготой. «А что у нихъ пустыхъ дерерень, и пустошей, и пустыхъ дворовъ,—а запустѣли отъ повѣтрѣя и отъ дороги, помѣчено льгота на 10 лѣтъ, а какъ отсидятъ льготу, ино у нихъ помѣчено сошныя пашни полпочети сохи».

Повидимому, крестьяне въ то время пользовались въ широкихъ размѣрахъ правомъ перехода и какъ въ черныхъ волостяхъ, такъ и въ мѣстностяхъ, гдѣ испомѣщены были дѣти боярскіе, часто перемѣняли мѣста своего жительства. Если деревня какого-нибудь помѣщика «пустѣла», т. е. лишалась крестьянина, то большею частью ее пахали наѣздомъ помѣщичьи «люди», пока не появлялся новый крестьянинъ—«приходецъ».

Въ 1629—31 гг. крестьяне находились уже совсѣмъ въ иномъ положеніи. Кромѣ небольшого количества земли, находившейся за 4 вотчинниками, монастыремъ и соборными попами, вся остальная земля находилась во владѣніи помѣщиковъ. Помѣщики не только отправляли службу, но и платили съ сошнаго письма, совсѣмъ заслоная крестьянъ, которые, очевидно, попали въ сильную отъ нихъ за-

¹ Тороп. писц. книга 1540—41 гг.

² Различіе въ положеніи людей и крестьянъ проявлялось въ ихъ именахъ. Въ одномъ изъ торопецкихъ помѣстьевъ люди носили слѣдующія имена: Щука, Меншикъ, Михалко, Бокорь, Ивашко, Павлихъ, Матюша, Илейка, Жидкой, Нелюдко, Злоба; совсѣмъ иначе прозываются крестьяне въ томъ же мѣстѣ: Ивашко Якушовъ, Ивашко Давыдовъ, Бориско Софроновъ, Онтонъ Іевлевъ, Дмитръ Столыпинъ, Клихята Ивановъ, Якушъ Филипповъ, Михалъ Бузьминъ и т. д.

висимость. Землевладѣльцы уже дарили свои земли вмѣстѣ съ крестьянами и притомъ обязывали этихъ послѣднихъ новыхъ землевладѣльцевъ «слушать, пашню на нихъ пахать и доходъ ихъ платить»⁹. Въ то время сельское податное населеніе Торопецкаго уѣзда дѣлилось на крестьянъ и бобылей. Существованіе весьма значительнаго числа бобылей (крестьянскихъ дворовъ 556, бобыльскихъ 339) указываетъ на крайнее обѣднѣніе тяглыхъ людей и на неспособность многихъ изъ нихъ платить всѣ подати и отбывать всѣ повинности, падавшія въ то время на тягло. Въ особенности тяжело было положеніе непашенныхъ бобылей, которые большею частью «кормились, бродя по наймомъ, работнымъ деревенскимъ рукодѣльемъ».

Въ концѣ XVII вѣка, когда крѣпостное право достигло полнаго развитія, положеніе торопецкихъ крестьянъ не было такимъ тяжелымъ, какъ въ другихъ уѣздахъ Московскаго государства. Крестьяне Торопецкаго уѣзда всегда имѣли легкую возможность бѣжать за рубежъ, въ уѣзды Велижскій, Витебскій, Бѣльскій, Полоцкій и другіе. Даже въ предѣлахъ Московскаго государства крестьянъ въ то время охотно принимали¹⁰. Съ другой стороны торопецкіе помѣщики, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи много ветроутой земли и потому нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ, должны были дорожить крестьянами и всячески стараться удержать ихъ на своихъ земляхъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ Торопецкій уѣздъ представлялъ большой просторъ для земледѣлія, и оно было, безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ занятіемъ крестьянскаго населенія. Въ 1541 году всѣ крестьяне занимались землепашествомъ и даже старались увеличивать размѣры

⁹ Въ одной грамотѣ 1622 года (Коллегіи экономіи грамота № 12263 въ Арх. М. Юстиціи) находятся слѣдующія слова, относящіяся къ крестьянамъ Торопецкаго уѣзда: „Микита Скулѣвъ отказалъ соборныя церкви троцкины помѣи въ вотчинѣ съ отхожемъ землею и сѣнокосью и со всѣми угодьями, что въ той вотчинѣ изстари потягло, и всѣмъ крестьяномъ, которые въ той троцкой вотчинѣ въ деревняхъ, и въ починкахъ, и въ выставкахъ живутъ и на пустошахъ учнутъ жить, чтобъ троцкихъ поповъ и дьякона и дьячка слушали, пашню на нихъ пахали и доходъ ихъ платили“.

¹⁰ Напримѣръ, въ одной отписной книгѣ 1672 года перечисляются починки въ дворцовыхъ волостяхъ Дорогобужскаго уѣзда, въ которыхъ въ 1671 году „новопризывные“ крестьяне поселились на пустыхъ жеребьяхъ и на отхожихъ пустошахъ. Эти „выходцы“ поселились въ 48 дворахъ, причѣмъ имъ дано „изсуды“ 40 четвертей ржи и 20 четвертей ячменя; льготы имъ было дано съ 1671 года на 7 лѣтъ (въ А. М. Юст. переписная книга 637, лл. 67—73).

своихъ пахатныхъ земель. Такъ напр., когда они бросали свои дворы и строили новые на «захожихъ пашняхъ», то «къ своимъ новымъ дворамъ» продолжали пахать и старыя пашни. За волостными торопецкими крестьянами въ то время числилось сошныя пашни $23\frac{1}{16}$ сохи. Кромѣ дани они платили оброкъ «за мелкій доходъ» въ размѣръ 85 рублей и 19 рублей—за рыбную ловлю. У помѣщиковъ сошныя пашни было въ то время около 27 сохъ¹¹.

Опустошенія Смутной эпохи отразились между прочимъ и на земледѣліи. Въ 1631 году въ Торопецкомъ уѣздѣ обработанной пахатной «средней» земли было только 3.941 десятина, пашни подъ перелогомъ и заросшей лѣсомъ— $36.964\frac{1}{2}$ дес., сѣнныхъ покосовъ— $1.632\frac{1}{2}$ дес., лѣса пашеннаго и непашеннаго— $4.552\frac{1}{2}$ десятины. Въ 1584 году подъ пустошами было 4.770 десятинъ, въ 1631 же году подъ ними находилось уже $18.970\frac{1}{2}$ десятинъ земли. Такимъ образомъ земля, лежавшая подъ перелогамъ и лѣсомъ, почти въ 12 разъ превышала своими размѣрами пространство земли, находившееся подъ посѣвами и сѣнными покосами. За вотчинниками и помѣщиками «сошнаго письма въ живущемъ и впустѣ» было тогда слишкомъ 27 сохъ, но «въ живущемъ» изъ нихъ была только самая ничтожная часть ($\frac{1}{3}$ сохи).

Въ концѣ XVII вѣка, при сильно умножившемся населеніи, размѣры запашки, очевидно, должны были увеличиться, однако не слѣдуетъ упускать изъ вида, что еще въ 1870 году до 60% площади, занятой въ настоящее время Торопецкимъ уѣздомъ, находилось подъ лѣсомъ.

Большимъ подспорьемъ къ хлѣбопашеству служили охота и рыбная ловля. Въ самомъ концѣ XVII вѣка въ торопецкихъ лѣсахъ попадались мачтовые деревья, и даже существовалъ «корабельного дерева промыслъ». Въ 1686 году датчанину Андрею Бутенанту между прочимъ и въ Торопецкомъ уѣздѣ отданъ былъ на откупъ на 5 лѣтъ «корабельного дерева промыслъ, что называются макшты». Ему дозволено было мачтовые деревья, «гдѣ у кого въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ можетъ сыскать, сѣчь и рѣзать, и къ Ригѣ отпустить своими проторями, а великихъ государей въ казну платить ему со всякаго дерева по 4 ефимка добрыхъ любскихъ (по полтинѣ ефимокъ). Съ 1692 года на 10 лѣтъ этотъ промыслъ отданъ на откупъ голландцу Данилу Иванову Артману, съ платою за дерево

¹¹ Для приблизительнаго опредѣленія количества сошной пашни приняты во вниманіе недостающіе листы писцовой книги 1540—41 гг.

уже по 5 ефимковъ ¹². Понятно, что охота въ такихъ лѣсахъ могла быть очень прибыльнымъ занятіемъ, и, дѣйствительно, въ XVI и XVII вѣкахъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, гдѣ и въ настоящее время встрѣчаются медвѣди, былъ сильно распространенъ обычай «ходить въ лѣсныя уголья за звѣрьми», и «звѣриная побойка» доставляла большія выгоды и помѣщикамъ, и ихъ крестьянамъ. Въ числѣ товаровъ, вывозившихся въ 1605 году изъ Торопца за литовскую границу, были мѣха волковъ, лисицъ, куницъ, бѣлокъ, норокъ, горностаевъ, выдръ, ласокъ и медвѣжье сало. Во второй половинѣ XVII вѣка въ торопецкой таможенѣ часто «объявляли» по одному или по нѣсколькѣ мѣховъ, очевидно, добытыхъ въ близкомъ разстояніи отъ Торопца; изъ нихъ въ таможенныхъ книгахъ упоминаются мѣха горностаевъ, бобровъ, выдръ, лисицъ, куницъ, норокъ, хорьковъ, волковъ, лосей, бѣлокъ, барсуковъ, зайцевъ, рысей и медвѣдна, т. е. шкуры медвѣдей ¹³.

Въ рѣкахъ и озерахъ попадалась въ большомъ количествѣ всякая бѣлая рыба: щука, сомъ, лещъ, судакъ, окунь, карась, линь, плотица, острецъ (ѣршъ?) и др. Въ нѣкоторыхъ торопецкихъ рѣчкахъ и озерахъ вода была необыкновенно прозрачна. Напримѣръ, свящ. Иродіоновъ въ 1788 г. писалъ объ озерѣ Уклениѣ (около города), что въ немъ «столь чиста и свѣтла вода, что въ двухъ и въ трехъ саженьяхъ видѣть можно, что на днѣ онаго обрѣтается». Такою же прозрачностью воды отличались рѣки Серсжа, Вревница и Столопенка, въ которыхъ водились лососи и даже попадались жемчужныя раковины. Въ 1721 году мѣстнымъ жителямъ, вслѣдствіе несвоевременной и неумѣлой ихъ ловли, запрещено было ловить «безъ указа», а для руководства и наблюденія за жемчужной ловлей опредѣленъ былъ одинъ изъ торопецкихъ помѣщиковъ (С. Н. Кушелевъ) ¹⁴. Изъ рыбы особенно цѣнились тогда лосось, который въ предѣлахъ Торопецкаго княжества попадался въ весьма большомъ количествѣ въ рѣкахъ Бибиревской волости, въ XVI вѣкѣ уже находившейся въ Бѣльскомъ уѣздѣ ¹⁵. Рыбу въ Торопецкомъ уѣздѣ ло-

¹² Дѣла Печатнаго приказа пошлинныхъ, книга 285, л. 21 и кн. 336, л. 20 (въ А. М. Ю.).

¹³ А. Моск. Гос. I, 233. — Десятенъ книга 283, лл. 25 — 36. Сапунова Витебской Старины I, 330 и 335. — Денежнаго стола книги 204, 350 и 365 (въ А. М. Ю.).

¹⁴ Полн. собр. законовъ № 3794, указъ изъ Бергъ-коллегіи 8 іюня 1721 г.

¹⁵ Въ XVII вѣкѣ въ Бѣльскомъ уѣздѣ ежегодно ловили лососей на госу-

вили неводами, сѣтями, керегодами, неротами (норотами). Есть указаніе на то, что на большихъ рѣкахъ устраивались для рыбной ловли «язы». «Изстари по Двинѣ рѣкѣ язы были перебиваны черезъ всю Двину рѣку съ литовскими людьми пополамъ: твоихъ государевыхъ людей язъ отъ берегу до литовской стороны, а литовскихъ людей язъ же отъ ихъ берега до твоей государственной земли до берегу; и ловили рыбу кто жъ (каждый) въ своемъ язѣ»¹⁶.

Попадались между торопецкими крестьянами и ремесленники, но они изготовляли исключительно предметы первой необходимости, и притомъ число ихъ въ уѣздѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ было весьма незначительно¹⁷.

Не смотря на избытокъ земли и нѣкоторое разнообразіе въ занятіяхъ, торопецкіе крестьяне, жившіе въ XVII вѣкѣ не на своихъ, а на помѣщичьихъ земляхъ, были бѣдны. Ихъ имущество, хранившееся въ клѣткахъ, состояло изъ хлѣба, платья и «домовой исуды» («исуды», «посуды»); наиболѣе цѣнными вещами изъ этой посуды считались косы, лемешы, серпы, топоры; единственными цѣнными украшеніями были кресты и серги. И не удивительно, что крестьяне были бѣдны: въ то время они часто страдали не только отъ нападенія литовскихъ людей, но даже отъ грабежа и насилія русскихъ ратныхъ людей, проходившихъ чрезъ Торопецкій уѣздъ¹⁸. Но, ко-

даря и отправляли ихъ въ городъ Бѣлый (переписная книга Бѣльского уѣзда 1658 г. въ А. М. Юст., кн. 596, л. 48).

¹⁶ А. Моск. Гос. I, 233. Эти слова, относящіяся къ 1628 году, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о причинахъ возникновенія смѣснаго владѣнія, существовавшаго въ древнее время на нѣкоторыхъ окраинахъ Торопецкой земли.

¹⁷ Напр., въ писц. книгѣ 1540 — 41 гг. сообщается, что въ Лузѣхъ, въ помѣстьѣ Безкуниковыхъ, около деревни Кремичны, «копають глину на горшки, а явки емяють помѣщики съ ямы по 2 алтына, а доходитъ того въ годъ по 2 рубли и по 3 алтына и 2 московки, а иногда больши, а иногда меньши»; также и въ писцовой книгѣ 1629 — 31 гг. очень рѣдко упоминается, напримѣръ, какой-нибудь ненашенный бобыль, который «кормится рукодѣліемъ: шерсть бьетъ да платье шьетъ».

¹⁸ См. слѣдственное дѣло о новгородскихъ дѣтяхъ боярскихъ, которые въ 1664 году, ѣдучи съ драгунами на государственную службу черезъ Торопецкій уѣздъ, «грабили у крестьянъ животы и женъ позорили, и кресты съ воротовъ и серги изъ ушей обрывали и снимали, и у клѣткахъ замки обивали, и хлѣбъ изъ клѣтѣй ямали и въ возы себѣ насыпали, и всякую домовую посуду, желѣзную и деревянную, и платье грабили, и животину всякую убивали... (Приказнаго стола столбецъ 242, въ А. М. Ю.).

нечно, главными врагами торопчанъ въ XVI и XVII вѣкахъ были «литовскіе люди», которые не только разоряли села, но не щадили и церквей, и часто послѣ ихъ нашествія церкви въ разоренныхъ мѣстностяхъ стояли «безъ пѣнія» ¹⁹.

Въ началѣ XVII вѣка литовскіе люди завладѣли многими пограничными помѣщичьими землями и въ писцовой книгѣ 1629—31 гг. встрѣчаются такія выраженія: «и та пустошь отопла за рубежъ, завладѣли литовскіе люди»... Еще въ 1628 году въ Москву доносили, что «по Двинѣ рѣкѣ во многихъ мѣстѣхъ въ изѣхъ литовскіе люди рыбу ловятъ, которые язы биваны были у твоихъ государевыхъ людей, и на твоей государевѣ землѣ по Двинѣ рѣкѣ и на пустошахъ животину пасутъ и изъ-за рубежа мужики ходятъ въ

¹⁹ Въ селѣ Сергіевскомъ (Тороп. уѣзда), принадлежащемъ Маріи Федоровнѣ Лопатиной, хранится очень любопытная рукописная книга, въ которой на листѣ 38 находится слѣдующая краткая записъ о судьбахъ церкви на погостѣ Всхономъ. «Въ Торопецкомъ уѣздѣ на погостѣ Всхономъ первоначальный храмъ Божій, во имя чудотворца Николая, отъ прибожанъ построенъ былъ 7067-мъ (1559) году. И 7084-мъ (1576) году, маіа 1-го дня, въ рѣдунцы, згорѣ отъ молніи. И в том же году, на том же мѣстѣ, другій храмъ отъ прибоженъ былъ построивъ, и освященъ въ том же году во имя ево же чудотворца Николаа. А в литовское въ Россіи разореніа тотъ храмъ отъ Палякъ общенъ: иконы в немъ ставили. А по изшествіи Литвы изъ Россіи тотъ храмъ 7090 (въ 1582 году) вторично освященъ же былъ. И оная пропись в той церкви, въ алтортъ на стверной стѣнѣ, подробно вырезано было»... «И божественная литургія по 1749 годъ справно совершалася; а ва ономъ году, за ветхостію антимиса, служить было запрещено, а изъ нее іконы и сосуды серебряныя, кромѣ евангелія, и вся утварь вынесена была на томъ же погостѣ въ построенную отъ Алая Челшцева въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, въ которой служба совершалася по 1749 годъ. А сего года, марта 26 числа, въ день Святыя Пасхи, по отправленіи божественныя литургіи, въ вечернее время, та Успенская церковь, не знаема отъ чего, съ иконами и со всею утварью церковною сгоре безъ остатку, и ничего изъ нее не изнесено, кромѣ что священникъ Іоаннъ, идучи въ приходъ для молебствованія, вынесъ съ собою запрестольный образъ Богоматере Владимірскія церкви Николаевской да животворящій крестъ Господень благословящей. Также отъ оной церкви и Николаевская церковь и колокольня сгорели жъ безъ остатку, а изънесли одно евангеліе да колокола 3 сняли. И первоначальный храмъ стоялъ 17 лѣтъ; второй 174 лѣта, а ничемъ былъ невредимъ; и съ начала того погоста по 1749—191 лѣта было». — Нельзя сомнѣваться, что эта записъ была сдѣлана вскорѣ послѣ пожара 1749 года, такъ какъ Анапій Сергѣевъ, писавшій эту книгу, умеръ, какъ видно изъ торопецкой книги 3-й ревизіи, въ 1754 году.

лѣсныхъ угодья за звѣрьми, знать сажама»... На рубежѣ попрежнему часто совершались «обидныя дѣла», для разбора которыхъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжались судьи.

Какъ и въ древнее время главнымъ убѣжищемъ для волостныхъ людей служилъ Торопецъ. Въ городѣ и на посадѣ торопецкіе помѣщики имѣли свои дворы, но изъ ихъ крестьянъ лишь жившіе въ ближайшихъ къ городу мѣстностяхъ могли скрываться, въ случаѣ опасности, за городскими стѣнами. Въ городскихъ стѣнъ уѣздные жители имѣли мало средствъ для защиты отъ враговъ. На южной границѣ находился деревянный Вережунскій острожекъ. Онъ имѣлъ кругомъ 34 сажени; «въ длину того острожку отъ воротъ до заднія стѣны 7 сажень, а поперегъ тоже. А ставленъ острожекъ на иглу вышина дву саженой ручныхъ, а въ сажень косую 15 деревъ, а дерево въ отрубѣ 4 вершка». Вережунскій острожекъ строили торопецкіе дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе люди съ сошнаго письма, а пушкарп, затынщики, кузнецы и стрѣльцы «по розводу». Въ острожкѣ находилось 3 избы, мѣрою 12 сажень. Въ одной «стояли» дворяне и дѣти боярскіе, а въ остальныхъ—стрѣльцы. Въ 1629 году необходимо было позаботиться о ремонтировкѣ острожка, потому что въ то время онъ находился въ самомъ плачевномъ состояніи: «тарасовъ, и крѣпостей, и нижнихъ боевъ нѣтъ, и ровъ засыпался и мелко гораздо, и надолбы развалялись, и катковъ по острогу нѣтъ, обвалился, а острогъ въ томъ острожку поизвалялся и дырявъ»... Изъ этого острожка дворяне и дѣти боярскіе отправлялись «въ проѣзжую станицу» по литовскому рубежу вдоль рѣки Двины и наблюдали за безопасностью и неприкосновенностью границъ¹⁰.

Въ половинѣ XVII вѣка южная граница уже была заселена, хотя помѣщики въ этихъ мѣстностяхъ не жили. Черезъ южную торопецкую границу съ литовскими владѣніями, отъ Вережунскаго погоста до Великолуцкаго рубежа, въ 1651 году «въ литовскую сторону» проходили 3 проѣзжихъ дороги, 1 «стежка» (пѣшеходная дорожка) и 2 брода черезъ Двину. Изъ города Торопца торговые люди ѣздили въ литовскіе города мимо Милятина, переправляясь черезъ Двину около Выползова; брода здѣсь не было, и въ «литовскую сторону» переѣзжали въ челнахъ. Черезъ восточную границу Торопецкаго уѣзда, отъ погоста Вережунскаго до пог. Дубны, пролегало тогда 7 дорогъ и 4 стежки, направившихся въ литовскую сто-

¹⁰ А. Моск. Гос. I, 261, 262 и 233.

рону. Всѣмъ жившимъ по литовской границѣ приказчикамъ и крестьянамъ было приказано, «накрѣпко» смотрѣть за границею, и тѣхъ людей, которые пойдутъ или поѣдутъ мимо селъ, деревень и починовъ или между ними, пустошами и лѣсами, хватать и приводить въ Торопецъ къ воеводѣ. Всѣ эти распоряженія направлены были не противъ литовскихъ людей: въ этомъ случаѣ, очевидно, имѣли въ виду лазутчиковъ и особенно бѣглыхъ торопецкихъ крестьянъ, бѣгство которыхъ было въ то время величайшимъ бѣдствіемъ для торопецкихъ помѣщиковъ²¹.

Для удержанія литовскихъ людей кое-гдѣ по дорогамъ устраивали еще лѣсныя засѣки²², но вообще Торопецкій уѣздъ, находившійся на рубежѣ съ «Польшей», не былъ въ достаточной мѣрѣ защищенъ отъ непріятельскихъ вторженій, и попрежнему жителямъ его приходилось часто укрываться въ лѣсахъ, и городъ Торопецъ съ своими укрѣпленіями, какъ и въ болѣе древнюю эпоху, продолжалъ имѣть для волостныхъ людей чрезвычайно важное значеніе, какъ почти единственное надежное убѣжище отъ враговъ.

II.

Городскія и острожныя укрѣпленія въ Торопцѣ. Городъ Торопецъ въ XVI и XVII вѣкахъ былъ расположенъ къ сѣ-

²¹ Десятенъ книга 286, лл. 1 — 23. — Въ XVIII вѣкѣ въ Торопецкомъ уѣздѣ по южной границѣ уже расположено было 15 „форпостовъ“, которые всѣ находились на самой „въховой форпостной дорогѣ“, по берегу рѣки Двины, отдѣлявшей въ то время Торопецкій уѣздъ отъ „Польской земли“. Но и форпосты не могли удержать бѣглыхъ крестьянъ, и еще въ 1767 году дворяне Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ въ наказѣ своему депутату и въ прошеніи императрицѣ Екатеринѣ II прежде всего писали: „главнѣйшія нужды Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ дворянъ, по состоянію границы съ Польшею, въ разореніи отъ побѣговъ за границу оныхъ уѣздовъ крестьянъ, кои бѣгутъ въ Польшу, взбунтовавшись, цѣлыми семьями, а особливо во время рекрутскаго набора, избѣгая отъ службы, изъ нихъ наибольшая часть такихъ, кои разными неудобно описанными помѣщику своему чинятъ бѣдственные разоренія. А состоящіе по будкамъ караулы бѣгущихъ удержать не могутъ“... (Бакмейстера Топограф. извѣстія, тома перваго часть 1-я, 369.—Св. Шуйкина Корсуиско-богородицкій сборъ, стр. 51).

²² Въ 1667 году нѣкоторые торопецкіе помѣщики и духовныя лица просили „крестьянъ ихъ отъ засѣчнаго дѣла отставить“ (Дѣла Печата. приказа пошл., книга 142, л. 203; см. также Рус. Ист. Библ. XI, 247 и 248, 1665 годъ).

веру отъ той мѣстности, гдѣ встарину находились городъ, и раздѣлялся въ эту эпоху на «городъ» и «посадъ». Собственно «городъ», имѣвшій въ окружности менѣе версты, находился на островѣ, окруженномъ озеромъ Соломеномъ²³ и рѣкой Торопой. Изъ «города», черезъ ворота Московской башни, называвшіяся Никольскими, вѣроятно, по иконѣ, находившейся надъ ними, шла дорога по Большому мосту въ торопецкій посадъ, который уже въ первой половинѣ XVI вѣка, какъ видно изъ писцовой книги 1540 года, занималъ почти то же пространство, какое занимаетъ онъ и въ настоящее время. Лучшая часть посада, «Старый острогъ», имѣла въ окружности болѣе 1½ версты (785 сажень); къ ней примыкала менѣе населенная часть посада, въ которой находились стрѣлецкая, пушкарская и посадская слободы; весь посадъ, вмѣстѣ съ находившимися въ немъ слободами, имѣлъ въ окружности менѣе 3 верстѣ. Къ посаду съ восточной стороны прилегалъ озеро Соломено, а съ южной — рѣка Торопа.

Выше (стр. 31) было упомянуто, что со времени переселенія торопчанъ на новое мѣсто въ половинѣ XIV вѣка городъ Торопецъ уже былъ окруженъ деревянными стѣнами, которыя и въ концѣ XV вѣка «подавному» строились и охранялись городскими и волостными людьми²⁴. Въ писцовой книгѣ 1540 года также упоминаются городскія стѣны и въ нихъ Егорьевскія ворота и Наугольная стрѣльня. Въ 1630 году въ Торопцѣ, вокругъ города, стѣны и башни были деревянные. Изъ башенъ упоминаются: башня надъ Никольскими воротами, Наугольная башня (за Долматовскимъ дворомъ), башня съ водяными воротами, Егорьевская башня, Наугольная башня и Преображенская; кажется, было еще, какъ и впоследствии, 3 башни меньшаго размѣра. Въ это время на одной изъ башенъ висѣлъ вѣстовой колоколъ, присланный изъ Москвы въ 1624 году; послѣ же большого пожара 1634 года вѣстовыхъ колоколовъ въ Торопцѣ не

²³. Употребленіе этого слова въ старинной формѣ вызвано тѣмъ, что въ настоящее время мѣстные жители называютъ это озеро „Соломено“ или „Соломенное“ и производятъ это названіе отъ слова „солома“, тогда какъ слово Соломено значить — „проточное“ (отъ солома — протокъ). Этихъ замѣчаніемъ исправляется ошибка, сдѣланная выше на стр. 19, при объясненіи значенія слова „Соломено“, гдѣ вмѣсто слова „протокъ“ слѣдуетъ читать „проточное“.

²⁴ Въ перечнѣ городовъ русскихъ (П. С. Р. Л. VII, 240): „Торопѣць древнѣ“.... Лит. метр. записей вв. VI, л. 107: „А городъ нѣхъ (жителямъ Старцевой волости) съ торопчанъ рубить и сторожу на городъ давати подавному“.

было. Во время этого пожара стѣны и всѣ башни сгорѣли, и на ихъ мѣстѣ остался только городской валъ (осыпь). Послѣ пожара было приготовлено 7.325 бревенъ (длиной въ 9, 7½ и 6½ аршинъ); этотъ лѣсъ лежалъ за городомъ на берегу, около городского вала. Въ 1637 году городской валъ тянулся на протяженіи 483 государевыхъ казенныхъ сажень. До пожара по валу между башенъ, по прясламъ, было 423 сажени; ворота и башни занимали по линіи городской стѣны 60 сажень, выѣздъ у 3 воротъ и выходъ глухой башни—20 сажень и тайникъ къ озеру Соломену—2 сажени. Въ теченіе 3 лѣтъ, съ 1650 по 1653 годъ, стѣны и башни были вновь построены посадскими и уздскими людьми «по розвыткѣ». Городская стѣна, поставленная «на осыпи», была рублена «въ одну стѣну на 11 вѣнцахъ, съ подошвы по обламы; обламы на дву вѣнцахъ, прирубаны косыя тарасы, промежъ ими бойницы (бои); сверхъ тарасовъ—кровати; на кроватехъ прирубаны клѣтки; промежъ клѣтками бойницы». Стѣна была крыта драницами «на одну сторону», но эта «кровля» уже въ 1655 г. опала. Въ то время въ стѣнѣ было 6 глухихъ и 3 проѣзжихъ башни: большая Московская, Егорьевская и башня у воеводскаго двора, на берегу озера Соломена. Изъ 6 глухихъ башенъ поименовывается Наугольная, «противъ броду и Старова городища»; въ ней былъ устроенъ проходъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка, когда узнавали о приближеніи «литовскихъ людей», ставили на протяженіи 461½ саж. по озеру Соломену и рѣкѣ Торопѣ «частикъ городъ», т.-е. вбивали сваи, чтобы затруднить подступъ къ городу. Въ 1668 году кровли на стѣнахъ уже совсѣмъ не было, башни же были покрыты тесомъ. «Стѣна и кровати огнили». Валъ весенней водой «отмывало». Въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія были вновь построены городскія стѣны и башни. Въ 1680 году онѣ были въ такомъ видѣ: стѣна рублена была въ 22 вѣнца, отъ вала вверхъ приблизительно на 7 аршинъ; съ наружной стороны она была обшита тесомъ въ одну тесницу. Внутри башенъ и вдоль стѣнъ съ внутренней стороны устроены были мосты, по которымъ свободно могло совершаться движеніе вокругъ всего города. Въ башняхъ были подошевные, средній и верхній мосты, соответственно нижнимъ, среднимъ и верхнимъ мушкетнымъ и пушечнымъ «боямъ». Кое-гдѣ верхніе и средніе мосты соединялись съ нижними посредствомъ лѣстницъ. «Учинены по подобію и катки во всее городовую стѣну, надъ верхними боями подъ кровлею на сваяхъ положены». Попрежнему въ городѣ было 3 проѣзжихъ и 6 глухихъ башенъ. 3 башни имѣли въ вышину приблизительно 9½ са-

женъ, 5 башенъ — 11 сажень и одна — 20 сажень. 8 башенъ имѣли и въ ширину и въ длину около 5 сажень. Въ основаніи Преображенской башни, въ землѣ, былъ сдѣланъ тайникъ для воды. Надъ всѣми башнями устроены были шатровыя крыши (шатры), надъ 6 же изъ нихъ, надъ шатровыми кровлями, возвышались еще сторожевыя чердаки ²⁵.

Въ 1683 году городскія стѣны и башни сгорѣли. Въ 1685 и 1686 гг. городскіе и уѣздные люди трудились надъ постройкой новыхъ стѣнъ и башенъ, но построили стѣны на протяженіи лишь 276 сажень и 5 башенъ; затѣмъ работы прекратились и никогда болѣе не возобновлялись. Въ концѣ XVII вѣка московское правительство, повидимому, перестало заботиться о поддержаніи въ должномъ порядкѣ укрѣпленій въ Торопцѣ. Въ 1704 году торопецкій воевода писалъ въ Москву, что «городовыя стѣны во многихъ мѣстѣхъ огнили и развалились, а въ иныхъ мѣстахъ кровли отъ вихру взорвало; а не додѣлано тое городовыя стѣны и нынѣ нѣтъ 185 сажень, да 3 башенъ, да четвертой большой Московской проѣзжей башни; а осыпь во многихъ мѣстѣхъ разсыпалась». Въ 1733 году торопецкія укрѣпленія представляли картину полного разрушенія: городская стѣна сохранилась только на протяженіи 17 сажень, остались 4 башни безъ верховъ, «и она стѣна и башни огнили и обвалились» ²⁶.

²⁵ Названія башенъ: Московская (проѣзжая), Лисья, Долматовская, башня у воеводскаго двора (проѣзжая), Егорьевская (проѣзжая), башня у брода, Новичская, Преображенская и Ивановская. Вотъ описаніе самой большой изъ нихъ: «Башня проѣзжая Московская рублена отъ земли 9 вѣнцовъ межъ угловъ на 12 стѣнъ, а отъ тѣхъ 9 вѣнцовъ взрублено 12 стѣнъ межъ угловъ 10 вѣнцовъ, а отъ тѣхъ вѣнцовъ рублено вверхъ на 8 стѣнъ кругликъ 31 вѣнецъ, а отъ того круглика взрублено обломовъ вверхъ 10 вѣнцовъ, а надъ тѣми обломы сдѣланъ шатеръ и сторожевой чердакъ; шѣрою башня въ длину съ боими 11 сажень, поперегъ 10 саж. съ полусаженію, въ вышину 20 саж.»

²⁶ Свѣденія о городскихъ и острожныхъ укрѣпленіяхъ заимствованы главными образомъ изъ слѣдующихъ источниковъ, хранящихся въ Моск. архивѣ минист. юстиціи: Разрядная вязка I, № 12, лл. 134—141. Десятенъ книга 277, лл. 57—58. Дѣла Печатнаго приказа пошлинныя, книга 54, л. 437; кн. 55, л. 34; кн. 56, л. 6. Десятенъ книга 289, лл. 263—265. Московскаго стола кн. 61, лл. 482—486. По Разряду дѣла разныхъ городовъ, кн. 11, лл. 35—44. Дѣла разрядныя 1704 года, кн. 18, лл. 577—580. Дѣла Герольдмейстерской конторы 1734 года, книга 161, л. 181. Кромѣ того значительныя части 11-й и 68-й книгъ «дѣла разныхъ городовъ» посвящены Торопцу; изъ нихъ нѣсколько отрывковъ напечатано въ Матеріалахъ для ист. г. Торопца, изд. Моск. бирж. купечествомъ.

Въ XVII вѣкѣ посадь также былъ укрѣпленъ стѣной съ башнями. Съ востока и юга къ «Старому острогу», лучшей части посада, примыкали оз. Соломено и р. Торопа, съ другихъ же сторонъ до пожара 1634 года «Старый острогъ» былъ защищенъ стоячимъ острогомъ; въ немъ было 2 башни, съ воротами Московскими и Никольскими, и 5 быковъ: Новинскій, Спасскій, Борисоглѣбскій, Иванскій, «быкъ противъ двора Чоглокова». Съ вѣншей стороны острожной стѣны былъ глубокий ровъ, наполнявшійся водой изъ рѣчекъ Углеинки и Породинки. Острогъ тянулся на протяженіи 429 сажень. Кромѣ того, по оз. Соломену и по р. Торопѣ зимой ставили острогъ по льду «козлинами» и кругомъ ледъ окалывали на протяженіи 356 сажень. Въ 1651—53 гг. былъ построенъ рубленый острогъ; онъ былъ «косой, ставленъ одинъ концы въ тарасы, а другіе ко рву за тарасы». Въ этой новой острожной стѣнѣ было 6 глухихъ башенъ и двѣ съ воротами (Московская и Никольская). Задолго до пожара 1683 года острожная стѣна совершенно обветшала и уже въ 1680 году ни стѣнъ, ни башенъ около посада не было, и ровъ «засыпался землей»; посадскія стѣны впоследствии не возобновлялись. Одно время не только «Старый острогъ» былъ укрѣпленъ стѣной, но и весь посадь былъ защищенъ острогомъ и рвомъ, проведеннымъ отъ рѣчки Углеинки къ рѣчкѣ Породинкѣ. Въ то время длина острожной стѣны простиралась до 915¹/₂ сажень; зимой же, когда ставился острогъ еще по льду, по оз. Соломену и рѣчкѣ Торопѣ, на протяженіи 483 сажень, длина всей стѣны доходила до 1398¹/₂ сажень.

Несомнѣнно, что въ XVI столѣтіи на торопецкихъ городскихъ башняхъ, называвшихся въ то время «стрѣльными», уже находились разнообразныя огнестрѣльныя орудія, и на торопецкомъ посадѣ жили пушкарѣ и затинщики (30 человекъ) и кузнецъ, который дѣлалъ «ядра пищальныя на великого князя затинныя и сороковыя». Но болѣе или менѣе точныя свѣденія объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ, находившихся на башняхъ города Торопца и его посада, относятся лишь къ XVII вѣку. Въ 1630 г. на *городскихъ* башняхъ помѣщались 5 полоторныхъ пищалей, 3 полковыхъ пушки и 2 затинныхъ пищали, а на *посадскихъ* стѣнахъ было размѣщено 3 тюфяка, 4 полковыхъ пищали, 22 затинныхъ пищали и 4 шутихи. Въ 1634 г. сгорѣли городскія и острожныя стѣны, а вмѣстѣ съ ними и находившіяся въ башняхъ орудія «горѣли въ торопецкой пожаръ по городу и по острогу». Послѣ пожара въ сараѣ, на казенномъ пороховомъ дворѣ, хранились: 1 мѣдная полоторная пищаль, 4 мѣд-

ныхъ полковыхъ пищали и 1 желѣзная, 2 мѣдныхъ тюфяка и 22 затинныхъ желѣзныхъ пищали. Ядра лежали передъ пороховымъ погребомъ, а свинецъ и порохъ въ погребѣ. На построенныхъ въ 1650—1653 гг. стѣнахъ и башняхъ орудій было больше, чѣмъ прежде: на нихъ было установлено 13 полуторныхъ пищалей и 18 полковыхъ, для которыхъ было приготовлено 1.300 ядеръ, вѣсомъ въ 4, 5, 6 и 8 гривенокъ, и 1.800 ядеръ вѣсомъ въ 1½, и 2 гривенки. Въ острожныхъ башняхъ было размѣщено 2 полуторныхъ и 4 полковыхъ пищали и 2 тюфяка. 23 затинныхъ пищали помѣщались въ пороховомъ погребѣ, хотя для нихъ были вновь сдѣланы станки. Впослѣдствіи, когда стѣны и башни кругомъ посада «огнили и развалились», орудія съ посада были перевезены въ городъ. Въ 1683 г. новый большой пожаръ не только уничтожилъ городскія и посадскія стѣны и башни, но сильно попортилъ и орудія, находившіяся въ нихъ. Послѣ этого пожара 32 штуки «горѣлаго и ростопелого желѣзнаго наряду» помѣщались уже около порохового погреба, а въ самомъ погребѣ сохранились невредимыми 23 затинныхъ пищали, такъ какъ этотъ погребъ отъ пожара не пострадалъ. Присланные изъ Москвы, взаменъ 44 пудовъ «горѣлой» мѣди, 2 мѣдныхъ пищали были поставлены около приказной избы.

Въ XVI и XVII вѣкахъ изъ огнестрѣльныхъ орудій стрѣляли пушкарѣ и затинщики. Дѣти боярскіе и стрѣльцы являлись на защиту города съ своимъ оружіемъ, точно также и посадскіе люди приносили съ собою пищали, бердыши, копья и рогатины. Кромѣ того, на стѣнахъ городскихъ всегда были наготовѣ въ большомъ количествѣ камни и колья, такъ что въ крайнемъ случаѣ даже женщины, старики и дѣти имѣли возможность принять участіе въ отраженіи враговъ.

Въ западной части города, внутри городскихъ стѣнъ, находился казенный пороховой дворъ, огороженный на протяженіи 48 саженъ стоячимъ тыномъ съ «иглами». На этомъ дворѣ былъ сарай, въ которомъ помѣщался нарядъ: пищали, ядра и прочее, что не было помѣщено на стѣнахъ и башняхъ за излишествомъ или негодностью. Въ 1642 году на постройку этого сарая, на стоячій тынъ и на иглы было употреблено лѣсу 700 бревенъ. На томъ же пороховомъ дворѣ былъ расположенъ казенный пороховой погребъ, въ которомъ хранились пищали, ядра, а главное, свинецъ и порохъ. Кажется, что порохъ большею частью хранился въ чанахъ съ накрывками, хотя и считалось лучшимъ хранить его въ бочкахъ²⁷. Иногда въ

²⁷ Дѣла разрядныя 1704 года, кн. 18, лл. 577—580:.... „И въ томъ по-

пороховомъ погребѣ помѣщались вещи, не имѣющія никакого отношенія къ военному дѣлу, напримѣръ: «пила желѣзная большая, чѣмъ колоды ростирають, да щупъ, да трои клещи желѣзные большіе». Погребъ строили, землею окапывали, дерномъ обкладывали и крыли кровлей—горожане и волостные люди, «съ Торопецкого и Холомского уѣздовъ съ сошново письма и съ Торопьца съ посаду». Передъ погребомъ лежали каменные и желѣзные ядра. Частью на назенномъ пороховомъ дворѣ, частью около него, находилось 7 государевыхъ житницъ и 2 амбара. Въ житницахъ хранились рожь и овесъ, присылавшіеся изъ Розряду и изъ Стрѣлецкаго приказа, въ амбарѣ соль, но иногда въ нихъ помѣщались и другіе предметы. Такъ долгое время въ одной житницѣ находились 2 сундука и 10 «коробей» деревянныхъ и лубеныхъ съ разными грамотами отписными и судными дѣлами. Въ 1648 году доносили, что «тѣ коробки погнили и отъ мышей письмо повѣдено»... Житницы были значительны по своимъ размѣрамъ: въ 1630 году въ нихъ помѣщалось ржи и овса «въ примочную мѣру вверхъ» около 7.800 четвертей, а «въ отдаточную мѣру вровно»—около 10.400 четвертей. Въ амбарѣ въ то время находилось 295½ пудовъ соли.

Городскія и острожныя стѣны и башни строились изъ плохого лѣса. Такъ напримѣръ: послѣ пожара 1634 года было необходимо приготовить «для городского и острожнаго дѣла» строевой матеріалъ, и, дѣйствительно, въ 1637 г. за городскими стѣнами на берегу оз. Соломена, около городского вала, уже лежало 7.325 бревенъ. Но объ этомъ строевомъ матеріалѣ въ 1642 г. писалось, что тотъ лѣсъ, за исключеніемъ израсходованныхъ 1.120 бревенъ, «весь погнилъ», а въ 1646 году: «и тотъ лѣсъ весь погнилъ безъ остатку»²⁸. Кромѣ того, городскія и острожныя стѣны и башни, строившіеся подъ наблюденіемъ городничихъ посадскими и уѣздными «сошными» людьми «по розвыткѣ», отличались удивительной непрочностью, объясняемою, кромѣ дурного качества строительнаго матеріала, еще крайнею небрежностью и неумѣlostью строителей. Построенныя въ 1650—53 гг. стѣны и башни пришли черезъ 20 лѣтъ въ совершен-

гребѣ той твоей, великого государя, зеленой и всякой казны убѣречь невозможно, потому что стоитъ та твоя, великого государя, казна вотцанехъ, а не въ бочкахъ"..... Столбцы Приказнаго стола, № 1182: „и я, сирота вашъ, построилъ на порохъ тчаны съ накрышками и тое козну перѣносили, и та пороховая козна къ ратному дѣлу, къ стрѣльбѣ, не годится“ (1689 г.)....

²⁸ Десятенъ кн. 277, лл. 49—58, 111, 185 и 263.

ную вѣхлость и негодность, и въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка пришлось замѣнить ихъ новыми. Точно также и всѣ казенныя зданія, надъ постройкою которыхъ трудились торопецкіе посадскіе и уѣздные люди, отличались дурнымъ качествомъ строительнаго матеріала и работы. Такъ, казенный пороховой погребъ, построенный въ 1688 году, въ 1704 году «весь огнилъ и розвалился, и въ томъ погребъ подъ матицы и подъ потолокъ поставлены многіе подставки и стены погребныя огнили-жъ и ввалилися въ тотъ погребъ». Воеводскій дворъ, построенный въ 1685 году, въ 1704 г. уже «весь огнилъ и розвалился» и въ немъ жить было не возможно, такъ что воеводы, начиная съ 1698 года, жили уже «въ чюжемъ домѣ»²⁹.

Извѣстія о торопецкихъ городскихъ и посадскихъ укрѣпленіяхъ показываютъ, что постройка стѣнъ и башенъ производилась весьма небрежно и изъ дурного строительнаго матеріала, и что въ XVII вѣкѣ пожары въ Торопцѣ были настолько опустошительны, что даже стѣны и башни въ теченіе этого столѣтія были дважды истреблены огнемъ. Но хотя сильныя пожары и непрочность постройки иногда на долгое время оставляли торопчанъ безъ городскихъ и острожныхъ стѣнъ, однако большею частью городъ и острогъ служили для нихъ надежнымъ убѣжищемъ въ случаѣ нападенія враговъ. «Городъ», занимая островное положеніе, въ значительной степени былъ защищенъ самой природой; даже посадъ былъ защищенъ съ двухъ сторонъ оз. Соломеномъ и р. Торопой. Кромѣ того посадъ и въ особенности городъ были сильно укрѣплены хотя деревянными и непрочными, но хорошо устроенными стѣнами и башнями. Значительное количество огнестрѣльныхъ орудій и появленіе на стѣнахъ городскихъ, въ случаѣ надобности, всего мужского городского населенія также въ значительной степени обезпечивали безопасность города отъ непріятельскаго вторженія.

III.

Монастыри и городскія церкви. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ городѣ Торопцѣ и его уѣздѣ было четыре монастыря: два въ Торопецкомъ посадѣ и два, хотя и въ уѣздѣ, но въ самомъ недалекомъ отъ города разстояніи. Мужской «Николаевскій особый» монастырь въ древности былъ расположенъ на берегу озера Заликовья, но впослѣдствіи, послѣ перенесенія города на новое мѣсто, онъ находился на окраинѣ Торопецкаго посада, впрочемъ внутри

²⁹ Дѣла разрядныя 1704 года, кн. 18, лл. 577—580 (въ А. М. Юст.).

стѣнъ, окружавшихъ посадъ, около Московской башни, ворота которой по монастырю назывались Никольскими. Въ 1540 году въ этомъ монастырѣ была ружная деревянная церковь во имя чудотворца Николая съ придѣломъ Покрова пресв. Богородицы. Въ немъ тогда жили: игумень, попъ, дьяконъ и 40 человѣкъ братіи. Монастырь пользовался правомъ рыбной ловли въ нѣсколькихъ озерахъ; ему принадлежалъ Гольцевъ наволокъ, на которомъ онъ былъ въ старину расположенъ, часть мельницы на рѣчкѣ Уклеинкѣ, а также небольшой капиталъ въ 26 рублей (меньше 2000 рублей на наши деньги), который монахи отдавали въ ростъ; отъ московскаго великаго князя они получали руги ежегодно по 70 четвертей ржи и по 60 четвертей овса. Впослѣдствіи церковь св. Николая имѣла свой приходъ и вслѣдствіе этого монастырскіе доходы значительно увеличились³⁰. Почитаемая чудотворною икона св. Николая, хранящаяся въ этой церкви, несомнѣнно, уже въ началѣ XVII вѣка особенно чтилась торопчанами.

Дѣвичій монастырь Рождества Іоанна Предтечи, существовавшій, по всей вѣроятности, уже въ древнемъ Торопцѣ, въ 1540 году помѣщался на посадѣ, на Ивановской улицѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время церковь Іоанна Предтечи. Въ немъ въ то время жили: священникъ, игуменья и 25 сестеръ, о которыхъ въ писцовой книгѣ сказано, что онѣ «питаются отъ церкви и отъ міра». Не получая никакого вспоможенія отъ казны, монахини жили очень бѣдно, и родственники нѣкоторыхъ старицъ были вынуждены заботиться объ ихъ прокормленіи. Въ 1657 году, напримѣръ, по просьбѣ одной изъ монахинь Ивановскаго монастыря, торопецкому воеводѣ было предписано обязать ея сына «мать свою кормить до смерти». Но несмотря на недостатки монастырскихъ средствъ, Дм. Е. Воейковъ, описывавшій въ 1628 году городъ Торопецъ, нашелъ въ Ивановскомъ монастырѣ уже 80 старицъ³¹. Впрочемъ, матеріальное положеніе монастыря впослѣдствіи улучшилось, такъ какъ и Іоанно-Предтеченская церковь, подобно Никольской, сдѣлалась приходскою.

³⁰ Между многочисленными прихожанами Никольской церкви особеннымъ «усердіемъ» отличалась богатая семья Тугоновыхъ, на иждивеніе которой во второй половинѣ XVIII вѣка построена была при церкви св. Николая отдѣльная церковь Покрова пресв. Богородицы, одна изъ лучшихъ церквей въ Торопцѣ по своему архитектурному стилю.

³¹ Писц. кн. 1540 г., л. 14.—Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 79, л. 184.—Иродіоновъ.—

Въ предѣлахъ Торопецкаго уѣзда, но въ самомъ близкомъ разстояніи отъ города, были расположены мужскіе монастыри «Кудинъ» Троицкій «въ Харитоновѣ пустыни» и «Небинъ» Троицкій. Небинъ монастырь возникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1540 году находилась небольшая подгородная деревушка Небино, населенная ямщиками. Мѣстность эта, почти сливаясь съ городомъ Торопцемъ, отдѣлялась отъ «города» только р. Торопой, а отъ торопецкаго посада она находилась въ полуверстѣ, «за разливомъ р. Торопы и рѣчки Породинки»; впрочемъ, надо было пройти отъ Торопецкаго посада около 2 верстъ, чтобы приблизиться къ монастырю сухимъ путемъ. Въ 1584 году этому монастырю, вѣроятно, незадолго до этого времени основанному, была дана первая жалованная грамота съ предоставленіемъ ему независимости отъ свѣтскаго суда, за исключеніемъ дѣлъ объ убійствѣ, разбоѣ и воровствѣ съ поличнымъ, и другихъ обычныхъ въ то время льготъ. Въ 1623, 1640 и 1648 годахъ даны были подтвердительныя, съ нѣкоторыми измѣненіями, жалованныя грамоты бывшему въ то время строителемъ Небина монастыря старцу Сергію. Изъ писцовой книги 1629—31 гг. видно, что во время составленія этой книги въ монастырѣ, кромѣ строителя и чернаго попа, было 3 старца. Монастырю принадлежало тогда около 40 десятинъ земли, на которой жили 4 бо-быля въ двухъ дворахъ, и мельница на р. Уклеинкѣ. Въ 1634 году монастырь сгорѣлъ. Въ 1686 году въ Небинѣ монастырѣ была деревянная церковь св. Троицы съ трапезой и придѣломъ «Срѣтенія Преч. Богородицы Владимірскія», архимандричья келья и 3 братскихихъ; въ монастырской слободѣ насчитывалось уже 9 бобыльскихъ дворовъ. Въ 1718 году построена была двухпрестольная пятиглавая каменная церковь св. Троицы съ придѣломъ съ правой стороны «Пресв. Богородицы Тихвинскія». Съ 1670 года вмѣсто строителей во главѣ монастыря находились архимандриты. Въ 1763 году за монастыремъ считалось 136 душъ крестьянъ ³².

Четвертый изъ торопецкихъ монастырей находился въ Кудинѣ, въ лѣсистой и болотистой мѣстности, которая, впрочемъ, въ XVI вѣкѣ была уже въ значительной степени заселена и обработана.

³² Коллегіи Экономіи грамоты №№ 12266, 12280, 12288 и 12271. Изъ послѣдней грамоты обнаруживается неосновательность мнѣнія, что Небинъ монастырь былъ основанъ въ 1584 году, и что Сергій былъ его основателемъ. Писц. кн. 1686 года, книга 478, лл. 476 и 477. Описи монастырей Коллегіи Экономіи, язка № 591/7 (въ М. А. М. Юстиціи).

Посреди многочисленныхъ находившихся здѣсь мелкихъ поселковъ въ началѣ XVI вѣка еще не было монастыря. Но въ послѣдствіи здѣсь поселился преп. Харитонъ, въ память котораго основанный имъ «Кудинъ» монастырь постоянно назывался Харитоновой пустынью. Онъ выбралъ для жительства красивое мѣстечко на берегу рѣки Торопецы, въ 3 или 4 верстахъ отъ города. 19 древнихъ полузасохшихъ сосенъ, существовавшихъ, безъ сомнѣнія, при Харитонѣ и нетронутыхъ изъ уваженія къ его памяти, и теперь указываютъ мѣсто, гдѣ въ сосновомъ лѣсу спасался отшельникъ, котораго русская церковь причислила къ лику святыхъ³³. По преданію, торопчане долгое время не знали о поселеніи Харитона въблизи ихъ города, отдѣленного отъ «пустынки» едва проходимыми болотами и лѣсами. Повидимому, Харитонъ не былъ торопчаниномъ по происхожденію и, подобно его современнику, Нилу Столобенскому, котораго происхожденіе также осталось неизвѣстнымъ, былъ пришлымъ, дотошъ неизвѣстнымъ въ той мѣстности, человѣкомъ. Въ 1540 году въ Кудинѣ уже существовала деревянная церковь во имя св. Троицы и одна келья. Харитона въ то время именовали строителемъ, хотя въ основанномъ имъ монастырѣ, съ нимъ вмѣстѣ въ кельѣ, жилъ только одинъ чернецъ Кипреянъ. Монастырю тогда принадлежало небольшое пространство сѣнокосной земли, ограниченное рѣкой Торопецей, озеромъ Кудинымъ и болотами³⁴. Вскорѣ къ этому небольшому участку земли было прибавлено около 100 десятинъ земли,

³³ Харитонъ Кудинскій принадлежитъ къ числу мѣстнотныхъ святыхъ русской церкви, не находящихся въ мѣсяцесловахъ и богослужебныхъ книгахъ греческой и русской церкви (Архим. Сергія Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II, указ. III, стр. 208; въ дополненіяхъ прилож. I, стр. 272). „Въ Новгород. Соф. лѣтописи упомянуто, что въ ономъ прежде бывшемъ монастырѣ мѣются пр. Харитона, игумена упомянутого монастыря, мощи подъ спудомъ; но гдѣ оныя именно тамъ въ землѣ лежатъ, никто о томъ нынѣ изъ тамошнихъ жителей обстоятельно не знаетъ“ (Амвросія Ист. рос. іерархіи, часть IV, стр. 878 и 879. Москва. 1812).

³⁴ Тороп. писц. книга 1540—41 гг., л. 96: „Въ Кудинской же переварѣ, на пустынкѣ, церковь Троица святая стала нова, после писма князя Семена Бурбского, на рекѣ на Торопице, на пустоши на Възглядовской Власка Оролова. Въ келье—строитель Харитоней да чернецъ Кипреянъ. И къ монастырю помѣча помянн Ковердаевская, что косилъ Семень Роздеришинъ, да помянн же Галову Невлея сына Иванова на усть Кудиньского озера, подлѣ тое же помянн, да помянн же Жука Назарьяна на Илюшкинѣ, подлѣ боромъ. Да противъ манастиря—болотца“.

на которыхъ находилось 4 деревни и 7 пустошей. Съ 1546 года на 5 лѣтъ монастырю была дарована льгота, а затѣмъ за пользованіе землей онъ долженъ былъ платить ежегодно по полтинѣ денегъ оброка. Жалованная грамота 1548 года, надѣлившая монастырь землей, въ то же время признала неподсудность монаховъ Кудина монастыря и монастырскихъ крестьянъ свѣтскому суду, за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Кромѣ земли монастырю «изстари» принадлежало право рыбной ловли въ озерахъ Кудинѣ и Ясцѣ и въ той части рѣки Торопы, которая была заключена между этими озерами. Настоятели Кудина монастыря, называвшіеся въ XVI и XVII вѣкахъ строителями, время отъ времени (въ 1579, 1622, 1648, 1699 годахъ) получали новыя тарханныя грамоты, закрѣплявшія за монастыремъ земельныя владѣнія и предоставлявшія ему различныя новыя льготы. Однако руги Кудинѣ монастырь никогда не получалъ. Въ 1629 году въ Кудинѣ монастырѣ, кромѣ строителя Никифора, было 12 монаховъ, а на монастырскихъ земляхъ находилось 8 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, въ которыхъ жило 12 человекъ крестьянъ, не считая женщинъ и дѣтей. Въ то время, какъ и впослѣдствіи, были и церкви, и находившіеся въ церкви «образы, и книги, и ризы, и свѣчи, и колокола строенье приходское», а не «государево строенье», какъ въ Небинѣ монастырѣ. 3 марта 1634 года Кудину монастырю была дана благословенная грамота на одинъ престолъ живонач. Троицы; затѣмъ 24 августа 1700 года былъ выданъ антиминсъ «въ Кудинѣ монастырь, въ ново-построенную церковь въ придѣлѣ Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи». Всѣ эти церкви были деревянныя, но впослѣдствіи была построена одноглавая, двухпрестольная каменная церковь, состоявшая изъ 3 частей: 1) изъ церкви св. Троицы, длиной 5 сажень, шириной 4½, алтарь—длинной 2½, шириной 4 сажени; 2) изъ трапезы—длинной 4, шириной 5½ сажень; 3) изъ придѣльной церкви Харитона Исповѣдника, находившейся на правой сторонѣ отъ трапезы; этотъ придѣлъ, построенный, очевидно, въ память Харитона Кудинскаго, имѣлъ въ длину 4, въ ширину 4½ саж., алтарь—2 сажени длины и 3½ ширины. Съ западной стороны храма, къ трапезѣ была придѣлана низкая, маленькая каменная колокольня, длиной въ 2 сажени, шириной въ 2½; она была построена въ 2 яруса: нижній этажъ служилъ вмѣсто паперти, въ верхнемъ помѣщались колокола. Въ такомъ видѣ былъ храмъ въ Кудинѣ въ ноябрѣ 1763 года,—такимъ остался онъ и до настоящаго времени. Нынѣ существующая каменная церковь во имя живонач. Троицы была построена въ 1705 го-

ду, а придѣлъ къ ней во имя преп. Харитона Исповѣдника — въ 1708 году (антиминсы выданы 14 февраля 1705 года и 2 ноября 1708 года). Въ настоящее время она приписана къ городской Успенской церкви и своего причта не имѣетъ ⁵⁵.

Послѣ упраздненія 3 торопецкихъ монастырей въ 1764 году, остался для всего Торопецкаго уѣзда съ городомъ одинъ Небинъ монастырь. Въ городѣ Торопцѣ въ настоящее время находится 18 православныхъ каменныхъ церквей: Корсунско-Богородицкій соборъ, 13 приходскихъ церквей (изъ нихъ 7 самостоятельныхъ и 6 приписныхъ), 3 кладбищенскихъ церкви и церковь въ Небинѣ монастырѣ, которую теперь тоже причисляютъ къ городскимъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ въ городѣ Торопцѣ церкви выделялись изъ всѣхъ городскихъ зданій; объ ихъ постройкѣ, поддержаніи и украшеніи благочестивые горожане особенно заботились. Число церквей, принимая во вниманіе величину города и количество его обитателей, было весьма значительно. Въ 1540 году ихъ было 16. Въ «городѣ» помѣщались старинный соборный храмъ св. Егорія, вновь построенный Троицкій соборъ и церковь свв. Аѳанасія и Кирилла. На посадѣ находился древній мужской Николаевскій монастырь, въ которомъ церковь была во имя чудотворца Николая съ придѣломъ Покрова пресв. Богородицы; на посадѣ же находился, быть можетъ, столь же древній Рождественскій дѣвичій монастырь съ церковью Рождества Іоанна Предтечи. Кромѣ монастырей въ «Старомъ острогѣ» помѣщались старинныя, существовавшія еще въ древнемъ Торопцѣ, церкви Борисоглѣбская и Пятницкая. Рядомъ съ Пятницкой церковью на «торгу» были построены церкви Воскресенія Христова, архангела Михаила «на исадѣ» и Ильи Пророка. Въ недалекомъ разстояніи отъ торговой площади находились церкви Преображенія Господня и Благовѣщенія. На посадѣ же, впрочемъ, уже за предѣлами «Старого острога,» были расположены еще 4 церкви: свв. Космы и Даміана, Успенія преч. Богородицы, чудотворца Николая Старого и Рождества Богородицы, при которой находилась теплая

⁵⁵ Коллегіи Экономіи грамоты 12262, 12268 и 12285. — Списокъ съ писц. книги 1628—1630 гг. въ М. А. М. Юстиціи, книга 888, лл. 595—597. — Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 21, лл. 34 и 35. — Описи монастырей Вол. Экономіи, вязка 593/9; находящееся въ этихъ описяхъ подробное описаніе храма, построекъ и всего монастырскаго имущества наглядно представляетъ положеніе Кудина монастыря передъ его упраздненіемъ. Драгоцѣнныя свѣденія о времени построенія многихъ тороп. городскихъ церквей находятся въ 138-й книгѣ патр. Казен. приказа, лл. 101, 121, 123, 143, 185, 192, 235, 268, 277, 292, 308, 313, 317, 318, 332.

церковь Богоявленія Господня. Такимъ образомъ, не считая церкви Богоявленской, въ городѣ и на посадѣ въ 1540 году было 16 церквей, въ продолженіи же почти всего XVII вѣка ихъ было только 12. Такое уменьшеніе числа городскихъ церквей, вѣроятно, произошло въ Смутное время, когда Торопецъ сильно пострадалъ отъ нападенія литовцевъ и даже нѣкоторое время находился въ осадномъ положеніи (торопецкое осадное сидѣнье). Церкви свв. Космы и Даміана, Николы Старого, Успенія Богородицы и Рождества Богородицы находились тогда внѣ стѣнъ, окружавшихъ «Старый острогъ», и, кажется, были разрушены литовскими людьми. По крайней мѣрѣ, это можно утверждать относительно Рождественской церкви, находившейся за Московскими воротами Старого острога въ ямской слободѣ, за рѣчкой Уклеинкой. Въ 1631 году въ ямской слободѣ, сильно разоренной литовцами еще въ 1609 г., находилось «мѣсто церковное, что былъ храмъ Рождество Преч. Богородицы», въ «ободу» ямской слободы находились также «пахатныя и дворовыя мѣста» причта этой церкви, бывшія въ то время еще во владѣніи рождественской попадьи Марьицы, Макарьевской дочери. И такъ послѣ литовскаго разоренія въ Торопцѣ оставалось только 12 церквей. Въмѣсто церкви свв. Космы и Даміана уже въ 1628 г. существовалъ во имя этихъ святыхъ придѣлъ при Пятницкой церкви («церковь св. мученицы Пятницы да святыхъ чудотворцевъ Козьмы и Доміана»). Во время большаго торопецкаго пожара 1634 года погибла отъ пламени большая часть городскихъ и посадскихъ церквей. Вскорѣ взяты были благословенныя грамоты на устройство новыхъ престоловъ, и, дѣйствительно, вновь были построены церкви, попрежнему деревянные, подъ прежними названіями и на тѣхъ же мѣстахъ, за исключеніемъ сгорѣвшей церкви свв. Аѳанасія и Кирилла, которая не была возобновлена. Въмѣсто нея, на мѣстѣ старинной Успенской церкви въ восточной части посада, за прудомъ, была построена новая церковь, полное названіе которой «Успенія и Рождества Пресв. Богородицы да въ придѣлѣ Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ» — указываетъ, что при этой церкви придѣлы были устроены вмѣсто Рождественской и Аѳанасьевской церквей. Эта новая Успенская церковь въ 1646 году уже существовала. Такимъ образомъ и послѣ пожара 1634 года въ Торопцѣ было 12 церквей, и это число не измѣнялось до самаго конца XVII вѣка. ³⁶.

³⁶ Тороп. писц. книга 1540 г., лл. 14 и 15 (въ М. Г. А. М. Иност. Дѣлѣ). „Книги писцовые писма и меры писца Дмитрея Екимѣевича Воейкова

Въ теченіе XVII вѣка произошли нѣкоторыя измѣненія въ наименованіяхъ церквей. 23 мая 1652 года, по челобитію священника Борисоглѣбской церкви, была послана въ Торопецъ благословенная грамота на три престола: «преч. Богородицы Казанскіе да въ придѣлахъ Варлама Хутынского да Антонія и Θεодосія, печерскихъ чудотворцевъ». Съ этого времени ружная церковь свв. Бориса и Глѣба, оставаясь попрежнему приходскою церковію торопецкихъ стрѣльцовъ, уже стала большею частью называться Казанскою церковію: «церковь Пречистые Богородицы Казанскіе и святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба», иногда съ добавленіемъ: «въ Старомъ острогѣ, въ стрѣлцкой слободѣ.»²⁷ Также и соборная церковь св. Егорія, вслѣдствіе постепеннаго возрастанія чествованія Корсунской иконы Божіей Матери, находившейся въ ней, превратилась въ Корсунско-Богородицкій соборъ. Въ 1540 году важнѣйшимъ изъ всѣхъ городскихъ храмовъ была соборная церковь св. Егорія. Ей принадлежали лавки и дворы для священно-служителей въ городѣ и на посадѣ, въ ея пользу собирались нѣкоторыя торговыя пошлины; въ уѣздѣ этому храму принадлежала земля въ Кудинской переварѣ и право рыбной ловли въ нѣкоторыхъ озерахъ. Въ 1617 году торопчане, въ благодарность за избавленіе города отъ литовцевъ, которое они приписывали Корсунской иконѣ, пожертвовали соборной церкви почти все пространство земли (около 25 десятинъ), которое въ древнее время занималъ городъ Торопецъ до его перенесенія на новое мѣсто. «Къ соборной же церкви страстотерпца Христова Георгія и чудотворному образу преч. Богородицы Корсунскіе дали въ домъ торопчане посадскіе люди всѣмъ городомъ старой посадѣ, за городомъ, на другой сторонѣ Торопы рѣки.» Въ 1628 году при холодной церкви страстотерпца Христова Георгія уже былъ придѣлъ во имя Михаила Маленна и рядомъ съ этимъ храмомъ находилась теплая церковь Богородицы Одигитріи, но Корсунская икона помѣща-

торопецкихъ (ясскихъ) охотниковъ 140-го году ноября въ 1 день". Книга 265, лл. 368—379.—Патр. Казеннаго приказа книга 2, лл. 162—167, кн. 23, лл. 804—812, кн. 171, лл. 328—329.—Переписныя тороп. книги 1646 и 1710 годовъ (въ М. А. М. Юстиціи).

²⁷ Въ М. А. М. Юстиціи патриаршаго Казеннаго приказа кн. 31, л. 82, книга 87, л. 937, кн. 100, л. 520, а также приходныя книги патр. Казеннаго приказа за 1710, 1736, 1739 годы и другія. Въ 1652 году также была дана благословенная грамота, по челобитію „поповъ церкви живоначальныя Троицы, на 3 престола: Спаса нерукотвореннаго образа да въ придѣлахъ московскихъ чудотворцовъ Петра, Алексѣя и Ионы и святыхъ мученикъ Орела и Лавра“.

лась попрежнему въ Георгіевской церкви. Въ 1641 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожертвовалъ напрестольный крестъ въ городъ Торопецъ, «въ соборную церковь къ чудотворному образу пресв. Богородицы Корсунскія и страстотерпцу Георгію.» Въ 1649 году соборъ называется «церковью вмч. Георгія и чудотворнаго образа Преч. Богородицы.» Затѣмъ въ 1676 году было приступлено къ замѣнѣ ветхой деревянной Одигитріевской церкви каменною уже во имя Корсунской иконы Божіей Матери съ придѣломъ Михаила Малеина. Къ этой новой каменной церкви въ 1685 году былъ пристроенъ каменный Георгіевскій придѣлъ взаменъ обветшавшей деревянной Георгіевской церкви, и послѣ того уже не было въ городѣ Торопцѣ отдѣльной церкви во имя вмч. Георгія. ¹⁰

Въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка всѣ церкви въ Торопцѣ были деревянныя, и только во второй половинѣ XVII столѣтія начали постепенно замѣнять ихъ каменными. Въ соборной церкви, въ придѣлѣ Александра Невскаго, на одной иконѣ, написанной около 1680 года, вновь построенная церковь во имя Корсунской иконы Божіей Матери изображена пятиглавою каменною церковью съ деревяннымъ придѣломъ во имя Михаила Малеина и съ деревяннымъ же притворомъ; при ней деревянная трехъ-ярусная колокольня. Старинная Георгіевская церковь на этой иконѣ представлена деревянною, одноглавою. Первая каменная постройка появилась въ Никольскомъ монастырѣ: его каменную церковь во имя чудотворца Николая начали строить въ 1666 году. Въ 1676 году приступили къ постройкѣ каменной Богородицкой церкви, взаменъ прежней деревянной; постройка эта производилась на государственныя средства. 11-го января 1678 года торопецкому воеводѣ было приказано выдать соборному протопопу Гавріилу съ братіей на «железную покупку къ каменному церковному строенію» 40 рублей изъ *таможеннаго сбора*. Въ 1685 году пристроенъ былъ къ этой церкви каменный придѣлъ вмч. Георгія, вмѣсто отдѣльной деревянной Георгіевской церкви. 15 августа 1708 года выданъ антиминсъ въ новопостроенную каменную Воскресенскую церковь, въ 1710 году упоминается каменная Успенская церковь, въ 1703 году построена каменная церковь Іоанна Предтечи въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, ¹¹ въ 1718

¹⁰ Тороп. писц. книга 1640 года, лл. 1, 14, 15, 33.—Бол. Экономіи грамота 12265.—Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 52, л. 178.

¹¹ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 196, л. 101, кн. 398, л. 163. Патр. Казеннаго приказа кн. 138, лл. 235 и 313.

году—въ Троицкомъ Небинѣ монастырѣ и т. д. Къ концу XVIII столѣтія всѣ городскія церкви были уже каменными; частые и опустошительные пожары много способствовали замѣнѣ деревянныхъ церквей каменными.

По извѣстію, относящемуся къ 1540 году, въ соборномъ храмѣ св. Егорія и въ церкви чудотворца Николая въ Никольскомъ монастырѣ церковная служба совершалась ежедневно, во всѣхъ остальныхъ торопецкихъ городскихъ храмахъ—только по праздникамъ, воскресеньямъ и субботамъ.

Главнѣйшая изъ всѣхъ торопецкихъ святынь—Корсунская икона Божіей Матери, находящаяся нынѣ въ Корсунско-Богородицкомъ соборѣ.⁴⁰ Въ житіи св. Евфросинія и въ Степенной книгѣ она названа Ефесскою, въ Торопцѣ же въ началѣ XVII вѣка и позднѣе ее именовали Корсунскою. По всей вѣроятности, Корсунскою называлась она и ранѣе перенесенія въ Торопецъ: встарину корсунскими назывались всѣ привозимыя въ Россію греческія иконы, отличавшіяся хорошимъ качествомъ письма, такъ что въ періодъ домонгольскій на Руси выраженіе «корсунская» икона употреблялось вмѣсто «хорошая». И дѣйствительно, Корсунская икона, находящаяся въ настоящее время въ Торопцѣ,—прекраснаго древняго греческаго письма. Первое извѣстіе о ней встрѣчается въ житіи св. Евфросинія, дошедшемъ до насъ въ спискѣ XIV вѣка. Въ этомъ житіи, а также и въ Степенной книгѣ подробно разсказывается о томъ, какъ одна изъ 3 иконъ, написанныхъ, по преданію, еванг. Лукою, по просьбѣ полоцкой княжны Евфросиніи въ 1173 году была перенесена изъ Ефеса въ Полоцкъ, гдѣ была помѣщена въ Спасской церкви, въ основанномъ ею монастырѣ, и съ этого времени пользовалась въ Полоцкѣ особеннымъ чествованіемъ. Впослѣдствіи она была перенесена въ Торопецъ.

Всѣ торопчане и всѣ писавшіе о Торопцѣ полагаютъ, что дочь полоцкаго князя Брячислава привезла ее въ 1239 году въ Торопецъ,

⁴⁰ Степенная книга, I, стр. 277 и 278.—Бол. Экономіи грамота 12265.—Рукописный сборникъ Тороп. собора (18 вѣка), лл. 31, 58, 67.—Голубинскаго Ист. рус. церкви, вторая половина 1-го тома, стр. 190—193.—Журн. М. Нар. Просв. 1843 г., февраль. Подробное описаніе иконы у свящ. І. Знаменскаго (Псковскія Губерн. Вѣдом. 1873 г., №№ 9 и 10) и у свящ. В. Д. Щукина (Корсунско-Богородицкій соборъ, стр. 19—20, 91—98). См. также о Корсунской иконѣ митр. Евгенія Ист. княж Псков. IV, 17; Истор. свѣденія о жизни преп. Евфросинія, Слб. 1841; Макарія Ист. рус. церкви III, 32, 93 и прим.; Семеновскаго Торопецъ и др.

гдѣ въ этомъ году совершенно было ея бракосочетаніе съ Александромъ Невскимъ. Такое заключеніе основано единственно на словахъ рукописнаго сборника, хранящагося въ Торопецкомъ соборѣ, составленнаго съ исключительною цѣлью возможно болѣе прославить Корсунскую икону и доказать ея чудотворную силу. Составитель сборника вздумалъ разрѣшить интересовавшій всѣхъ вопросъ о времени перенесенія иконы изъ Полоцка и, дѣлая касающіяся исторіи Торопца выписки изъ Степенной книги, совершенно произвольно позволилъ себѣ въ одномъ мѣстѣ этого сборника (листъ 67) сдѣлать вставку. Въ древней лѣтописи находится слѣдующее извѣстіе о бракосочетаніи Александра Невского: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославъ, в Новѣгородѣ, поя в Полотъскѣ у Брячъслава дчерь і вѣнчася в Торопчи; ту кашю чши, а в Новѣгородѣ другую. Того же лѣта князь Александръ сруби городци по Шелонѣ».

Въ Степенной книгѣ (I, 321):

«Въ тогдашнее же время пресловущій въ державныхъ сынъ его, Великій Князь Александръ, законному браку сочтася, поятъ себѣ супружницу, дщерь Полотскаго Князя Брячислава, съ неюже вѣнчанъ бысть во градѣ Торопчѣ. Пришедъ же въ Новгородъ и ту бракъ торжествова свѣтло. Тогда же Новоградскими людьми и градъ въ Шелони пост ви».

Въ сборникѣ Тороп. собора
(л. 67):

«Въ тогдашнее же время пресловущъ в державахъ сынъ великаго князя Ярослава, великой князь Александръ законному браку сочтался, поятъ себѣ супружницу дщерь Полацкаго князя Брячислава, с нею же и вѣнчанъ бысть во градѣ Торопце; *тогда же княжна Брячиславля дочь ис Полоцка взявъ съ собою на бракъ вышепенанный образъ евескій пресвятыя Богородицы Корсунскія третій, писанный святымъ евангелистомъ Лукою, и постави ея в торопецкой соборной церкви, еже и до нынѣ тамо с вѣрою приходящимъ неоскудно исцѣленія подаетъ, и пришедъ великій князь Александръ со оцемъ своимъ в Новѣградъ, и тамо бракъ торжества (торжествова) свѣтло. Тогда же новгородскіи люди и градъ Шелони постави».*

Составитель сборника дѣлаетъ отъ себя прибавки и не въ одномъ этомъ случаѣ. Напримѣръ, въ Степенной книгѣ (I, 364) сказано: «Онъ уже (Александръ Невскій) единою шедъ и Божиимъ поможеніемъ побѣди семь ратей литовскихъ»..... вмѣсто этого въ сборникѣ Торопецкаго собора (л. 69) написано:» Онъ же единою шедъ и Божиимъ поможеніемъ и *молитвами пресвятыя Богородицы у Торонца* побѣди семь ратей литовскихъ»..... Митрополитъ Макарій, долгое время бывший архіепископомъ въ Новгородѣ, весьма интересовавшійся Ефесской иконой Богоматери, какъ это видно изъ написанной имъ Степенной книги, не могъ бы не знать о ея перенесеніи въ Торопецъ, еслибы въ дѣйствительности въ его время (умеръ въ 1564 г.) оно было уже совершившимся фактомъ. Въ двухъ мѣстахъ (I, 321 и 357) Степенной книгѣ говорится о вѣнчаніи Александра Невского въ Торопцѣ, но при этомъ о перенесеніи Корсунской иконы въ Торопецъ не упомянуто. Мало того, въ Степенной книгѣ (I, 269—282) подробно разсказывается о перенесеніи Ефесской иконы въ Полоцкъ, но и въ этомъ случаѣ ничего не сказано о перенесеніи ея въ Торопецъ, къ чему, безъ сомнѣнія, представлялся поводъ. Кромѣ того, въ писцовой книгѣ 1540 года нигдѣ не упоминается о Корсунской иконѣ, какъ это обыкновенно бывало въ слѣдующемъ столѣтіи, когда эта икона уже несомнѣнно находилась въ соборномъ храмѣ. Въ то время въ городѣ Торопцѣ было 17 церквей, но между ними не было ни одной церкви, даже ни одного придѣла въ какой-либо церкви, во имя Богородицы Одигитріи (Корсунская икона), а между тѣмъ тамъ существовали въ то время церкви Благовѣщенія, Успенія пресв. Богородицы и Рождества Богородицы.

Быть можетъ, не всѣ писатели, утверждавшіе, что Корсунская икона была перевезена въ Торопецъ въ 1239 году, были вполне убѣждены въ достовѣрности этого. Свящ. П. Иродіоновъ въ 1788 году писалъ, что великій князь Ярославъ, «взявъ ему (Александру Нев.) въ жену дочь князя Брячислава, которая, *какъ сказываютъ*, принесла съ собою образъ».... Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) въ одномъ письмѣ (19 апр. 1820 года) говоритъ между прочимъ: «Въ торопецкомъ соборѣ и нынѣ есть икона, именуемая Корсунскою и Ефесскою, *яко-бы* оставленная тамъ женою князя Александра Невского въ 1239 году» ⁴¹.

Въ Корсунско-Богородицкомъ соборѣ находится написанная въ XVI вѣкѣ хорошая копія съ Корсунской иконы. По преданію, тороп-

⁴¹ Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, томъ VIII, 410.

чане, боясь, чтобы царь Иванъ IV Васильевичъ не отнялъ у нихъ Корсунскую икону и не увезъ бы ее въ Москву, велѣли написать копію съ Корсунской иконы и поставили ее въ иконостасъ, а подлинная икона, безъ всякихъ украшеній, «была отнесена за престолъ.»⁴² Дѣйствительно, московскіе князья, въ особенности первые князья—собиратели, имѣли обыкновеніе изъ вновь завоеванныхъ русскихъ областей привозить въ Москву наиболѣе чествуемыя мѣстные святыни для того, чтобы Москва не была городомъ чуждымъ для жителей новоприсоединенныхъ областей. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать, что копія съ Корсунской иконы была бы снята въ самомъ началѣ XVI вѣка, при присоединеніи Торопца къ Москвѣ, еслибы въ то время эта икона уже находилась въ Торопцѣ. Лучшее объясненіе, почему эта копія была снята при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, а не ранѣе, находится въ другомъ преданіи, по которому въ 1579 году, передъ самымъ нападеніемъ поляковъ на городъ Полоцкъ, монахи Спасо-Евфросиніевской обители, боявшіяся, чтобы Стефанъ Баторій не завладѣлъ Корсунской иконой, перевезли ее въ Торопецъ.⁴³ Если признать это преданіе достовѣрнымъ, то будетъ понятно, почему торопчане опасались, что Иванъ IV перевезетъ икону въ Москву изъ Торопца, который въ скоромъ времени самъ могъ подвергнуться нападенію со стороны поляковъ. Но опасенія торопчанъ оказались напрасными, и Корсунская икона и ея копія навсегда остались въ Торопцѣ. По окончаніи войны съ Стефаномъ Баторіемъ икона не могла быть возвращена въ Полоцкъ, такъ какъ съ той поры этотъ городъ опять вошелъ въ составъ Польско-Литовскаго государства, и самую Спасскую обитель постигла печальная участь: «церковь Спаса, гдѣ былъ нѣкогда двѣичій монастырь, отошла было къ іезуитамъ»; даже каедральная церковь

⁴² Еще въ 1628 г. Корсунская икона была запрестольной иконой въ соборной церкви вич. Георгія.—Запрестольныя иконы въ православныхъ храмахъ были наиболѣе чтимыми иконами (Голубинскаго Ист. рус. церкви, тома 1-го вторая половина, стр. 165); слово „запрестольная“, находящееся въ выписи изъ писцовой книги 1628 г., въ вышеприведенномъ преданіи является непонятнымъ.

⁴³ Историч. свѣденія о жизни преп. Евфросинія, княжны полоцкой. Сиб. 1841. Стр. 11: преданіе бѣлорусское говоритъ, „что Ефесская икона была вынесена изъ Полоцка въ Торопецъ; присовокупляютъ, что сіе послѣдовало предъ самымъ нашествіемъ Польскаго короля Стефана Баторія, и что монахи Спасской обители вынесли ее, опасаясь, чтобы онъ у нихъ не отнялъ ее. Но самое достовѣрное свѣденіе о сей достопамятной иконѣ сохранилось въ письменномъ актѣ Торопец. собора“.....

св. Софіи въ Полоцкѣ еще въ 1821 году находилась при униатскомъ монастырѣ. ⁴⁴

Такимъ образомъ, кажется, слѣдуетъ считать наиболѣе правдоподобнымъ, что перенесеніе Корсунской иконы изъ Полоцка въ Торопецъ совершилось въ 1579 году.

IV.

Дворы мѣстныхъ правительственныхъ учреждений. Уже былъ описанъ находившійся въ «городѣ» казенный пороховой дворъ, на которомъ помѣщались пороховой погребеъ и сарай, а иногда и житницы (большею частью онѣ были расположены внѣ казеннаго двора). Кромѣ порохового двора въ торопецкомъ же кремлѣ находились дворы городничихъ и воеводскій дворъ, на которомъ размѣщены были хоромы и службы самого воеводы (называвшагося въ XVI вѣкѣ намѣстникомъ), а также сѣзжая изба и тюрьма.

Воеводскій дворъ находился въ восточной части «города», ближе къ большой Московской башнѣ и посаду. Сзади намѣстничьяго (воеводскаго) двора была другая городская башня, а передъ нимъ — большая площадь, выходившая на Большую улицу, тянувшуюся вдоль всего «города», отъ Егорьевскихъ воротъ до Никольскихъ, ведшихъ въ торопецкій посадъ. На обширномъ воеводскомъ дворѣ размѣщены были жилища помѣщенія самого воеводы и различныя постройки, необходимыя для его домашнего хозяйства. На воеводскомъ же дворѣ помѣщались *сѣзжая или приказная изба*, гдѣ воевода и подьячіе чинили судъ и расправу въ подлежащихъ ихъ вѣденію дѣлахъ. Въ 1733 году торопецкая канцелярія состояла изъ трехъ комнатъ: судейской, находившейся при ней «каморы протокольной и свѣтлицы, гдѣ сидятъ канцелярскіе служители» Черезъ сѣни была четвертая свѣтлица, въ ней содержались арестанты (колодники). Въ сѣняхъ было два чулана, въ которыхъ иногда стояли сундуки и деревянные и лубяные короба съ полуистлѣвшими «дѣлами старыхъ лѣтъ.» Передъ сѣзжей избой въ концѣ XVII вѣка стояли двѣ мѣдныя пушки. На воеводскомъ же дворѣ, близъ «пыточной башни», находилась огороженная тыномъ *тюрьма*; при работахъ, произведенныхъ въ ней въ 1650 году, употреблено на тынъ, иглы и мостъ (поль) 350 бревенъ.

Дворы *городничихъ или городовыхъ приказчиковъ* (оба названія употреблялись одновременно) находились также въ «городѣ». Ихъ

⁴⁴ Кеннена Списокъ русскимъ памятникамъ, стр. 42.

въ XVI вѣкѣ было два, въ XVII — одинъ. У городничихъ иногда кромѣ этихъ казенныхъ дворовъ еще были въ «городѣ» и на посадѣ лично имъ принадлежавшіе дворы, такъ какъ городничіе избирались изъ торопецкихъ помѣщиковъ.

Десятильничій дворъ въ 1540 году находился на посадѣ, близъ церкви свв. Бориса и Глѣба, между помѣщичьими дворами. Десятильники, свѣтскіе митрополичьи, а затѣмъ патріаршіе чиновники, собиравшіе въ пользу патріарха установленныя пошлыны съ торопецкой десятины, т. е. почти со всѣхъ городскихъ и уѣздныхъ торопецкихъ церквей, — не были по происхожденію торопчанами и постоянными жителями города Торопца, поэтому на десятильничьихъ дворахъ жили дворники. ⁴⁴

Въ Торопецкомъ уѣздѣ въ 1540 году было нѣсколько *ямскихъ дворовъ*: Турскій, Хотѣлицкій, Порѣцкій и Устьянскій; Торопецкій ямъ находился въ самомъ посадѣ, на Большой улицѣ. Въ ямахъ жили дворники. Ямщикамъ, «по грамотѣ великаго князя» (такъ вездѣ въ писцовой книгѣ 1540 года называется московскій государь), давались нетяглыя деревни и пустоши «на пашню и подводомъ на выпускъ.» Двѣ деревни, принадлежавшія въ то время Торопецкому яму, находились около самаго города. Торопецкіе ямщики (9 человекъ) жили въ своихъ деревняхъ и тамъ держали лошадей; въ ямѣ же жили только дворники, поэтому и дворъ, и жилия помѣщенія на немъ были, по всей вѣроятности, небольшихъ размѣровъ. ⁴⁵ Ямская слобода, въ которой жили въ XVII вѣкѣ торопецкіе ямскіе охотники и ямскіе бобыли, находилась за Московскими воротами Старога острога, на берегу р. Уклеинки. ⁴⁶

⁴⁴) Тороп. пис. кн. 1540—41 гг., лл. 13, 15, 17. Дѣла Герольдмейстерской конторы, книга 161, л. 194. Десятенъ книга 277, лл. 51—57, 184—185.

⁴⁵) Писц. книга 1540—41 гг., лл. 33, 41, 42, 69, 70, 72, 73, 82, 83 и 278. Извѣстно, что въ Порѣцкомъ ямѣ было 2 дворника. — При списываніи съ писцовой книги 1540 года сдѣлана непростительная ошибка, повлекшая къ весьма неправильному предположенію, для устраненія котораго примѣчаніе 41-е, на 80-й страницѣ, слѣдуетъ читать такъ: Тороп. книги писма А. Д. Ульянина 1540 г., л. 82: „Въ Збуцкой переварѣ, подъ городомъ подъ Торопцемъ, деревни за торопецкими ямщиками черныя: деревня Небино надъ озеромъ надъ Торопецкимъ, противъ лодѣйницы, а въ немъ живутъ ямщики“... Деревня Небино была расположена противъ стариннаго города, по другую сторону р. Торопы, гдѣ со второй половины XVI вѣка находился Небинъ монастырь и его владѣнія.

⁴⁶) Писц. кн. 265, л. 371 (въ М. А. М. Юстиціи).

Вблизи оз. Соломена и р. Торопы, противъ Большого моста, соединявшаго городъ съ посадомъ, былъ расположенъ «торгъ» или торговая площадь, къ которой направлялись главныя улицы торопецкаго посада. Она занимала небольшое пространство и потому была очень тѣсно застроена. Около нея находились церкви Архангельская и Пятницкая, а на самой площади—Ильинская и Воскресенская. Въ XVI вѣка на торговой площади у церкви Воскресенія Христова находился *дворъ тиуновъ*. Изъ письменныхъ памятниковъ XVI вѣка обнаруживается, что въ Торопцѣ тиунъ былъ вторымъ лицомъ послѣ намѣстника, его ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ, а потому и дворъ его, и находившіяся на немъ постройки, вѣроятно, соответствовали его положенію въ городѣ.

Въ XVII вѣкѣ тиунова двора въ Торопцѣ уже не было, но зато на торговой площади въ то время находилась *земская изба*, о которой въ XVI вѣкѣ не упоминается, хотя и тогда на посадѣ жили земскіе старосты. Земская изба была главнымъ органомъ мѣстнаго самоуправления. Въ ней судили и рѣшали мірскіе выборные люди: земскій староста и цѣловальники. Здѣсь хранились грамоты и другіе важные документы, находившіеся въ завѣдываніи лареннаго цѣловальника.

На посадской же торговой площади находился и *таможенный дворъ*. Въ таможенной избѣ таможенный голова съ цѣловальниками собиралъ «государевы таможенные пошлины на площади, и по ряду, и съ хлѣба, и перекупной пошлины, и со всякихъ мелкихъ товаровъ, и съ рыбныхъ ловцовъ съ рыбной продажи.» Таможенный дьячекъ записывалъ въ книгахъ: «кто какого товара явитъ, и что который товаръ по продажной цѣнѣ, и съ сколькихъ рублей таможенныхъ пошлинъ взято.» При таможенной избѣ находилась еще горница, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько и какія еще были постройки при таможнѣ и земской избѣ и на дворѣ торопецкаго тиуна.

V.

Торговья помѣщенія и площади. На торговой площади, рядомъ съ тиуновымъ дворомъ, ближе къ озеру Соломену, въ XVI вѣкѣ находился *корчемный дворъ*. Это старинное названіе, существовавшее въ смоленскихъ волостяхъ еще въ XII вѣкѣ, во время составленія Ростиславовой грамоты, было замѣнено въ первой четверти XVII столѣтія словомъ «кабакъ» («въ Торопцѣ на посадѣ кабакъ»); въ 1660 году встрѣчается уже новое обозначеніе.

ніе корчемнаго двора—*кружечный дворъ*.⁴⁷ На кружечномъ дворѣ торговля производилась или откупщиками или вѣрными головами кружечнаго двора съ цѣловальниками, смотря по тому, отдавался-ли въ данное время кабакъ на откупъ или его держали «на вѣрѣ» выборные посадскіе люди. Для веденія приходорасходныхъ книгъ при кружечномъ дворѣ былъ дьячекъ. На кружечномъ дворѣ продавали вино, брагу, пиво, медъ, воскъ, квасъ, олаvinу, бражныя изварины, хмелины и дрожжи. На кружечномъ дворѣ находились: «погребъ», «стойчная изба» и «пивная изба.» Въ погребѣ производилась торговля на выносъ ведрами, полуведрами, четвертями и кружками; розничная же продажа, чарками, происходила «за стойкой»; «питухамъ» позволялось пить водку и пиво въ стойчной и пивной избахъ. Винокурня и поварня,—въ которыхъ жили винокуры, пивовары и дровосѣки, и въ которыхъ курили вино, варили пиво и ставили медъ,—строились, отдѣльно отъ кружечнаго двора, на окраинахъ посада и даже за предѣлами его, и оттуда привозили вино, пиво и медъ на кружечный дворъ, на большую торговую площадь.⁴⁸

Въ ХVІ столѣтіи въ Торопцѣ гостинаго двора не было. Гости, т. е. торговцы, пріѣзжавшіе въ Торопецъ изъ Москвы, Новгорода и другихъ русскихъ городовъ, останавливались на дворахъ посадскихъ людей, расположенныхъ близъ торговой площади и складывали свои товары въ построенныхъ на этихъ дворахъ *амбарахъ*. Въ 1540 году по счету писцовой книги, въ городѣ Торопцѣ было пятнадцать такихъ амбаровъ («онбаровъ торговыхъ»). Сами гости жили въ кормахъ, принадлежавшихъ владѣльцамъ дворовъ, а торговали «всякимъ товаромъ» въ амбарахъ. Съ владѣльцевъ дворовъ, на которыхъ останавливались гости, ежегодно взыскивали въ казну оброка по 2 алтына съ каждаго амбара.

Въ ХVІІ столѣтіи въ Торопцѣ уже существовалъ *гостинный дворъ*, помѣщавшійся на торговой площади, около церкви Воскресенія Христова. Въ переписныхъ торопецкихъ книгахъ 1646-го и

⁴⁷ Тороп. писц. кн. 1540 г., л. 15.—Дѣла Печатнаго приказа пошл. книга 5, л. 125; кн. 7, л. 356; кн. 9, л. 183; кн. 20, л. 176; кн. 60, л. 58; кн. 100, л. 160. Кружечный дворъ въ Новгородѣ упоминается уже въ 1653 г. (книга 70, л. 291).

⁴⁸ Денежнаго стола книга 204, 210 и 337-я (въ М. Архивѣ М. Юстиціи). 26 іюля 1660 г. велѣно, по челобитью монаховъ Небина монастыря, «съ ихъ монастырской земли тороп. кружечнаго двора поварню снести» (Печ. прик. кн. 100, л. 160).

1678 годѣвъ упоминаются дворники, жившіе на торопецкомъ гостинѣмъ дворѣ, причемъ гостиный дворъ называется государевымъ. Последнее обстоятельство, а равно и то, что на гостинѣмъ дворѣ иногда расходовались таможенные пошлины, показываетъ, что онъ устроивался и поддерживался на казенныя средства. Не сохранилось описанія торопецкаго гостинаго двора. Надо предполагать, что на этомъ дворѣ существовали такія же зданія, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ, т. е. изба для дворниковъ, одна или двѣ избы для прѣзжихъ торговцевъ, амбары для помѣщенія товаровъ и, можетъ быть, конюшни. ⁴⁹

Въ 1540 году въ Торопцѣ на торговой площади, противъ Большаго моста, около церкви Воскресенія Христова и церкви Ильи святого, находились *торговые ряды*: 1) Большой рядъ, въ которомъ по обѣ стороны было въ то время 43 лавки и 2 лавочныхъ мѣста; въ этихъ лавкахъ торговали сукнами, шелкомъ и мелкимъ товаромъ «сщепетиньемъ» (галантерейнымъ товаромъ); 2) около церкви Ильи святого Мясной и Рыбный рядъ; въ немъ было 22 лавки и 2 полка; и здѣсь лавки были расположены также по обѣ стороны ряда; 3) близъ той же торговой площади, по направленію къ Спасской церкви, находился Хлѣбный рядъ. Кромѣ того въ Торопцѣ было 12 лавокъ, принадлежавшихъ соборной церкви св. Егорія. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, чѣмъ торговали въ этихъ лавкахъ; можно, впрочемъ, догадываться, что въ нихъ торговали тѣмъ же, чѣмъ и въ Большомъ ряду, по крайней мѣрѣ трое изъ владѣльцевъ церковныхъ лавокъ имѣли лавки также и въ Большомъ ряду. Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ посада находилось 7 лавокъ: въ трехъ изъ нихъ торговали мясомъ и въ двухъ дегтемъ. ⁵⁰ Такимъ образомъ въ

⁴⁹ Тороп. писц. кн. 1540—41 гг., лл. 19, 20, 31—33. Денежнаго стола книга 365, л. 100: „и всего въ расходѣ государевыхъ таможенныхъ пошлинныхъ денегъ... въ таможи и на гостинѣ дворѣ въ расходѣ 366 р. 3 алтына“.

⁵⁰ Три лавки были „на вымѣ“. „На вымѣ“ значитъ на углу; вымолная лавка — угольная лавка. При выходѣ изъ переулка въ улицу, по обѣимъ сторонамъ его, находилось по вымолу. Если на углу улицы и переулка была лавка, то иногда одинъ растворъ ея выходилъ въ переулокъ, а другой — на улицу. Въ торговыхъ рядахъ, на мѣстѣ пересѣченія двухъ какихъ-нибудь рядовъ, образовывалось четыре „вымла“ (угла), на которыхъ находилось четыре вымолныхъ лавки. Большею частью вымолныя лавки были „на оба лица“, т. е. имѣли растворы, выходившіе въ оба ряда. Если два торговыхъ ряда выходили, напримѣръ, на какую-нибудь улицу на самомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, то выходившая на улицу лавка, находившаяся между двумя торговыми

1540 году въ Торопцѣ было 84 лавки, 2 полка и 8 торговыхъ амбаровъ. Къ концу XVII столѣтія число лавокъ значительно увеличилось, и на торгу, кромѣ Большого, Мяснаго и Рыбнаго, находились еще Серебряный и Москотинный ряды; позднѣе упоминается еще Пряничный рядъ; быть можетъ, были и еще какіе-нибудь ряды, но о нихъ въ памятникахъ не упоминается.

Помимо рядовъ и лавокъ, на самой торговой площади также производилась торговля. Кромѣ того была еще другая площадь, на которой продавали съ возовъ приважіе изъ деревень крестьяне дрова, сѣно, солому и другіе продукты сельской промышленности.

Около ряда, въ которомъ торговали мясомъ и рыбой, на самомъ берегу озера Соломена, находилось мѣсто, предназначенное для «рыбной продажи». Здѣсь торопчане покупали живую рыбу изъ первыхъ рукъ, у рыбаковъ. И теперь въ лѣтнюю пору, въ теченіе всей ночи, въ разныхъ мѣстахъ по озеру Соломену виднѣются огоньки: это рыбаки занимаются ловлей; рано утромъ, когда начинаютъ уже собираться на рыбный рынокъ покупатели, они подѣзжаютъ къ берегу съ своимъ товаромъ на узкихъ, длинныхъ лодкахъ «душегубкахъ», которыя своимъ видомъ всякій разъ заставляютъ невольно вспоминать разсказъ Константина Багрянороднаго о кривичахъ, въ X вѣкѣ сплавлявшихъ въ Кіевъ свои лодки—однодеревки.

Въ XVII вѣкѣ на посадѣ еще была конская площадка, на которой продавали, покупали и мѣняли лошадей.

VI.

Дворы частныхъ лицъ въ «городѣ» и на посадѣ. Въ XVI и XVII вѣкахъ черезъ весь торопецкій «городъ», отъ Московской башни до Егорьевской, тянулась Большая улица. По лѣвую ея сторону, если итти изъ посада, было мало дворовъ. Невдалекѣ отъ Большого моста были расположены площадь и воеводскій дворъ съ находившимися на немъ постройками, а далѣе Троицкая и Егорьевская церкви. На правой, западной сторонѣ «города», ближе къ посадѣ, помѣщались житницы, казенный пороховой дворъ съ погребомъ и сараемъ и затѣмъ церковь свв. Аѳанасія и Кирилла. На этой же сторонѣ находилась большая часть осадныхъ дворовъ, принадлежавшихъ горожанамъ и уѣзднымъ жителямъ. Въ «городѣ»

рядами, могла быть „на три лица“: могла своими растворами выходить и на улицу, и въ оба ряда.

кромѣ Большой улицы была еще улица, ведшая отъ площади къ житницамъ, и одинъ большой переулочъ (безъ названія), который шелъ отъ Аѳанасьевской церкви къ проходной городской башнѣ (у брода) и къ Старому посаду. Всего въ «городѣ» было 2 улицы, 3 переулка и 2 тупика. — Главную часть *посада* составлялъ «торгъ», гдѣ сосредоточивались не только торговые помѣщенія, но и нѣкоторыя казенныя зданія и мѣста городского управленія. На этой же площади и близъ нея была сгруппирована большая часть посадскихъ церквей. Черезъ нее проходила и главная изъ торопецкихъ улицъ — Большая улица, бывшая продолженіемъ находившейся въ «городѣ» Большой улицы. Къ «торгу» направлялись большей частью и другія болѣе или менѣе значительныя посадскія улицы. Въ началѣ XVIII вѣка число всѣхъ улицъ на посадѣ доходило до 15; переулочковъ въ это время было 12. Кромѣ того, многіе горожане жили по берегу рѣки Торопы и озера Соломена, а также въ посадскихъ, стрѣлцкой, пушкарской и ямской слободахъ. Въ 1721 году на посадѣ были слѣдующія улицы: Большая Московская, Береговая, Спасская, Ивановская, Чурилова, Пищальницкая, Благовѣщенская, Костина, Горная, Пятницкая, Верхняя, Никольская, Жеребцова, Потохова, Нижняя; между этими улицами находились переулки: Пречистенскій, Юнцовъ, Киселевъ, Титовъ, Грязный, Егорьевскій, Пятницкій, Сѣдельниковъ, Щукинъ, Чирьевъ, Благовѣщенскій и Гомазинъ. Въ слободахъ самою большою улицей считалась Верхняя.

Островъ, на которомъ былъ расположенъ «городъ» занималъ пространство приблизительно въ 5 десятинъ. Изъ этого пространства много земли занято было площадью, улицами, переулками и тупиками, а также городскимъ землянымъ валомъ, на которомъ находились стѣны съ башнями. 3 церкви, воеводскій дворъ, казенный пороховой дворъ и житницы также занимали немало мѣста. Не удивительно, что городскіе дворы, число коихъ доходило до 200, не могли быть обширными, и очень правдоподобно, что средняя величина двора посадскаго человѣка равнялась 40 квадратнымъ саженьямъ или даже менѣе. Въ городѣ было тѣсно и дворы были размѣщены безпорядочно: такъ нѣкоторые дворы находились подлѣ самыхъ городскихъ стѣнъ, восемь дворовъ помѣщались на болотѣ, за житницами; иногда, для расширенія дворовъ, застроивали даже переулки: однажды изъ Москвы было прислано предписаніе: «переулка досмотрѣть, кто хоромами заставилъ.» Упоминается дворъ, входъ въ который былъ черезъ ворота, принадлежавшія другому владѣльцу. Въ 1540 году число осадныхъ дворовъ въ городѣ простирались до

200. Въ 1628 году, послѣ литовскаго разоренія, ихъ было только 108, но при этомъ находились государевы дворы, которые, повидимому, служили въ «осадное время» убѣжищемъ для всѣхъ бѣдныхъ городскихъ и уѣздныхъ жителей, не имѣвшихъ своихъ осадныхъ дворовъ. Въ XVII столѣтіи мѣста дворовыя въ городѣ покупались помѣщиками и посадскими людьми, а въ XVI вѣкѣ, кромѣ того, еще земцами и крестьянами. Хотя дворовыя мѣста раздавались правительствомъ за деньги, и обладатели дворовъ продавали или передавали ихъ въ наслѣдство, однако эти дворовыя мѣста были собственностью государства и находились лишь во владѣніи тѣхъ, кто получалъ на нихъ «данную». Большею частью торопецкіе помѣщики, владѣвшіе осадными дворами въ городѣ, сами въ нихъ не жили; для охраны своихъ городскихъ хоромъ и находившагося въ нихъ имущества они держали дворниковъ. Точно также и болѣе зажиточные посадскіе люди складывались между собою, покупали дворовыя мѣста въ «городѣ» и ставили на нихъ хоромы. Однако посадскіе люди рѣдко помѣщали въ нихъ дворниковъ, такъ какъ, живя вблизи, на посадѣ, легко могли оттуда наблюдать за своими городскими дворами и, въ случаѣ надобности, перевезти въ нихъ свое имущество. Такъ какъ городскіе дворы предназначались исключительно «для осаднаго сидѣнья», то естественно, что въ мирное время число городскихъ жителей было весьма ограниченное, и населеніе «города» состояло почти исключительно изъ дворниковъ.—Все остальное городское населеніе жило обыкновенно на посадѣ, и поэтому число посадскихъ дворовъ въ теченіе XVI и XVII вѣковъ было весьма значительно, хотя и не всегда одинаково. Очень многіе торопецкіе помѣщики имѣли на посадѣ свои дворы, на которыхъ держали дворниковъ, такъ какъ сами жили большей частью въ своихъ имѣніяхъ. На посадѣ, точнѣе въ слободахъ, примыкавшихъ къ посаду, жили ратные люди: пушкари и, съ половины XVI вѣка, стрѣльцы. На посадѣ находились дворы духовенства: здѣсь жили священники, дьяконы, пономари и «проскурницы» не только посадскихъ, но и городскихъ церквей. Нѣкоторые изъ пономарей и проскурницъ были очень бѣдны и потому жили въ «кельяхъ», точно также какъ и нищіе, жившіе при церквахъ въ кельяхъ «богадѣльныхъ». Но главную и многочислѣннѣйшую часть населенія торопецкаго посада всегда составляли тяглые посадскіе люди. Въ 1640 году изъ находившихся на торопецкомъ посадѣ дворовъ 37 принадлежало помѣщикамъ, 45—пушкарямъ, воротникамъ и плотникамъ, 21—духовенству, 415—тяглымъ посадскимъ людямъ, всего вмѣстѣ съ дворами

тиновымъ, ворчешнымъ и десятильничьимъ на торопецкомъ посадѣ въ то время находился 521 дворъ. Въ 1628 году было 24 священно и церковно-служительскихъ дворовъ, болѣе 200 дворовъ «разныхъ чиновъ» людей и 248 дворовъ тяглыхъ посадскихъ людей, всего -- болѣе 472 дворовъ. Въ 1646 году въ Торопцѣ насчитывалось 339 тяглыхъ дворовъ; въ 1678 году—367; въ 1721 году число дворовъ простиралось уже до 748, изъ коихъ 367 дворовъ находились на купленныхъ тяглыхъ земляхъ и на «поступочныхъ государевыхъ груженныхъ мѣстахъ», 259 дворовъ, принадлежавшихъ тяглымъ людямъ, находились на мирской землѣ, а также на земляхъ помѣщичьихъ и церковныхъ, на которыхъ они жили «изъ найму», въ остальныхъ 122 дворахъ жили бѣдняки, не имѣвшие своихъ собственныхъ дворовъ и мѣсть.⁵¹

И на посадѣ, точно также какъ и въ «городѣ», дворы были расположены безпорядочно, имѣли неправильную форму и различную величину. Были дворы длиной (въ глубину двора) 4 сажени, но были и такіе, которые имѣли въ длину 60 саженей. Точно также и протяженіе дворовъ по улицѣ было различно: отъ $2\frac{1}{2}$ саженей до 38. Вообще сторона двора, выходившая на улицу или въ переулокъ, почти всегда была короче глубины двора и была большей частью неодинаковой длины съ задней стороной двора. Такъ напримѣръ, въ глубину дворъ имѣлъ 26, по линіи переулка 8 саженъ, въ задней сторонѣ 5 саженъ. Средняя длина дворовъ въ торопецкомъ посадѣ простиралась приблизительно до 20 саженъ, а ширина до 7 саженъ, и такимъ образомъ среднимъ счетомъ дворъ занималъ пространство земли приблизительно въ 140 квадратныхъ саженъ; самые значительные по своимъ размѣрамъ дворы простирались до 850 кв. саженъ, но были дворы, занимавшіе площадь лишь въ 25 квадр. саженъ. Небольшіе размѣры дворовъ и незначительная ихъ длина по лицевой сторонѣ во многихъ случаяхъ объясняются семейными раздѣлами. Въ передней части двора, выходившей на улицу или въ переулокъ, помѣщался собственно дворъ, на которомъ находились постройки, въ задней же части двора находилось «огородное мѣсто», почти всегда занятое огородомъ. Огородъ обыкновенно занималъ гораздо большее пространство земли, чѣмъ дворъ. Напримѣръ: подъ дворомъ—45 квадратныхъ саженъ, подъ огороднымъ мѣстомъ—81 кв. саженъ; подъ дворомъ—49 квадр. саженъ, подъ огороднымъ мѣ-

⁵¹ Тороп. цисц. кн. 1540—41 гг.—Иродіоновъ.—Матеріалы для исторіи г. Торопца (изд. Моск. бирж. купечества).

стомъ—80 кв. сажень и подъ «баннымъ мѣстомъ»—4 кв. сажени. По всей вѣроятности, на дворахъ, болѣе значительныхъ по своимъ размѣрамъ, огородное мѣсто занимало относительно большую площадь земли. Предположеніе, что средняя величина двора посадскаго человѣка, за исключеніемъ огорода, доходила до 46 кв. сажень, является весьма правдоподобнымъ.⁵²

На нѣкоторыхъ дворахъ тяглыхъ посадскихъ людей, кромѣ владѣльцевъ дворовъ, жили шабры (сябры), сусѣди, подсосѣдники, захребетники и т. под. Всѣ они были тяглыми людьми и жили особо отъ владѣльцевъ дворовъ; отъ которыхъ они во всякомъ случаѣ не находились въ зависимости. Они помѣщались въ особыхъ избахъ, такъ что иногда на одномъ дворѣ было 3 избы. Иногда то мѣсто посадскаго двора, гдѣ помѣщались постройки шабра, назывались «подворьемъ». При каждомъ дворѣ были ворота. Общее названіе для всѣхъ находившихся на дворѣ деревянныхъ построекъ было «хоромы»; въ послѣдствіи въ Торопцѣ появились каменные зданія, ихъ называли «полатами». Жилыя постройки большей частью состояли изъ избъ; маленькая изба обозначалась словомъ «избишка». Кажется, избы были вообще небольшой величины, но онѣ были высоки и въ два этажа; нижній этажъ назывался «подклѣтомъ»; иногда подклѣтъ служилъ жилымъ помѣщеніемъ. Подъ сѣнями, которыя были непремѣнной принадлежностью избы, находилось «подсѣнье». У богатыхъ людей, кромѣ избы, кажется, были еще «горницы». Есть основаніе предполагать, что почти на каждомъ дворѣ находились «банное мѣсто» и баня, но бани большей частью строились изъ шестиаршиннаго лѣса и были малыхъ размѣровъ. Такъ какъ многіе изъ посадскихъ людей занимались земледѣліемъ, и во владѣніи торопчанъ находились пахатныя и сѣнокосныя земли, а также пастбища «для выпуска животины», то само собой разумѣется, что на многихъ дворахъ должны были находиться и постройки для помѣщенія лошадей и коровъ. Можетъ быть, были также помѣщенія для склада и храненія хлѣба и сѣна. Посадскія постройки были большей частью покрыты драницами; для житницъ и для нѣкоторыхъ кровель даже на воеводскимъ дворѣ употреблялось также корье. Бревенчатый полъ (мостъ) «набивали» глиной; точно также и кирпичныя печи даже въ казенныхъ зданіяхъ усердно обмазывались глиной.

⁵² Чечулина Рус. дерев. жилыя постройки въ XVI в. (въ отд. оттискъ изъ 6 т. Записокъ Импер. Рус. Археол. Общ., стр. 4, 5 и 10).

Изъ предлагаемаго очерка видно, что городъ Торопецъ, будучи *административнымъ* центромъ глухого лѣсистаго края, расположеннаго на рубежѣ двухъ постоянно враждовавшихъ государствъ, былъ въ XVI и XVII вѣкахъ прежде всего крѣпостью, порубежнымъ *военнымъ* поселеніемъ. Но его тѣснозастроенная торговая площадь и многочисленныя лавки свидѣтельствовали, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и немаловажнымъ по тому времени *торговымъ* поселеніемъ. Однако, уже внѣшній видъ этого значительнаго по своимъ размерамъ города, щеголявшаго лишь изобиліемъ монастырей и церквей, указывалъ на бѣдность и неприхотливость обстановки, среди которой протекала жизнь его обитателей въ эту эпоху.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Очеркъ вѣтшей исторіи города Торопца въ XVI и XVII вѣкахъ.

I.

Послѣ присоединенія (въ 1503 г.) Торопецкой земли къ Московскому государству былъ образованъ Торопецкій *уѣздъ*. Онъ занималъ меньшее пространство, чѣмъ Торопецкая земля: ея западныя волости, (Плавѣцкая, Жижецкая и Озерецкая) отошли къ Великолуцкому уѣзду, а восточныя (Рожна, Бибирева и восточная половина Старцевой)—къ Бѣльскому. Въ новообразованномъ Торопецкомъ уѣздѣ удержалось прежнее дѣленіе на волости и перевазы, сохранившія свои старинныя названія. Церковное дѣленіе не совпадало съ дѣленіемъ административнымъ, и къ *Торопецкой десятинѣ* до 1674 года причислялись также и тѣ церкви, которыя находились въ присоединенныхъ къ Великолуцкому уѣзду старинныхъ торопецкихъ волостяхъ—Плавѣцкой, Жижецкой и Озерецкой.—Первое подробное описаніе Торопецкаго уѣзда было сдѣлано извѣстнымъ княземъ Семеномъ Ѳеодоровичемъ Курбскимъ († въ 1527 г.), но его писцовая книга не сохранилась.¹⁾

Въ первой половинѣ XVI вѣка во главѣ города Торопца и его уѣзда стояли намѣстники великаго князя Московскаго, выбиравшіеся изъ знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій. Изъ нихъ упоминаются: князь Михаилъ Михайловичъ Курбскій (въ 1522 году), кн. Михаилъ Ивановичъ Кубенскій (въ 1525 г.) и кн. Александръ Вавольскій (въ 1540 г.). Церкви, входившія въ составъ Торопецкой десятины, съ начала XVI вѣка подчинялись московскимъ митрополитамъ, въ поль-

¹⁾ Др. Рос. Визлюенка, ч. XX, стр. 18 и 23. Кн. С. Ѳ. Курбскій, пожалованный въ бояре въ 1515 г., въ ссылакахъ на его книгу, находящиеся въ писц. книгѣ 1540 года, нигдѣ не именуется бояриномъ.

зу которыхъ доходы собирались ихъ свѣтскими чиновниками (десятильниками). ²⁾

Послѣ завоеванія Торопца Москвой, витебскіе и торопецкіе бояре удалились въ литовскія владѣнія, гдѣ были надѣлены землями взаимѣнь своихъ торопецкихъ вотчинъ. Покинутыя ими земли были розданы въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ, переселеннымъ, кажется, изъ новгородскихъ волостей. Въ 1541 году ихъ было только 37 семействъ (около 80 человекъ). Кромѣ того между постоянными защитниками города находились пушкари, затинщики, воротники и плотники, число которыхъ въ 1540 г. простиралось до 45 человекъ. Но очевидно, что этихъ защитниковъ было недостаточно для обороны порубежнаго города и его уѣзда, и московское правительство, по всей вѣроятности, переселило изъ московскихъ волостей въ Торопецъ также и посадскихъ людей, какъ это оно обыкновенно дѣлало въ то время въ другихъ вновь прибрѣтенныхъ городахъ ³⁾. Въ половинѣ XVI вѣка число ратныхъ людей въ Торопцѣ значительно увеличилось: уже въ 1555 году упоминаются торопецкіе стрѣльцы. Они набирались большею частью изъ торопецкихъ посадскихъ людей и находились подъ начальствомъ головъ, назначавшихся изъ числа торопецкихъ дѣтей боярскихъ. Отъ московскаго правительства стрѣльцы получали хлѣбное и денежное жалованье; служили не только въ Торопцѣ и его уѣздѣ, но и въ другихъ пограничныхъ городахъ, куда ихъ посылали для борьбы съ внѣшними врагами. Такъ торопецкіе стрѣльцы въ 1555 году были отправлены противъ шведовъ, а затѣмъ принимали дѣятельное участіе въ войнѣ съ поляками, во время которой изъ нихъ и изъ торопецкихъ дѣтей боярскихъ, по всей вѣроятности, составлялись гарнизоны въ ближайшихъ къ Торопцу завоеванныхъ городахъ. ⁴⁾.

²⁾ Сбор. Рус. Имп. Ист. Общ. XXXV, 658. Акты Юридич., 386.

³⁾ Соловьева V, 169 (изд. 1855 г.): „изъ другихъ (городахъ) воеводъ посылалъ, а которые люди были недобры, тѣхъ онъ вывелъ да всѣ города насадилъ своими людьми“...

⁴⁾ Доп. къ Актамъ Ист. I, 128: „да которые стрѣльцы придуть въ Новгородъ съ Бѣлые, съ Опочекъ, съ Лукъ съ Великихъ, съ Пуповичъ, съ Събежа, съ Заволочья, съ Торопца, съ Велижа, и ты бѣ тѣмъ стрѣльцомъ далъ по полтинѣ денегъ человеку, для нашихъ нѣметцкихъ службы“... (18 ноября 1555 г.). Доп. къ А. И. I, 135 и 136: „Велѣли есмя быти... казацкой головѣ Ивашку Безкуликову съ торопецкими казаки: и къ намъ Ивашкова прибору казаки присылали бити челомъ, что ихъ съ нашими воеводами на свѣйскіе нѣмцы бити немочно, потому что не пожалованы. И ты бѣ.. Ивашкова прибору казакамъ, полутору сту человекомъ, дали нашего жалованья по полтинѣ человеку“...

Со времени описанія торопецкаго уѣзда кн. С. Θ. Курбскимъ, несмотря на частые литовскіе набѣги и моровое повѣтріе, уѣздное населеніе возрастало, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось количество заселенныхъ мѣстъ и пространство обработанной земли. Въ 1540 году самый Торопецъ былъ городомъ густозаселеннымъ, достигшимъ весьма значительной степени развитія торговой и ремесленной дѣятельности. Въ „городѣ“ находилось тогда болѣе 200 осадныхъ дворовъ съ хоромами. На посадѣ 21 дворъ принадлежалъ духовенству, 37 дворовъ—помѣщикамъ, 45 дворовъ—пушкарямъ, воротникамъ и плотникамъ и 415 дворовъ тяглымъ посадскимъ людямъ. Такимъ образомъ въ Торопцѣ въ то время существовало болѣе 700 дворовъ, число же незастроенныхъ дворовыхъ мѣстъ было самое ничтожное. Кромѣ городскихъ и посадскихъ дворовъ въ Торопцѣ находилось 77 лавокъ, 2 полка и 15 торговыхъ амбаровъ, затѣмъ 2 монастыря, въ коихъ жило 67 монаховъ и монахинь, и 17 церквей (вмѣстѣ съ монастырскими). Численность всего городского населенія простиралась по меньшей мѣрѣ въ 2400 душъ обоего пола; число однихъ взрослыхъ посадскихъ людей мужескаго пола, несшихъ тягло, доходило до 597 человекъ ⁵⁾.

II.

Послѣ завоеванія Торопца Москвой не прекратились враждебныя столкновенія Московскаго государства съ Литвой. Торопецъ, безъ сомнѣнія, сильно пострадавшій въ 1500 году при взятіи его соединенными московскими, псковскими и новгородскими войсками, вскорѣ подвергся новому нападенію уже со стороны литовцевъ. Въ сентябрѣ 1508 года одинъ отрядъ литовскаго войска занялъ Торопецъ, и королевскіе люди многихъ торопчанъ привели къ присягѣ въ вѣрности Сигизмунду I, однако, узнавши о приближеніи знаменитаго Ведровскаго побѣдителя кн. Данила Васильевича Щеняти съ московскимъ войскомъ, поспѣшили очистить Торопецъ. Легкость, съ какой литовцы завладѣли Торопцемъ, и присяга многихъ торопчанъ Сигизмунду по-

(13 дек. 1555 г.). Иванъ Власевъ Безкунниковъ принадлежалъ къ числу торопецкихъ помѣщиковъ. Впослѣдствіи въ Торопцѣ не было казаковъ, какъ въ Великихъ Лукахъ, и быть можетъ, что подъ упомянутыми здѣсь казаками слѣдуетъ разумѣть торопецкихъ стрѣльцовъ.

⁵⁾ Тороп. писц. книга 1540—41 гг. Чечулина Города Моск. государства, стр. 67.

казываютъ, повидимому, что большая часть горожанъ подчинялась въ то время Москвѣ только изъ чувства страха. Однако, въ первой половинѣ XVI вѣка литовцы при своихъ нападеніяхъ не щадили торопецкихъ селъ и деревень, и писцовая книга 1541 года, упоминая объ опустошеніяхъ, произведенныхъ передъ тѣмъ моровымъ повѣтріемъ, свидѣтельствуется также и о запустѣніи нѣкоторыхъ мѣстностей „отъ литовскіе войны“. Хотя во время войны 1512—1522 гг. и позднѣе военныя дѣйствія происходили вдали отъ города, тѣмъ не менѣе горожане, опасаясь одновременно и литовцевъ, и москвичей, находились въ постоянной тревогѣ, и вообще ихъ положеніе было самое неопредѣленное, потому что они не могли предвидѣть исходъ вѣковой борьбы двухъ государствъ, на рубежѣ коихъ поставила ихъ судьба. Несудивительно, что многіе изъ торопецкихъ „городскихъ людей“ такому неопредѣленному положенію предпочитали добровольное переселеніе въ литовскія области, очищая тѣмъ мѣсто для новыхъ „приходцевъ“ изъ различныхъ московскихъ волостей.

Военныя дѣйствія смѣнялись безконечными мирными переговорами, во время которыхъ однако происходили постоянныя пограничныя ссоры и взаимныя обиды. Въ 1522 году, едва заключено было перемиріе, какъ Иванъ Сапѣга, витебскій намѣстникъ, „вывелъ“ въ Витебскъ 10 крестьянъ изъ Велижской волости, попрежнему считавшейся торопецкой и принадлежавшей Москвѣ. Въ 1525 году изъ Торопца и другихъ пограничныхъ городовъ доносили въ Москву, что литовскіе люди чинятъ обиды „татьбами, и разбои, и грабежи великими“. По поводу этихъ жалобъ, по приказанію короля Сигизмунда, сообщалось, что и жителями московскихъ городовъ и волостей, въ томъ числѣ и Торопца, „кривды и грабежи великіи людямъ нашимъ дѣлаются“... Несмотря на продолженное до 1533 года перемиріе, въ 1529, 1530 и 1532 годахъ продолжаютъ съ обѣихъ сторонъ жалобы на пограничныя обиды. Московскіе, тверскіе, торопецкіе и другіе торговые люди также жаловались на насилія и обиды, причиняемыя имъ при проѣздѣ съ товарами чрезъ литовскія владѣнія. Взаимныя неудобствія разрѣшились наконецъ войной, во время которой въ 1536 году городъ Велижъ попалъ въ руки москвичей и былъ ими укрѣпленъ (волость же Велижская и передъ тѣмъ, какъ сказано выше, принадлежала Москвѣ). ‘)

‘) Сборникъ Рус. Имп. Ист. Общ., томъ XXXV, стр. 658, 693, 697, 771, 796, 832, 860, 862 и 867. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. IV, 301.

Самая продолжительная и упорная борьба Московскаго государства съ его западными сосѣдами происходила въ 1558—1582 годахъ. Во время этой войны, 15 февраля 1563 года, городъ Полоцкъ попалъ въ руки москвичей, и въ немъ былъ помѣщенъ русскій гарнизонъ, состоявшій между прочимъ и изъ торопецкихъ и луцкихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ столѣтіи торопецкіе помѣщики и стрѣльцы часто служили въ сосѣднихъ порубежныхъ городахъ, соблюдая при этомъ большею частью очередь: одна смѣна несла пограничную службу, а другая оставалась въ Торопцѣ. Такого рода служба въ XVII вѣкѣ входила въ кругъ непремѣнныхъ и преимущественныхъ обязанностей торопецкихъ помѣщиковъ и стрѣльцовъ. Торопчане, отправлявшіе гарнизонную службу въ Полоцкъ съ 1563 по 1579 годъ, по всей вѣроятности, смѣнялись между собой, какъ это дѣлалось въ XVII вѣкѣ. Но хотя они и не были постоянными жителями Полоцка, во всякомъ случаѣ завязали съ мѣстными русскими людьми тѣсныя связи. Этимъ объясняется, почему монахины полоцкой Спасо-Евфросиніевской обители, передъ нападеніемъ на Полоцкъ Стефана Баторія, именно торопчанамъ довѣрили свою чудотворную Корсунскую икону Богоматери, для перенесенія ея въ Торопецъ.

Во время войны за Ливонію въ 1566 году былъ созванъ соборъ. Въ приговорной грамотѣ поименовано 5 торопецкихъ помѣщиковъ, принадлежавшихъ къ числу столичныхъ дворянъ. Впослѣдствіи такіе служилые люди назывались „московскаго чину торопецкими помѣщиками“. Они, кромѣ помѣстныхъ надѣловъ въ Московскомъ уѣздѣ, владѣли большими помѣстьями и въ Торопецкомъ уѣздѣ. Двое изъ упоминаемыхъ въ грамотѣ торопецкихъ помѣщиковъ, Невзоръ Злобинъ сынъ Чеглоковъ и Михаилъ Борисовъ сынъ Чеглоковъ явились на соборъ въ качествѣ представителей тѣхъ торопецкихъ дворянскихъ сотенъ, которыя находились въ 1566 году въ составѣ дѣйствующей арміи, или въ качествѣ воеводъ пограничныхъ съ Литвой городовъ¹⁾. Трое остальныхъ торопецкихъ помѣщиковъ (вмѣстѣ съ 6 луцкими), по всей вѣроятности, были представителями полоцкаго гарнизона, со-

¹⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошлинныя, книга 142, л. 203.—Мих. Бор. Чеглоковъ во время собора, кажется, былъ воеводой (Древн. Рос. Вивлію. XIII, стр. 346, 359 и 386, также Сибирскаго Сборника стр. 19). Невзоръ Чеглоковъ и Мих. Бор. Чеглоковъ въ качествѣ головъ упоминаются въ разрядахъ уже съ 1556 года (Др. Рос. Вивл. XIII, стр. 271, 276, 292; Сиб. Сборн. стр. 7. См. также Др. Рос. Вивл. XIII, 362 и Сиб. Сб. стр. 1).

стоявшаго изъ лудскихъ и торопецкихъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Такое соображеніе подтверждается и ихъ собственными, записанными въ грамотѣ, словами: „и мы, холопи его государевы, за одну десятину земли Полоцкаго и Озерискаго повѣту головы положимъ, чѣмъ *намъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ...*“ По самому свойству своихъ служебныхъ обязанностей они не могли принять личное участіе въ соборѣ („а мы, холопи его государскіе, *нынѣ* на конѣхъ сидимъ“). По всей вѣроятности, изъ Полоцка прислали они свое письменное мнѣніе, которое по этой причинѣ въ грамотѣ было записано отдѣльно отъ мнѣній остальныхъ 196 представителей военно-служилого класса¹⁾.

¹⁾ В. О. Ключевского, Составъ предств. на зем. соборахъ (Рус. Мысль, 1890 г., январь).—Торопецкіе помѣщики, упоминаемые въ приговорной грамотѣ 1566 года, были: Невзоръ Злобинъ сынъ Чеглоковъ, Михайло Борисовъ сынъ Чеглоковъ, Посникъ Чматовъ сынъ Ребинина. Олексѣй Злобинъ сынъ Чеглокова и Лесута Некрасовъ сынъ Хрипунова. Въ 1541 году Злоба Ивановъ сынъ Чеглоковъ и его сыновья Невзоръ и Олеша владѣли въ Торопецкомъ уѣздѣ помѣстьемъ, въ которомъ жило 16 людей и 175 крестьянъ, пашни было по 418 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей, сѣнокосной земли—191 десятина, лѣса пашеннаго въ трехъ поляхъ—1800 десятинъ, а непашеннаго лѣса „верстъ на 5, нидѣ на 6, нидѣ больше, а нидѣ меньше“. Сошной пашни числилось 2 $\frac{1}{4}$ сохи.—Михаилъ, Иванъ, Кушникъ и Федоръ Борисовы дѣти Чеглокова владѣли помѣстьемъ, въ которомъ въ то время жило людей и крестьянъ 163 человекъ, пашни было по 286 десятинъ въ каждомъ полѣ, сѣнокосной земли—188 десятинъ, пашеннаго лѣса и перелоговъ пашенной земли—350 десятинъ (въ трехъ поляхъ). Сошной пашни было за ними—соха съ четвертью (за ихъ матерью съ 2 младшими сыновьями—четверть сохи). У той и другой семьи Чеглоковыхъ были дворы въ Торопцѣ на посадѣ.—Въ помѣстьѣ Посника, Федора и Петра Гавриловыхъ дѣтей Чматова людей жило 9, крестьянъ—79, пашни 152 $\frac{1}{2}$ дес. въ каждомъ полѣ, сѣнокосной земли—131 дес., „лѣсу пашеннаго и непашеннаго и перелоговъ межъ деревень верстъ по 2 и по 3, а нидѣ верстъ на 8, а нидѣ на 10 старыхъ лѣсовъ поперегъ и вдоль“. Сошной пашни—соха безъ четверти. Приблизительно столько же земли было и въ помѣстьѣ ихъ старшаго брата Ивана Гаврилова сына Чматова Рябинина, который въ то время имѣлъ еще подъ городомъ Торопцемъ маленькое помѣстье въ качествѣ городского приказчика (городничаго). Въ „городѣ“ находился „дворъ Посниковъ да Федоровъ да Петилинъ Чматовыхъ дѣтей Ребинина“.—Отецъ Лесуты Некрасова сына Хрипунова вмѣстѣ съ Посадникомъ Лопушиннымъ въ 1540 году владѣлъ дворомъ на торопецкомъ посадѣ, имѣніе же его находилось въ Холмскомъ уѣздѣ. (Тороп. писц. книга 1540—1541 гг., лл. 7, 17, 18, 172—181, 203—204, 211—220, 225—234). Посникъ Чматовъ и Лесута Хрипуновъ начали занимать мѣста воеводъ не раньше 1575 года (Симб. сборн. 54, 64).

Въ томъ же 1566 году Торопецъ постигло бѣдствіе, болѣе губительное, чѣмъ самая война. Еще осенью 1565 года появилось въ Полоцкѣ моровое повѣтріе, и многіе люди „знаменемъ“ умирали. Въ началѣ декабря 1565 года моръ въ Полоцкѣ прекратился, но весной онъ проявился въ городѣ Озерицѣ, а затѣмъ въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ. Очевидно, что въ эти города болѣзнь была занесена изъ Полоцка, съ которымъ лучане и торопчане находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ, такъ какъ многіе торопецкіе и луцкіе дѣти боярскія и стрѣльцы въ то время постоянно жили въ Полоцкѣ, отправляя въ немъ гарнизонную службу. Въ Торопцѣ моровое повѣтріе особенно сильнаго развитія достигло въ августѣ 1566 года. Эта страшная болѣзнь распространилась до Новгорода и до Смоленска, „и по многимъ мѣстамъ гнѣвъ Божій былъ великъ“. Повидимому моровое повѣтріе особенно сильно свирѣпствовало въ Полоцкѣ, Торопцѣ и въ Великихъ Лукахъ; по крайней мѣрѣ, въ лѣтописномъ разсказѣ находится слѣдующая подробность: „въ Полоцку жъ, и въ Торопцѣ, и на Лукахъ на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ попы померли, и не было кому и мертвыхъ погребати, и посылавы попы въ тѣ города изъ иныхъ городовъ.“⁹⁾

Не успѣли торопчане вполнѣ оправиться отъ этого страшнаго бѣдствія, какъ ихъ постигла новая бѣда: театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ подъ самыя стѣны Торопца. Уже въ началѣ 1580 года началось разореніе Торопецкаго уѣзда, при чемъ враги не щадили и церквей. Такъ, на погостѣ Всхонномъ былъ „храмъ отъ Палякъ общещенъ: кони в немъ ставили“¹⁰⁾. Преимущественно страдали торопчане отъ мелкихъ непріятельскихъ отрядовъ и даже отъ отдѣльных воиновъ. По словамъ Гейденштейна, князю Хилкову, отправленному подъ Торопецъ съ войскомъ, между прочимъ было приказано „захватывать одиночныхъ людей, отдѣлявшихся отъ войска или бродящихъ по полямъ“. Напрасно царь Иванъ Васильевичъ 21 апрѣля 1580 года писалъ Стефану Баторію, что въ Смоленскомъ, Бѣльскомъ, Торопецкомъ и Луцкомъ уѣздахъ „многое розлитѣ крови хрестіянское починили многіагда воинскимъ обычаемъ“...¹¹⁾ Онъ все-таки вынужденъ былъ отправить подъ начальствомъ князя Василя Хилкова войско къ Торопцу, откуда оно могло бы двинуться на помощь къ Великимъ

⁹⁾ Александроневская лѣтопись въ Рус. Истор. Библіотекѣ, т. III, стр. 281. Псковская первая лѣтопись въ Полн. собр. рус. лѣт., IV, 317.

¹⁰⁾ См. выше стр. 104.

¹¹⁾ Книга посольская метрики вел. кн. Литовскаго, II, 67

Лукамъ или къ Смоленску, смотря по тому, куда направлено будетъ нападеніе Ст. Баторія. Однако, когда польскій король осадилъ В. Луки, кн. Хилковъ съ своимъ отрядомъ остался подъ Торопцемъ и тѣмъ далъ основаніе Стефану Баторію вполсѣдствіи зло посмѣяться надъ трусостью царя. „А вгды есмо подъ Луками были, мѣлъ еси войска въ Торопца, чому еси до Насъ зъ своими войска не пріѣхалъ, чому еси своихъ подданныхъ не боронилъ, чему еси наконецъ и войскамъ твоимъ на люди Наши натирати не казалъ?“¹²⁾ Впрочемъ, конные московскіе разѣзды появлялись близъ города В. Лукъ даже и послѣ взятія его Баторіемъ (5 сент. 1580 г.). Такъ, 18 сентября отрядъ въ 4 тысячи человекъ показался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ В. Лукъ и былъ обращенъ въ бѣгство старостой нурскимъ Филипповскимъ. Стефанъ Баторій далъ ему въ подкрѣпленіе 2000 всадниковъ и велѣлъ преслѣдовать русскихъ до самаго Торопца. Въ Торопецкомъ уѣздѣ Филипповскій и другіе польскіе военачальники, отправившіеся съ нимъ, соединились съ отрядомъ брацлавскаго воеводы Яна Збаражскаго, состоявшимъ изъ отборныхъ польскихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ всадниковъ. 19 сентября стрѣлки Станислава Собоцкаго, составлявшіе авангардъ войска воеводы брацлавскаго, наткнулись на русскіе передовые посты. Русскіе, съ цѣлью привлечь польскій отрядъ къ главному московскому войску, бѣжали. Во время бѣгства верстахъ въ 9 отъ Торопца (около погоста „Рѣчане“?) имъ необходимо было переправиться черезъ рѣку Торопу по мосту, который былъ заблаговременно подрубленъ. Сами они осторожно переѣхали чрезъ мостъ; когда же вѣхали на него преслѣдовавшіе ихъ поляки, онъ подломился. Помѣщенные на противоположномъ берегу въ засадѣ стрѣльцы (торопецкіе?) открыли стрѣльбу изъ своихъ длинныхъ пищаей и убили нѣсколько непріятелей. Однако это не остановило поляковъ, и они переправились черезъ Торопу. Вслѣдъ затѣмъ приблизился къ этому мѣсту и князь Збаражскій съ главными силами отряда и расположился здѣсь на ночлегъ. На слѣдующій день, 20 сентября, онъ рѣшился подвигаться впередъ медленно и осторожно, такъ какъ отъ одного плѣнника получилъ свѣденіе, что русское войско простирается до 40 тысячъ человекъ. Разославъ во всѣ стороны своихъ людей „добывать языка“, онъ вслѣдъ затѣмъ отправилъ впередъ нѣсколько сотъ конныхъ дворянъ съ стрѣлками (аркебузцами). Этотъ отрядъ, получивши отъ высланныхъ „для языковъ“ людей извѣстіе, что русскихъ всего

¹²⁾ Сборникъ Муханова (изд. 2-е), стр. 427.

10 тысячъ, тотчасъ же пустился вскачь, опасаясь, какъ бы непріятель не скрылся за стѣнами Торопца, и ровно въ 4 часа дня настигъ его. Московское войско, построенное въ боевой порядокъ, расположилось на противоположномъ берегу рѣки, за болотомъ; по правую сторону стояли русскіе, по лѣвую татары, составлявшіе часть этого отряда. Впереди войска, на мельницѣ и передъ нею, были размѣщены торопецкіе стрѣльцы. Кромѣ того, чтобы заманить поляковъ въ бой, на той сторонѣ рѣки, откуда ожидалось ихъ прибытіе, была оставлена 1000 всадниковъ. Эти всадники тотчасъ же были отброшены Станиславомъ Собоцкимъ, командовавшимъ нѣмецкими всадниками; вслѣдъ затѣмъ поляки переправились черезъ рѣку и, прогнавъ стрѣльцовъ, съ фланга напали на московское войско. Двѣ ихъ атаки были отбиты, но когда русскіе увидѣли приближеніе остальной части польскаго войска, то, не дождавшись новаго нападенія, бѣжали, одни по большой Московской дорогѣ, другіе (по всей вѣроятности, торопецкіе дѣти боярскія и стрѣльцы) въ городъ Торопецъ, татары же разсѣялись по сосѣднимъ болотамъ. Несмотря на наступившую темноту и крайнее утомленіе лошадей, поляки на протяженіи 15 миль преслѣдовали преимущественно ту главную часть русскаго войска, которая бѣжала по большой Московской дорогѣ. По одному извѣстію, русскихъ было убито 500 человекъ и взято въ плѣнъ 200, по другому—русскихъ и татаръ убито 300, взято въ плѣнъ 24 человека. Въ числѣ плѣнниковъ находились дипломатъ Ив. Асан. Нащокинъ и любимецъ царя Ивана Васильевича—Дементій Черемисиновъ. Потери поляковъ были незначительны.

При приближеніи къ Торопцу отряда кн. Яна Збаражскаго, торопчане, не считая возможнымъ отсидѣться за посадскими стѣнами, зажгли „по своему обыкновенію“ посадъ и, захвативъ съ собой свое имущество, удалились въ „городъ“. За исключеніемъ нѣсколькихъ случайно уцѣлѣвшихъ избъ, весь торопецкій посадъ сгорѣлъ. Въ XVI вѣкѣ почти всѣ торопчане жили на посадѣ, и хотя у многихъ изъ нихъ были на случай осады хоромы въ „городѣ“, но это были постройки весьма малыхъ размѣровъ, которыя при томъ большею частью принадлежали одновременно нѣсколькимъ владѣльцамъ и потому должны были служить для совмѣстнаго помѣщенія нѣсколькихъ семействъ. Попятно, что, уничтоживши пламенемъ свои жилища на посадѣ, они сами лишили себя сноснаго убѣжища на осеннее и зимнее время, такъ какъ до наступленія весны едва-ли было возможно приступить къ постройкѣ. Въ это время торопчане должны были вынести большія невзгоды, и хотя Торопецъ на этотъ разъ не попалъ въ руки враговъ,

однако много прошло времени прежде, чѣмъ залѣчены были раны, нанесенныя ему этой войной. ¹³⁾

1580-ый годъ не былъ послѣднимъ годомъ этой несчастной для Московскаго государства войны: только въ 1582 году было наконецъ заключено перемиріе на 10 лѣтъ (съ 29 іюня 1582 г.). Торопецъ съ его старинными волостями остался за Москвой. Городъ Велижъ былъ причисленъ къ Витебской землѣ, Велижская же волость—къ Торопцу, „по старинѣ“. Рѣшено было выслать къ 1-му мая 1583 года съ обѣихъ сторонъ судей, для отысканія, при помощи старожильцевъ, стараго рубежа между Витебской и Торопецкой землями: „рубежъ учинити Витебской земли п городу Велижу с Торопецкими землями“.

Перемиріе не прекратило враждебныхъ столкновеній между Москвой и Литвой. Въ томъ же 1582 году „писали ко государю царю и великому князю изъ Торопца воеводы князь Иванъ Самсоновичъ Туренинъ съ товарищи, что витебской воевода Станиславъ Паца Торопецкого уѣзда волостью Велижскою владѣеть спльно и городъ въ Велижской волости на Межскомъ устьѣ поставилъ“ (на островѣ, при впаденіи рѣки Межи въ Двину, въ 30 верстахъ отъ города Велижа). „И которые государевы люди на то Межское устье ѣздятъ водянымъ путемъ съ Бѣлы и изъ Смоленска къ Лукамъ и къ Торопцу, и на тѣхъ людѣхъ емлетъ (онъ) пошлину великую и дорогу затворилъ. А крестьяномъ Велижскіе волости въ Торопецъ приходити, и слушать и пошлинъ платить не велитъ, а велитъ приходити и пошлыны возити къ себѣ въ Витебскъ, и приворачиваетъ тое волость Велижскую къ Велижу“. Станиславъ Паца началъ дѣлать „многіе задоры“ подданнымъ Московскаго государя не только въ захваченной имъ Велижской волости, но и въ Торопецкомъ и Луцкомъ уѣздахъ. По требованію московскаго правительства, приказано было городъ на Межскомъ устьѣ снести къ 1-му января 1583 года, но и 29 апрѣля городъ еще не былъ снесенъ („стоятъ не розметавъ“), и московскимъ людямъ изъ того города по-прежнему чинились многія обиды и убытки. ¹⁴⁾

¹³⁾ Дневникъ Луки Дзялынскаго (въ Читеніяхъ Общ. ист. и древн. рос. 1897 г., кн. I, матер. иностр. стр. 50—54). Гейденштейна Записки о Московской войнѣ (1578—1582 гг.), стр. 128, 143 и 144.

¹⁴⁾ Польскія дѣла 1583 года, январь—май (въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣлъ). Книга посольская метрики вел. кн. Литовскаго, II, 264, 266, 283—285. Съѣздъ межевыхъ судей, назначенный на 1 мая 1583 года, не состоялся. Относительно старожильцевъ: „Да память князю Василью Ивановичу (Ростовскому) съ товарищи. По государеву указу велѣно съ нимъ быти на съѣздѣ для государева

Безконечныя порубежныя недоразумѣнія продолжались до самаго конца XVI вѣка, не прекратились они и въ началѣ слѣдующаго столѣтія. Такъ въ 1605 году изъ Москвы писали, что литовцы „землями нашими завладѣли многими мимо старыя рубежи, чего прежь сего не бывало, и кроворозлитыя и убытки людямъ нашимъ порубежнымъ много починили воинскимъ обычаемъ, разбоемъ, и грабежомъ, безпристани по се мѣста переходя за рубежъ въ нашу землю“. Литовцы съ своей стороны утверждали, что москвичи во время перемирія „не по правдѣ“ завладѣли городомъ Велижемъ вмѣстѣ съ землями, принадлежавшими Витебской землѣ, и „рубежи давныя помѣшали“. Та и другая сторона ссылалась на старину и выставляла „старожилцовъ, мужовъ старыхъ, которые съ дѣдонъ, съ прадѣдовъ своихъ искони вѣка на тыхъ земляхъ мѣшкають“; но эти старожилцы давали несогласныя показанія относительно стараго рубежа. Судьи, назначавшіеся для опредѣленія границъ между Торопцемъ и Велижемъ, не пріѣзжали на рубежъ въ назначенный срокъ... ¹⁵⁾.

III.

Торопчане въ XVI вѣкѣ вынесли много бѣдствій всякаго рода, но еще болѣе тревогъ и страданій пришлось имъ перенести въ 1608—1613 годахъ. Въ царствованіе В. И. Шуйскаго, когда многіе города перешли на сторону Лжедмитрія II, и торопчане вмѣстѣ съ своимъ воеводой измѣнили Шуйскому и около года признавали царемъ самозванца. ¹⁶⁾ Дѣла припали благоприятныя для Шуйскаго оборотъ весной 1609 года, когда началась успѣшная дѣятельность Скопина Шуйскаго и Делагарди въ сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ. Въ это время Кернозицкій съ 6000-мъ войскомъ, состоявшимъ изъ поляковъ и русскихъ, былъ вынужденъ покинуть сожженную имъ Старую Русу. Головинъ и Делагарди отправили небольшой отрядъ (шведовъ

дѣла старожилцовъ, которые бѣ знали гораздо рубежъ: съ Лукъ Великихъ—20 человекомъ, изъ Торопца—20 ч., съ Непля—20 ч., съ Заволочья—20 ч., съ Бѣлыя—10 ч. А собрати ихъ велѣно по тѣмъ городомъ воеводамъ и держати ихъ паготовѣ, и кормъ и подводы имъ велѣно собравъ давати, покаместа они съ нимъ, со кн. Васильемъ съ товарищи, у государева дѣла побудуть“ (Польскія дѣла 1583 года, въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣлъ).

¹⁵⁾ Сборникъ Оболенскаго, стр. 7, 8, 27 и 28.

¹⁶⁾ А. Ист. II, 121; приложение (44-ое) въ Запискамъ Жолѣвскаго, стр. 205 и 206.

и русскихъ), подъ начальствомъ Горна и Чулкова, преслѣдовать Кернозицкаго. Предводимый Горномъ авангардъ настигъ его при селѣ Каменкахъ вечеромъ 5 мая 1609 года. Несмотря на малочисленность своихъ воиновъ, Горнъ сдѣлалъ нападеніе на непріятеля. Кернозицкій, пораженный смѣлостью нападавшихъ, бѣжалъ къ Торопцу, оставивъ 9 пушекъ, всѣ знамена и часть обоза; во время бѣгства онъ потерялъ около 1400 человекъ, и только наступившая ночь спасла остальныхъ его воиновъ. На слѣдующій день Горнъ и Чулковъ заняли Торопецъ. Торопецкіе дворяне, дѣти боярскія и „посадскіе всякіе люди“ въ соборномъ храмѣ, передъ Корсунской иконой Богородицы, дали обѣщаніе „служити и прамити“ В. И. Шуйскому и „стояти за истинную хрестыанскую вѣру“. Слѣдствіемъ успѣховъ Скопина и Делагарди было отложеніе отъ самозванца также и городовъ Холма, Ржевы Пустой, Невеля, Великихъ Лукъ: „посады, и дворяне, и дѣти боярскія государю добили челомъ“, какъ сообщалъ объ этомъ кн. Михайлъ Скопинъ-Шуйскій въ своей отпискѣ вологжанамъ (въ маѣ 1609 года). ¹⁷⁾ Для удержанія въ повиновеніи вновь покорившихся городовъ Чулковъ съ небольшимъ отрядомъ остался въ Торопцѣ.

Узнавши о переходѣ Торопца и другихъ городовъ на сторону Вас. Ив. Шуйскаго, велижскій староста Александръ Гонсѣвскій въ первой половинѣ іюля 1609 года пошелъ къ Торопцу съ легкой артиллеріей, взятой въ Велижѣ. Его отрядъ состоялъ изъ тысячи воиновъ (витебскихъ и сурожскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ). ¹⁸⁾ Гонсѣвскому не удалось взять Торопецъ, но во время этого нападенія много торопчанъ было убито, и церкви и дворы, находившіеся внѣ посадскихъ стѣнъ, были сожжены. ¹⁹⁾ Послѣ этого отрядъ Гонсѣвскаго расположился между Торопцемъ и Велижемъ и все лѣто 1609 года разорялъ Торопецкій уѣздъ и держалъ жителей города въ ожиданіи новаго нападенія. Осенью того же года какой-то казакъ, заручившись грамотой отъ Лжедмитрія, собралъ нѣсколько сотъ донскихъ казаковъ, находившихся передъ тѣмъ въ отрядѣ Гонсѣвскаго, и пошелъ съ ними къ Торопцу. „Торопчане ударили на нихъ, разбили, разсѣяли, а того казака посадили на колъ“. Въ маѣ слѣдующаго

¹⁷⁾ Акты Арх. Экспедиц., II т., стр. 225.—А. Ист. II, 274.

¹⁸⁾ Акт. Истор. II, 292 и 293.

¹⁹⁾ Книги писцовые писма и меры писца Дм. Екимьевича Воейкова торопецкихъ охотниковъ 140-го (1631) году ноября въ 1 день (кн. 265, л. 372): „а тѣ охотники (яские) побиты отъ литовскихъ людей во 117 1609) году, какъ приходилъ подъ Торопецъ панъ Войтехъ Гасевеской“.... (въ А. М. Юстиціи).

1610 года Гонсѣвскій, „дабы добыть языка“, отправилъ къ Торопцу нѣсколько сотъ запорожскихъ казаковъ.... 4 и 6 мая 1610 г. „вышли на государево цареву и великаго князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи имя многіе выходцы изъ Торопца“, ²⁰⁾ однако еще въ іюлѣ 1610 года большая часть городскихъ жителей оставалась вѣрною Шуйскому, и Луцкій уѣздъ, признававшій царемъ Лжедмитрія, былъ „вывоеванъ и высѣченъ“, между прочимъ, и торопчанами. ²¹⁾ Когда же, 17 августа 1610 года, на съѣздѣ Жолкѣвскаго съ боярами былъ избранъ на престолъ Владиславъ, то думные бояре отправили воеводу Григорія Валуева въ Торопецъ и нѣкоторые другіе города для приведенія жителей къ присягѣ на вѣрность Владиславу и „для сдачи крѣпостей“. Валуевъ занялъ Торопецъ, и торопчане, по словамъ Жолкѣвскаго, „весьма были довольны, что имъ, какъ они говорили, Господь Богъ далъ государемъ королевича Владислава“. Но лишь въ концѣ 1610 года изъ Торопецкаго уѣзда были выведены польскіе и литовскіе воины и казаки, до той поры грабившіе и безпощадно разорявшіе этотъ злополучный уѣздъ. ²²⁾

Такимъ образомъ, въ короткій, двухлѣтній промежутокъ времени въ жизни торопчанъ произошло много перемѣнъ. Торопецъ, въ 1608 году признавшій царемъ самозванца, въ 1609 году былъ занятъ войсками Скопина и Делагарди и присягнулъ Шуйскому, подвергся вслѣдствіе этого нападенію Гонсѣвскаго и затѣмъ, въ 1610 году, былъ занятъ Валуевымъ и призналъ государемъ Владислава. Торопецкій уѣздъ въ это время былъ разграбляемъ и опустошаемъ то польскими и литовскими людьми и „русскими измѣнниками“, то донскими казаками, то казаками запорожскими.

Неизвѣстно, что происходило въ Торопцѣ во время междуцарствія; но несомнѣнно, что въ апрѣлѣ 1613 года, когда въ Московскомъ государствѣ уже прекратилась смута, и Москва ожидала пріѣзда новоизбраннаго царя,—Торопецъ былъ окруженъ врагами и находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Михаилъ Ѳеодоровичъ, объясняя собору причины замедленія своего прибытія въ Москву, 8 апрѣля 1613 года, между прочимъ, писалъ: „а по вѣстямъ ждемъ прихода литовскихъ и нѣмецкихъ людей подъ свои города вскорѣ, а подъ Торопцомъ нынѣ литовскіе люди стоятъ, и Торопцу ни откуда помочи

²⁰⁾ Рус. Ист. Библ. I, 476 и 591. Сборникъ ин. Хилкова, стр. 81.

²¹⁾ А. Ист. II, 244 и 246.

²²⁾ Собр. Г. Гр. и Дог. II, 438; Рус. Ист. Библ. I, 674 и 685; Записки Жолкѣвскаго о Моск. войнѣ, стр. 85 и 86; 25-ое приложеніе къ Зап. Жолкѣвскаго.

нѣту“.²³⁾ Осада Торопца, о которой упоминаетъ въ своей грамотѣ царь Михаилъ, въ XVII вѣкѣ называлась „торопецкимъ осаднымъ сидѣньемъ“. Доказательствомъ того, что такъ называлась именно та осада Торопца, которая происходила въ 1613 году, можетъ служить тотъ фактъ, что одному торопецкому помѣщику назначена была придача къ его прежнему денежному окладу „за торопецкую и за невельскую службу и осадное сидѣнье 121 и 122 году“, а такъ какъ извѣстно, что „невельскія службы“ происходили въ 122 и 123 годахъ, то очевидно, что упоминаемая здѣсь торопецкія служба и осадное сидѣнье были въ 121-омъ году.²⁴⁾

Можно предполагать, что во главѣ литовцевъ, осаждавшихъ Торопецъ, находился извѣстный Александръ Лисовскій. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ году на польскомъ сеймѣ именно Лисовскому было поручено сдѣлать набѣгъ на Торопецъ и другіе города, и дѣйствительно въ Торопцѣ весной 1614 года ожидали его набѣга. Повидимому, въ 1613 году не было сдѣлано рѣшительнаго приступа на торопецкій острогъ и не произошло кровопролитнаго сраженія, и главная заслуга торопчанъ заключалась въ томъ, что они „отсидѣлись“. Но во всякомъ случаѣ „Торопецкое осадное сидѣнье“ было временемъ очень тяжелымъ для торопчанъ. Не всѣ, находившіеся въ осажденномъ городѣ, могли вынести „всякую осадную нужю“, и нѣкоторые, „не стерпя осадные нужи и голоду, изъ Торопца изъ осады хотѣли брести ротно“. Однако нашлись между торопецкими посадскими тяглыми торговыми лучшими людьми такіе, которые многихъ бѣдныхъ („мелкихъ“) людей поили, кормили, обували и одѣвали, хлѣбомъ, деньгами и оружіемъ ссужали, однимъ словомъ, „многую доброту въ городѣ многимъ людямъ чинили и въ Торопцѣ съ собою многихъ людей, своимъ промысломъ и береговью уговоря, одержали“ („удержали“). Ли-

²³⁾ Дворцовые разряды, I, 1100.

²⁴⁾ Награды за „торопецкое осадное сидѣнье“ назначались уже въ декабрѣ 1613 года. Торопецкимъ помѣщикамъ за это „сидѣнье“ давались придачи къ прежнему денежному окладу, который былъ обозначенъ въ служиломъ спискѣ, присланномъ въ Москву торопецкимъ воеводой въ 121 году (вѣроятно, осенью 1612 года). См. А. Н. Зерцалова Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг., стр. 2, 29, 30, 68, 82, 188 и др. — „Лушанпъ Иванъ Истомино сынъ Карповъ—124 году марта въ 4 день за Торопецкую и за Невельскую службу и за осадное сидѣнье 121 и 122 году придано къ прежнему его окладу 4 рублѣ...“ (Корм. кн., стр. 82). О невельскихъ службахъ 122 и 123 годовъ см. Кормл. кн. стр. 119, 54 и 82.

товцы удалились, не взявши Торопца, и такимъ образомъ въ 1613 году „порубежной городъ Торопецъ отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей Богъ сохранилъ: во взятьѣ и въ смутѣ не бывалъ“. ²⁵⁾ Главный защитникъ города, торопецкій воевода князь Василій Ивановичъ Туренинъ, „за торопецкое осадное сидѣнье и за службы“, получилъ придачу къ старому его помѣстному и денежному окладу: „къ 800 четьямъ—300 четьи, денегъ къ 70 рублямъ—100 рублей; и всего нынѣ князю Василью Туренину помѣстной окладъ—1100 четьи, денегъ 170 рублей“. Кромѣ того, 21 декабря 1613 года ему были пожалованы „за осадное сидѣнье, что отсидѣлъ въ Торопцѣ“, позолоченный серебряный кубокъ, вѣсомъ 4 гривенки и 14 золотниковъ, и соболя шуба, цѣной въ 79 рублей 27 алт. 3 д. ²⁶⁾ Между защитниками города, кромѣ торопчанъ, находились лучане и бѣляне. Такъ поименовываются 3 луцкихъ, 3 бѣльскихъ и 14 торопецкихъ помѣщиковъ, которымъ, „за торопецкую службу и за осадное сидѣнье“, были назначены придачи къ прежнему денежному окладу въ размѣрѣ отъ 1 до 5 рублей. ²⁷⁾

Московское правительство было вынуждено обратить вниманіе на бѣдственное положеніе торопчанъ: указомъ 8 октября 1614 года торопецкіе дворяне и дѣти боярскія „для ихъ бѣдности и разоренья“ были освобождены отъ платежа подписныхъ и печатныхъ пошлей съ помѣстныхъ и вотчинныхъ грамотъ. ²⁸⁾ Но несмотря на крайнее обѣдненіе Торопца и разореніе его уѣзда, уже весной слѣдующаго 1614 года на польскомъ сеймѣ было постановлено „Лисовскому приходить изгономъ подъ Торопецъ“ и „во есѣ украинные города“. Изъ Москвы были отправлены (15 апрѣля 1614 года) грамоты, предупреждавшія о намѣреніи поляковъ посредствомъ неожиданнаго нападенія захватить города врасплохъ. „А будетъ онъ (Лисовскій) городовъ изгономъ не украдетъ“..... Неизвѣстно, сдѣлалъ ли Лисовскій въ 1614 году нападеніе на Торопецъ, но несомнѣнно, что въ началѣ декабря этого года Заруцкій съ гусарами, черкасами и казаками вторгся изъ

²⁵⁾ Въ Моск. гл. арх. мин. иностр. дѣлъ Приказныя дѣла, 25 іюля 1646—17 апр. 1647 года, № 59.

²⁶⁾ Акты Московскаго Государства, т. I, стр. 112, № 74.—Рус. Истор. Библіот. IX, 206 и 207.

²⁷⁾ Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг., стр. 2, 26, 28, 29, 52, 68, 81, 82, 99, 107, 114, 119, 123, 131, 161, 174, 188 и 197.

²⁸⁾ Дѣла Печатнаго приказа безпошлинные, книга 1, лл. 15 и 16 (въ М. Арх. М. Юст.).

Бѣльскаго уѣзда въ Торопецкій. Его малочисленный отрядъ не могъ угрожать городу Торопцу, но отъ его насилій и грабежа могъ сильно пострадать уѣздъ, поэтому торопецкій воевода князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкой поспѣшилъ послать „на литовскихъ людей“ голову Матвѣя Козлова, въ сотнѣ котораго, кромѣ торопецкихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, находились холмичи и лучане. Враги сошлись въ 10 верстахъ отъ города „на рѣкѣ Торопѣ, на перевозѣ“, въ Кудинской волости, при селѣ Зайковскомъ, находившемся въ то время во владѣніи Ивана Петр. Баранова.²⁹⁾ Торопчане въ этомъ бою „многихъ литовскихъ людей побили“ и 15 человекъ шляхтичей и пахолковъ въ плѣнъ взяли и привели въ Торопецъ. Вслѣдъ затѣмъ, 22 декабря, гетманъ Корсакъ уже съ многочисленнымъ отрядомъ польскихъ и литовскихъ людей „къ Торопцу приступилъ, и на томъ приступѣ литовскихъ людей побили и отъ острогу отбили“. Послѣ того сами торопчане сдѣлали вылазку изъ города и „литовскихъ людей подѣ Торопцемъ побили на голову, и языки многіе поймали, и знамена и литавры взяли; а въ Торопецъ приведено литовскихъ людей 186 человекъ“. Кромѣ торопчанъ, въ этой битвѣ принимали участіе, между прочимъ, конные казаки подѣ начальствомъ Андрея Ѳедоровича Палицына. Участники побѣды были щедро награждены и болѣе всѣхъ торопецкій воевода кн. Сицкой. 25 марта 1615 года у государя былъ столъ; у стола были бояре, между ними находился и пожалованный въ этотъ день въ бояре Алексѣй Юрьевичъ Сицкой, которому послѣ стола „за торопецкую службу“ государь пожаловалъ сверхъ того шубу и кубокъ³⁰⁾

Нападеніемъ гетмана Корсака завершился долговременный періодъ литовскихъ нападеній на Торопецъ. Торопецкіе посадскіе люди, исполняя обѣщаніе, данное, вѣроятно, во время осады 1613 года, „всѣмъ городомъ“ „дали въ домъ“ великомученика Георгія и чудотворной Корсунской иконы пресв. Богородицы—Старый посадъ, т. е. то мѣсто, гдѣ въ древности находился городъ Торопецъ. Они сдѣлали это пожертвованіе „за заступленіе и за избавленіе города Торопца отъ нахождения литовскихъ людей“. Въ 1628 году Старый посадъ писцомъ Дм. Воейковымъ „отъ всякихъ земель былъ отмежеванъ и описанъ“, при чемъ торопчане снова „тѣмъ Старымъ посадомъ посту-

²⁹⁾ Тороп. писцовая книга (136—139 гг.) 888, л. 573.

³⁰⁾ Временника кн. 4, стр. 1 и 2.—Рус. Истор. Библіот. VIII, 659.—Дворцовые Разряды, т. I, стр. 174 и 175

пились“ „въ соборную церковь къ чудотворному образу пресв. Богородицы Корсунскіе и страстотерпцу Георгію“. ³¹⁾

Не удивительно, что торопчане свое избавленіе отъ литовцевъ приписывали помощи свыше. Ихъ боевыя силы были незначительны и ратная служба въ то время была для нихъ крайне тягостна. Сохранились точныя свѣденія о количествѣ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и пушкарей въ 1616—1619 годахъ (7124—7127 гг.).

	124 г.	125 г.	126 г.	127 г.
Дворянъ и дѣтей боярскихъ....	258	290	320	322
Стрѣльцовъ	260	300		300
Пушкарей, воротниковъ, кузнецовъ и плотниковъ.	40	55		60
Всего.....	558	645	637	682. ³²⁾

Въ маѣ 1618 года однихъ торопецкихъ помѣщиковъ въ наличности („въ естѣхъ“) находилось 294 человѣка, а вмѣстѣ съ жившими въ Торопцѣ холмскими и луцкими помѣщиками—320 человѣкъ. Въ августѣ того же года торопецкій воевода писалъ въ Москву, что человѣкъ 90 торопецкихъ дѣтей боярскихъ „сѣхали къ Москвѣ“, и въ Торопцѣ остались немногіе „безконные“ дворяне и дѣти боярскія, что оставшіеся служилые люди, не получая жалованья, „отъ голода“ хотятъ итти кормиться въ Москву, гдѣ жившимъ тамъ торопецкимъ помѣщикамъ давалось денежное жалованье. По словамъ того же воеводы, и многіе стрѣльцы отъ голода „побрели розно“, и остальные собирались уйти, а дать имъ хлѣба на кормъ было невозможно, потому что въ государевыхъ житницахъ не оставалось ни одной четверти. „А подѣ Бѣлюю, Государь, пришли прибыльные люди, и чають ихъ приходу подѣ Торопецъ и въ Торопецкій уѣздъ войною. А миѣ, холопу твоему, посылать въ подѣзды, и на вѣсти, и на сторожи, и на заставы некого: всѣ дворяне и дѣти боярскія—безконны, и осадныхъ людей мало, и города и острога осадить некимъ въ приходѣ воинскихъ людей“. Въ отвѣтъ на это посланіе 4 сентября изъ Москвы было послано 500 рублей „на хлѣбную покупку“. ³³⁾ Защитниками

³¹⁾ Рукописный сборникъ Торопецкаго собора „книга города Торопца соборныя церкви чудотворнаго образа пресвятыя Богородицы Корсунскія и страстотерпца Христова святаго великомученика Георгія чудотворца“, л. 71. См. также В. Д. Шувина „Корсунско-Богородицкій соборъ“, стр. 68—80.

³²⁾ Временникъ, кн. 3, стр. 118. Книги разрядныя, т. I, стр. 175 и 643.

³³⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 2, лл. 15, 225—233 (въ М. арх. инв. юстиціи).

города были не одни дворяне, дѣти боярскія и стрѣльцы: и посадскіе люди, по первымъ вѣстямъ о появленіи непріятелей, были обязаны являться съ опредѣленнымъ каждому оружіемъ на заранѣ указанное воеводой мѣсто. Въ то время всѣ торопчане находились въ постоянной боевой готовности, и Торопецъ былъ какъ бы военнымъ лагеремъ. Бывали случаи, когда все населеніе почти поголовно принимало участіе въ оборонѣ своего родного города.

Въ рукописномъ сборникѣ торопецкаго собора, составленномъ въ XVIII вѣкѣ, находится многословное, переполненное риторическими прикрасами сказаніе о какомъ-то нападеніи литовцевъ на Торопецъ. Это сказаніе, какъ историческій источникъ, имѣетъ малое значеніе. Составитель сборника—торопчанинъ, но онъ писалъ на основаніи того, что сохранилось въ народной памяти о давнопрошедшихъ событіяхъ. Онъ не зналъ имени торопецкаго воеводы, при которомъ было сдѣлано нападеніе на Торопецъ, онъ не зналъ точно и имени литовскаго военачальника, хотя и можно догадываться, что въ его повѣствованіи рѣчь идетъ о нападеніи Лисовскаго (не зазрите же ми, молюся вамъ, аще убо не такъ именовахъ проклятаго ляха²⁴). Но если и нельзя съ увѣренностью пріурочить его повѣствованіе къ какому-либо опредѣленному нападенію литовцевъ на Торопецъ, во всякомъ случаѣ оно любопытно, какъ наглядное описаніе одного изъ тогдашнихъ (XVII в.) литовскихъ нападеній на русскіе города.

По словамъ сказанія, число пѣшихъ и конныхъ непріятельскихъ воиновъ простиралось до двадцати тысячъ, торопецкихъ же воиновъ было немного болѣе тысячи, да и тѣ были изнурены осадой. Торопецкій воевода отдалъ приказаніе, чтобы горожане не дѣлали вылазокъ и сражались съ врагами подъ защитою стѣнъ. Когда осажденные были уже истомлены долговременной осадой, литовцы рѣшились сдѣлать приступъ къ той сторонѣ посада, гдѣ находились Никольскія ворота и Николаевскій монастырь. Но прежде чѣмъ пойти на штурмъ защищаемой торопчанами острожной стѣны, они въ теченіе трехъ часовъ производили непрестанную стрѣльбу изъ пищалей, самопаловъ и луковъ. „Внегда же истоци окаянный тулъ свой, испусти вся стрѣлы (своя), ²⁴) и пищали престаша, и огнь ихъ оугасе, тогда мнѣвъ окаянный, яко отъ грома его всему оному острогу пастися, отъ страха

²⁴) Сборника лл. 46—50 вкл. Рукопись, написанная уставомъ XVIII вѣка, сильно пострадала отъ времени и съ трудомъ читается. Слова, оставленные въ скобкахъ, въ подлинникѣ—особенно неразборчивы. Это сказаніе напечатано въ сочиненіи В. Д. Щукина „Корсуно-Богородицкій соборъ“, стр. 32—47.

же его мнѣвъ яко оуже всѣмъ измѣримъ, тогда (вскочиша) ко острогу со обнаженными мечи и восклицающе: „взяли“! Да того часу все градскія воя западше ждаху во страсѣ и трепете, внегода же (бысть) время,—пріиде отъ Бога милостивное избавленіе, и отъ пресвятыя Богоматери поможеніе, и отъ святителя и чудотворца Ніколаа благословеніе, вскочиша и прибѣгоша ко острогу, обрѣтоша противныхъ оуже по острогу ходящихъ. Оле! дивнаго чудеси и преславнаго измѣненія, како во единъ часъ быша во страсѣ и трепете—обрѣтошася в крѣпцѣй силѣ, быша яко голубиныя птенцы—обрѣтошася яко отрѣшеніи орли на ловъ, быша истороплени яко овчата—обрѣтошася яко волцы гладніи или яко лвы яросни и драбѣжливы; вскочиша, ничто ино глаголюще, токмо вопіюще: съ нами Богъ, и Корсунская Богородица, и святой Ніколай, другъ друга тѣшаще, и на дерзость поощряюще, и другъ ко другу вопіюще: не бойтеся, помремъ заедино! Ови исъ пушекъ біюще, иніи исъ пищалей, иніи копіи закалающе, иніи топорами и бердами сѣкуще, иніи коліемъ колюще и каменіемъ біюще, но елико кому могуща руцѣ послужити, толико и потрудишася за святыя церкви, и за православную вѣру, и за своя дома, и жены, и дѣти. Внегода же оуслышаша гласъ кричанія жены во домахъ: матери милостивыя—сыновъ своихъ, жены боголюбезныя—мужей своихъ, сестры единооутробныя—гласъ братій своихъ,—вскочиша, бѣгуще ко острогу, плачуще и вопіюще, и ничто ино вопіюще, токмо глаголюще: пресвятая Богородица, помилуй! святой Ніколай, заступи и оборони насъ! мчаще съ собою и каменіе, и коліе, и всякое дровіе, и прибѣгше тоже творяху, что и воины: противныхъ біюще и каменіемъ за острогъ мѣтающе, мнозѣхъ же на стѣнѣхъ противныхъ живыхъ похватиша. О! преславное чудо тогда сотворися пресвятыя Богородицы милостію и заступленіемъ и чудотворца Ніколаа пособіемъ: во единъ часъ несиленіи силныхъ одолѣша (*нѣсколько словъ невозможно прочитать*) множество побиша, по нѣкако аггелское бысть поможеніе, во единъ бо часъ противныхъ и оуязвленныхъ и оубіенныхъ ровъ весь полнъ бысть до верха, и поле все настлано побитыхъ, гражданъ же Богъ соблюде всѣхъ цѣлыхъ и невредимыхъ. Сынъ тмы и со тмою пріиде во тме, внегода же востаха сынове дне и сынове свѣта и исправишася, тогда паде тма предъ свѣтомъ и безвѣсти бысть, якоже обычь ноцная тма предъ свѣтомъ отъ всходу солнечнаго на западъ оуступати, тако и сей богомерскій поганинъ, (сынъ) тмы и нощи, отбѣже отъ благороднаго стада Христова со оставшимися малыми числомъ, ста на горахъ, иже къ западу, да зрѣть свыше на погубленая своя воя, приведъ много, отведъ мало. Внегода оузрѣша изъ града окаяннаго, стояща на горахъ,

пустиша чрезъ рѣку изъ многихъ пушекъ, понеже готовы были, наважены на оныя горы, тогда оубояся окаянный, да не жаломъ ядра ись пушки оужаленъ будетъ, збѣже зъ горы и, яко змій, свився въ нѣкоемъ рѣѣ, за горами ста; стояше весь день той, плача и рыдая о погибели своей. Внегда же бысть день, часъ яко шестый, людѣ же, яко отдохнуша, начаша звонити по всѣмъ церквамъ, радующеся о милостивомъ Божіей Матери заступленіи и о побѣде на враги и одолѣніи, поидоша вси, маліи и велицыи, мужіе, и жены, и отроцы—въ церковь пресвятая Богородицы, молебная совершающе, яко избавлєнєся отъ злыхъ, благодарственная восписующе и пренепорочную Матерь Божию прославляюще; таже все вкупѣ поидоша во обитель святаго и великаго чудотворца Ніколаа, такоже молебная совершающе и со слезами восклицающе: „святый Ніколай, ты не предаль еси насъ врагомъ нашимъ на оубіеніе, обители своя и церкви на разореніе и на оскверненіе, и домовъ нашихъ на разграбленіе, женъ нашихъ и дѣтей на плѣненіе, дочерей нашихъ на оскверненіе, твоимъ помощеніемъ враги поборохомъ и побихомъ“, и вси, возводяще очи къ Богу вышнему, чувственныя и мысленныя, и вопіюще со слезами: „десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости, (десная) твоя рука, Господи, сокруши“.... (*нѣсколько словъ невозможно прочитати*). Онъ же, окаянный ляхъ, внегда оуслыша звоны во градѣ велія, оужасеся, мнѣвъ, яко на него идутъ, стоя во страсѣ и трепете весь день той; внегда же (онъ?) дождался нощи, повергъ вся и побѣже гонимъ гнѣвомъ Божиимъ, не озираяся вспять, даже до Лукъ Великихъ; возможно бѣ окаянному и здѣ послѣдняя своя воя положить, но суждено отъ Бога отъйти ко граду Опочкѣ. Тамо послѣдняя своя воя полагаетъ; оттуде едва со стомъ (конныхъ утече) и, лицо си закрывъ, со срамомъ достиже свою страну“.

Въ декабрѣ 1618 года въ Деулинѣ было заключено перемиріе. Но уже во время крестнаго цѣлованья велижскій староста Александръ Гонсѣвскій плакалъ и говорилъ: „Я у крѣстнаго цѣлованья выговариваю: только не развести прямыхъ рубежей между Велижемъ, Бѣлою и Торопцемъ, то мнѣ свои рубежи всегда оборонять, я ихъ выслужилъ у короля кровью“. ²⁵⁾ Въ лицѣ Гонсѣвскаго торопчане имѣли

²⁵⁾ Соловьева Ист. Рос. IX, 154. Алекс. Гонсѣвскій писалъ, между прочимъ, вяземскому воеводѣ Фед. Вас. Волынскому: „обличимъ васъ въ томъ власными вашими стародавними и теперешними писмы московскими, што рубежъ Вытебску и Велижу съ Торопцемъ искони вѣкъ по рѣчку Моркомлю. И только впередъ тое неправды не перестанете и зобраныхъ земель и водъ, какъ есть моеи кровавыя выслуги, мнѣ не привернете“... (Польскія дѣла 1625 года, № 1, въ М. Г. А. Мин. Иностр. Дѣлъ).

самаго безпокойнаго и опаснаго врага. Онъ и послѣ заключенія перемирія пользовался всякимъ случаемъ, чтобы подстрекать поляковъ къ новой войнѣ съ Московскимъ государствомъ, и не только постоянно заявлялъ, что на Торопецкомъ, Бѣльскомъ и Смоленскомъ рубежахъ „русскіе люди его изобижаютъ и землю заходятъ“, но иногда прибѣгалъ и къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ напримѣръ, въ 1625 году на сеймѣ въ Варшавѣ всячески помогалъ малороссійскимъ казакамъ въ ихъ домогательствахъ получить дозволеніе сдѣлать нападеніе на московскія земли, даже обѣщалъ черкасамъ, что „будутъ достанутъ они Московское государство, и онъ имъ и свои гроши дастъ“. ³⁶⁾ Однако война 1632—1634 гг. не коснулась Торопца, но все о ней постоянно напоминало торопчанамъ: и военныя дѣйствія, происходившія невдалекѣ, и проходившіе черезъ городъ военныя русскіе отряды, начальникамъ которыхъ предписывалось „беречь накрѣпко, чтобъ дворяне, и дѣти боярскія, и атаманы, и козаки шли государевыми городами смирно, государевыхъ людей въ городѣхъ или гдѣ дорогою проѣзжихъ и на станѣхъ жилецкихъ людей никого не били, и не грабили, и даромъ ни у кого ничего не имали“.... Само московское правительство своими распоряженіями держало торопчанъ въ постоянномъ ожиданіи новаго литовскаго нападенія. Такъ въ мартѣ 1622 года изъ Новгорода и Пскова было прислано въ Торопецъ для усиленія гарнизона 224 казака и 61 человекъ конныхъ новокрепленныхъ татаръ, такъ что въ 1622 году число всѣхъ защитниковъ города простиралось до 1144 человекъ.

Но если и не коснулись Торопца военныя дѣйствія, то пограничныя столкновенія не прекращались, и не безъ основанія на соборѣ, происходившемъ 12 окт. 1621 года въ золотой большой грановитой полатѣ, между прочимъ, говорили, что литовцы „въ Луцкій и Торопецкій уѣздъ, во многія мѣста, вступаются неправдою и осваиваютъ не по дѣлу, и дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые живутъ въ порубежныхъ мѣстахъ, пріѣзжая бьютъ, и грабятъ, и побиваютъ, и съ помѣстій сгоняютъ, и иные многіе задоры чинятъ“. По словамъ торопецкихъ помѣщиковъ, „жить въ уѣздѣ не мошно, кромѣ... города Торопца“. ³⁷⁾ Но не одни „литовскіе люди“ чинили задоры, то же

³⁶⁾ Новгор. стола столбецъ № 8, л. 11.

³⁷⁾ „и литовскіе люди пріѣзжаютъ и приходятъ по нимъ на твою государеву землю въ наши домишка и въ деревнишка, и отъ того, государь, ихъ пріѣзду и приходу утѣшеніе и грабежъ намъ ставится великой, и убивство смертное, и деревнишка наши пожигаютъ, и нашу, государь, пашутъ, и сѣно

дѣлали и торопчане. Такъ въ принадлежавшемъ въ то время Литвѣ Бѣльскомъ уѣздѣ многіе порубежные торопецкіе крестьяне „сѣно косили и пашню пахали“. Нѣкоторые изъ нихъ за это, по указу изъ Москвы отъ 23 сентября 1627 года, были наказаны кнутомъ и на 2 недѣли заключены въ тюрьму. Но, безъ сомнѣнія, эти крестьяне и ихъ помѣщики имѣли основаніе въ свое оправданіе говорить слѣдующее: „были де по твоему государеву указу межевые судьи и дозорщики межамъ не по одну пору, а межъ рубежу Торопецкому съ Бѣльскимъ и землямъ не розвели“. ²⁹⁾ Въ то время многіе торопецкіе крестьяне охотно переселялись въ „литовскую сторону“. Такъ какъ за рубежомъ постоянно наблюдали такъ называемыя „проѣзжія станицы“, да и жившіе на границѣ торопецкіе крестьяне были обязаны никого не пропускать за рубежъ, то иногда случалось, что „литовскіе люди“, чтобы облегчить торопецкимъ крестьянамъ переселеніе вмѣстѣ съ ихъ семействами и имуществомъ, конечно, по предварительному уговору съ ними, — цѣлой толпой приходили изъ за рубежа и уводили переселенцевъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, захвативъ съ собой также и ихъ скотъ и хлѣбъ. Когда объ этомъ получалось извѣстіе въ Верейскомъ острожкѣ, голова тотчасъ посылалъ въ погоню находившихся подъ его начальствомъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, приказывая имъ ѣхать за бѣглецами „сакмою ихъ“ (по ихъ слѣдамъ) до рубежа. Однако рѣдко удавалось возвращать такихъ бѣглецовъ и обыкновенно случалось такъ, что „они дворяне ѣздили до рубежа сакмою и ихъ не доѣхали“. ³⁰⁾

Такимъ образомъ и въ XVII вѣкѣ (до 1634 года), какъ и въ предъидущемъ столѣтіи, враждебныя отношенія къ литовцамъ и постоянныя пограничныя ссоры и взаимныя обиды были явленіемъ обыкновеннымъ. По-прежнему вторженія литовцевъ въ Торопецкій уѣздъ

косать на твоей государственой землѣ, въ нашихъ помѣстьишкахъ, насильствомъ и отъ рубежа насъ отсылають, жить по рубежу на твоей государственой землѣ не велить. И намъ, холопамъ твоимъ, и нашимъ людишкамъ и крестьянишкамъ отъ того ихъ насильства и пріѣзду и приходу жить въ уѣздѣ не можно, кромѣ твоего государева города Торопца. А рубежъ, государь, литовской присталъ на великѣ: съ трехъ сторонъ около твоего государева города Торопца — Бѣльской, и Велижской, и Усвятской уѣздъ“..... (Сибирскаго приказа столбецъ № 1458, челобитная торопецкихъ помѣщиковъ 1632 года). — А. А. Эксп. III, 293 и 302. Книги разрядныя, I, 773.

²⁹⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 9, лл. 83—91.

³⁰⁾ Новгор. стола столб. № 9, лл. 71 и 72. — См. также выше стр. 104—106.

и ихъ нападенія на самый Торопецъ обращали всѣхъ жителей города въ ратныхъ людей и держали ихъ въ непрестанной тревогѣ и вѣчномъ страхѣ. Такое положеніе дѣлѣ, безъ сомнѣнія, было помѣхой мирнымъ занятіямъ посадскихъ людей и препятствіемъ правильному развитію ихъ экономическаго быта и улучшенію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Къ невзгодамъ, виновниками коихъ были литовцы, присоединялись и иного рода бѣдствія.

IV.

Въ 1634 году въ городѣ Торопцѣ случился большой пожаръ, который, впрочемъ, не былъ для торопчанъ неожиданностью. Осада Торопца литовцами въ 1613 году показала всю трудность обороны стѣнъ, окружавшихъ весьма значительную часть посада (Старый острогъ). Въ 1619 году былъ устроенъ Новый острогъ, занимавшій меньшую и притомъ лучшую часть торопецкаго посада, и окружавшія его стѣны тянулись уже на гораздо меньшемъ протяженіи. Чтобы жить подъ защитой стѣнъ, многіе посадскіе люди переселялись въ новоустроенный Новый острогъ, въ которомъ вслѣдствіе этого явилась „тѣснота великая“: подлѣ острожныхъ стѣнъ между дворовъ въ иныхъ мѣстахъ нельзя было проѣхать на телѣгахъ. Когда 30 марта 1628 года въ торопецкомъ посадѣ произошелъ небольшой пожаръ, тогдашній торопецкій воевода воспользовался этимъ случаемъ и писалъ въ Москву, что въ Торопцѣ нѣтъ ни багровъ, ни парусовъ, ни трубъ, и что „отъ пожара въ такой тѣснотѣ никакими обычаями отнять не можно“. ⁴⁰⁾ Опасенія воеводы вскорѣ оправдались, и большая часть Торопца была истреблена огнемъ.

20 мая 1634 года, днемъ, на посадѣ начался пожаръ отъ удара молніи, и жертвой пламени сдѣлался весь посадъ („посадъ весь сгорѣлъ и острогъ безъ остатку“); сгорѣли также городскія стѣны и башни, сгорѣла и ближайшая къ посаду часть „города“, при чемъ огнемъ были уничтожены казенный пороховой дворъ, государевы житницы, сѣзжая изба и всѣ остальные постройки на воеводскомъ дворѣ. На посадѣ сгорѣли всѣ церкви, всѣ дворы и все находившееся въ нихъ имущество: „не осталось ничего: ни хлѣба куса, ни соли, ни одѣты чего, ни обуви“. Стрѣльцы и посадскіе люди писали государю въ своей челобитной: „и посадъ, и острогъ, и Божье милосердіе—храмы, и наши, холопей твоихъ и сиротъ, дворишка и животишка,—все пого-

⁴⁰⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 12, лл. 60 и 61.

рѣло до основанья, и пристанища нѣтъ, и жить не въ чемъ, и, вочасъ по пожару, помираемъ голодною смертію, а иные многіе бѣдныя бредутъ розно“. Начали „бѣдныя и погорѣлыя“ люди съ женами и дѣтьми бродить „подъ окны“, но и милостыни просить было не у кого: весь посадъ сгорѣлъ, а въ „городѣ“ появилось такое множество нищихъ, что рѣдко кому и кусокъ хлѣба доставался. Въ то время и богатые торопчане, торговые лучшіе люди, „отъ пожарнаго разоренья обѣднѣли и одолжали великими долгами“.

Во время пожара стоячій острогъ и башни, построенные вокругъ „города“ по земляному валу, сгорѣли, а между тѣмъ переговоры на рѣчкѣ Поляновкѣ еще не были окончены, и въ порубежномъ городѣ необходимо было позаботиться прежде всего о постройкѣ городскихъ стѣнъ. И дѣйствительно, въ ожиданіи нападенія непріятелей, поспѣшно стали ставить по городскому валу стоячій тынъ; башенъ совсѣмъ не построили, и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли башни, также былъ поставленъ стоячій тынъ. Такъ какъ постройку стѣнъ произвели небрежно и „безъ всякихъ крѣпостей“,—даже песчаный валъ не обложили черноземомъ и дерномъ,—то не удивительно, что, при наступленіи весны, дождями валъ былъ размытъ, и стоячій тынъ повалился. Само собою разумѣется, приказано было снова готовить лѣсъ на городовое дѣло. Плотниковъ велѣно было набрать изъ стрѣльцовъ, посадскихъ людей и „изъ всякихъ людей“, съ платой каждому по 2 гроша въ день. Строительный матеріалъ, изготовленный въ количествѣ 7325 бревенъ (9, 7½ и 6½ аршинныхъ), былъ сложенъ за городскимъ валомъ. 1120 бревенъ было израсходовано при постройкѣ въ тюрьмѣ и на пороховомъ и воеводскомъ дворахъ, а остальной приготовленный лѣсъ „весь погнилъ безъ остатку“. Къ постройкѣ городскихъ и острожныхъ стѣнъ и башенъ, уже изъ новаго лѣса, приступили не ранѣе 1650 года. Такое замедленіе всего лучше показываетъ, насколько силы торопчанъ пожаромъ 1634 года были ослаблены.

Успѣшнѣе производились строительныя работы на воеводскомъ дворѣ: тотчасъ послѣ пожара, еще до полученія разрѣшенія изъ Москвы, на постройку уже было израсходовано 25 рублей. Воевода для производства различныхъ работъ противозаконно бралъ къ себѣ во дворъ даже торопецкихъ стрѣльцовъ; впрочемъ, грамотой отъ 31 декабря 1634 года это было ему воспрещено.

Несмотря на чрезвычайную дешевизну строительнаго матеріала и на неприхотливость торопецкихъ построекъ, многіе торопецкіе стрѣльцы и посадскіе люди не могли на собственные средства построить себѣ новыя жилища. Они подали челобитную, въ которой

удоставляли, что у нихъ нѣтъ собственныхъ лѣсныхъ угодьевъ, что лѣсныя угодья находятся исключительно на помѣщичьихъ, монастырскихъ и ямскихъ земляхъ, и потому просили дозволить имъ рубить безъавочно лѣсъ для постройки церквей и ихъ собственныхъ хоромъ „во всякихъ угодьяхъ“ въ Торопецкомъ и Луцкомъ уѣздахъ, не на пашенной землѣ, а по мхамъ и по голымъ борахъ. Имъ дозволено было рубить лѣсъ „у всѣхъ людей“, у разныхъ землевладѣльцевъ и не въ одной какой-либо мѣстности уѣзда; владѣльцамъ же лѣсныхъ угодій общано было въ вознагражденіе 20 рублей, съ распредѣленіемъ ихъ между ними сообразно количеству вырубленнаго у нихъ лѣса.

По свидѣтельству всегородной торопецкой челобитной 1641 года, въ то время уже многіе посадскіе люди покинули городъ, и остальные хотѣли отъ бѣдности изъ Торопца брести розно, потому что они „послѣ торопецкаго пожарнаго разоренія остались наги и босы, помирають голодомъ и въ государевыхъ податяхъ и съ пустыхъ схожихъ людей жеребьевъ стоять на правежѣ“. Въ этой челобитной, почти черезъ 7 лѣтъ послѣ пожара, торопчане такъ изображали состояніе своего города: „городъ Торопецъ—погорѣлый, порубежный и безпромышленный, пустой, ни изъ которыхъ городовъ съ торгомъ пріѣзду нѣтъ“. По словамъ другой челобитной, поданной въ 1638 году двумя торопецкими подьячими: „Торопецъ—городъ порубежный, погорѣлый и отъ войны разоренный“. ⁴¹⁾

V.

Несмотря на очевидныя преувеличенія, обыкновенно встрѣчающіяся въ челобитныхъ XVII вѣка, все-таки нельзя не признать, что вслѣдствіе частыхъ литовскихъ нападеній и пожара 1634 года многіе торопецкіе посадскіе люди весьма обѣднѣли и не могли тянуть тягло. Между тѣмъ московское правительство продолжало обременять тягловъ непосильными налогами и повинностями и, желая обезпечить себѣ полученіе возможно большихъ доходовъ, возлагало на нихъ новыя отвѣтственныя обязанности. Такъ, съ 1 сент. 1638 года велѣно со-

⁴¹⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 58, лл. 128, 173, 209—211, 413, 415, 417—419. Новгородскаго стола ст. № 72, лл. 239 и 254. Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 22, л. 193 (въ М. А. М. Юст.). Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апр. 1647 года, № 59 (въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣл.).

бирать въ Торопцѣ „кабацкую прибыль“ вѣрному головѣ и цѣлювальникамъ. ⁴²⁾

Чрезмѣрная тягость податного бремени, все болѣе и болѣе возрастающая, вынуждала посадскихъ людей изыскивать всевозможныя средства для улучшенія своего экономическаго положенія. Такъ, въ 1649 году они добились того, что имъ были отданы на откупъ на пять лѣтъ „торопецкая таможенная пошлина и рыбная ловля“. ⁴³⁾ Съ тою же цѣлью—поправить свое экономическое положеніе—торопчане сдѣлали попытку увеличить размѣры своихъ земельныхъ владѣній. Въ 1649 году торопецкому воеводѣ князю Василию Наумовичу Примкову-Ростовскому было предписано возвращать посадскимъ людямъ выгонныя земли, если ими кто-либо незаконно завладѣлъ. Посадскіе люди воспользовались этимъ случаемъ и поспѣшили изъяснить притязаніе на Старый посадъ, гдѣ въ то время землю пахали и сѣно косили соборный попъ съ братіей; и, дѣйствительно, торопецкій воевода отдалъ имъ эту землю, но это вызвало со стороны соборнаго причта жалобу, вслѣдствіе которой въ Торопцѣ былъ произведенъ обыскъ. Старательно разспрашивая и духовныхъ, и служилыхъ людей, и посадскихъ, пытались узнать, „дали-ль они, торопчане, старопосадскую землю къ соборной церкви пр. Богородицы Корсунскіе и великомученика Георгія и, буде дали, то въ какомъ году и по какому общанію, и данную дали-ль?“ Изъ обыска выяснилось, что „изстари Старый посадъ бывала выгонная земля и посадскіе пахали (на ней) огороды“, но что они эту землю въ 1617 году пожертвовали соборной церкви и снова поступились ею въ пользу этой церкви въ 136 году при писцѣ Д. Е. Воейковѣ. Вслѣдствіе этого дѣло было рѣшено въ пользу соборнаго причта и грамотой изъ приказа сыскныхъ дѣлъ (отъ 27 ноября 1649 года) было сообщено торопецкому воеводѣ, что по царскому указу и по Уложенію „велѣно посадскія выгонныя земли имать въ посадъ у тѣхъ людей, которые ими завладѣли насильствомъ, безъ дачъ, а торопчане тою землею Старога посада сами поступились въ соборной церкви за избавленіе..... отъ литовскаго нахожденія“, и что поэтому „въ посадъ та земля не довелась“; въ заключеніе было прибавлено: „и какъ къ тебѣ (воеводѣ) ся наша грамота придетъ, и ты бѣ въ Торопцѣ тою старопосадскою землею, по прежней торопчанъ

⁴²⁾ Приказныя дѣла 6 дек. 1638 г.—23 марта 1639 г., № 45 (въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣла).

⁴³⁾ Дѣла печатнаго приказа пошл., книга 62, лл. 11 и 12. Преображенскаго приказа столбецъ № 54, л. 147 (въ М. А. М. Юстиціи).

дѣлъ, велѣлъ бы владѣть соборныя церкви великомученика Георгія попу Ѳеодору съ братіей, а на посадъ той земли имать не велѣлъ“. Однако такое рѣшеніе дѣла не принудило посадскихъ людей отказаться отъ притязаній на Старый посадъ, и они 22 марта 1650 года подали челобитную въ приказъ Большого дворца. Но и эта ихъ попытка была столь же неудачна (грамота отъ 25 ноября 1650 года). ⁴¹⁾

Но, безъ сомнѣнія, усилія торопецкихъ посадскихъ людей въ то время были направлены преимущественно на то, чтобы увеличить число тяглыхъ людей и тѣмъ облегчить себѣ уплату податей и отправление повинностей, распредѣливъ ихъ, по возможности, между большимъ числомъ тяглецовъ.

Въ первой четверти XVII вѣка тяглыхъ посадскихъ людей въ Торопцѣ было немного. Въ 1619 году, напримѣръ, ихъ было только 100 человекъ, въ началѣ 1622 года—150 (не считая ихъ женъ и дѣтей). Такая малочисленность посадскихъ людей объясняется тѣмъ, что ими обыкновенно пополнялись ряды торопецкихъ стрѣльцовъ и пушкарей, а нужды военного времени заставляли очень часто прибѣгать къ такому превращенію посадскихъ въ ратныхъ людей. Впрочемъ, въ мартѣ 1622 года, въ видахъ усиленія средствъ обороны, было прислано въ Торопецъ изъ Новгорода и Пскова 285 казаковъ и новокрещенныхъ татаръ, и тогда явилась возможность довести число тяглыхъ посадскихъ людей до 366 человекъ. Однако, уже въ 1628 году, одновременно съ увеличеніемъ числа торопецкихъ стрѣльцовъ (съ 300 до 500 человекъ), снова уменьшилось число посадскихъ до 152 человекъ (вмѣстѣ съ подсосѣдниками и пр.—248 человекъ); въ 1630 году ихъ находилось въ наличности только 124 человека. ⁴²⁾ Въ разрядныхъ же книгахъ, для обозначенія количества торопецкихъ посадскихъ людей въ эти годы и слѣдующіе за ними (до 1634-го), находится неизмѣнно одна и та же цыфра—321. Слѣдовательно, въ разрядныхъ книгахъ часто записывалось не наличное количество посадскихъ людей, а лишь числившееся въ спискахъ и иногда несогласное съ дѣйствительностью. По разряднымъ книгамъ 1634—1636 годовъ число тяглыхъ посадскихъ людей въ Торопцѣ уменьшилось: ихъ было въ это время только 295 человекъ. Такое явленіе можно было бы приписать

⁴¹⁾ Копіи съ двухъ грамотъ (отъ 27 ноября 1649 г. и 25 ноября 1650 года) въ архивѣ Торопецкаго собора; онѣ напечатаны у В. Д. Шукіна: „Корс.-Богородицкій соборъ“, стр. 68—80. См. также Печатнаго приказа кн. 52, л. 178.

⁴²⁾ Книги разрядныя, I, 643, 832 и 1136.—Св. П. Продионовъ.—Разрядная вязка 1-ая, № 12 (въ М. А. М. Юстиціи).

вліянію пожара, еслибы не сохранилось донесеніе торопецкаго воеводы, въ день пожара уже полученное въ Москвѣ, въ которомъ находится та же цифра 295. ⁴⁶⁾ О составѣ торопецкаго посадскаго тяглаго населенія въ 1640 году—сохранились свѣденія, которыя могутъ способствовать болѣе точному опредѣленію количества посадскихъ людей и въ другіе годы. 22 января 1640 года въ Торопцѣ тяглыхъ посадскихъ людей было 282 человѣка, почти столько же, сколько и въ предшествовавшіе годы; при нихъ находилось ихъ взрослыхъ братьевъ, дѣтей и племянниковъ—85 человѣкъ, недорослей—71 человѣкъ и 10 сосѣдей и подсосѣдниковъ. Такимъ образомъ число всѣхъ посадскихъ людей мужескаго пола въ Торопцѣ въ то время доходило до 448 человѣкъ, а вмѣстѣ съ ямскими охотниками (считая и недорослей)—до 506 человѣкъ. ⁴⁷⁾

Столь незначительное количество тягловцовъ (282 ч.) было недостаточно для исправнаго платежа всѣхъ податей и правильнаго отбыванія всѣхъ повинностей, лежавшихъ въ то время на податномъ классѣ торопецкаго городского населенія. Однако была возможность увеличить число тяглыхъ людей, такъ какъ, кромѣ перечисленія посадскихъ людей въ стрѣльцы и пушкари, была еще другая причина ихъ малочисленности, это—уклоненіе отъ платежа податей многихъ бѣднѣйковъ, въ разное время самовольно вышедшихъ изъ тягла, въ особенности же послѣ пожара 1634 года. И дѣйствительно, оставшіеся въ тяглѣ торопецкіе посадскіе люди начали усиленно хлопотать о привлеченіи вновь въ тягло прежнихъ тягловцовъ. Такъ какъ увеличеніе числа тяглыхъ посадскихъ людей было въ интересахъ самаго московскаго правительства, то на просьбы торопчанъ было обращено вниманіе, и 26 января 1640 года, наказомъ изъ приказа сыскныхъ дѣлъ, было предписано Никитѣ Григорьевичу Ржевскому и подъячему Родіону Алашѣву отправиться въ Торопецъ и, сыскавъ вышедшихъ изъ тягла посадскихъ людей, возвратитъ ихъ на посадъ на житіе. Это порученіе не могло быть исполнено въ короткое время. Прошло болѣе года, и 4 марта 1641 года торопчанами была подана „всегородная“ челобитная, въ которой самыми мрачными красками описывалось экономическое положеніе посадскихъ людей, изъ которыхъ многіе „въ государевыхъ податѣхъ и съ пустыхъ схожихъ лю-

⁴⁶⁾ Книги разрядныя, II, 82, 283, 349, 684, 738, 815, 893.—Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 56, л. 331.

⁴⁷⁾ Десятець книга 277, л. 92—104 (въ М. Арх. М. Юст.).

дей жеребьевъ стоятъ на правѣжѣ“. ⁴⁸⁾ Н. Г. Ржевскій и Родіонъ Алашѣевъ, пріѣхавъ въ Торопецъ въ 149 году, тотчасъ начали разыскивать посадскихъ людей, которые самовольно „съ посаду сошли и во всякіе чины стали и по городомъ разбѣжались“. Имъ удалось „вывести“ изъ стрѣльцовъ, волостныхъ людей, ямщиковъ, гулящихъ людей и пр.—172 человекъ прежнихъ посадскихъ людей, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, и снова приписать ихъ на посаду на житье. У кого изъ нихъ не было на посадѣ дворовъ, тѣмъ отвели подъ дворы мѣста изъ государевыхъ оброчныхъ земель. „Старые посадскіе люди“ положили оклады, „съ чего имъ (вновь приписаннымъ) впредь государевы подати платить и всякія городовыя издѣлья дѣлать съ посадскими людьми вмѣстѣ“. По окладу старыхъ посадскихъ людей, всѣ вновь приписанные къ посаду, 172 человекъ въ совокупности, должны были впредь платить подати „съ 9 алтынъ съ 2 денегъ съ полуденьгою и съ половины полуденьги“. За cadaго изъ нихъ по нѣскольку посадскихъ людей поручились въ томъ, что они впредь нигде не сбѣгутъ, и ни за кого не заложатся, и ни въ какой чинъ не стануть, и что они будутъ вмѣстѣ съ посадскими людьми платить подати и дѣлать всякія городовыя издѣлья; въ случаѣ неисправнаго платежа податей—„на поручикахъ—пена государя... и государевы подати и всякія городовыя издѣлья“. Впрочемъ, нашлось нѣсколько человекъ, совсѣмъ ненадежныхъ, за которыхъ никто не хотѣлъ поручиться; ихъ „до государева указа“ посадили въ тюрьму. Имена поручителей и „сысканныхъ“ посадскихъ людей, ихъ оклады и пр. были записаны въ „стройныхъ книгахъ“, которыя Ржевскимъ и Алашѣевымъ были поданы въ Москвѣ 1 марта 1643 года. ⁴⁹⁾

Вслѣдствіе приписки къ торопецкому посаду 172 семействъ, число тяглыхъ людей возрасло весьма значительно; однако и послѣ того хлопоты торопчанъ объ отысканіи новыхъ тягловъ продолжались. Съ своей стороны и торопецкіе воеводы, по наказамъ изъ Москвы, старались въ этомъ дѣлѣ помогать посадскимъ людямъ. Такъ они усердно хлопотали о перезывѣ изъ-за рубежа,—изъ литовскихъ волостей,—бѣглыхъ посадскихъ людей и крестьянъ. ⁵⁰⁾ Общія усилія мо-

⁴⁸⁾ Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апр. 1647 года, № 59 (въ М. Г. А. Мин. Иностр. Дѣлъ).

⁴⁹⁾ По Суздалю книга № 1, лл. 375—500 (въ М. Г. Арх. М. Иностр. Дѣлъ).

⁵⁰⁾ См., наприм., Приказныя дѣла, 29 авг. 1639—28 янв. 1640 г., № 40 (въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣлъ).

сковскаго правительства и торопецкихъ посадскихъ людей увѣнчались полнымъ успѣхомъ: въ 1646 году число всѣхъ посадскихъ людей мужскаго пола, вмѣстѣ съ ямскими охотниками, простиралось до 1038 человекъ; изъ нихъ 812 человекъ жили въ своихъ дворахъ, на своихъ тяглыхъ мѣстахъ. ⁵¹⁾

Безъ сомнѣнія, и послѣ 1646 года хлопоты торопецкихъ посадскихъ людей объ облегченіи ихъ податнаго бремени не прекратились. Такъ, по ихъ челобитьямъ, грамотами (запечатанными 29 сент. и 12 ноября 1649 г. и 19 марта 1650 г.) было постановлено, чтобы торопецкіе ямщики впредь жили на посадѣ и тягло тянули вмѣстѣ съ посадскими людьми, которые вслѣдствіе этого начали „всѣ безъ wyboru“ гонять ямскую гоньбу. ⁵²⁾

Такимъ образомъ, въ 1634—1650 гг. Торопецъ не подвергался нападеніямъ литовскихъ людей, и его жители могли бы нѣсколько оправиться отъ бѣдствій, причиненныхъ имъ непріятельскими нападеніями и пожаромъ 1634 года. Но въ это самое время правительство Московскаго государства, еще неоправившагося вполнѣ со времени Смуты, по-прежнему было вынуждаемо вызывать со стороны народа крайнее напряженіе силъ. Въ частности оно должно было и торопчанамъ предъявить требованія, для выполненія которыхъ имъ было необходимо прежде всего позаботиться о значительномъ увеличеніи числа тяглыхъ людей. Какъ сказано выше, ихъ чрезвычайныя усилія въ этомъ отношеніи не остались безуспѣшными. Населеніе Торопца, состоявшее передъ тѣмъ преимущественно изъ ратныхъ людей, измѣнило свой составъ, и городъ наполнился значительнымъ количествомъ людей, принадлежавшихъ къ торгово-промышленному классу, вслѣдствіе чего и самый строй жизни въ немъ существенно измѣнился.

На земскомъ соборѣ 1648—49 гг. выборными отъ Торопца изъ помѣщиковъ были дворяне Иванъ Тимоѣевъ сынъ Веригинъ и Андрей Яковлевъ сынъ Борисовъ, изъ посадскихъ людей—Семень Дѣевъ и Семень Желудъ. Любопытно, что С. Желудъ и С. Дѣевъ, бывшіе коренными торопецкими посадскими людьми, въ переписной книгѣ 1646 года не упоминаются. ⁵³⁾

⁵¹⁾ Переписная книга 1646 г. (въ Арх. М. Юст.). Въ Холму на посадѣ въ 1646 году находилось только 35 дворовъ, а посадскихъ людей въ нихъ—88 человекъ (кн. 477, лл. 434—435).

⁵²⁾ Печатнаго приказа книга 51, л. 66; кн. 52, л. 33; кн. 54, л. 203 (въ М. А. М. Юст.)

⁵³⁾ См. у г. Латина списокъ лицъ, участвовавшихъ на соборѣ, и у г. Забѣлина списокъ лицъ, прилож. руки къ Уложенію; также Московскаго стола

VI.

Во второй половинѣ XVII вѣка торопчане въ борьбѣ съ Польско-литовскимъ государствомъ потеряли самостоятельное положеніе: они участвовали въ ней лишь въ качествѣ одной изъ составныхъ частей московскаго войска. Самый театръ военныхъ дѣйствій все болѣе и болѣе удалялся отъ Торопца. Боевая дѣятельность торопецкихъ помѣщиковъ и стрѣльцовъ сдѣлалась весьма тягостною, такъ какъ они не только несли посмѣнно гарнизонную службу въ Полоцкѣ, Велижѣ, Невлѣ и другихъ ближайшихъ городахъ, но часто участвовали въ очень далекихъ походахъ⁵⁴). Такъ, въ 1650 году торопецкіе помѣщики принимали дѣятельное участіе въ усмирении псковскаго мятежа. Имена тѣхъ изъ нихъ, которые были убиты въ бою съ мятежниками, по указу 27 ноября 1651 года были вписаны для вѣчнаго поминовенія въ синодикъ, и установлено было совершать по нимъ годовую память 18 іюля; оставшимся же въ живыхъ были сдѣланы помѣстные и денежныя придачи къ ихъ прежнимъ окладамъ⁵⁵). 300 торопецкихъ стрѣльцовъ также участвовали въ бояхъ съ псковскими мятежниками. Имъ приходилось часто служить и въ болѣе отдаленныхъ краяхъ. Такъ, 20 февраля 1687 года было послано въ Сумы, въ полкъ боярина Алексѣя Семеновича Шеина, 118 торопецкихъ стрѣльцовъ. 26 іюля 1678 года въ Путивлѣ, у съѣзжаго шатра, 184 торопецкимъ стрѣльцамъ было роздано по 2 рубля каждому „для путивльскіе службы“.

Разряда записную книгу 7-ую, л. 30 об.: ...сынъ Веригинъ, Ондрѣй Яковлевъ сынъ Борисовъ... Желудинъ“. Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 49, л. 270: „по челобитью торопченна посадочнаго выборнаго человека Семена Желуда, велено ему нѣтъ про себя держать безвыимочно“.

⁵⁴) „А мы, холопи твои, безпрестани на твоихъ государевыхъ полковыхъ службахъ въ дальнихъ походахъ: зимою, и лѣтомъ, и въ пужное время весною, и въ осень. И на бохъ и въ обозѣхъ, по отбою непріятельскихъ людей на королевскомъ и на гетманскихъ бохъ, многія, государь, животиска наши и лошади оставались. А которые, государь, мы, холопи твои, живы,—выбродили съ тѣхъ разгромовъ пѣши и наги. И отъ тѣхъ, государь, разгромовъ мы, холопи твои, обѣдняли и одоужали великими неоплатными долгами“ (Приказнаго стола столбецъ № 581, въ М. А. М. Юстиціи).

⁵⁵) Имена убитыхъ торопчанъ, между прочимъ, вписаны въ синодикъ, хранящійся въ Николаевской церкви въ Торопцѣ. См. также Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. рос., 1893 г., кн. I.—Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 56, л. 180; кн. 57, л. 315; кн. 59, л. 12 и др. (въ М. А. М. Юст.).

Въ 1695 году 185 торопецкихъ стрѣльцовъ служили въ большомъ полку боярина А. С. Шеина подъ Азовомъ ⁵⁶⁾).

Но хотя во второй половинѣ XVII вѣка военныя дѣйствія большею частью происходили вдали отъ Торопца, однако и въ это время польскіе и литовскіе люди иногда появлялись въ Торопецкомъ и Холмскомъ уѣздахъ и жгли села и деревни, людей убивали или уводили въ плѣнъ, ихъ имущество грабили ⁵⁷⁾). Часто торопчане даже были лишены возможности защищаться. Такъ напримѣръ: 12 іюля 1665 года торопецкій воевода писалъ въ Москву о появленіи польскихъ людей въ предѣлахъ Холмскаго уѣзда, а между тѣмъ всѣ торопецкіе и холмскіе служилые люди уже были посланы въ В. Луки въ полкъ кн. Петра Хованскаго; еще въ мартъ того года даже „посадскихъ и уѣздныхъ людей велѣно было выслать для переему литовскихъ людей, какъ они пойдутъ изъ псковскихъ мѣстъ“. Любопытно, что постоянныя опасности и боевыя тревоги развили въ высшей степени воинственный духъ даже въ крестьянствѣ торопецкомъ. Въ іюлѣ 1664 года появились въ Торопецкомъ уѣздѣ польскіе и литовскіе загонные люди. Они принадлежали къ полку Чернявскаго, стоявшаго тогда подъ Луками Великими, и были отправлены въ Торопецкій уѣздъ для добычи провіанта, „для живности“. Ихъ всѣхъ было 38 человекъ, но нѣкоторые изъ нихъ возвратились къ Чернявскому въ полкъ, а 20 чело-

⁵⁶⁾ Десятенъ книга 283, лл. 60—65:... „Да въ прошломъ во 158-мъ году, по государевѣ грамотѣ, дано торопецкимъ стрѣльцамъ, какъ они пошли на государеву службу подо Псковъ, тремъ стамъ человекамъ, по фунту пороху да по фунту свинцу. А какъ они, стрѣльцы, назадъ въ Торопецъ пришли, и того пороху и свинцу назадъ въ казну не принесли ничего, а сказали, что выстрѣляли де на бояхъ: бились съ ворами, со псковскими изиѣнники... Да у торопецкихъ же стрѣльцовъ, у дву сотъ человекъ, которые остались въ Торопцѣ за псковскою посылкою... Десятенъ кн. 289, лл. 157—233.—Разрядная вязка № 19, документъ № 18; вязка № 18, документъ № 24.—Книги Новгородскаго стола, книга № 58, л. 164. Дѣла разныхъ городовъ, кн. 68, лл. 597—603.—Изъ 60-го столбца Преображ. приказа (лл. 145—155) обнаруживается, что и на сторонѣ псковскихъ мятежниковъ въ 1650 г. находилось нѣсколько торопчанъ (2 стрѣльца и 4 посадскихъ человекъ).

⁵⁷⁾ Приказнаго стола столбецъ № 581: „И литовскіе, государь, люди въ торопецкіе и въ холмскіе уѣзды приходили не по одніѣ поры и многія села и деревни выжгли, и высѣкли, и въ полонъ поймали; а въ которыхъ мѣстахъ и не жгли,—для зарека, чтобъ изгономъ приходить и сѣчь,—и въ тѣхъ, государь, мѣстахъ посѣкли, и въ полонъ поймали, и животы всѣ пограбили“.—Рус. Истор. Библіот. XI, 174, 211, 287, 288, 289.

вѣкъ поѣхали въ Торопецкій уѣздъ и здѣсь 22 іюля въ селѣ Коничевѣ ⁵⁸⁾ „уѣздныхъ людей побили и въ полопъ поимали“. Тогда Ивашка Рыдинъ, человекъ (холопъ) помѣщика Кармолина, „собрався съ тутошними уѣздными людьми“, пошелъ вмѣстѣ съ ними за польскими и литовскими людьми и, настигши ихъ въ деревнѣ Боркѣ, побилъ и даже одного изъ нихъ взялъ въ плѣнъ и привелъ къ воеводѣ въ Торопецъ ⁵⁹⁾.

Въ то время торопецкіе уѣздные люди сильно страдали и разорялись не только „отъ приходовъ непріятельскихъ людей, огня и сабли“, но также и „отъ проходовъ и грабежевъ... ратныхъ людей на службу и съ службы“. ⁶⁰⁾ Много терпѣли они и отъ пограничныхъ столкновений съ литовскими людьми. Взаимныя обиды и ссоры продолжались и послѣ заключенія Андрусовскаго перемирія. Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ въ концѣ 1669 года писалъ въ Москву: „и такихъ, государь, ссорныхъ дѣлъ въ порубежныхъ мѣстахъ—много, и для того въ договорѣ у насъ, холопей твоихъ, положено: розысканіе съ обѣихъ сторонъ и, по достоинству, расправа чинить межевымъ судьямъ; чтобъ въ порубежныхъ мѣстахъ имѣли свое житѣе и мирнаго утвержденія остерегали неотступно“. Не прекратились порубежныя ссоры и послѣ заключенія вѣчнаго мира 1686 года: 25 іюля 1698 года торопецкіе воеводы писали въ Москву, что „въ приказной избѣ подають имъ челобитныя торопчане градскіе и уѣздные всякихъ чиновъ люди о обидныхъ дѣлѣхъ“ ⁶¹⁾.

Часто случавшіеся въ Торопцѣ пожары еще болѣе увеличивали бѣдственное положеніе горожанъ. Особенно тяжкія послѣдствія для нихъ имѣлъ пожаръ 5 іюня 1683 года, во время котораго сгорѣли въ „городѣ“ городскія стѣны и башни, ⁶²⁾ казенный и воеводскій дворы и много дворовъ дворянскихъ „и всякихъ чиновъ градскихъ и жилецкихъ людей“. Сгорѣла 1 деревянная церковь, обгорѣла камен-

⁵⁸⁾ Въ настоящее время Коничево находится въ Холмскомъ уѣздѣ, въ 59 верстахъ отъ г. Холма и верстахъ въ 30 отъ Торопца.

⁵⁹⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 132, лл. 267—269.

⁶⁰⁾ См. выше стр. 103, а также Приказнаго стола столбецъ № 581.

⁶¹⁾ Приказныя дѣла 1669 5 сент.—13 іюня 1670 года, № 269, и 18 ноября 1699 г. (въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣлъ).

⁶²⁾ Подробное описаніе пожара 1684 года извѣщаетъ отъ необходимости сообщать подробности о пожарѣ 1683 года. Выше на стр. 110 упомянуто, что уже въ 1680 г. ни стѣнъ, ни башенъ вокругъ посада не было. На стр. 111 слѣдуетъ исправить опечатку въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что пожаръ 1683 г. уничтожилъ городскія и посадскія стѣны.

ная соборная церковь. На посадѣ сгорѣли дѣвичій монастырь, 4 церкви, кружечный и таможенный дворы, 150 дворовъ, принадлежавшихъ посадскимъ людямъ и пушкарямъ. ⁶³⁾

Столь же великимъ бѣдствіемъ для торопчанъ были хлѣбные недороды и полные неурожаи, которые сопровождались чрезмѣрной дороговизною хлѣба, порождавшею нищету и голодъ. По словамъ всего-родной челобитной 1662 года, стоимость четверти ржи доходила тогда до невѣроятной цѣфы—до 40 рублей, приблизительно до 650 рублей нынѣшнихъ ⁶⁴⁾.

VII.

Во второй половинѣ XVII столѣтія въ Торопцѣ часто производились обыски и слѣдствія, имѣвшіе прямое отношеніе къ мѣстной торопецкой жизни; къ нимъ по этой причинѣ иногда привлекались очень многіе изъ жителей города ⁶⁵⁾. Но иногда производились слѣдствія и по дѣламъ, совершенно чуждымъ торопчанамъ. Таково, наприкладъ, случайно возникшее въ Торопцѣ дѣло о самозванцѣ, выдававшимъ себя за царевича Алексѣя Алексѣевича ⁶⁶⁾.

23 августа 1671 года нѣсколько торопецкихъ дворянъ представили въ Торопецъ, въ приказную избу, пойманнаго ими неизвѣстнаго человѣка, который, повстрѣчавшись съ ихъ холопами на дорогѣ, въ Холмскомъ уѣздѣ, въ разговорѣ сообщилъ, что онъ не простой человѣкъ, что онъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, идетъ въ Литву, хочеть поднять короля войпой и быть въ Новгородѣ на царствѣ. Неизвѣстный оказался сыномъ новгородскаго сына боярскаго Алексѣя Кириллова Клеопина Иваномъ, 22 лѣтъ отъ роду. На допросѣ, даже послѣ пытки (10 ударовъ и стряска), онъ не отрицалъ того, въ чемъ его обвиняли.

Для производства слѣдствія 17 сентября пріѣхалъ изъ Москвы окольничій князь Даніилъ Степановичъ Великаго Гагинъ съ дьякомъ Никифоромъ Кривскимъ. Самозванецъ на новомъ допросѣ по-прежнему называлъ себя царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и указалъ на нѣкоторыхъ лицъ, которыя будто бы знали, что царевичемъ называлъ

⁶³⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 318, лл. 263—264.

⁶⁴⁾ Новгор. ст. столбецъ № 123, л. 32.

⁶⁵⁾ О нихъ въ 6-ой главѣ.

⁶⁶⁾ Приказнаго стола Разряда столбецъ № 341 (въ М. А. М. Юстиціи). Соловьева Ист. Рос. XIII, 167 и 168.

его и Алексѣй Клеопинъ. Присланные въ Торопецъ „оговорные люди новгородцы,—1 человекъ попъ, 18 человекъ дворянъ, да въ томъ же числѣ отецъ его и дядя, да 4 человека отца его,—въ допросѣ сказали, что онъ, Ивашко, умовреденъ тому пятаѣ шестой годъ, а умовредство его то: божественныя иконы и книги словами безчестилъ, и отца своего и мать хотѣлъ саблюю ссѣчь, и брата своего родного посѣкъ саблюю-жъ, и за людьми гонялся, и въ лѣсъ отъ отца изъ дому бѣгивалъ и въ лѣсу многія noci ночевалъ, и въ огонь бросался, и платье на себѣ дралъ, и говорилъ, что онъ, Ивашко, прощаль и исцѣлялъ многихъ людей“.—30 октября Иванъ Клеопинъ сначала „въ роспросѣ у пытки говорилъ прежнія свои рѣчи“, но потомъ, не стерпя невыносимыхъ мученій, показалъ, что „отецъ у него родной—новгородецъ Алексѣй Кирилловъ сынъ Клеопинъ.... а непристойнымъ именемъ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ почалъ называться собою, потому что умовреденъ навѣтомъ дьявольскимъ, а никто его на такое воровство не научалъ“... „180 (1671) года ноября въ 29 день великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, слушавъ сего дѣла, указалъ и бояре приговорили: вора Ивашка Клеопина за его воровство и за непристойныя рѣчи,—что онъ называлъ себя царевичемъ и побѣждалъ было въ Литву для воровства,—сказавъ ему вину его въ торговый день, при многихъ людяхъ, казнить смертью, повѣсить за городомъ, по Полоцкой дорогѣ, позадь слободъ, гдѣ пригожъ, и съ висѣлицы его не снимать до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ сгниетъ, а за какую вину онъ, воръ Ивашко, казненъ, и ту его вину написавъ, прибить у висѣлицы“.

Слѣдствіемъ было установлено, что отецъ казненнаго своевременно заявилъ о побѣгѣ и о непристойныхъ словахъ своего умалишеннаго сына, однако его вмѣстѣ съ женой и дѣтьми сослали въ Сибирь, откуда возвратили въ Москву и освободили лишь въ царствованіе Θεодора Алексѣевича (въ 1678 г.).

Случайное появленіе въ Торопцѣ самозванца и казнь его, конечно, не могли нарушить обычное теченіе городской жизни. Нельзя этого сказать о другомъ событіи, совершившемся въ Торопцѣ въ концѣ XVII вѣка, виновниками коего были также совсѣмъ посторонніе торопчанамъ люди,—о бунтѣ московскихъ стрѣльцовъ, вспыхнувшемъ въ Торопцѣ 3 іюня 1698 года. Этотъ мятежъ имѣлъ важныя послѣдствія не для однихъ торопецкихъ стрѣльцовъ. Онъ произвелъ на всѣхъ жителей города глубокое впечатлѣніе и самымъ печальнымъ образомъ отразился на судьбѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

VIII.

Лѣтомъ 1697 года на литовской границѣ, для содѣйствія Августу II, были сосредоточены весьма значительныя боевыя силы. Осенью, на подкрѣпленіе имъ, были посланы изъ Азова 4 полка московскихъ стрѣльцовъ. Послѣ чрезвычайно труднаго похода, только въ концѣ ноября добрались стрѣльцы до Торопца и здѣсь отдыхали 3 или 4 дня. Затѣмъ имъ были даны подводы, и въ началѣ декабря они достигли наконецъ города В. Лукъ, назначеннаго для ихъ стоянки ⁶⁷⁾. Стрѣльцы терпѣли большую нужду, вслѣдствіе скудости получаемаго ими жалованія, и были крайне изнурены тяжелою жизнью сначала на литовскомъ рубежѣ, въ зимнюю пору въ лѣсу, затѣмъ въ В. Лукахъ. Изъ нихъ 155 человекъ, наиболѣе смѣлыхъ и рѣшительныхъ, самовольно отправились въ Москву. Принужденные возвратиться назадъ, они принесли съ собою письмо царевны Софіи, призывавшее стрѣльцовъ въ Москву, и начали подговаривать къ мятежу своихъ недовольныхъ и озлобленныхъ товарищей.

Въ двадцатыхъ числахъ мая 1698 года изъ В. Лукъ стрѣльцы были переведены въ Торопецъ, гдѣ въ то время находилась главная квартира боярина и воеводы князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго. Одновременно съ ними прибыла въ Торопецъ и конница Новгородскаго полка (дворянскіе полки). Тамъ же были расквартированы еще въ началѣ апрѣля и входившіе въ составъ этого полка новгородскіе стрѣльцы ⁶⁸⁾. Быть можетъ, что часть московскихъ стрѣльцовъ имѣла постоянную стоянку въ Торопцѣ и раньше мая 1698 года ⁶⁹⁾. Какъ бы то ни было, въ этому времени здѣсь собралось болѣе

⁶⁷⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 374, л. 198. Отписка о приходѣ въ Торопецъ полковъ Ае. Чубарова и Ѳ. Колзакова и о дачѣ имъ подводъ получена въ Москвѣ 4 декабря 1697 г. (Преображенскаго приказа столбецъ № 718).

⁶⁸⁾ Д. Печатн. приказа, кн. 374, л. 198.

⁶⁹⁾ Въ письмѣ Ѳ. Ю. Ромодановскаго къ Петру В. находится слѣдующее: „И стрѣльцы сказали ему, Чамарсу, что мы итти на службу готовы, и пошли на заетрея которые были на Лукахъ Великихъ—тѣ на Луки, а иные въ Торопецъ“. (Письма и бумаги Петра В., т. I, стр. 727).—Стрѣлецъ (Чубарова полка) Василій Алексѣевъ на пытѣ, съ третьяго огня показалъ: „было къ стрѣльцамъ письмо съ Москвы отъ Софіи Алексѣевны; принесть то письмо на В. Луки Васяна Туза, а къ нимъ въ Торопецъ Чубарова полка пятидесятникъ Мишка Обросимовъ“ (Устрялова III, 208).

2 тысячъ московскихъ стрѣльцовъ, составлявшихъ полки Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмарка. Ихъ размѣстили въ слободахъ, по всей вѣроятности, на дворахъ торопецкихъ стрѣльцовъ. Здѣсь же, въ слободахъ, находились ихъ полковые съѣзжіе дворы. Постоялый дворъ главнокомандующаго князя Ромодановскаго находился на посадѣ вблизи мѣстонахожденія его отряднаго штаба, разряднаго шатра. Торопецкіе же воеводы Василій и Иванъ Давыдовы жили въ „городѣ“, на воеводскомъ дворѣ.

3 іюня 1698 года Ромодановскій получилъ изъ Разряда приказаніе распустить по домамъ конныхъ и пѣшихъ полчанъ Новгородскаго полка, московскихъ стрѣльцовъ отправить на службу въ Вязму, Бѣлую, Дорогобужъ и Ржевъ, а бѣгавшихъ въ Москву стрѣльцовъ съ ихъ женами и дѣтьми сослать на вѣчное житіе въ назначенные имъ малороссійскіе города. По объявленіи указа, изъ числа предназначенныхъ въ ссылку стрѣльцовъ было прислано къ разрядному шатру изъ полковъ Чубарова, Чернаго и Гундертмарка только около 50 человекъ. Ромодановскій съ двумя дневальными есаулами (дежурными штабными офицерами изъ числа торопецкихъ помѣщиковъ) отправилъ ихъ въ „городъ“ къ торопецкимъ воеводамъ, для заключенія въ тюрьму до того времени, пока будутъ приготовлены подводы и назначены люди для сопровожденія ихъ въ ссылку. Но московскіе стрѣльцы отбили ихъ, не допустя до города, и начали гоняться за есаулами и бросать въ нихъ палками. Ромодановскій послалъ противъ нихъ новгородскихъ стрѣльцовъ, но собравшіеся въ большомъ числѣ мятежники имъ не дались. Изъ полка же Колзакова 15 осужденныхъ на ссылку стрѣльцовъ были приведены къ разрядному шатру самимъ полковымъ командиромъ, который вслѣдъ за тѣмъ, по приказанію Ромодановскаго, лично повелъ ихъ въ „городъ“ и сдалъ торопецкимъ воеводамъ. Но мятежные стрѣльцы, въ числѣ 200 человекъ, отбили у воеводъ своихъ товарищей и стали гоняться также и за Колзаковымъ и бросать въ него палками. Тотъ вынужденъ былъ, бросивъ лошадь, бѣжать изъ „города“ по мостовинамъ, проложеннымъ черезъ рѣку Торопу для пѣшихъ.—Стрѣльцы полковъ Чернаго и Гундертмарка совсѣмъ не явились къ съѣзжимъ избамъ для выслушанія присланнаго изъ Москвы указа; вмѣсто того они пошли къ разрядному шатру, разломали изгороди, которыми были окружены посадскіе дворы и огороды, и съ кольями въ рукахъ начали большими толпами собираться вблизи разряднаго шатра и двора, на которомъ стоялъ самъ Ромодановскій.

При такихъ обстоятельствахъ Ромодановскій побоялся оставаться на посадѣ и вмѣстѣ съ конными и пѣшими людьми Новгородскаго

полка выступилъ изъ Торопца въ поле. Отошедши верстъ 5 отъ слободъ, расположился въ боевомъ порядкѣ по обѣ стороны Московской дороги.

Московскіе стрѣлцкіе полки рѣшились отправиться въ указанные имъ города и, по требованію Ромодановскаго, выступили изъ Торопца порознь, по полкамъ, но выдать своихъ предназначенныхъ къ ссылкѣ товарищей—отказались. Согласно принятому рѣшенію, и самый мятежный изъ стрѣлцкихъ полковъ—полкъ Чубарова выступилъ изъ слободъ и, прошедши черезъ городъ, пошелъ по Московской (Бѣльской) дорогѣ. Когда стрѣльцы достигли мѣсторасположенія Новгородскаго полка и стали проходить сквозь конные роты и полки, Ромодановскій велѣлъ имъ остановиться. Подѣхавъ къ полку, онъ спросилъ вышедшихъ изъ него стрѣльцовъ, почему они не выдаютъ своихъ осужденныхъ товарищей? Тѣ отвѣчали, что они за нихъ не стоятъ, только взять ихъ и выдать—мочи ихъ нѣтъ. На это Ромодановскій возразилъ, „что тѣхъ бѣглецовъ—малое число, а ихъ въ томъ полку, кромѣ тѣхъ воровъ, 500 человекъ слишкомъ, и имъ такимъ многочисломъ съ ними ворами управиться и изымать ихъ мочно“. Стрѣльцы пошли въ поле. Прошелъ часъ,—отвѣта не было. Тогда Ромодановскій послалъ одного изъ своихъ завоеводчиковъ съ требованіемъ выдачи осужденныхъ. Посланному отвѣтили то же, что и Ромодановскому: „будто тѣхъ воровъ поймать имъ мочи ихъ нѣтъ“. Затѣмъ полкъ пошелъ дорогой далѣе. Бѣгавшіе въ Москву стрѣльцы полка Чубарова не могли пройти за своими товарищами сквозь дворянскіе полки и повернули назадъ къ Торопцу. Замѣтивъ это, Ромодановскій послалъ конныхъ ратныхъ людей ловить ихъ, но тѣ, пробравшись болотными мѣстами и кустарниками, были приняты въ полкъ Гундертмарка, выступавшій въ то время изъ Торопца. Полкъ Ивана Чернаго пошелъ лѣвой стороною, по противоположному берегу озера Соломена, и опередилъ остальные полки. Полки Колзакова, Чернаго, Чубарова и Гундертмарка, пошедшіе по Московской (Бѣльской) дорогѣ, соединились на берегу Западной Двины.

Здѣсь, 6 іюня, по выслушаніи письма царевны Софіи, стрѣльцами было принято окончательное рѣшеніе идти къ Москвѣ. Отстранивъ своихъ начальниковъ, они вмѣстѣ дошли до Ржева и затѣмъ двинулись далѣе самой прямой дорогой, черезъ Зубцовъ и Волоколамскъ; мимо Зубцова прошли 14 іюня и 17 числа приблизились къ Воскресенскому монастырю. На слѣдующій день они были разбиты и взяты въ плѣнъ войсками боярина А. С. Шеина. Былъ произведенъ розыскъ; главные зачинщики мятежа казнены, остальные 1965 чело-

вѣкъ разосланы по разнымъ городамъ и монастырямъ для заключенія въ тюрьмы.

50 московскихъ стрѣльцовъ изъ полка Гундертмарка въ колодахъ были посланы съ провожатыми въ Торопецъ, куда и были привезены капитаномъ Кирилломъ Засѣцкимъ 12 іюля. Для ихъ помѣщенія была приготовлена огороженная тыномъ тюрьма. Торопецкіе воеводы Василій и Ивѣнъ Давыдовы нарядили изъ торопчанъ, для несенія караульной службы при этой тюрьмѣ, 100 человекъ: 50 стрѣльцовъ, 6 пушкарей и 44 посадскихъ человека. Караульные переменялись по-суточно. Въ 207 году присланные въ Торопецъ стрѣльцы Гундертмаркова полка были осуждены на смертную казнь. Для приведенія приговора въ исполненіе изъ Москвы были посланы въ Торопецъ дворянинъ Ѳ. К. Нармацкой и подьячій Ѳ. Вяткинъ. Торопецкому воеводѣ было приказано дать въ ихъ распоряженіе подьячихъ съѣзжей избы, стрѣльцовъ, пушкарей, разсылныхъ, заплочнаго мастера и все, „что къ тому дѣлу понадобится“. Въ случаѣ недостатка служилыхъ людей, „къ нимъ въ прибавку велѣно взять съ ружьемъ монастырскихъ служекъ, сколько человекъ пригожъ“¹⁰⁾.

Изъ вышеизложеннаго видно, что торопецкіе стрѣльцы и тѣмъ болѣе торопецкіе посадскіе люди не приняли никакого участія въ бунтѣ московскихъ стрѣльцовъ, начавшемся въ Торопцѣ 3 іюня 1698 года. Размѣстившіеся въ маѣ 1698 года въ торопецкихъ слободахъ московскіе стрѣльцы нашли здѣсь между торопецкими стрѣльцами многихъ людей, съ которыми выѣстѣ дѣлили тяжкіе труды и лишенія во время совместной службы въ Азовѣ. Съ остальными торопецкими стрѣльцами они познакомились лишь за полгода передъ тѣмъ во время своей кратковременной стоянки въ Торопцѣ. Подобно московскимъ стрѣльцамъ и ихъ торопецкіе сотоварищи очень тяготились отправками на службу въ дальніе города, вызывавшими и у нихъ крайнее недовольство и раздраженіе; естественно, что они сочувственно относились къ людямъ, терпѣвшимъ одинаковыя съ ними невзгоды. Но все-таки они не примкнули къ мятежникамъ, такъ какъ у нихъ не могло существовать желанія скорѣй попасть въ Москву, бывшаго для московскихъ стрѣльцовъ главнымъ побужденіемъ къ бунту. Однако стрѣлецкій бунтъ 1698 года сопровождался печальными послѣдствіями

¹⁰⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 242. Имена 50 находившихся въ тюрьмѣ стрѣльцовъ въ Дѣлахъ разныхъ городовъ, кн. 68, л. 814 (сентябрь 1698 г.).

и для торопчанъ; для нѣкоторыхъ же изъ нихъ, привлеченныхъ къ розыску, былъ причиной большихъ бѣдствій.

Изъ торопецкихъ посадскихъ людей особенно пострадалъ Сергій Жуковъ. Извѣстно, что сотникъ полка Чубарова Артемій Масловъ 6 іюня на Двинѣ прочиталъ стрѣльцамъ письмо царевны Софіи, много способствовавшее ихъ рѣшенію двинуться къ Москвѣ; въ 20 верстахъ отъ Воскресенскаго монастыря имъ же письмо было прочитано во второй разъ. Вотъ этотъ-то Артемій Масловъ на розыскъ 30 января 1700 года совсѣмъ неожиданно показалъ, что, прочитавши на Двинѣ письмо царевны, онъ снялъ съ него копію, подлинное же письмо отдалъ для сбереженія своему двоюродному брату, торопецкому посадскому человѣку Сергію Жукову. Тотчасъ послали за Жуковымъ въ Торопецъ, но тамъ его не оказалось: онъ уѣхалъ въ Москву съ товаромъ, съ бѣличьими мѣхами. Произвели обыскъ,—письма не нашли, однако его домъ запечатали и всѣхъ жившихъ въ немъ арестовали. Самого Жукова захватили въ Москвѣ ночью, но и при немъ письма не нашли. На допросъ онъ объяснилъ, что въ то самое время, какъ московскіе стрѣльцы выступили изъ Торопца, у него пропали лошади, и, дѣйствительно, для отысканія ихъ, онъ съ своимъ товарищемъ Тихономъ Микляевымъ пріѣзжалъ на Двину, въ стрѣлецкій лагерь, но никакого письма у Маслова не бралъ. Во время розысковъ Жукову было 7 застѣнковъ, 4 подъема, 99 ударовъ, да жжень головней, и только одинъ разъ онъ показалъ, что письмо у Маслова взялъ и утопилъ въ Двинѣ. Но послѣ этого признанія на пяти пыткахъ опять упорно утверждалъ, что письма не бралъ. Дѣло Жукова и Микляева было рѣшено лишь въ 1707 году: ихъ съ женами и дѣтьми сослали въ Сибирь на пашню ⁷¹⁾).

Еще раньше Жукова и Микляева нѣсколько торопчанъ попали въ Преображенскій приказъ. Во время стрѣleckаго розыска, 28 сент. 1698 года „Аванасьева полка Чубарова стрѣлецъ Ивашка Байбаловъ въ роспросѣ и съ пытки говорилъ: говорилъ де того же полка стрѣлецъ Андриушка Пирожникъ, чтобы стрѣльцы шли къ Москвѣ, а торопецкимъ де казакамъ царевна Софія Алексѣевна дала денегъ по полтинѣ для того, чтобы они шли къ Москвѣ-жъ, а сколькоимъ чело-

⁷¹⁾ Устрялова III, 240—242. Микляевъ былъ подвергнутъ пыткѣ одинъ разъ. 8 марта 1704 года въ числѣ колодниковъ, сидѣвшихъ въ Преображенскомъ приказѣ, находились „Чубаровскаго полка стрѣлецъ Артемій Масловъ, торопчанинъ Сергій Жуковъ да Тихонъ Микляевъ. Споръ у нихъ въ письмѣ царевни“ (Преображенскаго приказа столбецъ № 1141, л. 5; столб. № 1142, л. 1).

вѣкамъ денегъ по полтинѣ дано и для чего въ Москвѣ итить, того не слыхалъ". Вслѣдствіе этого показанія немедленно были привлечены къ допросу въ Преображенскій приказъ всѣ торопчане, которые по какимъ бы то ни было дѣламъ пріѣзжали въ Москву въ 206 и 207 годахъ (съ сентября 1697 по октябрь 1698 года). Такихъ оказалось 7 человекъ: 3 стрѣльца, 1 пушкаръ и 3 посадскихъ человекъ. По всей вѣроятности, прежде всего обнаружилось, что казаки были въ В. Лукахъ, въ Торопцѣ же казаковъ въ то время не было. Тогда торопчанѣ стали спрашивать, не извѣстно ли имъ чего-нибудь о томъ, что Софія велѣла лугимъ казакамъ итти въ Москву и за то дала имъ денегъ по полтинѣ. Они отозвались невѣденіемъ. Затѣмъ были призваны въ Преображенскій приказъ лучане, но и лучане ничего не знали о томъ, дала ли Софія лугимъ и торопецкимъ казакамъ по полтинѣ денегъ и были ли они въ Москвѣ. Такимъ образомъ, и лучане, и торопчане утверждали, что „про то, что торопецкимъ казакомъ съ московскими стрѣльцами велѣно быть къ Москвѣ и будто имъ царевна Софія Алексѣевна дала по полтинѣ денегъ,—они не вѣдаютъ и не слыхали". Рѣшено было всѣхъ допрошенныхъ лучанъ и торопчанъ отдать, до государева указа, „на поруку или на росписку". Вслѣдствіе этого рѣшенія 13 ноября 1698 года изъ Преображенскаго приказа ихъ (всего 41 человекъ) отослали въ Разрядъ ⁷³⁾.

Печальные слѣды стрѣлецкаго мятежа и слѣдовавшаго за нимъ розыска еще долго были замѣтны въ Торопцѣ. Это обнаруживается, между прочимъ, изъ воспоминаній о пребываніи въ Торопцѣ Петра Великаго, удержавшихся въ памяти жителей этого города до конца XVIII вѣка ⁷⁴⁾.

Петръ посѣтилъ Торопецъ 17 марта 1706 года. Ему пришлось проѣзжать черезъ Торопецкій уѣздъ по зимнему пути, въ возкѣ. Въ погостѣ Бенцахъ, въ 40 верстахъ отъ города, онъ слушалъ литургію, такъ какъ въ тотъ день была недѣля вайи и тезоименитство

⁷³⁾ Преображенскаго приказа столбецъ № 718 (въ М. А. М. Юстиціи).

⁷⁴⁾ Подробный рассказъ о пребываніи Петра въ Торопцѣ у о. П. Иродіонова (Истор., геогр. и полит. извѣстія, до г. Торопца и его округа касающіяся). Ошибочно его утвержденіе, что Петръ дважды посѣтилъ Торопецъ: онъ не былъ тамъ въ 1698 г. (см. Устрялова IX прилож. къ III тому Ист. П. В., также журналы 206 и 207 годовъ въ „Походн. и путев. журналахъ Петра I"). Въ послѣднемъ изданіи въ журналахъ 1706 года, на стр. 4: „Его Царское Величество изъ Минска путь свой изволилъ взять назадъ черезъ Смоленскъ и Торопецъ. И въ Торопцѣ взяли день тезоименитства Государя Царевича, т.-е. 17 дня марта. И пріѣхали въ Нарву въ 20-й день марта"...

царевича Алексѣя Петровича. Въѣхавши въ Торопецъ чрезъ Егорьевскія ворота, царь вступилъ въ находившуюся тутъ же соборную церковь, въ которой также слушалъ молебствіе по случаю праздника вай. По окончаніи молебна, онъ пошелъ въ воеводскій домъ къ торопецкому коменданту Антону Степановичу Алексѣеву „для обѣденнаго кушанья“. Послѣ обѣда осматривалъ мѣстоположеніе города, „примѣчая удобство къ новому укрѣпленію онаго“, такъ какъ городскія укрѣпленія, какъ извѣстно, находились въ то время въ самомъ жалкомъ состояніи; во время осмотра города Петръ встрѣтилъ торопецкаго посадскаго человѣка Ѳедора Туфанова, извѣстнаго ему по Преображенскому приказу, гдѣ тотъ подвергался розыску вслѣдствіе доноса на него его товарища. Осмотрѣвши городъ, Петръ посѣтилъ торопецкаго бургомистра Гаврилу Туфанова. Послѣ угощенія, при выходѣ изъ покоевъ, онъ былъ встрѣченъ архимандритомъ Небина монастыря Германомъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, поднесшимъ ему икону Богородицы, а у воротъ къ его ногамъ упала какая-то старуха, слезно прося о распечатаніи ея дома. Оказалось, что то была мать торопецкихъ посадскихъ людей Сергѣя и Василія Евдокимовыхъ Мукиныхъ, которые „по нѣкоторому важному дѣлу“ были взяты въ Преображенскій приказъ, а домъ ихъ и все имущество были запечатаны. Отдавъ приказаніе исполнить ея просьбу, Петръ вслѣдъ затѣмъ сѣлъ въ возокъ и поѣхалъ въ В. Луки. Съ дороги, по словамъ о. Иродіонова, онъ прислалъ Плещеева съ объявленіемъ всѣмъ гражданамъ своего царскаго благоволенія и „для взятія коменданта Алексѣева къ себѣ по дошедшимъ на него многимъ жалобамъ, который, будучи везенъ подъ арестомъ неподалеку отъ своей отчины, упросилъ завести себя въ оную и тамъ скоропостижно умеръ“. Едва ли такъ было: по крайней мѣрѣ еще долго грамоты отправлялись въ Торопецъ на имя коменданта Антона Алексѣева ⁷⁴⁾.

Извѣстно, что Петръ, проѣхавши по Торопецкому уѣзду съ юга къ городу Торопцу, убѣдился, что эта мѣстность — чрезвычайно лѣсистая и болотистая, и потому отмѣнилъ свое прежнее приказаніе выставить подводы по этой дорогѣ, шедшей черезъ Торопецъ, и велѣлъ уже поставленные „станы свести“. Въмѣсто того 17 марта 1706 года, съ дороги изъ Торопца, онъ отдалъ Головкину новое приказа-

⁷⁴⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книги 442 и 443 (грамоты, писанныя 31 мая, 6, 13, 25 іюля, 5, 8, 13, 14 августа, 16 сент. 1706 года). Помѣстье А. Ст. Алексѣева въ то время находилось въ Луцкомъ уѣздѣ (Печатнаго приказа книга 441, л. 328).

ніе: поставить, минуя Торопецъ, „станы по 2 версты по 50 подводъ“ подставныхъ по дорогѣ изъ Смоленска къ Великимъ Лукамъ, а далѣе, отъ В. Лукъ до Нарвы,—построить амбары и поставить подводы велѣлъ онъ торопецкому воеводѣ ⁷⁵⁾. Конечно, такое предписаніе, вынуждавшее торопчанъ нести эту тяжелую натуральную повинность вдали отъ своего города, могло вызвать съ ихъ стороны сильное недовольствіе. Это распоряженіе Петра и дало поводъ къ составленію страннаго, на первый взглядъ непонятнаго разсказа, записаннаго о. Иродіоновымъ. По его словамъ, въ то время, какъ царь слушалъ молебень въ торопецкомъ соборѣ, ему было доложено, что наряженные отъ города для подставы ямщики, захвативъ своихъ лошадей, укрылись въ стрѣлцкой слободѣ, и что торопецкій бургомистръ Гаврила Туфановъ ихъ „самъ собою сыскать не въ состояніи былъ“, такъ какъ опасался защищавшихъ ихъ торопецкихъ стрѣльцовъ, которые „нерѣдко въ городѣ многія наглости причиняли“. Тогда будто бы комендантъ Алексѣевъ, по приказанію самого Петра, послалъ команду, которая и принудила ямщиковъ исполнить ихъ обязанности.

Разсказъ о посѣщеніи Торопца Петромъ Великимъ, свидѣтельствуя о томъ, что въ этомъ городѣ въ 1706 году на всемъ еще отпечатлѣвались слѣды стрѣлцкаго мятежа и слѣдовавшаго за нимъ розыска, вмѣстѣ съ тѣмъ показывасть, какъ живо сохранились въ памяти народной воспоминанія о событіяхъ той тревожной эпохи, о событіяхъ, сильно и глубоко взволновавшихъ всѣ классы тогдашняго русскаго общества.

IX.

Внѣшняя исторія Торопца въ XVI и XVII вѣкахъ представляетъ картину постоянно чередовавшихся войнъ, непріятельскихъ вторженій, пограничныхъ ссоръ, грабежей, пожаровъ, моровыхъ повѣтрій, голодovieвъ... Но изъ всѣхъ этихъ бѣдствій, отъ которыхъ такъ много страдали торопчане, самымъ большимъ были враждебныя столкновенія съ Литвой. Что порождало ихъ?

Какъ на одну изъ причинъ постоянныхъ порубежныхъ столкновеній, современники указывали на чрезмѣрно изломанное очертаніе торопецкихъ границъ. „А города Бѣлое земля тако-жъ клиномъ да-

⁷⁵⁾ Тетрати записныя всякимъ писмамъ и дѣламъ... Петра В., стр. 123 и 124.

лече пошла межъ земли Ржова Володимерова и Торопетцкіе ажъ ку Осташкову, а въ другомъ мѣстѣ близко Ржовы подошли земли Бѣльскіе, и ваши земли Торопетцкіе и иные таково-жъ вмѣшались клиномъ межъ земель королевскихъ. Потому-жъ и въ иныхъ городехъ ваши земли вошли клинами въ земли королевскаго величества, а королевскіе тако-жъ въ ваши, въ московскіе земли. И отъ того межи обопольными людьми, нашими и вашими, ссора, забойства и смута дѣлается, и за такими ссорами и смутами передъ тѣмъ и перемирье, не дождавшы урочныхъ лѣтъ, рвалось и кровь большая крестьянское проливалось"... ⁷⁶⁾). Многіе утверждали, что войны съ Литвой часто вызывались недобросовѣстнымъ исполненіемъ, а иногда и несоблюденіемъ съ обѣихъ сторонъ мирныхъ договоровъ. Дѣйствительно, случалось, что мирныя условія нарушались самымъ грубымъ образомъ. Такъ, литовцы и послѣ заключенія перемирія 1582 года не хотѣли снести поставленный ими при устьѣ рѣки Мѣжи городокъ. Точно также и торопчане, въ противность мирному договору, построили острожки въ Торопецкомъ уѣздѣ около Вережунъ и Пожѣгъ и тѣмъ вызвали со стороны поляковъ нареканія и обвиненія въ нарушеніи „перемирныхъ посольскихъ записей“ ⁷⁷⁾). Не подлежитъ сомнѣнію, что пограничныя

⁷⁶⁾ Письмо Алекс. Иван. Корвина-Гонсѣвскаго отъ 30 авг. 1624 года (Польскія дѣла 1625 года, № 1, въ М. Г. Арх. М. Иностранныхъ Дѣлъ).

⁷⁷⁾ „Въ перемирныхъ въ посольскихъ записяхъ написано: о спорные мѣста, въ земляхъ і водахъ, слати судей, а новыхъ городовъ не ставить и земель не заходить. А ваши люди торопетцкіе, мимо посольской договоръ, много земли, водъ, деревень, за рѣчку Маркомлю перешодъ, стародавній рубежъ торопетцкій займуютъ; кривды, грабежи и убытки многіе крестьяномъ королевскимъ чинять... Ваши люди не только такіе обиды, яко сеі вышенаписано, безпрестанно людямъ королевскимъ чинять, але, мимо ясное описанье въ записяхъ перемирныхъ посольскихъ, и два города,—одинъ на Вережуни, а другой надъ Торопою,—на власной земли королевской, на которую мы маемъ стародавныя московскіе писма и доводы, поставили, нарядомъ пушечнымъ и людьми осадили; изъ нихъ далѣе въ королевскую землю и волости загонъ чинять, войну и кровь вновь вщипаютъ, а какъ, по посольскомъ мирномъ постановенью, торопчане поставили были тамъ острожки, и я, пришедши на съѣздъ, тѣхъ острожки велелъ збурить и пожечь, и мошно нѣтъ было свои города и крѣпости тамъ поставить, да не хотѣлъ есми тѣмъ посольскихъ записей нарушить, въ которыхъ именно написано: новыхъ городовъ не ставить“. (См. письмо Гонсѣвскаго въ Вязьму къ воеводѣ Ѳеодору Васильевичу Волынскому, Польскія дѣла 1625 года, № 1). Эти слова принадлежатъ перу Алекс. Гонсѣвскаго, великаго знатока торопецко-литовскихъ отношеній и всѣхъ порубежныхъ дѣлъ въ теченіе долгаго періода

ссоры и вторженія „литовскихъ людей“ въ Торопецкій уѣздъ очень часто были прямымъ слѣдствіемъ ненависти и враждебныхъ отношеній бѣглыхъ торопецкихъ крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ. Однако нападеніямъ подвергались и погосты, единственными обитателями которыхъ были священники и причетники съ ихъ семьями, причемъ не щадились и церкви ⁷⁸⁾. Очевидно, что одними мѣстными, частными причинами нельзя объяснить возникновеніе враждебныхъ отношеній торопчанъ съ литовцами. Они происходили изъ болѣе общихъ причинъ, имѣвшихъ источникомъ вражду Московскаго государства съ Польско-литовскимъ, бывшей неизбежнымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей исторіи.

Вражда двухъ сосѣднихъ государствъ возникла изъ соперничества литовскихъ и московскихъ государей, стремившихся объединить подъ своею властью всѣ русскія земли. Въ XVI и XVII вѣкахъ борьба велась за обладаніе русскими западными и югозападными областями, велась она на всѣхъ рубежахъ, гдѣ соприкасались эти государства, и въ томъ числѣ на рубежѣ торопецкомъ.

Московскіе государи, завладѣвъ Торопцемъ, начали и въ этой мѣстности стремиться къ дальнѣйшему распространенію своихъ владѣній на счетъ русскихъ волостей, входившихъ въ составъ Польско-литовскаго государства. При этомъ наиболѣе сильная борьба произошла изъ-за города Велижа съ его волостью. Въ своихъ притязаніяхъ на эту волость москвичи постоянно ссылались на старину. Они настоятельно утверждали, что „Велижская волость *исконноульная* государя нашего земля, къ городу къ Торопцу съ торопецкими землями“ ⁷⁹⁾.

времени, но въ то же время самаго заклятаго врага торопчанъ. Въ одномъ письмѣ къ польскимъ межевымъ судьямъ онъ такъ выражается о трудности веденія переговоровъ съ русскими: „Какъ всегда бывало трудно дѣло съ тѣмъ грубымъ а впрямь съ злымъ народомъ, такъ и нынѣ“... (Польскія дѣла 1634 г. октября 6-го, № 27, въ М. Г. А. М. Иностр. Д.).

⁷⁸⁾ „Того же году (1636) октября въ 28 день приходили изъ-за рубежа, изъ Бѣльскаго уѣзду многіе литовскіе люди въ Торопецкій уѣздъ, въ Старцову волость, въ Бочевницы на погостъ, и церковь Христовы мученицы Пятницы разорили и обругали, и образы окладные, и свечи поставные, и колокола, и книги, и ризы, и всякую церковную казну пограбили, и попа Зинова і дьячка Богданиха зъ женами и зъ детьми і со всѣми ихъ животы взяли и свезли за рубежъ, въ Бѣльскій уѣздъ, въ Дубровы“. (Приказныя дѣла 1637 года, № 69, въ М. Г. А. М. Иностр. Д.).

⁷⁹⁾ Польскія дѣла, книга № 22, л. 173 и др. (въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣла).

Въ 1619 году торопецкій воевода Вас. Волынской, между прочимъ, писалъ велижскому подстаростѣ: „въ которую пору, за умноженіе всего православнаго христіанства Московскаго государства, многіе города въ Смутное время въ раздѣленіи были, и въ тѣ поры Торопецъ особѣ стоялъ, а тѣхъ мѣстъ Торопецкаго уѣзду къ Велижу не осваивали, а владѣли тѣми мѣстами къ Торопцу изстари, а не къ Велижу. А нынѣ невѣдомо какими обычаями тѣ торопецкія и великолукскія волости онъ называетъ Велижскою землею, чего исконно не бывало“... ⁸⁰⁾). Литовцы же, владѣвшіе Торопцемъ болѣе полутора столѣтій, передъ присоединеніемъ его къ Москвѣ,—съ своей стороны утверждали, что самый городъ Торопецъ *искони вѣковъ* принадлежалъ великимъ князьямъ литовскимъ и *всегда* входилъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, и что только въ недавнее время Иванъ III и Васильевичъ, во время перемирія, захватилъ городъ Торопецъ вмѣстѣ съ другими городами и волостями и завладѣлъ ими; волость же Велижская „*съ вѣковъ*“ принадлежала Витебску. „Ино Торопецъ городъ искони вѣковъ былъ великихъ князей литовскихъ и къ великому князству литовскому завжды належалъ, который недавнихъ часовъ зыпшими городами и волостями предокъ вашъ, часу перемирія, отъ великаго княжества литовскаго оторвалъ и поселя; поготову волость Велижская тая з вѣковъ къ городу нашему Витебску належала“ ⁸¹⁾). Такія притязанія на Торопецъ и его волости двухъ сосѣднихъ государствъ породили рядъ безконечныхъ враждебныхъ столкновеній между ними.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ войны начинались и велись по волѣ правительствъ, московскаго и литовскаго. Есть основаніе думать, что торопчане, съ 1503 года сдѣлавшіеся подданными московскаго государя, вначалѣ принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ лишь по поволѣ. Тѣмъ не менѣе они жили въ вѣчномъ страхѣ и ожиданіи литовскихъ нападений, во время которыхъ лилась ихъ кровь и истреблялось ихъ имущество. Кровавое пролитіе и разореніе, производимыя литовцами, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивали и укрѣпляли въ торопчанахъ ненависть къ непосредственнымъ виновникамъ своихъ бѣдъ и пробуждали въ нихъ желаніе мстить за свои обиды и разореніе. Литовцы, бывшіе въ XVI вѣкѣ врагами московскаго правительства, въ XVII сдѣлались также и врагами торопчанъ. Озлоб-

⁸⁰⁾ Польскія дѣла 1619 года, сент., № 6.

⁸¹⁾ Грамота Сигизмунда III къ царю Θεодору Ивановичу отъ 22 октября 1592 года (Польскія дѣла, кн. № 22, л. 224, въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣл.).

леніе противъ нихъ, питаемое въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ постоянной кровавой и опустошительной борьбой, съ каждымъ годомъ усиливалось и укоренялось въ сердцахъ торопчанъ.

Почти непрекращавшіяся враждебныя столкновенія съ литовцами создали для торопчанъ такія условія жизни, при которыхъ всѣ они безъ исключенія должны были постоянно находиться въ боевой готовности и превратиться въ ратныхъ людей. Безъ сомнѣнія, и въ XVI и XVII вѣкахъ въ ихъ сознаніи сохранялось вѣками глубоко укоренившееся убѣжденіе, что кровавая борьба съ внѣшними врагами—удѣлъ всѣхъ обитателей порубежнаго города Торопца и его уѣзда. И дѣйствительно, обзоръ событій многовѣковой торопецкой исторіи до исхода XVII вѣка приводитъ къ заключенію, что вполне празы были торопецкіе священники, стрѣльцы, пушкарни и посадскіе люди, когда въ 1662 году въ своей всегородной челобитной заявили: „твой государевъ порубежный городъ Торопецъ искони стоитъ на крови“⁸²).

Несмотря на страшныя и тяжкія жертвы, которыми сопровождалась для торопчанъ борьба съ Литвой, они, какъ сказано выше, въ XVI и XVII вѣкахъ въ своихъ отношеніяхъ къ Литвѣ уже не пользовались никакой самостоятельностью и въ войнахъ съ литовцами и другими сосѣдями являлись лишь въ качествѣ одной изъ составныхъ частей московскаго войска. Въ политическомъ отношеніи Торопецъ въ это время занималъ совсѣмъ не такое положеніе, какъ въ старину. Въ древнее время, даже въ эпоху литовскаго владычества, онъ былъ, хотя и зависимымъ отъ сосѣдей, но все-таки самостоятельнымъ городомъ, стоявшимъ во главѣ обособленной Торопецкой земли. Со времени же присоединенія къ Москвѣ, Торопецкая земля обратилась въ *уездъ* Московскаго государства, и въ новообразованномъ Торопецкомъ уѣздѣ власть московскаго правительства все болѣе и болѣе утверждалась и усиливалась. Съ теченіемъ времени торопчане настолько свыклись съ своимъ новымъ положеніемъ, что большинство торопецкаго населенія уже добровольно подчинялось Москвѣ и боролось съ литовцами даже въ то время, когда „Торопецъ особѣ стоялъ“, когда онъ былъ вполне предоставленъ себѣ и какъ бы оторванъ отъ остальныхъ областей Московскаго государства,—въ концѣ Смутной эпохи. Въ послѣдующее время черты торопецкой самобытности—не только во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ, но и во многихъ проявленіяхъ внутренней жизни—начали мало-по-малу сглаживаться подъ сильнымъ

⁸²) Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 123, л. 32 (въ М. Арх. Мин. Юстиціи).

вліяніемъ введенныхъ въ Торопцѣ московскихъ учрежденій и порядковъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія все дѣлалось по приказамъ изъ Москвы, во всемъ давался отчетъ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, и Торопецъ въ своихъ отношеніяхъ къ Москвѣ уже ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ Московскаго государства.

Однако, своеобразность торопецкаго экономическаго быта и особенности торопецкой культуры не могли существенно измѣниться подъ внѣшнимъ вліяніемъ. Отличительныя свойства характера и быта обитателей порубежнаго торговаго города Торопца, образовавшіяся подъ воздѣйствіемъ множества историческихъ условій и вліяній,—и въ концу изучаемаго періода еще не утратили своей оригинальности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Очеркъ внутренней исторіи города Торопца въ XVI и XVII вѣкахъ.

I. Составъ городского населенія.

I.

Количество населенія города Торопца въ 1540 году простиралось по крайней мѣрѣ до 2.400 душъ обоего пола, не считая въ томъ числѣ торопецкихъ дѣтей боярскихъ, жившихъ большею частью въ своихъ помѣстьяхъ. Чума 1566 года и бѣдствія Смутной эпохи значительно уменьшили число торопецкихъ городскихъ жителей: въ 1619 году ихъ въ наличности находилось не болѣе 1.500 человѣкъ. Усиленные старанія московскаго правительства объ увеличеніи количества ратныхъ людей въ Торопцѣ сдѣлали то, что уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка городское населеніе удвоилось. Вслѣдъ за тѣмъ позаботились и объ умноженіи тяглыхъ людей, и въ половинѣ XVII столѣтія населеніе города Торопца доходило уже до 4.000 душъ обоего пола. Въ 1666 году, вслѣдствіе временнаго увеличенія количества торопецкихъ стрѣльцовъ, оно простиралось даже до 4.500. Но затѣмъ, къ концу XVII вѣка, несмотря на постепенное умноженіе посадскихъ людей, общее число городскихъ жителей, вслѣдствіе сокращенія числа стрѣльцовъ, едва ли превышало четыре тысячи. Съ начала XVIII столѣтія торопецкое городское населеніе уже постоянно умножалось. Въ началѣ Сѣверной войны всѣ торопецкіе и холмскіе помѣщики находились на театрѣ военныхъ дѣйствій; ихъ оставшіеся дома крестьяне несли различныя крайне тяжелыя натуральныя повинности, часто удалявшія ихъ даже изъ предѣловъ своего уѣзда, и вообще положеніе крестьянъ въ это время настолько ухудшилось, что многіе изъ нихъ, пользуясь близостью литовскаго рубежа, покидали свои деревни. Переписная книга 1710 года представляетъ картину чрезвычайнаго запустѣнія этого края: населеніе Торопецкаго уѣзда, простиравшееся въ 1678 году до 11.412 душъ мужского пола,—не считая въ томъ числѣ дворянъ и духовенства,—въ 1710 году сократилось до 7.209 душъ. Въ городѣ же Торопцѣ было совсѣмъ не то: хотя число тяглыхъ по-

садскихъ дворовъ тогда уменьшилось съ 271 до 137, вслѣдствіе стараній посадскихъ людей облегчить себѣ уплату податей, собиравшихся по числу дворовъ, однако общее число посадскихъ людей отъ того не уменьшилось, напротивъ, возросло съ 1.129 душъ мужского пола до 1.390.

Послѣ Смуты въ Торопцѣ находилось строевыхъ стрѣльцовъ сначала 300 человекъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ—500 человекъ, въ 1666 году число ихъ простиралось до 700 человекъ, но затѣмъ количество строевыхъ стрѣльцовъ стало сильно уменьшаться, и въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII вѣка ихъ было только 370 человекъ, да и тѣ большею частью находились на службѣ въ другихъ городахъ. Осенью 1700 года всѣ взрослые торопецкіе стрѣльцы (370 чел.) и пушкари (57 чел.), точно такъ же, какъ и всѣ торопецкіе помѣщики, находились подъ Нарвой и были участниками Нарвскаго пораженія.

Большею устойчивостью отличалось количество торопецкихъ пушкарей: въ 1540 году ихъ было 45 человекъ, въ теченіе же всего XVII столѣтія въ Торопцѣ жило около 60 пушкарей съ ихъ семействами.

Тяглыхъ «городскихъ людей» въ Торопцѣ въ половинѣ XVI вѣка находилось около 600 семействъ; столько же семействъ «посадскихъ людей» было и въ концѣ XVII столѣтія. Но въ теченіе 150 лѣтъ происходили большія измѣненія въ количествѣ тяглаго городского населенія. Чума 1566 года, война съ Стефаномъ Баторіемъ и въ особенности ужасы Смутнаго времени сильно уменьшили число посадскихъ людей въ Торопцѣ; этому много содѣйствовало и пополненіе посадскими людьми рядовъ стрѣльцовъ и пушкарей. Въ 1619 году тяглыхъ посадскихъ людей въ Торопцѣ было только 100 человекъ. Однако, московское правительство, доведшее послѣ Смутной эпохи число строевыхъ торопецкихъ стрѣльцовъ до 500 человекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличило и число тяглыхъ людей (до 321). Впослѣдствіи на этомъ не остановились, и въ 1646 году общее число всѣхъ посадскихъ людей мужского и женскаго пола, взрослыхъ и дѣтей, доходило уже до 2.000, а въ концѣ столѣтія до 2.500 человекъ, и такимъ образомъ значительно превышало число торопецкихъ городскихъ жителей, принадлежавшихъ ко всѣмъ остальнымъ классамъ городского населенія, которыхъ въ общей сложности едва ли было болѣе 1.500 человекъ¹⁾. Съ той поры, въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, посадскіе

¹⁾ Писц. книга 1540 года. Торопецъ. Матеріалы для исторіи города (взд. Моск. Бирж. Купеч.). Книги разрядныя, т. I и II. Разрядная вязка 1-ая, № 12;

люди, подъ наименованіемъ купцовъ и мѣщанъ, уже постоянно являлись рѣшительно преобладающимъ по количеству элементомъ въ составѣ торопецкаго городского населенія ²⁾).

Лицъ, принадлежавшихъ къ бѣлому и черному духовенству, въ XVI и XVII вѣкахъ въ Торопцѣ было довольно большое количество, такъ какъ въ городѣ находилось не менѣе 12 церквей, 2 мужскихъ монастыря и 1 женскій ³⁾).

Представленные выше данныя относительно количества торопецкаго городского населенія позволяютъ сдѣлать слѣдующее заключеніе. Въ 1540 году почти все постоянное населеніе Торопца состояло изъ людей, принадлежавшихъ къ торгово-ремесленному классу. Вскорѣ въ этомъ пограничномъ городѣ появился новый классъ населенія — стрѣльцы. Въ началѣ XVII вѣка нужды военного времени заставили довести ихъ число до весьма высокой цифры, при чемъ набирали ихъ большею частью изъ посадскихъ людей, число которыхъ въ то время и безъ того было незначительно. Тяглыхъ посадскихъ людей оставалось весьма небольшое количество, и городское населеніе состояло преимущественно изъ ратныхъ людей. Торопецъ готовъ былъ совсѣмъ превратиться въ военное поселеніе. Однако послѣ прекращенія Смуты и съ наступленіемъ болѣе мирнаго времени все измѣнилось, и скорѣ

вязка 11, № 14. Московскаго стола кн. 61. Дѣла десятень, книги 277, 283, 289. По Разряду Дѣла разныхъ городовъ, книги 11 и 68. Можно было бы указать на многіе другіе источники, но всѣ они не даютъ точныхъ и положительныхъ данныхъ для опредѣленія количества торопецкаго населенія въ разные періоды времени. Вообще, при изложеніи исторіи города Торопца въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе чрезвычайнаго обилія архивнаго матеріала, возможно дѣлать ссылки лишь на *нѣкоторые* источники. При разыскиваніи этого обильнаго матеріала въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, авторъ предлагаемыхъ очерковъ воспользовался многими драгоценными указаніями извѣстнаго знатока этого архива Александра Александровича *Гоздаво-Голомбѣвскаго*.

²⁾ Въ теченіе XVIII вѣка посадское населеніе постоянно умножалось: въ 1724 году—1.851 душа мужского пола; въ 1750 году—2.240 д. мужского пола; въ 1764 году—2.339 д. мужского пола и 2.600 д. жен. п. (Матеріалы для ист. г. Торопца, изд. Моск. Биржевымъ Куп.). Въ 1784 г.—2.830 д. муж. пола и 2.738 д. жен. п.; въ 1795 г.—2.564 д. муж. п. и 2.881 д. жен. п.; въ 1811 г.—2.213 д. муж. п. (См. документы, хранящіеся въ архивѣ Тороп. Городской Думы). По переписи 28 янв. 1897 года въ Торопцѣ 3.415 д. муж. п. и 4.074 д. жен. п., всего 7.489 человекъ. Въ Тороп. уѣздѣ—47.134 д. муж. п. и 50.706 д. жен. п., всего 97.840 человекъ.

³⁾ См. выше стр. 14—15.

началось постепенное увеличеніе количества посадскихъ людей, не прекращавшееся до самаго конца XVII вѣка. Наоборотъ, число торопецкихъ стрѣльцовъ къ концу столѣтія уменьшилось, и притомъ службу свою въ то время они несли большею частью вдали отъ своего города. Вслѣдствіе этого характеръ городской жизни и самая фізіогномія города въ концѣ вѣка сильно измѣнились, и Торопецъ снова приобрѣлъ утраченный было имъ характеръ и значеніе пограничнаго торговаго города.

II.

Торопецкіе дворяне и дѣти боярскія не были постоянными жителями города и въ писцовыхъ книгахъ, при описаніи ихъ вотчинъ и помѣстій, постоянно писалось: «дворъ помѣщиковъ, а въ немъ живетъ самъ»... Однако ихъ связь съ городомъ была крѣпка, и не даромъ употреблялись выраженія въ родѣ слѣдующаго: «по челобитію торопецкихъ и холмскихъ помѣщиковъ *встѣмъ городомъ*»... ⁴⁾. У многихъ торопецкихъ и холмскихъ помѣщиковъ ⁵⁾ «въ городѣ» и на посадѣ были дворы, въ которыхъ въ мирное время жили ихъ дворники, но при вторженіи непріятелей въ Торопецкій или Холмскій уѣзды они вмѣстѣ съ своими семействами переселялись въ Торопецъ и являлись главными защитниками его отъ враговъ. Торопецъ былъ центромъ военнаго и помѣстнаго управленія. Здѣсь жилъ воевода, ихъ главный начальникъ, здѣсь же находилась сѣвская изба, въ которой служили избравшіеся ими

⁴⁾ Дѣла Печатнаго приказа безпошлинныя, книга 13, лл. 269 и 270 (1638 годъ).

⁵⁾ Холмскій погостъ, расположенный при впаденіи р. Куньей въ р. Лѣвату, въ древности входилъ въ составъ Новгородской общины и, находясь близъ литовской границы, имѣлъ очень важное значеніе въ военномъ отношеніи, хотя его не-застроенное до сихъ поръ «городище» не отличалось неприступностью: видно, что главною его защитою были стѣны. Со времени присоединенія Холмскаго погоста къ Московскому государству во главѣ испомѣщенныхъ здѣсь дѣтей боярскихъ стоялъ отдѣльный холмскій намѣстникъ. Въ 1503 году большая часть холмскихъ помѣщиковъ была переведена въ новоприсоединенную Торопецкую землю, и вслѣдствіе того многія земли въ Холмскомъ уѣздѣ запустѣли и поросли вѣковыми лѣсами. Но и въ XVII вѣкѣ, когда Холмскій погостъ, какъ крѣпость, не имѣлъ уже никакого значенія, все-таки существовали холмскіе помѣщики, между землями которыхъ находились также и земли торопецкихъ помѣщиковъ, данныя имъ въ дополненіе къ ихъ находившимся въ Торопецкомъ уѣздѣ надѣламъ. Въ теченіе XVI и XVII столѣтій холмичи наравнѣ съ торопецкими помѣщиками несли военную службу и находились въ завѣдываніи торопецкихъ воеводъ.

подьячіе и въ которой хранились ихъ служебные и помѣстные документы. Несмотря на всѣ трудности боевой службы на рубежѣ Московскаго государства, торопецкіе помѣщики находились сравнительно съ стрѣльцами, пушкарями и тѣмъ болѣе посадскими людьми въ весьма завидномъ положеніи, потому что они были обезпечены значительными земельными надѣлами, съ жившимъ на нихъ подневольнымъ крестьянскимъ населеніемъ, съ половины XVII столѣтія окончательно прикрѣпленнымъ къ личности помѣщиковъ.

Торопецкое бѣлое духовенство первоначально вышло изъ среды «городскихъ людей». Но затѣмъ на мѣста умершихъ священниковъ и причетниковъ большею частью назначали ихъ сыновей и другихъ родственниковъ, такъ что эти должности въ Торопцѣ обыкновенно находились преемственно въ рукахъ однѣхъ и тѣхъ же фамилій. Однако иногда случалось, что священники и церковнослужители выбирались изъ числа посадскихъ людей, и очень часто дѣти священно- и церковнослужителей поступали въ число тяглыхъ посадскихъ людей ⁶⁾. Духовенство было совершенно независимо отъ воеводъ и находилось подъ вѣдѣніемъ московскаго митрополита, а затѣмъ патріарха. «Духовнаго чину люди вѣдомы въ Торопцѣ на «патріаршѣ дворѣ». Ближайшимъ начальникомъ бѣлаго духовенства былъ поповскій староста, одинъ изъ торопецкихъ священниковъ. Пошлины въ пользу патріарха собирались его десятильникомъ и десятильнича двора подьячимъ. Городское духовенство сравнительно съ посадскими людьми пользовалось болѣе высокимъ благосостояніемъ. Корсунскій соборъ, Борисоглѣбская и Воскресенская церкви и Никольскій монастырь ежегодно получали отъ государя ругу, т. е. опредѣленное жалованье деньгами и хлѣбомъ ⁷⁾. Всѣ священники и церковнослужители имѣли свои дворы. Нѣкоторыя церкви и монастыри имѣли кромѣ того земельную собственность въ уѣздѣ. Но главнымъ обезпеченіемъ бѣлаго духовенства служило получаемое отъ прихожанъ содержаніе. Подобно помѣщикамъ, духовенство держалось въ сторонѣ отъ прочихъ классовъ населенія, хотя и мало отъ нихъ отличалось своимъ образованіемъ и нравственными качествами.

III.

Торопецкіе стрѣльцы первоначально были набраны изъ среды торопецкихъ посадскихъ людей, но уже самыя фамиліи нѣкоторыхъ

⁶⁾ См., напр., Печатнаго приказа книгу 90, л. 539 и кн. 104, л. 226.

⁷⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 341; Дѣла Печатнаго приказа безпошл., кн. 59, л. 149; кн. 70, лл. 247 и 495.

изъ нихъ (Заволочанинъ, Бѣлянинъ, Вязмитинъ, Холмитинъ, Лучанинъ, Невлянинъ, Ржевѣтинъ, Себеженинъ, Каргопольцовъ, Смольяниновъ, Старичанинъ) показываютъ, что они вербовались иногда и изъ жителей другихъ городовъ. Впослѣдствіи стрѣлцкая служба сдѣлалась наслѣдственной, но если необходимо было пополнять ряды стрѣльцовъ посторонними людьми, то предписывалось «прибирать гулящихъ людей, а не тяглыхъ». Голова торопецкихъ стрѣльцовъ назначался изъ числа дѣтей боярскихъ. Главнѣйшею обязанностью торопецкихъ стрѣльцовъ было отправленіе караульной службы на городскихъ стѣнахъ и при тюрьмѣ, по 50 и болѣе человекъ одновременно. Въ 1683 году, на примѣръ, въ Торопцѣ было 410 строевыхъ стрѣльцовъ, «а на караулѣхъ изъ нихъ стоятъ по 51 человекъ, переменяются въ восьмій день». Но стрѣльцы не были постоянными городскими жителями. Очень часто, соблюдая между собой очередь, служили они въ другихъ дальнихъ и близкихъ городахъ, а также несли сторожевую службу въ Вережунскомъ острожкѣ и въ Пожогахъ и вообще по торопецко-литовской границѣ, и тогда для оставшихся въ Торопцѣ стрѣльцовъ караульная служба дѣлалась весьма тягостной, тѣмъ болѣе, что они исполняли кромѣ того много болѣе мелкихъ обязанностей и порученій, при чемъ бывали злоупотребленія и притѣсненія со стороны стрѣлцкихъ головъ и воеводъ, ихъ прямыхъ начальниковъ. Впрочемъ, стрѣльцы не были лишены возможности жаловаться на нихъ. Случалось, что они выбирали изъ своей среды «челобитчиковъ», снабжали ихъ деньгами и отправляли въ Москву для подачи жалобы и ходженія по дѣлу.

Стрѣльцы были надѣлены дворовой и огородной землей въ Стрѣлцкой слободѣ и были прихожанами находившейся въ этой слободѣ Борисоглѣбской церкви, считавшейся стрѣлцкою церковью по преимуществу. Стрѣльцы получали денежное и хлѣбное жалованье, но его было недостаточно для ихъ обезпеченія, и средства къ жизни главнымъ образомъ они находили въ тѣхъ же занятіяхъ, какъ и посадскіе люди. Они не платили податей и не отбывали повинностей, лежавшихъ на тяглыхъ людяхъ, но могли заниматься безпошлинно ремеслами и лишь мелочной торговлей. Если же стоимость ихъ товара превышала рубль или торговали они въ лавкахъ, то платили такіе же пошлины, какъ и посадскіе люди. Всѣ эти льготы и преимущества лишь въ малой степени искупали трудности гарнизонной и полевой службы, въ особенности во второй половинѣ XVII вѣка ^{*)}.

^{*)} Доп. къ А. И. III, № 16. — Дѣла Печатнаго приказа безпошл., кн. 17, л. 649: «по челобитью торопецкихъ стрѣльцовъ—пятидесятниковъ, и десятниковъ,

Особую группу торопецких ратных людей составляли *пушкарѣ, затинщики, воротники, плотники и казенные кузнецы*. Въ 1540 году въ Торопцѣ находилось 45 пушкарскихъ семействъ, въ теченіе XVII вѣка—около 60. Они жили въ своихъ дворахъ въ отдѣльной пушкарской слободѣ и составляли какъ бы замкнутое сословіе; состарившіеся пушкарѣ обыкновенно хлопотали о передачѣ своего мѣста дѣтямъ—вѣрный признакъ того, что пушкарское званіе доставляло значительныя преимущества. Пушкарѣ получали денежное (3 рубля въ годъ) и хлѣбное жалованье и находились въ гораздо лучшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ посадскіе люди и даже стрѣльцы, которые часто находились въ долговременныхъ отлучкахъ по требованію службы. Будучи почти постоянными жителями Торопца, они не тянули тягла и потому могли съ большей выгодой для себя заниматься ремеслами и торговлей. Пушкарѣ были совсѣмъ освобождены отъ сторожевой службы на литовской границѣ; «полковую службу» и службу въ другихъ городахъ до послѣдней четверти XVII вѣка они отправляли лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно они исполняли только свою «пушкарскую службу» на городскихъ и посадскихъ башняхъ и на караулѣ у казеннаго порохового погреба. Но по мѣрѣ того, какъ Торопецъ терялъ значеніе пограничной крѣпости, ихъ начали посылать отдѣльными, болѣе или менѣе значительными, партіями, «по очереди», на службу и въ другіе города. Въмѣстѣ съ тѣмъ воеводы начали чаще прежняго привлекать ихъ къ исполненію многихъ повинностей, не входившихъ въ кругъ ихъ прямыхъ обязанностей^{*)}. Въ 1700 году всѣ строевые пушкарѣ находились подъ Нарвой.

и всѣхъ рядовыхъ стрѣльцовъ,—велѣно, въ выбылыхъ мѣсто стрѣльцовъ, новиковъ приверстывать въ стрѣльцы—стрѣльцкихъ дѣтей, которыя въ службу пригодятся, а гулящихъ людей въ стрѣльцы приверстывать не велѣно» (грамота 15 апр. 1645 года). Но иногда и въ позднѣйшее время набирали стрѣльцовъ изъ посадскихъ людей. Такъ грамотой 21 декабря 1668 года «велѣно 280 человекъ, которые были взяты изъ посаду въ стрѣльцы и нынѣ живутъ въ посадѣ на тяглыхъ мѣstechъ, и тѣмъ людямъ велѣно съ посадскими людьми тягло платить по-прежнему (Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 151, л. 157). Подробнѣе о стрѣльцахъ вообще въ статьѣ Шпаковского (Ж. Мин. Нар. Просв. 1898 г., сент.).

*) Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 305, л. 845: «По челобитію торопецкихъ пушкарѣ, и затинщиковъ, и казенныхъ кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ, Антошки Рыбникова съ товарищи, велѣно имъ, противъ прежнихъ великихъ государей указныхъ грамотъ, служить пушкарскую службу по городу у наряду и у всякихъ пушечныхъ запасовъ, а полковую службу — по очереди, а съ

IV.

Въ еще болѣе выгодномъ, чѣмъ пушкари, положеніи находились въ Торопцѣ *ямщики*. Занятіе ямской гоньбой, повидимому, было наслѣдственнымъ въ немногихъ торопецкихъ фамиліяхъ. Въ 1540 году, кромѣ ямщиковъ, жившихъ въ двухъ подгородныхъ деревняхъ и занимавшихся ямской гоньбой, на торопецкомъ посадѣ въ *ямъ* жили еще дворники. Въ XVII вѣкѣ вмѣсто нихъ были ямскіе старосты; упоминаются еще ямскіе приказчики, надѣленные вдвое болѣе большимъ количествомъ пахатной и сѣнокосной земли, чѣмъ ямскіе охотники. Вмѣсто ямщиковъ въ XVII столѣтіи въ Торопцѣ были ямскіе охотники, «а служатъ два ихъ противъ ямщика». При ямскихъ охотникахъ состояли ихъ дѣти, братья и племянники, а также сосѣди и подсосѣдники. Кромѣ нихъ жили «на торопецкомъ яму за торопецкими охотники» ямскіе бобыли, «а владѣють тѣми бобылями торопецкого яму охотники». По всему видно, что положеніе бобылей было крайне тяжелое. Ямскихъ охотниковъ «опрочь ямскіе гоньбы воеводѣ ни въ чемъ вѣдать не велѣно». Главною ихъ обязанностью было ѣздить съ различными чиновниками и гонцами и перевозить «всякія казны». Иногда ихъ посылали далеко отъ Торопца: въ 1641 году, напримѣръ, они ѣздили въ Валуйки и оттуда привезли въ Москву обмѣненныхъ на плѣнныхъ крымскихъ татаръ—русскихъ плѣнниковъ. Иногда бывали злоупотребленія, дѣлавшія ямскую службу весьма тягостною; случалось, напримѣръ, что межевые судьи, отправлявшіеся на литовскій рубежъ для разрѣшенія различныхъ пограничныхъ споровъ и недоразумѣній, долго держали на рубежѣ ямскія подводы.

Въ 1540 году торопецкій *ямъ* помѣщался на посадѣ, на Большой улицѣ. Во время «торопецкаго осаднаго сидѣнья» 1613 года прекратилась, конечно, ямская гоньба, и *ямъ* былъ упраздненъ; однако, по просьбѣ посадскихъ людей, уже 22 янв. 1614 года разрѣшено было вновь устроить въ Торопцѣ *ямъ*. Въ 1540 году ямщики жили въ двухъ деревняхъ, расположенныхъ около самаго города; тамъ у нихъ были пахатныя и сѣнокосныя земли. Занятіе ямской гоньбой, какъ видно, доставляло большія выгоды. По крайней мѣрѣ «старые ямщики» вла-

посадскими и всякихъ чиновъ съ жителями и съ церковными причетники мостовъ мостить, и городской и острожной подѣлки дѣлать, и иныхъ службъ служить, опричь пушкарскія службы, и въ розныя посылки, и къ Москвѣ въ гончихахъ посылать, и въ сѣзжей избѣ въ сторожахъ—имъ быть не велѣно» (1690 годъ).

дѣли тогда тяглыми дворами на посадѣ, деревнями въ уѣздѣ и сверхъ того каждый изъ нихъ имѣлъ въ «городѣ» отдѣльный осадный дворъ, хотя и не жилъ въ немъ; въ то же самое время зажиточные посадскіе люди могли пріобрѣсти осадный дворъ, лишь сложившись по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Во второй половинѣ XVI вѣка ямскія земли въ Небнигѣ уже принадлежали новооснованному Троицкому Небину монастырю, ямщики же жили за Московскими воротами Старого посада, за рѣчкой Уклеинкой, въ отдѣльной Ямской слободѣ. Тамъ у нихъ находились не только дворы и огороды, но и деревни и пустоши, пахатныя и сѣнокосныя земли. Мало того, внутри ихъ владѣній («въ ихъ ободу») были расположены ихъ церкви Рождества Пресвятой Богородицы и дворы и пахатная земля церковнаго причта. Въ 1609 году, во время нападенія на Торопецъ Гонсѣвскаго, Ямская слобода была совершенно разорена; церкви и всѣ ямскіе дворы, построенные по обѣ стороны улицы, были сожжены. При этомъ даже было убито нѣсколько ямскихъ охотниковъ. Когда въ 1619 году,—для болѣе успѣшной обороны,—былъ устроенъ Новый острогъ, занимавшій небольшую, но лучшую часть посада, то нѣкоторые изъ ямскихъ охотниковъ поселились въ немъ на черныхъ тяглыхъ земляхъ; остальные жили «въ городѣ, на осадныхъ мѣстѣхъ». Однако дворовыя и огородныя мѣста въ Ямской слободѣ и находившіяся тамъ же пахатныя и сѣнокосныя земли ямскіе охотники удержали за собой. Впослѣдствіи, когда въ Новомъ острогѣ проявилась «тѣснота великая», то, по просьбѣ посадскихъ людей, ямскіе охотники были сведены съ посадскихъ земель. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, не желая перевозить свои дворовыя постройки, купили дворовыя мѣста и остались жить въ Новомъ острогѣ.

Вообще положеніе ямскихъ охотниковъ, получавшихъ и денежное жалованье, посадскимъ людямъ казалось весьма привлекательнымъ. Заботясь о равномерномъ распредѣленіи выгодъ ямской службы между всѣми, въ 1650 году они добились того, что ямскіе охотники, бобыли и захребетники съ той поры «подати давали и тягло тянули съ посадскими людьми вмѣстѣ, а ямскую гоньбу гоняли всѣ посадскіе люди безъ выбору». Во второй половинѣ XVII столѣтія ямщиковъ, какъ отдѣльнаго класса городского населенія, въ Торопцѣ уже не существовало ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Писц. книга 1540—41 гг., л. 33 (въ М. Г. А. М. Иностр. Д.). Писц. книга № 265, лл. 368—379 (въ М. А. М. Юстиціи). Дѣла Печатнаго приказа 1681 г. книга 2, л. 193; кн. 21, л. 153; кн. 26, л. 219; кн. 35, л. 8; кн. 38,

Дворники въ Торопцѣ никогда не составляли отдѣльнаго класса населенія. Въ «городѣ», въ особенности въ наиболѣе тревожныя эпохи, находилось много осадныхъ дворовъ, принадлежавшихъ и помѣщикамъ, и посадскимъ людямъ, и даже зажиточнымъ крестьянамъ. На этихъ дворахъ, обитаемыхъ лишь въ «осадное время», жили большею частью люди, неспособные къ труду, и старики, или же ремесленники, не имѣвшіе своихъ дворовъ. Между ними встрѣчались и помѣщичьи люди и крестьяне, и посадскіе люди; попадались и «дворники». Бѣдняки, не имѣвшіе своихъ дворовъ, за пользованіе бесплатнымъ помѣщеніемъ охотно присматривали за цѣлостью дворовыхъ построекъ. Но дворники, жившіе на городскихъ и посадскихъ дворахъ богатыхъ помѣщиковъ, вѣроятно, были вполне обеспечены дворовладельцами. Наиболѣе значительное вознагражденіе за свои труды получали дворники гостинного и ямскаго дворовъ.

Подобно дворникамъ и *посадскіе крестьяне*, упоминаемые въ писцовой книгѣ 1540 года, не составляли особаго класса населенія. Кажется, это были «городскіе люди», занимавшіеся исключительно земледѣліемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, несомнѣнно, имѣли въ уѣздѣ свои «деревни, паханныя наѣздомъ».

V.

Если не всегда самымъ многочисленнымъ, то во всякомъ случаѣ наиболѣе самобытнымъ и оригинальнымъ былъ въ Торопцѣ въ XVI и XVII вѣкахъ классъ *городскихъ, или посадскихъ людей*. Онъ образовался 1) изъ потомковъ старинныхъ жителей города Торопца, 2) изъ людей поселенныхъ въ Торопцѣ въ 1503 году московскимъ правительствомъ и 3) изъ позднѣйшихъ выходцевъ («приходцевъ») изъ торопецкихъ

л. 269, 189, 190; кн. 39, л. 678 и 679; кн. 54, л. 203; кн. 209, л. 598.— Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 12, л. 60 (въ М. А. М. Юст.). Кн. 265, л. 376: «А по государеву указу велѣно за приказникомъ пашни учинить 10 четвертей, а за охотники по 5 четвертей за человѣкомъ въ полѣ, а въ дву потому жъ: сѣна по 20 копенъ. И всего велѣно учинить за яскимъ приказникомъ и за охотники, за 20 человѣки,—110 четвертей; сѣна—яскому приказнику—40 копенъ, а яскимъ охотникамъ по 20 копенъ, итого 440 копенъ. И въ лишкѣ за нихъ дачами осталось земли... Сибирскаго приказа столбецъ № 304, л. 82: «бьетъ челомъ холопъ твой, торопецкаго яму охотникъ Нехорошко Истоминъ съ дѣтишками своими съ Ивашкомъ и съ Корнилкомъ. Служу я, холопъ твой, тебѣ, государю, ямскую гоньбу съ цѣлой выти—трема мерны» (1647 годъ).

волостей (Семивскіе, Харянскіе, Святицкіе) и изъ сосѣднихъ областей (Литвиновы, Вязмитины, Смольняниновы) ¹¹⁾.

Ядро тяглаго городского населенія составляли тяглые посадскіе люди съ ихъ дѣтьми, братьями, племянниками и приемышами. Они въ своей совокупности составляли міръ и потому часто назывались «мірскими людьми». Въ XVI и XVII столѣтіяхъ посадскіе люди подраздѣлялись на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Это дѣленіе основывалось исключительно на различіи въ ихъ экономическомъ положеніи, и потому эти разряды посадскихъ людей не были замкнутыми, и количество лицъ, входившихъ въ составъ того или другого разряда, подвергалось постояннымъ колебаніямъ. Въ концѣ XVI вѣка исключительно изъ «лучшихъ людей» выбирались «земскіе дѣловальники», чинившіе судъ и управу между «городскими посадскими людьми»; и въ XVII вѣкѣ изъ нихъ большею частью избирались земскіе старосты, и вообще ими замѣщались наиболѣе важныя выборныя земскія должности. Лучшіе люди, при раскладкѣ податей, облагались значительной долей податей и несли наиболѣе тяжелыя и отвѣтственныя службы. Они 1) платили «всякія подати съ большого оклада», 2) «съ промсловъ своихъ пошлину многую платили» и 3) «государевы всякія службы съ посадскими людьми въ головишкахъ служили» и «государю въ тѣхъ службахъ прибыль немалую чинили» ¹²⁾. Кромѣ того, въ наиболѣе тяжелыя эпохи торопецкой исторіи молодшіе люди (мелкіе люди) находили нравственную и матеріальную поддержку со стороны лучшихъ людей. Такъ было, напримѣръ, въ 1613 году, во время «торопецкаго осаднаго

¹¹⁾ Фамиліи торопецкихъ посадскихъ людей въ первый разъ встрѣчаются въ писцовой книгѣ 1540 года. Въ то время изъ 597 человекъ тяглыхъ городскихъ людей лишь около 160 носили прозвища или фамиліи. Изъ нихъ въ Торопцѣ уцѣлѣло до настоящаго времени, кажется, 24 фамиліи: Аксеновъ, Бѣлавинъ (бѣлавый—бѣловатый), Болотовъ, Быковъ, Воронинъ, Вязмитинъ, Головинъ, Голубевъ, Горбуновъ, Крюковъ, Кузнецовъ, Литвиновъ, Лыковъ, Орловъ, Побойнинъ (побойня—деревянный молотъ, употребляемый при колотѣ дровъ, кувалда), Поповъ, Путатинъ, Святицкий, Смольняниновъ, Соколовъ, Сусловъ, Телицынъ, Трусовъ, Чернецовъ. Такъ какъ перечисляемыя фамиліи—самыя обыкновенныя, вездѣ встрѣчающіяся, то возможно, что нѣкоторые изъ торопчанъ, носящихъ теперь эти фамиліи, не имѣютъ ничего общаго съ городскими людьми, жившими въ Торопцѣ въ 1540 году.

¹²⁾ Въ М. Г. А. М. Ин. Д. Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апр. 1647 года, № 59. Во второй половинѣ XVIII вѣка торопецкіе мірскіе люди иногда подраздѣляли себя на *пожиточныхъ, среднихъ и бѣдныхъ* (см., наприим., Дѣла Сената, книга 226/3797, л. 350, 1777 годъ).

сидѣнья» (см. выше стр. 150). Вслѣдствіе всего этого лучшіе люди въ Торопцѣ пользовались огромнымъ вліяніемъ и на мірскихъ сходахъ, и «во всякихъ мірскихъ дѣлахъ», и занимали въ городѣ весьма видное положеніе.

На лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей дѣлилось тяглое населеніе города Торопца по его экономическому положенію. Но посадскихъ людей можно раздѣлить на нѣсколько группъ и по ихъ занятіямъ: 1) на людей, занимавшихся черной работой, дворничествомъ и т. под.; 2) на рыболововъ, земледѣльцевъ и т. д.; 3) на людей, посвятившихъ себя ремесленной дѣятельности; 4) на торговыхъ людей, занимавшихся торговымъ промысломъ въ Торопцѣ и «въ отъѣздѣ» въ Торопецкомъ уѣздѣ и въ другихъ русскихъ и литовскихъ городахъ и уѣздахъ. Между торопецкими торговыми людьми встрѣчались богатые люди, рѣзко выдѣлявшіеся изъ среды остальныхъ посадскихъ людей своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Это были «лучшіе торговые люди», служившіе въ Торопцѣ «въ головахъ» и часто исполнявшіе различныя порученія московскаго правительства; нѣкоторые изъ нихъ попадали вслѣдствіе этого въ разрядъ торговыхъ людей гостиной сотни и даже получали званіе гостей.

Впрочемъ строгаго разграниченія между отдѣльными группами посадскихъ людей въ XVI и XVII вѣкахъ не существовало. Часто, вслѣдствіе измѣненія ихъ имущественнаго положенія, происходили переходы изъ одной группы въ другую, и зажиточные торговые тяглые люди превращались въ подсосѣдниковъ, занимавшихся черной работой, и наоборотъ.

Въ XVI вѣкѣ иногда на дворахъ «городскихъ людей» жили ихъ *шабры* (сябры), то-есть совладѣльцы, имѣвшіе опредѣленную часть въ дворовомъ мѣстѣ и въ дворовыхъ постройкахъ. На нѣкоторыхъ дворахъ городскихъ людей жили *сосѣди*, не имѣвшіе своихъ дворовъ и платившіе за свои помѣщенія извѣстную плату. Какъ шабры, такъ и сосѣди большею частью жили въ особыхъ избахъ; тѣ и другіе тянули тягло наравнѣ съ остальными тяглыми людьми и были съ ними совершенно равноправны.

Подсосѣдники въ Торопцѣ появились въ XVII вѣкѣ; въ значительномъ количествѣ они встрѣчались лишь во времена экономическаго упадка городского населенія. Это были обѣднѣвшіе посадскіе люди, которые тянули тягло въ уменьшенномъ размѣрѣ, смотря по ихъ заработкамъ, и жили на чужихъ дворахъ за какую-либо плату или за личныя услуги дворовладѣльцу, однако, подобно сосѣдямъ были людьми отъ него независимыми и свободными. Какъ только они дѣлались болѣе

состоятельными, тотчасъ приобрѣтали свои дворы и вмѣстѣ съ тѣмъ наравнѣ съ прочими посадскими людьми начинали платить подати и исполнять разнообразныя личныя и натуральныя повинности и такимъ образомъ выходили изъ разряда подсосѣдниковъ.

VI.

Изъ представленныхъ выше данныхъ относительно количества и состава торопецкаго городского населенія обнаруживается, что оно въ XVI и XVII вѣкахъ подраздѣлялось на два главныхъ класса: военно-служилый (помѣщики, стрѣльцы и пушкари) и торгово-промышленный (посадскіе люди). Московское правительство рядомъ съ коренными городскими жителями, — въ составъ многообразныхъ обязанностей которыхъ входила и ратная служба, — поселило въ Торопцѣ своихъ военныхъ слугъ, и съ той поры въ немъ, какъ въ крѣпости и въ городѣ порубежномъ, особенно видное мѣсто въ составѣ населенія занялъ военный элементъ, давшій особую окраску всему складу городской жизни. Однако военное дѣло было навязано Торопцу извнѣ силою исключительныхъ историческихъ обстоятельствъ. Дворяне и дѣти боярскія, даже пушкари и стрѣльцы — были совершенно чужды многимъ самымъ насущнымъ городскимъ интересамъ. Ядро городского населенія составляли посадскіе люди, и военнослужилый классъ былъ чѣмъ-то побочнымъ, какъ бы придаткомъ къ коренному городскому населенію. Вслѣдствіе всего этого, для всесторонняго ознакомленія съ внутренней жизнью города Торопца во всѣхъ ея проявленіяхъ, всего цѣлесообразнѣе остановить вниманіе преимущественно на жизни торгово-промышленнаго класса.

II. Воеводское управленіе и мірское самоуправленіе.

I.

Въ XVI вѣкѣ Торопцемъ управляли представители московскаго правительства, которые въ первой половинѣ этого вѣка назывались намѣстниками, а во второй — иногда «намѣстниками», иногда «намѣстниками и воеводами», иногда «воеводами». Торопецкіе *намѣстники* выбирались изъ знатныхъ московскихъ боярскихъ родовъ (кн. Курбскій, кн. Кубенскій, кн. Звенигородскій, кн. Пронскій, кн. Лобановъ-Ростовскій и др.). Когда московскіе государи жаловали Торопецъ своему намѣстнику въ кормленіе, то въ его пользу поступали не только

намѣстничьи кормы, но и всѣ судебныя и торговныя пошлины. Впрочемъ не всегда Торопецъ отдавался намѣстникамъ въ кормленіе: часто и въ XVI вѣкѣ онъ управлялся воеводами, и всѣ намѣстничьи доходы вѣрными цѣловальниками собирались «на государя» и отправлялись въ Москву. Такъ было, напримѣръ, въ 1574—1580 годахъ. Съ другой стороны упоминается торопецкій «намѣстникъ и воевода» въ то время, когда Торопецъ «былъ на льготѣ» и потому былъ освобожденъ отъ платежа всѣхъ намѣстничьихъ доходовъ (1583 г.)¹³. Съ 1588 года намѣстники въ Торопцѣ были окончательно замѣнены воеводами.

При намѣстникахъ состояли тиуны, праветчики, доводчики, городовые приказчики (городничіе). Ближайшими ихъ сотрудниками, въ особенности по судебнымъ дѣламъ, были тиуны; вмѣстѣ съ ними намѣстники чинили судъ и управу¹⁴). Послѣ упраздненія (въ 1588 г.) должности намѣстника о торопецкихъ тиунахъ не упоминается. Иногда въ памятникахъ XVI вѣка рядомъ съ намѣстникомъ упоминается лицо, положеніе котораго чрезвычайно трудно опредѣлить. Въ донесеніяхъ изъ Торопца въ Москву въ 7091 (1583) году писалось такъ: «Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи холопъ твой Ондрѣецъ Звенигородскій да Гришка Колединской челомъ бьютъ. Бьютъ челомъ тебѣ, Государю, торопчане посадскіе люди Михалко Олфимовъ да Трофимко Мутишинъ, а къ намъ, холопемъ твоимъ, принесли челобитную»... Въ томъ же году въ грамотѣ изъ Москвы: «Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Торопецъ воеводѣ нашему Семену Ѳедоровичу Сабурову да Григорію Петровичу Колединскому. Писали есмя къ вамъ прежь сего грамоту»... Очевидно, что Григорій Петровичъ Колединскій не былъ простымъ подьячимъ. Въ слѣдующемъ 7092 году этотъ самый Гр. Колединскій да подьячій Нечай Сурочевъ (Сорочневъ) составили дозорныя книги, по которымъ собирались данныя деньги. Гр. Колединскій не былъ торопчаниномъ по происхожденію, а между тѣмъ въ теченіе долгаго времени жилъ въ Торопцѣ и пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался торопецкимъ воеводой¹⁵).

¹³) Приказнаго стола ст. № 1182; Польскія дѣла 1583 года, январь—май (въ М. Г. Арх. М. Иностр. Дѣл.).

¹⁴) См. Коллегіи Экономіи грамоты №№ 12262 и 12271. Выше, на стр. 67, по ошибкѣ напечатано, что въ 1540 году въ Торопцѣ не было тиуновъ.

¹⁵) Польскія дѣла 1583 года, январь—май; Приказнаго стола ст. № 1182. Когда въ Торопцѣ начали нарушать жалованную уставную грамоту, то посадскіе люди обратились съ жалобой, и было въ государственной грамотѣ, присланной «въ То-

Въ XVI вѣкѣ торопецкіе намѣстники были дипломатическими агентами московскаго правительства въ его сношеніяхъ съ Польско-литовскимъ государствомъ и находились въ постоянной перепискѣ съ воеводами сосѣднихъ литовскихъ городовъ по поводу различныхъ порубежныхъ дѣлъ. Они были комендантами крѣпости и завѣдывали мѣстными боевыми силами: они заботились объ исправномъ состояніи городскихъ и посадскихъ башенъ и стѣнъ и о боевой готовности торопецкихъ помѣщиковъ, стрѣльцовъ и пушкарей. Когда Торопецъ находился въ осадѣ, они завѣдывали обороной города. Но во время войны для командованія войсками и для распоряженія военными дѣйствіями обыкновенно назначался другіе воеводы ¹⁶⁾. «Намѣстническое дѣло», повидимому, заключалось главнымъ образомъ въ завѣдываніи судомъ и управой надъ всѣми городскими и волостными людьми. «А случится судъ городскому или волостному человѣку... судать ихъ наши торопецкіе намѣстники или ихъ тіуны..., а правъ ли, виноватъ ли городской или волостной человѣкъ,—и онъ въ правдѣ и въ винѣ торопецкимъ намѣстникомъ» ¹⁷⁾. При этомъ, кажется, дѣло не обходилось безъ злоупотребленій. Въ 1590 году торопецкіе посадскіе люди въ своей челобитной писали: «судать де ихъ, посадскихъ людей, воеводы, и на поруки ихъ дають приставы воеводскіе жъ, и имъ де чинятся убытки и продажи въ томъ великіе, и отъ того де посадскіе люди бредутъ розно».

II.

Въ XVII вѣкѣ Торопецъ управлялся воеводами. Торопецкіе воеводы большею частью не принадлежали къ числу особенно родовитыхъ

ропецъ къ Григорію Колединскому въ 7105-мъ году, написалъ: чтобъ онъ впредь торопчанъ посадскихъ людей не судилъ ни въ чемъ, и въ ихъ посадскія ни въ которыя дѣла не вступался, и приставовъ по нихъ своихъ не посылалъ... «и ему тѣхъ людей посадскихъ съ сторонними людьми велѣно судить съ посадскими людьми съ старосты и съ цѣловальники, а одному ихъ судить... не велѣно».

¹⁶⁾ «Того жъ дни (20 іюля 1586 года) послалъ государь въ Торопецъ воеводу Елизарья Ивановича Сабурова да съ Елизарьемъ голова Иванъ Семеновъ; въ Торопцѣ намѣстникъ и воевода князь Василей Шишъ Костентиновичъ Пронской. И Елизарей Сабуровъ билъ челомъ государю въ отечествѣ о счетѣ на князь Василья Пронскаго, что ему князь Василья жени бытъ не вѣстно. И государь велѣлъ Елизарью дѣло ратное вѣдать, а князь Василью вѣдать свое дѣло намѣстническое» (Сибирскій сборникъ, 91).

¹⁷⁾ Коллегіи Экономін грамоты № 12262 и 12271.

московскихъ дворянскихъ фамилій и состояли въ званіи стольниковъ. Они служили обыкновенно два года, но иногда по челобитію «торопчанъ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей» ихъ оставляли и на третій годъ. Одинъ воевода прослужилъ въ Торопцѣ около 7 лѣтъ, другой 4 года. Наоборотъ, бывали случаи, когда воеводы служили и менѣе года: одинъ изъ нихъ, напримѣръ, былъ переведенъ воеводой въ Витебскъ, прослуживши лишь 3—4 мѣсяца.

Рядомъ съ воеводами въ Торопцѣ въ XVII вѣкѣ находились стрѣлцкіе головы, городовые приказчики, объѣзжіе головы и иногда губные старосты. Въ первой четверти XVII вѣка одинъ изъ торопецкихъ подьячихъ, который, какъ и самъ воевода, не принадлежалъ къ числу торопецкихъ уроженцевъ, былъ ближайшимъ помощникомъ воеводы и имѣлъ на всѣ дѣла очень большое вліяніе. Воеводскія отписки въ то время писались отъ имени воеводы и подьячаго, и изъ Москвы грамоты часто отправлялись въ Торопецъ на имя воеводы и подьячаго ¹⁸⁾.

Впослѣдствіи всѣ подьячіе торопецкой приказной избы были незначительными чиновниками, получавшими жалованье въ размѣрѣ 5—15 рублей въ годъ, и съ тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія между ними не было ни одного съ тѣмъ значеніемъ, какое прежде имѣли типъ и упомянутый выше подьячій; въ большихъ городахъ, въ родѣ Новгорода и Пскова, вмѣсто такого подьячаго были дьяки. Обыкновенно въ съѣзжей избѣ подьячихъ было 3 или 4 человѣка, но иногда число ихъ доходило до девяти. Упоминаются «торопецкой приказной избы губныхъ дѣлъ подьячій», «подьячій съ справою», «переводчикъ», «городовыхъ дѣлъ дьячокъ».

Подьячихъ выбирали преимущественно дворяне и дѣти боярскія, но очень часто въ ихъ выборѣ принимали участіе и всѣ «градскіе люди». Но назначеніе ихъ на должность зависѣло исключительно отъ московскаго правительства, которое, впрочемъ, руководствовалось при этомъ «заручнымъ челобитіемъ торопецкихъ и холмскихъ помѣщиковъ

¹⁸⁾ «Стольнику и воеводѣ кн. Ив. Андр. Дашкову да подьячему Пятому Филатову» (1621 годъ).. «Бориско Хилковъ да Девятко Алексѣевъ челомъ бьютъ»... «Въ Торопецъ къ стольнику и воеводѣ ко князю Василью Ромодановскому да подьячему къ Девятому Алексѣеву (Русинову)»... «Въ Торопецъ къ воеводѣ ко князю Борису Хилкову да къ подьячему къ Семену Дохтурову»... или просто: «Въ Торопецъ къ воеводѣ да къ подьячему»... (Дѣла Печатнаго приказа пошлинныя за 1625 и 1626 годы). «Въ Торопцѣ (воевода) кн. Борисъ князь Андреевъ сынъ Хилковъ; на его мѣсто посланъ стольникъ князь Василей князь Григорьевъ сынъ Ромодановской да подьячій Девятко Алексѣевъ» (Дворцовые разряды, т. I, стр. 783).

и вотчинниковъ» или «заручнымъ челобитьемъ торопчанъ дворянъ и градскихъ людей». Торопецкіе подьячіе выходили изъ среды посадскихъ людей, но на мѣсто выбывшихъ подьячихъ обыкновенно опредѣлялись ихъ родственники. Въ 1613 году упоминается «торопецкій разрядный дьякъ» Богдашка Юховъ, и съ той поры до конца столѣтія между торопецкими подьячими постоянно встрѣчаются Юховы: вся семья посвятила себя исключительно подьяческой дѣятельности, и нѣкоторые изъ ея членовъ всю жизнь свою провели въ приказной избѣ ¹⁹⁾.

Въ XVII столѣтіи воеводы, управляя Торбщцемъ и Торопецкимъ и Холмскимъ уѣздами ²⁰⁾, всегда дѣйствовали по наказамъ, присланнымъ изъ Москвы, и въ своей дѣятельности были лишены всякой самостоятельности. Они имѣли въ своихъ рукахъ лишь исполнительную власть. Черезъ нихъ правительство осуществляло въ Торопцѣ и его уѣздѣ свои предположенія и желанія, черезъ нихъ приводило въ исполненіе свои резолюціи на просьбы и жалобы мѣстнаго торопецкаго населенія, однимъ словомъ, ихъ главнымъ назначеніемъ было — служить посредниками между московскимъ правительствомъ и торопчанами. Естественно, что воеводы, никогда не назначавшіеся изъ среды торопецкихъ дворянъ, совсѣмъ не заботились о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ и имѣли въ виду исключительно лишь общіе интересы Московскаго государства.

Воеводы наблюдали за своевременнымъ поступленіемъ «государевыхъ» податей и за исполненіемъ разнообразныхъ повинностей, лежавшихъ на тягломъ торопецкомъ населеніи. Въ кругъ ихъ обязанностей входили также заботы объ исправномъ состояніи городскихъ и посадскихъ башенъ и стѣнъ и уѣзныхъ острожковъ и о боевой готовности торопецкихъ помѣщиковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и посадскихъ людей. «Въ осажденное время» отъ нихъ исходили всѣ распоряженія относительно обороны города. Кромѣ исполненія обыкновенныхъ воеводскихъ обязанностей у торопецкихъ воеводъ было много работы специ-

¹⁹⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл.: книга 1, л. 274; кн. 55, л. 82; кн. 120, л. 186; кн. 189, л. 297; кн. 294, лл. 403 и 616; кн. 300, л. 821, кн. 346, л. 576 и др.

²⁰⁾ «Торопецкаго присуду Холмскаго уѣзда»... (Доп. къ Ак. Ист. I, 135, 1555 г.). Холмичи посадскіе люди, занимавшіеся преимущественно земледѣіемъ, по старинѣ были «судимы и платежи платили въ Новгородъ», и не былъ «Холмъ вѣдомъ къ Торопцу» (Приказныя дѣла, 1675 года 20 августа, М. Г. А. М. Ин. Д.). О переименованіи Холмскаго посада городомъ см. П. Собр. Законовъ Рос. Имп. № 14636, 3 авг. 1777 года.

ального характера, вслѣдствіе пограничнаго положенія города Торопца. Въ теченіе всего XVII вѣка въ Москвѣ часто получались воеводскія отписки подобнаго содержанія: «И Торопецъ, государь, городъ порубежный, порубежныхъ дѣлъ много, безпрестани пишу я, холопъ твой, листы въ литовскую сторону объ управныхъ о всякихъ дѣлѣхъ...» ²¹⁾.

Что касается судебной дѣятельности, то съ 1590 года воеводы обыкновенно судили только помѣщиковъ и крестьянъ. «И въ Торопцѣ, государь, въ приказной избѣ при мнѣ, холопѣ твоёмъ, судныхъ дѣлъ мало, что дворяне и дѣти боярскія всѣ живутъ по деревнямъ, и я, холопъ твой, писалъ къ тебѣ, государю, многожды, что всѣ живутъ по деревнямъ, а въ городъ не ѣздить, а тяжутся на Москвѣ въ судномъ Володимерскомъ приказѣ... А посадскіе люди,—прежнихъ государей и по твоему государеву жалованью и по Уставной грамотѣ, — судятся межъ себя въ земской избѣ, а до воеводъ имъ, посадскимъ людемъ, и дѣла нѣтъ... А стрѣльцовъ судятъ стрѣleckіе головы»... Впрочемъ иногда и въ XVII вѣкѣ торопецкіе воеводы исполняли обязанность, обыкновенно находившуюся въ рукахъ губныхъ старостъ или въ рукахъ земскихъ цѣловальниковъ: имъ предписывалось «татинныя, и разбойныя, и убивственныя, и всякія губныя дѣла вѣдать» ²²⁾.

Доходы, поступавшіе въ пользу воеводъ и на содержаніе приказной сѣзжей избы, были вообще незначительны, а между тѣмъ правительство стремилось, къ великому неудовольствію торопецкихъ воеводъ, увеличить, по возможности, свои, шедшіе съ Торопца, денежные доходы, вслѣдствіе чего еще болѣе сокращалось получаемое воеводами содержаніе. Одинъ торопецкій воевода, въ отвѣтъ на приказаніе присылать судебныя пошлины въ Москву, въ раздражительномъ тонѣ писалъ: «окромѣ, государь, судныхъ пошлинныхъ денегъ въ приказной избѣ иныхъ никакихъ денегъ нѣтъ. И въ нетопленной, государь, избѣ сидѣтъ студено, и безъ бумаги, и безъ свѣчъ, и безъ дровъ, быть не умѣтъ,—и бумаги, и свѣчъ, и дровъ въ приказную избу покупать не на что...» ²³⁾.

Недостаточность получаемаго содержанія и корыстныя побужденія воеводъ главнымъ образомъ порождали съ ихъ стороны злоупотребле-

²¹⁾ Преображенскаго приказа столбецъ № 60, л. 34.

²²⁾ Преображенскаго приказа столбецъ № 60, лл. 40 и 41; см. также Приказнаго стола ст. № 528. Печатн. приказа кн. 298, л. 207.

²³⁾ Преобр. прик. ст. № 60, л. 34. О незначительности доходовъ и расходовъ приказной избы см. Приказнаго стола столбецъ № 528; десятиенъ книгу 283, лл. 37—44.

нія властью и притѣсненія городскихъ и волостныхъ людей. Часто случалось, что они посылали рыболововъ съ неводами ловить на себя рыбу въ оброчныхъ озерахъ; требовали, чтобъ на монастырской мельницѣ бесплатно мололи ихъ хлѣбъ; на своемъ воеводскомъ дворѣ безвозмездно пользовались работой стрѣльцовъ; незаконно брали себѣ съ посадскихъ людей кормы и деньги на кормъ и, съ цѣлью полученія судебныхъ пошлинъ, «вступались въ ихъ судныя дѣла». Съ проѣзжихъ купцовъ нѣкоторые воеводы брали большіе подарки, а тѣхъ изъ нихъ, которые не давали подарковъ, задерживали на гостинномъ дворѣ и тѣмъ причиняли имъ «убытки и простои великіе». Случалось, что воеводы къ иногороднымъ купцамъ посылали подьячихъ и стрѣleckихъ сотниковъ, а иногда сами ночью пріѣзжали на гостинный дворъ и, пересматривая товары, нарочно ихъ «мяли и перебивали», или «за малую цѣну забирали у торговцевъ товары и даже лошадей» ²⁴⁾.

Нѣкоторые воеводы позволяли себѣ злоупотребленія, которыя нельзя объяснить одними корыстными побужденіями. Производя розыскъ, они «волочили и убытчили» помѣщичьихъ крестьянъ; посадскимъ людямъ чинили тѣсноту и налоги; «вымучивали» у нихъ деньги и разныя вещи; невинныхъ людей били кнутомъ, пытали («въ застѣнокъ водили») и сажали въ тюрьму ²⁵⁾.

Злоупотребленія воеводъ иногда вызывали со стороны торопчанъ жалобы на нихъ, при чемъ челобитныя иногда подавались жителями «всего города». Этимъ всегороднымъ челобитнымъ придавалось особенно большое значеніе: часто прежде разслѣдованія дѣла постановлялось рѣшеніе замѣнить воеводу новымъ ²⁶⁾. Въ случаѣ смѣны воеводы, по жалобѣ горожанъ, — новому воеводѣ предписывалось давать дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ городскимъ и уѣзднымъ людямъ — очныя ставки и «про все» розыскивать. Иногда отправляли для этого изъ Разряда особеннаго слѣдователя, которому отводили въ

²⁴⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 318, л. 263; Дѣла Печатнаго приказа пошлинныя, книга 175, л. 93; книга 22, л. 193; кн. 303, л. 695; Новгородскаго стола ст. № 149, л. 173.

²⁵⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 219, л. 181; кн. 303, л. 695; кн. 316, л. 470; Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 149, л. 176.

²⁶⁾ Печатнаго приказа книга 376, л. 248; Приказнаго стола столбецъ № 598; Дѣла Новгородскаго стола 1687 года, книга 58, л. 6: «и мая въ 31 день (1687 года) великіе государи указали по именному своему великихъ государей указу, по челобитью земскаго старосты и посадскихъ людей, за его къ нимъ многія взятки и налоги—Ивана Большого Колычова пережѣнить безсрочно»...

Торопецъ постоянный и съѣзжій дворы, давали «для письма» подъячихъ и служилыхъ людей для разсылокъ²⁷⁾. Въ XVII вѣкѣ даже доносы, исходявшіе отъ отдѣльныхъ лицъ, поощрялись. Земскій староста Максимъ Заозерскій въ 1686 году донесъ на воеводу Ивана Большого Колычова, что отъ его «небережья» въ пороховомъ погребѣ порохъ былъ подмоченъ, и когда по разслѣдованію оказалось, что дѣйствительно «та пороховая казна къ ратному дѣлу, къ стрѣльбѣ, не годится», то М. Заозерскому за этотъ «извѣтъ» было сказано въ Разрядѣ думнымъ дьякомъ «государское милостивое слово» («помози Богъ»²⁸⁾).

III.

Въ древности городъ Торопецъ съ его волостями,—мѣщане и мужи,—составляли одно неразрывное цѣлое. Но въ послѣдствіи стремленіе волостныхъ торопецкихъ жителей къ обособленію отъ горожанъ, часто проявлявшееся еще во времена литовскаго владычества надъ Торопцемъ (см. выше стр. 67 и 69), все болѣе и болѣе усиливалось. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ постепенно усиливавшегося подчиненія крестьянъ помѣщичьей власти, связь города съ уѣздомъ замѣтно ослабѣвала.

Но въ городѣ Торопецѣ еще не утратилось сознаніе, что всѣ классы городского населенія составляли одно цѣлое и имѣли общіе интересы. Употреблялись выраженія: «торопчане всего города», «челобитые Торопца всего города», «всѣмъ городомъ». Уже было упомянуто, что въ 1609 году всѣ торопчане, сговорившись предварительно между собой и постановивъ рѣшеніе, отправились въ соборный храмъ и передъ иконой Богоматери дали клятву «служити и пряптити государю по-прежнему». И въ послѣдствіи иногда случалось, что торопчане прямо съ сходки большой толпой приходили къ приказной избѣ для подачи челобитной воеводѣ. Очевидно, что старинный обычай собираться на вѣче не совсѣмъ исчезъ. Самая подача «всегородныхъ челобитенъ» предполагаетъ предварительное совѣщаніе и сходбище людей, принадлежавшихъ къ разнымъ классамъ населенія.

Выше было указано, какое большое значеніе имѣли торопецкія всегородныя челобитныя о перемѣнѣ воеводы, о назначеніи новаго, объ оставленіи прежняго на третій годъ. Не ограничиваясь этимъ,

²⁷⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 219, л. 412; кн. 376, л. 247.

²⁸⁾ Приказнаго стола ст. № 1182.

московское правительство признавало за торопчанами право подавать через посредство воеводъ по поводу различныхъ случаевъ всегородвыя челобитныя съ характеромъ ходатайствъ за своихъ согражданъ. Такъ 4 марта 1641 года въ Москву была послана «торопчанъ игумень, и строителейъ, и поповъ, и дьяконовъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и пушкарей, и затинщиковъ, и воротниковъ, и казенныхъ кузнецовъ, и плотниковъ, и ямскихъ охотниковъ, и посадскихъ, и всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, всего города, за руками челобитная». Въ ней торопчане утверждали, что Ѳеодоръ Чирьевъ—изстари торопчанинъ посадскій человекъ, и потому просили, чтобы государь отмѣнилъ уже состоявшійся приговоръ о взятіи его изъ Торопца въ Новгородъ «на посадъ». Просьба была исполнена ²⁹⁾. Въ другой разъ торопецкіе игумень, священники, стрѣльцы, пушкари и посадскіе люди ходатайствовали за Ив. Тим. Веригина. Веригинъ принадлежалъ къ числу московскихъ дворянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ однимъ изъ крупныхъ торопецкихъ землевладѣльцевъ; онъ участвовалъ въ земскомъ соборѣ 1648—49 годовъ въ качествѣ выборнаго отъ торопецкаго дворянства; одна его вотчина и нѣсколько помѣстьевъ находились вблизи Торопца, и самъ онъ жилъ въ городѣ. Когда въ 1662 году Веригина потребовали на службу въ Псковъ, торопчане подали всегородную челобитную, въ которой заявляли, что онъ во время хлѣбной дороговизны ихъ «подымаетъ хлѣбомъ и всякой ссудою», и просили освободить его отъ службы, какъ человека стараго и уже отставленнаго отъ полковой и городской службы. И дѣйствительно, «по челобитью торопчанъ всего города всякихъ чиновъ людей», Веригинъ былъ уволенъ отъ высылки на службу «для его старости и увѣчья и что онъ, будучи въ Торопцѣ, всякихъ чиновъ жилецкимъ людямъ хлѣбъ продаетъ и пныхъ ссужаетъ—дастъ въ долгъ» ³⁰⁾. Иногда подавались всегородныя челобитныя, имѣвшія характеръ печалованій за приговоренныхъ къ смертной казни. Въ 1635 году торопецкій воевода, по государеву указу, велѣлъ повѣсить крестьянина Тпшку Иванова за убійство своего боярина Михаила Роздеришина. Но въ назначенный для казни день (7 октября 1635 года) пришли къ съѣзжей избѣ игумены, попы, дьяконы, стрѣльцы, пушкари, посадскіе и всякіе торопецкіе жилецкіе люди, всѣмъ городомъ (однако помѣщики не явились), ходатайствовали предъ государемъ за приговореннаго къ смерти крестьянина и подали

²⁹⁾ Приказныя дѣла 25 іюля 1646 г.—17 апр. 1647 г., № 59, въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣлъ.

³⁰⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 123, лл 31 и 32.

воеводѣ челобитную за своими подписями. Воевода свое извѣщеніе о происшедшемъ вмѣстѣ съ челобитной послалъ въ Москву, а Тишку Иванова, до полученія государева указа, велѣлъ снова посадить въ тюрьму ³¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ городскіе классы дѣйствовали сообща всякій разъ, какъ затрогивались общіе городскіе интересы.

Однако, несмотря на единичныя проявленія духа общности, разобщеніе между отдѣльными частями городского населенія и ослабленіе общности ихъ интересовъ проявлялось съ каждымъ десятилѣтіемъ все замѣтнѣе ³²⁾. На разъединеніе городскихъ классовъ населенія ука-

³¹⁾ «Государю Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичю всеа Русіи холопъ твой Федка Бутурлинъ (торопецкій воевода) челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 144-мъ году генваря въ 18 день прислана въ Торопецъ твоя государева царева и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русіи грамота ко мнѣ, холопу твоему, изъ Разряда за приписью твоего государева дѣяка Григорья Ларинова. А въ твоей государевѣ грамотѣ писано: «писалъ къ тебѣ, Государю, я, холопъ твой, что по твоему государеву указу торопчанина Михайлова крестьянина Роздеришина Тишку Иванова за ево воровство, что онъ убилъ боярина своего Михаила Роздеришина, велѣлъ я, холопъ твой, повѣсить октября въ 7 день. И того жъ числа пришли къ сѣзжей избѣ игумены, и попы, и дьяконы, и стрѣльцы, и пушкаріи, и посадскіе, и всякіе торопецкіе жилецкіе люди, всѣмъ городомъ, за того убойца я били челомъ тебѣ, Государю, а мнѣ, холопу твоему, въ сѣзжей избѣ подали челобитную за руками. И я, холопъ твой, тое ихъ челобитную прислалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ, а убійцу мужика Тишку велѣлъ вкинуть въ тюрьму до твоего государева указа. А въ челобитной торопецкихъ игуменовъ, и поповъ и всякихъ жилецкихъ людей написалъ: что де напередъ сего за тѣмъ»... (Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 58, л. 462). Къ сожалѣнію, въ 58 столбцѣ изъ этой воеводской отписки, полученной въ Москвѣ 17 марта 1636 года, сохранилась только одна склейка съ вышеприведенными словами и продолженія ея въ наличности не оказалось. Въ 1637 году въ торопецкой приказной избѣ хранились «челобитная за руками всего города да записи по Михайловскихъ крестьянахъ Роздеришина по Тишкѣ да по Демешкѣ» (Десятенъ книга 277, л. 54). Дѣло объ убійствѣ Мих. Роздеришина затянулось на долгое время: 1 сент. 1640 года, «по челобитію Іева Роздеришина, не велѣно его въ Михайловѣ убійствѣ Роздеришина впередъ волочъ» (Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 36, л. 10).

³²⁾ Такое стремленіе различныхъ классовъ населенія къ разъединенію замѣчалось и въ другихъ русскихъ городахъ, входившихъ въ составъ Литовско-русскаго государства уже во второй половинѣ XV вѣка. См., напримѣръ, уставную грамоту короля Казимира жителямъ Полоцка (1456 годъ или позже): «А далѣй приказуемъ, абы бояре, и мѣщане, и дворяне городскіи, и все посполство, въ згодѣ межи собою были а дѣла бы наши городскіе вси, згодно, посполу справляли, по давному;

зывали и выраженія: «дворяне и дѣти боярскія всего города», «посадскіе люди всего города». Обособилось дворянское сословіе, которое и во всегородныхъ челобитныхъ уже рѣдко принимало участіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посадскіе люди выдѣлялись изъ среды городского населенія. Это произошло 1) вслѣдствіе измѣненій, происшедшихъ въ составѣ городского населенія, и 2) вслѣдствіе полученія въ 1590 году посадскими людьми жалованной уставной грамоты, предоставившей имъ самоуправленіе.

Въ древнее время почти все населеніе города Торопца состояло изъ «городскихъ людей», въ массѣ которыхъ едва замѣтно было небольшое число военнослужившихъ людей. Въ половинѣ XVI вѣка появился въ Торопцѣ новый разрядъ ратныхъ людей—стрѣльцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно возрастало и число торопецкихъ дѣтей боярскихъ. Въ первой четверти XVII вѣка военные элементы по своей численности сдѣлались даже преобладающими въ составѣ городского населенія. Такія измѣненія въ составѣ населенія неминуемо должны были повести къ распаденію городскихъ жителей на нѣсколько отдѣльныхъ разрядовъ или классовъ, существенно различавшихся и по своему назначенію, и по своему положенію въ городѣ, и по отношенію къ правительству, и имѣвшихъ различныя интересы и несходныя занятія. Дѣти боярскія, стрѣльцы и пушкарі, холопы государевы, имѣли своимъ главнымъ назначеніемъ—отправленіе военной службы. Главнѣйшею обязанностью посадскихъ людей было тянуть тягло. Дѣти боярскія за свою службу получали отъ государства помѣстья и денежное жалованье; ратные люди низшаго разряда—стрѣльцы и пушкарі—вознаграждались денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. Посадскіе люди, государевы сироты, дававшіе хлѣбъ на жалованье ратнымъ людямъ, сами отъ правительства ничего не получали.

Обособленію посадскихъ людей отъ другихъ классовъ населенія и образованію «міра» исключительно изъ посадскихъ людей—всего болѣе способствовала уставная грамота 1590 года. Эта грамота предоставила посадскимъ людямъ право «самимъ судиться межъ собою» и управляться своими выборными цѣловальниками и самимъ разверстывать между собой подати. Самосудъ, самоуправленіе и самостоятельное распредѣленіе лежавшихъ на нихъ податей и повинностей, отъ которыхъ

а сымались бы вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сымывались здавна, а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймомъ не надобѣ чинить: во всихъ бы рѣчахъ радились такъ, какъ мы имъ право дали“ (Акты Зап. Россіи, I, стр. 73).

были освобождены остальные классы городского населенія,—выдѣлили посадскихъ людей изъ среды городскихъ жителей въ особую многочисленную группу людей, предоставленныхъ самимъ себѣ и заявившихъ вслѣдствіе этого совершенно исключительное положеніе въ городѣ.

Но если посадскіе люди обособились отъ другихъ классовъ городского населенія, то тѣмъ тѣснѣе соединились они между собой. Хотя торопецкій міръ и дѣлился на лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей, и внутри его часто происходили смуты и проявлялась вражда, онъ все-таки представлялъ одно цѣлое. Все-таки у посадскихъ людей всегда замѣчалось болѣе единства и общности интересовъ: ихъ неразрывно связывала необходимость сообща платить подати и отправлять разнообразныя повинности. Между ними были и другія связи. Въ Торопцѣ издавна существовали мелкіе союзы городскихъ людей—церковные приходы. Еслибъ сохранились о торопецкихъ приходахъ какія-либо свѣденія, болѣе или менѣе подробныя, относящіяся къ древней эпохѣ, они, безъ сомнѣнія, пролили бы свѣтъ на вопросъ объ образованіи торопецкой городской общины. Связь между прихожанами была очень крѣпка. Крутые перевороты и разнообразныя перемѣны въ жизни торопчанъ, совершившіяся на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій, не могли разорвать этой связи: потомки древнихъ торопчанъ, въ какой бы части города ни находились въ настоящее время ихъ дома, непременно состоятъ прихожанами тѣхъ же самыхъ церквей, какъ и ихъ предки; въ Торопцѣ принадлежность къ какому-либо приходу вовсе не указываетъ на мѣсто жительства даннаго лица. На приходскихъ сходкахъ въ старину выбирали священниковъ и церковныхъ старостъ, которые вмѣстѣ съ священниками завѣдывали церковными имуществами, церковными доходами и расходами, призрѣніемъ бѣдняковъ, жившихъ въ кельяхъ богадѣльныхъ, и вообще всѣхъ «кормившихся отъ міру», устройствомъ общественныхъ пировъ въ дни мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ, когда, по мѣстному выраженію, былъ «на нашей улицѣ праздникъ»... Но, безъ сомнѣнія, укрѣпленію связи между отдѣльными членами торопецкой посадской общины болѣе всего способствовала уставная грамота 99-го года, предоставившая ей самосудъ и внутреннее самоуправленіе.

IV.

Въ древности торопчане во внутреннихъ дѣлахъ были вполне самостоятельны, однако судъ и управленіе находились въ рукахъ торопецкихъ князей, а затѣмъ великихъ князей литовскихъ или ихъ на-

мѣстниковъ и тиуновъ. И въ XVI вѣкѣ судъ и управу посадскимъ людямъ чинили московскіе намѣстники и ихъ тиуны.

Въ 1548 и 1579 годахъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ были даны Троицкому Кудину монастырю жалованныя грамоты, которыя предоставили игумену съ братіей право «во всемъ вѣдать и судить» своихъ людей и крестьянъ. Торопецкіе намѣстники и ихъ тиуны не могли судить игумена, монастырскую братію, ихъ слугъ и крестьянъ ни въ чемъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Если же случался судъ смѣсный городскому или волостному человѣку съ монастырскими крестьянами, то ихъ судили намѣстники и тиуны вмѣстѣ съ игуменомъ и братіей, «а правъ ли будетъ али виновать троицкій крестьянинъ,—и онъ въ правдѣ и въ винѣ игумену съ братьею, а правъ ли, виновать ли городской или волостной человѣкъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ—торопецкимъ намѣстникомъ». Сверхъ того монастырь и его крестьяне были освобождены отъ поборовъ и кормовъ въ пользу намѣстниковъ, тиуновъ, праветчиковъ и доводчиковъ³³⁾.

Въ 1590 году торопецкіе посадскіе люди подали челобитную, въ которой заявляли, что «судятъ де ихъ, посадскихъ людей, воеводы, и на поруки ихъ даютъ приставы воеводскіе-жъ, и имъ де чинятся убытки и продажи въ томъ великіе», и просили, чтобы и имъ была дана жалованная грамота. Ихъ просьба была исполнена, и они получили «жалованную уставную судимую грамоту», которую съ той поры хранили въ своей земской избѣ «для всякихъ мірскихъ дѣлъ»³⁴⁾.

Грамота 7099 года³⁵⁾ предоставила торопецкимъ посадскимъ людямъ право своего собственнаго, «земскаго суда», и съ той поры «по той жалованной судимой грамотѣ судились они промежъ себя въ земской избѣ, выбираючи цѣловальниковъ погодно». Выбирали они земскихъ цѣловальниковъ изъ среды «лучшихъ людей» и посылали ихъ вмѣстѣ съ «выборами» въ Москву, въ четверть дьяка Дружины Петелина, гдѣ ихъ приводили къ присягѣ. И тѣ ихъ выборные земскіе цѣловальники вѣдали и судили и управу посадскимъ людямъ въ городѣ и на посадѣ чинили во всякихъ земскихъ дѣлахъ по судебнику и по торопецкой уставной грамотѣ. Они ловили разбойниковъ и разыскивали вѣныхъ лихихъ людей; они приводили въ исполненіе судебные

³³⁾ Коллегіи Экономіи грамоты № 12262 и 12271 (въ М. А. М. Юстиціи).

³⁴⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Новгородскаго стола столб. № 341 (въ М. А. М. Юст.).

³⁵⁾ Приложение 1-е.

приговоры. Они вѣдали всѣ судныя и обыскныя дѣла: производили предварительное слѣдствіе вмѣстѣ съ губными старостами; въ присутствіи лучшихъ людей судили преступниковъ; рѣшали и гражданскія судебныя дѣла, «исцовы иски». И во многихъ дѣлахъ ихъ рѣшенія были окончательныя. Лишь для особенно важныхъ дѣлъ существовала высшая инстанція—четверть дьяка Дружины Петелина и другихъ дьяковъ, вслѣдъ за нимъ вѣдавшихъ эту четверть, а впослѣдствіи Костромская четъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда земскіе цѣловальники не могли «вершить» дѣло своею властью, они посылали копія «съ суда своего и обысковъ» въ то учрежденіе, въ которомъ въ данное время судомъ и управой были вѣдомы торопецкіе посадскіе люди, и тамъ, послѣ доклада государю, по тѣмъ дѣламъ постановлялись окончательныя рѣшенія. Кромѣ того земскіе цѣловальники должны были собирать различныя подати, которыя до той поры собирались намѣстниками, и вмѣсто всѣхъ намѣстничьихъ доходовъ и пошляничьихъ поборовъ (намѣстничій кормъ, тиунскіе, праветчиковы и доводчиковы поборы, присудъ, пятно, выводная кунница, явка) платить ежегодно 15 августа въ государеву казну опредѣленный денежный оброкъ.

Выборнымъ земскимъ цѣловальникамъ была предоставлена огромная власть. Но зато въ случаѣ злоупотребленій съ ихъ стороны грамота 99 года опредѣляла имъ и самую высшую мѣру наказанія: если они чинили посадскимъ людямъ обиды и продажи незаконныя (безлѣпшныя) и брали съ нихъ взятки, то за это имъ назначалась смертная казнь, а ихъ животы и статки отдавались «тѣмъ людямъ, кому у нихъ продажи и убытки чинятся». Такому же наказанію подвергался и земскій дьячокъ, если онъ записывалъ судныя и обыскныя дѣла одинъ, а не передъ земскими цѣловальниками, или держалъ у себя дѣла, не подписанныя ими.

За разбой, татьбу, ябедничество и за иные лихія дѣла уставная грамота опредѣляла смертную казнь. До утвержденія судебного рѣшенія, до полученія государева указа изъ Москвы, обвиненный содержался въ тюрьмѣ, и смертный приговоръ не приводился въ исполненіе. Имущество казеннаго поступало на удовлетвореніе лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, а оставшаяся за тѣмъ часть имущества «отписывались на государя»³⁶). Смертная казнь и конфискація иму-

³⁶) Не всегда имущество казеннаго отписывалось въ царскую казну. Въ 1630 году, напримѣръ, въ казнѣ торопецкой приказной избы лежало «Государя Патриарха денегъ 16 рублей съ полугривною, что продано посадскаго человека Патошка Колачника, въ убивственномъ дѣлѣ, дворъ, и лавки, и животы» (Разрядная вязка 1-я, № 12, въ М. А. М. Ю.).

щества были наказаніемъ и для тѣхъ, кто держалъ у себя лихихъ людей и стоялъ за нихъ. Уличеннаго лжесвидѣтеля били кнутомъ, заключали «на время» въ тюрьму и взыскивали съ него «истцовъ искъ и убытки всѣ».

Съ осужденныхъ за менѣ важныя уголовныя преступленія взыскивался денежный штрафъ. Если кто самовольно отпускалъ тати, пойманнаго имъ съ поличнымъ, — съ того взымалось выборными земскими цѣловальниками — два рубля (московскіе). Кто покупалъ и вымѣнивалъ лошадь и не заявлялъ объ этомъ въ тотъ же день цѣловальникамъ, тотъ платилъ *пропятаемъ* — два рубля. Съ того, кто держалъ корчмы и питее держалъ не для себя, а на продажу, земскіе цѣловальники и съ ними лучшіе люди брали рубль московскій въ казну и рубль въ свою пользу.

На основаніи грамоты 1590 года въ Торопцѣ еще взымалась дикая вира (*вѣра*, Wehrgeld). «А учинится у нихъ въ городѣ душеубиство, а не будетъ душегубца въ лицахъ, и выборнымъ цѣловальникомъ имати *опры* за голову четыре рубли московскую; а заплатятъ вѣру тѣ люди, гдѣ у нихъ душегубство учинится».

Кромѣ того уставная грамота предоставляла выборнымъ земскимъ цѣловальникамъ рѣшеніе гражданскихъ судебныхъ дѣлъ и сборъ судебныхъ пошлинъ — по гривнѣ съ взысканнаго рубля.

Жалованная грамота, опредѣляя наказанія за преступленія противъ личности и собственности посадскихъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ до известной степени гарантировала неприкосновенность ихъ собственности и со стороны судебной власти и точно опредѣляла случаи, когда посадскіе люди не могли подлежать имущественной отвѣтственности. Грамота устанавливала, что посадскимъ людямъ *опры и продажи нѣтъ*, если отыскивался человекъ, совершившій въ городѣ убійство, или если по произведенному слѣдствію обнаруживалось, что мертвое тѣло, «убитая голова», подкинута изъ-за рубежа или по водѣ приплыло, или когда оказывалось, что то — тѣло самоубійцы, или утопленника, или человека, убитаго въ лѣсу деревомъ, замерзшаго, заѣденнаго звѣремъ, сгорѣвшаго; посадскіе люди обязаны были въ такомъ случаѣ лишь предъявить мертвое тѣло своимъ выборнымъ цѣловальникамъ и затѣмъ схоронить его. *Продажи* посадскимъ людямъ не полагалось и въ томъ случаѣ, если разбойники и тати пріѣзжали къ кому-либо въ Торопецъ изъ другихъ городовъ и даже жили въ Торопцѣ. Если разбойникъ или тать взводилъ на кого-либо обвиненіе, то земскіе цѣловальники тому посадскому человеку продажи не чинили, даже его подворья не печатали, пока не былъ произведенъ о немъ обыскъ, «какой онъ человекъ».

Если кто съ приставомъ захватывалъ виновнаго «въ бою, или въ лаѣ, или въ займѣхъ», но затѣмъ мирился съ нимъ и, доложивъ цѣловальникамъ, на судъ итти не хотѣлъ, то ему также продажи не чинили, а только брали съ него «хоженое» (2 деньги московскія). Продажи не было и тому, кто кого-либо поймалъ съ поличнымъ, а тотъ оказывался невиннымъ²⁷⁾. Когда въ Торопцѣ пропадала лошадь, и ту лошадь гдѣ бы то ни было находили, но татя съ нея не сгоняли, то *сюнну* съ той лошади не давали.

«Стороннимъ людямъ» предоставлялось право предъявлять ески и бить челомъ объ управѣ на торопецкихъ посадскихъ людей въ Москвѣ дьяку Дружинѣ Петелину, который долженъ былъ дѣлать докладъ государю и по государеву указу давать на посадскихъ людей управу и указъ учинять.

Уставная грамота, опредѣляя размѣры торговыхъ пошлинъ, освобождала торопецкихъ городскихъ и волостныхъ людей, привозившихъ въ Торопецъ какіе бы то ни было товары, отъ платежа «тамги, и пошлинъ, и мыта». Она обязывала торопчанъ платить по деньгѣ московской съ каждой лошади и коровы лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они покупали ихъ для перепродажи въ Литвѣ, или когда торопчанинъ въ Торопцѣ продавалъ лошадь литовскимъ торговымъ людямъ. Если же торопецкіе посадскіе люди покупали животину себѣ на ѣду или для продажи ея въ Торопцѣ или въ Холму, то они не платили никакихъ пошлинъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе торопецкой уставной грамоты 1590 года.

Вмѣстѣ съ полученіемъ этой жалованной грамоты, торопецкіе посадскіе люди приобрѣли самосудъ и законодательнымъ порядкомъ закрѣпили за собой право внутренняго, общиннаго самоуправленія. Какъ бы часто впослѣдствіи ни случались правонарушенія, самое существованіе уставной грамоты и частыя ея подтвержденія со стороны верховной власти—до нѣкоторой степени обезпечивали самостоятельность развитія торопецкой городской общины и предоставляли членамъ ея хотя какое-нибудь поприще для самодѣтельности.

²⁷⁾ А поличное—то, кто у кого выметъ изъ кѣтн изъ-за замка или что на комъ опознаетъ свое, ино то поличное; а найдутъ во дворѣ или въ пустой хоронинѣ, а не замкомъ, и то не поличное.

V.

Съ теченіемъ времени льготы, дарованныя грамотой 1590 года, нѣсколько умножились.

Торопецкіе посадскіе люди всегда таготились поѣздками въ Москву по судебнымъ и служебнымъ дѣламъ. Боясь московской приказной волокиты, они старались избѣжать необходимости вести свои дѣла въ Москвѣ и всячески домогались, чтобы имъ было дозволено судиться у себя дома въ Торопцѣ не только между собой, но и съ «сторонними людьми», и въ этомъ отношеніи они достигли многого. Грамота 1590 года требовала, чтобы торопецкіе земскіе цѣловальники приводились къ присягѣ въ Москвѣ. Но уже 26 мая 1592 года это постановленіе было отмѣнено, и съ того времени старосты, цѣловальники и всѣ посадскіе люди приводили ихъ къ крестному цѣлованью въ Торопцѣ, и лишь мірскіе приговоры объ избраніи «судныхъ цѣловальниковъ» и печатныя пошлыны съ нихъ (по рублю въ годъ) посылались въ Москву, въ четверть дѣяка Дружины Петелина, вмѣстѣ съ оброчными деньгами (годовой оброкъ вносился къ 15 августа). Затѣмъ въ 1597 году было установлено, чтобы торопецкіе посадскіе люди на «стороннихъ людей» били челомъ о судѣ воеводѣ въ Торопцѣ, и чтобы, въ случаѣ смѣснаго суда посадскихъ людей съ пушкарями и другими сторонними людьми, ихъ судилъ торопецкій воевода, но не одинъ, а непременно вмѣстѣ съ старостами и цѣловальниками, и чтобы судныя пошлыны, которыя «съ посаду взяти доведется», отдавались посадскимъ людямъ. Далѣе 1 августа 1626 года было воспрещено посылать по зазывнымъ грамотамъ посадскихъ людей въ Москву, «чтобы имъ продажи не было», и велѣно судить ихъ въ Торопцѣ. Впрочемъ, несмотря на жалованныя грамоты, все-таки въ Торопецъ часто присылались, по челобитью своихъ и чужихъ людей, предписанія «поставить къ суду, за порукою», кого-либо изъ посадскихъ людей на Москвѣ въ Костромской чети (помѣщики были вѣдомы въ Володимирскомъ судномъ приказѣ)²³.

Грамота, присланная въ Торопецъ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ въ 1614 (7122) году, подтверждая право выборныхъ земскихъ цѣловальниковъ (судныхъ цѣловальниковъ) рѣшать гражданскія судебныя дѣла, предписывала имъ править на должникахъ «истцовы иски» по кабаламъ и записямъ, а нерѣшенныя дѣла передавать суд-

²³) Приказнаго стола столбецъ № 1182; Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 8, лл. 7, 8 и 349; кн. 9, л. 165.

нымъ цѣловальникамъ, выбраннымъ посадскими людьми на слѣдующій годъ.

Грамота 1590 года предоставляла торопецкимъ посадскимъ людямъ такую самостоятельность въ области суда, управленія, сбора и раскладки податей, какою до той поры они никогда не пользовались. Съ другой стороны она значительно ограничивала кругъ дѣятельности представителей московскаго правительства въ Торопцѣ. Неудивительно поэтому, что воеводы, какъ только представлялся къ тому случай, нарушали уставную грамоту и даже иногда надолго совсѣмъ приостанавливали ея примѣненіе. Но это всегда считалось злоупотребленіемъ, и торопчане при первой возможности тотчасъ возобновляли хлопоты о подтвержденіи своихъ привилегій.

Уже въ 1597 году торопецкій воевода Григорій Колединскій началъ судить посадскихъ людей и въ ихъ посадскія (мірскія) дѣла вступаться, «въ истцовыхъ искахъ» давать на поруки не въ тѣ сроки, которые указаны въ уставной грамотѣ, отнимать у посадскихъ людей тюрьмы для земской расправы и чинить имъ насилія и продажи. Вслѣдствіе просьбы мірскихъ людей въ Торопецъ была прислана грамота царя Ѳедора Ивановича, которою было воспрещено воеводѣ въ чемъ бы то ни было нарушать жалованную уставную грамоту.

Однако попытки торопецкихъ воеводъ возстановить свои утраченные права и лишить посадскихъ людей приобретенныхъ ими привилегій—неоднократно повторялись и впоследствии. Такъ послѣ большаго пожара 1634 года,—во время котораго грамота 1590 года въ земской избѣ сгорѣла,—воеводы сами начали судить посадскихъ людей и такимъ образомъ «отняли» у нихъ ихъ «земскій судъ». Прошло нѣсколько лѣтъ. Наступилъ счастливый въ жизни торопецкихъ посадскихъ людей 1641-й годъ. 30 іюля они представили уцѣлѣвшій отъ пожара списокъ съ грамоты вмѣстѣ съ своей челобитной, въ которой между прочимъ писали, что «судъ у нихъ послѣ торопецкаго пожара отнятъ, судятъ воеводы; а приставливаютъ къ нимъ всякіе служилые люди и ищутъ напрасно, и отъ тѣхъ поклепныхъ исковъ бредутъ всѣ врознь». И на этотъ разъ въслѣдствіе челобитья посадскихъ людей «не велѣно ихъ въ Торопцѣ воеводамъ судить, а судиться самимъ въ Торопцѣ». Новая жалованная грамота (17 авг. 1641 года) подтвердила грамоты 7099, 7100, 7105 и 7122 годовъ³⁹⁾.

³⁹⁾ Приказнаго стола ст. № 1182; Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 38, л. 300.

Въ 1649 году Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича предоставило судъ исключительно воеводамъ. Можно было предвидѣть, что торопецкіе воеводы, дѣйствуя въ духѣ новаго законодательства и въ интересахъ собственной власти, возбуждать хлопоты объ уничтоженіи жалованной грамоты. И дѣйствительно, воевода Ив. Бутурлинъ въ своей отпискѣ, полученной въ Москвѣ 7 сентября 1651 года, сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе правительству: «А посадскіе люди,—прежнихъ государей и по твоему государеву жалованью и по уставной грамотѣ,—судятся межъ себя въ земской избѣ, а до воеводъ имъ, посадскимъ людямъ, и дѣла нѣтъ. И прежніе воеводы ихъ не суживали, и я, холопъ твой, посадскихъ людей безъ твоего Государева указа судить не смѣю». Затѣмъ 11 октября новая отписка того же воеводы, уже болѣе рѣшительнаго и опредѣленнаго содержанія: «И въ Торопцѣ, Государь, торопчане посадскіе люди межъ себя судятъ всякихъ посадскихъ людей въ большихъ искѣхъ рублевъ въ 300 и больше, и земляныя свои большія дѣла и татинныя дѣла вершатъ, и въ тюрьму посадскихъ людей безъ твоего государева указа сажаютъ, и расправы всякія чинятъ въ земской избѣ земскіе старосты и цѣловальники, а къ воеводамъ подъ судъ не ходятъ»... «А по твоему Государеву указу и по Соборному уложенію,—прежнихъ Государей и твои Государевы жалованныя несудимыя грамоты (вѣлно) отставить и впредь несудимымъ грамотамъ ни у кого не быть, и у кого такія несудимыя грамоты объявятся,—и у тѣхъ людей тѣ грамоты взять и прислать къ тебѣ, Государю, въ тѣ приказы, изъ которыхъ приказовъ тѣ грамоты тѣмъ людямъ давы»...

Однако торопецкіе посадскіе люди не хотѣли отказаться отъ дарованнаго имъ права отдѣльнаго, независимаго мірскаго суда, права «судиться самимъ промежъ себя». Въ отвѣтъ на притязанія воеводы, они въ поданной ими челобитной утверждали, что у нихъ нѣтъ *несудимой* грамоты, а дана имъ уставная *судимая* грамота, и ввели на воеводу обвиненіе, что онъ незаконно «земскій судъ у нихъ отнялъ и судиться имъ промежъ себя не велѣлъ», и просили запретить ему уставную грамоту нарушать и отнимать у нихъ земскій судъ. Просьба посадскихъ людей была исполнена: имъ было дозволено «судиться по-прежнему, какъ они суживались напередъ сего, въ земской избѣ» (грамота 9 апр. 1652 года изъ Костромской чети).

Эта грамота въ 1657 году сгорѣла въ земской избѣ. Опять начались различные злоупотребленія со стороны воеводъ. Опять посадскими людьми была подана жалоба московскому правительству. Между прочимъ они жаловались на то, что «къ нимъ приставливають многіе

служилые и сторонніе люди въ великихъ поклепныхъ искѣхъ и ищутъ въ Торопцѣ въ приказной избѣ передъ воеводами поклепныхъ исковъ; и отъ того имъ, торопчаномъ посадскимъ людямъ, чинятся убытки, и продажи, и волокита великая». Грамотой 24 мая 1660 года вновь «велѣно имъ во всякихъ дѣлахъ судиться по-прежнему въ земской избѣ» ⁴⁰⁾.

Послѣ этого, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, посадскіе люди были судимы въ земской избѣ своими выборными земскими старостами и цѣловальниками. Но затѣмъ воевода князь Романъ Борятинскій,—известный своими насиліями и злоупотребленіями властью и потому особенно ненавистный торопчанамъ,—съ осени 1666 года не позволялъ болѣе мірскимъ людямъ судиться въ земской избѣ по уставной грамотѣ ⁴¹⁾. Съ той поры въ теченіе 24 лѣтъ уставная грамота 1590 года въ торопецкой судебной практикѣ не находила примѣненія, и посадскіе люди наравнѣ съ другими классами населенія подлежали воеводскому суду.

Въ концѣ 1689 года воеводамъ велѣно: «таинныя, и разбойныя, и убивственныя, и всякія губныя дѣла вѣдать» ⁴²⁾.

Притѣсненія воеводъ съ одной стороны и желаніе пользоваться отдѣльнымъ и независимымъ судомъ съ другой—вынудили торопецкихъ посадскихъ людей сдѣлать чрезвычайныя усилія, чтобы получить «противъ прежняго» уставную грамоту. Обстоятельства, при которыхъ она была вновь получена, всего лучше показываютъ, насколько дорожили ею мірскіе люди, въ особенности середніе и молодшіе люди.

Задумавъ добиться возстановленія самосуда и мірскаго самоуправления, они въ августѣ 1686 года выбрали земскимъ старостой на 195 годъ Максима Заозерскаго, человѣка не богатаго, но очень смѣлаго, крайне настойчиваго и не останавливавшагося ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Вскорѣ они избрали его старостой и на 196 и 197 годы, вѣроятно, имѣя въ виду, что хлопоты о возобновленіи уставной грамоты не могутъ быть окончены въ короткое время. Такимъ образомъ М. Заозерскій былъ земскимъ старостой съ 1 сентября 1686 по 1 сент. 1689 года.

⁴⁰⁾ Преображенскаго приказа столбецъ № 60, лл. 41, 83 и 84; Приказнаго стола Разряда столбецъ № 1182; Дѣла Печатн. приказа, кн. 99, л. 115.

⁴¹⁾ Приказнаго стола ст. № 1182:... «судились они по той его государственной жалованной грамотѣ передъ земскими старосты по 175 годъ, а во 175-мъ году стольникъ князь Романъ Борятинской передъ земскими старосты судиться имъ не далъ»...

⁴²⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 293, л. 207.

По вступленіи въ должность, онъ тотчасъ поставилъ себя во враждебныя отношенія къ воеводѣ Ивану Большому Яковлевичу Колычову. Прежде всего сдѣлалъ доносъ, что по винѣ воеводы порохъ, хранившійся въ пороховомъ погребѣ, сдѣлался негоднымъ къ стрѣльбѣ. Затѣмъ отъ лица посадскихъ людей подалъ челобитную съ обвиненіемъ воеводы въ притѣсненія и налагахъ. Вслѣдствіе чего 31 мая 1687 года было рѣшено Колычова «перемѣнить безсрочно», и 3 іюля онъ уже былъ замѣненъ новымъ воеводой. Вмѣстѣ съ тѣмъ М. Заозерскій уже въ концѣ 1686 года съ необыкновенной энергіей началъ хлопоты о возобновленіи «уставной судимой грамоты». Онъ исполнѣ отдался этимъ хлопотамъ и часто пренебрегалъ всѣми другими своими дѣлами, личными и служебными, по должности земскаго старосты, даже часто надолго уѣзжалъ изъ Торопца; въ 1687 году, напримѣръ, онъ около полугода прожилъ въ Москвѣ. Несмотря на это въ теченіе трехъ лѣтъ ему не удалось довершить задуманнаго имъ предпріятія.

Однако посадскіе люди были весьма довольны его дѣятельностью и потому рѣшились на небывалое дѣло: выбрали его земскимъ старостой еще на трехлѣтіе. Когда, «по ихъ мірскому выбору и челобитью», М. Заозерскому дана была грамота еще на 3 года, онъ самъ просилъ «о перемѣнѣ», такъ какъ, по его словамъ, онъ уже «устарѣлъ и, будучи у государскихъ дѣлъ, одолжалъ великими долгами».

Послѣ этого, уже не будучи земскимъ старостой, онъ, въ качествѣ мірскаго челобитчика, продолжалъ хлопотать о полученіи уставной грамоты.

Хожденіе по этому дѣлу было сопряжено также съ весьма значительными денежными затратами. Въ январѣ 1690 года мірской сходъ опредѣлилъ немедленно собрать съ посадскихъ людей 287 рублей на покрытіе уже сдѣланныхъ Максимомъ Заозерскимъ расходовъ. Затѣмъ имъ былъ затраченъ еще 121 рубль.

Только послѣ многихъ и продолжительныхъ хлопотъ и большихъ издержекъ послѣдовало наконецъ (7 апр. 1690 года) слѣдующее рѣшеніе: «противъ сего челобитья торопчанъ посадскихъ людей, Макс. Заозерскаго съ товарищи,—быть у нихъ на посадѣ въ земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ лучшимъ посадскимъ людямъ, кого они учнутъ межъ себя выбирать всѣмъ городомъ, и тѣмъ ихъ выборнымъ земскимъ старостамъ и цѣловальникомъ въ городѣ вѣдати, и судить, и съ суда сыскивать, и управу посадскимъ людямъ въ городѣ и на посадѣ чинить по-прежнему, по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ, въ правду»... «а воеводамъ тѣсноты и налоги имъ ни въ чемъ не чинить, и впредь въ ихъ судныя дѣла не вступаться, и на кормъ денегъ

и никакихъ кормовъ съ нихъ себѣ не имать»... На основаніи этой резолюціи была выдана грамота Максиму Заозерскому 28 апрѣля 1690 года ⁴³⁾.

Въ это время въ Торопцѣ въ средѣ посадскихъ людей обнаружены несогласія и большія смуты. 18 іюня 1690 года Макс. Заозерскій вмѣстѣ съ принадлежавшими къ его партіи посадскими людьми представилъ грамоту воеводѣ въ приказной избѣ, гдѣ съ нея была снята копія. Затѣмъ, явившись въ земскую избѣ вмѣстѣ съ тѣми же посадскими людьми, онъ «положилъ на столъ передъ ларечнаго съ товарищи» (земскій староста отсутствовалъ) подлинную грамоту и объявилъ, что Государи пожаловали всѣхъ торопчанъ посадскихъ людей своею уставною судимою грамотою «противъ прежняго». Но грамоту въ земской избѣ у него не приняли и вскорѣ послали въ Москву новаго челобитчика, А. В. Доронина. «Торопецкіе посадскіе люди Олешка Васильевъ сынъ Доронинъ съ товарищи» въ своей челобитной заявили, что М. Заозерскій «невѣдомо для чего» не отдалъ грамоту въ земскую избѣ, и просили дать другую «съ прежняго отпуску». Ихъ просьба была исполнена ⁴⁴⁾.

Впрочемъ недолго пришлось торопецкимъ посадскимъ людямъ судиться по своей уставной грамотѣ. Вскорѣ Петромъ Великимъ было предпринято общее коренное преобразование въ области городского управленія и суда: по указу 30 янв. 1699 года посадскіе люди были исключены изъ вѣдомства воеводъ и приказовъ, и завѣдываніе всякими дѣлами между ними было предоставлено земскимъ избамъ ⁴⁵⁾.

VI.

Органами торопецкаго земскаго самоуправленія въ XVI и XVII вѣкахъ были: 1) мірскіе сходы, 2) различные выборные земскіе цѣловальники и 3) мірскіе челобитчики. Главнѣйшимъ изъ этихъ органовъ

⁴³⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 303, л. 695.

⁴⁴⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Новгородскаго стола столбецъ № 341. 9-го окт. 1690 года отправлена была въ Торопецъ къ воеводѣ грамота: «велѣно торопчаномъ земскому старостѣ и выборнымъ цѣловальникамъ судить промежъ себя съ прежняго отпуску, какова дана во 198-мъ (1690) году въ 28-мъ числѣ М. Заозерскому».

⁴⁵⁾ Полнаго Собранія Законовъ Рос. Имп. № 1675; Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 376, л. 248; кн. 382, л. 437.

самоуправленія, въ которомъ наиболѣе проявлялась самостоятельность посадскаго населенія, по-прежнему были мірскіе сходы. Они въ то время въ Торопцѣ назывались *соймами* («суймами»), т. е. собраніями. Вѣроятно, и въ болѣе раннюю эпоху въ Торопцѣ, какъ и въ другихъ сосѣднихъ русскихъ областяхъ, входившихъ въ составъ Литовско-русскаго государства, собранія мірскихъ людей назывались соймами.

Въ древнее время собирались въ соймы городскіе и волостные люди, мѣщане и мужи. Въ XVI и XVII вѣкахъ «въ суймы ходили» исключительно городскіе люди, и изъ нихъ лишь дворовладѣльцы, лишь люди, стоявшіе во главѣ семействъ; вообще торопецкіе соймы въ рѣдкихъ случаяхъ бывали многолюдными. Лучшіе, средніе и молодшіе люди одинаково имѣли право участвовать въ соймахъ, но многіе изъ среднихъ и молодшихъ людей рѣдко посѣщали мірскіе сходы, хотя при избраніи земскихъ старостъ и давали обѣщаніе, по ихъ требованію, «въ суймы ходити безъ ослушанія». Всего старательнѣе соймы посѣщались лучшими людьми. Они въ соймахъ занимали преобладающее положеніе, что между прочимъ проявлялось и въ самой формѣ мірскихъ приговоровъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ земскій староста съ цѣловальниками и вліятельнѣйшіе изъ посадскихъ людей перечислялись по именамъ, отчествамъ и фамиліямъ, и затѣмъ, послѣ ихъ поименованія, добавлялось: «и всѣ торопчане посадскіе люди выбрали есмь» и т. под.

«Къ государевымъ ко всякимъ и къ мірскимъ дѣламъ въ суймы ходити» — было самымъ драгоценнымъ правомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самою необременительною обязанностью торопецкихъ посадскихъ людей. Въ соймахъ мірскіе люди совѣщались, «совѣтовались» между собой и съ земскимъ старостой и рѣшали всѣ наиболѣе важныя государевы и свои мірскія дѣла. Земскій староста не смѣлъ предпринять никакого болѣе или менѣе значительнаго дѣла, не испросивъ предварительно согласія мірскихъ людей, не «посовѣтавъ съ міромъ» ⁴⁰⁾.

Всѣ постановленія мірскаго схода, всѣ «приговоры» записывались; это была работа земскаго дьячка, или подьячаго. Челобитныя, выборы и приговоры подписывались присутствовавшими въ соймѣ; за неграмотныхъ, по ихъ просьбѣ, подписывались тѣ, кому они довѣряли: «А мы,—сказано въ одной челобитной,—прикладываемъ руки сами, а кто

⁴⁰⁾ Приказнаго стола Разряда столбецъ № 1182; Московскаго стола столбецъ № 962, лл. 266—268 (приложенія 3 и 4). Въ XVIII столѣтіи соймъ въ Торопцѣ назывался „совѣтомъ“, „общимъ совѣтомъ“, „общимъ собраніемъ“ (см., наприм., Дѣла Сената, книга 226/3797, л. 348 и 349).

грамоты не умѣетъ, тотъ прикладываетъ, кому вѣрить; а старосты вмѣсто всѣхъ насъ, посадскихъ людей, ни къ какимъ дѣламъ, и крѣпостямъ, и къ челобитнымъ, и къ приговорамъ руки не прикладываютъ». Однако часто случалось, что земскій староста подписывался одинъ «во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто».

Однимъ изъ главныхъ предметовъ занятій въ торопецкихъ соймахъ были выборы земскихъ должностныхъ лицъ: мірскихъ челобитчиковъ, земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, судныхъ цѣловальниковъ, кружечнаго двора головъ и таможенныхъ головъ и ихъ цѣловальниковъ, «выборныхъ цѣловальниковъ» и проч. По истеченіи срока своей службы, земскіе старосты и цѣловальники выбирали на слѣдующій годъ «въ земской избѣ на суйму съ мірскими людьми изъ торопчанъ посадскихъ людей въ земскую избу—старосту и цѣловальниковъ». По окончаніи выборовъ земскимъ дьячкомъ составлялись «выборы и приговоры», въ которыхъ по возможности точно обозначалось, что дѣлать выбранному и какъ исполнять порученныя ему міромъ обязанности. Такъ какъ всѣ замыслы и желанія міра осуществлялись при посредствѣ выбранныхъ имъ различнаго рода цѣловальниковъ и проявлялись въ ихъ дѣятельности, то, конечно, выборъ подходящихъ къ той или другой должности людей былъ дѣломъ особенной важности. Участникамъ мірскаго схода было необходимо опредѣлить способности каждаго избираемаго лица и его пригодность для исполненія имъ его обязанностей и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать вѣрную и справедливую оцѣнку его матеріальныхъ средствъ, потому что многочисленныя мірскія «службы», иногда отвѣтственныя и всегда тяжелыя и надолго отрывавшія посадскихъ людей отъ ихъ обыкновенныхъ занятій, исполнялись ими безъ всякаго вознагражденія за трудъ и убытки. Понятно, что при этомъ дѣло не обходилось безъ частыхъ ошибокъ и злоупотребленій.

Другимъ, едва ли не самымъ важнымъ, предметомъ занятій посадскихъ людей на мірскихъ сходахъ въ теченіе XVII вѣка были совѣщанія о раскладкѣ податей и о распредѣленіи между ними разнообразныхъ повинностей. Опредѣленіе оклада, съ котораго каждый изъ посадскихъ людей былъ обязанъ платить всякаго наименованія подати, было, безъ сомнѣнія, наиболѣе сложнымъ и труднымъ изъ всѣхъ занятій мірскаго схода и порождало много недоразумѣній и вражды. Всѣ сборщики податей руководствовались «окладными книгами» или «поборными выписями для сбора», выданными имъ міромъ.

Равнымъ образомъ мірскіе люди на своихъ сходахъ разсуждали о своихъ мѣстныхъ нуждахъ, о пользованіи пахатной и сѣнокосной земель, рыбной ловлей и о другихъ предметахъ городского хозяйства.

Къ числу временныхъ предметовъ совѣщаній въ соймахъ принадлежало обсужденіе мѣропріятій къ увеличенію числа тягловъ и къ облегченію податного бремени. Уже торопецкая уставная грамота 1590 года разрѣшила посадскимъ людямъ своихъ тягловъ, ушедшихъ съ посада, въ «заповѣдныя лѣта» вывозить назадъ на старинныя ихъ мѣста ⁴⁷⁾. И впослѣдствіи, въ XVII столѣтіи, мірскіе люди широко пользовались этимъ дарованнымъ имъ правомъ и очень часто хлопотали о возвращеніи «сходцевъ торопчанъ посадскихъ людей» «въ посадъ, въ тягло, на прежнія ихъ печища», и вслѣдствіе этого иногда число тяглыхъ людей въ Торопцѣ сразу значительно возрастало. Въ 1641 году, напримѣръ, къ числу тяглыхъ людей было присоединено 175 семействъ; въ 1668 году—280 человекъ, взятыхъ изъ посада въ стрѣльцы и затѣмъ жившихъ на тяглыхъ мѣстахъ въ посадѣ, должны были, вслѣдствіе челобитья посадскихъ людей, тягло платить по-прежнему; въ 1650 году всѣ торопецкіе ямщики были превращены въ тяглыхъ людей и должны были тягло тянуть вмѣстѣ съ посадскими людьми. Возвращеніе на посадъ прежнихъ тягловъ небольшими группами или отдѣльными семействами было дѣломъ обыкновеннымъ ⁴⁸⁾.

Очень часто въ своихъ собраніяхъ посадскіе люди разсуждали о нарушеніи ихъ земскихъ правъ и имущественныхъ интересовъ воеводами, губными старостами и т. под.; иногда они принимали рѣшеніе бороться противъ ихъ насилій и притѣсненій. Точно также всякій разъ, какъ начинали страдать мірскіе интересы отъ злоупотребленій какихъ-либо иныхъ постороннихъ міру людей, посадскіе люди тотчасъ вооружались на защиту своихъ имущественныхъ правъ. Такъ, вслѣдствіе ихъ приговоровъ и челобитныхъ, приказано было торопецкимъ стрѣльцамъ ставить въ Торопцѣ свои собственные дворы и не жить на дворахъ посадскихъ людей, бѣломѣстамъ велѣно снести съ посадскихъ земель «всякое строеніе» и т. под. ⁴⁹⁾.

⁴⁷⁾ См. приложение I-е: „И на пустыя ихъ мѣста старинныхъ своихъ тягловъ изъ-за князей, и изъ-за детей боярскихъ, и изъ-за монастырей и изъ волостей, которые у нихъ съ посаду разошлись, въ заповѣдныя лѣта вывозить назадъ на старинныя ихъ мѣста, гдѣ кто жилъ напередъ того,—безоброчно и безпошлинно“.

⁴⁸⁾ См. выше стр. 164—166; Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 291, лл. 59—69; по Суздалью книга № 1, лл. 375—500; Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 50, л. 193; кн. 53, л. 32; кн. 56, л. 195; кн. 151, л. 157; кн. 303, л. 866.

⁴⁹⁾ Дѣла Печатнаго приказа безпошлин., кн. 17, л. 34; кн. 22, л. 473. Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 8, л. 23; кн. 52, л. 87; кн. 199, л. 310; кн. 373, л. 979.

Кромѣ того обсужденію и разрѣшенію торопецкаго сойма подлежали всѣ спорные вопросы, возникавшіе въ мірской практикѣ, и всѣ наиболѣе важныя текущія дѣла, которыя не могли быть рѣшены земскими старостами и цѣловальниками.

Соймы собирались, кажется, всегда въ земской избѣ или передъ земской избой. Но бывали случаи, когда вражда партій въ Торопцѣ достигала крайнихъ предѣловъ, и тогда часть посадскихъ людей собиралась отдѣльно. Такъ въ 1690 году человекъ 12 лучшихъ людей вмѣстѣ съ земскимъ старостой «заводъ къ дурну заводили»: собравшись въ маломъ числѣ, «на кружечномъ дворѣ ходили», нѣкоторыхъ посадскихъ людей били «дубьемъ» и насильно заставляли подписывать ихъ «составную воровскую челобитную», чтобы тотъ ихъ «умышленный сборъ къ дурну покрыть». Но такія злоумышленные собранія («умышленный сборъ къ дурну») всегда считались незаконными. Въ 1682 году была прислана изъ Разряда грамота такого содержанія: «...будетъ кто на кого учнетъ бить челомъ въ какомъ дѣлѣ, и чтобы другъ за друга не стояли, и заводовъ не заводили, и кругами не ходили: будетъ кому до кого дѣла, чтобы искали собою»...⁵⁰⁾.

Торопецкіе соймы въ XVI и XVII вѣкахъ имѣли первенствующее значеніе во внутренней жизни посадской общины и безспорно были главнымъ органомъ внутренняго самоуправленія города Торопца.

VII.

Второстепенными, исполнительными органами мірскаго самоуправленія были различныя, избранныя въ соймахъ мірскими людьми земскіе цѣловальники, «сидѣвшіе» въ земской избѣ.

До тѣхъ поръ пока судъ и управленіе въ Торопцѣ находились въ рукахъ намѣстника и его тіуна, средоточіемъ управленія и суда былъ тивунскій дворъ. Въ 1540 году на посадѣ жилъ «староста»; на посадѣ же, на большой площади, находился «дворъ тіуновъ».

Послѣ указа 1556 года, которымъ повелѣно было во всѣхъ «городахъ и волостяхъ разчинити старосты, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе», и въ Торопцѣ появились всѣ перечисленные должностныя лица. Но хотя они и стояли во главѣ посадскихъ людей, однако ихъ власть была исключительно финансоваго и полицейскаго характера.

⁵⁰⁾ Московскаго стола столбецъ № 962, л. 266; Приказнаго стола столбецъ № 1182.

Существовали и цѣловальники, собиравшіе «на вѣрѣ» подати на государя.

Но послѣ того, какъ дарована была городскимъ людямъ уставная грамота, уже не было въ Торопцѣ тиунскаго двора: на его мѣстѣ явилась «земская изба». Въ ней собирались на совѣщанія мірскіе люди и постановляли свои приговоры, въ ней сосредоточивалась и дѣятельность выборныхъ *земскихъ* цѣловальниковъ, избиравшихся міромъ и съ конца 1590 года чинившихъ между посадскими людьми судъ и управу.

Торопецкая уставная грамота позволяетъ посадскимъ людямъ выбирать «всѣмъ городомъ» изъ лучшихъ людей «выборныхъ земскихъ цѣловальниковъ», но не опредѣляетъ числа ихъ и не распредѣляетъ между ними ихъ обязанностей, очевидно, предоставляя сдѣлать это самимъ торопчанамъ. Кажется, вначалѣ посадскіе люди, оставивши старосту, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, избирали сверхъ того отдѣльных «судныхъ цѣловальниковъ», вѣдавшихъ исключительно судебныя дѣла. Такъ грамотой 26 мая 1592 года, — конечно, по просьбѣ торопчанъ, — было предписано приводить судныхъ цѣловальниковъ къ присягѣ въ Торопцѣ «старостамъ, и цѣловальникомъ, и всѣмъ посадскимъ людямъ», а приговоры объ ихъ избраніи присылать въ Москву. Впослѣдствіи, въ 1687 году, ходатайствуя о подтвержденіи грамоты 1590 года, торопецкіе посадскіе люди просили дозволить имъ «судиться межъ себя самимъ передъ земскими старостами и цѣловальниками»; объ отдѣльных «судныхъ цѣловальникахъ» давно уже и не упоминалось. Любопытно, что въ Москвѣ, разбирая въ 1690 году челобитную торопчанъ и представленныя ими копии съ жалованныхъ грамотъ, обратили вниманіе на упоминаемыхъ въ грамотахъ 1592, 1614 и 1641 годовъ «судныхъ цѣловальниковъ», отождествили ихъ съ земскими судейками сѣверныхъ русскихъ областей и рѣшили по этому поводу навести справку. Оказалось: «По справкѣ съ приказомъ Костромскіе чети, судейки нынѣ есть въ Ярославлѣ, а въ иныхъ замосковныхъ, и въ заопчкихъ, и въ украинныхъ городѣхъ — судеекъ нигдѣ нѣтъ». На основаніи этой справки рѣшено было дозволить по-прежнему судъ и управу въ Торопцѣ чинить выборнымъ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ ⁵¹⁾.

Въ XVII вѣкѣ первымъ лицомъ въ земской избѣ былъ «земскій староста», или «земской избы староста». Въ самомъ концѣ столѣтія рядомъ съ старостой являются «земскихъ дѣлъ бурмистры».

Земскіе старосты назначались на должность «по челобитью и по выбору торопчанъ посадскихъ людей», «по ихъ мірскому выбору и

⁵¹⁾ Приказнаго стола ст. № 1182.

челобитью». Трудно уловить тѣ соображенія, которыми руководствовались при ихъ избраніи. Не всегда они принадлежали къ числу наиболѣе богатыхъ людей. Кажется, большое вліяніе на выборъ имѣли личныя качества избираемыхъ («человѣкъ доброй») и то обстоятельство, кто въ данное время имѣлъ преобладающее положеніе на мірскихъ сходахъ, лучше люди или, наоборотъ, средніе и молодшіе. Обыкновенно земскихъ старостъ выбирали на одинъ годъ, но бывали случаи, что они занимали свою должность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. При избраніи земскаго старосты и цѣловальниковъ составлялся «выборъ и приговоръ», въ которомъ въ общихъ чертахъ обозначались ихъ обязанности. Они должны были: въ государевыхъ и въ мірскихъ дѣлахъ чинить расправу межъ посадскими людьми по государевымъ указамъ, по торопецкой уставной грамотѣ и по Соборному уложению (а въ болѣе раннюю эпоху по Судебнику); призывать посадскихъ людей къ государевымъ и мірскимъ дѣламъ въ суймы; посылать ихъ на всякія городовыя и острожныя подѣлки; по выданнымъ міромъ «поборнымъ выписамъ», согласно окладнымъ книгамъ, собирать съ нихъ въ земскую избу, по жеребьямъ, всякія государевы подати и поборы на мірскіе расходы. Въ приговорахъ объ избраніи земскаго старосты съ товарищи постановлялось, что земскій староста и цѣловальники имѣли право посадить «на время» въ тюрьму, а затѣмъ наказать, смотря по винѣ, тѣхъ посадскихъ людей, которые оказывали имъ ослушаніе или обезчестили ихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ приговорахъ опредѣлялось не допускать земскаго старосту съ товарищами до убытковъ «во всякихъ мірскихъ дѣлахъ» ихъ «годового въ земской избѣ сидѣнья»... «а что станеть убытковъ»... «снять всѣ сполна по ихъ душевной сказкѣ».

Земскій староста имѣлъ власть исполнительную и дѣйствовалъ всегда лишь «во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто»; тѣмъ не менѣе его значеніе было очень велико, что выражалось уже въ той формѣ, въ которой писались «приговоры» мірскихъ людей: «торопецкій староста... да цѣловальники... и всѣ торопчане посадскіе люди выбрали и приговорили»... Самая власть міра большею частью проявлялась чрезъ посредство земскихъ старостъ. Ими приводились въ исполненіе всѣ приговоры и распоряженія міра и ими большею частью подавались челобитныя отъ лица всѣхъ мірскихъ людей. Особенно возрастало вліяніе земскихъ старостъ въ тѣ годы, когда они вѣдали судомъ и управой всѣхъ посадскихъ людей, когда «торопчане судились въ земской избѣ передъ земскими старостами и цѣловальниками, кого міромъ выберутъ». Въ кругъ ихъ обязанностей тогда входило: «торопчанъ посадскихъ людей среднихъ и молодшихъ людей во всемъ остерегать и

оберегать отъ стороннихъ людей». Но самой важной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой тяжелой обязанностью земскихъ старостъ и цѣловальниковъ было завѣдываніе расходами и доходами и сборъ податей. Кромѣ того земскіе старосты руководили выборомъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ и «надсматривали» за всѣмъ, что происходило въ таможенѣ и на кружечномъ дворѣ. Существовалъ и надъ ними въ денежныхъ дѣлахъ контроль: часто посадскіе люди выбирали изъ своей среды знающихъ людей для того, чтобы «счесть» земскихъ старостъ и цѣловальниковъ въ земской избѣ, по книгамъ, въ приходѣ и расходѣ; но иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ «не считали земскихъ старостъ»⁵²).

Между земскими старостами и ихъ избирателями не всегда существовали добрыя отношенія. Часто земскимъ старостамъ, вслѣдствіе жалобъ на ихъ злоупотребленія, воспрещалось нѣкоторыхъ посадскихъ людей «вѣдать судомъ и расправою, за недружбою». Доносили, на примѣръ, на земскаго старосту, что онъ, «будучи въ земской избѣ, чинилъ посадскимъ людямъ во всякихъ мірскихъ дѣлахъ неправды и бралъ съ нихъ поборы большіе». Нѣкоторыхъ земскихъ старостъ и цѣловальниковъ обвиняли, что они «драли» окладныя книги, бросали съ стола на лавку въ земской избѣ жалованную уставную грамоту и т. под. На одного земскаго старосту взведено было обвиненіе, что онъ, «дружа и норовя» своему пріятелю, одну поручную запись помѣтилъ «назадъ числомъ». Жаловались на жестокое обращеніе нѣкоторыхъ земскихъ старостъ съ посадскими людьми: своихъ недруговъ они били дубьемъ и сажали въ тюрьму. Особенно часто земскіе старосты злоупотребляли своею властью по отношенію къ молодымъ людямъ. Однажды, на примѣръ, они позвали къ себѣ въ земскую избу палача и велѣли ему бить батогами одного посадскаго человѣка, и палачъ вмѣстѣ съ 3 приставами въ присутствіи земскаго старосты и его товарищей билъ этого бѣдняка батогами и затѣмъ приковалъ его въ земской избѣ къ стѣнѣ. По осмотру оказалось, что наказанный «по спинѣ и по бокамъ избить весь, и по правому плечу и по рукамъ бито. И бой — знать, и синева знать». Примѣру земскихъ старостъ слѣдовали и другіе земскіе цѣловальники: одинъ таможенный голова подвергся обвиненію, что онъ какого-то пушкаря, «взявъ съ площади въ таможеню въ вечернюю пору, во всю ночь въ студеномъ под-

⁵²) Приложенія 3-е и 4-е. Приказнаго стола ст. № 1182; Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 283, л. 305; кн. 369, л. 93; кн. 399.

сѣнѣ скованнаго безвинно держалъ и тѣмъ кованьемъ его изувѣчилъ» ⁵³⁾.

Вмѣстѣ съ земскимъ старостой въ земской избѣ «сидѣли» его товарищи—цѣловальники. Главнымъ изъ нихъ былъ ларечный цѣловальникъ, замѣститель и ближайшій помощникъ земскаго старосты. На немъ лежала обязанность принимать и хранить всѣ наиболее важные документы. Кто вносилъ въ земскую избу деньги или представлялъ какіе-либо документы, долженъ былъ ихъ *положить на столъ* въ земской избѣ.

Вмѣстѣ съ городскими выборными людьми въ земской избѣ засѣдали также и старосты, выбранные жителями Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ, такъ какъ въ XVI и XVII вѣкахъ связь города съ уѣздомъ еще не была совсѣмъ порвана. Неоднократно торопецкіе посадскіе люди просили «съ Торопецкаго и Холмскаго уѣзда, съ дворянскихъ и съ дѣтей боярскихъ съ помѣстій и съ вотчинъ учинити въ Торопцѣ старость для всякихъ государевыхъ платежей». Слѣдовательно, уѣздные старосты въ XVII вѣкѣ существовали главнымъ образомъ для того, чтобы не приходилось посадскимъ людямъ «платежи за дворянскія сохи переплачивать», чтобы было «съ кѣмъ имъ въ переплатныхъ деньгахъ считаться» ⁵⁴⁾.

Большое значеніе во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ имѣли въ Торопцѣ дьячки земской избы, составлявшіе «выборы и приговоры» также и въ соймахъ посадскихъ людей. По уставной грамотѣ 1590 года, для записыванія всякихъ судныхъ и обыскныхъ дѣлъ, выбирался всѣми посадскими людьми, «всѣмъ городомъ», земскій дьячокъ. У записки дѣлъ должны были сидѣть земскіе цѣловальники и съ ними лучшіе люди; грамотные земскіе цѣловальники должны были по клейкамъ прикладывать руки и хранить дѣла за своими печатами. Если же дьячокъ записывалъ судныя и обыскныя дѣла одинъ, а не передъ земскими цѣловальниками, и держалъ дѣла у себя, безъ цѣловальниковыхъ подписей, то за это подвергался смертной казни и конфискаціи всего имущества. Самая строгость наказанія указываетъ на возможность крупныхъ злоупотребленій со стороны земскихъ дьячковъ. Въ XVII столѣтіи ихъ вліяніе на всѣ дѣла въ земской избѣ не уменьшилось,

⁵³⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 316, лл. 562 и 563; кн. 321, л. 75; кн. 356, л. 886; кн. 363, л. 84; Приказнаго стола столбецъ № 1182; Новгородскаго стола столбецъ № 277; Сибирскаго приказа столбецъ № 1215.

⁵⁴⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Новгородскаго стола столбецъ № 58, л. 595.

и сами воеводы это признавали. Въ 1686 году торопецкій земскій староста доносилъ, что воевода велѣлъ мучить и увѣчить «земскаго нашего дьячка», «а за то его, дьячка, велѣлъ мучить, чтобъ онъ, земскій дьячокъ, никакихъ на него, воеводу, извѣтовъ и челобитенъ не писалъ, и на него рукъ никто-бъ къ челобитной не прикладывалъ» ⁵⁵⁾.

Земская изба была средоточіемъ мірской жизни, и потому всѣхъ выбранныхъ міромъ посадскихъ людей съ ней соединяли болѣе или менѣе тѣсныя связи. Головы таможни и кружечнаго двора съ ихъ цѣловальниками и подьячими, «выборные цѣловальники» для денежнаго сбора, а также и тѣ посадскіе люди, которые исполняли различныя временныя мірскія порученія,—провѣряли въ земской избѣ прихода-расходныя книги, присутствовали при межеваніи писцами сосѣднихъ земель и т. под.,—всѣ они находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ земской избой.

При земской избѣ всегда состояли посадскіе люди, исполнявшіе низшаго разряда службы: разсылные (ходаки) и сторожа.

VIII.

Торопецкая земская изба была постояннымъ органомъ мірскаго самоуправленія. Но очень часто, независимо отъ земской избы, въ качествѣ временнаго органа земскаго самоуправленія функционировали *мірскіе челобитчики*.

Постановленные въ соймахъ приговоры «мірскихъ людей» обыкновенно приводились въ исполненіе земскими старостами и цѣловальниками. Если же необходимо было хлопотать о чемъ-нибудь особенно важномъ въ Москвѣ, то не ограничивались подачей челобитной отъ лица земскаго старосты и всѣхъ посадскихъ людей, но отправляли особыхъ «отъ міру челобитчиковъ», которые «ходили за дѣломъ» и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени хлопотали въ Москвѣ о мірскихъ дѣлахъ и добивались благопріятнаго рѣшенія. Поѣздка земскаго старосты М. Заозерскаго въ Москву въ качествѣ челобитчика была исключительнымъ явленіемъ въ торопецкой мірской жизни и состоялась лишь въ виду его личныхъ качествъ и того особаго значенія, какое торопчане придавали полученію уставной грамоты. По словамъ посадскихъ людей, «сами старосты въ челобитникахъ не ѣзживали и не ѣздятъ».

⁵⁵⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182.

Посадскіе люди, которые «объ мірскихъ дѣлахъ въ челобитыи были», принадлежали къ числу людей наиболѣе смѣлыхъ, ловкихъ и неразборчивыхъ въ выборѣ средствъ. Выбранные мірскими людьми челобитчики, отправляясь въ Москву «за челобитьемъ съ заручною челобитною», брали съ собою не только подписанную старостой и посадскими людьми челобитную, но также и приговоръ, въ которомъ точно (подлинно) обозначалось, о чемъ они должны были хлопотать. Посадскіе люди разрѣшали своимъ челобитчикамъ тратить въ Москвѣ деньги на свои «всякіе харчи и убытки» и на посулы и поминки московскимъ приказнымъ людямъ. Такъ какъ невозможно было заранѣе опредѣлить ни количества расходовъ при хожденіи «за дѣломъ», ни издержекъ на содержаніе самихъ челобитчиковъ, ни даже времени, потребнаго на успѣшное окончаніе порученія, даннаго имъ,—то случалось иногда, что челобитчики подавали впослѣдствіи жалобы на мірскихъ людей, не платившихъ имъ истраченныхъ ими денегъ, и даже возбуждали иски объ убыткахъ⁵⁶⁾.

Въ XVII вѣкѣ торопецкіе пушкари и стрѣльцы также посылали въ Москву выбранныхъ ими изъ своей среды «челобитчиковъ»—«ходить за братскимъ дѣломъ въ Разрядъ». Большею частью ихъ челобитчики хлопотали о недоданномъ жалованьи или били челомъ о смѣщеніи воеводъ и своихъ ближайшихъ начальниковъ. Но бывали случаи, когда въ одинаковой мѣрѣ затрогивались интересы всѣхъ жителей Торопца, и тогда одновременно появлялись въ Москвѣ челобитчики и отъ стрѣльцовъ, и отъ пушкарей, и отъ посадскихъ людей, хлопотавшіе по одному и тому же дѣлу⁵⁷⁾.

Часто случалось, что челобитчики въ подкрѣпленіе мірскаго челобитья самовольно дѣлали еще словесныя челобитыя отъ себя лично. Такъ торопецкій челобитчикъ Алексѣй Васильевъ Доронинъ, подававшій 20 іюня 1683 года челобитную отъ лица земскаго старосты, цѣловальниковъ и посадскихъ людей (93 человекъ) о перемѣнѣ воеводы Ив. Беклемишева, 21 іюня отъ себя лично сдѣлалъ доносъ (словесное челобитье) на этого воеводу въ сообщеніи невѣрныхъ свѣденій о бывшемъ передъ тѣмъ торопецкомъ пожарѣ, основываясь въ этомъ случаѣ исключительно на словахъ одного торопецкаго стрѣльца, такъ какъ самъ Доронинъ «въ то время (5 мая 1683 года) въ Торопцѣ не былъ,

⁵⁶⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 374, л. 51.

⁵⁷⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 25, л. 148; Приказнаго стола столбецъ № 598.

а былъ за челобитьемъ съ заручною челобитною на него, Ивана Беклемишева, въ налогахъ его и въ обидахъ, на Москвѣ⁵⁸⁾.

Неудивительно, что подобные челобитчики иногда злоупотребляли оказаннымъ имъ довѣріемъ и подавали челобитныя самовольно, не получивъ на то полномочія отъ своихъ избирателей. Такъ въ 1682 году челобитчики отъ имени торопецкихъ стрѣльцовъ и пушкарей заявляли, что въ 1672—1674 годахъ воевода Яковъ Никитичъ Колычовъ и сынъ его Иванъ Меньшой Колычовъ «въ Торопцѣ жили безкорыстно и дѣла дѣлали безволокидно» и «никакихъ налоговъ и разоренія не чинили», что вслѣдствіе этого еще царю Алексѣю Михайловичу была подана въ Разрядъ заручная челобитная всего города о назначеніи Ив. Яков. Колычова на мѣсто торопецкаго воеводы, но что это назначеніе не состоялось, а между тѣмъ присланный воеводой въ Торопецъ Ив. Беклемишевъ началъ дѣлать всякія неправды. Челобитная заключалась просьбой «послать въ Торопецъ воеводою стольника Ивана Меньшого Яковлевича Колычова, а стольника и воеводу Ив. Беклемишева переимѣнить». 5 авг. 1682 года рѣшено было исполнить эту просьбу. Но напрасно московское правительство торопилось постановить свое рѣшеніе, не провѣривъ справедливости жалобъ на воеводу. Вскорѣ стрѣльцы и пушкарі прислали своимъ челобитчикамъ письма (грамотки), въ которыхъ упрекали ихъ въ подачѣ жалобы и заявляли, что «они воеводой довольны». Когда дѣло разъяснилось, то 30 августа 1682 года государи указали и воеводы приговорили торопецкимъ стрѣльцамъ Ѳедкѣ Вязмитинову, Артюшкѣ Моклокову да пушкарю Петрушкѣ Сергѣеву... учинить наказанье: бить кнутомъ и сослать ихъ изъ Торопца съ женами и съ дѣтьми въ новопостроенный городъ въ Полатовъ на вѣчное житіе за ихъ воровство, за то, что они все это дѣло «затѣяли воровски собою».

Между другими грамотками прислана была тогда въ Москву одна грамотка, весьма любопытная для характеристики отношеній къ челобитчикамъ ихъ довѣрителей и вообще для характеристики тогдашнихъ взаимныхъ отношеній пушкарей, стрѣльцовъ и посадскихъ людей между собой.

«Товарищу нашему Петру Сергѣевичу товарищи твои торопецкіе пушкарі Петрушка Сторожевъ Большой, да Никифорка Шараповъ, да Никитка Колмаковъ, Андриушка Шарипинъ, Микитка Костинъ, Петрушка Сторожевъ Меньшой и всѣ торопецкіе пушкарі, и воротники, казенные кузнецы, и плотники челомъ бьемъ.

⁵⁸⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 318, лл. 252—282.

Писалъ ты къ намъ въ грамотѣ, что билъ челомъ ты Великимъ Государемъ на воеводу на Ивана Ивановича Беклемишева, что будто онъ, воевода, до насъ немилостивъ, а онъ, воевода, до насъ милостивъ и росправу чинить межъ нами противъ государскихъ указовъ, и мы на него, воеводу, бить челомъ Великимъ Государемъ тебѣ не приказывали и челобитной за руками на воеводу не давали. И ты, Петръ, безъ нашего братскаго вѣдома и безъ заручной челобитной, на него, воеводу, Великимъ Государемъ не бей челомъ. Да, Бога ради, Петръ Сергѣевичъ, ходи ты за братскимъ дѣломъ: бей челомъ Великимъ Государемъ о недодаточномъ жалованьѣ за прошлые годы, чтобъ намъ другого челобитчика не посылать. А намъ вѣдомо учинилось, что ты поиспиваешь. А раздаточныя книги послѣ сей нашей грамотки къ Москвѣ тотчасъ будутъ. А въ домъ твоёмъ далъ Богъ все здорово. Бога для, на воеводу не бей челомъ, чтобы намъ съ воеводою напрасно въ остудѣ не быть. А дворяне, и стрѣльцы, и посадскіе люди, всѣ за то на насъ безмѣрно роптуютъ, что ты на воеводу бездѣльно билъ челомъ, а отъ воеводы никому никакіе худобы не бывало. Заснмъ тебѣ челомъ бьемъ»⁵⁹⁾.

III. Подати и повинности.

I.

Личныя повинности посадскихъ людей въ XVI и XVII вѣкахъ были тѣ же, что и въ болѣе раннюю эпоху. Главнѣйшими изъ нихъ, падавшими на всѣхъ посадскихъ людей, были: повинности ратная и ямская, городовое и острожное дѣло и различныя мірскія службы.

Очень рѣдко отъ торопецкихъ посадскихъ людей требовали даточныхъ людей и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ собирали съ нихъ деньги на жалованье ратнымъ людямъ, по 2 рубля съ двора (одному челвѣку съ 10 дворовъ). Обыкновенно они несли *ратную службу* въ предѣлахъ своего города и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ Торопецкомъ и Холмскомъ уѣздахъ. Ежегодно торопецкіе воеводы составляли книги, въ которыхъ поименовывались всѣ способные носить оружіе посадскіе люди, съ обозначеніемъ, съ какимъ «боемъ» каждый изъ нихъ долженъ былъ по первому требованію явиться на городскія стѣны, съ пицалью, съ копьемъ или бердышемъ. Всѣ посадскіе люди и въ мирное время находились въ боевой готовности; при первомъ же извѣстіи о прибли-

⁵⁹⁾ Приказнаго стола столбецъ № 598.

женіи враговъ, всѣ они являлись на городскія или острожныя стѣны и башни на мѣста, заблаговременно назначенныя имъ воеводой. Очень часто ратная повинность бывала крайне тяжелой для посадскихъ людей, и не безъ основанія говорилось, что «порубежный городъ Торопецъ искони стоитъ на крови».

Въ XVI и XVII вѣкахъ въ Торопцѣ «городъ, и острогъ, и всякое городовое, и острожное и мостовое дѣло» производилось «Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ сошными и торопчаны посадскими и иныхъ чиновъ людьми». Эта всеобщая повинность была одновременно и личною, и натуральною. Какъ уѣздные, такъ и посадскіе люди были обязаны давать «въ городовое дѣло лѣсъ и дѣльцовъ». Когда давалось предписаніе приступить къ постройкѣ или къ починкѣ городскихъ или острожныхъ стѣнъ и башенъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось «въ передѣлкѣ посадскимъ людямъ съ уѣздными людьми дать счетъ». Посадскіе люди съ уѣздными всякихъ чиновъ людьми верстались сначала по сошному письму, а затѣмъ въ послѣдней четверти XVII вѣка по переписнымъ книгамъ, «съ двороваго числа». Разверставшись съ уѣздными людьми, они должны были «дѣлать по развыткѣ, сколько имъ доведется», «ихъ повытѣ» «по дворовой розвыткѣ». Иногда торопецкимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ давались на городовое дѣло «взаймы» деньги изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ. Посадскимъ людямъ иногда, если не было особенной необходимости спѣшить постройкой городскихъ стѣнъ и башенъ, дозволялось закончить работы въ три года, воеводамъ приказывалось «имъ въ городовомъ дѣлѣ дать сроку», позволялось острожное дѣло «дѣлать, противъ ихъ мочи, не въ одинъ годъ», «лѣсъ готовить вешнею полою водою» и т. под. Но несмотря на такую снисходительность, городовое и острожное дѣло было для торопчанъ очень тяжелою повинностью (см. стр. 112 и 113) ⁶⁰).

Не такова была *ямская повинность*. Ямская служба въ Торопцѣ была правильно организована уже въ XVI вѣкѣ. Нѣкоторые изъ посадскихъ людей были обращены въ ямщиковъ, остальные тянули тягло и между прочимъ платили ямскія деньги. Но съ половины XVII вѣка торопецкіе ямскіе охотники были обращены въ тяглыхъ людей, и ям-

⁶⁰) Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 17, л. 9; кн. 54, л. 437; кн. 55, л. 34; кн. 56, л. 6; кн. 57, л. 386; кн. 94, л. 96; кн. 172, л. 166; кн. 201, л. 5; кн. 247, л. 467; кн. 274, л. 305; кн. 333, л. 84; кн. 341, л. 334. Дѣла Печатнаго приказа безпошл., кн. 4, лл. 48 и 51. Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 72, лл. 239—240.

ская гоньба сдѣлалась общею личною повинностью всѣхъ посадскихъ людей. Облегченіе податного бремени вслѣдствіе распредѣленія его между большимъ количествомъ тягловъ и удовлетворительное вознагражденіе за ямскую службу — сдѣлали легкимъ отбываніе ямской повинности. Конечно, во второй половинѣ XVII вѣка часто бывали злоупотребленія, умалявшія выгоды ямской службы. Такъ въ 1686 г. посадскіе люди жаловались, что воевода имъ «прогоновъ не даетъ и тѣ прогонныя деньги беретъ къ себѣ» ⁶¹⁾. Однако, несмотря на существованіе различныхъ злоупотребленій, торопчане продолжали «ямскую гоньбу гонять посадомъ» и не выражали желанія избавиться отъ исполненія этой повинности.

Общею для всѣхъ посадскихъ людей обязанностью было *«всякія государевы службы служить»*. Къ исполненію этой личной повинности были привлекаемы, по возможности, всѣ мірскіе люди, сообразно съ ихъ личными силами и денежными средствами. Мірскія службы были весьма разнообразны и неравномѣрно распредѣлялись между членами посадской общины. Бѣдняки (молодшіе люди) были отправляемы въ качествѣ посыльныхъ и провожатыхъ въ Москву; служили въ сторожахъ и разсылныхъ при земской избѣ, при таможенѣ и на кружечномъ дворѣ; исполняли караульную службу при тюрьмѣ, у государевыхъ житницъ и пр. Болѣе зажиточные посадскіе люди (лучшіе и средніе люди) служили въ цѣловальникахъ. Изъ нихъ мірскіе люди выбирали въ земскую избу—земскихъ старостъ и цѣловальниковъ и головъ съ ихъ цѣловальниками въ таможеню и на кружечный (корчемный) дворъ; изъ нихъ же выбирали челобитчиковъ, отправляемыхъ по различнымъ мірскимъ дѣламъ въ Москву, а также и «выборныхъ цѣловальниковъ», которые по окладнымъ книгамъ собирали различнаго рода подати. Издавна существовала въ Торопцѣ служба въ «вѣрныхъ цѣловальникахъ». Въ 1588 году «всякія намѣстничьи доходы» (судебныя и торговыя пошлины и кормы) и кабацкія деньги собирались на государя «вѣрными цѣловальниками». Извѣстно, какъ трудна была служба земскихъ старостъ и цѣловальниковъ въ земской избѣ. Но еще болѣе тяжелой и отвѣтственной была служба «на вѣрѣ» въ таможенныхъ и въ особенности въ кабацкихъ головахъ и цѣловальникахъ. Ежегодно торопецкіе мірскіе люди выбирали «вѣрныхъ» головъ и цѣловальниковъ «для сбора денежной казны таможенныхъ пошлинъ и питейной прибыли» и свои «выборы за руками» посылали въ Новую Четь, въ приказъ Большой Казны или въ иное учрежденіе, которое въ тотъ

⁶¹⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182.

годъ вѣдало Торопецъ въ таможенныхъ и кабацкихъ сборахъ. Иногда новоизбранные головы отправлялись въ Москву для принесенія присяги. По окончаніи служебнаго года таможенные и кабацкіе головы являлись въ Москву, въ Разрядъ, «съ сборными книгами, и съ платежными отписями, и съ выборы, и съ цѣловными росписями», и книги, привезенныя ими, провѣрялись (предписывалось ихъ «по книгамъ счесть»). Иногда торопецкіе мірскіе люди, по предписанію правительства, избирали головъ и ларечныхъ цѣловальниковъ для «вѣрной» службы въ таможи и въ кабаки въ городѣ Великихъ Лукахъ; въ такіе годы избранные мірскіе люди совсѣмъ отрывались отъ своихъ торговыхъ дѣлъ, и выборная служба дѣлалась для нихъ особенно убыточною и тягостною. Взамѣнъ этого часто лучане отправляли службу въ головахъ въ Торопцѣ. Любопытно, что въ 184 (1675—1676) году, напримѣръ, въ Великихъ Лукахъ въ таможи голова и ларечный были торопчане и выбраны были они торопчанами, остальные же 3 цѣловальника и дьячокъ, лучане по происхожденію, были выбраны великолукскими посадскими людьми. Во избѣжаніе злоупотребленій московское правительство въ XVII вѣкѣ, повидимому, старалось назначать въ таможенные головы въ Торопецъ лучанъ. Напротивъ, въ кабацкіе головы и въ Торопецъ, и въ В. Луки обыкновенно выбирали торопчанъ. Въ памятникахъ XVII вѣка только о богатыхъ людяхъ писалось: «по выбору торопчанъ посадскихъ людей сидятъ въ Торопцѣ на кабаки въ вѣрныхъ головахъ», потому что за недоборъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ иногда приходилось вѣрнымъ головамъ отвѣчать своимъ состояніемъ. Во всякомъ случаѣ, много приходилось головамъ и цѣловальникамъ хлопотать, чтобы избавиться отвѣтственности за недоборъ, и всякій разъ дѣло не обходилось безъ повального обыска («и прототъ недоборъ велѣно сыскать въ Торопцѣ большимъ повальнымъ обыскомъ») ⁴³⁾.

Сверхъ того были очень тяжелыя личныя повинности, которыя выпадали на долю лишь немногихъ посадскихъ людей. Къ такого рода повинностямъ принадлежала обязанность «развѣдыванія вѣстей» въ литовскихъ и польскихъ областяхъ, повинность, совсѣмъ незнакомая жителямъ большинства другихъ русскихъ городовъ.

⁴³⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 202, л. 13; Дѣла Печатнаго приказа пошлин., кн. 39, л. 1179; кн. 360, л. 102; Дѣла Печатнаго приказа безпошлин., кн. 51, л. 172; кн. 71, лл. 360—378; Денежнаго стола книга 210, лл. 193 и слѣд.; Польскія дѣла 1643 года, № 1.

Когда приѣзжали въ Торопецъ купцы изъ литовскихъ областей и останавливались на торопецкомъ гостиномъ дворѣ, то къ нимъ посылали торопецкаго таможеннаго голову или лучшихъ посадскихъ людей, съ цѣлью «про всякія литовскія вѣсти тайнымъ обычаемъ разспросить». «³)

Въ первой половинѣ XVII вѣка торопецкіе воеводы назначали изъ числа бѣдныхъ посадскихъ людей 3 лазутчиковъ, которыхъ постоянно посылали «для вѣстей» въ Литву, и тѣ «ѣздили по городамъ для лазутчества». Эти лазутчики по профессіи считались торговыми людьми и, отправляясь въ литовскія области, брали съ собой товары. Они узнавали «вѣсти» въ Усвятѣ, Велижѣ, Витебскѣ, Могилевѣ и въ другихъ литовскихъ городахъ большей частью отъ жившихъ тамъ со времени смуты русскихъ людей, выходцевъ изъ Торопецкаго и Бѣльскаго уѣздовъ. Лазутчики были знакомы лишь съ простолюдинами, но и имъ иногда удавалось своими вѣстями оказывать важныя услуги. Такъ въ 1625 году одинъ изъ нихъ, лазутчикъ Кононъ Прокофьевъ, провѣдалъ, что извѣстный Александръ Гонсѣвскій на Вережунскій острожекъ «посылалъ изъ Смоленска конныхъ и пѣшихъ людей 500 человекъ и велѣлъ было тѣхъ дѣтей боярскихъ, изъ острожку и по волостемъ имая, приводить въ Смоленскъ. А онъ, Кононко, съ тѣми вѣстями побѣжалъ въ Торопецъ и сказалъ про то воеводамъ торопецкимъ, и торопецкіе воеводы въ острожекъ прислали ратныхъ людей, по его Кононковой вѣсти, а изъ уѣзду велѣли ѣхать въ городъ всякимъ людямъ съ женами и дѣтьми» «⁴). Кажется исполненіе опасной и трудной должности лазутчика плохо вознаграждалось. Когда въ 1628 году Иванъ Зима, посланный «для вѣстей за рубежъ въ Литву, въ Луцкомъ уѣздѣ, въ Плавѣцкой волости на озерѣ утонулъ», то торопецкіе лазутчики Иванъ Щека и Леонтій Гусельниковъ просили выбрать имъ въ товарищи третьяго человека и при этомъ прибавляли: «а охочихъ людей въ лазутчики нѣтъ». Впрочемъ лазутчики иногда подолгу занимали эту должность: Иванъ Щека и Иванъ Зима, доставлявшіе вѣсти въ 1625 году, служили въ лазутчикахъ и въ 1628 году.

Нѣкоторые жители Торопца, города порубежнаго и торговаго, ведя торгъ въ Литвѣ и бывая тамъ часто по своимъ торговымъ дѣ-

«³) Приказныя дѣла съ 29 авг. 1639 по 28 генв. 1640 года, № 40, въ М. Г. Арх. М. Иностр. Д.

«⁴) Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 8, лл. 10—13, 46—48, 81—83; столбецъ № 9, лл. 119—122, 158. Приказныя дѣла съ 28 марта 1626 г. по 1661 годъ. № 7.

ламъ, имѣли возможность получать иногда очень важныя и необходимыя для московскаго правительства свѣденія. Поэтому торопецкіе воеводы, давая торговымъ людямъ разрѣшеніе на поѣздку за рубежъ, вмѣняли имъ въ обязанность «провѣдывать всякія вѣсти». Посадскіе люди, по возвращеніи домой, всегда подвергались допросу и сообщали воеводѣ все, что узнавали за границей. Когда же случилось, что «государю таковы вѣсти *ескорѣ* понадобятся», то торопецкіе воеводы получали изъ Посольскаго приказа предписанія: для провѣдыванья всякихъ вѣстей посылать за рубежъ съ товарами торговыхъ людей и тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ готовыхъ товаровъ налицо не окажется, давать для такихъ посылокъ деньги изъ государевой казны, изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ ⁶⁵⁾.

Конечно, случалось, что торговые люди очень небрежно относились къ дѣлу собиранія вѣстей. Иногда торопецкими воеводами получались грамоты подобнаго содержанія: «генваря въ 11 день (1652 г.) писалъ ты къ намъ о литовскихъ вѣстяхъ, что, пріѣхавъ изъ-за рубежа, сказывали тебѣ торопчане торговые люди Петрушка Сазоновъ да Богдашко Кононовъ, и то намъ по твоей отпискѣ вѣдомо. А то знатно, что тѣ мужики про литовскія вѣсти провѣдывали нерадѣтельно и подлинныхъ вѣстей не довѣдались» ⁶⁶⁾.

Но большею частью торопецкими торговыми людьми доставлялись вѣрныя и необходимыя для московскаго правительства свѣденія о литовскихъ и польскихъ дѣлахъ.

Наиболѣе зажиточныя торопецкіе посадскіе люди, ведя торговлю и поддерживая знакомства въ литовскихъ областяхъ съ людьми богатыми и высокопоставленными, имѣли возможность доставлять своевременно «вѣсти съ литовской стороны», имѣвшія особенно важное значеніе. Замѣчательна въ этомъ отношеніи дѣятельность Чирьевыхъ, которые въ теченіе долгаго періода времени оказывали московскому правительству незамѣнимыя услуги. Въ особенно важныхъ случаяхъ правительство, черезъ торопецкаго воеводу, прямо поручало развѣдываніе вѣстей именно Федору Обросимову Чирьеву, который, собирая вѣсти, «не падалъ головы своей, докупался вѣстей дорогою цѣной, поилъ, кормилъ и одарялъ польскихъ и литовскихъ торговыхъ людей» и вслѣдствіе этого много разъ привозилъ въ Торопецъ «подлинныя вѣсти». Въ 1641 году всѣ классы торопецкаго городского населенія въ

⁶⁵⁾ Приказныя дѣла, съ 6 дек. 1638 по 23 марта 1639, № 45, въ М. Г. Арх. Иностр. Дѣлъ.

⁶⁶⁾ Польскія дѣла 1652 года, № 1.

своей «всегородной» челобитной, свидѣтельствуя о выдающихся заслугахъ Ѳ. О. Чирьева, между прочимъ писали, что онъ въ Смутное время часто ѣздилъ «на вѣсти» съ своими товарами въ польскіе и литовскіе города, «служилъ и работалъ Государю, не щадя головы своей, и города Торопца и иныхъ государевыхъ городовъ порубежныхъ своимъ промысломъ отъ войны литовскихъ людей оберегалъ, подлинныя вѣсти изъ польскихъ и изъ литовскихъ городовъ въ Торопецъ привозилъ, и по его вѣстямъ они на польскихъ и на литовскихъ людей изъ Торопца приходили, и въ Торопцѣ осаду держали крѣпко и осторожно, и, милостию Божіею и государскимъ счастьемъ, польскихъ и литовскихъ многихъ людей въ посылкахъ и на приступехъ побивали, живыхъ на боехъ имали и ко Государю къ Москвѣ въ азыкехъ приводили, и городъ Торопецъ вѣстовымъ опасеньемъ въ обратное время во взятѣ и въ смутѣ не бывалъ».

За вполне успешное развѣдываніе литовскихъ вѣстей Ѳ. Чирьевъ въ 1647 году получилъ жалованную грамоту, «каковы давались гостинные сотни торговымъ людямъ за ихъ службу»; въ этой грамотѣ и московскимъ правительствомъ признавались заслуги Ѳ. Чирьева.

Но награды не соответствовали трудностямъ и опасностямъ, съ которыми сопряжено было добываніе «литовскихъ вѣстей». Лазутчики получали жалованье, но не смотря на это подавались заявленія, что «охочихъ людей въ лазутчики нѣтъ». И не удивительно. Многіе торопецкіе торговые люди, посылавшіеся для развѣдыванія вѣстей, попадали въ бѣду. Такъ въ 1626 г. одинъ изъ торопецкихъ лазутчиковъ на допросѣ между прочимъ показалъ вяземскому воеводѣ: «А нынѣ онъ, Кононко, ѣздилъ по городамъ для того-жъ лазутчества и сидѣлъ онъ, Кононко, въ Смоленску за приставомъ и въ тюрьмѣ 35 недѣль»... Самъ Ѳ. Чирьевъ въ одной своей челобитной заявлялъ, что во время его поѣздокъ въ польскіе, литовскіе и нѣмецкіе города для вѣстей съ товарами «многожды» польскіе и литовскіе люди у него отнимали деньги, товаръ, лошадей и платье и его самого били, мучили, увѣчили, въ тюрьмахъ держали, не одинъ разъ хотѣли его убить, и онъ «окупы великіе подѣ себя давалъ» ⁶⁷⁾.

⁶⁷⁾ Въ М. Арх. М. Юстиціи: Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 8, лл. 78—83; столбецъ № 9, л. 158. Въ М. Г. Арх. Иностр. Дѣлъ: Польскія дѣла 1641 г., генв.—іюль, № 1; Польскія дѣла 1643 г., № 1; Польскія дѣла 1653 г., № 1, лл. 241—243; Приказныя дѣла, съ 28 марта 1626—1661 г., № 7; Приказныя дѣла, съ 25 іюля 1646 по 17 апр. 1647 года, № 59.

Московское правительство въ XVI и XVII вѣкахъ почти совсѣмъ не имѣло въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ въ настоящее время узнаютъ о всемъ, происходящемъ въ сосѣднихъ государствахъ. Вслѣдствіе этого торопецкіе торговые люди, поддерживавшіе постоянныя торговыя сношенія съ Литвой, сдѣлавшись заграничными агентами Московскаго правительства, оказывали ему въ дѣлахъ международной политики ничѣмъ незамѣнимыя услуги.

II.

Нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ повинностей были повинностями одновременно и личными, и натуральными. Такъ для городского, острожного и мостового дѣла лѣсъ и прочіе матеріалы доставлялись натурой помѣщиками, крестьянами и посадскими людьми, также владѣвшими значительными земельными угодьями. Занимаясь ямской гоньбой, посадскіе люди должны были строить ямскіе дворы, приобрѣтать лошадей, сбрую и пр.

Но существовали въ Торопцѣ въ XVII вѣкѣ и чисто *натуральная повинности*: доставка запаснаго хлѣба и стрѣleckаго хлѣба.

Запасный хлѣбъ въ половинѣ XVI вѣка хранился въ Торопцѣ въ житницахъ, находившихся «внутри города». Онъ былъ необходимъ въ осадное время, когда въ «городѣ» находили себѣ убѣжище не только городскіе люди, но и многіе изъ волостныхъ торопецкихъ и холмскихъ жителей. Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія въ городскихъ житницахъ помѣщалось запаснаго хлѣба 6378 четвертей ржи «въ примочную мѣру вверхъ» («въ отдаточную мѣру вровно» ея было 8545 четвертей) и 295 $\frac{1}{2}$ пудовъ соли. Такое количество запаснаго хлѣба хранилось въ торопецкихъ житницахъ лишь до пожара 1634 года. Послѣ пожара въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ одной житницѣ хранилось 110 пудовъ горѣлой соли, а въ другой «горѣлые остаточные смѣсные разрядные и стрѣleckіе ржи 7 чети съ 3 четвериками, да въ третьей житницѣ стрѣleckаго горѣлаго овса 2 чети съ 3 четвериками въ отдаточную мѣру». Въ 1666 году въ Торопцѣ опять были «хлѣбные запасы», но не въ значительномъ количествѣ: 395 четвертей ржи и 446 четв. овса. Запасный хлѣбъ присылался въ Торопецъ изъ Разряда и поэтому часто назывался разряднымъ хлѣбомъ, и самыя государевы житницы иногда назывались «разрядными житницами». Когда отъ долгаго лежанія часть запаснаго хлѣба портилась и дѣлалась негодною, тогда «притхлый хлѣбъ, который впередъ въ запасъ не про-

ченъ», замѣняли такимъ же количествомъ ржи, привезенной въ Торопецъ на ямщикахъ изъ Стрѣleckаго приказа для торопецкихъ стрѣльцовъ, которымъ взаменъ того раздавали испортившійся хлѣбъ («который сверху и сыпodi притхлой хлѣбъ, а не добре гнилъ»). Повидимому, въ первой половинѣ XVII вѣка запасный и стрѣleckій хлѣбъ не собирался съ торопецкихъ посадскихъ и уѣздныхъ жителей, а присылался изъ Москвы, изъ Разряда и изъ Стрѣleckаго приказа, или изъ другихъ городовъ доставлялся «уговорщиками», взявшими на себя подрядъ поставлять хлѣбъ въ Торопецъ. Подтвержденіе этого находится въ одной челобитной (1665 года) торопецкихъ и холмскихъ дѣтей боярскихъ: «А прежъ, Государь, сего въ твой Государевъ порубежный городъ Торопецъ для осаднаго времени и стрѣльцомъ на кормъ присыланъ хлѣбъ съ Москвы и нѣтъ инехъ твоихъ Государевыхъ городовъ». Но нѣтъ сомнѣнія, что во второй половинѣ XVII вѣка хлѣбные запасы собирались съ Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ ⁶⁸⁾. Хлѣбные запасы собирались съ торопецкихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; безъ сомнѣнія, эта натуральная повинность не была постоянною и во всякомъ случаѣ не могла быть обременительной для торопчанъ, такъ какъ хлѣбные запасы, привозившіеся въ Торопецъ большею частью изъ другихъ мѣстностей, предназначались исключительно на удовлетвореніе нуждъ торопецкаго населенія, обезпечивая его продовольствіемъ въ самое «нужное осадное время».

Стрѣleckій хлѣбъ съ различныхъ мѣстностей собирался или натурой, или «деньгами за стрѣleckій хлѣбъ», смотря по тому, какъ для казны въ данное время было выгоднѣе. Торопчане его доставляли натурой и ссыпали въ государевы житницы, находившіяся въ «городѣ». «Хлѣбный сборъ, что собирается *ежегодъ* съ Торопецкаго уѣзду и съ посаду по окладу сполна для раздачи торопецкимъ стрѣльцомъ». Лишь по недоразумѣнію иногда требовали отъ торопчанъ доставлять стрѣleckій хлѣбъ въ Москву. Для торопецкихъ стрѣльцовъ было необходимо на хлѣбное жалованье огромное количество ржи и овса. Въ 1668 году, напримѣръ, 400 торопецкимъ стрѣльцамъ полагалось выдать въ годъ денежнаго жалованья 1224 рубля и хлѣбнаго жалованья 2424 чети ржи и столько же овса. Всего имъ причиталось получить

⁶⁸⁾ Въ М. А. М. Юстиціи: Приказнаго стола столбецъ № 581; Разрядная вязка 1-я, № 12, лл. 134—141, лл. 14—16; Дѣла Печатнаго приказа безпошл., кн. 51, л. 42; Московскаго стола кн. 61, л. 486; Десятенъ книга 277, лл. 49—58; Десятенъ кн. 283, лл. 5—9. Въ М. Г. Арх. М. Ин. Дѣль: Приказныя дѣла, съ 5 сент. 1669 по 13 іюня 1670 года.

денежного жалованья и за хлѣбъ деньгами—2817 рублей 26 алтынъ въ годъ. Понятно, что въ порубежный городъ Торопецъ «для осаднаго времени и стрѣльцомъ на кормъ» присылался хлѣбъ изъ Москвы и иныхъ городовъ. Обыкновенно очень большое количество ржи и овса для раздачи стрѣльцамъ присылалось изъ Стрѣleckаго приказа. Небольшая часть стрѣleckаго хлѣба собиралась и въ Торопцѣ. Въ 1622 году уже упоминаются «стрѣleckіе хлѣбные запасы въ Торопцѣ» (съ Кудина монастыря). Въ 1629 году въ торопецкихъ житницахъ кромѣ «запаснаго хлѣба», приславшагося изъ Разряда, хранился и «стрѣleckій хлѣбъ», рожь и овесъ. Его находилось тогда въ Торопцѣ приблизительно 1000 четвертей ржи и около 850 четв. притхлаго остаточнаго овса. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка съ торопецкаго посада ежегодно вималось «въ московскую таможенную орленую мѣру» («въ мѣденую печатную мѣру») 175 четвертей ржи и 175 четвертей овса, т. е., по писцовой книгѣ 1628 года, съ $\frac{1}{2}$ сохи въ живущемъ, слѣд. съ 100 живущихъ четвертей (полагая въ сохѣ 800 четв.). (Съ Торопецкаго уѣзда, по расчету 1400 юфтей съ сохи, вималось тогда ржи и овса по 90 четвертей). Въ сосѣднихъ съ Торопцемъ и Великими Луками мѣстностяхъ въ то время вимали вмѣсто стрѣleckаго хлѣба деньгами за стрѣleckій хлѣбъ, по указной цѣнѣ, по 21 алтыну $5\frac{1}{2}$, денегъ за юфть (т. е. за четверть ржи и четверть овса), а именно за четверть ржи 13 алтынъ $5\frac{1}{2}$ денегъ, за четверть овса 8 алтынъ. Слѣдовательно, хлѣбъ, собиравшійся въ шестидесятыхъ годахъ съ торопецкаго посада, оцѣнивался по тогдашнимъ мѣстнымъ цѣнамъ, приблизительно въ 116 тогдашнихъ рублей. Съ Торопца, какъ города порубежнаго, стрѣleckій хлѣбъ собирався только «съ сошнаго письма съ живущихъ четей»; но случалось, что даже съ Торопецкаго уѣзда предписывалось иногда вимать стрѣleckій хлѣбъ «вдвое», одновременно и съ сошнаго письма, и съ переписныхъ книгъ (1665 г.) «⁹⁾».

⁹⁾ Въ М. Г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: Приказныя дѣла, 5 сент. 1669 года—13 іюня 1670. Въ М. Арх. Мин. Юст.: Коллегія Экономіи грамота № 12262; Разрядная вязка № 12; Приказнаго стола Разряда столбецъ № 581; Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 126, л. 326; кн. 134, л. 182; кн. 142, л. 18; кн. 146, л. 25 (годы 1665—1668). Въ 1672 году сборъ деньгами за стрѣleckій хлѣбъ былъ распространенъ на всѣ посады, съ платою по 2 рубля за юфть (П. Н. Милюкова Госуд. Хоз., 82). Собирали ли и съ Торопца деньгами за стрѣleckій хлѣбъ въ 1672—1679 годахъ? Если собирали, то по 350 рублей ежегодно, за 175 юфтей по 2 рубля.

III.

Прямые налоги въ Торопцѣ уже въ половинѣ XII вѣка собирались въ казну смоленскаго князя деньгами и натурой. И въ концѣ XV вѣка торопчане, — принадлежавшіе къ разряду данниковъ, — въ скарбъ великаго княжества Литовскаго вносили дань грошевую и дань куничную, въ нѣкоторыхъ волостяхъ замѣненную яловщиной и коневщиной. Однако и въ то время куничная дань большею частью уже была замѣнена денежнымъ сборомъ; въ XVI же вѣкѣ, — послѣ присоединенія къ Москвѣ, — всѣ виды прямыхъ налоговъ замѣнены определеннымъ денежнымъ сборомъ, который взимался уже не копами и рублями грошей, а рублями московскими. Кормы литовскихъ намѣстниковъ и тиуновъ теперь собирались въ пользу знатныхъ московскихъ вельможъ, которымъ московскіе государи жаловали Торопецъ въ кормленіе.

Въ 1540 году торопецкіе городскіе тяглые люди должны были платить въ казну великаго князя московскаго *оброкъ за дань* — 18 рублей, или почти 1200 рублей нынѣшнихъ. Этотъ оброкъ «городскіе люди» распредѣляли между собой сами. Въ 1541 году крестьяне черныхъ торопецкихъ волостей въ числѣ другихъ податей платили ямскія деньги. О платежѣ этого налога городскими людьми въ писцовой книгѣ 1540 года не упомянуто; быть можетъ, что *ямскія деньги* входили въ составъ «оброка за дань». Несомнѣнно, что позднѣе и посадскіе люди платили «по сохамъ» ямскія деньги. Такъ въ 1590 году съ 1½, сохи они платили ямскихъ денегъ 10 руб. 10 алт. 2½, деньги. Къ числу прямыхъ налоговъ должно причислить и *намѣстничій и тиуновъ кормы, праветчиковы и доводчиковы поборы*; размѣры этихъ кормовъ и поборовъ опредѣлить невозможно. *Намѣстничьи доходы*, собиравшіеся намѣстниками, державшими Торопецъ въ кормленіи, составлялись сверхъ кормовъ еще изъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ. Въ 1574—1580 годахъ, когда Торопецъ ни у кого не находился въ кормленіи, вѣрными цѣловальниками собиралось на государя всѣхъ намѣстничьихъ доходовъ по 164¾, рубля въ годъ. (Кромѣ того ими же собиралось въ эти годы оброка съ рыбной ловли по 2¼, рубля и мѣховыхъ денегъ по 2 рубля 5 алт. 2 д. въ годъ). Послѣ нашествія Стефана Баторія и сожженія торопецкаго посада, Торопецъ и его уѣздъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ «былъ на льготѣ». Въ 1584—1588 годахъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, въ Торопцѣ опять были намѣстники, собиравшіе въ свою пользу всѣ «намѣстничьи доходы». Въ слѣдующіе два года намѣстничьи доходы — въ 7097 году 203 рубля 19 алт., въ 7098—241 р. — были собраны на

государя вѣрными цѣловальниками. Наконецъ съ 7099 года и уже до конца столѣтія намѣстничьи доходы собирали торопецкіе посадскіе люди въ свою пользу, и за то платили въ казну ежегодно по 241 р. Но такъ какъ жалованная уставная грамота 99 года, опредѣлявшая размѣръ «годового оброка», предоставляла посадскимъ людямъ право собирать въ свою пользу всѣ намѣстничьи доходы, въ томъ числѣ и судебныя и торговыя пошлыны (присудъ, пятно, явку, а также выводную кунницу, новоженной убрусъ), то и трудно опредѣлить размѣръ прямого налога, замѣнившаго прежній намѣстничій и тиуновъ кормъ и праветчиковы и доводчиковы поборы.

Кромѣ дани, ямскихъ денегъ и намѣстничьихъ и тиуновыхъ кормовъ, торопецкіе посадскіе люди платили въ казну московскаго государя еще *оброкъ вмѣсто оброчныхъ доходовъ*. Съ нихъ собиралось въ 1540 году оброка съ пашни и съ поженъ— $2\frac{1}{4}$ рубля, оброка за рыбную ловлю— $2\frac{1}{2}$ рубля, оброка съ лавокъ— $6\frac{1}{2}$ рублей и съ амбаровъ—30 алтынъ. Всего съ торопецкаго посада въ казну московскаго великаго князя въ то время поступало оброка за дань и за оброчные доходы около 30 рублей московскихъ, т. е. около 2000 рублей нынѣшнихъ. Извѣстно также, что въ 1574—1580 годахъ торопецкіе посадскіе люди платили съ рыбной ловли оброка въ годъ $2\frac{1}{4}$ рубля да «мѣховыхъ денегъ» 2 рубля 5 алтынъ 2 деньги.

Хотя вслѣдствіе неполноты источниковъ и нельзя точно опредѣлить количество денегъ, собиравшихся съ торопецкихъ посадскихъ людей въ московскую казну въ разные періоды XVI столѣтія въ видѣ прямыхъ налоговъ, однако и при этой неполнотѣ можно ясно видѣть, какое рѣзкое измѣненіе въ экономическомъ положеніи города Торопца было произведено чумой 1566 года и затѣмъ сожженіемъ посада въ 1580 году. Въ 1540 году «положено въ Торопцѣ на посадѣ девять сохъ, а дворовъ положено въ соху по сороку и по шти (46) дворовъ». Очевидно, что торопецкіе городскіе люди въ половинѣ XVI вѣка пользовались значительной долей благосостоянія. Но чума 1566 года самымъ неблагоприятнымъ образомъ отразилась на зажиточности и численности тяглыхъ людей: въ 1574—1580 годахъ подати собирали уже съ 3 сохъ. Затѣмъ новое бѣдствіе, —нашествіе Стефана Баторія и сожженіе посада въ 1580 году,—и въ 1584 году по дозорнымъ книгамъ письма и дозора Григорія Колединскаго 92-го года «въ Торопцѣ на посадѣ въ живущемъ — соха и полъ-полъ-полчети сохи»⁷⁰⁾. Къ концу столѣтія

⁷⁰⁾ Тороп. писц. книга 1539—41 гг.; Приказнаго стола столбецъ № 1182.

экономическое положеніе города, повидимому, начало измѣняться къ лучшему.

Всѣ бѣдствія, испытанныя торопецкими посадскими людьми въ XVI вѣкѣ, были ничтожны сравнительно съ «литовскимъ разореніемъ». О. Иродіоновъ, пользовавшійся списками съ сотной выписи, ходившими по городу Торопцу въ 1788 году, писалъ, что по писцовой книгѣ Дм. Воейкова и подъячаго Ѳ. Протопопова въ Торопцѣ находилось на посадѣ «...церковнослужительскихъ домовъ—24, разныхъ чиновъ 200 съ небольшимъ числомъ, посадскихъ торговыхъ людей 68, да еще посадскихъ же и всякихъ людей—84, подсосѣдниковъ и захребетниковъ, бобылей и воротниковъ—96 человекъ, итого 248 человекъ». Несмотря на это въ то время Торопецъ находился въ такомъ жалкомъ положеніи, что на посадѣ положено было въ живущемъ лишь $\frac{1}{4}$ сохи, и количество государственныхъ доходовъ, собиравшихся съ торопецкаго посада, было весьма незначительно. Тяглые посадскіе люди должны были платить данныя, или четвертныя деньги въ размѣрѣ всего лишь 6 рублей 27 алт. и 5 денегъ въ годъ. Сверхъ того съ нихъ брали ежегодно, начиная съ 1619 года, ямскихъ денегъ съ $\frac{1}{4}$ сохи по 3 рубля 11 алт. 1 д. въ годъ. Рыбная ловля отдана была въ откупъ постороннимъ людямъ, и потому въ казну оброчныхъ денегъ собиралось съ посада, кажется, только 12 рублей 12 алт. 4 д.⁷¹⁾

Но если Торопецъ въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка находился въ самомъ жалкомъ экономическомъ положеніи, то несомнѣнно, что онъ скоро оправился и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что послѣ 1628 года всѣ прямыя подати собирались съ сошнаго письма (съ $\frac{1}{4}$ сохи), и потому не увеличивались въ размѣрѣ при умноженіи населенія. Несмотря на страшный пожаръ 1634 года, количество городского населенія возрастало съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и въ особенности оно умножилось въ 1641 году, когда 172 семейства прежнихъ тяглицевъ были возвращены въ посадъ. По переписи, произведенной въ 1646 году, оказалось въ Торопцѣ—339 тяглыхъ дворовъ и въ нихъ 1.020 душъ мужского пола.

Правительство успѣшило воспользоваться результатами переписи 1646 года съ цѣлью увеличенія четвертныхъ денежныхъ доходовъ. Мало того⁷²⁾, въ 1649 году хотѣли впредь взыскивать съ посада

⁷¹⁾ Дѣла Печатнаго приказа безпошлин., книга 33, л. 78.

⁷²⁾ «По сыску боярина князя Юрья Алексѣевича Долгорукова да дьяковъ Гл. да Ив. Патрекѣевыхъ да Б. Ободурова 157 году и по торопецкимъ переписнымъ книгамъ А. Немятого Колычова да подъячаго А. Титова 154 году».

четвертныхъ доходовъ сверхъ прежнихъ 6 р. 27 алт. 5 д. еще «съ прибылыхъ 353 дворовъ» 60 рублей 2 деньги,—по 5 алтынъ и 4 деньги съ двора,—тогда какъ по переписнымъ книгамъ 1646 года прибылыхъ дворовъ было только 300. По челобитью посадскихъ людей, 23 ноября 1649 года «велѣно имъ государевъ платежъ впередъ платить по переписнымъ книгамъ 154 (1646) году». Быть можетъ, вслѣдствіе этой челобитной, дѣло затянулось, и только съ 1 сент. 1657 года начали брать съ торопецкихъ посадскихъ людей четвертныя деньги въ увеличенномъ размѣрѣ, однако съ 392 дворовъ, т. е. по 66 р. 28 а. 1 д. въ годъ, и въ этомъ размѣрѣ четвертныя деньги собирались съ Торопца до 1 сентября 1680 года ⁷²⁾.

Съ 1628 года съ торопецкаго посада четвертныя деньги собирались съ *сошнаго письма* въ размѣрѣ 6 рублей 27 алтынъ 5 денегъ въ годъ, и этотъ налогъ не былъ отмѣненъ до самаго конца XVII вѣка. Но сверхъ этихъ четвертныхъ денегъ, съ 1657 по 1680 годъ взималось еще *по дворовому числу* 60 рублей 2 деньги съ новоприбылыхъ дворовъ; слѣдовательно, одновременно съ податью съ сошнаго письма существовала въ Торопцѣ подворная подать.

Такимъ образомъ до 1680 года, во второй и третьей четвертяхъ XVII вѣка, вмѣсто *дани* и той части «*родового оброка*», которая замѣняла собой старинныя кормы намѣстника и тиуна и поборы доводчиковъ и праветчиковъ, взимались съ торопецкаго посада *четвертныя деньги*, или *четвертные денежныя доходы*. Оброчныя же деньги, взимавшіяся съ различныхъ «оброчныхъ угодій», собирались подъ названіемъ «*окладныхъ денежныхъ оброчныхъ доходовъ*», или *оброчныхъ денегъ* ⁷⁴⁾.

Кромѣ четвертныхъ денегъ съ торопецкаго посада въ XVII вѣкѣ собирались еще *ямскія деньги*. Этотъ прямой налогъ въ Торопцѣ послѣ 1584 года взимался съ сошнаго письма въ размѣрѣ 10 рублей 10 алтынъ 2 денегъ, а съ 1619 года въ размѣрѣ только 3 рублей 11 алт. 1 д., съ $\frac{1}{2}$ сохи. Съ 1619 года эта подать неизмѣнно въ томъ же размѣрѣ собиралась до конца 1679 года (малыя ямскія деньги). Впослѣдствіи нѣкоторое время, рядомъ съ этимъ стариннымъ налогомъ,

⁷²⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 52, л. 87. Сохранилось извѣстіе, что четвертные денежныя доходы съ Торопца увеличивались въ своихъ размѣрахъ: въ 1667 году ихъ собрано 86 рублей 32 а. 3 д. (Приказныя дѣла, 5 сент. 1669—13 іюня 1670 г.). Но, по всей вѣроятности, здѣсь къ четвертнымъ доходамъ прибавлены какія-либо нныя подати (Ср. Денежнаго стола книгу 210, л. 19 и др.).

⁷⁴⁾ Денежнаго стола кн. 8, л. 125.

собирался новый, болѣе значительный по своимъ размѣрамъ (большія ямскія деньги). Новая подать взималась не съ сохи, а съ живущихъ четвертей. Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія съ Торопца со 100 живущихъ четвертей ($\frac{1}{4}$ сохи) поступало въ казну ямскихъ денегъ этого разряда 98 рублей, такъ какъ въ то время съ живущей чети взималось 98 копѣекъ, а живущая четъ равнялась $\frac{1}{100}$ сохи. Затѣмъ грамотами 29 сент. и 12 ноября 1649 года и 19 марта и 1 августа 1650 года было предписано торопецкимъ ямщикамъ «жить на посадѣ и тягло тянуть съ посадскими людьми вмѣстѣ и ямскую гоньбу гонять торопчанамъ посадскимъ людямъ всѣмъ безъ выбору». Когда вслѣдствіе этого всѣ торопецкіе посадскіе люди начали отправлять ямскую повинность, съ нихъ совсѣмъ перестали брать большія ямскія деньги. За полугодіе съ 1 сент. 1651 по 1 марта 1652 года съ нихъ въ послѣдній разъ взяли 49 рублей, и затѣмъ до 1680 года они платили ежегодно ямскихъ денегъ только по 3 р. 11 алт. 1 д.⁷⁵⁾

Между различнаго рода податями въ старину не было строгаго разграниченія; но чтобы представить, по возможности, всю сумму обязательныхъ для торопецкаго посада денежныхъ сборовъ, къ числу прямыхъ налоговъ можно причислить и тѣ оброчныя деньги, которыя взимались съ цѣлаго посада. Денежные сборы съ городскихъ оброчныхъ угодьевъ назывались въ XVII вѣкѣ *«оброчными деньгами»*, или *«съ торопецкихъ оброчныхъ статей оброчными деньгами»*, или *«окладными денежными и оброчными доходами»*. Съ городской пашни, съ поженъ, съ рыбной ловли, съ торговыхъ помѣщеній оброчныя деньги собирались не съ отдѣльныхъ посадскихъ людей, а со всего посада. Впрочемъ рыбная ловля иногда отдавалась въ откупъ *постороннимъ* лицамъ, и тогда оброчныя деньги платились «изъ воли по перекупкѣ». Съ пашенной и сѣнокосной оброчной земли въ половинѣ XVI вѣка бралось оброка $2\frac{1}{4}$ рубля; въ XVII вѣкѣ—12 рублей 12 алтынъ 4 деньги въ годъ. Лавочнаго оброка въ половинѣ XVI в.— $6\frac{1}{2}$ рублей; въ 1645—1700 годахъ ежегодно по 8 рублей 26 алтынъ 4 деньги. Оброчныхъ денегъ съ рыбной ловли въ 1540 году взималось $2\frac{1}{2}$ рубля, въ 1574—1580 годахъ— $2\frac{1}{4}$ рубля; въ 1645—1664 годахъ—50 рублей 17 алт. $3\frac{1}{2}$ д.; въ 1669—1700 годахъ по 70 рублей 11 алтынъ 4 деньги въ годъ. Всего окладныхъ денежныхъ оброчныхъ доходовъ собиралось съ торопецкаго посада въ послѣдней четверти XVII столѣтія ежегодно по 91 рублю 17 алт. 4 д.

⁷⁵⁾ Дѣла Печатн. приказа пошл., кн. 4, л. 509; кн. 62, л. 328.

Кромѣ взимающихся съ цѣлаго посада «окладныхъ денежныхъ оброчныхъ доходовъ», въ Торопцѣ въ XVII вѣкѣ собирались оброчныя деньги съ отдѣльныхъ лицъ (съ мельницъ, кузницъ, воскобойни, съ озеръ и рѣчекъ) почти постоянно въ одинаковомъ размѣрѣ; «пробывало вновь» весьма немного доходовъ этого разряда (напр., «новооброчная мельница»).

Съ 1 сентября 1685 года по 1 сентября 1686 всѣхъ оброчныхъ денегъ «со всякихъ оброчныхъ угодій» было собрано 110 р. 18 алт. 1½ д. въ годъ, «а больше того въ Торопцѣ окладныхъ оброчныхъ денегъ въ сборѣ не бываетъ» ⁷⁶⁾.

Кромѣ «государевыхъ платежей» торопецкіе посадскіе люди должны были и «на мірскіе расходы платить». *Платежи на мірскіе расходы* шли на содержаніе земской избы, на ремонтъ зданія, на отопленіе, на бумагу и на другіе избныя расходы, затѣмъ на жалованье земскому дьячку и различнымъ мелкимъ служителямъ при земской избѣ, которые не въ состояніи были сами себя содержать. Къ числу постоянныхъ мірскихъ расходовъ должно причислить также деньги и подарки, которые давались торопецкому воеводѣ и подьячимъ съѣзжей избы. Эти издержки, вѣроятно, были значительны,—не даромъ же воеводы иногда приглашали земскихъ старостъ и лучшихъ посадскихъ людей къ себѣ на пиры. Сверхъ постоянныхъ бывали мірскіе расходы чрезвычайные: расходы на содержаніе челобитчиковъ и на хлопоты въ Москвѣ о мірскихъ дѣлахъ и т. под. Трудно себѣ уяснить, насколько вообще были значительны платежи посадскихъ людей на мірскіе расходы, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ издержки на чрезвычайные мірскіе расходы были очень велики. Такъ въ январѣ 1690 года на торопецкомъ соймѣ опредѣлено было отдать 287 рублей М. Заозерскому на уплату долговъ, сдѣланныхъ имъ въ 195 году во время хожденія по мірскимъ дѣламъ («за то, что онъ, Максимъ, билъ челомъ вамъ, великимъ государямъ, въ прошломъ, въ 195 году, по нашей заручной челобитной объ уставной судимой великихъ государей грамотѣ и объ иныхъ нашихъ мірскихъ дѣлахъ»). Въ томъ же 1690 году М. Заозерскій требовалъ еще 121 рубль «за всякіе харчи и убытки нынѣшняго 198 году, о которыхъ мірскихъ дѣлахъ вѣлно ему ходить, по ихъ мірскимъ выборамъ, и о новоуставной судимой грамотѣ». Сверхъ того, въ томъ же 1690 году въ Москвѣ «въ мірскихъ

⁷⁶⁾ Денежнаго стола кн. 8, лл. 125, 183—186; кн. 19, л. 70; кн. 210, л. 677.

челобитчикахъ» жилъ Василій Доронинъ и также расходовалъ мірскія деньги ⁷⁷⁾.

Временные прямые налоги также иногда собирались въ Торопцѣ. Еще во время литовскаго владычества въ Торопцѣ нужды военнаго времени иногда вызывали чрезвычайные налоги на военные расходы, извѣстные подъ названіемъ «серебщины». Подобно этому и въ XVII вѣкѣ существовали очень отяготительные сборы ратнымъ людямъ на жалованье. Такъ въ декабрѣ 1637 года, по росписи, за приписью дьяка Вас. Прокофьева, оказалось «въ Торопцѣ 39 дворовъ, людей въ нихъ 114 человекъ», и въ 1638 году съ каждого двора взято по 2 рубля ратнымъ людямъ на жалованье. Въ слѣдующемъ 1639 году снова было предписано «съ Торопца съ посадскихъ съ 39 дворовъ по окладу взять съ двора по 2 рубля, итого 78 рублей. И 147 (1639) года августа въ 3 день тѣ деньги взяты сполна» ⁷⁸⁾. Кромѣ того по временамъ собирались *пятая и десятая деньги* до самаго конца XVII столѣтія, въ послѣдній разъ въ 1699 году ⁷⁹⁾.

Съ цѣлью объединить всѣ прежніе прямые налоги указомъ 5 сентября 1679 года «съ посадовъ поборы отставлены и вмѣсто того положены *стрѣleckія деньги*». Сначала опредѣлено было собрать стрѣleckихъ денегъ 15.200 рублей, по 1 рублю 30 коп. съ двора. Затѣмъ правительство рѣшило облегчить плательщиковъ и болѣе правильно и справедливо распределить между ними новый налогъ. Была образована изъ гостей комиссія, которая вмѣсто оклада 1679 г. въ 15.200 руб. установила окладъ въ 10.700 рублей и распредѣлила эту сумму между 125 городами соотвѣтственно ихъ налогоспособности. 5 городовъ должны были платить съ двора отъ 2 р. до 1 р. 50 к., 35 городовъ—отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 10 к. и 85 городовъ—отъ 1 р. до 80 к. Согласно новому окладу гостей («противъ гостина окладу 190-го году») съ города Торопца слѣдовало брать по 1 р. 30 к. съ двора. Любопытно, что, по окладу гостей, изъ 125 городовъ только 13 были обложены болѣе высокимъ окладомъ, чѣмъ Городецъ, а именно: Ярославль, Чебоксары, Вологда, Коломна, Нижній Новгородъ, Кострома, Симбирскъ, Казань, Арзамасъ, Елецъ, Воронежъ, Рыльскъ и Орель; одинаковымъ съ Торопцемъ окладомъ были обложены: Суздаль, Муромъ, Ростовъ, Елатъма, Тула и Шуя.

⁷⁷⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Новгородскаго стола ст. № 341.

⁷⁸⁾ Приказныя дѣла 1637 года, № 57, и 1639 г., № 79.

⁷⁹⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 373, л. 970. П. Н. Милюкова Гос. Хоз., 58—78.

По переписной книгѣ 1678 года въ Торопцѣ числился 271 дворъ тяглыхъ людей, и потому съ торопецкихъ посадскихъ людей стрѣleckихъ денегъ ежегодно собиралось по 352 рубля 10 алтынъ («по одному рублю по 10 алт. съ двора»). Деньги эти отсылались въ Разрядъ, откуда они поступали въ Стрѣleckій приказъ, съ 1672 года завѣдывавшій сборомъ стрѣleckаго хлѣба и денегъ за стрѣleckій хлѣбъ, а съ 1680 года также и сборомъ стрѣleckихъ денегъ.

Новый налогъ замѣнилъ собой прямыя налоги, собиравшіеся съ «сошнаго письма» и «съ живущихъ четвертей», и съ этого времени до конца столѣтія собирались съ торопецкаго посада 1) стрѣleckія деньги въ размѣрѣ 352 р. 10 ал. и 2) оброчныя деньги въ размѣрѣ 91 р. 17 ал. 4 ден., всего 443 руб. 27 алт. 4 д., не считая въ томъ числѣ оброчныхъ денегъ, взимавшихся съ отдѣльныхъ лицъ. Впрочемъ бывали злоупотребленія. Такъ до самаго конца XVII вѣка взимались съ Торопца четвертныя деньги въ размѣрѣ 6 рублей 27 ал. 5 ден. въ годъ («на 208 годъ по расчету на 4 мѣсяца—2 руб. 9 ал. 1½ ден.»⁸⁰).

Такимъ образомъ, въ XVI и XVII вѣкахъ собирались съ торопецкихъ посадскихъ людей слѣдующіе прямыя налоги: въ XVI вѣкѣ—1) дань и ямскія деньги, 2) намѣстничій кормъ и пошлинниковы поборы и 3) оброчныя деньги съ рыбной ловли, съ пашни и пожень и съ лавокъ; въ XVII вѣкѣ—1) до 1679 года четвертные денежныя доходы сначала (до 1657 года) въ размѣрѣ 6 р. 27 ал. 5 ден., затѣмъ въ размѣрѣ 66 р. 28 ал. 1 ден., 2) малыя ямскія деньги (до 1679 г.) въ размѣрѣ 3 р. 11 ал. 1 д. и большія ямскія деньги (до 1652 г.) въ размѣрѣ 98 рублей, 3) оброчныя деньги (до 1679 г.) въ размѣрѣ 91 р. 17 ал. 4 ден. и 4) стрѣleckій хлѣбъ (до 1679 года) ежегодно по 175 четвертей ржи и овса, цѣной—116 рублей. Съ 1679 года всѣ эти прямыя налоги, денежныя и натуральныя, были замѣнены стрѣleckими деньгами, и торопецкіе посадскіе люди уже до самаго конца XVII вѣка вмѣсто всѣхъ четвертныхъ и оброчныхъ денегъ,—поступавшихъ до той поры съ торопецкаго посада въ Костромскую четъ,—платили въ Стрѣleckій приказъ около 450 руб. ежегодно⁸¹).

⁸⁰) Разрядная вязка 11-я, № 14; Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 338, л. 214; Дѣла Печатнаго приказа безпошл., кн. 33, л. 557; кн. 71, л. 572; Денежнаго стола кн. 19, л. 70; кн. 156, л. 53; Лаппо-Данилевскаго Организация прямого обложенія, стр. 536—537.

⁸¹) «Костромская четъ—со 135 по 188-й годъ, и въ ономъ году февраля въ 15 день Государь Царь и Великій Князь Федоръ Алексѣевичъ указалъ Костром-

Въ 1540 году различныя подати (оброкъ за дань, съ пашни и пожней, за рыбную ловлю и оброкъ съ лавокъ и амбаровъ) поступали въ казну великаго князя. Въ 1574—80 годахъ оброкъ за намѣстничьи доходы отправлялся въ Москву въ Четверть. По уставной жалованной грамотѣ съ 1590 года земскіе цѣловальники должны были платить годовой оброкъ въ государеву казну въ четверть дьяка Дружины Петелина («или кому иному Царь и Великій Князь прикажетъ ту четверть вѣдати»). Грамотой 26 мая 1592 года, за приписью дьяка Др. Петелина, велѣно выборы «и пошлинныя деньги присылать къ Москвѣ въ четверть дьяка Дружины Петелина съ оброчными деньгами». Въ 1597 году торопецкіе посадскіе люди были вѣдомы въ финансовомъ отношеніи въ Четвертномъ приказѣ, которымъ завѣдывалъ тогда дьякъ Семейка Сумароковъ. Въ началѣ XVII вѣка четверти уже получили территориальныя прозванія, и четь, въ которой вѣдомы были торопчане, вначалѣ называлась Ярославской. Съ 1613 года по 1680 она называлась Костромской; въ этотъ періодъ времени торопецкіе посадскіе люди, какъ въ финансовомъ отношеніи, такъ и судомъ и управой, постоянно были вѣдомы въ Костромской чети, но таможенные сборы изъ Торопца большею частью поступали въ Большой Приходъ, а кабацкіе—въ Новую Четь. Въ началѣ XVII вѣка, для образованія «новоприбыльной» четверти Устюжской, по всей вѣроятности, нѣкоторые города были выдѣлены изъ Костромской чети; напримѣръ: Сольвычегодскъ, а изъ ближайшихъ къ Торопцу городовъ—лежащіе къ западу и востоку отъ него Великія Луки и Ржева Володимерова. Съ 1680 года и до самаго конца столѣтія доходы съ городовъ Костромской четверти поступали уже въ Стрѣлецкій приказъ⁸¹⁾.

IV.

Распределение между собой податей и повинностей съ древнѣйшихъ временъ находилось въ рукахъ самихъ торопчанъ. Великіе князья литовскіе, ни въ чемъ не нарушавшіе русской старины, вмѣшивались въ

скую четь вѣдать въ Стрѣлецкомъ приказѣ, которая вообще съ тѣмъ приказомъ и писана» (изъ V тома Описанія документовъ М. Арх. М. Юстиціи: Исторія разряднаго архива, стр. 145).

⁸²⁾ Тороп. писц. книга 1540 г.; Приказнаго стола столбецъ № 1182; А. А. Эксп. 1, № 343 и 349, 336; Акты Юридич., стр. 231, № 216; Акты Историч., т. II, 423, № 355; Приказныя дѣла 7146 года, № 57; Приказныя дѣла съ 6 дек. 1638 г. по 23 марта 1639 г., № 45; Денежнаго стола кн. 19, л. 70.

дѣло раскладки податей лишь тогда, когда между торопецкими городскими и волостными людьми возникали какія-либо недоразумѣнія. Такъ въ 1497 году было предписано: «не надобе имъ (мужамъ Старцевой волости) съ торопчаны посполъ стацыи и проторовъ у волость метати: мають они особно своя стацыи и проторы въ свою волость сами розметывати». Такимъ образомъ торопчане до самаго конца XV вѣка сами розметывали между собой подати и повинности.

Московское правительство также предоставляло посадскимъ людямъ «самимъ верстаться между собой по животомъ, и по промысловъ, и по рукодѣлю».

Въ 1540 году *оброкъ за дань* торопецкіе городскіе люди разводили межъ себя *по животомъ*. *Оброкъ съ пашни, съ пожень и за рыбную ловлю* разводили межъ себя *по пашнѣ, по косьбѣ и по рыбной ловлѣ*. *Оброкъ съ лавокъ* разводили они межъ себя сами *по торговлѣ и по товару*. Слѣдовательно, въ половинѣ XVI вѣка дань (18 рублей) распредѣлялась между городскими людьми сообразно ихъ имущественной состоятельности; оброкъ за пользованіе пахатными и сѣнокосными землями и за рыбную ловлю брался соответственно тому, какимъ пространствомъ пахатной и сѣнокосной земли пользовался каждый изъ тяглыхъ людей, и сообразно съ тѣмъ, какое количество рыбы доставалось на его долю; оброкъ съ лавокъ распредѣлялся только между владѣльцами торговыхъ помѣщеній 1) сообразно стоимости товара («по товару») и 2) соответственно торговымъ оборотамъ каждаго изъ нихъ («по торговлѣ»); оброкъ съ амбаровъ, въ которыхъ торговали пріѣзжіе торговцы, брался только съ владѣльцевъ этихъ амбаровъ, и такимъ образомъ этотъ оброкъ былъ налогомъ на ихъ доходъ, получавшійся съ пріѣзжихъ торговцевъ.

Уставной грамотой 1590 года московское правительство предоставило торопецкимъ посадскимъ людямъ (лучшимъ, среднимъ и молодшимъ) по-прежнему «въ оброкѣ и во всякихъ намѣстничьихъ доходахъ *верстаться межъ себя самимъ по своимъ животомъ и по промысловъ*»⁸²⁾.

И въ XVII вѣкѣ, какъ и въ предшествовавшіе вѣка, торопецкіе посадскіе люди верстались между собой «по животомъ и по промысловъ». Подъ животами разумѣлось все движимое имущество тяглаго челоуѣка: деньги, товаръ, лошади, платье и пр.; подъ промыслами разумѣлись его занятія, приносившія ему извѣстный доходъ или да-

⁸²⁾ Акты Литовской метрики, записей книга VI, л. 107; Торопецкая писцовая книга 1540—41 гг.; приложение I.

вавшия ему какой-либо заработокъ. Слѣдовательно, при раскладкѣ податей принимались во вниманіе имущественное положеніе даннаго лица и доходность его промысловаго труда ²⁴⁾.

Выражаясь языкомъ памятниковъ XVII вѣка, всѣ посадскіе люди, которые жили въ Торопцѣ «на посадѣ въ тяглѣ», должны были «своего жеребья государево тягло платить». Необходимо было ихъ «окладывать въ оклады», «въ тягло обложить, смотря по ихъ промыслу и животу», «въ окладъ положить, съ чего имъ государевы подати платить». Для того, чтобы платежъ податей соотвѣтствовалъ платежнымъ силамъ и средствамъ тяглыхъ посадскихъ людей, имъ должно было «верстаться межъ себя самимъ по своимъ животомъ и по промысломъ». Вслѣдствіе разверстки нѣкоторые торопецкіе посадскіе люди платили «всякія подати съ большого окладу», но были между ними и такіе бѣдняки, которые находились «въ тяглѣ жеребьемъ въ платежахъ самой послѣдней статьи» и потому были «въ окладъ съ полуденьги». Для опредѣленія и обозначенія налогоспособности всѣхъ тяглецовъ составлялись «окладныя книги», въ которыхъ были написаны ихъ оклады, т. е. было обозначено, съ сколькихъ денегъ (въ рублѣ 200 денегъ) каждый изъ нихъ долженъ былъ платить подати, или иначе—по сколько денегъ каждый изъ нихъ долженъ былъ заплатить въ одну «дань», въ одинъ сборъ.

Цѣлью составителей окладныхъ списковъ было установить между окладами всѣхъ тяглецовъ правильное соотношеніе, соотвѣтствовавшее ихъ тяглоспособности, ихъ платежнымъ средствамъ, и такимъ образомъ, по возможности, достигнуть справедливаго распредѣленія податей между всѣми мірскими людьми.

Окладныя книги, въ которыя записывались денежные оклады всѣхъ тяглецовъ, составлялись такимъ образомъ: самыхъ бѣдныхъ изъ посадскихъ людей облагали самымъ малымъ окладомъ, напр., въ одну деньгу; затѣмъ окладчики, перебирая по очереди всѣхъ мірскихъ людей, облагали ихъ, сообразно ихъ имуществу и заработкамъ, во столько разъ большимъ окладомъ, во сколько ихъivoty и промыслы превышали

²⁴⁾ «И животышка моя—товаръ, и деньги, и лошади, и платье грабили»... «дворишко и животышка мои всѣ погорѣли»... «и торговаго промыслишку отбылъ»... (Прик. дѣла 25 іюля 1646—17 апр. 1647 года, № 59). Къ концу XVII вѣка начали употреблять выраженіе «поверстать по пожиткомъ» (см., напр., 1182 столбецъ Приказнаго стола); во второй половинѣ XVIII вѣка: «учинить поверстку по пожиткамъ и нѣемымъ выгодамъ каждого, а не по одному капиталу» (Дѣла Сената, кн. 226—3797; л. 340).

своими размѣрами животы и промыслы бѣднѣйшихъ посадскихъ людей, обложенныхъ окладомъ въ одну деньгу. Сборщики податей, имѣя въ своемъ распоряженіи окладныя книги, могли собирать подати съ посадскихъ людей безъ особенныхъ затрудненій и взимать ихъ въ размѣръ, пропорціональномъ величинѣ оклада каждаго изъ нихъ.

Подати собирались въ нѣсколько приѣмовъ, въ нѣсколько *даней*. Та часть податей, которую посадскіе люди платили въ одинъ приѣмъ, въ одну «дань», часто также называлась «данью». «Дань» была въ то же время «окладомъ» каждаго посадскаго человѣка, съ котораго онъ платилъ всѣ подати. Торопецкій мѣръ точно опредѣлялъ размѣръ «дани», т. е. части податей, которую въ данное время долженъ былъ платить каждый посадскій человѣкъ въ одну «дань» (въ одинъ разъ, въ одинъ сборъ). Но сколько даней взять съ него въ теченіе года, того опредѣлить заранѣе мѣръ не могъ, потому что число даней зависѣло отъ того, въ какомъ размѣрѣ потребуютъ съ Торопца государевы подати, и каковы будутъ въ томъ году мѣрскіе расходы ⁸⁵⁾.

Оклады всѣхъ торопецкихъ мѣрскихъ людей въ своей совокупности составляли «кладницу». *Кладница*, или сумма всѣхъ окладовъ, въ разное время была неодинакова. Въ экономической жизни города Торопца бывали такія счастливыя эпохи, когда замѣтно повышалось благосостояніе большей части тяглыхъ людей. Тогда представлялась возможность значительно повысить оклады весьма многихъ плательщиковъ податей; вслѣдствіе чего кладница сильно увеличивалась въ своемъ размѣрѣ и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда увеличеніе платежей средствъ главнымъ образомъ обнаруживалось въ средѣ «луч-

⁸⁵⁾ Приказнаго стола ст. № 1182. Историческіе документы другихъ русскихъ городовъ не противорѣчатъ сдѣланному выше опредѣленію слова «дань». Такъ напримѣръ: «Вязмичи посадскіе люди положены въ дань въ мѣрскіе розметы по жывотомъ, и по промысловъ, и по рукодѣлю. Одному человѣку давать въ дань рубль 26 алтынъ 4 деньги... четверемъ человѣкомъ давать въ дань 8 д., по 2 д. человѣку... И всего вязмечемъ посадскимъ людямъ 255-ти человѣкомъ давать въ дань 36 рублей 31 алт.»... «1 человѣкъ въ дани рубль 26 ал. 4 д., 2 человѣка въ дани 2 руб. 13 ал., 2 д., 10 человѣкъ въ дани 2 рубля, по 6 ал. по 4 д. человѣку... 4 чел. въ дани 8 денегъ, по 2 д. человѣку. А положены въ мѣрской дани посадскіе люди прежнимъ окладомъ съ прибылью... А платитъ въ Государеву казну... изверстается промежъ себя всѣмъ по окладному, по данному мѣрскому списку... Среднихъ людей 5 чел. въ дань платятъ по 5 алт... И сколько человѣкъ самыхъ же молодшихъ и убогихъ въ дань платятъ по 4, и по 3, и по 2 деньги, и того въ книгахъ порознь не росписано»... (Приказныя дѣла 1625 года, № 14, въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣлъ).

шихъ», т. е. наиболѣе богатыхъ людей. Въ XVII вѣкѣ въ Торопцѣ бывали между посадскими людьми «лучшіе жеребейщики», которые «въ окладѣ были по 3, и по полтретья, и по 2, и по 1½ рубля, и по сороку алтынѣ, и по 8 гривенѣ, и по 20 алтынѣ, и по полтинѣ». Понятно, что эти высокіе оклады («большихъ жеребьевъ оклады») сильно повышали размѣръ кладницы; извѣстно, что сумма окладовъ всѣхъ торопецкихъ посадскихъ людей иногда доходила до 60 рублей.

Для бѣдняковъ, у которыхъ окладъ вслѣдствіе ихъ бѣдности не могъ быть повышенъ, высокій размѣръ кладницы былъ очень выгоденъ. Если въ данное время требовалось собрать съ торопецкаго посада какой-либо налогъ въ размѣрѣ, напримѣръ, 120 рублей, то при кладницѣ въ 60 рублей, съ бѣдняка, платившаго подати съ 1 деньги, приходилось по расчету взять въ уплату этого налога—2 деньги. Но при взиманіи 120 рублей въ тотъ годъ, когда кладница была въ 30 рублей, этотъ налогъ падалъ на плательщика съ 1 деньги—уже въ размѣрѣ 4 денегъ.

Въ Торопцѣ, какъ въ городѣ торговомъ, происходили частыя и довольно рѣзкія измѣненія въ имущественномъ положеніи посадскихъ людей, и вслѣдствіе этого, въ видахъ справедливости, было необходимо дѣлать измѣненія и въ окладныхъ книгахъ. Въ нихъ слѣдовало въ такихъ случаяхъ повысить или понизить оклады только тѣхъ посадскихъ людей, въ имущественномъ положеніи которыхъ въ данный періодъ времени произошло какое-либо существенное измѣненіе, у остальныхъ же оставить прежніе оклады.

Однако «лучшіе люди», злоупотребляя своимъ вліяніемъ въ соймахъ, часто въ теченіе долгаго времени не допускали никакихъ измѣненій въ окладныхъ книгахъ. Проходили годы; въ животахъ и промыслахъ лучшихъ людей происходили крупныя перемены къ ихъ выгодѣ, а между тѣмъ они «окладу мірскимъ людямъ не давали», и всѣ подати собирались по старымъ окладнымъ книгамъ, уже совсѣмъ не соотвѣтствовавшимъ своему назначенію, т. е. не выражавшимъ дѣйствительнаго соотношенія между платежными силами торопецкихъ тяглыхъ посадскихъ людей. Бѣдные посадскіе люди обвиняли лучшихъ людей въ томъ, что они «оклады сами съ себя посняли и положили ихъ на среднихъ и на молодшихъ людей». Само правительство, вообще не вмѣшавшееся въ дѣло разверстки податей между отдѣльными плательщиками, иногда присылало «памяти» (изъ Разряда), которымъ предписывалось «окладывать въ оклады и верстать въ третій годъ». Но лучшіе люди не исполняли и правительственные предписанія, и со стороны среднихъ и молодшихъ людей не прекращались жалобы на

то, что нѣкоторые изъ лучшихъ людей «живота могутъ по тысячи и по пяти сотъ, а оклады на нихъ положены небольшіе», «лучшій жеребейщикъ тысячи на 3 животовъ можетъ, а обложенъ 25 алт.»⁸⁶⁾.

Какъ взи́мались въ Торопцѣ подати по окладнымъ книгамъ?—Въ одинъ пріемъ, въ одну «дань», собиралось столько рублей, сколько въ данное время по окладнымъ книгамъ значилось въ кладницѣ, а каждый плательщикъ уплачивалъ «дань» лишь въ размѣрѣ своего оклада; платившій подати, напримѣръ, съ 1 деньги, уплачивалъ въ дань—1 деньгу. Если же было необходимо на уплату государевыхъ податей или на какіе-либо мірскіе расходы собрать съ мірскихъ людей сумму денегъ, значительно превышавшую сумму окладовъ всѣхъ тяглыхъ людей (кладницу), то торопецкій соймъ дѣлалъ постановленіе произвести сборъ денегъ въ нѣсколько «даней». Такъ, когда однажды (въ январѣ 1690 года) потребовалось взять съ посадскихъ людей 287 рублей, а сумма окладовъ всѣхъ тяглыхъ людей въ то время, повидимому, не превышала 26 рублей, то на мірскомъ сходѣ было постановлено взыскать ихъ «въ одиннадцать даней», взять «одиннадцать даней, а больше ни на комъ не брать»⁸⁷⁾.

По указу государей и по грамотамъ изъ Разряда, съ 271 двора, значившагося по переписнымъ книгамъ 1678 года, надлежало взыскать съ торопецкаго посада въ 191 году стрѣleckихъ денегъ 352 рубля 10 алтынъ, по 1 рублю и 10 алтынъ съ двора. 4 февраля 1683 года были составлены «книги сборныя стрѣleckимъ деньгамъ», въ которыхъ было обозначено, «съ кого именно тѣ стрѣleckія деньги и что съ кого взято порознь, по жребіямъ». Изъ этой книги обнаруживается, что стрѣleckія деньги были собраны не съ однихъ только посадскихъ людей, имѣвшихъ свои дворы на посадѣ, но и съ бобылей, у которыхъ своихъ дворовъ не было и которые жили въ подсосѣдникахъ или «на дворничествѣ», а также съ посадскихъ людей, жившихъ на церковныхъ земляхъ и въ Торопецкомъ уѣздѣ. 352 рубля 10 алт. по оклад-

⁸⁶⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182. Въ XVIII столѣтіи торопецкіе купцы и мѣщане на общемъ совѣтѣ приговаривали: «сборъ чинить по прежнему расположенію, то есть по кладницѣ со всякой жеребьевой копѣйки... съ жеребьевой копѣйки по новой кладницѣ, которая должна быть жеребьевыми копѣйками положена» (Дѣла Сената, книга 226—3797, л. 348—350, 1777 г.). Въ архивѣ Торопецкой Городской Думы хранятся «копіи съ купецкой (и съ мѣщанской) кладницы съ прежними жеребьевыми копѣечными окладами 1793 года» и др.

⁸⁷⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182. Въ томъ же столбцѣ говорится, что въ то время кладница равнялись 30 руб. безъ 7 гривенъ.

ными книгамъ были распредѣлены между 420 семействами торопецкихъ посадскихъ людей, сообразно ихъ платежнымъ средствамъ. Такъ какъ эта сумма денегъ въ 1683 году, кажется, превышала приблизительно въ $13\frac{1}{2}$ разъ кладницу, т. е. сумму окладовъ всѣхъ тягловыхъ, записанныхъ въ окладныя книги, то съ каждого плательщика податей пришлось взять денегъ прибл. въ $13\frac{1}{2}$ разъ болѣе его оклада. Кто, на-
примѣръ, платилъ подати съ одной деньги, тотъ долженъ былъ запла-
тить стрѣleckiя деньги, въ размѣрѣ $13\frac{1}{2}$ денегъ. Оклады торопецкихъ
посадскихъ людей въ томъ году были чрезвычайно различны: М. Чирь-
евъ, первый торопецкій богатъ, платилъ подати съ 180 денегъ, са-
мые бѣдные посадскіе люди—съ одной деньги, и такимъ образомъ съ
М. Чирьева въ уплату стрѣleckихъ денегъ было взято 12 рублей и
5 алтынъ, а съ бѣдняковъ, принадлежавшихъ по своему окладу къ
«самой послѣдней статьѣ», взято—съ одного 14 денегъ и съ 17—по
13 денегъ⁸⁸⁾.

Всего стрѣleckихъ денегъ въ 191 (1682—1683) году уплатили:

1 посадскій человекъ	12 рублей 5 алтынъ				
1	»	»	9	»	10 » 3 деньги.
1	»	»	8	»	16 » 4 »
1	»	»	7	»	23 » 1 »
1	»	»	6	»	25 » — »
1	»	»	5	»	31 » 2 »
1	»	»	5	»	13 » 3 »
1	»	»	4	»	1 » 4 »
1	»	»	3	»	12 » 3 »
1	»	»	2	»	23 » 2 »
6	»	»	по 2	»	14 » 2 »
1	»	»	2	»	9 » 5 »
4	»	»	по 2	»	5 » 2 »
11	»	»	по 2	»	— » 5 »
1	»	»	2	»	— » 4 »
1	»	»	1	»	31 » 4 »
3	»	»	по 1	»	29 » 4 »
3	»	»	по 1	»	25 » — »
10	»	»	по 1	»	20 » 4 »
1	»	»	1	»	17 » 2 »
1	»	»	1	»	16 » 4 »

⁸⁸⁾ Дѣла Печатнаго приказа безпошл., книга 33, л. 557; Разрядная вѣзка 11-я, № 14, лл. 1—29, въ М. Архивѣ Мин. Юстиціи.

1	посадскій	человѣкъ	1	рубль	16	алтынъ	1	деньгу.
2	»	»	по	1	»	16	»	—
14	»	»	по	1	»	11	»	4
1	»	»	1	»	9	»	3	»
1	»	»	1	»	7	»	3	»
1	»	»	1	»	7	»	2	»
6	»	»	по	1	»	7	»	1
9	»	»	по	1	»	7	»	—
2	»	»	по	1	»	6	»	4
15	»	»	по	1	»	2	»	4
1	»	»	1	»	2	»	2	»
1	»	»	1	»	—	»	—	»
1	»	»	—	»	36	»	—	»
1	»	»	—	»	31	»	4	»
10	»	»	по	—	»	31	»	3
11	»	»	по	—	»	31	»	2
33	»	»	по	—	»	27	»	—
1	»	»	—	»	26	»	—	»
1	»	»	—	»	23	»	2	»
13	»	»	по	—	»	22	»	3
20	»	»	по	—	»	22	»	2
1	»	»	—	»	22	»	—	»
37	»	»	по	—	»	18	»	—
24	»	»	по	—	»	13	»	3
21	»	»	по	—	»	13	»	2
69	»	»	по	—	»	9	»	—
2	»	»	по	—	»	6	»	4
1	»	»	—	»	4	»	4	»
13	»	»	по	—	»	4	»	3
36	»	»	по	—	»	4	»	2
1	»	»	—	»	4	»	—	»
1	»	»	—	»	2	»	2	»
17	»	»	по	»	2	»	1	» ^{*)}

Государевы подати и деньги на мірскіе расходы обыкновенно собирались выборными земскими цѣловальниками, а впоследствии земскими старостами и цѣловальниками земской избы. Но очень часто мірскіе люди, сойдясь въ соймѣ, выбирали «для денежнаго сбора» особыхъ «выборныхъ цѣловальниковъ», и всякій разъ въ такихъ случаяхъ

*) Разрядная вязка 11-я, № 14, лл. 1—29.

земскимъ дьячкомъ составлялся отдѣльный «выборъ и приговоръ». Въ немъ точно обозначалось количество денегъ, которое выборные цѣловальники должны были собрать съ посадскихъ людей по жеребьямъ, по окладнымъ книгамъ, выданнымъ міромъ, и всякій разъ въ «выборъ и приговоръ» опредѣлялось, во сколько даней должны были они собрать требуемую сумму. По требованію земскаго старосты и цѣловальниковъ, сборщики должны были представить собранныя ими деньги въ земскую избу и получить въ томъ расписку. «Выборные цѣловальники» имѣли право посадскихъ людей, не заплатившихъ своевременно (вскорѣ) деньги, сажать въ тюрьму и «править на нихъ деньги правешемъ». Иногда міръ предписывалъ выборнымъ цѣловальникамъ выдать деньги не земскому старостѣ, а тому лицу, въ пользу котораго собирались деньги, но отдать «сборныя деньги» при земскомъ старостѣ съ товарищи и при всѣхъ посадскихъ людяхъ «съ роспискою за рукою»⁹⁰).

V.

Судебныя пошлины въ XVI вѣкѣ до 1590 года собирались въ Торопцѣ намѣстниками и ихъ пошлинниками; въ тѣ же годы, когда Торопецъ не находился у кого-либо въ кормленіи, онѣ собирались «вѣрными цѣловальниками». Въ концѣ XVI вѣка и въ тѣ годы XVII, когда торопецкіе посадскіе люди пользовались самоуправленіемъ и самосудомъ на основаніи уставной грамоты 1590 года, судебныя пошлины собирались съ нихъ ихъ выборными земскими цѣловальниками, съ дворянъ же и дѣтей боярскихъ обыкновенно онѣ собирались воеводами, съ стрѣльцовъ ихъ головами, съ духовенства — десятильниками («судомъ и расправою духовнаго чину люди вѣдомы въ Торопцѣ на патріаршѣ дворѣ»).

Торопецкая уставная грамота 1590 года поименовываетъ нѣкоторые судебныя пошлины. Въ «истцовыхъ дѣлахъ» со взысканнаго рубля взымалось по гривнѣ; «а случится крестное цѣлованье въ поклажеѣ», — также съ рубля гривна; «самосуда» — 2 рубля; «вѣры» — 4 рубля (грамота опредѣляла также размѣры новоженнаго убруса и выводной кунницы).

Судебныя пошлины, собиравшіяся въ земской избѣ, не отправлялись въ государеву казну; точно также въ тѣ годы, когда Торопецъ въ XVI вѣкѣ находился въ кормленіи, судебныя пошлины шли въ

⁹⁰) Приказ. стола ст. № 1182.

пользу намѣстниковъ и ихъ пошлинниковъ. Но судебныя пошлыны, собиравшіяся воеводами, должны были поступать въ государеву казну, хотя вслѣдствіе своей незначительности онѣ большею частью шли на расходы приказной избы.

Сколько будетъ въ теченіе года собрано судебныхъ пошлынъ,—косвеннаго налога, падавшаго на судебныя дѣйствія,—того заравѣ опредѣлить было невозможно, и потому въ XVII вѣкѣ судебныя пошлыны были относимы къ разряду неокладныхъ доходовъ ⁹¹⁾.

Точно также къ разряду неокладныхъ (государственныхъ) доходовъ принадлежалъ другой косвенный налогъ—*торговья пошлыны*.

Въ 1540 году торопецкіе торговые люди, производившіе торгъ въ Торопцѣ, въ Большомъ и въ Мясномъ и Рыбномъ рядахъ, въ 65 лавкахъ, платили въ казну великаго князя московскаго ежегодно оброка 6½ рублей и сами распредѣляли этотъ налогъ между собой. Владѣльцы 15 амбаровъ, въ которыхъ торговали пріѣзжіе торговые люди, платили тогда въ государеву казну 30 алтынъ въ годъ, по 2 алтына съ каждаго амбара. Такимъ образомъ торопчане (большею частью посадскіе люди) въ 1540 году платили торговыхъ пошлынъ съ лавокъ и амбаровъ около 7½ рублей, приблизительно 550 рублей нынѣшнихъ.

Въ томъ же 1540 году съ литовскихъ купцовъ, съ московскихъ гостей, съ новгородцевъ и съ торговыхъ людей, пріѣзжавшихъ въ Торопецъ изъ другихъ городовъ Московскаго государства, собирали торговыхъ пошлынъ въ пользу соборнаго храма св. Егорія ежегодно около 3 рублей; отъ 200—250 рублей современныхъ. Торговцы, пріѣзжавшіе изъ городовъ Московскаго государства, платили пошлынъ по одной деньгѣ московской съ рубля (½ %), а литовскіе люди по 4 деньга съ берковца соли.

Такимъ образомъ торопчане и пріѣзжіе люди въ годъ платили торговыхъ пошлынъ около 10½ рублей (не болѣе 800 рублей нынѣшнихъ) ⁹²⁾.

Во второй половинѣ XVI вѣка (до 1590 года)—въ тѣ годы, когда Торопецъ находился у кого-нибудь въ кормленіи, торговья пошлыны собирались въ пользу намѣстника его пошлинниками; въ другіе годы онѣ собирались «вѣрными цѣловальниками» и поступали въ государеву казну. Изъ торговыхъ пошлынъ того времени упоминаются: явка съ пріѣзжихъ людей и пятно.

⁹¹⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 341; Приказнаго стола столбцы №№ 528 и 1182; Преображенскаго стола столбецъ № 60, лл. 40, 41, 83 и 84, см. выше стр.

⁹²⁾ Тороп. писцовая книга (1540 года) Алекс. Ульянина, лл. 32 и 33.

Торопецкая уставная грамота 1590 года предоставила посадскимъ людямъ право самимъ собирать торговыя пошлыны. Ихъ выборные земскіе цѣловальники, руководствуясь этой грамотой, съ литовскихъ гостей взымали: 1) *явки* по 2 гроша съ гостя и съ товара и 2) *отъ явки* по грошу съ гостя и съ товара, всего съ одного литовскаго торговца—6 грошей («съ наймитовъ ихъ явки и пошлынъ некоторыхъ нѣтъ»); съ торговыхъ людей, прїѣзжавшихъ изъ Московской земли, они брали явки съ каждаго гостя («съ головы, съ товарнаго человѣка») только по одной деньгѣ московской. Съ *хмѣля*, откуда бы его не привозили въ Торопецъ на продажу, брали по 2 деньги московской съ воза,—съ саней или съ телѣги,—«а отъ явки у нихъ не емлютъ ничего».

Съ торопецкихъ городскихъ и уѣздныхъ людей, привозившихъ въ Торопецъ какіе бы то ни было товары, не взымалось ни тамги, ни пошлынъ, ни мыта³³⁾.

Съ торопчанъ брали явку—по одной московской деньгѣ съ коровы—только въ томъ случаѣ, когда они покупали коровъ для продажи ихъ въ Литвѣ.

По уставной грамотѣ всякій торопчанинъ, продававшій или мѣнявшій лошадь, платилъ *пятна*—одну деньгу московскую. Если же онъ продавалъ или мѣнялъ въ Торопцѣ лошадь литовскимъ торговымъ людямъ, для отправки ея въ Литву, то сверхъ того, что съ него брали одну деньгу (пятенную деньгу московскую), за ту же лошадь взымали еще съ литвина 4 деньги³⁴⁾.

Въ XVII вѣкѣ торговыя пошлыны иногда отдавались въ откупъ, иногда ихъ собирали «на вѣрѣ» вѣрные таможенные головы и цѣловальники. Известно, что на 129 годъ (съ 1 сент. 1620—1 сент. 1621 года) торопецкіе таможенные сборы были отданы въ откупъ за 157 рублей, на 144 годъ (1635—1636 гг.) за 223 р. 22 алт., а на 5 лѣтъ съ 158—163 (1649—1555) годъ таможенные сборы были отданы въ откупъ торопецкимъ посадскимъ людямъ съ платою по 216 р. 5 алт. 4 д. въ годъ. (Вмѣстѣ съ тѣмъ торопецкія рыбныя ловли были отданы въ откупъ по 51 р. 22 ал. 4 д. въ годъ. Печатныхъ пошлынъ съ отданныхъ въ откупъ таможенныхъ сборовъ и рыбной ловли въ то

³³⁾ «А кто торопчанинъ привезетъ въ Торопецъ какой товаръ,—и выборнымъ цѣловальникомъ съ тѣхъ людей съ товару тамги, и пошлынъ, и мыта не имати», сказано въ уставной грамотѣ. «А кто прїѣдетъ въ Торопецъ изъ Торопецкаго уѣзду съ какими товаромъ ни буди,—и выборнымъ цѣловальникамъ съ тѣхъ людей явки и пошлынъ некоторыхъ не имать».

³⁴⁾ См. приложение 1-е.

время взималось 10 р. 9 д. ежегодно; съ челобитья съ того откупа — 1 рубль съ полтиной въ годъ) ⁹⁵⁾.

Въ 1667—1681 годахъ въ торопецкой таможенной избѣ собирали пошлины на государя, въ государеву казну, вѣрные головы и цѣловальники. Съ 1681 года таможенные кабацкіе сборы уже во всемъ Московскомъ государствѣ не отдавались болѣе въ откупъ; присланный въ 189 году изъ Приказа Большой Казны указная грамота и указныя статьи о таможенныхъ и кабацкихъ сборахъ хранились въ Торопцѣ въ приказной избѣ, въ воеводскомъ ящикѣ ⁹⁶⁾. Такимъ образомъ, съ 1 сентября 1667 года до самаго конца XVII столѣтія въ Торопцѣ таможенные доходы уже непрерывно собирались на вѣрѣ.

Въ 1654 году былъ опредѣленъ размѣръ таможенныхъ пошлинъ (рублевая пошлина). Съ этого времени взималось съ явленныхъ товаровъ по 5% съ ихъ продажной цѣны. Съ денегъ, явленныхъ «въ уѣздѣ на товарную покупку», взимали также 5%, т. е. 10 денегъ съ рубля; если же представляли («являли») въ таможенѣ деньги для покупки товаровъ въ Торопцѣ, то съ каждаго явленного рубля бралось только 2½ процента. Съ иноземцевъ взимали и съ товаровъ, и съ денегъ, явленныхъ въ таможенѣ, по 6%. Съ явленной соли въ Торопцѣ брали по 10% съ ея стоимости ⁹⁷⁾.

Таможенные доходы въ Торопцѣ въ XVII вѣкѣ составлялись: 1) изъ полавочнаго сбора, въ составъ котораго, по всей вѣроятности, входили и таможенные пошлины, собиравшіяся на гостиномъ дворѣ съ прїѣзжихъ торговыхъ людей, 2) изъ таможенныхъ пошлинъ, собиравшихся «на площади и по раду, съ хлѣба и со всякихъ мелкихъ продажныхъ товаровъ», а также изъ «перекупной пошлины», и 3) изъ пошлинъ, собиравшихся съ рыбныхъ ловцовъ, «съ рыбной продажи».

Полавочный сборъ доставлялъ въ Торопцѣ болѣе всего дохода. Такъ напримѣръ: въ 185 году (съ 1 сент. 1676 — 1 сент. 1677 г.)

⁹⁵⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл.: книга 4, л. 2; кн. 62, л. 11; кн. 25, л. 184; Преображенскаго приказа столбецъ № 54, л. 147; столбецъ № 55, л. 6; ст. № 64, л. 19 и 52.

⁹⁶⁾ Преображенскаго приказа столбецъ № 153, л. 65.

⁹⁷⁾ Денежнаго стола книги 204, 350 и 365. Ср. по городу Твери книгу № 1, въ М. Г. А. М. Иностр. Дѣлъ. «А который человекъ, живучи на Москвѣ и въ городѣхъ, всякой на своемъ городѣ какой ни есть товаръ купить, и съ тѣхъ товаровъ пошлинъ не платитъ по-прежнему... а платять пошлины съ тѣхъ товаровъ тѣ люди, которые привозятъ изъ иныхъ городовъ» (Новоторговый уставъ 1667 года, §§ 27, 1-е Полн. Собр. Зак. Р. И., № 408).

всего было собрано таможенныхъ пошлинъ 366 руб. 3 алт.; изъ нихъ полавочнаго — 326 руб. 25 алт. 4 деньги, на площади и по ряду со всякихъ мелкихъ товаровъ и съ хлѣба 29 руб. 13 алт. 2 д., съ рыбныхъ ловцовъ—9 руб. 30 алт. 4 д.⁹⁸⁾

Въ 176 году (съ 1 сент. 1667 по 1 сент. 1668 года) таможенныхъ пошлинъ было собрано 496 р. 22 алт., но послѣ того въ 177 и 178 годахъ оказался недоборъ сравнительно съ 176 годомъ; затѣмъ съ 179 по 189 годъ собиралось приблизительно отъ 363 до 366 рублей въ годъ. Въ такомъ важномъ въ то время торговомъ городѣ, какъ Тверь, въ 182 году собрано таможенные рублевые пошлины 542 рубля 31 алт. 2 д.⁹⁹⁾

Торопецкія таможенные пошлины находились въ завѣдываніи Приказа Большого Прихода¹⁰⁰⁾. Однако собранныя деньги рѣдко отправлялись въ Москву и обыкновенно расходовались въ Торопцѣ: онѣ употреблялись, по предписаніямъ изъ Москвы, на раздачу жалованья торопецкимъ стрѣльцамъ и пушкарямъ, на уплату руги церковнымъ причтамъ и т. под. Конечно, часть таможенныхъ сборовъ расходовалась на нужды самой таможни: на ремонтъ таможенной избы, на покупку бумаги, салыныхъ свѣчъ, дровъ, на жалованье таможеннымъ сторожамъ и т. д. Расходы таможенной избы были весьма значительны. Такъ въ 185 году сторожамъ было дано 1 р. 26 алт. 4 д., куплено бумаги на 13 алт. 2 д., салыныхъ свѣчъ — на 16 алт. 4 д., дровъ—на 1 р. 20 алт. (3 воза); за глину для починки печи и пола въ таможенной избѣ и за работу дано 9 алт. 5 д. Вотъ и всѣ «избыные расходы» въ 185 году, а въ предъидущемъ 184 году израсходовано 5 рублей¹⁰¹⁾.

Сборъ торговыхъ пошлинъ въ Торопцѣ находился въ прямой зависимости отъ количества торопецкихъ городскихъ и уѣздныхъ жителей, отъ степени ихъ зажиточности, отъ болѣе или менѣе оживленной

⁹⁸⁾ Денежнаго стола книга 365, лл. 1—100.

⁹⁹⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 159, л. 59; кн. 164, л. 397; кн. 194, л. 809. Дѣла Печатнаго приказа безпошлинныя, кн. 71, лл. 373—378. Денежнаго стола книга 146, л. 184; кн. 210, л. 193 и слѣд., л. 677; кн. 350, лл. 147, 154, 155, 163, 171, 185, 194—195 и др., см. также книгу 365. По городу Твери книга № 1, л. 40 (въ М. Г. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ).

¹⁰⁰⁾ Приказныя дѣла, 5 сент. 1669—13 июня 1670 года. Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 62, л. 11.

¹⁰¹⁾ Денежнаго стола книга 365; Денежнаго стола книга 146, л. 184. Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 196, л. 101.

въ данное время торгово-промышленной дѣятельности, отъ числа приѣзжавшихъ въ Торопецъ иногородныхъ торговцевъ и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ. Поэтому сумма денегъ, собиравшихся въ таможи, подвергалась сильнымъ колебаніямъ и въ разные періоды торопецкой исторіи по своимъ размѣрамъ была весьма различна.

Совсѣмъ отдѣльно отъ таможенныхъ пошлинъ, собиравшихся таможенными головами и цѣловальниками и поступавшихъ въ таможенную избу, собирались *конскія пошлины*. Выборные земскіе цѣловальники, руководствуясь торопецкой уставной грамотой 1590 года, пятнали продажныхъ лошадей своимъ пятномъ и «отъ пятна» брали «съ купца и съ мѣновщины деньгу московскую»; «имена людскія и лошадь въ шерсти» они записывали въ книги «памяти для». Если же купившій лошадь не «являлъ» ее въ тотъ же день цѣловальникамъ и не платилъ *пятенную денгу*, то съ него брали *пропята* 2 рубля московскихъ. И въ XVII столѣтіи на конной площадкѣ собирались «конскія пошлины», или «конская записная пошлина». Конскія площадки находились въ Торопцѣ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ и селахъ Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ. Всякій, кто покупалъ, продавалъ или мѣнялъ лошадей, долженъ былъ явиться на конскую площадку, гдѣ стряпчій конюхъ, находившійся въ вѣдѣніи Конюшеннаго приказа, взималъ конскія пошлинные деньги и записывалъ о совершенной торговой сдѣлкѣ въ книгу. Уклонявшихся отъ платежа конскихъ пошлинъ заставляли сверхъ пошлины заплатить еще *протаможье*. Конскія пошлины, упоминаемыя съ 1662 года, до самаго конца XVII вѣка отдавались въ откупъ. Въ 1701 году откупщики конскихъ пошлинъ въ Торопцѣ платили въ Конюшенный приказъ 35½ рублей въ годъ ¹⁰²⁾.

Въ 1540 году и впослѣдствіи въ Торопцѣ корчемный (кружечный) дворъ находился на посадѣ. Извѣстно, что въ 7097 (1588—1589) году «кабаккія деньги съ Торопца съ посаду» собирали на государя вѣрные цѣловальники. Повидимому, и въ то время посадскіе люди эту свою повинность считали тяжелой. Въ 1590 году они въ своей челобитной писали, что «собираютъ они на него, Государя, послѣ намѣстника всякіе намѣстничьи доходы, на кабакѣ сидятъ однимъ посадомъ, а дѣти боярскія и ихъ приказчики и крестьяне во всякіе намѣстничьи доходы не пособляютъ»... Торопецкая уставная грамота.

¹⁰²⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 111, л. 228; кн. 136, л. 169; кн. 201, лл. 369 и 370; кн. 390, л. 103. Дѣла Печатнаго приказа безпошлинныя, кн. 74, л. 412; кн. 87, л. 172; кн. 96, л. 245; кн. 102, лл. 157 и 267. Въ 1738 году упоминается «конская изба» (Дѣла Сената, книга 27/789, № 44).

1590 года воспрещала посадскимъ людямъ держать корчмы и питье продавать; виновные въ томъ платили въ государеву казну одинъ рубль московскій и выборнымъ земскимъ цѣловальникамъ—рубль (всего около 50 р. нынѣшнихъ). Такимъ образомъ продажа «всякаго питья» въ Торопцѣ была въ то время монополіей казны ¹⁰³⁾. Извѣстно, что 129 году (съ 1 сент. 1620 — 1 сент. 1621 года) вѣрными цѣловальниками собрано было въ кабацѣ на посадѣ—237 руб. 25 алтынъ. Въ XVII вѣкѣ и кабацкія пошлыны, подобно таможеннымъ, иногда отдавались въ откупъ. Такъ торопецкій кабацъ отданъ былъ въ откупъ на 130-й годъ (1621—1622 годъ) за 258 рублей 25 алтынъ, на 134-й (1625—1626) — за 363 р. 7 а. 3 деньги, на 135-й годъ (1626—1627)—уже за 396 р. 10 алт. Съ 1 февр. 1634 по 1 февр. 1636 года «по-прежнему» взи-мали откупа—по 679 р. 9 а. въ годъ, съ 1 февр. 1636 по 1 февр. 1638 платилось по 700 р. 9 алт. 2 д. Кромѣ того взи-мались съ от-купщика «печатныя пошлыны» и «съ челобитья». 2 января 1636 года, напимѣръ, было взято печатныхъ пошлынъ на 2 года съ 1400 рублей 18 алт. 4 д. (по 7½ денегъ съ рубля) и съ челобитья всего 53 рубля 8 денегъ ¹⁰⁴⁾. Съ 1 сент. 1638 года постоянно кабацкіе доходы въ Торопцѣ собирались вѣрными кабацкими головами и цѣловальниками, и торопецкій кабацъ съ этого времени вѣдался въ Приказъ Новой Чети, и только въ концѣ XVII вѣка, вмѣстѣ съ таможеней, въ При-казъ Большой Казны ¹⁰⁵⁾. Въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія въ Торопцѣ собиралось вѣрными цѣловальниками кабацкой прибыли отъ 1111 до 1125 рублей въ годъ. Изъ этой суммы расходовалось въ ка-бацѣ не болѣе 27 рублей въ годъ (въ 179 году—26 р. 14 а. ½ д., въ 182 году—7 р. 15 а. 4 д., въ 185—7 р. 31 а. 2 д.) ¹⁰⁶⁾. Кабац-кая прибыль получалась 1) отъ продажи на кружечномъ дворѣ въ

¹⁰³⁾ Тороп. писцовая книга 1540 года; Приказнаго стола ст. № 1182.

¹⁰⁴⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошлын., кн. 5-я, л. 125; кн. 7, л. 356; кн. 9, л. 183; кн. 20, л. 176; кн. 27, л. 4. Новгородскіе кабаки отданы были въ откупъ на 140 годъ (1631—1632) за 3,404 р. 15 а. 3½ д., а на 144 (1635—1636) за 4588 р. 7 а. 1½ д.; псковскіе кабаки отданы на 140 годъ—за 4583 р., а на 144-й годъ за 5166 р.... (Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 15, л. 251 и 293; кн. 25, л. 191).

¹⁰⁵⁾ Приказныя дѣла, 6 дек. 1638—23 марта 1639 года, № 45: «Велѣно въ Торопцѣ на кабацѣ вѣрному головѣ и цѣловальникомъ на вѣрѣ быть и собирать на кабацѣ кабацкую прибыль на тебя, Государя»... Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 360, л. 102; кн. 369, л. 411; кн. 374, лл. 198—199.

¹⁰⁶⁾ Денежнаго стола книги 128, 146, 210, 204 и 337.

погребѣ покупного вина и вина своего куренья ведрами, полуведрами, четвертями и кружками, 2) отъ розничной продажи вина, пива и меда «въ стоничной избѣ», 3) отъ продажи остававшихся отъ куренья вина, варки пива и отъ ставокъ меда—воска, хмелинѣ, дрожжей, олавинѣ, кваса и изварины бражной и 4) изъ «съ пивѣ явочныхъ денегъ» по подписнымъ челобитнымъ.

Получено прибыли на кружечномъ дворѣ:

	Въ 179 году.	Въ 182 году.
1) отъ продажи изъ погребѣ вина...	648 р. 30 а. — д. (989 ведеръ)	421 р. 21 а. 5 д. (729 в.)
2) отъ продажи за стойкою вина...	328 „ 26 „ 4 „ (411 „)	498 „ 21 „ 1 „ (647 ^{1/4})
3) отъ продажи за стойкою пива...	115 „ 30 „ 1/2 „ (1925 „)	126 „ 6 „ — „ (2578 в.)
4) отъ продажи за стойкою меда...	13 „ 16 „ 4 „ (135 „)	19 „ 18 „ 4 „ (206 „)
5) отъ продажи хмелинѣ, дрожжей, кваса, олавинны, бражной изварины, воска.....	4 „ 5 „ 2 „	40 „ 21 „ — „
6) получено по подписнымъ челобитнымъ съ пивѣ явочныхъ денегъ	— „ 17 „ 2 „	7 „ 9 „ 4 „
Всего получено прибыли «во весь годъ»	1111 р. 26 а. 1/2 д.	1113 р. 31 а. 4 д. ¹⁰⁷⁾

Эта прибыль образовывалась слѣдующимъ образомъ. Въ ноябрѣ 1673 года, напримѣръ, вино «въ куреньѣ ставилось» ведро по 10 алтынѣ 4 деньги, а вино, «что курено въ мѣсяцѣ декабрѣ» того же года, ставилось «ведро по 9 алтынѣ 4 деньги». Это самое вино продавалось изъ погреба по 30 алтынѣ за ведро, а въ розничной продажѣ, за стойкой,—по 1 рублю 3 алт. 2 д. Слѣдовательно, продавалось оно въ 3—4 раза дороже, чѣмъ стоило кружечному двору. Въ то же время пиво «въ вареньѣ ставилось» по 8 денегъ ведро, продавалось по 18 денегъ; медъ продавался за стойкой по 6 алтынѣ за ведро, а «въ ставкѣ тотъ медъ ставился» лишь немного болѣе 3 алтынѣ ¹⁰⁸⁾.

¹⁰⁷⁾ Денежного стола книга 337, лл. 233—246; книга 204, лл. 172—178.

¹⁰⁸⁾ Денежного стола книга 204, лл. 84 и 85.

Представленные выше данныя о податяхъ и повинностяхъ позволяютъ сдѣлать заключеніе, что весьма значительныя по своимъ размѣрамъ прямыя и косвенныя налоги и разнообразныя личныя и натуральныя повинности были крайне обременительны для торопецкихъ посадскихъ людей. Въмѣстѣ съ тѣмъ эти данныя даютъ право утверждать, что распредѣленіе податей и повинностей между собой самими мірскими людьми, сообразно ихъ силамъ и средствамъ, въ значительной степени облегчало для нихъ тяжесть податного бремени.

IV. Экономическій бытъ.

I.

Въ XVI и XVII вѣкахъ въ Торопецкомъ и Холмскомъ уѣздахъ огромное пространство земли находилось еще подъ лѣсами; обширныя площади были покрыты старымъ строевымъ лѣсомъ, «поросли большимъ хоромнымъ лѣсомъ». Однако и въ этихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ число дикихъ животныхъ постепенно уменьшалось, и главнымъ занятіемъ обитателей селъ и деревень сдѣлалось хлѣбопашество, а охота, рыболовство и пчеловодство служили лишь подспорьемъ къ сельскому хозяйству. Понятно, что для жителей городскихъ въ эту эпоху *звѣроловство и пчеловодство* тѣмъ болѣе не могли быть подходящимъ занятіемъ. Приходилось посадскимъ людямъ охотиться въ чужихъ лѣсахъ и за то попадать иногда въ бѣду: предписывалось, на примѣръ, нѣкоторыхъ изъ нихъ «за порукою поставить на Москвѣ» «въ иску въ бобровой ловлѣ»¹⁰⁹⁾. На земляхъ, принадлежавшихъ городу, значительная лѣсная площадь уже была обращена въ пахатныя поля, да и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще оставался лѣсъ, съ трудомъ можно было находить строевой матеріалъ для построекъ¹¹⁰⁾. Слѣдовательно, заниматься звѣроловствомъ какъ промысломъ на городской землѣ уже было невозможно. Казалось бы, торопецкимъ посадскимъ людямъ оставалось въ своихъ лѣсахъ заниматься охотой лишь для удовольствія и послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру торопецкихъ помѣщиковъ, которые иногда въ праздничное время «ходили по лѣсу за птицами»¹¹¹⁾. Но предприимчивые и наход-

¹⁰⁹⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 49, л. 6 (1649 годъ).

¹¹⁰⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 58, л. 417—419. По планамъ и межевымъ книгамъ, доставленнымъ въ Торопецкую Городскую Думу 27 октября 1795 года, незаселенной выгонной земли, принадлежавшей городу Торопцу, значилось 3487 десятинъ.

¹¹¹⁾ «Вчера де, въ Троицынъ день (9 іюня 1644 г.), послѣ обѣда, ходили де

чивые, они, и при измѣнившихся такимъ образомъ обстоятельствахъ, нашли иной выходъ изъ своего невыгоднаго положенія. Почти совсѣмъ не занимаясь лично охотой, они теперь не только старательно поддерживали мелочную торговлю мѣхами съ торопецкими и холмскими помѣщиками и крестьянами, но все болѣе и болѣе расширяли кругъ своихъ торговыхъ операцій съ «мягкой рухлядью».

И не въ одномъ Торопецкомъ уѣздѣ началъ падать и дѣлаться все менѣе выгоднымъ звѣроловный промыселъ. То же явленіе въ XVII вѣкѣ обнаружилось и во всѣхъ сосѣднихъ съ Торопцемъ уѣздахъ, въ старину отличавшихся необычайнымъ изобиліемъ различныхъ дикихъ животныхъ. Обширная лѣсная мѣстность въ Ржевскомъ уѣздѣ, расположенная по обѣимъ сторонамъ рѣки Старого Туда, отъ его устья, т. е. отъ рѣки Волги, вверхъ до рубежа Бѣльскаго уѣзда, и по берегамъ всѣхъ рѣчекъ, впадавшихъ въ Старый Тудъ,—отдана была въ откупъ съ 1 сент. 1640 года на 5 лѣтъ «съ звѣриными угодыи, и съ лосиными стойлы, и съ бобровыми гоны». Оброка должно было платить въ годъ только 2 рубля 15 алтынъ 4 деньги. Но этотъ незначительный оброкъ платили ржевичи посадскіе люди, поручившіеся за откупщика, а самъ онъ въ своей челобитной такъ написалъ: «а звѣря, Государь, нынѣ никакого нѣтъ»... «вели, Государь, съ меня тое откупную рѣку Старой Тудъ снять»¹¹²). Повсемѣстно кругомъ Торопца количество добываемыхъ мѣховъ сильно уменьшилось и эксплуатація лѣсныхъ угодьевъ сдѣлалась мало прибыльной. Торопецкимъ торговцамъ возможно было приобрѣтать мѣха лишь въ мѣстахъ, далеко расположенныхъ отъ ихъ родины; но, конечно, это не остановило ихъ: вслѣдъ за удалившимися въ Сибирь животными, носившими на себѣ драгоцѣнный пушной мѣхъ, предприимчивые торопчане появились и въ Сибири и тамъ въ первой половинѣ XVIII вѣка на Ирбитской ярмаркѣ покупали мѣха, которыхъ уже нельзя было добыть вблизи Торопца¹¹³). Такимъ образомъ, въ то время, когда населеніе торопецкихъ и холмскихъ волостей еще продолжало отчасти заниматься звѣроловствомъ, торопецкіе городскіе звѣропромышленники окончательно превратились въ торговцевъ мягкой рухлядью.

по лѣсу за птицами и на лѣсу де увидали того человѣка»... (Приказныя дѣла 1 генв.—26 авг. 1644 года, № 1, въ М. Г. А. М. Иностр. Д.).

¹¹²) Приказныя дѣла 1646 года сент. 13—1647 февр., № 75 (въ М. Г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

¹¹³) Дѣла Прав. Сената слѣдственныхъ комиссій, книга 147/364.

Съ начала XVI столѣтія,—а можетъ быть, и раньше того,—и *пчеловодство*, подобно звѣроловству, сдѣлалось занятіемъ невозможнымъ для торопецкаго городского человѣка: ему негдѣ было устраивать пчелиныя борти и улья. Впрочемъ сохранились отъ XVIII вѣка любопытныя свѣденія о томъ, какъ жители города Торопца, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни бортныхъ ухажеевъ, ни «пчелныхъ дворовъ» съ устроенными въ нихъ ульями (см. выше стр. 77), все-таки ухитрились имѣть свое собственное пчеловодное хозяйство. Одна семья, напримѣръ, (правда, владѣвшая половиной воскобойни), имѣла пчелъ въ разныхъ селеніяхъ и деревняхъ: «собственныхъ»—35 колодъ, «половныхъ съ разными людьми»—119, итого всѣхъ—154 колоды ¹¹⁴⁾.

Однако въ XVI и XVII вѣкахъ *рыболовство* еще продолжало быть однимъ изъ наиболѣе выгодныхъ занятій городскихъ торопецкихъ жителей. Озера и рѣки, расположенныя во владѣніяхъ горожанъ, содержали въ себѣ неистощимыя богатства, и ихъ могло хватить надолго. Особенно много рыбы въ Торопцѣ добывалось въ озерахъ: Торопецкомъ Большомъ (Соломено), въ Заликовѣ, Кудинѣ и Язцѣ «и межъ тѣхъ озеръ съ рѣки Торопы». Ловили неводами, сѣтями и керегодами—щукъ, лещей, острецовъ, плотицъ, линей, сомовъ и карасей ¹¹⁵⁾. Впрочемъ рыба цѣнилась уже дорого, и съ рыбной ловли собирался значительный оброкъ: въ половинѣ XVI вѣка 2½ рубля (около 175 рублей нынѣшнихъ), а во второй половинѣ XVII столѣтія рыбная ловля, бывшая регаліей казны, отдавалась въ откупъ уже за 70 рублей въ годъ (около 1200 руб. нынѣшнихъ). Въ старину, когда рыбы было великое изобиліе, и когда она цѣнилась дешево, всѣ столько ловили рыбы, сколько имъ нужно было для собственнаго потребленія. Но уже въ 1540 году торопецкіе городскіе люди «оброкъ разводили межъ себя по пашнѣ, и по косьбѣ, и по рыбной ловлѣ», и между жителями нѣкоторые уже назывались рыболовами; слѣдовательно, уже и въ то время выдѣлялся изъ среды городскихъ людей особый классъ рыбаковъ, посвятившихъ себя исключительно занятію рыбной ловлей. Въ 1723 году въ Торопцѣ находилось 18 человѣкъ рыбаковъ, а вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и свойственниками—30 душъ мужского пола. Эти самые рыбаки, по особому уго-

¹¹⁴⁾ Дѣла Торопецкаго уѣзднаго суда, по описи 1-ой вязка 4-ая, книга № 110, 1783 годъ (въ М. Арх. М. Юст.).

¹¹⁵⁾ Тороп. писц. книга 1539—41 годовъ, лл. 30 и 31. Дѣла Печатнаго приказа безпошл., кн. 83, л. 73 и др. Лѣтомъ рыбу ловили сѣтями и керегодами, зимой—неводами. Ср. Псковскую писцовую книгу 1585—87 гг. (Кн. 355, л. 210, въ М. Арх. Мин. Юстиціи).

вору, ловили рыбу на извѣстныхъ условіяхъ и въ озерахъ, принадлежавшихъ другимъ владѣльцамъ. Такъ въ 1540 году Никольскій монастырь и священники нѣкоторыхъ приходскихъ торопецкихъ церквей сдавали «озера ловцомъ ловити изъ шестые рыбы: ловцомъ пять рыбъ, а имъ шестая». Нѣкоторые изъ торопецкихъ посадскихъ людей появлялись въ Торопецкомъ уѣздѣ въ качествѣ «скупщиковъ рыбныхъ». Двое такихъ скупщиковъ вмѣстѣ съ «ловцами» 7 января 1583 года ловили рыбу въ Торопецкомъ уѣздѣ, въ Островенскомъ десяткѣ, на Бѣломъ озерѣ, и пріѣхали къ нимъ на то озеро многіе литовскіе люди и пограбили у нихъ деньги, рыбу, одежду и сверхъ того 2 невода, 5 пѣшенъ, 3 топора, 5 бердышей и 5 рогатинъ ¹¹⁴⁾.

По мѣрѣ того какъ лѣсъ переставалъ кормить городскихъ людей, на первый планъ выступало и для нихъ, вслѣдъ за волостными людьми, занятіе *землепашествомъ* и *скотоводствомъ*. Они обратили часть своего лѣса въ пахотныя поля; нѣкоторые изъ нихъ кромѣ того захватывали земли въ уѣздѣ и пахали ихъ «наѣздомъ», другіе, занимая въ торопецкихъ волостяхъ значительные участки земли, обрабатывали ихъ или сами вмѣстѣ съ своими шабрами, или посредствомъ крестьянъ и людей, поселенныхъ ими на этихъ участкахъ (см. стр. 78). Но уже въ половинѣ ХVІ вѣка горожане неравномѣрно посвящали свои силы земледѣлію: многіе изъ нихъ совсѣмъ не занимались земледѣліемъ, остальные пахали участки неодинаковой величины и сообразно съ этимъ въ различныхъ размѣрахъ платили оброкъ съ пашни и съ пожень, «по пашнѣ и по косьбѣ». Но все-таки въ ХVІ столѣтіи большая часть городскихъ жителей удѣляла часть своего времени на обработку земли; впоследствии же и въ этомъ занятіи, какъ и въ занятіи рыболовствомъ, совершилась спеціализація труда, и земледѣльческій промыселъ сосредоточился въ рукахъ немногихъ посадскихъ людей, уже исключительно занимавшихся *землепашествомъ*. Въ 1723 году число людей, «питающихся отъ пашни», простиралось до 25 человекъ, а вмѣстѣ съ дѣтьми—до 76 душъ мужского пола.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились *огородничество* и *скотоводство*. И въ ХVІІІ вѣкѣ значительная часть городскихъ жителей имѣла собственные или наемные дворы, при которыхъ всегда находились обширные огороды. На этихъ огородахъ овощей добывалось много: ихъ не только хватало для всѣхъ мѣстныхъ жителей, но часть ихъ распродалась въ Торопецкомъ уѣздѣ и на базарахъ сосѣднихъ съ

¹¹⁴⁾ Польскія дѣла 1583 года, генв.—май (М. Г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

Торопцемъ городовъ. Капустную разсѣду, напримѣръ, торопецкіе волостные люди всегда покупали въ городѣ ¹¹⁷⁾.

Торопецкіе посадскіе люди въ XVI и XVII вѣкахъ держали для мяса и молока весьма значительное количество коровъ, овецъ и козъ. Въ писцовой книгѣ 1539—41 гг. между городскими людьми упоминается только одинъ человѣкъ, о которомъ сказано, что онъ былъ «коровій пастухъ»; но въ той же книгѣ перечисляются обширныя пространства земли, гдѣ у торопецкихъ городскихъ людей былъ «выпускъ животинъ, стадомъ». И въ послѣдствіи число коровъ въ городѣ Торопцѣ было весьма велико, и для пастбы скота держалось по нѣскольку пастуховъ. Въ одной жалобѣ на торопецкаго воеводу (въ 1686 году) сообщалось, что «у насъ бралъ (воевода) съ коровы по 6 денегъ, чтобъ пустить въ поле для корму, а съ пастуховъ взялъ по рублю съ человѣка» ¹¹⁸⁾.

Лошадей было меньше. Онѣ принадлежали большею частью ямщикамъ и землепашцамъ. Даже богатые люди, отправляясь съ товарами за рубежъ на 3-хъ или 4-хъ подводѣхъ, принуждены были нанимать работниковъ съ ихъ собственными лошадьми.

Посадскимъ людямъ можно было содержать много лошадей, коровъ и мелкаго скота по тому, что во владѣніи торопецкаго міра находились пожни на огромномъ протяженіи земли по обоимъ берегамъ рѣки Торопы, рѣчекъ Грашицы и Гзоты, по берегамъ озеръ Соломена, Кудина, Язца и др. По счету писцовой книги въ 1540 году городскіе люди косили сѣна 6615 копенъ. Кромѣ того у многихъ торопчанъ были купленные пожни, принадлежавшія имъ на правахъ полной собственности. Косили траву и на островахъ, разбросанныхъ по озерамъ. Мало того, бѣдняки рыболовы косили съѣдобную траву, росшую въ озерахъ, въ самой водѣ, около береговъ, нагружали ея въ большомъ количествѣ свои длинныя, узкія лодки-душегубки и съ непостижимою ловкостью и смѣлостью перевозили ее для просушки къ своимъ домамъ, большею частью расположеннымъ по берегамъ ¹¹⁹⁾.

Такимъ образомъ, въ XVI и XVII вѣкахъ звѣроловство и пчеловодство совсѣмъ перестали доставлять горожанамъ средства къ жизни;

¹¹⁷⁾ Приказныя дѣла 1 генв.—26 авг. 1644 года, № 1. Денежнаго стола книга 351, лл. 1—70, 248—325 (Книги Лукъ Великихъ таможенной избы).

¹¹⁸⁾ Торопецкая писцовая книга письма Алекс. Ульянина, лл. 30 и 33; Приказнаго стола столбецъ № 1182.

¹¹⁹⁾ Торопецкая писцовая книга 1539—1541 гг., л. 30. Коллегіи Экономіи грамоты №№ 12275, 12282 и 12284.

¹²⁰⁾ Столбцы Новгородскаго стола, № 58, л. 210.

рыболовство и хлѣбопашество доставляли ихъ немногимъ изъ посадскихъ людей, а огородничество и скотоводство служили лишь для удовлетворенія нуждъ домашнего хозяйства.

II.

Обработывающая промышленность, издавна существовавшая въ Торопцѣ, однако и въ XVI и XVII столѣтіяхъ не получила значительнаго развитія. Несомнѣнно, что въ XVI столѣтіи торопецкіе городскіе люди были весьма зажиточны, однако они мало пользовались услугами своихъ ремесленниковъ и не заботились о посылкѣ ремесленныхъ издѣлій въ другіе города. Въ Торопцѣ въ то время существовали рядъ хлѣбный и рядъ мясной и рыбный; много жило въ городѣ хлѣбопашцевъ, мясниковъ, рыболововъ и даже калачниковъ; но людей, посвятившихъ себя собственно обработывающей промышленности, было немного. Существовали въ Торопцѣ и тогда воскобойники, сыромятники, скорняки, овчинники, епанечники, даже шапочники, сѣдельники и т. под.; но видно, что въ издѣліяхъ этого рода не было большой потребности, и лишь весьма немногіе изъ торопчанъ избирали своей спеціальностью какое либо одно ремесло; большинство горожанъ предпочитало одновременно имѣть разнообразныя занятія и лишь поверхностно знакомиться съ какими-либо мастерствами. Вотъ причина, почему впоследствии въ то самое время, когда въ Торопцѣ не было плотниковъ — специалистовъ, московское правительство имѣло возможность, въ случаѣ надобности, набирать большое число плотниковъ изъ среды пушкарей, стрѣльцовъ и посадскихъ людей (въ 1634 году, съ платой по 2 гроша въ день)¹²⁰). Въ XVII вѣкѣ въ Торопцѣ стало замѣтнѣе проявляться стремленіе къ развитію обработки продуктовъ добывающей и сельскохозяйственной промышленности и къ сбыту ихъ за польскую границу въ обработанномъ видѣ. Однако и въ этомъ столѣтіи развитіе ремесленной дѣятельности въ городѣ Торопцѣ совершалось очень медленно.

Между торопецкими мастеровыми людьми въ XVI вѣкѣ по своей численности выдѣлялись *сапожники*, *кузнецы* и *серебряныхъ дѣлъ мастера*. Естественно, что между ремесленниками видное мѣсто занимали кузнецы: число ихъ должно было постепенно возрастать для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ умножавшагося городского и уѣзднаго населенія; въ 1723 году ихъ было уже 25 человекъ, а вмѣстѣ съ дѣтьми и свойственниками—61 душа мужского пола. Труднѣе объяснить себѣ появленіе и весьма значительное развитіе въ небогатомъ порубежномъ

городѣ производства серебряныхъ издѣлій. Уже въ 1540 году въ Торопцѣ находились въ большомъ числѣ «серебряные мастера»; въ 1723 году ихъ было 24 человѣка, а съ дѣтьми и свойственниками—56 душъ мужского пола ¹²¹⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка на торопецкомъ «торгу» существовалъ особый серебряный рядъ, и между торопецкими ремесленниками серебряныхъ дѣлъ мастера были самыми зажиточными. Золото и серебро въ слиткахъ они приобрѣтали за рубежомъ; изъ литовскихъ областей (напримѣръ, изъ Могилева) въ Торопецъ иногда прїѣзжали «иноземцы-серебряники» ¹²²⁾.

Скорняки въ Торопцѣ появились въ значительномъ числѣ лишь въ началѣ XVIII столѣтія. Въ XVII вѣкѣ торопецкіе торговые люди, ведшіе торговлю мѣхами, скупали ихъ преимущественно у крестьянъ небольшими партіями, обыкновенно по нѣскольку штукъ, просушивали ихъ у себя дома на шестахъ и затѣмъ продавали въ необработанномъ видѣ ¹²³⁾.

Воскобойники существовали въ Торопцѣ и въ XVI вѣкѣ, и въ XVII вѣкѣ, и позднѣе. Они покупали воскъ у торопецкихъ волостныхъ людей и у литовскихъ купцовъ ¹²⁴⁾.

Мельники на трехъ городскихъ мельницахъ на рѣчкѣ Уклеинокѣ мололи хлѣбъ исключительно для мѣстнаго потребленія. Изъ другихъ продуктовъ земледѣльческой промышленности подвергался обработкѣ ленъ. Посадскіе люди, въ особенности въ XVI вѣкѣ, на многихъ пуштопахъ Торопецкаго уѣзда сѣяли по нови и потому имѣли въ своемъ распоряженіи ленъ высокаго качества. Они не продавали ленъ и пеньку за границу; напротивъ, часто сами покупали ихъ въ польско-литовскихъ областяхъ или у себя въ Торопцѣ, на торгу, у крестьянъ. Из-

¹²¹⁾ Торопецкая книга 1-ой ревизіи въ М. Архивѣ М. Юстиціи, копія съ нея въ архивѣ Торопецкой Городской Думы; напечатана въ Матеріалахъ, изд. Моск. Биржевымъ Купечествомъ.

¹²²⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 397, л. 373 (въ М. А. М. Юст.); Польскія дѣла, книга № 22, л. 155; Польскія дѣла 1651 года, № 1 (въ М. Г. Арх. М. Иностр. Д.).

¹²³⁾ Напримѣръ: 10 дек. 1694 года одинъ крестьянинъ помѣщика Кутузова подалъ челобитную: „въ прошломъ, Государь, въ 202-мъ году взялъ у меня торопчанинъ посадскій человѣкъ Федоръ Семеновъ сынъ Туеановъ три рыси да семь медвѣдѣнъ“... (Сибирскаго приказа столбецъ № 1215).—...«А тѣ, Государь, лисцы и бобры (10 лисецъ красныхъ да 6 бобровъ) были на шестахъ развѣшены просушивать» (Московского стола столбецъ № 133, л. 76).

¹²⁴⁾ Польскія дѣла 1636 года, № 1.

вѣстно, что уже въ древности (въ XII вѣкѣ) ленъ перерабатывался въ Торопцѣ посредствомъ женскаго труда. Въ XVI и XVII вѣкахъ тамъ изготовлялись для внутренняго потребленія и для продажи за рубежъ уже не одни произведенія женскаго труда,—крашенина, грубое полотно, полотняные утиральники,—но также готовые епанчи, крашенинные кафтаны, сѣти неводовыя и т. под. Въ XVI вѣкѣ между городскими людьми уже попадались *епанечники*, во второй же половинѣ XVII-го число *портныхъ мастеровъ* было значительно (а въ 1723 году ихъ было 19 человекъ, вмѣстѣ же съ ихъ дѣтьми 38 душъ мужского пола). Въ Торопцѣ встрѣчались также *синельники*, которые «синили крашенины» (въ 1723 г. 8 мастеровъ, съ дѣтьми—22 человекъ муж. пола) ¹²⁵).

Изъ всѣхъ продуктовъ сельскохозяйственной промышленности въ XVII вѣкѣ въ Торопцѣ наиболѣе подвергались обработкѣ продукты скотоводства, на которые притомъ былъ тогда преимущественный спросъ за границей.

Чрезвычайное изобиліе поженъ и сѣнныхъ покосовъ вокругъ Торопца—давало возможность посадскимъ людямъ держать у себя въ городѣ очень много коровъ, лошадей, овецъ и козъ. Сверхъ того, многіе мясники покупали «животининъ» въ Торопецкомъ уѣздѣ, били ихъ въ своихъ лавкахъ въ Торопцѣ и затѣмъ мясо частью продавали на мѣстѣ, частью увозили на продажу въ Новгородъ (впослѣдствіи въ Петербургъ) и въ другіе города, а «кожи сырицы» продавали въ Торопцѣ. Такимъ образомъ въ Торопцѣ скоплялось весьма большое количество коровьихъ кожъ, апойковъ, овчинъ, козлиныхъ, кониныхъ и немного лосиныхъ, и все это въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка почти исключительно распродалось сырымъ, въ необработанномъ видѣ.

Однако въ городѣ Торопцѣ всегда находилось небольшое число *сыромятниковъ*, которые, «покупая кожи въ Торопцѣ, дѣлали сыромять въ домѣ своемъ и продавали изъ лавки», *сапожниковъ*, *овчинниковъ*, а также *рукавичниковъ*, которые, «покупая въ Торопцѣ кожи, шили рукавицы и продавали»; затѣмъ появились и *сафьянники*.

Вышеперечисленные мастера изготовляли: сапоги простые, сермяжное сукно и готовые сермяги, барашковыя шубы и бараньи тулупы,

¹²⁵) Тороп. писцовая книга письма Алекс. Ульянина; Сибирскаго приказа столбецъ № 1470; Сапунова Витебская старина, томъ I, стр. 330, 333, 335 и 337; въ первый разъ упоминается «портной мастеръ» въ Торопцѣ въ 1655 г.—въ 289 книгѣ Десятенъ, лл. 263—289; Тороп. книга 1-й ревизіи.

шапки, рукавицы голицы и исподки, подхомутники и т. под. Все это предназначалось не только для мѣстнаго потребленія, но и для сбыта за рубежъ въ польско-литовскія области ¹²⁶⁾.

Въ XVII столѣтіи мало-по-малу начало развиваться въ Торопцѣ кожевенное производство, и явился тотъ разрядъ *кожевниковъ*, о которыхъ въ книгѣ первой ревизіи говорится: «имѣетъ мастерство коженое: дѣлаетъ кожи и сафьяны, черныя и красныя, въ домѣ своемъ, покупая ихъ въ Торопцѣ на площади, которыхъ бываетъ въ покупкѣ въ годъ на 5 рублей (и болѣе) и продаетъ оныя кожи въ Торопцѣ обывателямъ». Развитие кожевеннаго производства дѣлало быстрые успѣхи. Во второй половинѣ XVII вѣка торопецкій посадскій чело-вѣкъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи «4 лосины, 10 кожъ телятинныхъ да 3 козлины», уже «отдавалъ ихъ въ дѣло». Въ 1686 году одинъ торопчанинъ, перечисляя выдающихся по численности торопецкихъ ремесленниковъ, такъ выразился: «кузнецы, и портные мастера, сапожники и кожевники, и сыроматники и всякіе мастеровые люди — работаютъ работу, кто чему гораздъ»... Въ 1700 году послѣ тѣхъ, которые «торговали отъѣзжими торгами» и тѣхъ, которые «сидѣли въ лавкахъ», — первое мѣсто по значенію въ городѣ принадлежало «кожевнымъ промышленникамъ», и Торопецъ находился наканунѣ устройства въ немъ кожевенныхъ заводовъ (въ 1717 году уже 7 заводовъ). ¹²⁷⁾.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ постепеннаго упадка добывающей и сельскохозяйственной промышленности, развивалась въ городѣ Торопцѣ промышленность обрабатывающая; особенно значительныхъ успѣховъ достигла она въ концѣ изучаемаго періода.

Въ XVI и XVII вѣкахъ въ Торопцѣ существовали небольшія мельницы, винокурня, пивоварня, воскобойня и кузницы, и затѣмъ не было никакихъ иныхъ промышленныхъ заведеній. Ремесленники работали въ своихъ домахъ. Большая ихъ часть едва ли посвящала себя исключительно ремесленной дѣятельности и, по всей вѣроятности, занималась также и земледѣльствомъ; но все-таки матеріалъ для своихъ издѣлій, за исключеніемъ льнянаго производства, торопецкіе ремеслен-

¹²⁶⁾ Сапунова Витебская старина. т. I, стр. 330—337.

¹²⁷⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 277, л. 114; Приказнаго стола столбецъ № 1182; Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 382, л. 437; Матеріалы для исторіи г. Торопца, изд. Моск. Виржевымъ Купечествомъ, стр. 220. По книгѣ 1-й ревизіи въ 1723 году въ Торопцѣ находилось 33 кожевника, а вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и свойственниками—83 души муж. пола; кромѣ того много людей, «питающихся отъ черной работы», трудилось на кожевенныхъ заводахъ.

ники приобрѣтали почти исключительно посредствомъ покупки. Слѣдовательно, въ эту эпоху между городскими ремесленниками и уѣздными жителями, доставлявшими матеріалъ для ихъ издѣлій, — уже существовало полное раздѣленіе труда.

Издѣлія торопецкихъ ремесленниковъ не отличались своими достоинствами. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ началѣ XVIII столѣтія владѣльцы кожевенныхъ заводовъ вынуждены были ставить во главѣ производства, съ цѣлью улучшенія его, «кожевныхъ мастеровъ», нанятыхъ въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Несмотря на то, нѣкоторые изъ произведеній торопецкихъ мастеровъ не только удовлетворяли внутреннему спросу со стороны торопецкаго городского и сельскаго населенія, но и служили предметомъ вывоза за литовскій рубежъ. Объяснить это легче всего дешевизною продуктовъ торопецкаго ремесла. Ограниченность потребностей торопецкихъ ремесленниковъ, необычайная дешевизна всѣхъ жизненныхъ припасовъ вмѣстѣ съ дешевизной матеріала, приобрѣтавшагося большею частью изъ первыхъ рукъ, на площади, — давали имъ возможность сбывать свои издѣлія за очень дешевую цѣну.

III.

Въ XVI и XVII вѣкахъ многіе торопецкіе посадскіе люди занимались хлѣбопашествомъ, рыбной ловлей, нѣкоторые изъ нихъ занимались и ремеслами, но къ концу XVII столѣтія торговля сдѣлалась главнымъ и наиболѣе выгоднымъ занятіемъ большинства посадскаго населенія, и торговые барыши главнымъ образомъ доставляли ему средства къ жизни. Въ Торопцѣ уже въ раннюю пору его исторической жизни проявлялась торговая дѣятельность. Впослѣдствіи, когда умножилось городское населеніе и совсѣмъ измѣнилась обстановка городской жизни, произошли большія перемѣны и въ занятіяхъ торопецкихъ посадскихъ людей. Добывающая и сельскохозяйственная промышленность постепенно уступали мѣсто ремесламъ и торговлѣ, при чемъ занятія различными мастерствами лишь понемногу разрастались въ Торопцѣ, развитіе же торговой дѣятельности, вслѣдствіе большей ея выгоды, дѣлало быстрые успѣхи. Это отразилось и на самомъ составѣ посадскаго населенія. Въ 1723 году всѣхъ посадскихъ людей мужского пола насчитывалось до 1769 душъ. Изъ нихъ ремесленниковъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и свойственниками было 431 человекъ мужского пола, а торговыхъ людей — 911 (торговыхъ людей — 394, ихъ дѣтей, внучатъ и свойственниковъ — 517).

Въ старину, когда существовало много препятствій правильному ходу торговли и много опасностей для самихъ торговцевъ, по необходимости составлялись особыя торговыя общины и товарищества. Въ 1540 году торонецкіе торговые люди сами производили раскладку между собой оброка съ лавокъ «по торговлѣ и по товару»; повидимому, въ то время въ Торопцѣ еще существовала какая-то чисто торговая община, которая между прочимъ выбирала изъ своей среды «вѣсчаго старосту», собиравшаго торговыя пошлыны въ пользу соборной церкви св. Егорія. Но уже въ концѣ XVI столѣтія всѣ посадскіе люди, безъ различія ихъ занятій, составляли одну общину, которая лишь по имущественной состоятельности ея членовъ дѣлилась на *лучшихъ, середнихъ и молодшихъ людей*, «всѣмъ городомъ» выбиравшихъ изъ среды *лучшихъ людей* своихъ земскихъ дѣловальниковъ. Въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе измѣнившихся историческихъ условій, сдѣлавшихся болѣе благоприятными для торговли, торопчане начали торговать вполне самостоятельно и независимо отъ своихъ сотоварищей. Ихъ предпринимчивый, смѣлый, во всемъ стремившійся къ свободѣ и независимости духъ, какъ только представилась къ тому возможность, проявился и въ сферѣ торговыхъ операцій. Хотя и во второй половинѣ XVII вѣка иногда упоминается о «товарныхъ вопчихъ деньгахъ» ¹²⁸⁾, однако всѣ торонецкіе торговцы въ это время уже постоянно стремились торговать за свой личный страхъ. Прежній способъ торговли совмѣстно съ другими проявлялся лишь въ томъ, что и въ XVII, и въ XVIII вѣкахъ они, для большей безопасности и для большого удобства, отправлялись за рубежъ «для торговаго промысла» по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ торговалъ отдѣльно, совершенно независимо отъ своихъ спутниковъ.

Во всякомъ уѣздномъ русскомъ городѣ существовало небольшое число торговцевъ, которые были посредниками между уѣздными и городскими жителями въ дѣлѣ обмѣна продуктовъ ихъ труда. Но такъ какъ и горожане, и крестьяне въ то время довольствовались лишь предметами первой необходимости, избѣгали раздѣленія труда и старались большую часть необходимаго для нихъ производить въ своемъ собственномъ домашнемъ хозяйствѣ, то и число торговыхъ людей въ небольшихъ русскихъ городахъ было весьма незначительно.

Городъ Торонецъ находился въ иномъ положеніи: въ его уѣздѣ жили помѣщики съ ихъ семействами, а въ самомъ городѣ постоянно

¹²⁸⁾ См., напр., Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 252, л. 324.

находилось большое число стрѣльцовъ и пушкарей. Кромѣ того, Торопецъ былъ городъ порубежный, и нѣкоторые изъ его жителей пріобрѣтали вслѣдствіе этого возможность сдѣлаться торговыми посредниками не только между городскими и уѣздными торопецкими и холмскими жителями, но также и между тѣми изъ обитателей Московскаго и Польско-литовскаго государствъ, которые жили на далекомъ другъ отъ друга разстояніи и потому были недостаточно знакомы съ произведеніями мѣстной промышленности и съ условіями, при которыхъ всего выгоднѣе могъ совершаться между ними торговый обмѣнъ этими произведеніями. Къ тому же московское правительство, воспрепятствуя литовскимъ купцамъ появляться съ своими товарами въ Москвѣ и въ замосковныхъ городахъ, не возбраняло имъ торговать въ Торопцѣ. «Будетъ литовскіе купцы учнутъ въ Торопецъ пріѣзжать съ товары, опричь вина и табаку, и имъ велѣтъ торговать по прежнему твоему государеву указу... а къ Москвѣ и въ замосковные города ни съ какими товары изъ Торопца пропускать ихъ не велѣтъ...»¹²⁹⁾ Торопецкіе торговые люди, слѣдовательно, служили при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ торговыми посредниками между разнообразными и многочисленными группами людей, и, вслѣдствіе этого, занятіе торговлей дѣлалось для нихъ весьма прибыльнымъ и многимъ изъ нихъ доставляло значительный заработокъ.

Поэтому во всѣ эпохи въ Торопцѣ, кромѣ торговыхъ людей, торговавшихъ «мелочными» товарами, находились еще торговцы, ведшіе торговлю иногда на значительныя суммы и въ Торопцѣ, и въ другихъ русскихъ городахъ, и за границей. Нельзя было назвать ихъ оптовыми торговцами, такъ какъ они привозили въ Торопецъ и «отвозили» за границу свои товары всего на 1—4 возахъ; но во всякомъ случаѣ и въ Торопцѣ, и за литовскимъ рубезомъ покупали они необходимые для нихъ товары изъ первыхъ рукъ, у тѣхъ людей и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могли пріобрѣсти ихъ всего дешевле. Нѣкоторые изъ торопецкихъ купцовъ сдѣлались богачами (Желудины, Чирьевы, Туфановы, Боткины и др.) только по тому, что въ кругъ своихъ торговыхъ операцій включали помимо Торопца и другіе литовскіе и русскіе города. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія торопчане часто товары, купленные въ Москвѣ, сбывали въ польско-литовскихъ владѣніяхъ; товары, купленные въ Литвѣ, продавали на Ирбитской ярмаркѣ; товары, купленные въ Пруссіи, — въ Кёнигсбергѣ или въ Данцигѣ, —

¹²⁹⁾ Польскія дѣла 1637 года, мартъ, № 1.

черезъ Ригу отвозили въ Петербургъ, не заѣзжая въ Торопецъ. Однако число торопецкихъ зажиточныхъ купцовъ, торговавшихъ исключительно на свои денежные средства и даже продававшихъ свои товары въ долгъ, было всегда ничтожно.

Такимъ образомъ, чѣмъ бы не торговали торопецкіе торговые люди,—богатые или бѣдные, — собольими мѣхами или мелочными товарами, всегда они раздѣлялись на два разряда: одни спокойно торговали у себя въ Торопцѣ, сидя въ своихъ лавкахъ, другіе большею частью находились «въ отъѣздѣ», были странствующими торговцами, перекочевывавшими съ мѣста на мѣсто, съ одной ярмарки на другую, въ своихъ русскихъ областяхъ и въ областяхъ литовскихъ. Первый типъ русскихъ торговыхъ людей въ XVI и XVII вѣкахъ встрѣчался повсемѣстно, во всѣхъ русскихъ городахъ, но русскихъ торговцевъ, ведшихъ торгъ за границей, постоянно покупавшихъ и продававшихъ различные товары и за рубежомъ, и у себя дома, можно было встрѣтить лишь въ немногихъ городахъ. Къ числу такихъ городовъ принадлежалъ Торопецъ.

Кромѣ торговцевъ мелочныхъ, торговавшихъ большею частью въ Торопцѣ и его уѣздѣ, и кромѣ болѣе зажиточныхъ купцовъ, торговавшихъ сверхъ того и за рубежомъ, въ Торопцѣ существовали люди, которые главнымъ образомъ занимались покупкой товаровъ на чужія деньги. Нѣкоторые иностранные оптовые торговцы, не довольствуясь своими приказчиками, пользовались услугами постороннихъ мелкихъ русскихъ торговцевъ для распространенія своихъ торговыхъ операций и для пріобрѣтенія, при ихъ посредствѣ, возможно большаго количества товаровъ, имѣвшихъ хорошій сбытъ за границей, и въ особенности товаровъ, не попадавшихъ повсемѣстно. Эти богатые гости или ихъ приказчики пріобрѣтали товары и у торопецкихъ торговыхъ людей. За проданные товары они платили впередъ всѣ деньги или только часть ихъ, обязывая за то торопчанъ купленные на эти деньги товары представить въ назначенное мѣсто къ точно опредѣленному сроку. Впередъ устанавливалась и цѣна, по которой торопчане должны были доставить товары, и въ записяхъ, писавшихся таможенными подьячими при ихъ продажѣ, опредѣлялось, насколько возможно точнѣе, даже самое ихъ качество. Вотъ одна изъ такихъ торговыхъ записей, составленная 4 сентября 1630 года. «Се язъ, торопчанинъ торговой человекъ Иванъ Никифоровъ сынъ, прозвище Копыловъ, продалъ есми во Псковѣ, на Государевѣ на гостинѣ на нѣмецкомъ дворѣ, голландскому нѣмчину Вилиму Өандаблоку лосинъ десять берковскъ, цѣна по сороку рублевъ берковскъ. А тѣ лосины отвѣсити мнѣ всѣ

на срокъ, на Рождество Христово нынѣшняго 139-го (1630) году. Напередъ я, Иванъ Никифоровъ, у того нѣмчина Вилима за тѣ лосины по той цѣнѣ деньги взялъ всѣ сполна. А тѣ лосины дати ему добрыя, сухія, безъ копытъ, и безъ роговъ, и безъ костей безъ щеточныхъ, и безъ грязи, и безъ песку; а которая лосина будетъ не суха, и та мнѣ досушить, горѣлой и шубницы не дати, а дати лосины осенняго битья. И вѣсомъ бы въ тѣхъ лосинахъ менѣ 25 гривенокъ лосина не была. А дати ему лосины, которыя ему, Вилиму, полюбятся.—А не отниматься мнѣ, Ивану, отъ сей записи отнюдь ничѣмъ, никоторыми дѣлы; правда и управа во всякомъ государевѣ судѣ русскомъ, и въ нѣмецкихъ и въ литовскихъ городѣхъ, и гдѣ ся записъ меня ни застанеть, любымъ приставомъ безотнимочно. Да въ томъ я, Иванъ Никифоровъ сынъ Копыловъ торопчанинъ, на себя сю и записъ далъ за своею рукою противъ записки таможенныхъ книгъ. А записъ подлинную писалъ гостина нѣмецкаго двора таможенной подъячей Куземка Митрофановъ. Лѣта 7139-го (1630) году сентября въ 4 день. Къ сей записи торопчанинъ Иванъ Никифоровъ сынъ Копыловъ руку приложилъ ¹³⁰⁾. Когда запроданные товары привозили въ назначенный городъ, ихъ являли въ таможенѣ, а иногда и на гостиномъ дворѣ, гдѣ съ нихъ уплачивались установленныя пошлины, о чемъ дѣлались записи въ таможенныхъ книгахъ ¹³¹⁾.

Иногда торопецкіе торговые люди скупали товары и по порученію русскихъ крупныхъ торговцевъ. Такъ въ 1635 году торопецкій посадскій человекъ Степанъ Семивскій «по сговору и по кабалѣ» обязался поставить въ Ярославль ярославскому торговому человеку Дружинѣ Назарьеву воскъ «на срокъ, на Рождество Христово» ¹³²⁾.

Число людей, бывшихъ скупщиками товаровъ для другихъ торговцевъ, судя по рѣдкимъ упоминаніямъ о торговлѣ этого рода, въ Торопцѣ было весьма незначительно. Такимъ образомъ два разряда купцовъ сосредоточивали почти исключительно въ своихъ рукахъ торговлю: 1) торговые люди, торговавшіе въ Торопцѣ, и 2) торговые люди, торговавшіе «въ отъѣздѣ». Прежде всего слѣдуетъ познакомиться съ дѣятельностью торговыхъ людей, производившихъ торгъ въ самомъ городѣ Торопцѣ.

¹³⁰⁾ Приказныя дѣла 1636 года, марта 30, № 13.

¹³¹⁾ Тамъ же. Ср. Приказныя дѣла 1643 г., марта 16, № 28;—1643 г., ноября 7, № 68;—1643 г., декабря 9, № 71.

¹³²⁾ Польскія дѣла 1637 г., № 1.

IV.

Торговля мѣстными и привозными товарами въ Торопцѣ въ XVI и XVII вѣкахъ сосредоточивалась на «торгу» (см. выше стр. 130—131). Здѣсь, на площади и въ прилегавшихъ къ ней торговыхъ рядахъ,—Большомъ, Мясномъ и Рыбномъ, Москотиномъ и Серебряномъ, а также въ близлежащемъ Хлѣбномъ ряду,—преимущественно проявлялась торговая дѣятельность торопчанъ (тутъ находился и гостинный дворъ); мѣсто «для рыбной продажи», конская площадка и пр. имѣли второстепенное значеніе. Особенно бойкая и оживленная торговля производилась на большой посадской площади, гдѣ и торговые люди, и всѣ вообще обыватели могли по дешевой цѣнѣ приобрѣтать себѣ изъ первыхъ рукъ, у горожанъ и крестьянъ, различные продукты добывающей, сельскохозяйственной и обрабатывающей промышленности. Лавки въ рядахъ были самаго малаго размѣра и притомъ онѣ были загромождены товарами, такъ что выраженіе «сидитъ въ своей лавкѣ», обыкновенно примѣнявшееся въ то время къ людямъ, торговавшимъ въ торопецкихъ рядахъ, вполне соответствовало дѣйствительности.

Торговля мѣстными товарами въ то время не могла быть значительной. Городскіе жители въ своей жизни довольствовались почти исключительно предметами первой необходимости и большую ихъ часть находили въ ихъ собственномъ хозяйствѣ, такъ какъ владѣли пахотными, сѣнокосными и выгонными землями и не имѣли недостатка и въ рыбныхъ, и лѣсныхъ угодьяхъ. Подсосѣдники и люди, занимавшіеся черной работой, большею частью жили въ качествѣ работниковъ у другихъ посадскихъ людей и во всякомъ случаѣ довольствовались весьма немногимъ. Больше потребностей, конечно, имѣли торопецкіе богачи, но ихъ въ Торопцѣ всегда было весьма небольшое число.

Несмотря на это въ Торопцѣ все-таки производилась торговля даже продуктами, добывавшимися въ самомъ городѣ. И не могло быть иначе. Не одно и то же количество хлѣба и прочихъ пищевыхъ продуктовъ добывали различныя семейства торопецкихъ посадскихъ людей, стрѣльцовъ и пушкарей, и неодинаковаго состава были самыя семьи. Къ тому же постепенно стало осуществляться въ Торопцѣ раздѣленіе труда: самое занятіе земледѣльствомъ начало сосредоточиваться въ рукахъ особой группы городскихъ жителей, и въ Хлѣбномъ ряду всегда продавался хлѣбъ (преимущественно, конечно, бѣлый печеный хлѣбъ, называвшійся калачами). Точно также въ Торопцѣ всегда продавали рыбу, и, хотя ея добывалось болѣе, чѣмъ сколько требовалось для

мѣстнаго потребленія, и часть ея шла на продажу въ сосѣдніе уѣзды, тѣмъ не менѣе многіе изъ торопчанъ покупали рыбу у своихъ торопецкихъ рыбныхъ ловцовъ. Въ 180 году (съ 1 сент. 1671—1 сент. 1672 года), напримѣръ, рыбными ловцами продано рыбы приблизительно на 417 рублей; въ 185 году—на 198 рублей. Само собою разумѣется, что большая часть издѣлій мѣстныхъ торопецкихъ мастеровъ также продавалась въ Торопцѣ. Съ теченіемъ времени обмѣнъ различными произведеніями мѣстной промышленности постепенно развивался.

Однако этотъ обмѣнъ обыкновенно производился безъ посредства торговыхъ людей, такъ какъ городскіе жители покупали эти продукты большею частью изъ первыхъ рукъ. Мало того, они имѣли полную возможность обходиться безъ торговыхъ посредниковъ даже при покупкѣ многихъ деревенскихъ продуктовъ: крестьяне часто привозили на торговую площадь кожи, хлѣбъ, сѣно, солому и тому подобное. Такимъ образомъ ограниченность потребностей торопецкихъ городскихъ жителей и возможность удовлетворенія ихъ продуктами своего собственнаго хозяйства или посредствомъ покупки весьма многого изъ первыхъ рукъ, у горожанъ и крестьянъ, — сильно суживали кругъ дѣятельности торговыхъ людей въ Торопцѣ, ограничивая ее почти исключительно торговлей привозными товарами.

Торговля привозными товарами въ Торопцѣ производилась русскими и иноземными купцами преимущественно въ торговыхъ рядахъ и на гостиномъ дворѣ ¹²³⁾. Изъ пищевыхъ продуктовъ особенно много расходовалось мяса, и потому изъ Торопецкаго уѣзда и другихъ мѣстъ пригонялось довольно большое количество убойнаго скота, крупнаго и мелкаго. Напримѣръ: въ 180 году (1671—1672) явлено было таможеннымъ головѣ и цѣловальникамъ 1002 животинины, 93 овцы и 92 козла; въ 185 году—1869 животининъ, 124 овцы и 164 козла. Правда, часть мяса была продана въ Новгородъ и другія мѣста.

Затѣмъ, кромѣ живой рыбы, прибрѣтавшейся у торопецкихъ рыбныхъ ловцовъ, покупалась еще привозная соленая, сушеная и мороженная рыба. Въ 180 году (1 сент. 1671—1 сент. 1672 года) въ торопецкой таможи было явлено 35 возовъ рыбы, въ томъ числѣ 12 возовъ псковскихъ сырыхъ снѣтковъ, приблизительно по 2 рубля за возъ (да 3 1/2 куля сушеныхъ снѣтковъ); 10 возовъ крупной рыбы

¹²³⁾ Предлагаемыя ниже свѣденія о предметахъ торопецкой торговли преимущественно заимствованы изъ 204, 350 и 365 книгъ Денежнаго стола.

различнаго достоинства и цѣны, отъ 1 до 5 рублей за возъ; 5 возовъ мелкой рыбы, цѣной отъ 26 до 40 алтынъ за возъ; 7 возовъ ершей, которые цѣнились тогда дешевле другой рыбы: самая дорогая цѣна за возъ—26 алтынъ 4 деньги, но большею частью за 1 рубль продавцы отдавали 2 воза ершей. Сверхъ того въ томъ же году въ Торопцѣ продано было 7000 штукъ сельдей, одна половина — за 40 алтынъ, другая за полтора рубля, 3 бочки сельдей по 4 рубля за бочку, 1 кадь мелкой соленой рыбы за 20 алтынъ и 4900 штукъ «рыбы вялой лодаги» за 40 рублей слишкомъ. Всего въ 180 году явлено продавцами рыбы приблизительно на 120 рублей.—Въ 185 году (1676—1677 г.) рыба продавалась дороже: 20 возовъ явленной въ таможенъ рыбы были оцѣнены въ 60 рублей, возъ сырыхъ снѣтковъ въ 1677 году стоилъ 4 рубля; сырыхъ и сухихъ снѣтковъ было явлено 3 воза и 6 кулей, сельдей 8 бочекъ (по 4 рубля) и 20 осетровъ, оцѣненныхъ въ 8 рублей.

Хлѣбъ, за исключеніемъ неурожайныхъ годовъ, добывался большинствомъ торопецкихъ посадскихъ людей въ достаточномъ количествѣ на ихъ собственныхъ пахотныхъ земляхъ; тѣ же изъ нихъ, которые не имѣли своихъ хозяйствъ или желали купить себѣ печеный хлѣбъ изъ пшеничной муки, могли сдѣлать необходимыя закупки въ Хлѣбномъ ряду. Но вообще горожане покупали для своего продовольствія весьма небольшое количество хлѣба. Такъ осенью 1671 года таможенному головѣ и цѣловальникамъ было явлено 65%, четвертей ржи, 2%, четверти пшеницы, 1%, четверть овса и еще ржи и пшеницы на 25 рублей ¹³⁴⁾. Осенью 1676 года явлено было ржи 27%, четвертей, жита 7½, четвертей и овса 19 четвертей.

Такъ какъ при каждомъ посадскомъ дворѣ находился огородъ, то овощей въ Торопцѣ было изобиліе. Городскіе жители покупали только огородныя сѣмена. Такъ въ 180 году было явлено луку только 3 воза да еще на 1 рубль, луковой же высадки—6 небольшихъ возовъ на 9½ рублей, (четверть луковой высадки стоила тогда 1 рубль 20 алтынъ). Въ 185 году вмѣсто луковой высадки было продано 17 пудовъ чернаго луковаго сѣмени по 4 рубля за пудъ. Бѣлаго огуречнаго сѣмени было продано въ 180 году—6 пудовъ за 14 рублей, въ 185 году—8 пудовъ по 2 рубля за пудъ. Чесноку въ 180 году было

¹³⁴⁾ Въ 180 г. цѣна ржи отъ 80 до 96 коп. за четверть, овса—48 коп. Въ 182 году для кружечнаго двора (по всей вѣроятности, худшаго достоинства) четверть ржи цокупалась по 64 коп., овса—24 коп., ржаного солода—64 коп., ячнаго солода—40 коп. (Денежнаго стола книга 204, лл. 70—72 и 76).

продано 16 «поднемовъ» за 8 рублей, въ другой разъ продано 2000 штукъ чеснока.

Молочныхъ продуктовъ изъ деревень въ Торопецъ не привозили, такъ какъ весьма многіе торопецкіе жители имѣли своихъ коровъ, и только самое ничтожное количество коровьяго масла иногда поступало въ продажу (во второй половинѣ XVII вѣка на рубль можно было купить фунтовъ 50). Коноплянаго масла въ 180 году было явлено 110 стопъ (8½ рубля), въ 185 году—250 стопъ (18 рублей).

Соль въ XVII вѣкѣ привозилась въ Торопецъ торопчанами, старорушанами и новгородцами. Въ 180 году ея было явлено въ торопецкой таможенѣ 4622 пуда, въ 185 году—5280 пудовъ. Такъ какъ въ XVII вѣкѣ соль часто продавалась торопецкими торговыми людьми въ Литвѣ, то невозможно опредѣлить, какое количество привозившейся въ Торопецъ соли расходовалось на мѣстѣ. Продавалась сѣрая соль и соль руса. Цѣна соли колебалась отъ 12 до 20 копѣекъ за пудъ, большею же частью она продавалась по 13—15 копѣекъ.

Вино частью курилось въ Торопцѣ, частью привозилось изъ Литвы и изъ различныхъ русскихъ городовъ.

Изъ лакомствъ въ таможенныхъ книгахъ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка упоминаются: сахаръ, мѣдъ, орѣхи, яблоки и «ягоды жаровины» (польск. żogawina—клюква). Въ 180 году было явлено: 1 четверть клюквы, 8 четвериковъ лѣсныхъ яблоковъ, 33 четверика садовыхъ и кромѣ того садовыхъ яблоковъ на 20 алтынъ. Въ томъ же году было явлено около 15 четвертей орѣховъ, по 1 рублю за четверть, да еще одинъ возъ орѣховъ; въ 185 году орѣхи были дороги: ихъ явлено было только 41 четверикъ по 40 денегъ (¼ рубля) за каждый. Въ 180 году явлены 1 пудъ и 2 головы сахара. Меда явлено въ 180 году—приблизительно 44 пуда, въ 185—118 пудъ. Цѣна меда за пудъ: въ 180 году отъ 75 коп. до рубля (большею частью—80 коп.), въ 182 году—80 копѣекъ, въ 185—60 коп., въ 188—52—67 коп. за пудъ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что торопчане владѣли значительнымъ пространствомъ выгонной, сѣнокосной, пахотной и огородной земли, имѣли много скота, брали въ откупъ рыбную ловлю, все-таки имъ приходилось немалое количество пищевыхъ продуктовъ приобретать и посредствомъ покупки.

Особенно много изъ привозныхъ товаровъ въ Торопцѣ распродавалось «всякаго мелкаго лавочнаго москотинаго товара». Въ 185 году, напримѣръ, его было явлено въ торопецкой таможенѣ на сумму 1391 рубля. Сверхъ того въ 180 году было продано 430 косяковъ

мыла (цѣной отъ 60 до 90 коп. косякъ), въ 185 году 185 косяковъ (по 80 коп.); пороку въ 180 году—около 7 пудовъ (по 3 р. 20 к. пудъ), въ 185—5 пудовъ (по 4 рубля).

Затѣмъ много продавалось въ Торопцѣ привознаго желѣза. Въ 180 году въ таможенѣ было явлено свицкаго (шведскаго изъ Риги) желѣза—106 пудовъ, олонцакаго—21 п., уклада (стали)—14 п.; въ 185 году—шведскаго желѣза 110 п., олонцакаго—143 п., рижскаго уклада болѣе 5 бочекъ. Въ 1672—1679 гг. шведское желѣзо продавалось въ Торопцѣ по 53—70 коп. за пудъ, олонцакое по 35—40 к., бочка рижскаго уклада цѣнилась въ 4 рубля (50 коп. за пудъ). Въ торопецкой таможенѣ являли также различныя издѣлія изъ желѣза: въ 180 году—537 сохъ-лямешей (по 7—10 коп. за штуку) и 60 присоховъ, въ 185 году—1040 сохъ-лямешей (по 9 коп.) и 950 присоховъ; въ 180 году явлено 11 цѣпей, 55 топоровъ, 110 сковородъ, 1700 штукъ «гвоздя одностеснаго» (по 1 рублю за 1000), въ 185 году—40 косъ, 200 топоровъ, 340 сковородъ. Изрѣдка въ маломъ количествѣ являли золото, серебро литое и «въ дѣлѣ», мѣдь (оцѣнивалась въ 8½ коп. за фунтъ) и даже «готовыя деньги». Такъ въ 180 году одинъ старецъ торопецкаго Небина монастыря явилъ иностранныхъ монетъ (ефимковъ и левковъ) на 47 рублей.

Несмотря на дешевизну лѣсного матеріала ¹³³⁾, различныя мелкія деревянныя издѣлія (щепа) привозились въ Торопецъ изъ другихъ русскихъ городовъ и продавались большею частью возами. Въ 1677 году возъ щепы продавался за 5 рублей 10 алтынъ, но въ томъ же году продавался и за 12 рублей (деревянныя ставцы и блюда). Въ 1672 году 1000 ольховыхъ ложекъ была продана за рубль, 100 деревянныхъ стакановъ—за 26 алтынъ.

Шелка, сукна и галантерейнаго товара привозилось въ Торопецъ немного. Такъ въ 180 году было явлено въ торопецкой таможенѣ: дороги—2 киндяка, «изыфрей»—12 аршинъ, алтабаза—6 арш., бархата—15 арш., парчи—22 арш., шелка краснаго 14 ансыревъ (фунтовъ), мишуры—13 колодокъ, 100 аршинъ мишурныхъ кружевъ, 1 колодка мѣдныхъ звѣздокъ; сукна гамбургскаго—12 половинокъ (кусковъ), сукна «летчины»—2 половинки, 5 остатковъ полукармазина, 2 постова «стомета» (по 5 рублей), кумачъ, бумазея, гарусъ, 10 шляпъ. Затѣмъ, 1 фунтъ слоновыхъ гребней, 7 дюжинъ мѣдныхъ наперстковъ, 20000 иголь, 500 мѣдныхъ пуговицъ и 7000 оловянныхъ, 400 мѣдныхъ кре-

¹³³⁾ Въ 1648 году, напримѣръ, 300 драницъ стоили 15 алт., 2 воза дровъ—3 алт., ведро—2 деньги (Десятея книга 283, лл. 37—44).

стовъ копѣечныхъ, 1000 денежныхъ, 1000 полуденжныхъ, 1800 копѣечныхъ гайтановъ (шнурковъ для крестовъ), 37 стопъ бумаги (въ 1648 году стопа стоила—рубль) и «15 дузинъ картъ». Въ 185 году было явлено 32 фунта цвѣтного шелка и 15 половинокъ сукна люндша (лондонскаго) по 6 рублей половинка.

Такимъ образомъ, изъ другихъ русскихъ и литовскихъ городовъ привозилось въ Торопецъ немалое количество различныхъ товаровъ; слѣдовательно, и изъ Торопца, взаимѣнъ ихъ, должны были вывозиться въ другіе города какіе-либо предметы торговли.

V.

Предметы торопецкой отпускной торговли въ XVI и XVII вѣкахъ были слѣдующіе: соль, воскъ, хлѣбъ, мясо, рыба, лѣсной матеріалъ и дрова, мѣха и, въ особенности, кожи и льняныя издѣлія.

Воскъ, подобно соли, былъ въ одно и то же время предметомъ ввозной и отпускной торговли. Въ старину онъ былъ главнымъ предметомъ вывоза за границу, а въ XVII вѣкѣ очень часто причислялся къ числу заповѣдныхъ товаровъ, и вывозъ его изъ Торопца за границу былъ воспрещаемъ. Поэтому большая часть мѣстнаго и привознаго воска вывозилась въ другіе русскіе города, на примѣръ, въ Ярославль, меньшая же часть шла на мѣстныя нужды,—въ Торопцѣ было не менѣе 12 церквей. Въ 180 году въ Торопцѣ было явлено воска литцу—31 пудъ, воска пушного—27½ п., выбойки восковой—75 п., подметинъ восковыхъ—1¼ п. Въ 185 году было явлено воска литцу—105 п. Въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія пудъ воска литцу стоилъ приблизительно отъ 3½—4 рублей, воска пушного—отъ 2 до 2½ р., выбойки—90 коп.—1 р. 6 к.

Мясо вывозилось изъ Торопца преимущественно въ Новгородъ. *Рыба*, и въ XVI и XVII вѣкахъ добывавшаяся въ р. Торопѣ и озерахъ въ большомъ изобиліи, отпускалась и въ русскіе, и въ литовскіе города.

Хлѣбъ добывался въ Торопецкомъ уѣздѣ и помѣщиками, и крестьянами. Крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, ежегодно доставляли землевладѣльцамъ различные продукты полевой культуры (хлѣбный доходъ), и помѣщикамъ приходилось продавать находившійся въ ихъ распоряженіи хлѣбъ. Горожане сами много хлѣба добывали на своей землѣ, и къ тому же къ нимъ въ Торопецъ часто привозился хлѣбъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ. Кажется, хлѣбъ не вывозился изъ То-

ропца и за границу: извѣстно, что въ XVII вѣкѣ по временамъ хлѣбъ причислялся къ заповѣднымъ товарамъ, сбытъ которыхъ изъ Торопца за рубежъ, «для дорогови», не былъ дозволенъ. Куда же дѣвался избытокъ хлѣба? Въ Торопцѣ очень большое количество ржи и овса раздавалось Торопецкимъ стрѣльцамъ и пушкарямъ (хлѣбное жалованье) и сверхъ того хлѣбъ, по всей вѣроятности, сплавлялся воднымъ путемъ изъ Торопца и изъ Холмскаго погоста въ Новгородъ и другія сосѣднія съ нимъ мѣстности.

Дрова и строевой матеріалъ торопчане продавали въ Ригу, Новгородъ, Старую Русу и другіе города. Быть можетъ, что въ Торопецкомъ уѣздѣ въ небольшомъ количествѣ изготовлялись и сплавлялись въ Ригу по Западной Двинѣ дорого цѣнившіеся дубовые ванчосы и клетки. Рубка мачтовыхъ деревьевъ, какъ извѣстно, отдавалась въ откупъ иностранцамъ, и пошлина, собиравшаяся съ нихъ, поступала въ московскую казну (стр. 101).

Мѣха по-прежнему были предметомъ отпускной торговли, но большую часть этого товара торопецкіе торговцы покупали въ Москвѣ. По мѣрѣ умноженія населенія и уменьшенія площади, занятой лѣсами, количество добываемыхъ въ Торопецкомъ и Холмскомъ уѣздахъ мѣховъ, какъ сказано выше, постепенно сокращалось. Въ 1671 году, напримѣръ, въ торопецкой таможенѣ было явлено: 97 норокъ, 12 бобровъ, 33 выдры, 27 лисицъ, 17 хорьковъ, 10 куницъ и 19 недокуней, 14 горностаевъ, 15 медвѣднѣ, 3 волка, 2 рысенка, 35 барсуковъ, 52 бѣлки и 718 бѣлыхъ и сѣрыхъ заячьихъ мѣховъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что не всѣ, являвшіе мѣха, были торопчане. Тѣмъ не менѣе и во второй половинѣ XVII вѣка нѣкоторые торопецкіе торговые люди вели значительную торговлю собольими и другими драгоцѣнными мѣхами. Жители сосѣднихъ городовъ часто пріѣзжали въ Торопецъ для покупки мягкой рухляди, и сами торопецкіе торговцы мягкой рухлядью очень часто совершали торговые поѣздки въ литовскіе города для продажи своего товара, купленного большею частью въ Москвѣ.

Самыми главными предметами вывоза за границу были кожи и различныя издѣлія изъ льна и кожи. Въ 1672 году коровьи кожи продавались въ Торопцѣ по 17—30 копѣекъ за штуку, осенью 1679 года—по 30 коп. Въ теченіе полгода, съ августа 1605 года по февраль 1606-го, изъ Торопца было вывезено въ Витебскъ и Полоцкъ 405 коровьихъ шкуръ (изъ нихъ 80 подтелковъ), 826 овчинъ и 3 козлины. Съ 1 сент. 1671 по 1 сент. 1672 года въ торопецкой таможенѣ было явлено 464 кожи, 199 кожуринъ, 147 апойковъ, 92 конины, 60 ов-

чинъ и 286 козлинъ; въ теченіе года—съ сентября 1676 по сентябрь 1677 года—1327 яловичьихъ кожъ, 49 конинъ и 233 козлины. Въ Торопцѣ и въ Торопецкомъ уѣздѣ много убивали коровъ, овецъ и козловъ у себя дома на ѣду и сверхъ того много животининъ, овецъ и козловъ поступало въ продажу и было являемо въ таможи. Въ 180 году было явлено 1002 животинины, 93 овцы и 92 козла; въ 185—1869 животининъ, 124 овцы и 164 козла. И несмотря на это кожъ было явлено въ 180 году только 464, овчинъ—60, козлинъ 286, въ 185 году—1327 яловичьихъ кожъ и 233 козлины. Сопоставленіе цифръ, обозначающихъ количество явленныхъ въ таможи животныхъ, съ цифрами кожъ приводитъ къ заключенію, что продавалась въ необработанномъ видѣ лишь незначительная часть кожъ, козлинъ и овчинъ; ббольшая же ихъ часть сбывалась или въ видѣ выдѣланныхъ кожъ, или въ видѣ различныхъ кожаныхъ издѣлій.

За литовскій рубежъ въ большомъ количествѣ вывозили изъ Торопца бараньи тулупы и барашковые шубы, рукавицы голицы, рукавицы съ исподками, «простые» сапоги, подхомутники и тому подобныя издѣлія. Затѣмъ, какъ и въ старину, въ Литву привозились изъ Торопца неводовыя сѣти, сермяжное сукно, крашенина, грубое полотно, «простые» полотняные утиральники и сверхъ того сермаги, епанчи и т. под.

VI.

Свободный *пріѣздъ польскихъ и литовскихъ купцовъ въ Торопецъ для торговли* обезпечивался всѣми торговыми договорами Московскаго государства съ Польско-литовскимъ, «а пріѣхати имъ и отъѣхати добровольно безо всякихъ зацѣпокъ».

«Торговые иноземцы», посѣщавшіе Торопецъ въ XVI и XVII вѣкахъ, изрѣдка пріѣзжали изъ Риги («рижскіе нѣмцы»), обыкновенно же они пріѣзжали въ Торопецъ изъ различныхъ мѣстностей Польско-литовскаго государства и преимущественно изъ Бѣлаго, Велижа, Невля, Витебска и Могилева. По происхожденію они были большею частью русскіе люди, но встрѣчались между ними поляки, литовцы и евреи. Торопецкіе торговые лучшіе люди въ 1653 году утверждали, что «еслибъ не пускать въ Торопецъ для торговаго промысла литовскихъ евреевъ и Литвы разныхъ вѣръ, то государевой таможенной казны и трети не собрать»¹³⁶).

¹³⁶) Польскія дѣла 1653 г., № 1, лл. 105 и 106.

Изъ Витебска привозили въ Торопецъ сало, сукна, мѣха бобровъ и выдръ, воскъ; изъ Полоцка—воскъ; изъ Невля бобровые и норковые мѣха и оуко, сукно привозили и друяне; изъ Велижа—рожь, пшеницу; и изъ Бѣльскаго уѣзда привозили пшеницу, оттуда же иногда приводили на продажу лошадей. Съ особенной охотой литовскіе торговцы привозили, когда то дозволялось, горячее вино ¹²⁷⁾.

Взамѣнъ того въ началѣ XVII вѣка полоцкіе торговцы увозили изъ Торопца на лодкахъ коровьи шкуры, конины и овчины; видбляне на полустружкахъ, а зимой на подводахъ везли шкуры коровъ и подтелковъ, конины, овчины, кафтаны, крашенину, неводовыя сѣти, нагайки, неваренный медъ и медвѣжье сало. Изъ уставной грамоты 1590 года видно, что пріѣзжавшіе въ Торопецъ литовскіе торговцы покупали тамъ лошадей и коровъ. Затѣмъ соль, мѣха и рыба всегда со всѣхъ сторонъ привлекали въ Торопецъ значительное число покупателей ¹²⁸⁾.

Литовскимъ торговымъ людямъ дозволялось торговать въ Торопцѣ «всякими товарами повольно». Однако существовали и нѣкоторыя ограниченія: иногда присылались въ Торопецъ грамоты, въ которыхъ перечислялись заповѣдные товары, вывозъ которыхъ за границу былъ строго воспрещенъ. Такъ 13 авг. 1634 года въ Торопцѣ была получена грамота, воспретившая продажу литовцамъ крестовъ, вина, меда и воска, хлѣба и золотыхъ ефимковъ. Иногда правительство, съ цѣлью увеличенія въ казнѣ количества серебра, оставляло торговлю пенькой, саломъ и нѣкоторыми другими товарами исключительно за собой (1662 годъ) ¹²⁹⁾.

Изъ литовскихъ областей пріѣзжали иногда для купли и продажи и не купцы. Такъ 6 дек. 1638 года пріѣхали въ Торопецъ два шляхтича изъ Смоленскаго уѣзда для продажи привезеннаго ими хлѣба и для покупки мягкой рухляди. Въ виду постоянныхъ враждебныхъ отношеній между Литвой и Москвой пріѣздъ изъ Литвы лицъ, не принадлежавшихъ къ торговому сословію, ставилъ торопецкихъ воеводъ

¹²⁷⁾ Польскія дѣла 1653 г., № 1; 1636 г., № 1; Приказныя дѣла 1647 г. съ 8 іюля по 31 дек., № 63; Приказнаго стола ст. № 1182; Новгородскаго стола ст. № 72, лл. 337 и 338; ст. № 58, лл. 255—257; Приказныя дѣла 29 авг. 1639—28 генв. 1640 г., № 40. Денежнаго стола кн. 350 и 365.

¹²⁸⁾ Сапунова Витебская старина, I, 329, 330 и 337; Новгородскаго стола ст. № 9, л. 186; ст. № 72, лл. 337 и 338; Польскія дѣла 1651 г., № 1а.

¹²⁹⁾ Столбцы Новгор. стола Разряда, № 58, лл. 15 и 16. Сибирскаго приказа ст. № 1470.

въ крайне затруднительное положеніе и всякій разъ заставлялъ ихъ за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній обращаться къ московскому правительству. Такъ 23 іюля 1639 года узналъ торопецкій воевода, что изъ-за литовскаго рубежа, изъ сосѣдней Бибировской волости (Бѣльскаго уѣзда), ѣдетъ въ Торопецъ Каширь Шульда, урядникъ ксендза Станислава Косинскаго, «для его дѣла». Воевода «бѣльскому уряднику въ Торопецъ ѣхать не велѣлъ». Однако, несмотря на запрещеніе воеводы, урядникъ самъ съ своимъ слугами пріѣхалъ въ Торопецъ и остановился на посадѣ не на гостинѣмъ дворѣ, а во дворѣ одного торопецкаго ямщика, и посланному къ нему воеводой дворянину объявилъ: «пріѣхалъ я въ Торопецъ и привелъ съ собою двѣ лошади продать да купить мягкія рухляди, што мнѣ надобно» ¹⁴⁰).

Намѣстники, подстаросты, державцы и другія начальствующія въ литовскихъ городахъ лица давали отъѣзжавшимъ въ Торопецъ торговымъ людямъ проѣзжіе листы. Вотъ для примѣра переводъ литовскаго проѣзжаго листа («списокъ съ бѣлорусскаго листа») невелискаго воеводы Винцентія Буримовскаго (полученный въ Москвѣ 26 янв. 1653 года). «Вѣдомо чиню: отпущень съ Невля Зелмень Абрамовъ жиловинъ, товарищъ пана Зыскина целника, или поборцы мыта Его Королевскаго Величества мѣста Виленскаго, да съ нимъ же жиловинъ имянемъ Маеръ Якобовъ, откупщикъ яснесведомого ксенжати его милости, съ Невля до Торопца, въ землю Его Царскаго Величества, для торговли съ сукномъ на трехъ возахъ. И тебѣ-бъ, вѣдаючи о томъ, поволить имъ торговать со всякими людьми по тому, какъ и мы здѣ, въ земли Его Королевскаго Величества, вашимъ торговымъ людямъ везде со всякими людьми торговать не возбраняемъ. И вамъ бы тако-жъ тѣмъ людямъ торговать не возбранять и срывковъ никакихъ лишнихъ не имать, обиды и насилства никакова имъ не чинить. И какъ поисторгуютца и похотять ѣхать назадъ, безо всякие зацепки пропускать. Такъ же и я по твоему писму, о чемъ ты станешь ко мнѣ писать, долженъ чинюся и вашимъ торговымъ людямъ добродѣтелью воздавать. Писанъ на Невле лѣта 1653 году мѣсяца генваря 9-го дня» ¹⁴¹).

¹⁴⁰) Столбцы Новгород. стола Разряда, № 72, лл. 337—339.

¹⁴¹) Подлинный проѣзжій листъ былъ представленъ торопецкому воеводѣ 12 января. «Ведомо делаю, ижъ отпущень изъ Невля Зелманъ Абрамовичъ жидъ, товарищъ пана Зыскина, целника, или поборцы мыта Его Королевскаго Величества места Виленскаго, да съ нимъ же жидъ по имени Мееръ Якубовичъ, арендаторъ яснесведомого ксенжати его милости, изъ Невля до Торопца, въ землю Его Царскаго Величества, для торгового дела на возахъ трехъ съ сукномъ. И тебе-бъ,

Случалось, что литовскіе торговцы прїѣзжали безъ проѣзжихъ листовъ. Въ 1635 году, напримѣръ, торопецкій воевода доносилъ: «многіе литовскіе торговые люди съ продажнымъ виномъ украдомъ въ Торопецкій уѣздъ безъ проѣзжихъ листовъ и памятей прїѣзжаютъ и хотятъ торговать, и я ихъ велю высылать» ¹⁴²⁾. Но и относительно иноземныхъ торговцевъ торопецкіе воеводы часто позволяли себѣ дѣлать различныя злоупотребленія. Не безъ основанія изъ Москвы предписывалось воеводѣ, чтобы онъ у литовскихъ торговцевъ товаровъ «на себя не ималь, и не цѣнилъ, и безъ цѣны не ималь, и лишнихъ никакихъ пошлинъ съ польскихъ и съ литовскихъ купцовъ имати не велѣлъ» ¹⁴³⁾.

Въ XVII вѣкѣ торговые иноземцы, по прибытіи на гостинный дворъ, «являли» таможенному головѣ и цѣловальникамъ деньги, если прїѣхали для «товарной покупки», или же привезенные ими на продажу товары и затѣмъ уплачивали установленныя торговые пошлины ¹⁴⁴⁾.

Литовскіе купцы привозили свои товары въ Торопецъ зимой «на возахъ», а лѣтомъ прїѣзжали они большею частью «водою въ челну»

ведаячи о томъ, поволить имъ торговлею повольною со всякими людьми торговать по тому, какъ и мы изъде, въ земли Его Королевского Величества, вашимъ торговымъ людямъ везде и со всякими людьми торговать не заборонуемъ; и вамъ вѣдомо такоужъ тѣмъ людямъ торговымъ не забороняли и зривокъ лишннихъ жадныхъ на нихъ не вымогали, обидѣ и насилства никакова имъ не делали, и назадь, какъ поторгуются или похочутъ поехать, безо всякой зацепки пропускали, что и я по твоему писму, о чомъ ты станешь ко мнѣ писать, повиненъ застаю и вашимъ торговымъ людямъ добродетелью отдавать. Писанъ на Невѣле году 1653-го мѣсяца генвара девятого дня по старому числу». (Польскія дѣла 1653 года, № 1, лл. 107—110).

¹⁴²⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 58, л. 256. «А подстаростя и державцы изъ литовскихъ городовъ ко мнѣ, холопу твоему, въ листехъ своихъ пишутъ и словомъ приказываютъ съ угрозами, а хотятъ на меня, холопа твоего, писать къ тебѣ, Государю, что я литовскимъ торговымъ людямъ въ Торопцѣ виномъ горячимъ со всякими людьми торговать повольною торговлею не даю мимо посольскаго мирнаго договору, своихъ произволюжъ». П. Собр. Законовъ Рос. Имп. № 137, 1654 годъ.

¹⁴³⁾ Польскія дѣла 1635 г., № 1; Приказнаго стола столбецъ № 1182; Новгородскаго стола ст. № 149, л. 173.

¹⁴⁴⁾ Польскія дѣла 1635 года, № 1. Денежнаго стола книги 350, 365 и 204.

или на какихъ-либо другихъ «суднахъ» ¹⁴⁵⁾. Въ XVI вѣкѣ они останавливались на посадѣ во дворахъ тѣхъ людей, у которыхъ были «амбары изъ дворовъ»; въ амбарахъ они и торговали. Въ XVII вѣкѣ литовскіе торговцы всегда останавливались на гостинѣмъ дворѣ. «А стояти имъ велѣно на гостинѣ дворѣ на посадѣ, а въ городъ ихъ ни съ чѣмъ пускати не велѣно ¹⁴⁶⁾».

Торопецкій «гостинный дворъ» находился на посадѣ, около главной площади, «торга». На гостинѣмъ дворѣ находились амбары для склада товаровъ и нѣсколько избъ; по крайней мѣрѣ, упоминается, что «ставятся на гостинѣ дворѣ жида въ особой избѣ». На гостинѣмъ дворѣ жили дворники. Они обязаны были, по всей вѣроятности, заботиться о чистотѣ двора и избъ, объ отопленіи, обязаны были за извѣстную плату готовить кушанье для пріѣзжихъ торговцевъ и т. под. Съѣстные припасы торговые иноземцы покупали себѣ на торгу. «А съѣстное,—хлѣбъ, и мясо, и рыбу,—велѣти бы продавать (имъ) въ тѣ поры, какъ она будутъ въ Торопцѣ» ¹⁴⁷⁾.

Тотчасъ по прибытіи гостей являлись таможенный голова и кто нибудь изъ «лучшихъ людей» «про всякія литовскія вѣсти разспросить тайнымъ обычаемъ». Но и постороннимъ людямъ не возбранялось посѣщать литовскихъ торговыхъ людей на гостинѣмъ дворѣ, и самимъ литовцамъ дозволялось ходить на посадѣ по торговымъ дѣламъ или для покупки съѣстныхъ припасовъ ¹⁴⁸⁾.

Впрочемъ бывали иногда на гостинѣмъ дворѣ и несвободные обитатели. Такъ въ 1627—1628 годахъ жилъ на гостинѣмъ дворѣ одинъ сурожанинъ, котораго отецъ, въ обезпеченіе уплаты денегъ за товаръ, взятый имъ у торопецкаго посадскаго человека Чирьева, «оставилъ въ тѣхъ деньгахъ въ закладѣ» ¹⁴⁹⁾.

Торговые люди, пріѣзжавшіе «изъ литовской стороны», всегда внушали недоверіе, и потому во время своего пребыванія въ Торопцѣ

¹⁴⁵⁾ Польскія дѣла 1651 года, № 1в. Столбцы Новгородскаго стола, № 9, л. 185.

¹⁴⁶⁾ Польскія дѣла 1635 г., № 1.

¹⁴⁷⁾ Новгородскаго стола столб. № 58, л. 15; Приказныя дѣла 1 генв.—26 авг. 1644 г., № 1. Ср. описаніе гостинаго двора во Псковѣ (въ М. Архивѣ Мин. Юст. писцовая кн. № 355, лл. 34—38).

¹⁴⁸⁾ Приказныя дѣла 1644 г. съ 1 генв. по 26 авг., № 1. Польскія дѣла 1651 года, № 1, а.

¹⁴⁹⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 9, лл. 185—188; Московскаго стола столб. № 38, лл. 2—7.

находились подъ постояннымъ наблюденіемъ. Для этого былъ приставленъ сынъ боярскій или «дворянинъ, которому приказано вѣдать въ Торопцѣ на гостинѣ дворѣ для пріѣзду всякихъ пріѣзжихъ торговыхъ людей», быть «на посадѣ, на гостинѣ дворѣ, у пріѣзжихъ у литовскихъ людей для береженья во всякихъ государевыхъ дѣлахъ». «Для обереганья» на гостиномъ дворѣ «у иноземцевъ, у литовскихъ людей» стояли на караулѣ стрѣльцы, одни въ избѣ, другіе на дворѣ. Число караульныхъ,—находившихся, кажется, въ ближайшемъ завѣдываніи «гостина двора праказнаго сотника стрѣлецаго»,—зависѣло отъ числа жившихъ на гостиномъ дворѣ иноземцевъ ¹⁵⁰⁾. Стрѣльцы приставлялись къ литовцамъ «для береженья во всякихъ государевыхъ дѣлахъ» и не были обязаны оберегать самихъ иноземцевъ; напротивъ того, стрѣльцы иногда весьма дурно съ ними обращались. Въ 1663 году караульный стрѣлецъ одного жившаго на гостиномъ дворѣ могилевскаго мѣщанина «вземъ поперегъ, ударилъ его объ лаханю», вслѣдствіе чего тотъ черезъ нѣсколько дней умеръ ¹⁵¹⁾.

И не одни должностныя лица зорко слѣдили за литовскими торговыми людьми и относились къ нимъ подозрительно. Въ 1651 году стояли у торопецкаго посадскаго человѣка Григорія Староватаго «иноземцы литовскіе люди, могилевцы-бѣлорусцы, серебряники Янъ Монарской съ товарищи, самъ третей». 25 февраля они ходили на гостинный дворъ къ одному иноземному торговому человѣку, принесли отъ него какое-то письмо, написанное по-польски, прочитали его и положили въ шкатулу. Тогда хозяинъ двора, на которомъ стояли иноземцы, «тотъ листъ изъ шкатулы вынялъ тайнымъ обычаемъ» и представилъ воеводѣ. Часто неосторожно сказанныя слова давали поводъ къ доносамъ на литовскихъ гостей. Въ 1644 году, напримѣръ, оставившись на гостиномъ дворѣ пріѣхавшій изъ Салова (Велижскаго уѣзда) кабатчикъ Васька Шавра, къ которому въ Саловѣ «на кабакъ пріѣзжаютъ пить шляхта и всякіе польскіе и литовскіе люди». Этотъ Васька Шавра начинаетъ утверждать, что скоро начнется война между Москвой и Польско-литовскимъ государствомъ,—этого достаточно, чтобъ въ Торопцѣ началось слѣдственное дѣло.

Несмотря на это литовскіе люди держали себя въ Торопцѣ весьма развязно. О томъ же Васькѣ Шаврѣ одинъ торопчанинъ на допросѣ

¹⁵⁰⁾ Польскія дѣла 1653 г., № 1, л. 135; Польскія дѣла 1669 г., № 1; Приказыныя дѣла 1 генв.—26 авг. 1644 г., № 1; Новгородскаго стола столбецъ № 72, лл. 337—339; столбецъ № 9, лл. 185—187.

¹⁵¹⁾ Польскія дѣла 1669 г., № 1.

разсказывалъ слѣдующее. Апрѣля въ 14 день (1644 года), послѣ обѣда, пошелъ я по Большой улицы съ Богданомъ Волковымъ и какъ мы будемъ съ Богданомъ Волковымъ противъ кабака, ажно встрѣчу намъ идетъ противъ насъ на кабакъ литвинъ Васка Шавра. И я ему, Васкѣ Шаврѣ, сказалъ, что онъ съ меня за рубежомъ, въ Велижскомъ уѣздѣ, взялъ мыто недѣломъ. И онъ, литвинъ Васка Шавра, меня излаля и назвалъ меня москалемъ¹⁵²⁾.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ пріѣзжали въ Торопецъ для продажи и закупки товаровъ также торговцы изъ различныхъ городовъ Московскаго государства. Изъ Бѣльскаго уѣзда пріѣзжали съ продажнымъ хлѣбомъ (въ 1640 г. одинъ шляхтичъ на 10 возахъ привезъ пшеницу); изъ Осташкова привозили москотинный товаръ, мыло, топоры, сковороды, косы, гвозди, изрѣдка пороха, снѣтки, орѣхи; изъ Новгорода и, въ особенности, изъ Старой Русы привозили въ большомъ количествѣ краски; торговцы изъ Борисоглѣбской слободы—шелковыя матеріи, шелкъ и вообще сурожскій и суконный товары, а также мыло, ладанъ, краски и другой москотинный товаръ; изъ Торжка привозили деготь, солодъ, чеснокъ, лукъ, огуречныя сѣмена; изъ Пскова—снѣтки; ростовцы—преимущественно деревянную посуду (щепу); изъ села Порѣчья, изъ Смоленскаго уѣзда, изъ Стародуба—водку¹⁵³⁾.

Вообще иногородные русскіе торговцы были обыкновенными посѣтителемъ города Торопца; многіе изъ нихъ пріѣзжали съ цѣлью закупки товаровъ. Въ 180 году (1671—1672 гг.), напримѣръ, было ими явлено денегъ «на товарную покупку»—185 рублей, а всѣми вообще торговцами въ томъ году явлено 386 рублей¹⁵⁴⁾. Изъ Торопецкаго уѣзда въ большомъ количествѣ увозился въ Новгородъ лѣсной строительный матеріалъ и дрова; много дровъ гоняли изъ Торопецкаго уѣзда и старорущане для соляныхъ варницъ въ Старорусскомъ уѣздѣ¹⁵⁵⁾. Посѣщенія Торопца людьми, пріѣзжавшими съ торговою цѣлью изъ-за границы и изъ другихъ русскихъ городовъ, торопчане считали для себя весьма выгодными. Въ 1641 году они указывали на отсутствіе пріѣзда торговыхъ людей, какъ на одну изъ главныхъ причинъ обѣдненія сво-

¹⁵²⁾ Польскія дѣла 1651 г., № 1, а; Приказныя дѣла 1644 г., 1 генв. по 26 августа, № 1.

¹⁵³⁾ Денежнаго стола кн. 350, 365 и 204. Приказныя дѣла 29 авг. 1639—28 генв. 1640 г., № 40.

¹⁵⁴⁾ Денежнаго стола книга 350.

¹⁵⁵⁾ Акты Археогр. Экспед., I, 327, № 282 (1571 г.); Акты Истор., V, 414, № 228 (1693—1696 г.).

его города. «А городъ Торопецъ—погорѣлой, порубежной, и безпромышленной, пустой, ни изъ которыхъ городовъ съ торгомъ прїѣзду имѣть» ¹⁵⁶⁾.

VII.

Отъѣздъ для торговаго промысла въ литовскіе города и покупка и продажа въ этихъ городахъ различныхъ товаровъ—составляли главное занятіе всѣхъ наиболѣе умныхъ и предприимчивыхъ торопецкихъ посадскихъ людей. Постоянныя торговыя сношенія вообще со всѣми ближайшими городами старательно поддерживались торопчанами. С большими мѣхами торговали въ литовскихъ городахъ только богатые торопчане. Другіе торговцы, менѣе состоятельные, торговали менѣе цѣнными мѣхами,—мѣхами бобровъ, норокъ, выдръ, горностаевъ, лисицъ, куницъ, волковъ и бѣлокъ, а также выдровымъ пухомъ (для шубъ) ¹⁵⁷⁾. Коровьи кожи, козлины и овчины торопчане возили на продажу преимущественно въ Полоцкъ и Витебскъ. Сермяжное сукно, грубое полотно и крапешину они сбывали главнымъ образомъ въ Витебскъ; тамъ же болѣе всего распродавались различныя принадлежности одежды: бараньи тулупы, барашковые шубы, шапки, епанчи, крапешинные кафтанчики, готовые сермяги, простые полотняные утиральники, руковицы-голицы и руковицы съ исподками, простые сапоги, пуговицы, а также и другія незатѣйливыя издѣлія: сѣти неводовыя, подхомутники, чехлы для ножей и т. под. ¹⁵⁸⁾. (Между предметами торговли, сбывавшимися въ Витебскъ, упоминается медвѣжье сало). Въ Велижѣ торопчане возили на продажу соль, цѣнившуюся тамъ очень дорого, и рыбу. Въ велижской таможенѣ въ 7166 (1657—58) году было сдѣлано всего 35 явокъ, изъ нихъ 11—торопчанами; они явили рыбы на 60 рублей, на 148 рублей соли и сверхъ того 27 рублей «на товарную покупку». Со всѣхъ торговцевъ въ томъ году было собрано въ Велижѣ таможенныхъ пошлинъ 21 рубль 8 денегъ; изъ этой суммы болѣе половины (11 рублей 2 алт. 3 д.)—съ торопчанъ ¹⁵⁹⁾. Кромѣ того въ XVI вѣкѣ торопчане гоняли на продажу за литовскій рубежъ много лоша-

¹⁵⁶⁾ Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апр. 1647 г., № 59.

¹⁵⁷⁾ Польскія дѣла 1645 г., № 1, и 1648 г., № 1; Приказныя дѣла съ 4 сент. 1638 по 7 авг. 1639 г., № 35, и 1646 г., № 133; Новгородскаго стола столбецъ № 8, л. 78; Приказнаго стола ст. № 1182.

¹⁵⁸⁾ Сапунова Витебская старина, I, лл. 333 и 335.

¹⁵⁹⁾ Денежнаго стола книга 319, лл. 2360—2365 (велижская таможенная книга); Сибирскаго приказа столбецъ № 1470.

дей и коровъ ¹⁶⁰⁾. Но вообще торопецкіе торговые люди рѣдко торговали однороднымъ товаромъ и обыкновенно на своихъ «возахъ» возили въ Литву самые разнообразныя предметы торговли. За рубежъ отправлялись они съ товарами на подводахъ, а въ Торопецъ иногда возвращались на своихъ лошадяхъ верхомъ ¹⁶¹⁾.

Такъ какъ наиболѣе богатые изъ торопецкихъ торговыхъ людей были торговыми агентами московскаго правительства, то иногда въ польскихъ и литовскихъ городахъ кромѣ своихъ товаровъ они продавали и казенные товары. Такъ въ 1647 году торопецкій посадскій лучший человекъ Ѳеодоръ Чирьевъ былъ посланъ за границу съ «государевою казною съ мягкою рухлядью, съ соболями изъ Казанскаго дворца», и долженъ былъ «тѣ государевы соболи продавать» ¹⁶²⁾.

Въ обмѣнъ на свои привезенные изъ Торопца товары торопецкіе торговцы старались пріобрѣтать въ литовскихъ городахъ преимущественно тѣ предметы торговли, которые тогда привозились изъ Западной Европы. Такъ въ 1588 году торопчане, распродавши свои товары въ Витебскѣ, «исторговавшись», купили тамъ золото, серебро, шелкъ и сукно. Сверхъ того они везли съ собой въ Торопецъ рожь, вѣроятно, вслѣдствіе чрезмѣрной дороговизны хлѣба у себя, «для дорогови» ¹⁶³⁾.

Не ограничиваясь торговыми поѣздками въ Литву, многіе изъ торопчанъ посѣщали «для торговаго промысла» и русскіе города. Въ XVI вѣкѣ они особенно усердно поддерживали торговыя сношенія съ Новгородомъ. Орѣшковская таможенная грамота 1563 года, перечисляя торговыхъ людей, проѣзжавшихъ съ товарами мимо Орѣшка, упоминаетъ и о торопчанахъ. Новгородская таможенная грамота 1571 года свидѣтельствуетъ, что пригородскіе и сельскіе люди и пріѣзжіе изъ Москвы, Твери, Торжка, Ржева и Торопца, лѣтомъ на суднахъ и на плотахъ, а зимой на возахъ, привозили въ Новгородъ продукты лѣсного промысла: рубленныя и нерубленныя хоромы, доски, бруссы, бревна, тесь, драницы, лубье, лыко, лучины, дрова, а также уголья и мохъ. Таможенная откупная грамота 1586 года о сборѣ явчей, пятенной и

¹⁶⁰⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182.

¹⁶¹⁾ Дѣла Сената слѣдственныхъ комиссій, книга 146—362, л. 2, дѣло № 162.

¹⁶²⁾ Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апр. 1647 года, № 59; Сибирскаго приказа столбецъ № 260, лл. 141—166, 367—375, 451—452; столбецъ № 304, лл. 31 и слѣд.; столбецъ № 329.

¹⁶³⁾ Польскія дѣла, книга № 22, лл. 154 и 155.

привязной пошлинъ въ Новгородѣ поименовываетъ москвичей, тверичей, смолянъ, псковичей, лучанъ, торопчанъ и ржевичей ¹⁶⁴). Въ XVII вѣкѣ изъ всѣхъ русскихъ городовъ торопецкіе торговцы чаще всего посѣщали Москву. Таможенные книги и другіе источники XVII вѣка обозначаютъ и другіе города, съ которыми у торопчанъ производился торговый обмѣнъ въ XVII вѣкѣ (см. стр. 285—286).

Торопецкіе торговые люди въ XVI и XVII вѣкахъ при перевозкѣ своихъ товаровъ чрезъ литовскія области и при продажѣ и покупкѣ товаровъ въ литовскихъ городахъ должны были уплачивать торговые пошлины. Изъ торговыхъ пошлинъ въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ упоминаются головщина, явка, мостовщина, перевозки ¹⁶⁵). Въ XVII столѣтіи торговые пошлины, кажется, были объединены и собирались подъ названіемъ мыта, или тамги. Взиманіе таможенныхъ пошлинъ (myta, мыта) производилось на таможенныхъ заставахъ. Ихъ собирали таможенники, или мытники, иначе «цѣльники, поборцы мытъ». Они были большею частью евреи по происхожденію. «И тѣмъ жидомъ *мытникомъ*, сирѣчь *таможникомъ*, съ того товару *тамы* не платить»... «Незаплаченъ тамги» иногда влекло за собой личное задержаніе неисправнаго торговаго человѣка. Но обыкновенно, въ случаѣ неимѣнія денегъ, торговцы оставляли евреямъ мытникамъ въ закладъ часть своихъ товаровъ и на возвратномъ пути уплачивали сверхъ мыта большіе проценты.

Опредѣленіе размѣра тамги, сообразно съ вѣсомъ, количествомъ и цѣнностью товаровъ, требовало много времени, тѣмъ болѣе, что торопецкіе торговые люди ѣздили въ литовскіе города большею частью съ разнообразнымъ товаромъ. Поэтому торговые люди, чтобы не терять времени, иногда, оставивъ своего товарища и часть своихъ товаровъ «для постановленія мыта съ таможенниками», сами съ остальными своими товарами отправлялись далѣе.

Никто изъ торопецкихъ торговыхъ людей не осмѣливался отправляться въ Литву «для торговаго промысла» безъ отпуска воеводы ¹⁶⁶).

¹⁶⁴) Доп. къ Актамъ Истор. I, 166, № 116; Акты Арх. Экспедиціи. т. I, 327 и 401, № 282 и 332.

¹⁶⁵) Польскія дѣла, книга № 22, лл. 156, 165 и 166.

¹⁶⁶) «А будетъ въ сыску объявится, что онъ ѣздилъ въ иное государство безъ проѣзжіе грамоты для торговаго промыслу, а не для измѣны, и ему за то учинити наказанье — бити кнутомъ, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлати» (Соборное Уложеніе). Въ 1699 году велѣно вѣдать торговыхъ людей бурмистрамъ «и въ отпускахъ для торговаго промысла». (Приказныя дѣла 1699 года ноября 18).

Объ отпущенныхъ воеводой посадскихъ людѣхъ писалось: «отпущены изъ Торопца прочь для торговаго промыслу»... «а нынѣ у въ отпускѣ для торговли, въ Торопцѣ нѣту» ¹⁶⁷⁾. При отправленіи за рубежъ торопецкіе торговые люди получали *проѣзжія памяти*. Въ 1648 году, напримѣръ, выдавались имъ такого содержанія грамоты: «Отъ воеводы торопецкаго отъ Васяля Петровича Головина отпущенъ изъ Торопца торопчанинъ Васко Лябезгинъ за рубежъ въ Невельскій и въ Усвятскій уѣзды, для торговли, съ товаромъ. И ему въ тѣхъ уѣздехъ явиться урядникомъ и старостамъ. А какъ онъ поторгуетъ, и его велѣти отпустить въ Торопецъ цѣло и здорово, не задержавъ. Писанъ въ Торопцѣ лѣта 7157-го году сентября въ 4 день. Къ сей проѣзжей воевода Василей Петровичъ Головинъ печать свою приложилъ» ¹⁶⁸⁾.

Выѣхавши изъ Торопца «по отпуску воеводы», торговые люди «волочили съ торжишкомъ въ литовскую землю». Очень часто слу-

¹⁶⁷⁾ Десятенъ книга 289, лл. 263—289 (1655 г.). Тамъ же:... «посадскихъ людей съ пищальми, и съ копьями, и съ бердыши 475 человекъ, да въ деревни для торговыхъ промысловъ и въ отъѣздѣ—42 человека».

¹⁶⁸⁾ Польскія дѣла 1649 года, № 1. Проѣзжая память, или отпускная грамота 1690 года: «Пресвѣтлѣйшихъ... обладателей ихъ Царскаго Величества града Торопца стольникъ и воевода Василей Ивановичъ Потемкинъ отпустилъ изъ Торопца торопчанина торговаго посадскаго человека Гаврилу Гаврилова сына Туфанова въ сторону Наяснѣйшаго... Королевскаго Величества за рубежъ для долговъ. И въ сторонѣ Королевскаго Величества всякихъ чиновъ людей того вышеписаннаго торопчанина, торговаго посадскаго человека Гаврилу Туфанова за рубежъ для долговъ, также и назадъ до Торопца, по посольскому мирному вѣчному договору, пропускать вездѣ безъ задержанія и безо всякаго запѣнка. Къ сему проѣзжему листу града Торопца стольникъ и воевода Василей Ивановичъ Потемкинъ печать свою приложилъ. Писанъ въ Торопцѣ лѣта 7198-го февраля въ 28 день. (Приказнаго стола столб. № 1182). «А въ прошлыхъ годѣхъ проѣзжіе памяти торопчаномъ торговымъ людямъ за польской рубежъ давали торопецкіе воеводы изъ приказной избы по сему: въ началѣ написавъ годъ, и мѣсяцъ, и число, а потомъ: по указу Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Божею Милостью Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержавца, Его Царскаго Величества, отпущенъ въ государство Наяснѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя Августа Второго, Божею Милостью Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, Русскаго и иныхъ, Его Королевскаго Величества, — города Торопца житель съ товары, и по городамъ и по мѣстамъ Его Королевскаго Величества ясневелиможнымъ гетманомъ, воеводамъ, старостамъ, и урядникомъ, и бурмистрамъ—велѣти его товары пропускать какъ туды ѣдущаго, такъ и назадъ возвращающагося вездѣ безо всякаго задержанія. — Да, къ тѣмъ памятемъ приписыванъ воеводскія имена» (Приказныя дѣла 1699 года ноября 18).

чалось, что въ томъ городѣ, гдѣ рассчитывали они продать свой товаръ, имъ не удавалось это и приходилось писать въ Торопецъ: «А я, братецъ, (въ Витебскѣ) товаришку ничего не продалъ, поволокуся далѣ, а хотѣлъ къ Вильнѣ»... Большою частью торговые поѣздки въ Литву были очень продолжительны; напримѣръ, одинъ торговый человѣкъ отправился изъ Торопца 8 января 1625 года и возвратился 30 апрѣля. Въ томъ же году великимъ постомъ отправился съ своими товарищами другой торопецкій посадскій человѣкъ въ Усвятъ, затѣмъ въ Витебскъ, оттуда въ Могилевъ, гдѣ прожилъ 5 недѣль, и «исторговавшись» поѣхалъ было чрезъ Смоленскъ въ Торопецъ, но на пути просидѣлъ долгое время въ Смоленскѣ въ башнѣ, пока не отпустили его и его товарищей «на размѣну литовскимъ купцомъ» ¹⁶⁹⁾.

Въ XVII вѣкѣ торопецкіе торговые люди возили свои товары на лошадахъ не только зимой, но очень часто и лѣтомъ. Иногда стрѣльцы и пушкари нанимались ѣхать вмѣстѣ съ ними за польскій рубежъ до заранѣе опредѣленныхъ мѣстъ «на своей лошади подъ товары». Богатые торговые люди ѣздили за рубежъ съ своими работниками на наемныхъ подводахъ; едва ли число ихъ подводъ было болѣе четырехъ. Если не надо было разѣзжать съ товаромъ по многимъ мѣстамъ, то лѣтомъ торопчане обыкновенно перевозили свои товары въ литовскіе города воднымъ путемъ: на челнахъ и на лодкахъ. Лодки и челны были большихъ размѣровъ: въ одномъ челну, напримѣръ, можно было помѣстить болѣе 18 четвертей ржи ¹⁷⁰⁾.

Торопецкіе торговые люди въ различныхъ литовскихъ городахъ имѣли знакомцевъ, у которыхъ они останавливались во время своего пребыванія въ тѣхъ городахъ. Дворы, гдѣ они стояли и складывали свои товары, назывались ихъ *подворами*, а владѣльцы этихъ дворовъ—*дворниками*. Дворникамъ торопчане вполне довѣряли и, отправляясь въ свое дальнѣйшее торговое путешествіе, иногда оставляли имъ на сохраненіе свои уже за проданные товары и поручали имъ эти товары выдавать покупателямъ и получать за нихъ деньги ¹⁷¹⁾.

Многіе изъ торопецкихъ торговыхъ людей вели торговлю въ различныхъ русскихъ городахъ и нѣкоторые изъ нихъ въ большихъ торговыхъ

¹⁶⁹⁾ Польскія дѣла 1645 г., № 1; 1653 г., № 1; Новгородскаго стола ст. № 8, л. 78; Приказныя дѣла съ 28 марта 1626 по 1661 годъ, № 7.

¹⁷⁰⁾ Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апрѣля 1647 года, № 59; Приказнаго стола ст. № 1182; Польскія дѣла, книга № 22, лл. 154 и 155; Сапунова Витебская старина, I, лл. 333 и 335.

¹⁷¹⁾ Польскія дѣла 1648 года, № 1.

городахъ даже имѣли свои собственные дворы. Извѣстно, напримѣръ, что торопецкіе посадскіе лучшіе люди Чирьевы посылали «по городамъ въ отъѣздъ» съ ихъ общими товарами своего младшаго брата Ѳедора, и тотъ часто «ѣздилъ съ торгомъ» въ Великій Новгородъ, а оттуда въ нѣмецкіе и литовскіе города. Ѳедоръ Чирьевъ бывалъ въ Новгородѣ «по многое время» и потому купилъ себѣ тамъ «для своего пріѣзду» дворъ ¹⁷²⁾.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ и раньше, правительства Московскаго и Польско-литовскаго государствъ всячески старались поддерживать безпрепятственные торговыя сношенія «съ платежомъ достойныхъ отъ товаровъ пошлинъ», «понеже всѣ государства», сказано въ договорѣ 1686 года, «извыкли казнѣ государственкой чинить пополненіе отъ торговыхъ купецкихъ людей промысловъ» ¹⁷³⁾. Оба правительства постоянно выдавали торговымъ людямъ проѣзжіе листы, съ цѣлью обезпечить имъ возможность торговать «повольною торговлей, безо всякихъ зацѣпокъ». При такомъ заботливомъ отношеніи къ торговлѣ занятіе ею, казалось бы, должно было приносить торговцамъ большія выгоды. Однако въ дѣйствительности обременительныя таможенныя пошлины и злоупотребленія мытниковъ, насилія и взяточничество различныхъ литовскихъ должностныхъ лицъ и грабежи и насилія со стороны населенія,—особенно во время враждебныхъ международныхъ отношеній между Москвой и Литвой,—значительно умаляли для торопецкихъ торговцевъ выгоды торговли съ Литвой. Въ XVI вѣкѣ торговые люди Московскаго государства часто жаловались на насилія, чрезмѣрные поборы и вымогательство большихъ подарковъ со стороны различныхъ литовскихъ и польскихъ державцевъ, урядниковъ и мытниковъ. Гдѣ бы они не останавливались, ихъ подолгу, — иногда по недѣлѣ и по двѣ,—задерживали мытники и разные литовскіе урядники,

¹⁷²⁾ Вслѣдствіе этого онъ былъ записанъ въ новгородскую писцовую книгу 1623 года («въ Великомъ Новгородѣ на посадѣ дворъ Ѳедьки Чирьева торопчанина»), что и дало поводъ новгородцамъ въ 1641 году называть его «новгородцемъ бѣглымъ посадскимъ человекомъ» и хлопотать о припискѣ его «въ тягло на посадѣ»; при чемъ они заявляли, что «Ѳедька Чирьевъ сполъ въ Торопецъ въ 1633 году, а уроженецъ онъ торопчанинъ, а въ Великомъ Новгородѣ жилъ онъ 20 лѣтъ», а «которые люди разныхъ городовъ живутъ въ Великомъ Новгородѣ на посадѣ, и тѣхъ людей изъ В. Новгорода по Государеву указу имать не велѣно». Ѳ. Чирьеву стояло большихъ усилій избавиться отъ приписки «въ тягло на посадѣ» въ Новгородѣ (Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апрѣля 1647 года, № 59).

¹⁷³⁾ Приказныя дѣла 1699 года ноября 18.

если они не давали имъ подарковъ; при вѣздѣ въ городъ съ нихъ «явку всякую брали» и даже брали тамгу и въ тѣхъ городахъ, гдѣ они не торговали. Въ то время представлялись иногда «списки обиднымъ дѣламъ», въ которыхъ были «выписаны задоры и обиды, что учинились отъ литовскихъ людей въ перемирныя лѣта». Въ этихъ спискахъ попадались имена и торопецкихъ торговыхъ людей. Въ 1588 (7096) году торопчанинъ Вас. Рубцовъ ѣздилъ торговать въ Витебскъ; когда онъ, «исторговавшись», ѣхалъ назадъ въ Торопецъ, въ Велижѣ его ограбилъ драбовскій ротмистръ Андрей Стофорскій: отнялъ у него 30 рублей деньгами и 2 челна, въ которыхъ находилось 35 четвертей ржи, 10 литръ золота и серебра, 25 литръ шелку и поставъ сукна, всего на сумму 154 рублей. Въ слѣдующемъ 97 (1589) году трое торопецкихъ посадскихъ людей повезли въ Витебскъ всякаго товара, на сумму около 711 тогдашнихъ рублей, но въ Велижѣ весь ихъ товаръ пограбилъ Лукашъ Сапѣга. «И о томъ ихъ грабежѣ изъ Торопца Никита Бороздинъ писалъ въ Витебскъ къ Николаю Сапѣгѣ, чтобъ онъ тотъ животъ торговыхъ людей сыскалъ, а сыскавъ имъ отдалъ. И Николай Сапѣга того грабежу не сыскалъ. А тѣ торговые люди въ томъ грабежу и по ся мѣста волочатся межъ дворъ» ¹⁷⁴⁾...

Въ смутное время, по всей вѣроятности, лишь немногіе торговые люди рѣшались совершать свои торговые поѣздки въ польскіе и литовскіе города, потому что тамъ у нихъ отнимали товаръ, деньги, лошадей и платье, и самихъ ихъ мучили, увѣчили и сажали въ тюрьмы, и приходилось имъ за свое освобожденіе, «окупы великіе подѣ себя давать» ¹⁷⁵⁾. Подобныя несчастія постигали торопецкихъ торговцевъ и послѣ Смуты. Такъ въ 1626 году двое торопецкихъ торговыхъ людей, исторговавшись въ Могилевѣ, поѣхали съ проѣзжими листами въ Торопецъ мимо Смоленска. Когда они отѣхали отъ Смоленска верстъ 30, ихъ воротили назадъ. Несмотря на то, что они предъявили проѣзжіе листы разныхъ литовскихъ городовъ, ихъ сочли за лазутчиковъ и посадили въ заключеніе въ подклѣтѣ на дворѣ Гонсѣвскаго, а по

¹⁷⁴⁾ Польскія дѣла, книга № 22, лл. 154—157, 165 и 166. Любопытна одна челобитная, изъ которой обнаруживается, какихъ именно городовъ торговые люди въ послѣдней четверти XVI столѣтія преимущественно вели торговлю въ Польско-литовскихъ областяхъ: «А торговые московскіе люди, и новгородцы, и псковичи, и смоляне, бѣляне, торопчане, вязничіи и всѣхъ городовъ Государю бьютъ челомъ ѣздять»...

¹⁷⁵⁾ Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апр. 1647 года. № 59.

прибытіи изъ Литвы самого Гонсѣвскаго, — въ башню и отпустили ихъ изъ Смоленска лишь «на размѣну литовскимъ купцомъ» ¹⁷⁶⁾.

Но и посреди глубокаго мира очень часто воеводы и другія должностныя лица въ литовскихъ городахъ дѣлали злоупотребленія своею властью, чаще всего проявлявшіяся въ томъ, что они, взявши въ долгъ у торговцевъ какой-либо товаръ, не уплачивали за него сполна условленной цѣны. По этому поводу въ 1648 году была подана въ Москвѣ однимъ торопецкимъ посадскимъ человѣкомъ челобитная, любопытная во многихъ отношеніяхъ. «Въ прошломъ, Государь, во 151-мъ (1643) году ѣхалъ я, сирота твой, изъ Торопца за рубежъ въ Литву, по отпуску воеводы, князя Давида Щербатаго, а какъ буду литовскомъ городѣ на Невлѣ, — и воевода невелискій (Данила) Фендерентъ сторговалъ у меня, сиротѣ твоего, разныхъ соболей на 400 рублевъ и, сторговавъ, запечаталъ онъ, Фендерентъ, своею печатью и поставилъ на моемъ подворьѣ, у кого я стоялъ на Невлѣ, у посадскаго человѣка у Никифора Деснина. А съ достальнымъ товаромъ я, сирота твой, поѣхалъ къ Полоцку, а за тѣ соболи велѣлъ взять деньги тому дворнику Никифору. И онъ, Фендерентъ, будучи на Невлѣ воеводою, тѣ мои соболи у того дворника у Никифора взялъ сильно. И какъ я пріѣхалъ съ Полоцка и спросилъ у него, Никифора: «гдѣ мои соболи?» и онъ мнѣ сказалъ: «взялъ у меня воевода Фендерентъ сильно съ двора моего». И я, сирота твой, ему, Фендеренту, билъ челомъ, чтобы онъ деньги мнѣ за тѣ мои соболи отдалъ, и онъ мнѣ за тѣ соболи уплатилъ полътретьяста (250) рублевъ, а на немъ осталось 150 рублевъ. И я, сирота вашъ, ѣздилъ къ нему не по одну пору по достальныя деньги, и онъ мнѣ тѣхъ достальныхъ денегъ за тѣ мои соболи не отдаетъ и по се поры... вели, Государь, о той моей обидѣ дать грамоту на луцкій рубежъ къ своимъ государевымъ межевнымъ судьямъ» ¹⁷⁷⁾...

Различнаго рода злоупотребленія дѣлали и таможенники. Въ 1632 году одинъ торопецкій торговый человѣкъ «заложилъ въ Витебскѣ мытнику жиду въ пошлинныхъ деньгахъ товару своего 10 паръ соболей, да 8 бобровъ, да черевязъ бобровую», и уѣхалъ для торговли въ другіе литовскіе города. Въ то время началась война, и этого торговца, должно быть, постигло несчастье, вслѣдствіе котораго онъ не выкупилъ свой товаръ. Черезъ 7 лѣтъ, уже въ 1639 году, «мытникъ жидъ навалилъ

¹⁷⁶⁾ Приказныя дѣла 28 марта 1626—1661 годъ, № 7.

¹⁷⁷⁾ Польскія дѣла 1648 г., № 1; Польскія дѣла 1645 г., № 1; Приказныя дѣла 1646 г., № 133.

насильствомъ закладной товаръ» совсѣмъ на другого торопецкаго торгового человѣка и «доправилъ на немъ пошлинныя деньги», и тотъ понесъ убытка 50 рублей ¹⁷⁸⁾.

Всѣ эти насилія, незаконные поборы, вымогательства и грабежи, конечно, сильно препятствовали расширенію торговыхъ оборотовъ и правильному развитію торопецкой торговли.

VIII.

Размѣры торопецкой торговли вообще были незначительны. Въ XVI и XVII вѣкахъ разница между стоимостью товаровъ въ различныхъ сосѣднихъ областяхъ, литовскихъ и московскихъ, въ одно и то же время часто бывала весьма значительна, и умѣлый выборъ товаровъ для продажи и мѣны могъ доставлять большую прибыль. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ предпріимчивымъ торопчанамъ, ведшимъ торговлю и въ Литвѣ, и во многихъ городахъ Московскаго государства, легко было обогащаться. Но этому препятствовали съ одной стороны недостатокъ въ деньгахъ и отсутствіе дешеваго кредита, съ другой — невозможность во многихъ случаяхъ продавать товаръ за наличныя деньги.

Въ изучаемый періодъ времени въ Торопцѣ не было крупныхъ капиталистовъ. Образованіе большихъ капиталовъ возможно только въ томъ случаѣ, если деньги имѣютъ быстрое обращеніе, и притомъ только тамъ, гдѣ существуетъ болѣе или менѣе значительное экономическое развитіе.

Торопецкимъ торговцамъ для расширенія своихъ торговыхъ операцій было необходимо кредитоваться, но они могли пользоваться кредитомъ лишь въ незначительныхъ размѣрахъ. Правда, рижскіе купцы всегда готовы были отпускать свои товары и даже «готовыя деньги» русскимъ купцамъ «на кабалы», съ обязательствомъ представить въ Ригу къ опредѣленному сроку пеньку, говяжье сало или лѣсной матеріалъ. Извѣстно, что полоцкіе мѣщане часто бывали для торговли въ Ригѣ и брали у рижскихъ купцовъ въ долгъ («на кабалы») соль, сельди, желѣзо, питье красное, сукно, байку, табакъ, червонныя золотыя, ефимки, за что «хотѣли имъ платиться пенькою и лѣсами дубовыми, ванчосами и клѣткою» ¹⁷⁹⁾. Вообще такіе торговые порядки въ то время были

¹⁷⁸⁾ Приказныя дѣла сентября 4-го 1638 года по 7 авг. 1639, № 35.

¹⁷⁹⁾ См. объ этомъ весьма любопытный 1470-ый столбецъ Сибирскаго приказа.

очень распространены и много способствовали расширенію оборотовъ русской внѣшней торговли. Но невозможно опредѣлить, въ какой мѣрѣ торопчане принимали прямое участіе въ подобнаго рода торговлѣ съ Ригой. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что торопецкіе торговые люди въ XVII вѣкѣ часто покупали въ долгъ товары въ Москвѣ. Обыкновенно за товары платили они только часть причитавшихся денегъ, а «въ остальныхъ деньгахъ писали крѣпость», давали на себя заемную кабалу. Въ концѣ XVII столѣтія торопецкіе торговцы брали товары въ долгъ у московскихъ купцовъ «по роспискамъ» ¹⁸⁰⁾.

Они занимали у московскихъ капиталистовъ и наличныя деньги. Такъ извѣстный торопецкій мірской челобитчикъ и земскій староста Максимъ Заозерскій въ 1687 году въ Москвѣ деньги «бралъ и занималъ въ кабалы у москвитина посадскаго человѣка Василія Аминева и у иныхъ людей». Въ 1701 году торопецкихъ земскихъ дѣлъ бурмистры «заемныя деньги на заемщикахъ, на торопчанахъ посадскихъ людяхъ, доправа по крѣпостямъ», отдавали займодавцамъ съ роспискою въ полученіи ¹⁸¹⁾. Въ самомъ Торопцѣ всѣ лица и учрежденія, располагавшія деньгами и не имѣвшія возможности принять личное участіе въ торговлѣ, ссужали деньгами торговыхъ людей. Въ 1540 году въ торопецкомъ Никольскомъ монастырѣ «на престолѣ—двадцать шесть рублей (около 1800 нынѣшнихъ), а ростъ емлетъ на тѣ деньги игумень да священникъ». Въ XVII вѣкѣ часто встрѣчаются упоминанія о «заемныхъ деньгахъ». Въ то время богатые торопецкіе посадскіе люди иногда давали деньги подъ залогъ какого-либо имуществъ, и случалось, что оно «по заемной закладной кабалѣ» оставалось за ними ¹⁸²⁾. Въ самомъ концѣ XVII вѣка нашелся между торопецкими посадскими людьми человѣкъ, который давалъ деньги подъ закладъ соболей даже московскимъ капиталистамъ (гость Максимъ Михайловъ Чирьевъ—греку Николаю Мануялову) ¹⁸³⁾.

Во всякомъ случаѣ торопецкіе торговые люди имѣли весьма небольшіе капиталы и пользовались весьма ограниченнымъ кредитомъ;

¹⁸⁰⁾ Напримѣръ: Приказныя дѣла 1643 года, дек. 9-го, № 71. «А памяти имъ въ остальныхъ деньгахъ на себя не давалъ» (тамъ же). Дѣла Печатнаго приказа пошлин., книга 374, л. 467.

¹⁸¹⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182; Дѣла Печатнаго приказа пошлин., книга 397, л. 373.

¹⁸²⁾ Тороп. писцовая книга 1540/41 гг., л. 15; Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 252, л. 324.

¹⁸³⁾ Преображенскаго приказа столбецъ № 716, скл. 4 и 5.

очень вѣроятно, что они въ долгъ приобрѣтали товаровъ менѣе, чѣмъ сами отпускали.

Въ XVI и XVII вѣкахъ неисправныхъ должниковъ постигали самыя строгія наказанія. Торопчанъ, по челобитью ихъ кредиторовъ, часто «высылали за порукою въ Москву» или подвергали заключенію въ торопецкой тюрьмѣ; также поступали съ ними и въ Литвѣ. Часто предписывалось за взятые въ долгъ товары съ нихъ «править за тѣ товары деньги», и въ такихъ случаяхъ приходилось имъ иногда долго «стоять на правѣжѣ и животъ свой мучить»¹⁸⁴⁾. Вслѣдствіе такой строгости часто многіе изъ торопчанъ «бѣжали отъ долговъ». Несостоятельный должникъ, по выраженію купца Григ. Козм. Боткина (1744 г.), «отбывая отъ того платежа изъ Торопца и съ женою его, и съ дѣтьми, оставя домъ свой и пожитки, незнаемо куда съѣхалъ и бѣгалъ по разнымъ городамъ»... «многіе годы переѣздами изъ города въ городъ укрывался»¹⁸⁵⁾. Однако, несмотря на строгость законовъ относительно неисправныхъ должниковъ, многимъ приходилось страдать отъ торговой недобросовѣстности торопчанъ и ихъ наклонности къ рискованнымъ предпріятіямъ, и потому нельзя удивляться, что торопецкимъ торговымъ людямъ мало довѣряли.

Какъ ни старались торопецкіе торговые люди, по возможности, всѣ свои товары продавать «на деньги», все-таки и имъ приходилось отпускать въ долгъ не только часть своихъ товаровъ, но иногда и весь товаръ. Въ то время не легко было получить деньги за проданные товары. Приходилось постоянно напоминать своимъ должникамъ о «недоплатныхъ деньгахъ», получать ихъ по частямъ, при помощи неотступныхъ приставаній; приходилось иногда самимъ ѣздить за литовскій рубежъ исключительно для полученія долговъ («ѣздилъ онъ за рубежъ въ Вильню для долговъ своихъ недѣль въ семь»). Вообще много проходило времени, пока покупатели собирались наконецъ «въ долгу своемъ роздѣлку учинить». Неудивительно, что торопецкіе торговые

¹⁸⁴⁾ См., напр., Печатнаго приказа кн. 161, л. 80; Приказн. стола столб. № 1182; Приказн. дѣла 1646 года, № 133; Польскія дѣла 1637 г., № 1. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тогда допускались льготы и разсрочки въ уплатѣ заемныхъ денегъ. Такъ въ 1670 году, «по челобитью торопчанина посадскаго человека Максимка Стефанова сына Заозерскаго, велѣно ему, для полоннаго терпѣнья по кабаламъ заемныя деньги.—свои и брата его Федькины долги,—платить по Уложенію въ три годы» (Дѣла Печат. приказа пошл., кн. 161, л. 37).

¹⁸⁵⁾ Дѣла Правительствующаго Сената слѣдственныхъ комиссій, книга 155/371, лл. 306 и 308. (Въ М. Архивѣ Мин. Юстиціи).

люди, не ограничиваясь полученіемъ кабалы, сверхъ того заботились, если то было возможно, о какомъ-либо бѣльшемъ обезпеченіи исправной уплаты долга за товаръ. Въ сентябрѣ 1627 года пріѣхалъ въ Торопецъ сурожанинъ торговый человѣкъ съ сыномъ своимъ «для торгу»; купили они на 110 рублей мѣховъ «и дали они на себя въ тѣхъ деньгахъ двѣ заемныя кабалы, а срокъ кабаламъ Рождество Христово». Отецъ поѣхалъ съ товаромъ въ Литву, а своего сына «оставилъ въ тѣхъ деньгахъ въ закладѣ» ¹⁸⁶⁾.

Для нѣкоторыхъ торопецкихъ торговыхъ людей выгоды отъ торгового промысла умалялись вслѣдствіе необходимости распродалъ, кромѣ своихъ товаровъ, еще государеву соболиную казну изъ Сибирскаго приказа. Эти торговцы иногда въ литовскихъ городахъ «соболи продавали съ великимъ накладомъ, а иные соболи въ долгъ отдавали»; къ тому же иногда ихъ грабили литовскіе люди, а между тѣмъ, «тѣхъ долговъ и грабежу сыскать (было) немочно за войною» ¹⁸⁷⁾.

Вышеприведенныя данныя показываютъ, что хотя торговля и была главнымъ занятіемъ лучшей части торопецкихъ городскихъ жителей, она тѣмъ не менѣе не получила въ XVI и XVII столѣтія особенно значительнаго развитія и производилась въ ограниченныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе вялости и медленности торговыхъ оборотовъ, недостаточности торговыхъ капиталовъ и незначительности кредита. Немалою помѣхою расширенію торговыхъ оборотовъ и правильному развитію торговли служили и указанныя выше насилія, грабежи и всякаго рода денежныя вымогательства со стороны литовскихъ людей. Съ другой стороны и недобросовѣстность самихъ торопецкихъ торговцевъ и ихъ безчестныя приемы при производствѣ торговыхъ операцій и въ Литвѣ, и у себя дома, въ Торопцѣ, безъ сомнѣнія, оказывали также немалое вліяніе на сокращеніе торговыхъ оборотовъ.

IX.

Торопецкіе торговцы, не имѣя значительнаго капитала и не пользуясь въ достаточной мѣрѣ кредитомъ, должны были производить свои торговыя операціи въ ограниченныхъ размѣрахъ. Они не могли вести

¹⁸⁶⁾ Польскія дѣла 1645 года. № 1. Приказнаго стола столбецъ № 1182. Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 9, лл. 185—188; Московскаго стола ст. № 38, лл. 2—7.

¹⁸⁷⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 329.

оптовой торговли какимъ-либо однороднымъ товаромъ и были вынуждены вести большею частью мелочной торгъ товарами разнообразными или быть скупщиками товаровъ для другихъ. Такъ какъ они покупали для продажи небольшое количество товаровъ и на небольшую сумму, и при томъ не могли распродать ихъ въ короткое время, то и приходилось имъ не мало заботиться о полученіи съ продаваемыхъ ими товаровъ возможно большей прибыли.

Между тѣмъ, какъ уже выше было сказано, во время своихъ продолжительныхъ торговыхъ странствованій, они должны были дѣлать много издержекъ, очень часто крайне обидныхъ и совсѣмъ непредвидѣнныхъ; подвергались всякаго рода притѣсненіямъ, грабёжамъ и вымогательствамъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ имъ иногда поневолѣ приходилось увеличивать продажную цѣну своихъ товаровъ, чтобы сколько нибудь покрыть свои убытки; но при незначительной стоимости товара это возможно было сдѣлать только путемъ обмана и плутовства.

Въ то время торговля повсемѣстно производилась русскими купцами недобросовѣстно, и торопецкіе торговые люди, очевидно, въ этомъ отношеніи не составляли исключенія. Въ 1737 году одинъ изъ торопецкихъ купцовъ, дѣлая доносъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ согражданъ, такъ выразился: «торопецкое купечество, которые торги имѣютъ за границу, какъ Ея Императорскому Величеству Всемиловитѣйшей Государынѣ Императрицѣ извѣстно, что въ воровскомъ торгѣ древніе преступники и въ утайкѣ пошлинѣ похитители»¹⁸⁸). И дѣйствительно, въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими и иностранцами, торопчане всегда старались продать свой товаръ по цѣнѣ, не соответствовавшей дѣйствительной его стоимости, и часто для этого прибѣгали къ обманамъ и къ различнымъ безчестнымъ уловкамъ, и вообще при продажѣ ими товаровъ дѣло рѣдко обходилось безъ «воровства» и «хитростей». Продавалъ, напримѣръ, торопецкій торговый человѣкъ другому «сала литцу въ бочкахъ на 71 рубль», продавалъ то «сало за чисто, и хитрости въ томъ салѣ, сказалъ, никакой нѣтъ», а между тѣмъ оказывалось, что въ «салѣ въ бочкахъ въ середкахъ налито воды» (1629 годъ).¹⁸⁹

Понятно, что и другъ къ другу торопецкіе торговцы не могли относиться съ довѣріемъ. Когда въ 1647 году хотѣли вмѣсто Ивана и Корнила Нехорошевыхъ поручить продажу соболей изъ Сибирскаго

¹⁸⁸ Дѣла Прав. Сената слѣдственныхъ комиссій, книга 149/365, л. 126.

¹⁸⁹) Польскія дѣла 1636 года, № 1.

приказа земскому старостѣ Семену Желуду или кому либо другому изъ торопецкихъ посадскихъ людей, занимавшихся въ то время торговлей мягкой рухлядью, то Семень Желудъ съ товарищами прямо заявилъ, что должны были бы они взять на себя продажу соболей,—на то Государева воля,—но Нехорошевы «отъ сороковъ печати и ярлыки ото всѣхъ отняли, и разбили, и размѣшали... а теперь де имъ, Ивану и Корнилу, въ тѣхъ соболяхъ вѣрить нечего и взять де у нихъ не умѣть» ¹⁹⁰⁾.

Укорененію и умноженію посреди торопчанъ дурныхъ торговыхъ обычаевъ и безчестныхъ поступковъ много способствовало то, что возмущались воровствомъ въ торговлѣ лишь тѣ, которые отъ того воровства лично страдали, были отъ него «въ большомъ убыткѣ». Все торопецкое городское населеніе, не заинтересованное лично, и даже должностныя лица равнодушно относились къ различнаго рода мошенничествамъ и даже покрывали ихъ, когда возникали по этому поводу слѣдствія и производились допросы. Только при повальныхъ обыскахъ, когда сказки давались подъ присягой, къ дачѣ показаній относились добросовѣстнѣе. Въ концѣ 1635 года донесли на торопецкаго торговаго человѣка Степ. Семивскаго, что «держитъ онъ у себя воскъ, литой съ саломъ, и продаетъ его за чистой на свѣчи въ церкви и свѣчникамъ», и что покупалъ онъ тотъ воскъ «у Литвы, вѣдая, дешевою цѣною, для своей корысти и воровства». Во дворѣ Семивскаго сыскано 6 большихъ круговъ воска, по смѣтѣ пудовъ въ 12. Свѣдущіе люди—священники, свѣчники и воскобойники—признали, что воскъ—съ саломъ. Затѣмъ, по предписанію изъ Москвы, торопецкій воевода 14 марта слѣдующаго 1636 года велѣлъ городовому приказчику «обыскати въ Торопцѣ протопопы, и попы, и дьяконы по священству, а мірскими всякими людьми по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи крестному цѣлованью: торопецкій посадскій человѣкъ Степ. Семивскій прежде сего у литовскихъ купцовъ воскъ съ саломъ покупалъ вѣдая ли, и у себя онъ для бездѣльные корысти воскъ съ саломъ сливалъ, и сколь давно онъ такъ дѣлалъ, и въ которые города онъ тотъ воскъ возилъ и продавалъ». 12 поповъ и 57 человѣкъ пушкарей и стрѣльцовъ отозвались невѣдѣніемъ, а торопецкій посадскій сотскій, земскіе цѣловальники и торопчане посадскіе люди, всего 67 человѣкъ показали: «тотъ Степанъ по 143 годъ воскомъ не торговалъ, и самъ воску не бивалъ, и съ саломъ воску не слиывалъ,

¹⁹⁰⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 260, л. 149.

и въ иные города тотъ Степанъ воску не отваживалъ, а во 143 году тотъ Степанъ вымѣнилъ воскъ на бѣлку на гостинѣмъ дворѣ у литвина, и мы про тотъ воскъ не вѣдаемъ, съ саломъ ли или не съ саломъ. То наши рѣчи». Дѣло тянулось еще цѣлый годъ, и только въ мартѣ слѣдующаго 1637 года въ Москвѣ послѣдовала резолюція: «послатъ государева грамота въ Торопецъ къ воеводѣ, а велѣтъ того воску досмотрѣтъ подлинно, кто знаетъ, съ саломъ ли тотъ воскъ или безъ сала. И будетъ съ саломъ, и тотъ воскъ велѣтъ Степанку Семивскому продать за рубежъ въ Литву, а на немъ, Степанкѣ, доплатить пени 10 рублей за то, что онъ тотъ воскъ купилъ, не разсмотря, чтобъ инымъ не повадно было такого воску покупать. А будетъ по досмотру тотъ воскъ чистъ и безъ сала,—и его отдать Степанку, а пени на немъ не править». Семивскій, конечно, хорошо знавшій качество своего товара, поспѣшилъ на основаніи этой резолюціи заплатить печатную пошлину и получить въ Москвѣ 18 марта грамоту, которою «велѣно ему воскъ, будетъ съ саломъ, продать за рубежъ въ Литву». Однако обстоятельства сложились для него благоприятные, чѣмъ онъ ожидалъ: на основаніи той же резолюціи, 28 марта 1637 года торопецкій городской приказчикъ «съ торопчаны посадскими съ добрыми людьми» (12 человекъ) «досматривали въ государевѣ хлѣбной житницѣ воску литцу, что взять на Государя въ Торопцѣ у торопецкаго посадскаго человека у Степанка Семивскаго, и тотъ воскъ, по досмотру,—литецъ чистой, а не съ саломъ». Воевода велѣлъ отдать воскъ Семивскому ¹⁹¹⁾.

Особенно печальную извѣстность приобрѣли торопецкіе торговые люди своими уклоненіями отъ платежа установленныхъ торговыхъ пошлинъ. Ихъ недобросовѣстность въ этомъ отношеніи проявлялась и въ XVII вѣкѣ, несмотря на то, что таможенные головы и цѣловальники, избѣгая ответственности за недоборъ пошлинъ, старались зорко слѣдить за ихъ правильнымъ поступленіемъ. Но провозъ изъ-за границы неоплаченныхъ пошлиной товаровъ и торговля контрабандными товарами начали особенно часто обнаруживаться въ первой четверти XVIII вѣка, когда размѣры торговыхъ пошлинъ были значительно повышены. Торопчане, при всякомъ удобномъ случаѣ, стали прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ и уловкамъ, чтобы уклониться отъ уплаты пошлинъ. Послѣ учрежденія въ Торопцѣ въ 1730 году портовой таможни ¹⁹²⁾,

¹⁹¹⁾ Польскія дѣла 1636 года, № 1;—1637 года. № 1. Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 33, л. 170.

¹⁹²⁾ П. Собр. Зак. Р. Имп., томъ VIII, № 5573.

ихъ злоупотребленія достигли крайнихъ предѣловъ и вызвали посылку въ Торопецъ особыхъ слѣдственныхъ комиссій.

Очень часто торопецкіе купцы, явивши въ таможенъ для оплаты пошлиной только часть своихъ товаровъ, ночью вывозили изъ Торопца всѣ товары на тяжело нагруженныхъ возахъ. По выѣздѣ изъ города, размѣщали ихъ уже на большемъ числѣ подводъ и затѣмъ переправлялись, минуя заставу, черезъ польскій рубежъ. Точно также по возвращеніи въ Торопецъ обыкновенно представляли въ таможенъ для оплаты пошлиной только часть купленныхъ за рубежомъ товаровъ, оставивши остальные по пути въ какой либо торопецкой деревнѣ. Иногда они съ этой именно цѣлью нанимали для поѣздки за рубежъ работникомъ какого-либо знакомаго крестьянина, который, по прошествіи нѣкотораго времени, тайкомъ привозилъ въ Торопецъ оставленный у него товаръ. Приѣзжая въ Торопецъ большею частью ночью, торопецкіе торговцы иногда прятали часть своихъ товаровъ въ своихъ домахъ. И въ настоящее время существуетъ въ Торопцѣ каменный двухъэтажный домъ (постройка начала XVIII вѣка), въ нижнемъ этажѣ котораго,—между стѣнами одной большой, находящейся въ немъ, комнаты и между наружными стѣнами дома,—находится особое помѣщеніе, очевидно, предназначавшееся для скрытія въ немъ контрабандныхъ товаровъ.

Подобнымъ же образомъ поступали торопецкіе торговцы и въ таможенныхъ другихъ городовъ. Случалось иногда, что торопецкіе купцы являли въ Ригѣ въ таможенъ только часть купленныхъ ими въ Кенигсбергѣ товаровъ и затѣмъ, минуя торопецкую таможену, приѣзжали прямо въ Петербургъ, гдѣ и распродавали всѣ свои товары. Такіе случаи бывали и въ Москвѣ: явивши въ Московской большой таможенѣ 8 возовъ китайки, по выѣздѣ изъ Москвы они ловко размѣщали на этихъ же возахъ еще одинъ возъ неявленныхъ въ таможенѣ товаровъ. «Съ тѣхъ возовъ, которые были запечатаны на гостиномъ дворѣ, тое печать долой снимали, и возы развязывали, и тое воровскую китайку въ тѣ возы клали, п тѣ возы по старому завязывали, и тѣ печати на тое-жъ веревку вдѣвали, и завязали, какъ было»... ¹³³⁾.

Однако за такіе противозаконные поступки пришлось торопецкимъ купцамъ поплатиться дорогою цѣною. Одна слѣдственная комиссія въ 1734 году опредѣлила взыскать «за неправильный торгъ» съ торо-

¹³³⁾ Дѣла Правительствующаго Сената слѣдственныхъ комиссій, книги №№
 част. 146 147 148 149 150 151 152 153 155
 общ. 362 ' 363 ' 364 ' 365 ' 366 ' 367 ' 368 ' 369 ' 371 ' .

пецкаго купечества, по раскладкѣ бурмистровъ, штрафа десять тысячъ рублей и взять подписку въ томъ, «чтобъ впредь имъ, торопецкимъ купцамъ, торги свои производить правильно». «Генваря де 13 дня сего 735-го году Ея Имп. Величеству всенижайшіе и недостойные Ея Имп. Величества рабы, торопецкіе купцы, въ той комиссіи, при присутствіи оного секундъ маэора Воейкова, всепокорнѣйше приносили, что они отъ того числа какъ внутри Россійскаго государства, такъ и за границею, кто въ которые тамошніе города ѣздитъ пожелають, купеческіе свои торги производить будутъ порядочно, безо всякаго въ томъ воровства и утайки пошлинъ, но какъ Ея Имп. Величества указы и узаконенныя права повелѣваютъ, и какъ російскихъ за границу, такъ и вывозныхъ изъ-за границы иностранныхъ товаровъ, не явя въ торопецкой портовой таможи и не заплатя съ нихъ указныхъ пошлинъ, и кромѣ опредѣленной по указу заставы другими никакими дорогами и пустыми мѣстами провозить не будутъ же, и въ деревняхъ и нигдѣ для утайки пошлинъ складывать, и російскихъ серебряныхъ денегъ и червонныхъ за границу вывозить, и никакого къ утайкѣ пошлинъ вымысленнаго злодѣйства ни подъ какими мѣрами и способами чинить, и товаровъ продажныхъ въ домехъ своихъ имѣть, и привозныхъ, не явя всѣхъ въ торопецкой таможи и не дождався всѣмъ онымъ осмотру и оцѣнки, на дворы свои свозить, и въ ночныя времена тѣхъ товаровъ въ Торопецъ ввозить и изъ Торопца вывозить, и другого ничего въ противность указомъ и таможенныхъ правъ и тарифа чинить всемѣрно не будутъ. А ежели въ вышеписанномъ или въ другомъ въ чемъ противъ указовъ и таможенныхъ правъ и состоявшаго тарифа учинять хотя малое преступленіе, и за то имъ учинена была смертная казнь съ отнятіемъ всѣхъ ихъ пожитковъ; и во исполненіи вышеписаннаго всего непремѣнно подъ тѣмъ подписались». «но точію, за несостояніемъ торопецкихъ купцовъ въ правости и за несодержаніемъ вышеобъявленной ихъ покорной подписки въ твердости,—оной сборъ идетъ въ препятіи и въ упадкѣ, что неправильныхъ торговъ еще нѣкоторые не отстаютъ и въ провозѣ тайныхъ товаровъ не лишаются, въ чемъ при помянутой Торопецкой комиссіи есть не мало поймано и товары ихъ конфискованы и штрафованы»¹⁹⁴).

Впрочемъ, не всѣ же торопецкіе купцы отличались недобросовѣстностью. По словамъ извѣстнаго новгородскаго губернатора Сиверса, «хотя торопчане имѣютъ дурную славу, что много товаровъ

¹⁹⁴) Дѣла Сената, кн. 151/367, лл. 248 и 249.

привозятъ безъ пошлыны, однако доходы ближнихъ таможенъ доказываютъ, что нѣкоторые и лучшіе изъ нихъ поступаютъ, какъ добрые люди» (1768 годъ).

Х.

Въ XVI и XVII вѣкахъ русскіе купцы большею частью вели мелочную торговлю, къ оптовой торговлѣ не выказывали способностей и постоянно находились въ зависимости отъ торговцевъ иностранныхъ. Точно также и торопецкіе торговые люди не были способны къ производству торговли въ широкихъ размѣрахъ, хотя и между ними встрѣчались отдѣльныя личности, обладавшія большими капиталами и ведшія сравнительно значительную торговлю. Но въ своихъ отношеніяхъ къ иноземнымъ купцамъ торопчане обнаруживали болѣе самостоятельности, быть можетъ, по тому, что имъ приходилось торговать преимущественно съ литовскими купцами.

Мѣстная торопецкая торговля не могла въ то время получить значительнаго развитія, потому что немного обрабатывалось въ городѣ Торопецѣ и его уѣздѣ, и потребности его жителей были весьма ограничены, удовлетворялись большею частью домашнимъ способомъ, и вслѣдствіе этого торговый обмѣнъ совершался въ незначительныхъ размѣрахъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность и денежные средства выдающихся торопецкихъ торговцевъ должны были направиться на заграничную торговлю.

Съ древнѣйшихъ временъ торопчане жили вблизи рубежей нѣсколькихъ русскихъ и литовскихъ земель и находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ ихъ обитателями, и потому изстари познакомились они съ сосѣдними областями и съ особенными условіями торговли въ нихъ. Торговля въ литовскихъ областяхъ особенно привлекала къ себѣ торопецкихъ торговцевъ и доставляла имъ наибольшія выгоды. Самыя чрезмѣрныя опасности и трудности, съ какими сопряжена была для иноземцевъ торговля въ Литвѣ, естественно приводили къ тому, что эта торговля могла сдѣлаться занятіемъ исключительно тѣхъ торговыхъ людей Московскаго государства, которые хорошо знали мѣстные литовскіе порядки и издавна освоились съ ними.

Къ тому же въ теченіе вѣковъ создались такія отношенія между Литвой и Московскимъ государствомъ, которыя постоянно возбуждали въ Московскомъ правительствѣ подозрительность и недовѣріе къ полякамъ и литовцамъ и заставляли его дѣлать торговлю съ ними какъ бы монополіей лишь немногихъ русскихъ купцовъ и въ томъ числѣ торопецкихъ торговыхъ людей. Московское правительство обыкновенно

дозволяло торговлю польскимъ и литовскимъ купцамъ лишь въ опредѣленныхъ порубежныхъ городахъ,—и ихъ для покупки и продажи товаровъ не допускали въ остальные города Московскаго государства ¹⁹⁵⁾. Вслѣдствіе этого для большинства русскихъ купцовъ дѣлалось невозможнымъ основательное знакомство съ литовскими потребителями и торговцами, съ ихъ запросами и торговыми приѣмами. Торговцамъ—евреямъ совсѣмъ былъ воспрещенъ приѣздъ въ Московское государство съ товарами. Даже въ пограничныхъ городахъ торговымъ людямъ на ярмаркахъ дозволялось торговать «съ Литвою, и съ Арменью, и съ греки, и со всякими купецкими людьми, опричь жидовъ». Брянскому воеводѣ наказомъ изъ Москвы (5 іюля 1642 года) предписывалось: «А жидовъ бы тебѣ однолично ни съ какими товары пропускати изъ-за рубежа не велѣти для того, что изстари николи жидове въ наше въ Московское государство ни въ которые города ни съ какими товары не вѣзживали, и впредъ бы еси ихъ потому жъ ни съ чѣмъ отнюдь изъ-за рубежа во Брянскъ и въ Брянской уѣздъ на Свинскую ярмонку никуда пропускать не велѣлъ» ¹⁹⁶⁾. Однако нѣтъ сомнѣнія, что евреи часто приѣзжали въ Торопецъ для торговаго промысла. И сами торопецкіе торговцы въ литовскихъ областяхъ постоянно поддерживали торговлю съ ними. Повидимому, торопчане очень дорожили приѣздомъ жидовъ въ Торопецъ, хотя и помѣщали ихъ на гостинномъ дворѣ—въ особой избѣ. Вѣроятно, торговля съ евреями, имѣвшими возможность—для продажи своихъ товаровъ и для покупки русскихъ—приѣзжать исключительно въ Торопецъ, доставляла торопчанамъ не мало выгоды ¹⁹⁷⁾.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе порубежнаго положенія города Торопца и вслѣдствіе особенныхъ исторически образовавшихся взаимныхъ

¹⁹⁵⁾ Указомъ 28 ноября 1672 года было дозволено приѣзжимъ съ товарами изъ-за литовскаго рубежа купецкимъ людямъ торговать въ Москвѣ, *до Ею Великаго Государя указу*, повольною торговлею, кромѣ заповѣдныхъ товаровъ,—табаку и вина (П. С. Зак. Р. И. № 536). Но здѣсь рѣчь идетъ, вѣроятно о какой-либо временной, исключительной мѣрѣ; только за мѣсяцъ до этого распоряженія подтверждалось, что «по договору тѣмъ торговымъ людямъ на Москвѣ торговать не велѣно, а торговать имъ въ порубежныхъ городѣхъ» (П. С. Зак. Р. И. № 532, 16 окт. 1672 года). «Будетъ литовскіе купцы учнутъ въ Торопецъ приѣзжать съ товары, опричь вина и табаку, и имъ велѣтъ торговать по прежнему твоему государеву указу... а къ Москвѣ и замосковные города ни съ какими товары изъ Торопца пропускать ихъ не велѣтъ»... (Польскія дѣла 1637 года, мартъ, № 1).

¹⁹⁶⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 205, лл. 177 и 178.

¹⁹⁷⁾ Польскія дѣла 1653 года, № 1, лл. 105 и 106.

отношеній Москвы и Литвы, торговыя сношенія между ними происходили исключительно при посредствѣ немногихъ торговцевъ, въ средѣ которыхъ весьма видное мѣсто занимали торопчане.

Торопецкіе торговцы были весьма способными и въ высшей степени ловкими людьми, пріобрѣтавшими большой навыкъ въ своемъ дѣлѣ. Они хорошо знали, гдѣ, кому, какой товаръ и въ какое время всего выгоднѣе продать. Они твердо помнили время различныхъ ярмарокъ и сообразно съ этимъ направляли свой торговый маршрутъ.

Торгуя и въ Литвѣ, и въ городахъ Московскаго государства, и въ своемъ Торопецкомъ уѣздѣ, они постоянно переѣзжали съ мѣста на мѣсто, съ одной ярмарки на другую, и вообще вели подвижную странствующую жизнь, полную всякаго рода опасностей и лишеній, и многіе изъ нихъ рѣдко жила въ Торопцѣ подолгу. Тѣ, которые торговали въ самомъ городѣ Торопцѣ, «сидѣли въ своихъ лавкахъ». Остальные, ведя странствующую жизнь, торговали вездѣ, гдѣ придется. Приходилось, впрочемъ, и этимъ торговцамъ во время кратковременнаго своего пребыванія на какой либо ярмаркѣ иногда нанимать лавку для болѣе выгодной и скорой распродажи своего товара ¹⁹⁸). Обыкновенно же они продавали и мѣняли свои товары въ литовскихъ и русскихъ городахъ на своихъ «подворьяхъ», на дворахъ своихъ знакомыхъ мѣстныхъ посадскихъ людей (дворниковъ), у которыхъ они и сами останавливались и товары свои складывали ¹⁹⁹).

Торопецкіе торговые люди знали, въ какомъ видѣ выгоднѣе всего сбыть свой товаръ, и на этомъ основаніи въ одномъ мѣстѣ продавали овчины и крашенину, а въ другомъ крашенинные кафтаны, епанчи, бараньи шубы и шапки и т. под. Собольи мѣха, — самый дорогой товаръ, — они «переправляли» и «изготовляли на литовскую руку». Привезя изъ Москвы въ Торопецъ нѣсколько сороковъ соболей, они, прежде чѣмъ вести ихъ на продажу въ Литву, предварительно «сороки разбивали для того, что готовили ихъ на литовскую руку, какъ бы ихъ продать», «сороки разбивали, и изъ соболей сѣдину выбирали, и совсѣмъ на литовскую руку готовили» ²⁰⁰).

¹⁹⁸) Дѣла Правит. Сената слѣдств. комиссій, книга 146/362, л. 18, дѣло № 493.

¹⁹⁹) также и на гостинѣхъ дворѣхъ москвичамъ пріѣзжимъ людямъ всякіе товары продавать оптомъ, а врознь никакихъ товаровъ на гостинѣхъ дворѣхъ не продавать» (Полное Собр. Законовъ Рос. Имп., № 771, 1679 годъ).

²⁰⁰) Сибирскаго приказа столбецъ № 260, лл. 145, 151, 152 и 156.

Жажда наживы въ торопчанахъ была сильно развита, и торговая прибыль была для нихъ выше всего. Они готовы были торговать со всякимъ, кто только могъ доставить имъ прибыль. Они сбывали свои товары и польскимъ гетманамъ, но не гнушались и послѣднихъ бѣдняковъ въ Литвѣ и въ Торопецкомъ уѣздѣ; торговали съ людьми всѣхъ національностей и религій и совершенно чужды были тѣмъ предразсудкамъ, которые заставляли московское правительство воспрепятствовать въ своихъ владѣніяхъ торговлю съ евреями.

Торопецкіе торговцы болѣе всего цѣнили деньги, стремились во что бы то ни стало къ наживѣ и доходили до того, что при всякомъ удобномъ случаѣ обнаруживали склонность къ обманамъ и ко всякимъ безчестнымъ уловкамъ въ торговлѣ. Одно только можно сказать въ ихъ защиту—это были пороки, общіе всѣмъ русскимъ торговцамъ той эпохи.

Съ другой стороны нельзя отрицать въ торопчанахъ смѣлости и предпримчивости въ ихъ торговой дѣятельности, качествъ, въ то время вообще рѣдко встрѣчавшихся въ русскихъ людяхъ. Они были смѣлыми, энергичными и предпримчивыми людьми, всю жизнь свою посвящавшими опасной, рискованной и неутомимой торговой дѣятельности. Представленные выше данныя о торговлѣ торопчанъ въ Литвѣ съ достаточною ясностью показываютъ, какимъ обидамъ и насиліямъ подвергались иногда торопецкіе торговцы во время ихъ торговыхъ поѣздокъ по литовскимъ областямъ, какъ часто уплачивали они всякіе незаконные лоборы, какъ по временамъ самые ихъ товары бывали разграбляемы, и какъ вообще мало была гарантирована ихъ личная и имущественная безопасность. Несмотря на это, увлекаемые жаждой наживы, они вездѣ появлялись, гдѣ только было можно разсчитывать на полученіе прибыли. Изстари развивалась въ нихъ торговая непосѣдливость, увлекавшая ихъ въ разныя стороны, далеко отъ Торопца. И вездѣ вдали отъ своего родного города, вдали отъ своихъ близкихъ и знакомыхъ людей, эти смѣлые и способные торговцы умѣли скоро приспособляться къ чужимъ людямъ и къ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Притомъ они вели свои дѣла вполнѣ самостоятельно, за свой личный страхъ, безъ всякой поддержки со стороны другихъ торговцевъ или близкихъ имъ людей, и очень часто при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ.

Въ своей торговой дѣятельности за рубежомъ, въ Литвѣ, торопчане были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, и потому могли безпрепятственно проявлять свою способность къ инициативѣ и къ самостоятельной дѣятельности. Въ этой сферѣ ихъ дѣятельности, кажется,

всего яснѣе проявлялись какъ личныя свойства характера отдѣльныхъ торопецкихъ торговцевъ, такъ и тѣ особенности характера, которыя вообще отличали торопчанъ отъ жителей другихъ русскихъ городовъ и составляли нѣчто особенное,—торопецкое,—не повторявшееся въ другихъ мѣстностяхъ.

Оканчивая обзорѣніе экономическаго быта въ Торопцѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Къ концу XV в. торопецкіе «городскіе люди» уже не занимались звѣроловствомъ и пчеловодствомъ, и мѣсто добывающей промышленности заступила промышленность сельскохозяйственная. Вслѣдъ затѣмъ и земледѣльство и скотоводство въ теченіе XVI и XVII столѣтія постепенно теряли свое прежнее значеніе, и на первый планъ мало-по-малу выдвигались занятія ремеслами и торговлей. Впрочемъ обрабатывающая промышленность и къ концу XVII вѣка не получила въ Торопцѣ значительнаго развитія, но зато торговая промышленность привлекла къ себѣ большую и притомъ лучшую часть торопецкаго городского населенія и достигла большихъ успѣховъ.

Въ теченіе XVI и XVII вѣковъ многіе изъ торопчанъ, между которыми были и богатые, и бѣдные, посвящали себя исключительно занятію торговымъ промысломъ. Они торговали въ Торопцѣ и въ различныхъ областяхъ Московскаго государства, торговали также и за границей, во многихъ городахъ Польско-литовскаго государства. Повсемѣстно покупали и продавали они самый разнообразный товаръ и были торговыми посредниками между жителями самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга областей: торговали съ русскими, съ поляками и литовцами, съ евреями и съ рижскими нѣмцами. Производя торговлю, торопчане прибѣгали къ обману и къ различнымъ безчестнымъ уловкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они, безспорно, были смѣлыми, способными и ловкими торговцами, выказывавшими, въ зависимости отъ исторической обстановки, при которой совершалась ихъ дѣятельность, особенную склонность къ торговлѣ иностранной. Однако какъ внутренняя, такъ и заграничная торопецкая торговля, несмотря на свое широкое распространеніе, производилась въ XVI и XVII вѣкахъ въ ограниченныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе вялости и медленности торговыхъ оборотовъ, недостаточности капиталовъ и незначительности кредита, а также вслѣдствіе насилій, притѣсненій и незаконныхъ поборовъ со стороны литовскихъ людей. Тѣмъ не менѣе торговая промышленность въ Торопцѣ понемногу развивалась и къ концу XVII вѣка сдѣлала значительные успѣхи.

Навыкъ къ заграничной торговлѣ, приобрѣтенный вѣками, въ соединеніи съ коммерческими способностями торопчанъ, далъ имъ возможность смѣло пойти на встрѣчу начинаніямъ Петра Великаго въ сферѣ торговой промышленности и затѣмъ въ лицѣ наиболѣе способныхъ и богатыхъ своихъ согражданъ принять самое дѣятельное участіе въ торговлѣ не только съ Петербургомъ, но и съ Кенигсбергомъ, Данцигомъ и другими нѣмецкими городами.

V. Общественный бытъ.

I.

Умственное и нравственное состояніе общества. Когда въ 1811 году понадобилось получить «вѣрное свѣденіе объ именахъ книгопродавцевъ и о книжныхъ лавкахъ» въ Псковской губерніи, то оказалось, что «въ городѣ Торопцѣ ни книгопродавцевъ, ни книжныхъ лавокъ вовсе не имѣется»; не имѣется ихъ и въ настоящее время ²⁰¹). Понятно, что въ старину всѣ условія внутренняго быта въ Торопцѣ были еще болѣе неблагоприятны для развитія *образованности*. Однако успѣхи просвѣщенія въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ должны были оказать какое-нибудь вліяніе на торопчанъ, и, безъ сомнѣнія, и въ XVI и XVII столѣтіяхъ книги бывали въ рукахъ торопецкихъ посадскихъ людей, и даже иногда сами воеводы для чтенія брали у нихъ книги. Это были большею частью книги духовнаго содержанія; попадались и такіе, которыя удовлетворяли суевѣрнымъ вкусамъ торопчанъ, такъ напримѣръ: «Разводъ костяной, и головной, и сердечной, и подошвенной»; «Вопрошеніе о 12 мѣсяцъ, иже имуть жизненный путь въ томъ числѣ»; «Гаданіе премудраго царя Соломона сына Давыдова»; «Глава о всякомъ дѣлѣ, сбудется ли или нѣтъ». Сверхъ того въ домахъ торопецкихъ помѣщиковъ и посадскихъ людей бывали иногда рукописныя «Новоуказныя статьи», а также, быть можетъ, списки съ Соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича, съ Судебника и торопецкой уставной грамоты. Но большее распространеніе, должно быть, имѣли сборники въ родѣ того, какой хранится въ библіотекѣ Торопецкаго собора (въ списокъ половины XVIII вѣка); въ немъ находятся: 1) служба Божіей Матери, совершавшаяся въ Торопцѣ во вторникъ Святой не-

²⁰¹) Журналы Тороп. Городской Думы за 1811 годъ (въ архивѣ Тороп. Думы).

дѣли, 2) сказаніе объ осадѣ Торопца литовскими людьми въ 1613 году и 3) выписки изъ Степенной книги, касающіяся Торопца²⁰²⁾. Во всякомъ случаѣ, книги, находившіяся въ то время въ Торопцѣ, были болѣею частью рукописныя и цѣнились дорого, и потому ихъ было мало.

Характеръ образованія всегда и вездѣ опредѣляется тѣми потребностями, которыми оно было вызвано къ существованію. Торопчане въ дѣлѣ образованія придерживались утилитарнаго направленія, и если кто изъ нихъ учился самъ или обучалъ своихъ дѣтей, то при этомъ имѣлъ въ виду исключительно свои торговые интересы и возможность доставить себѣ и своему семейству матеріальное благосостояніе и возможно-болѣе удобства жизни. Въ Торопцѣ въ XVI и XVII вѣкахъ училищъ не было, и книжное образованіе не сдѣлало тогда сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ. Тѣмъ не менѣе подписи на челобитныхъ XVII столѣтія показываютъ, что въ то время въ Торопцѣ было много грамотныхъ людей, и что нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли большой навыкъ въ письмѣ, особенно духовныя лица и зажиточные посадскіе люди. Подьячіе приказной избы и разные другіе дьячки, — почти всѣ торопчане по происхожденію, — были весьма искусны въ составленіи различныхъ дѣловыхъ бумагъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ многіе изъ торопчанъ для торговаго промысла часто посѣщали другіе города Московскаго государства, часто бывали и за рубежомъ его, но культурное вліяніе на торопчанъ ихъ сосѣдей — русскихъ, поляковъ, литовцевъ — не могло быть особенно значительнымъ. Сильное иноземное вліяніе замѣтно проявилось въ Торопцѣ лишь въ XVIII вѣкѣ, когда торопецкіе купцы начали посѣщать Данцигъ, Кенигсбергъ, Лейпцигъ и другіе нѣмецкіе города, когда нѣкоторые изъ нихъ даже стали посылать своихъ сыновей за границу для полученія тамъ образованія. Тѣмъ не менѣе и въ XVI, и въ XVII вѣкахъ постоянныя сношенія съ Литвой, Ригой, Новгородомъ и Москвой все-таки вызывали нѣкоторое оживленіе въ умственной жизни торопецкихъ торговыхъ людей. Уже самая тогдашняя ихъ торговая дѣятельность, требовавшая большой сообразительности и изворотливости, и знакомство съ обширнымъ кругомъ людей иныхъ національностей и различнаго общественнаго положенія, — неминуемо должны были въ значительной степени содѣйствовать ихъ умственному разви-

²⁰²⁾ См. выше стр. 104. Въ томъ же домѣ М. О. Лопатиной, кромѣ упомянутого выше рукописнаго сборника, хранятся рукописныя «Новоуказныя статьи».

тію. Въ то время многіе изъ торопчанъ обладали большими и разнообразными знаніями, но только не изъ книгъ почерпнутыми: обыкновенно ихъ любознательность пробуждалась и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялась тѣмъ, что они повсюду видѣли и слышали во время своихъ нескончаемыхъ торговыхъ странствованій.

II.

Жестокость и грубость нравовъ, господствовавшія въ Московскомъ государствѣ въ изучаемый періодъ времени, часто проявлялись и въ Торопцѣ. При приказной избѣ состояли палачи, или заплечные мастера, выбиравшіеся обыкновенно изъ среды мясниковъ. Торопецкіе воеводы, по предписаніямъ изъ Москвы, подвергали преступниковъ наказанію кнутомъ и батогами, при производствѣ слѣдствія пытали обвиняемыхъ; иногда, уже по собственному почину и изъ корыстныхъ побужденій, причиняли насилія и жестокія мученія и не преступникамъ. Такъ въ 1686 году воевода приказалъ посадить земскаго дьячка «въ измѣнничій стулъ» и привязать его «железомъ съ цѣпью» и затѣмъ «велѣлъ (его) волочь стрѣльцамъ отъ приказа до тюрьмы, и отъ того волоченья горло ему перерѣзали, и оттого онъ лежалъ при смерти» ²⁰³).

Примѣру воеводъ иногда слѣдовали и выборные земскіе старосты. 19 іюня 1644 года посадскій человекъ Давыдъ Борзой «въ челобитѣхъ своемъ сказалъ: сего жъ де числа били его передъ земской избой батогами, снемъ рубаху, нагого и батоги изломали трон и четверы; и онъ, Иванъ (земскій староста) самъ меня топталъ скобамъ (пинками). А бить меня нанимали батогами палача Кирюшку, и тотъ палачъ меня съ земскими приставами, самъ четверть, забили до смерти и, замертво меня бивъ и мучивъ, приковали въ земской избѣ къ стѣнѣ» (по словамъ палача, «били одну перемѣну, а батоги не изломали») ²⁰⁴).

Подражая воеводамъ и земскимъ старостамъ, и низшіе служители при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей обнаруживали гру-

²⁰³) Приказнаго стола столбецъ № 1182.

²⁰⁴) Новгородскаго стола столбецъ № 277. Этотъ самый Давыдъ Борзой былъ въ числѣ тѣхъ торопецкихъ посадскихъ людей (4 человека), которые въ 1650 году «изъ Пскова выѣзжали и выходили и бились съ Государевыми людьми»; впоследствии онъ былъ приговоренъ (25 апрѣля 1652 года) за участіе въ мятежѣ къ ссылкѣ съ женой и дѣтьми въ Козловъ на вѣчное житье и устроенъ въ казачью службу (Преображ. приказа столбецъ № 60, лл. 145—155).

бость и жестокость. Въ 1669 году на гостинѣмъ дворѣ караульнымъ стрѣлецъ, Степанъ Медвѣдъ, «вземъ поперекъ» прїѣхавшаго изъ литовской стороны торговца, могилевскаго мѣщанина Дмитрія Ѳедорова, ударилъ его объ лаханю и носъ ему перебилъ»; черезъ нѣсколько дней торговый иноземецъ умеръ. Стрѣлецъ съ пытки говорилъ, что совершилъ преступленіе «пьянскимъ обычаемъ, а не умысломъ». Просидѣвши болѣе двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ, онъ былъ «битъ кнутомъ на козлѣ и данъ на чистыя статейныя поруки съ записью», а затѣмъ вновь былъ зачисленъ въ стрѣльцы ²⁰⁵).

Умноженію проявленій грубости и жестокости много содѣйствовало сильно распространенное въ Торопцѣ пьянство. Уставная грамота 1590 года позволяла всѣмъ торопецкимъ посадскимъ людямъ держать вино для себя, а не на продажу. Въ XVII вѣкѣ торопчане очень дорожили возможностью покупать вино по дешевой цѣнѣ или самимъ курить вино и варить пиво. Но обыкновенно это дозволялось жалованными грамотами лишь отдѣльнымъ лицамъ, какъ награда за особыя заслуги. На основаніи прихода-расходныхъ книгъ торопецкаго кружечнаго двора второй половины XVII вѣка можно сдѣлать заключеніе, что вино и пиво въ то время потреблялось въ Торопцѣ въ очень большомъ количествѣ. Вѣроятно, то же было и раньше. Къ тому же въ Торопцѣ была распространена незаконная тайная торговля виномъ. Нельзя удивляться поэтому, если не только караульные, но иногда и сами заключенные въ тюрьмѣ напивались пьяными. 13 іюня 1783 года въ общемъ засѣданіи членовъ Уѣзднаго Суда и Городового Магистрата на очныхъ ставкахъ купцовъ и мѣщанъ «усмотрѣно, что нѣкоторые приведены были изъ-подъ стражи пьяные и дѣлали непристойныя поступки таковыя, что до изысканія справедливости дойти было не можно» ²⁰⁶).

Тѣмъ не менѣе уголовныя преступленія совершались въ Торопцѣ рѣдко. Жестокія наказанія преступниковъ по предписаніямъ московскаго правительства, насильственные и жестокіе поступки воеводъ и земскихъ старостъ, безчинства и насилія военныхъ людей, проходившихъ чрезъ Торопецкій уѣздъ,—конечно, въ извѣстной степени содѣйствовали огрубѣнію нравовъ и укорененію жестокости во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ слоевъ торопецкаго городского и уѣзднаго населенія. Но хотя и обвинялись иногда посадскіе люди и крестьяне «въ бою

²⁰⁵) Польскія дѣла 1669 года. № 1; Польскія дѣла 1671 года, № 1.

²⁰⁶) Дѣла Торопецкаго Уѣзднаго Суда, по описи 2-й вязки 2-ая, дѣло № 48. Ср. Приказнаго стола столбцы №№ 1025 и 1182 (1676 и 1690 годы).

и грабежѣ», въ убійствѣ помѣщиковъ, въ «вымученныхъ крестахъ и платьяхъ» и т. под., однако рѣдкія упоминанія о преступленіяхъ этого рода позволяютъ думать, что проявленіе жестокости было въ Торопцѣ явленіемъ рѣдкимъ и мало распространеннымъ ²⁰⁷⁾).

III.

Грубые и жестокіе нравы той эпохи въ значительной степени смягчались подъ воздѣйствіемъ благочестія торопчанъ и тѣхъ добрыхъ чувствъ, которыя влекли ихъ къ дѣламъ милосердія и благотворенія. Смягченію нравовъ много способствовали и тѣ добрыя чувства и сердечныя привязанности, которыя зарождались въ кругу ихъ семейной жизни.

Въ домашней жизни господствовали тогда *строгіе семейные нравы и прочныя родственныя привязанности*. Большое значеніе торопчане придавали даже тому, чтобъ быть погребенными тамъ же, гдѣ погребены ихъ предки, т. е. въ тѣхъ же самыхъ церквахъ или около нихъ, на кладбищахъ около церкви, тамъ же, гдѣ были похоронены ихъ родители. Въ XVIII столѣтіи, когда въ Торопцѣ покойниковъ хоронили уже на кладбищахъ, расположенныхъ на окраинахъ города, и тогда торопчане желали быть погребенными непременно «при родителяхъ своихъ» ²⁰⁸⁾. Свободолюбивые и склонные къ самостоятельности торопчане, вслѣдствіе своихъ воззрѣній на строй семейной жизни, обыкновенно покорно подчинялись господству въ семьѣ домовладыки и мирились съ деспотическою властью отца надъ сыномъ, мужа надъ женой. Въ крайнемъ случаѣ враждебныя столкновенія между членами семьи устранились легкою возможностью семейныхъ раздѣловъ. Конечно, и въ Торопцѣ дѣло иногда не обходилось безъ семейныхъ ссоръ и раздоровъ; но они рѣдко нарушали тихую, безмятежную домашнюю жизнь торопчанина и большею частью проявлялись тогда, когда въ семьѣ

²⁰⁷⁾ Книга записная суднымъ дѣламъ 157—159 годовъ (Десятенъ книга 283, лл. 25—36).

²⁰⁸⁾ ... Пишу сей мой духовный завѣтъ въ цѣломъ своемъ умѣ и памяти, опасаясь смертнаго часа въ томъ, что аще Господь Вседержитель сошлетъ по душе мою грѣшную, то приказываю тѣло мое грѣшное погребсти отцу моему духовному градской Благовѣщенія Пресв. Богородицы церкви священноіерею Василью Иванову Воскебойникову — при родителяхъ моихъ, на горѣ Востаніи»... (Дѣла Торопецкаго Уѣзднаго Суда, по описи 1-й вязка 3-я, книга № 70, 1782 годъ). См. также приложение V-е.

появлялась мачеха ²⁰⁹⁾. Приниженность и нѣкоторая условность во взаимныхъ отношеніяхъ между родственниками, повидимому, не ослабляли ихъ привязанности другъ къ другу. Вотъ грамотка торопчанина лучшаго посадскаго человѣка къ брату. «Государю моему, брату Андрею Алексѣвичу, изъ Витебска братъ твой Михалка много челомъ бью. Какъ тебя, Государя моего, Богъ милуетъ? А про меня изволишь вѣдать, и я у Витебскѣ мѣсяца апрѣля по 9, далъ Богъ, живъ, а впредь уповаю на милость Божию. А я, братецъ, товаришку ничего не продалъ, поволокуся далѣ; а хотѣлъ къ Вильнѣ... «А потомъ тобѣ, Государю своему, мало пишу, а много челомъ бью» ²¹⁰⁾.

Еще болѣе благотворное вліяніе на смягченіе характера торопчанъ имѣло сильно развитое въ нихъ *религіозное чувство*. Оно находило себѣ внѣшнее выраженіе прежде всего въ частыхъ посѣщеніяхъ церковныхъ службъ и въ пожертвованіяхъ въ пользу церквей. Старинные торопецкіе мужской и женскій монастыри въ XVI столѣтіи были переполнены, и вновь были учреждены 2 монастыря—Кудинъ и Небинъ. Вообще въ XVI и въ XVII вѣкахъ торопчане выказывали особенное расположеніе давать средства на построеніе церквей, на поддержаніе и украшеніе собора, приходскихъ церквей и монастырей, на содержаніе церковныхъ причтовъ, монаховъ и монахинь. Такія пожертвованія они считали наиболѣе богоугодными. Быть можетъ, что такой взглядъ сложился подъ сильнымъ вліяніемъ наиболѣе замѣчательныхъ людей изъ монашеской среды. Причисленіе Харитона, основателя Кудина монастыря, къ числу мѣстнотимыхъ святыхъ, устроеніе въ 1708 г. въ Кудинской церкви придѣла во имя Харитона Исповѣдника, крестный ходъ въ Кудино, и теперь совершаемый 28 сентября ²¹¹⁾,—все это во всякомъ случаѣ предполагаетъ не одни аскетическіе подвиги кудинскаго пустыножителя: вѣроятно, сильно поразили воображеніе торопчанъ какія-либо особенныя дѣянія, совершенныя имъ за предѣлами его «пустынки». Лѣтописное извѣстіе о томъ, что въ 1566 году въ Торопцѣ отъ чумы умерли всѣ священники, и некому было хоронить мертвыхъ, быть можетъ, указываетъ на какіе-либо выдающіеся

²⁰⁹⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., кн. 154, л. 4, 1669 г. Мать, сдѣлавшись вдовой, пріобрѣтала вмѣстѣ съ тѣмъ особенное вліяніе въ семейныхъ дѣлахъ: очень часто на нее переносились уваженіе и власть, которыми до того пользовался отецъ семейства.

²¹⁰⁾ Польскія дѣла 1653 года, № 1, л. 243. (См. также приложение V-е.

²¹¹⁾ Устроить придѣлъ во имя самого Харитона Кудинскаго было нельзя, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу лишь мѣстнотимыхъ святыхъ русской церкви.

нравственные подвиги людей, принадлежавшихъ къ торопецкому бѣлому и черному духовенству, подвиги, быть можетъ, внушенные имъ непосредственно самимъ Харитономъ. Основаніе послѣ того новаго четвертаго монастыря—Небина—указываетъ на возраставшее въ Торопцѣ уваженіе къ монахамъ и монашеской жизни.

Однако не слѣдуетъ преувеличивать вліяніе духовенства на торопчанъ: относясь съ благоговѣйнымъ чувствомъ къ церквамъ, къ церковной службѣ, къ исполненію религіозныхъ обрядовъ, торопчане, когда затрогивались ихъ матеріальные интересы, относились къ священнослужителямъ недружелюбно и непочтительно (см. выше стр. 162—163). Личность священника не всегда внушала имъ уваженіе, такъ такъ нравы торопецкаго духовенства не были безупречны. Одинъ торопецкій священникъ, напримѣръ, «повинился» «въ колокольной кражѣ, что онъ покралъ съ Архангельской и съ Ильинской колокольни». Старецъ Кудина монастыря Іона былъ переведенъ въ другой монастырь «за безчинство»²¹²⁾ и т. под.

Благочестивое настроеніе торопчанъ находило себѣ виѣшнее выраженіе не только въ частыхъ посѣщеніяхъ храмовъ и пожертвованіяхъ въ ихъ пользу; *состраданіе къ ближнимъ и помощь неимущимъ* имѣли своимъ источникомъ также ихъ религіозное чувство. Торопчанъ къ благотворительности больше всего склонялъ ихъ взглядъ на обязанности христіанина, подъ вліяніемъ котораго между прочимъ выработалась и получила широкое распространеніе между ними привычка подавать милостыню; оказаніе помощи неимущимъ для многихъ изъ нихъ сдѣлалось сердечною потребностью.

Число людей, жившихъ подаваніемъ, обыкновенно бывало значительнымъ въ Торопцѣ лишь послѣ какихъ-либо общественныхъ бѣдствій: морового повѣтрія, непріятельскихъ нашествій и въ особенности послѣ большихъ пожаровъ. Въ XVI столѣтіи жители города Торопца, повидимому, пользовались относительно бѣльшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Въ Смутную же эпоху многіе изъ нихъ совсѣмъ обѣднѣли и, не имѣя никакихъ занятій, принуждены были «бродить межъ дворъ и кормиться Христовымъ именемъ». И послѣ Смуты одновременно съ развитіемъ и расширеніемъ торговой дѣятельности «лучшихъ посадскихъ людей» и умноженіемъ зажиточныхъ людей въ Торопцѣ увеличивалось и число бѣдняковъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни, и вообще все болѣе и болѣе обнаруживалось весьма значи-

²¹²⁾ См. книгу записную суднымъ дѣламъ 157—159 годовъ въ 283 книгѣ Десятевъ, л. 25 и 36. Дѣла Печатнаго приказа попл., книга 100, л. 225.

тельное различіе въ имущественномъ положеніи посадскихъ людей. Число нищихъ въ особенности возросло къ началу XVIII вѣка: въ 1710 году число посадскихъ людей, которые за скудостію тягла не платили и кормились Христовымъ именемъ, доходило до 153 человекъ мужского пола, не считая 63 человекъ посадскихъ людей, которые «отъ многихъ служебъ, и тягла, и платежей, и отъ недорода хлѣбнаго, съ женами и дѣтьми изъ Торопца разбрелись врознь» ²¹³⁾.

Въ 1540 году,—когда бѣдняковъ въ Торопцѣ было немного,—около нѣкоторыхъ изъ приходскихъ церквей было размѣщено 18 келій, въ которыхъ жило 18 старцевъ, призрѣвавшихъ на средства прихожанъ («питаются отъ міру»). Кромѣ того на посадѣ находилось еще «три кельи богадѣльныхъ» ²¹⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ самой обычной и повседневной формой благотворительности, въ которой принимали участіе торопчане всѣхъ состояній, была подача хлѣба просившимъ милостыню. Нищіе, иногда съ женами и дѣтьми, бродили по городу и, останавливаясь подъ окнами избъ, выпрашивали себѣ Христовымъ именемъ подаваніе ²¹⁵⁾. Богатые люди имѣли возможность и инымъ способомъ «многихъ бѣдныхъ людей поить и кормить». И въ настоящее время въ Торопцѣ не исчезъ совсѣмъ старинный русскій обычай въ извѣстные дни, по различнымъ поводамъ, созывать къ себѣ бѣдняковъ и угощать ихъ: на дворѣ разставляются столы, жена и дочери богатаго хозяина сами прислуживаютъ своимъ неимущимъ гостямъ и подаютъ имъ кушанья. По словамъ всегородной торопецкой челобитной 1641-го года, Ѳ. Чирьевъ «многихъ мелкихъ людей поилъ и кормилъ, и обувалъ, и одѣвалъ, и хлѣбомъ, и деньгами и ратнымъ оружіемъ до торопецкаго пожарнаго разоренья (до 1634-го года) ссужалъ, и многую доброту въ городѣ многимъ людемъ чинилъ» ²¹⁶⁾.

Своими пожертвованіями на построеніе церквей и на поддержаніе ихъ благолѣпіемъ, своею благотворительностью въ широкихъ размѣрахъ—богачи выдвигались изъ сплошной массы городского населенія, приобретали всеобщее уваженіе и занимали преобладающее положеніе не только въ средѣ прихожанъ извѣстной церкви, но и во всемъ го-

²¹³⁾ Переписная книга № 8181 (въ М. Арх. М. Юстиціи).

²¹⁴⁾ Писцовая книга 1540—41 гг., лл. 14 и 15.

²¹⁵⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 58, л. 415: «съ женишкомъ и съ дѣтишками брожу подъ окны, да и просить милостыни не у кого: посадъ весь стогрѣлъ и острогъ безъ остатку, а въ городѣ насъ бѣдныхъ умножело, рѣдкому кто и кусъ хлѣба подастъ».

²¹⁶⁾ Приказныя дѣла 25 іюля 1646—17 апрѣля 1647-го года, № 59.

родскомъ обществѣ. Всегородныя челобитныя (за Чирьева и Веригина) показываютъ, что торопчане умѣли цѣнить тѣхъ людей, которые въ тяжкіе дни «осадной нужи» или «хлѣбной дорогови» «многую доброту въ городѣ многимъ людямъ чинили». Проявленіе въ различныхъ видахъ «доброты» по отношенію къ своимъ ближнимъ очень высоко цѣнили торопчане, и «многую доброту» они считали высшимъ достоинствомъ человѣка; желая выразить кому-нибудь особенную похвалу, они говорили: «онъ человѣкъ доброй». Это выраженіе употреблялось и въ ходайствахъ и вообще во всѣхъ случаяхъ, когда нужно было кого-либо аттестовать съ хорошей стороны, «одобрить».

Итакъ, лучшая, выдѣлявшаяся изъ сплошной массы, часть торопецкаго посадскаго населенія состояла изъ людей смѣлыхъ и предприимчивыхъ, отличавшихся умомъ и разнообразными практическими знаніями. Но недостатокъ просвѣщенія даже и въ нихъ сказывался въ нѣкоторой грубости ихъ характера и въ ихъ торговой недобросовѣстности. Впрочемъ во всей массѣ городского населенія жестокость и грубые нравы въ извѣстной степени смягчались подъ вліяніемъ взглядовъ торопчанъ на обязанности христіанина, направлявшихъ ихъ на путь благотворительности и состраданія къ ближнимъ.

IV.

Общественная жизнь. Общественная жизнь въ городѣ Торопцѣ въ XVI и XVII вѣкахъ получила большее развитіе, чѣмъ въ большей части городовъ Московскаго государства. Этому содѣйствовали историческое прошлое города Торопца, его положеніе на рубежѣ Польско-литовскаго государства и постоянныя сношенія его жителей съ горожанами западно-русскихъ областей, гдѣ общественная городская жизнь въ то время, безспорно, проявляла большое оживленіе.

Общественная дѣятельность торопецкихъ посадскихъ людей въ то время сосредоточивалась въ земской избѣ и на торговой площади. Посадскіе люди представляли изъ себя общество людей, имѣвшихъ не только общіе хозяйственные интересы, но очень часто и свой собственный судъ и отдѣльное управленіе и свои исключительныя права. Самоуправленіе, свой собственный мірской судъ, частыя мірскія сходки (суймы) сближали ихъ, заставляли жить общою жизнью и неминуемо завязывали между ними крѣпкія общественныя связи и сливали ихъ въ отдѣльную корпорацію. Но еще тѣснѣе сближала ихъ необходи-

мость сообща тянуть тягло и самимъ распредѣлять между собой всѣ подати и повинности ²¹⁷⁾).

Торговый обмѣнъ привозными товарами и произведеніями ихъ личнаго труда и разныя другія дѣловыя сношенія другъ съ другомъ еще болѣе распространяли и укрѣпляли общественныя связи. На этомъ поприщѣ точно такъ же, какъ и при распредѣленіи между собой податей и повинностей, посадскіе люди чаще всего сближались и сталкивались между собой, такъ какъ экономическіе вопросы въ то время почти исключительно поглощали ихъ вниманіе, и главнымъ стимуломъ ихъ дѣятельности было приобрѣтеніе средствъ для своего прокормленія и для уплаты податей. Всѣ выше указанныя стороны общественной дѣятельности посадскихъ людей имѣли въ ихъ жизни самое существенное значеніе.

Не въ одной только жизни торопецкаго «міра» проявлялась общественная дѣятельность посадскихъ людей: она проявлялась даже въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ церковныхъ приходовъ. Избраніе священниковъ и церковныхъ старостъ, завѣдываніе церковнымъ имуществомъ, помощь неимущимъ членамъ приходской общины, устройство храмовыхъ праздниковъ—все это дѣлало неизбѣжными частыя собранія въ церквахъ прихожанъ и ихъ совмѣстную дѣятельность.

Кромѣ того въ храмахъ бывали многолюдныя собранія въ часы богослуженій. Особенное оживленіе замѣчалось утромъ въ праздничные дни, когда почти все городское населеніе, по своеобразному звону колоколовъ, направлялось въ храмы. Въ церкви торопчанъ и торопча-нокъ влекло не одно религіозное чувство: церковное благолѣпіе и гнѣвіе доставляли имъ большое эстетическое удовольствіе; многихъ изъ нихъ въ церкви привлекало желаніе встрѣтиться съ родными и знакомыми,

V.

Въ распредѣленіи податей и повинностей, въ дѣлѣ самоуправленія и самосуда, въ завѣдываніи приходскими дѣлами участвовали лишь старшіе члены семействъ; но въ томъ или другомъ видѣ въ общественной жизни принимало нѣкоторое участіе все городское населеніе, мужчины и женщины. Торопецкая молодежь находила возможность удовлетворять требованіямъ своего веселаго характера и своей страсти къ

²¹⁷⁾ Сказанное выше о мірскомъ самоуправленіи и о податяхъ и повинностяхъ избавляетъ отъ необходимости вдаваться въ дальнѣйшія подробности.

разнымъ игрищамъ и гульбѣ, несмотря на вообще существовавшее въ ихъ городѣ молитвенное настроеніе жителей, несмотря на частыя посѣщенія ими церквей, строгое соблюденіе постовъ, обиліе цѣнныхъ иконъ въ ихъ домахъ, счетъ времени по церковнымъ службамъ и по колокольному звону и т. под. Въ дни мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ всегда бывали *гулянья около церквей*, въ которыхъ участвовали всѣ прихожане,—и мужчины, и женщины, и дѣти,—и много гостей. Мало того, многіе изъ совсѣмъ постороннихъ лицъ отправлялись «для прогулки» въ ту улицу, гдѣ былъ храмовой праздникъ. Холостые мужчины, «по случаю тамо праздничнаго дня, находились во все ночное время въ той улицѣ»..... «у сидящихъ предъ домами разныхъ обывателей на улицѣ дѣвицъ». Самымъ главнымъ и всеобщимъ народнымъ празднествомъ въ Торопцѣ было *гулянье въ рощахъ* около «горы Во-станіи». Въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ четверга послѣ Троицына дня и до понедѣльника включительно, почти все городское населеніе,—мужчины и женщины, старики, молодые и дѣти,—проводило ежедневно нѣсколько часовъ въ толпѣ гуляющихъ; на каждомъ шагу встрѣчали они своихъ знакомыхъ, одѣтыхъ въ самыя богатыя и нарядныя одежды, и съ любопытствомъ разсматривали людей въ странныхъ, большею частью забавныхъ, костюмахъ, въ маскахъ или «съ намазанными лицами». Пѣсни, пляски, кулачный бой и разныя другія потѣхи очень забавляли всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ гуляньѣ (см. выше стр. 86—90).

Торговцы, конечно, пользовались случаемъ поторговать на гуляньяхъ около церквей и въ рощахъ различными лакомствами. Отовсюду стекавшіеся *скоморохи* здѣсь имѣли возможность показать свое искусство передъ самымъ разнообразнымъ и многочисленнымъ собраніемъ людей. Ихъ занятіе было, очевидно, прибыльнымъ. Въ 1540 году изъ 597 человѣкъ тяглыхъ людей шестеро были скоморохами. Они въ писцовой книгѣ не названы по отчеству (Власко, Гулайко, Истомка, Перелайко, Ушачко и Игнатко Ноугородецъ Быкъ), но, безъ сомнѣнія, не принадлежали къ числу бѣдняковъ: трое изъ нихъ имѣли свои собственные дворы, одинъ владѣлъ дворомъ совмѣстно съ другими (шабрами), остальные двое жили на чужихъ дворахъ, но всѣ шестеро жили въ отдѣльныхъ избахъ. Непристойныя пѣсни, пляски и «дѣйства» скомороховъ, надѣвавшихъ на себя маски и скоморошное платье, должно быть, вполне удовлетворяли тогдашнимъ грубымъ вкусамъ, и очевидно, очень нравились торопчанамъ; по крайней мѣрѣ въ дни «гулянья въ рощахъ» многіе изъ нихъ сами уподоблялись скоморохамъ. Между прочимъ очень потѣшались торопчане и представленіями выученныхъ

медвѣдей, которыхъ скоморохи водили на цѣпи и держали въ Торопцѣ на своихъ дворахъ ²¹⁸⁾.

Ведшія свое начало отъ языческой старины игрища — *субботки, посидѣлки и танцы* (см. выше стр. 86—88)—въ XVI и XVII вѣкахъ уже превратились въ обыкновенныя забавы, которыми въ свободное время развлекались дѣвушки и холостые мужчины. Но эти развлечения во всякомъ случаѣ имѣли немалое значеніе въ ихъ жизни; они доставляли имъ много удовольствія и были для нихъ особенно привлекательны.

Осенью, когда субботки еще не начинались, торопчанки посѣщали свадьбы и дѣвичники. Въ XVIII столѣтіи очень часто на дѣвичникахъ, послѣ «вечернаго обѣда», къ гостямъ присоединялись и незваные дѣвушки и холостые мужчины въ качествѣ зрителей и слушателей пѣсенъ; часто «для смотрѣнія дѣвичника» приходили и замужнія женщины въ сопровожденіи своихъ мужей. Случалось, что торопчане и торопчанки, побывавъ въ гостяхъ, на пиру, у своихъ родныхъ или знакомыхъ, послѣ «ужины», «въ ночномъ уже времени», отправлялись на дѣвичники сначала въ одинъ домъ, потомъ въ другой и такимъ образомъ проводили почти цѣлую ночь. Съ дѣвичника иногда дѣвушекъ провожали до ихъ домовъ знакомые холостые мужчины; тогда не считалось предосудительнымъ, если дѣвушка, пришедши ночью домой, продолжала бесѣду съ своимъ провожатымъ у себя на дворѣ въ теченіе получаса и болѣе.

Особенно важное значеніе въ жизни торопецкой молодежи—имѣло *гулянье по улицамъ* ²¹⁹⁾. Весьма оживленную картину предста-

²¹⁸⁾ Когда (въ 1580 году), при приближеніи къ Торопцу войскъ Стефана Баторія, торопчане сами сожгли свой посадъ и укрылись за городскими стѣнами, какой-то скоморохъ, не осмѣлившись взять съ собой въ переполненный народомъ «городъ» своего ручного медвѣдя, оставилъ его на своемъ дворѣ, въ амбарѣ. Отъ пожара уцѣлѣло нѣсколько изъбъ. И вотъ, по словамъ Луки Дзялынскаго, какой-то гайдукъ «венгерецъ, ища добычи, забрался одинъ въ темный амбаръ и нашелъ тамъ большого медвѣдя, котораго водили на цѣпи; думая, что это лошадь, онъ хотѣлъ его вывести; вдругъ медвѣдь поднялъ его подъ себя и началъ ломать, а тотъ кричать; наши (поляки) думая, что тамъ русскіе бьютъ кого-либо, кинулись на помощь и убили медвѣдя (Дневникъ Луки Дзялынскаго въ Читеніяхъ Общества исторіи и древност. русскій, 1897 г., кн. 1).

²¹⁹⁾ Подробныя свѣденія о «гуляньѣ по улицамъ» находятся въ судебныхъ дѣлахъ уже XVIII столѣтія. См. дѣла Торопецкаго Уѣзднаго Суда, по 2-й описи вязка 2-ая, дѣло № 48, 1783 годъ: Дѣла торопецкаго уѣзднаго стряпчаго, по 4-ой описи вязка 2-я, дѣло № 41.

влять городъ Торопецъ лѣтомъ въ вечернюю пору. Люди, принадлежавшіе къ высшему торопецкому обществу, «прогуливались» преимущественно «на Большомъ мосту, что съ посада въ городъ чрезъ рѣку Торопу», откуда открывался прелестный видъ на рѣку Торопу и озеро Соломено. Остальные городскіе жители имѣли обыкновеніе проводить лѣтніе вечера на улицѣ, вблизи своихъ домовъ. Кто изъ нихъ часу въ одиннадцатомъ выходилъ на улицу, уже находилъ тамъ много своихъ знакомыхъ; собравшіеся вмѣстѣ на улицѣ сосѣди, иногда далеко за полночь, «имѣли разные шуточные разговоры».

Однако молодые люди не оставались долго въ этомъ обществѣ: имъ въ лѣтнюю пору было полное раздолье для гулянья. Лѣтомъ въ Торопцѣ, вечеромъ и ночью, всегда можно было встрѣтить тамъ и самыя отдѣльныя группы дѣвушекъ, собравшихся на улицѣ, «возлѣ воротъ». Обычай дѣвушекъ собираться «на улицѣ для препровожденія времени» имѣлъ самое широкое распространеніе, и даже дѣвушки, принадлежавшія къ самымъ богатымъ купеческимъ семействамъ, лѣтомъ проводили («продолжали») время, иногда «до самаго свѣта», съ холостыми мужчинами «на улицѣ предъ воротами». Обыкновенно отецъ (или мать) дѣвушки, быть можетъ, по очереди съ своими знакомыми, приглашалъ къ себѣ въ гости подругъ своей дочери ²²⁰). «Дѣвицы», находившіяся въ его домѣ по его приглашенію («по зву»), «съ вечера», часу въ 10-мъ, а иногда и въ 12-мъ, выходили всѣ вмѣстѣ на улицу и стояли, иногда развлекаясь пѣснями, вблизи того дома, гдѣ передъ тѣмъ онѣ были въ гостяхъ.

Молодые мужчины, — по большей части нѣсколько человекъ вмѣстѣ, — отправлялись вечеромъ «для прогулки» по городскимъ улицамъ часу въ 10-мъ, 11-мъ или 12-мъ. Увидя «играющихъ пѣсни дѣвицъ», они подходили къ нимъ «неинаково какъ по молодости своей, для препровожденія съ ними времени», и, побывши съ дѣвушками недолго «при разныхъ нашихъ разговорахъ», продолжали свою прогулку по городу и переходили отъ одной группы дѣвушекъ къ другой. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, отдѣлившись отъ своихъ товарищей, оставались на одномъ мѣстѣ съ дѣвушками «до самаго свѣта».

Молодые торопчане ходили «для гулянья по улицамъ», «къ дѣвкамъ для гулянья», и въ тѣ улицы, гдѣ жили бѣдняки. Въ домахъ бѣдныхъ людей бывали такія же сборища дѣвушекъ, какъ и въ домахъ зажиточныхъ людей. Молодые торопчане во время своей прогулки под-

²²⁰) «По случаю имѣющей у меня дочери дѣвицы, запрошены были мною въ домъ мой здѣшнія купецкія дочери дѣвицы»...

ходили къ тѣмъ домамъ, «гдѣ были въ гостяхъ дѣвки», и стояли «подъ окномъ у дѣвокъ». Но обыкновенно дѣвушки сидѣли на улицѣ передъ избами или стояли возлѣ воротъ. Гулявшіе молодые люди иногда «до самаго свѣта» «стояли на воротахъ съ дѣвками», но чаще они, недолго «постоявъ съ дѣвками» возлѣ воротъ, продолжали свое блужданіе по улицамъ. Случалось, напримѣръ, что, побывавши «въ Бѣганьщицѣхъ улицѣхъ у дѣвокъ», подъ конецъ своего гулянья они приходили «обратно въ Бѣганьщину и въ другой разъ у тѣхъ дѣвокъ были».

По словамъ городничаго Талаева, въ Торопцѣ «въ вечернее и ночное время по улицамъ почти ежедневно происходилъ крикъ и вопль отъ поющихъ празднующимися пѣсень» ²²¹⁾. И неудивительно: «въ хожденіи своемъ въ ночномъ времени» торопчане иногда посѣщали кабаки и затѣмъ, расхаживая по улицамъ, не только во все горло пѣли пѣсни, но даже затѣвали драки, такъ что съ нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось брать подписки, чтобъ имъ «отнынѣ ни подъ какимъ видомъ въ празднотаніи въ ночное время не находиться» ²²²⁾...

VI.

Несмотря на довольно значительное развитіе общественной жизни въ Торопцѣ и вообще общительный характеръ торопчанъ, обычай ходить въ гости въ XVI и XVII вѣкахъ, повидимому, не имѣлъ частаго примѣненія. Торопецкіе воеводы ѣздили въ уѣздъ въ гости къ дворянамъ верстъ за 20, за 30 и дальше. Они ѣздили въ «коретахъ» въ сопровожденіи своихъ слугъ (людей); которые ѣхали верхомъ (1686 г.). Понятно, что и у воеводъ, въ свою очередь, торопецкіе и холмскіе помѣщики бывали въ гостяхъ, и воеводы для нихъ устраивали *пиры*. Случалось, что воевода къ себѣ на пиръ приглашалъ (созывалъ) земскаго старосту и лучшихъ посадскихъ людей; быть можетъ, это дѣлалось съ цѣлью получить отъ своихъ гостей подарки или съ цѣлью

²²¹⁾ Дѣла Торопецкаго Городового Магистрата, по описи 2-ой—вязка 2-ая, 1793 годъ.

²²²⁾ Существовала въ Торопцѣ, какъ исключительное, рѣдкое явленіе, игра въ зернь, но этой страсти предавались лишь совсѣмъ потерянные люди. Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 72, л. 250: «Борись Ждановъ по допросу сказалъ про сына своего про Григорія, что учалъ де тотъ сынъ его Гришка давно пить и зерню играть и съ нимъ не учалъ жить: ни въ чемъ не слушаетъ»... «а того сына Гришки въ Торопцѣ нѣтъ: безъ вѣсти изгубъ»... (1630 годъ).

вынудить ихъ сдѣлать что-нибудь для него выгодное. Однажды торопецкій воевода послѣ пира приказалъ одному изъ подьячихъ приказной избы предложить земскому старостѣ подписать челобитную, «чтобъ его, воеводу, одобрить». Когда земскій староста не исполнилъ этого требованія, то воевода велѣлъ подьячему его «за бороду драть и ножъ вымалъ и хотѣлъ изрѣзать» ²²³⁾. Конечно, и наиболѣе зажиточные изъ посадскихъ людей («лучшіе люди»), составлявшіе изъ себя кружокъ наиболѣе вліятельныхъ въ городѣ людей, также устраивали пиры и ходили другъ къ другу въ гости; по выраженію одного изъ торопчанъ, были «всѣ они друзья, и родственники, и хлѣбоясцы» ²²⁴⁾. Люди же посредственнаго состоянія, повидимому, ходили въ гости только къ своимъ родственникамъ, и то лишь по случаю именинъ, крестинъ и т. под.

Домъ торопчанина вообще былъ открытъ только для самыхъ близкихъ людей, и его домашняя жизнь лишь въ исключительныхъ случаяхъ бывала предметомъ наблюденія любопытныхъ сосѣдей. Онъ готовъ былъ имѣть общеніе со всѣми и повсюду, но не любилъ постороннихъ посѣтителей своего собственнаго дома. Это отражалось и на самомъ характерѣ городскихъ построекъ: въ Торопцѣ въ то время не было большихъ зданій, и не только шабры и сусѣды, но даже и самые близкіе родственники домовладѣльцевъ болѣею частью жили въ особыхъ избахъ, иногда даже на особыхъ дворахъ; семейные раздѣлы облегчались тѣмъ, что торопчане не были прихотливы относительно своихъ жилищъ и жили иногда въ самыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ ²²⁵⁾. Хотя и въ изучаемый періодъ въ Торопцѣ существовали многолюдныя семьи, и случалось, что нѣсколько братьевъ уживались вмѣстѣ и сообща владѣли имуществомъ, но вообще торопчане въ своей частной, домашней жизни все-таки стремились къ обособленію, не терпѣли стѣсненій и вели съ своей семьей замкнутый и уединенный образъ жизни.

VII.

Правильное теченіе общественной жизни въ Торопцѣ иногда нарушалось самымъ рѣзкимъ образомъ по различнымъ причинамъ и поводамъ, особенно во время непріятельскихъ нашествій, когда всѣ

²²³⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1182.

²²⁴⁾ Тамъ же.

²²⁵⁾ «Бани обыватели имѣютъ въ домахъ своихъ не для одного баннаго себѣ

торопчане превращались въ ратныхъ людей и должны были, «будучи въ осадѣ, всякую осадную нужду терпѣть». Безъ сомнѣнія, «въ осадное нужное время», когда всякій житель города имѣлъ назначенное ему воеводой мѣсто на городской стѣнѣ, жизнь въ Торопцѣ дѣлалась крайне тягостною, и основательно торопчане поставляли себѣ въ особую заслугу «осадное терпѣнье».

Трудность ихъ положенія увеличивалась вслѣдствіе чрезмѣрнаго переполненія города не только торопецкими городскими жителями, но сверхъ того и пріѣзжими людьми изъ Холмскаго и Торопецкаго уѣздовъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ лишь только воеводы узнавали о приближеніи литовскихъ людей, тотчасъ разсылали приказаніе «изъ уѣзду ѣхать въ городъ всякимъ людемъ съ женами и дѣтьми» ²²⁶). Торопецъ еще не потерялъ тогда связи съ своимъ уѣздомъ, и взоры торопецкихъ волостныхъ людей, какъ и въ болѣе раннюю эпоху, все еще часто обращались къ своему городу. Во времена военныхъ тревогъ уѣздные жители и сами находили въ Торопцѣ защиту и пріютъ и сберегали за его крѣпкими стѣнами все, что для нихъ было дорого. Въ 1626 году, напримѣръ, прихожане погоста Бологого, расположеннаго на сѣверномъ берегу озера Бологого, боясь «разоренья литовскихъ людей», привезли въ Торопецъ изъ прихода своего мѣстный образъ Пятницы Параскевы и иные образа, колокола и книги «и устроили церковь въ Торопцѣ», и «стала церковь на Бологомъ пуста». Видно, что они еще не забыли, какъ въ 1491 году ихъ погостъ, въ то время находившійся въ литовскихъ владѣніяхъ, подвергся нападенію москвичей и холмичей, которые схватили въ церкви священника и многихъ людей и увели ихъ въ свои владѣнія, а другихъ повѣсили или утопили въ озерѣ ²²⁷).

Понятно, что во время непріятельскихъ нашествій совсѣмъ нарушался обыкновенный строй жизни въ городѣ Торопцѣ и въ особенности, когда онъ оказывался въ осадѣ и представлялъ изъ себя видъ огромнаго лагеря, переполненнаго множествомъ разнохарактерныхъ воиновъ.

продовольствія, но многіе бѣдные въ зимнее время, — для тепла и уменьшенія дровъ, — помѣщаются въ нихъ и жительствоваѣ». (См. въ архивѣ Тороп. Городской Думы — журналы Городской Думы 1794 года, 26 января).

²²⁶) Приказныя дѣла 28 марта 1626 года—1661 годъ, № 7.

²²⁷) Впрочемъ устроенная въ Торопцѣ прихожанами погоста Бологого церковь въ 1634 году сгорѣла; уцѣлѣли только церковныя деньги, — 56 рублей 20 алтынь (около 800 рублей нынѣшнихъ), — хранившіяся въ государственной казнѣ. См. Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 58, л. 283—286.

И въ мирное время на стѣнахъ и башняхъ города и острога постоянно находились очередные караульные стрѣльцы и пушкари. И въ мирное время городъ «на ночь замыкали за часъ до ночи»; утромъ, если не было получено вѣстей о близкой опасности, ворота «отмыкались», и въ лѣтнее время прежде всего выпускались «стада конныя и животинныя». Постоянно стояли стрѣльцы на караулѣ на гостиномъ дворѣ и въ тюрьмѣ, а посадскіе люди сторожили у государевыхъ житницъ. Обвѣзжіе головы съ стрѣльцами и пушкарями должны были въ городѣ и на посадѣ «отъ огня и отъ всякаго воровства въ день и въ ночь беречи накрѣпко» ²²⁸⁾.

Однако, несмотря на множество караульныхъ, въ Торопцѣ не существовало общественной безопасности, и иногда открыто совершались въ городѣ грабежи и насилія. 1 мая 1638 года одинъ торопецкій помѣщикъ, узнавши, что посадскій человѣкъ Л. И. Гусельниковъ уѣхалъ за рубежъ «для торжишку», пришелъ къ нему во дворъ съ своими крестьянами «насильствомъ» и взялъ у него «грабежомъ» лошадь и бобровые и лисьи мѣха ²²⁹⁾...

Часто насилія и безчинства производились на глазахъ у всѣхъ даже воеводскими слугами. Князь Андрей Хованскій, «приводившій въ вѣрѣ въ Торопцѣ разныхъ чиновъ людей» послѣ восшествія на престолъ Ѳедора Алексѣевича, обвинялъ торопецкаго воеводу Александра Траханіотова въ томъ, что его люди (холопы) и приставъ приказной пзбы, въ первый день принесенія присяги, били людей его, князя Хованскаго, и отогнали его лошадь съ санями отъ соборной церкви. Вслѣдствіе этого обвиненія возникло сыскное дѣло «о происшедшихъ отъ воеводы Траханіотова и людей его непристойныхъ поступкахъ и дракѣ». Воевода Траханіотовъ отвергалъ взводимое на людей его обвиненіе и съ своей стороны утверждалъ, что «оварничали» люди князя Хованскаго: напившись пьяными, они его сани отбили прочь отъ саней князя Хованскаго, бранили всякою неподобною бранью людей его, воеводы Траханіотова, и одного изъ нихъ толкнули въ грудь, а другого похвалялись ножомъ рѣзать; затѣмъ они будто бы вломились во дворъ къ соборному попу и отбили двери, били стрѣльцовъ, одного изъ нихъ Андреевъ человѣкъ зубомъ за перстъ кусалъ ²³⁰⁾...

Точно также, не взирая на всевозможныя стѣсненія и предосторожности, пожары въ Торопцѣ бывали часто. Наказами, приславши-

²²⁸⁾ Новгородскаго стола столбецъ № 149, лл. 21—25, 1659 годъ.

²²⁹⁾ Московскаго стола столбецъ № 133, л. 76.

²³⁰⁾ Приказнаго стола столбецъ № 1025.

мися изъ Москвы, запрещалось въ «городѣ», въ острогѣ и на гостиномъ дворѣ въ жаркіе лѣтніе дни топить избы и бани, даже запрещалось поздно сидѣть съ огнемъ. Предписывалось устраивать печи на огородахъ, подальше отъ хоромъ, и въ лѣтнюю пору вездѣ на крышахъ держать съ водой кади и мѣрники. Дозволялось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и притомъ только въ ненастные и холодные дни, топить избы два раза въ недѣлю (въ воскресенье и четвергъ)²³¹). Но всѣ эти предосторожности не помогали, и часто случалось, что посадскіе люди «жили по шалапамъ»²³²).

Но не однѣ невзгоды военнаго времени и преступленія злоумышленниковъ нарушали мирное теченіе городской жизни. Иногда происходили въ городѣ по разнымъ поводамъ общественныя движенія, находившія себѣ выраженіе въ подачѣ всегородныхъ челобитенъ; бывали иногда смуты и волненія вслѣдствіе борьбы выборныхъ земскихъ цѣловальниковъ и прочихъ посадскихъ людей съ воеводами; иногда проявлялась вражда и въ средѣ самихъ посадскихъ людей, между богатыми и бѣдными, между «лучшими людьми» съ одной стороны и между «средними и молодшими» съ другой. Всѣ эти волненія вносили нѣкоторое оживленіе въ тихую, однообразную жизнь торопецкаго захолустья.

Зажиточность лучшихъ людей доставляла имъ привилегированное положеніе въ городѣ. Они давали воеводамъ взятки и подарки, вмѣстѣ съ ними часто пировали и обыкновенно жили съ ними въ мирѣ и согласіи. Лучшие люди имѣли преобладающее значеніе въ соймахъ, изъ ихъ среды выбирались земскіе старосты. Неудивительно, что они, пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ, при раскладкѣ податей часто позволяли себѣ большія злоупотребленія. Какъ въ Новгородѣ въ старину, по выраженію лѣтописца, «творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло», такъ и въ XVII столѣтіи торопецкіе «лучшіе люди», при распредѣленіи податей и повинностей, обижали бѣдныхъ: «оклады сами съ себя посняли и положили на среднихъ и на молодшихъ»²³³). Но торопчане отличались смѣлымъ и независимымъ характеромъ, и потому обиды и притѣсненія даже надъ самыми слабыми и бѣдными изъ нихъ могли совершаться лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ сущности зло-

²³¹) Новгород. стола ст. № 149, л. 23 и 24, 1659 годъ; Дѣла Печатнаго приказа безпошлин., кн. 21, л. 8, 1646 годъ.

²³²) Приказнаго стола ст. № 1182.

²³³) Новгородская лѣтопись по синод. списку, стр. 280. Приказнаго стола столбецъ № 1182.

употребленія лучшихъ людей ограничивались ихъ попытками облегчить себѣ податное бремя. Во всякомъ случаѣ средніе и молодшіе люди чрезвычайно дорожили своей уставной грамотой именно по той причинѣ, что въ то время, когда она примѣнялась, и когда власть сосредоточивалась главнымъ образомъ въ рукахъ лучшихъ людей,—положеніе бѣдныхъ людей было несравненно лучшимъ, чѣмъ въ то время, когда судъ и управленіе находились въ рукахъ воеводъ и подьячихъ.

Въ Торопцѣ не могло существовать сильной партійной вражды. Между лучшими людьми съ одной стороны и средними и молодшими съ другой всегда существовали счеты и неудовольствія, но едва ли когда-нибудь между ними происходила борьба въ настоящемъ значеніи этого слова. При отсутствіи взаимной ненависти между партіями, если и возникали иногда столкновенія между ними, то они никогда не сопровождались какими-либо особенными насиліями со стороны массы людей и обыкновенно находили себѣ исходъ въ подачѣ челобитенъ и въ стремленіи этимъ путемъ достигнуть своей цѣли. Такъ 29 ноября 1667 года по челобитью «земскаго старосты Ав. Жукопитинова и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто» велѣно владѣть тяглою среднею мельницей на рѣчкѣ Уклеинѣ посадскимъ тяглымъ людямъ Чирьевымъ «и тягло имъ съ той мельницы платить съ посадскими людьми въ рядъ». Вслѣдъ затѣмъ другіе посадскіе люди, принадлежавшіе, вѣроятно, къ партіи среднихъ и молодшихъ людей, «били челомъ за попа Стефана о томъ же мельничномъ дѣлѣ». Пришлось тѣмъ и другимъ «давать очныя ставки въ ложномъ ихъ челобитѣ въ двойномъ»²²⁴⁾. Этимъ же путемъ въ 1656-мъ году торопецкіе посадскіе люди добились ограниченія того привилегированнаго положенія, въ которомъ находились тогда торопецкіе богачи, «лучшіе торговые люди» Ѳ. Чирьевъ съ сыновьями и С. Желудъ съ сыномъ, и заставили ихъ «всякія подати платить и ямскую гоньбу гонять съ ними вмѣстѣ». Въ своей челобитной они называли этихъ богачей «торговыми большими жепшиками» (горланами)²²⁵⁾. Въ 1690 году столкновеніе между лучшими и молодшими людьми произошло въ болѣе широкихъ размѣрахъ, проявилось неудовольствіе среднихъ и молодшихъ людей уже противъ цѣлой партіи лучшихъ людей. Правда, средніе и молодшіе люди вступили въ ссору съ лучшими людьми съ единственною цѣлью защитить своего представителя М. Заозерскаго: освободить его изъ тюрьмы и оправдать въ ложныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на него земскимъ старостой и луч-

²²⁴⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 145, л. 135; кн. 147, л. 83.

²²⁵⁾ Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 77, л. 515.

ними людьми, и, въ сущности, въ этомъ случаѣ происходила не борьба среднихъ и молодыхъ людей съ лучшими, а лишь борьба земскаго старосты Гавр. Туфанова съ его предшественникомъ, бывшимъ старостой Максимомъ Заозерскимъ. Но все-таки эти лица на нѣкоторое время нашли себѣ поддержку большинства торопецкихъ жителей, и враждебныя другъ другу дѣйствія двухъ представителей посадской общины превратились потомъ въ настоящее общественное движеніе.

VIII.

Въ столкновеніи, происшедшемъ въ Торопцѣ въ 1690 году между лучшими и молодыми людьми, принимали участіе не столько партіи, сколько отдѣльныя личности; но такъ какъ при этомъ въ извѣстной степени вскрывались характеры и способъ дѣйствія нѣсколькихъ особенно выдѣлявшихся изъ посадской среды людей, бывшихъ наиболее типичными представителями тогдашняго торопецкаго городского общества, то рассказъ объ этомъ столкновеніи можетъ представлять нѣкоторый интересъ ²³⁶).

Въ августѣ 1686 года торопецкіе посадскіе люди выбрали въ земскіе старосты на 195 (1686—1687) годъ М. Заозерскаго и, вѣроятно, подъ сильнымъ вліяніемъ этого во многихъ отношеніяхъ незауряднаго человѣка, рѣшились хлопотать о замѣнѣ воеводы другимъ и особенно о возобновленіи, уже съ 1668 года не примѣнявшейся, торопецкой уставной грамоты. По всей вѣроятности, именно онъ убѣдилъ мірскихъ людей въ невозможности завершить хлопоты объ уставной грамотѣ въ теченіе одного года; во всякомъ случаѣ посадскіе люди въ томъ же августѣ 1686 года выбрали его и на 196 и 197 годы. Когда по истеченіи 3 лѣтъ грамота не была получена, они выбрали его въ земскіе старосты на новое трехлѣтіе, а послѣ его отказа, назначили его мірскимъ челобитчикомъ. Необычный фактъ избранія земскаго старосты на 3 года показываетъ, что посадскіе люди вполнѣ довѣряли М. Заозерскому и единственно его считали человѣкомъ, способнымъ добиться возобновленія чрезвычайно важной для нихъ уставной грамоты 1590-го года.

М. Заозерскій не принадлежалъ къ числу «лучшихъ людей» и по своему имущественному положенію занималъ мѣсто во второй сотнѣ посадскихъ людей (изъ числа 470-ти). Своимъ избраніемъ въ старосты

²³⁶) Приказнаго стола столбецъ № 1182.

онъ былъ обязанъ исключительно своимъ личнымъ качествамъ. Это былъ человекъ умный, смѣлый, энергичный, настойчивый до упрямства и неразборчивый въ средствахъ. Будучи опытнымъ и ловкимъ дѣльцомъ, онъ болѣе другихъ былъ способенъ имѣть хожденіе по дѣламъ не только въ торопецкой приказной избѣ, но и въ московскихъ приказахъ.

При избраніи его въ земскіе старосты; очевидно, имѣлись въ виду хлопоты въ Москвѣ о смѣщеніи воеводы, о болѣе выгодномъ для посадскихъ людей размежеваніи земель съ сосѣдами и о возобновленіи уставной грамоты. Но все это, въ сущности, не принадлежало къ числу обязанностей земскаго старосты и обыкновенно исполнялось мірскими челобитчиками. Гораздо любопытнѣе знать, какъ проявлялась дѣятельность М. Заозерскаго во внутреннихъ мірскихъ дѣлахъ и каковы были его отношенія къ посадскимъ людямъ.

Сообразно съ своими воззрѣніями на обязанности выборныхъ цѣловальниковъ, М. Заозерскій полагалъ, что земскій староста прежде всего долженъ былъ «среднихъ и молодшихъ людей во всемъ остерегать и оберегать отъ стороннихъ людей»²²⁷⁾. Онъ думалъ, что долгъ земскаго старосты также оберегать права и интересы среднихъ и молодшихъ людей и отъ покушеній на нихъ со стороны «лучшихъ людей», и потому всегда «стоялъ за среднихъ и молодшихъ людей». Онъ упрекалъ лучшихъ людей, когда случалось, что «они оклады съ себя посняли и наложили на среднихъ и молодшихъ людей», и часто напоминалъ имъ о необходимости дѣлать измѣненія въ окладныхъ книгахъ, сообразно съ происшедшими переменами въ имущественномъ положеніи посадскихъ людей. Вообще онъ выдавалъ себя за представителя среднихъ и молодшихъ людей и старался показать, что по тому и подвергается онъ нападкамъ со стороны лучшихъ людей, что «стоитъ» за интересы бѣдняковъ. М. Заозерскій всегда причислялъ себя къ партіи среднихъ и молодшихъ людей и отождествлялъ свои интересы съ ихъ интересами. Однажды въ своей челобитной онъ такъ выразился: «приставилъ ко мнѣ... по заемной кабалѣ въ 3 рублехъ... хотя насъ, торопчанъ среднихъ и молодшихъ людей, разорить въ конецъ»... Трудно сказать, насколько заявленія М. Заозерскаго были искренни, и насколько вообще была безкорыстна его служебная дѣятельность. Во

²²⁷⁾ «А въ грамотѣ написано: будетъ земской староста и выборные цѣловальники не стануть торопчанъ посадскихъ людей среднихъ и молодчихъ во всемъ остерегать и оберегать отъ стороннихъ людей, — и такіе выборные написаны подь смертную казнь».

всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, — каковы бы не были его побужденія, — въ качествѣ земскаго старосты и мірскаго челобитчика неуклонно заботился о выгодахъ среднихъ и молодшихъ людей и тѣмъ возбуждалъ нерасположеніе къ себѣ со стороны лучшихъ людей.

Понятно, что средніе и молодшіе посадскіе люди должны были постоянно поддерживать такого земскаго старосту, какъ М. Заозерскій. Но и зажиточные люди вначалѣ не имѣли желанія ему противодѣйствовать, такъ какъ были убѣждены, что подтвержденіе ихъ уставной грамоты, которою они такъ дорожили, можетъ быть получено только при его посредствѣ. Въ первый годъ его старошенья «лучшіе люди» не дѣлали открытыхъ нападокъ на его дѣятельность, и когда въ маѣ 1687 года была подана просьба объ оставленіи Колычева по-прежнему воеводой въ Торопцѣ, то она была подписана помѣщиками, стрѣльцами, пушкарями и только 7 или 8 человѣками изъ партіи лучшихъ людей. Однако то, что произошло въ Торопцѣ въ 1690 году, повидимому, давно подготовлялось. Уже въ самомъ началѣ второго года исправленія М. Заозерскимъ должности земскаго старосты 10 лучшихъ людей «съ товарищи» обвиняли его въ какихъ-то денежныхъ злоупотребленіяхъ. Съ своей стороны и М. Заозерскій предъявилъ къ своимъ обвинителямъ искъ о возмѣщеніи какихъ-то его убытковъ (въ размѣрѣ 300 рублей), и изъ Москвы 22 сентября 1687 года была послана грамота о присылкѣ къ отвѣту одного изъ его противниковъ. Видно, что затѣя лучшихъ людей на этотъ разъ не имѣла успѣха; должно быть, малочисленная партія лучшихъ людей не находила въ то время поддержки въ массѣ посадскихъ людей.

Сознавая свою слабость и невозможность лишить М. Заозерскаго должности земскаго старосты, лучшіе люди рѣшились инымъ способомъ затормозить его направленную противъ ихъ интересовъ дѣятельность. Такъ какъ только М. Заозерскій избранъ былъ на 3 года, а остальные цѣловальники земской избы по-прежнему избирались «погодно», то «лучшіе люди» сдѣлали попытку назначить одного изъ своихъ на должность того земскаго цѣловальника, который завѣдывалъ денежными сборами. Избравши орудіемъ для достиженія своей цѣли посадскаго человѣка Юрія Филимонова, они составили приговоръ («выборъ»), чтобъ ему «быть въ земской избѣ въ цѣловальникахъ и сборы собирать, оставя прежніе выборы, каковы у нихъ, посадскихъ людей, даны земскому старостѣ Максиму Заозерскому». Этотъ «выборъ» безъ вѣдома *всѣхъ* мірскихъ людей былъ представленъ въ приказной избѣ Гавр. Туфановымъ. М. Заозерскій съ своей стороны подалъ воеводѣ извѣтъ на Юрія Филимонова «въ заочномъ составномъ выборѣ». Произведено

было разслѣдованіе и оказалось, что дѣйствительно Юрій Филимоновъ собиралъ подписи къ «выбору» «мимо земской избы и безъ вѣдома всѣхъ мірскихъ людей» и притомъ собиралъ ихъ «обманомъ». Громадное большинство торопецкихъ посадскихъ людей стало на сторону М. Заозерскаго. Партія лучшихъ людей увидала невозможность бороться съ нимъ. Самъ Юрій Филимоновъ, «видя свою неправду», поспѣшилъ подать въ приказной избѣ просьбу, «чтобъ ему въ земской избѣ въ цѣловальникахъ не быть». Посадскіе люди выбрали на его мѣсто въ цѣловальники другого посадскаго человѣка и еще разъ подтвердили М. Заозерскому свои прежніе приговоры, дали ему «третій выборъ». Затѣмъ они послали въ Москву челобитную, въ которой «одобрили» своего старосту и изложили все происшедшее. Въ отвѣтъ на эту челобитную, 30 марта 1688 года была написана грамота, которою было опредѣлено: «по сему ихъ (посадскихъ людей) заручному челобитію и по прежнимъ выборамъ, быть у нихъ въ земскихъ старостахъ торопецкому посадскому человѣку Максиму Заозерскому и цѣловальникомъ съ нимъ быть, кого они жъ выберутъ, для того, что онъ, Максимъ, человѣкъ доброй». Полное одобреніе дѣятельности М. Заозерскаго, столь ясно выраженное въ челобитной посадскихъ людей, обнаруживаетъ всю неосновательность обвиненій его враговъ и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что его дѣятельность, въ качествѣ земскаго старосты, была направлена на пользу громаднаго большинства посадскихъ людей.

Но и послѣ этой побѣды М. Заозерскаго не прекратилась его вражда съ малочисленнымъ кружкомъ наиболѣе вліятельныхъ въ Торопцѣ людей, во главѣ котораго стоялъ Гавр. Туфановъ. Прошло почти полтора года. 11 августа 1689 года, въ послѣдній мѣсяцъ исправленія должности земскаго старосты, М. Заозерскій подалъ челобитную, въ которой просилъ, чтобы «для подлиннаго розыску» было выслано въ Разрядъ все его дѣло съ Гавр. Туфановымъ «съ товарищи»,—производившееся въ торопецкой приказной избѣ,—вмѣстѣ съ нѣкоторыми документами финансоваго характера, которые, очевидно, были ему необходимы для оправданія въ томъ, въ чемъ обвиняли его «лучшіе люди» ²²²). Послѣ 1 сентября 1689 года, уже въ качествѣ мірскаго челобитчика, М. Заозерскій продолжалъ хлопоты объ уставной грамотѣ.

²²²) Въ челобитной онъ, между прочимъ, сообщалъ, что приказаніе выслать изъ Торопца въ Разрядъ къ отвѣту одного изъ подписавшихъ выборы лучшихъ людей еще не было исполнено, вслѣдствіе чего срокомъ для явки одного изъ посадскихъ людей въ Москву назначено 1-е декабря того же 1689 года.

Въ началѣ января 1690 года посадскіе люди въ своемъ соймѣ постановили собрать на уплату расходовъ, сдѣланныхъ М. Заозерскимъ въ 195 и 196 годахъ,—287 рублей, считая въ томъ числѣ и деньги, уже полученные имъ раньше²³⁹⁾. Но въ началѣ марта, когда еще не всѣ присужденныя ему деньги были собраны, земскій староста Гавр. Гавр. Туфановъ, не оставивъ окладныхъ книгъ сборщику денегъ, уѣхалъ по своимъ торговымъ дѣламъ, съ разрѣшенія торопецкаго воеводы, за рубежъ²⁴⁰⁾. Тогда М. Заозерскій въ своей челобитной, поданной въ Москвѣ 27 марта, заявилъ, что онъ и поручившіеся за него люди стоятъ на правѣхъ по иску москвитина посадскаго человѣка Аминава, просилъ доправить на посадскихъ людяхъ недоплаченныя ему деньги. 8 апрѣля ему была выдана грамота, по которой онъ и получилъ слѣдующія деньги. Такъ какъ 28 апрѣля 1690 года ему удалось, наконецъ, получить уставную грамоту, то, по всей вѣроятности, онъ получилъ бы сверхъ того еще 121 рубль «за харчи и убытки 198 года» (съ 1 сент. 1689 по 28 апр. 1690 года),—но дѣло тутъ осложнилось.

Требуя недоплаченныхъ денегъ, М. Заозерскій вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ извѣтъ, что Гавр. Туфановъ, «будучи, въ Торопцѣ въ земскихъ старостахъ, покиня государскія и земскія всякія дѣла и великихъ государей казну, ѣздилъ за литовскій рубежъ, за Вильну и подъ Варшаву, невѣдомо для какого дурного вымысла»... «а онъ — человѣкъ выборный, — въ земскихъ старостахъ, — ѣздитъ ему никуда не доведется»... Есть основаніе предполагать, что М. Заозерскій въ увлеченіи борьбой и въ ненависти къ своему противнику зашелъ слишкомъ далеко: онъ указалъ на людей, которые сдѣлали ложное показаніе, что будто бы Гавр. Туфановъ возилъ въ Литву на продажу пороховъ. Когда въ іюнѣ 1690 года М. Заозерскій возвратился изъ Москвы съ уставной грамотой, то вмѣстѣ съ нимъ и вслѣдствіе его доноса приѣхалъ въ Торопецъ съ грамотой изъ Разряда Вавила Суровцевъ «по Гаврилу Туфанова, чтобъ его взять къ Москвѣ въ Разрядъ, къ очнымъ ставкамъ».

Ложный доносъ сильно озлобилъ Гавр. Туфанова. Онъ избилъ въ земской избѣ М. Заозерскаго «на смерть дубьемъ» и посадилъ его въ тюрьму, воспользовавшись заемной кабалой въ трехъ рубляхъ, которую «приставилъ» къ М. Заозерскому Григорій Туфановъ, его родной братъ. Въ тюрьмѣ цѣловальники, стрѣльцы и посадскій человѣкъ Алексѣй

²³⁹⁾ См. приложение IV-е.

²⁴⁰⁾ Проѣзжій листъ былъ написанъ 28 февраля 1690 года.

Доронинъ «съ дубьемъ» наблюдали, чтобъ никто съ Заозерскимъ не разговаривалъ и не приносилъ ему пищи. По выраженію М. Заозерскаго, земскій староста «морилъ (его) въ тюрьмѣ, убитаго, голодною смертію трои сутки».

Тогда «торопчаня посадскіе люди средніе и молодчіе учили ему, Гаврилу Туфанову, и (ларечному) Петру Столбынину бить челомъ». Они спрашивали своего земскаго старосту, за что держитъ онъ въ тюрьмѣ и моритъ голодомъ Максима Заозерскаго? ужъ не за то ли, что тотъ привезъ къ нимъ, «противъ ихъ выборовъ и приговоровъ», уставную грамоту? и почему самъ онъ не ѣдетъ въ Москву «къ очнымъ ставкамъ»? Оказалось, что не напрасно М. Заозерскій «стоятъ» за среднихъ и молодыхъ людей; теперь вся ихъ партія стала за него, и онъ тотчасъ былъ «изъ тюрьмы выпущенъ, по челобитію торопчанъ посадскихъ людей».

Освободившись изъ тюрьмы, М. Заозерскій, въ сопровожденіи принадлежавшихъ къ его партіи посадскихъ людей, 18 іюня (1690 г.) явился въ приказную избу и предъявилъ воеводѣ полученную имъ въ Москвѣ уставную грамоту; съ грамоты была снята копія. Затѣмъ вмѣстѣ съ тѣми же посадскими людьми онъ пришелъ въ земскую избу, торжественно объявилъ о пожалованіи Государями посадскимъ людямъ уставной грамоты «противъ прежняго» и подлинную уставную грамоту положилъ «на столъ передъ ларечнаго Петра Столбынина съ товарищи». По всей вѣроятности, онъ требовалъ, чтобъ ему были уплачены деньги, издержанныя имъ въ Москвѣ во время его хожденія по мірскимъ дѣламъ въ качествѣ мірскаго челобитчика, «понедѣльщину саму другу за всякіе харчи и убытки» (121 рубль). Но этихъ денегъ М. Заозерскому въ земской избѣ уплатить не захотѣли, и потому онъ грамоты ларечному не отдалъ. По словамъ М. Заозерскаго, вышеупомянутый Ал. Доронинъ «грамоты ларечному Петру Столбынину принимать не велѣлъ», и П. Столбынинъ будто бы грамоту со стола кинулъ на лавку, и когда Максимъ Заозерскій снова положилъ ее на столъ, то Столбынинъ бросилъ ее «вдругіе и третьи». Конечно, М. Заозерскій поспѣшилъ подать въ приказной избѣ челобитье «въ томъ ругательствѣ, въ метаньѣ грамоты».

Поведеніе М. Заозерскаго и участіе, которое приняли въ его дѣлѣ средніе и молодшіе люди, заставили Гавр. Туфанова обратиться за содѣйствіемъ къ своей партіи—къ «лучшимъ людямъ». Сторонники Гавр. Туфанова составляли кружокъ наиболѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ людей; многіе изъ нихъ въ разное время занимали должности земскаго старосты, таможеннаго головы или головы кружечнаго двора,

и были «всѣ они друзья, и родственники, и хлѣбоясцы». Самъ земскій староста, повидимому, уклонился отъ личнаго участія въ дальнѣйшей борьбѣ партій въ Торопцѣ, и руководителемъ партіи лучшихъ людей на нѣкоторое время сдѣлался Алексѣй Доронинъ, во многомъ походившій на своего противника, М. Заозерскаго.

Лучшіе люди рѣшились для хлопотъ о полученіи уставной грамоты послать въ Москву новаго челобитчика и готовы были дѣлать новыя неизбѣжныя издержки, лишь бы только не платить денегъ Заозерскому. Въ челобитной «торопчане посадскіе люди Олешка Васильевъ сынъ Доронинъ съ товарищи» утверждали, что М. Заозерскій не отдастъ посадскимъ людямъ уставную грамоту «невѣдомо для чего».

Лѣтомъ 1690 года земскій староста Гавр. Туфановъ, ларечный П. Столбынинъ, А. Доронинъ и нѣкоторые изъ лучшихъ посадскихъ людей подняли на ноги всѣхъ своихъ сторонниковъ и составили челобитную «на ябедника и на разорителя, на Максимка Степанова сына Заозерскаго», и эту челобитную,—рѣдкое явленіе въ торопецкой мірской жизни,—подписало болѣе 150 человѣкъ. Въ ней, между прочимъ, было написано: «Въ прошломъ, Государи, во 194-мъ году выбрали мы, сироты ваши, Максимка старостою въ Торопцѣ въ земскую избу на одинъ годъ, на прошлой же на 195-й годъ, и дали ему, Максимку, выборъ за руками. И будучи онъ, Максимка, старостою, своимъ вымысломъ и ябедничествомъ, хотя насъ, сиротъ вашихъ, вѣчно разорить и испродать, учалъ намъ, сиротамъ вашимъ, говорить, что(бъ) его, Максимку, выбрали старостою на 3 годы безперемѣнно; и говорилъ намъ, что ему, Максимку, во всемъ за насъ стоять и ото всякихъ обидъ оберегать. И мы, сироты ваши, дали ему Максимку выборъ на 3 годы. И будучи онъ, Максимка, старостою, бралъ съ насъ, сиротъ вашихъ, большіе поборы, а счету на себя не давалъ и нынѣ не даетъ». Затѣмъ въ жалобѣ на М. Заозерскаго находились и инныя обвиненія, изъ которыхъ самымъ важнымъ было то, что онъ не далъ точнаго отчета въ 287 рубляхъ, собранныхъ съ мірскихъ людей на уплату расходовъ, сдѣланныхъ имъ въ Москвѣ во время хлопотъ объ уставной грамотѣ. М. Заозерскій прежде «хотѣлъ дать росписку подлинную, за его рукою, въ тѣхъ расходныхъ деньгахъ, 277 рублевъ, гдѣ у него что дано на Москвѣ», но своего обѣщанія будто-бы онъ не исполнилъ и, по словамъ посадскихъ людей, «хотѣлъ тѣми деньгами завладѣть безъ нашего свидѣтельства». Въ заключеніе своей челобитной посадскіе люди просили выслать М. Заозерскаго изъ Торопца куда-нибудь на житье, «чтобъ отъ его, Максимковой, ябеды, и отъ разоренья, и отъ поклепнаго ложнаго челобитья и достоль въ разореньѣ

и въ гибели не быть и въ конецъ не погибнуть»... Представить эту челобитную въ Разрядъ посадскіе люди поручили А. Доронину, своему мірскому челобитчику, замѣстившему М. Заозерскаго.

Въ началѣ августа борьба между предводителями враждебныхъ партій переносится въ Москву, и лучшіе, средніе и молодшіе люди уже не принимаютъ въ ней участія.

Въ лицѣ Гавр. Туфанова М. Заозерскій встрѣтилъ сильнаго и опаснаго противника. 9 августа Туфановъ самъ явился въ Разрядъ и представилъ проѣзжій листъ, которымъ торопецкій воевода разрѣшилъ ему поѣздку за границу. Въ тотъ же самый день были допрошены и всѣ лица, имѣвшія отношеніе къ дѣлу по обвиненію Туфанова въ поѣздкѣ за границу безъ дозволенія и въ провозѣ туда пороха. За исключеніемъ показанія Симакова, всѣ остальные оказались благопріятными для Туфанова; даже пушкаръ Ярыгинъ, самый главный обвинитель, отказался отъ своего первоначальнаго показанія и на очной ставкѣ съ Туфановымъ заявилъ, что онъ «сказалъ на него, Ганку Туфанова, напрасно, пьянскимъ обычаемъ, а напоилъ де его въ тѣ поры на большомъ отдаточномъ дворѣ Максимка Заозерскій на свои деньги». 2-го сентября въ Разрядъ было постановлено допросить самого Заозерскаго. На допросѣ Заозерскій относительно провоза пороха долженъ былъ сознаться, что «того онъ не вѣдаетъ и ни отъ кого онъ, Максимъ, не слышалъ». 9 августа, одновременно съ появленіемъ Гавр. Туфанова въ Разрядъ, тамъ была разсмотрѣна челобитная посадскихъ людей, въ которой они просили выслать М. Заозерскаго изъ Торопца куда-нибудь на житье. 14 августа была подана подобнаго же содержанія челобитная стрѣльцовъ (370 человекъ), 21 августа—челобитная бывшаго торопецкаго воеводы Колычева, смѣщеннаго съ своей должности вслѣдствіе доноса Заозерскаго и вслѣдствіе поданной имъ челобитной посадскихъ людей. Вслѣдъ затѣмъ и приказные люди въ Разрядъ измѣнили свое отношеніе къ М. Заозерскому: въ своей собственноручно написанной челобитной онъ горько жалуется на то, что «дьякъ Иванъ Улановъ дружить ему (Туфанову) и норовить, а меня, сироту вашего, сажаетъ за рѣшетку и велѣлъ то мое челобитье перенести къ иному подьячему».

Однако, несмотря на столь неблагопріятно для М. Заозерскаго сложившіяся обстоятельства, онъ не уступалъ. 11 сентября была разсмотрѣна его новая челобитная, въ которой онъ старался себя оправдать и очернить Туфанова и его ближайшихъ сторонниковъ и просилъ, чтобы для всесторонняго разслѣдованія всего дѣла былъ отправленъ въ Торопецъ особый слѣдователь (сыщикъ). М. Заозерскій про-

силъ сверстать среднихъ и молодшихъ людей вѣрному старостѣ съ цѣловальниками въ присутствіи присланнаго изъ Москвы сыщика согласно съ прежними окладами, когда кладница была въ 60 рублей, и поверстать оклады богатыхъ посадскихъ людей («посадскихъ людей большихъ жеребьевъ») «по пожиткомъ». Чтобы умалить значеніе поданной посадскими людьми челобитной, онъ утверждалъ, что средніе и молодшіе люди подали въ торопецкой приказной избѣ челобитную съ заявленіемъ, что ларечный П. Столбынинъ съ товарищами силою заставлялъ посадскихъ людей подписывать ихъ «заводную непристойную челобитную» («дубьемъ били и въ отходы въ земской избѣ сажали»), даже привлекалъ къ подписыванію челобитной торопецкихъ стрѣльцовъ и пушкарей.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось дѣло М. Заозерскаго съ Гавр. Туфановымъ, и что стало съ нимъ самимъ; несомнѣнно только то, что съ этого времени въ перечневыхъ спискахъ, при перечисленіи всѣхъ торопецкихъ посадскихъ людей, имя Максима Заозерскаго уже не встрѣчается ²⁴¹⁾.

Изъ описанія борьбы М. Заозерскаго съ «лучшими посадскими людьми», представленнаго для иллюстраціи происходившихъ въ Торопцѣ столкновеній лучшихъ людей съ молодшими,—можно видѣть, что общественная жизнь въ Торопцѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, принимая во вниманіе неблагоприятныя условія той эпохи, достигла сравнительно значительнаго развитія. Во всѣхъ проявленіяхъ общественной городской жизни особенно замѣтное участіе принимали «посадскіе лучшіе люди»; но случалось иногда, что люди небогатые, не принадлежавшіе къ стариннымъ городскимъ фамиліямъ, но умные и смѣлые играли видную роль въ общественной жизни.

²⁴¹⁾ По Разряду Дѣла разныхъ городовъ, книги №№ 11 и 68. 9 октября 1690 года по челобитію торопецкаго мірскаго челобитчика Алексѣя Доронина была послана въ Торопецъ грамота съ дозволеніемъ земскому старостѣ и цѣловальникамъ судить промежъ себя съ прежняго отпуски, какова дана 28 апрѣля 1690 года Максиму Заозерскому (Новгородскаго стола столбецъ № 341).

Общій обзоръ исторіи города Торопца.

О заселеніи Торопецкой земли въ глубокой древности свидѣтельствуютъ повсюду разбросанныя сопки и языческое кладбище около самаго города Торопца. Кривитескъ—Торопецъ возникъ, посреди рѣкъ и озеръ, въ болотистой, лѣсной мѣстности. Здѣсь было великое изобиліе рыбы, меда и всякаго звѣря, безграничный просторъ для занятій рыболовствомъ, пчеловодствомъ и звѣринымъ промысломъ, и полная безопасность отъ набѣговъ степныхъ набѣдниковъ. Но скоро этотъ уголокъ, столь привлекательный для звѣролововъ и рыболововъ, оказался на той полосѣ земли, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивалась въ древнее время русская историческая жизнь, оказался среди четырехъ наиболѣе важныхъ въ то время княжествъ. Важное въ политическомъ отношеніи положеніе города Торопца повлекло за собой участіе его жителей во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ того времени и образование отдѣльнаго Торопецкаго княжества.

Политическое значеніе города Торопца, его положеніе при Великомъ водномъ пути и въ срединѣ между всѣми главными русскими княжествами—имѣли особенно важное значеніе для торопчанъ и въ экономическомъ отношеніи. Торопецъ находился въ центрѣ бойкаго торговаго движенія; сюда изъ сосѣднихъ земель стекались торговцы, здѣсь происходилъ оживленный обмѣнъ различными товарами, привозимыми съ разныхъ сторонъ; древній городъ Кривитескъ сдѣлался мѣстомъ общаго торга (торгъ опчь) и сталъ называться Торопцемъ (Торопчъ). Торопчане сдѣлались торговыми посредниками между жителями различныхъ русскихъ областей, и между ними уже въ тотъ ранній періодъ ихъ исторической жизни (1061 г.) попадались богатые купцы, «и богату сущю ему, бѣ бо купецъ, родомъ Торопечанинъ». Прибыльные занятія звѣроловствомъ и бортнымъ пчеловодствомъ въ торопецкихъ дремучихъ лѣсахъ, рыболовство въ безчисленныхъ глубокихъ озерахъ, изготовленіе рыболовныхъ снастей и льняныхъ издѣлій, торговля у себя, въ Торопцѣ, со стекавшимися отовсюду пріѣзжими купцами и торговая поѣздки въ сосѣднія земли,—все это неминуемо должно было обезпечить торопчанамъ значительное матеріальное благосостояніе.

Возможно, что городъ Торопецъ никогда впослѣдствіи не пользовался такимъ политическимъ значеніемъ на Руси, и жители его никогда не благоденствовали такъ, какъ въ эту древнѣйшую эпоху своей исторической жизни.

Второй періодъ торопецкой исторіи (со второй половины XIII-го вѣка по 1503 годъ) былъ менѣе благопріятенъ для торопчанъ. Начался онъ набѣгами литовцевъ, отъ которыхъ уже некому было защищать торопчанъ. Русь, подпавшая подъ иго татарское, была обезсиlena и разорена, а потому и торговля сношенія съ ея обѣдѣвшимъ населеніемъ уже не могли доставлять торопчанамъ прежнихъ выгодъ. Отъ упадка торговли и отъ разореній литовскихъ Торопецкая земля ослабѣла, подчиненіе ея Литвѣ было неизбежно, и около половины XIV-го вѣка она сдѣлалась одною изъ литовскихъ областей.

Зависимость отъ литовскихъ князей, которые не хотѣли ни въ чемъ нарушать русской старины, не могла быть тяжелой ²⁴²). Въ Торопцѣ собирались соймы, въ которыхъ всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла рѣшались «всѣмъ городомъ» или «всей Торопецкой землей». Только въ случаѣ несогласія между самими торопчанами посредникомъ являлся великій князь литовскій. «И тыми пакъ разы обои они, торопчане и Старцова волость, стояли передъ нами *очевисто*», говорится въ одной грамотѣ великаго князя Александра. Литовскіе тивуны и намѣстники въ Торопцѣ, конечно, иногда злоупотребляли своею властью, но все-таки торопчане, въ сущности, были свободными гражданами самоуправляющейся Торопецкой земли.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ со второй половины XIII-го вѣка,—и особенно въ XIV-мъ,—торопчанамъ пришлось пережить много всякаго рода невзгодъ, завершившихся наконецъ переходомъ Торопца подъ власть Москвы въ 1503 году. Безпрестанные набѣги литовцевъ, пожаръ и перенесеніе города на новое мѣсто, подчиненіе Литвѣ, начавшіяся вслѣдъ затѣмъ нападенія москвичей и постоянныя порубежныя столкновенія съ ними,—все это должно было губительно отозваться на благосостояніи торопчанъ. Въ XV-мъ вѣкѣ, судя по размѣрамъ податей, поступавшихъ въ скарбъ великаго княжества Литовскаго, экономическое положеніе Торопца измѣнилось къ лучшему.

Вмѣстѣ съ подчиненіемъ Литвѣ открылся торопецкимъ купцамъ свободный доступъ въ сосѣднія русскія области, раньше Торопца подчинившіяся Литвѣ. Мало-по-малу они освоились съ мѣстными условіями торговли въ Литвѣ и завязали тамъ прочныя связи и знакомства. По всей вѣроятности, они являлись, когда къ тому представлялся

²⁴²) Великіе князья литовскіе иногда вступали въ непосредственныя сношенія съ торопецкими городскими и волостными жителями и посылали имъ грамоты («Александръ Божією милостію—мещаномъ торопецкимъ и всимъ мужомъ торопчанамъ”).

случай, торговыми посредниками между литовцами и москвичами. Во всякомъ случаѣ въ эту эпоху завязались и окрѣпли торговыя связи Торопца съ сосѣдними литовскими областями и было подготовлено то особенное положеніе, которое впослѣдствіи торопецкіе купцы занимали въ торговыхъ сношеніяхъ Московскаго государства съ Польско-литовскимъ.

Вмѣстѣ съ началомъ московскаго владычества надъ Торопцемъ наступаетъ третій періодъ торопецкой исторіи.

Торопецъ, вошедши въ составъ Московскаго государства, былъ, какъ и въ старину, важной порубежной крѣпостью. Но въ XVI и XVII вѣкахъ недостаточны были старинныя земляныя укрѣпленія, по которымъ непріятелямъ возможно было «вбѣжать» въ городъ. Теперь «городъ» былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ водой и защищенъ крѣпкими деревянными стѣнами и башнями. Въ Торопцѣ жило много людей, принадлежавшихъ къ военнослужилому классу. Московское правительство во второй половинѣ XVI-го и въ XVII-мъ вѣкѣ постепенно увеличивало число торопецкихъ помѣщиковъ и стрѣльцовъ. Даже въ тѣ годы, когда отъ какого-нибудь бѣдствія число торопецкихъ жителей сильно уменьшалось, не уменьшалось число военнослужилыхъ людей, потому что ихъ ряды спѣшили пополнить. Только въ послѣдней трети XVII вѣка, послѣ заключенія Андрусовскаго договора, количество стрѣльцовъ значительно сократилось. Тяглые посадскіе люди и во время московскаго владычества часто превращались въ ратныхъ людей и принимали дѣятельное участіе въ бояхъ и въ оборонѣ своего города.

Послѣ присоединенія Торопца къ Московскому государству, въ жизни торопчанъ совершился крутой переворотъ. Передъ тѣмъ нерѣдко бились они съ москвичами и постоянно въ ожиданіи нападенія съ тревогой обращали взоры свои на сѣверъ; теперь — они должны были обращаться фронтомъ на югъ, оттуда ожидать нападеній и сражаться уже противъ литовцевъ.

Въ XVI столѣтіи было нѣсколько нашествій литовцевъ на торопецкія волости, завершившихся походомъ на Торопецъ грознаго Стефана Баторія въ 1580 году и сожженіемъ торопецкаго посада. Часто происходили враждебныя порубежныя столкновенія съ литовскими людьми, часто въ Литвѣ совершались грабежи и насилія надъ торопецкими купцами. Кромѣ того случались и «моровыя повѣтрія»; особенно пострадали торопчане отъ чумы въ 1566 году.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ экономическія выгоды порубежнаго положенія города Торопца были такъ велики, что всѣ бѣдствія, по временамъ по-

стигавшія торопчанъ, не въ состояніи были надолго задержать развитіе ихъ матеріальнаго благосостоянія; въ 1590 году однихъ «намѣстничьихъ доходовъ» было собрано съ нихъ 241 рубль (около 6000 р. нынѣшнихъ). Дарованная имъ вслѣдъ за тѣмъ уставная грамота, предоставившая имъ право самоуправленія и самосуда, повидимому, еще болѣе улучшила ихъ положеніе.

Первые годы XVII столѣтія прошли для Торопца благополучно. Но затѣмъ наступило «лихолѣтѣ». Торопецкій уѣздъ въ 1609—1614 годахъ былъ поприщемъ ожесточенной борьбы и подвергся разоренію; сожжены были даже пригородныя слободы, самый же городъ «во взятѣ не былъ», но зато выдержалъ въ 1613 году тяжкую осаду. Въ это страшное время много торопчанъ было убито, еще больше разбѣжалось. Городъ Торопецъ долго не могъ оправиться отъ «литовскаго разоренья»: въ 1628 году «на посадѣ было положено въ живущемъ» лишь $\frac{1}{8}$ сохи, и еще въ 1630 году, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, число всѣхъ торопецкихъ посадскихъ людей вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и подсосѣдниками доходило только до 124 человекъ²⁴³⁾.

Но вскорѣ послѣ того все въ Торопцѣ пзмѣнилось къ лучшему. Военныя дѣйствія велись вдали отъ Торопца, а вскорѣ и совсѣмъ прекратились. Населеніе городское умножилось, посадская же община продолжала платить подати пичтожныя (съ $\frac{1}{8}$ сохи). Понятно, что бѣглые посадскіе люди, расселившіеся по разнымъ литовскимъ и московскимъ городамъ и селамъ, мало-по-малу начали отовсюду возвращаться на свои старыя пепелища. О возвращеніи прежнихъ торопецкихъ тягловцовъ усердно хлопотали и «старые посадскіе люди», и московское правительство. Несмотря на большой пожаръ 1634 года, городское населеніе непрерывно и быстро умножалось. Въ Торопцѣ закипѣла по-прежнему неугомонная и разнообразная дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно стало увеличиваться и благосостояніе жителей. Во второй половинѣ вѣка подати возрасли въ своихъ размѣрахъ: въ послѣднемъ двадцатилѣтіи ежегодно ихъ взималось съ тяглыхъ людей 450 рублей (около 7500 рублей нынѣшнихъ). Тѣмъ не менѣе посадскіе люди богатѣли. Послѣ заключенія Андрусовскаго договора наступило для нихъ особенно благоприятное время: пользуясь всѣми выгодами порубежнаго положенія своего города, торопчане не страдали, какъ въ старину, отъ военныхъ бурь и разореній; для нихъ открылась возможность, посреди глубокаго мира, безпрепятственно и свободно тор-

²⁴³⁾ Разрядная вязка 1-я, № 12, лл. 134—141.

говать повсюду. На весьма значительное развитіе торговой дѣятельности въ Торопцѣ въ это время и на улучшеніе матеріальнаго благосостоянія его жителей указываютъ, между прочимъ, размѣры собиравшихся тогда съ торопчанъ и съ приѣзжихъ въ Торопецъ людей таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ: ихъ поступало въ казну ежегодно около 1500 рублей (25000 рублей нынѣшнихъ). Конецъ вѣка тяжелъ былъ только для торопецкихъ помѣщиковъ и стрѣльцовъ, которымъ пришлось совершить далекіе и многотрудные походы подъ Азовъ, а затѣмъ подъ Нарву.

Несмотря на многочисленность торопецкихъ военно-служилыхъ людей и важное въ военномъ отношеніи значеніе Торопца, онъ все-таки былъ городомъ по преимуществу торгово-промышленнымъ, тѣмъ болѣе, что и стрѣльцы и пушкаріи, подобно посадскимъ людямъ, занимались торговлей, ремеслами и земледѣліемъ и трудились на одномъ съ ними поприщѣ. Дворяне и дѣти боярскія жили въ своихъ помѣстьяхъ, и наиболѣе видными и вліятельными людьми въ городской жизни были посадскіе люди.

Въ теченіе своей многовѣковой исторической жизни торопчане проводили жизнь посреди постоянныхъ опасностей и часто проливали кровь, защищая отъ враговъ свою родную Торопецкую землю. «Порубежный городъ Торопецъ искони стоитъ на крови». Боевая жизнь и опасности развили въ нихъ смѣлый и рѣшительный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую грубость нравовъ. Религіозность, благотворительность и строгіе семейные нравы отличали всѣхъ торопчанъ. Тѣ изъ нихъ, которые занимались торговлей, выделялись своимъ умомъ, разнообразными знаніями, прибрѣтенными во время ихъ торговыхъ поѣздокъ, изворотливостью и ловкостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитростью и склонностью къ обманамъ.

Въ то время, какъ торопецкіе помѣщики, стрѣльцы и пушкаріи находились въ полной зависимости отъ воеводъ и стрѣлецкихъ головъ, посадскіе люди пользовались и подъ властью Москвы нѣкоторой долей самостоятельности въ своей внутренней жизни. Московское правительство, требуя отъ посадскихъ людей исполненія различныхъ повинностей и облагая ихъ тяжелыми податями, распредѣленіе между ними податей и повинностей всецѣло предоставляло имъ самимъ и вообще выѣшивалось въ «мірскія дѣла» лишь «по челобитью» самихъ посадскихъ людей; по временамъ даже предоставляло имъ право самосуда и самоуправленія. Во внутренней жизни торопецкаго міра и во время московскаго владычества имѣли большое значеніе соймы и выборные земскіе цѣловальники. Такимъ образомъ торопецкіе посадскіе люди со

времени подчиненія Москвѣ потеряли всякую дѣнь политической самостоятельности, но сохраняли большею частью независимость въ своихъ внутреннихъ, мірскихъ дѣлахъ.

Въ теченіе вѣковъ образовавшаяся привычка дѣйствовать сообща и «всѣмъ городомъ» рѣшать всѣ важнѣйшіе вопросы, возникавшіе въ ихъ внутренней жизни, приучила посадскихъ людей къ совместной общественной дѣятельности, развила въ нихъ общительный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ духъ нетерпимости къ постороннему вмѣшательству въ ихъ мірскія дѣла. Они смѣло и рѣшительно возставали противъ всѣхъ, кто въ Торопцѣ злоупотреблялъ своей властью и нарушалъ дарованныя имъ права.

Въ XVI и XVII вѣкахъ большая часть горожанъ жила въ своихъ собственныхъ дворахъ, на которыхъ всегда находились огороды и держалось немного домашнего скота. Посадскіе люди имѣли небольшую запашку и занимались вмѣстѣ съ тѣмъ ремеслами или торговлей. Изъ всѣхъ занятій въ XVII вѣкѣ на первый планъ постепенно выдвинулась торговая промышленность и къ концу вѣка сдѣлалась почти исключительнымъ занятіемъ весьма многихъ и притомъ наиболѣе способныхъ посадскихъ людей.

Торопчане были типичными представителями старинныхъ русскихъ торговцевъ. Но характеръ и приемы ихъ торговли не оставались неизмѣнными на протяжении многихъ вѣковъ; люди съ характеромъ торопецкихъ торговцевъ не могли чуждаться новизны и перемѣнъ, если онѣ могли доставить имъ значительныя выгоды, и потому они были участниками всѣхъ измѣненій, совершившихся въ экономической жизни русскаго народа. Торопецкіе торговцы, стремясь къ полученію наибольшей прибыли, постоянно искали новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ и, нашедши ихъ, тотчасъ искусно приспособлялись, — и въ выборѣ предметовъ торговли, и въ самыхъ способахъ торговаго обмѣна, — къ условіямъ мѣстной торговли и къ нуждамъ и вкусамъ потребителей.

Торопецъ былъ бы зауряднымъ уѣзднымъ русскимъ городомъ, еслибъ его жители не вели изстари торгъ за границей. Городомъ сравнительно богатымъ сдѣлала Торопецъ торговля «въ отъѣздѣ», въ особенности торговля за рубежомъ. Но главная причина выгодности и значительнаго развитія торопецкой торговли въ XVI и XVII вѣкахъ заключалась не въ характерѣ и не въ способахъ и приѣмахъ торговли, а въ томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ находились торопчане, какъ торговцы одного изъ порубежныхъ съ Литвой городовъ. Одни только торговые люди Торопца и нѣсколькихъ другихъ ближайшихъ къ Литвѣ городовъ

Московского государства продавали въ Литвѣ московскіе товары и покупали тамъ товары литовскіе; прочимъ московскимъ купцамъ поѣздка въ незнакомую имъ Литву, вслѣдствіе незнанія мѣстныхъ условій торговли и людей, съ которыми имъ пришлось бы вести дѣло, вмѣсто прибыли сулила опасности и затрудненія всякаго рода. Такъ какъ литовскимъ купцамъ воспрещенъ былъ пріѣздъ съ товарами въ Москву и во всѣ внутренніе города Московскаго государства, то и въ московскихъ владѣніяхъ литовскіе товары продавались почти исключительно тѣми же купцами порубежныхъ съ Литвой городовъ. Если литовскіе и московскіе купцы хотѣли избѣжать ихъ посредничества и купить товары изъ первыхъ рукъ, то они для покупки и продажи товаровъ неминуемо должны были пріѣзжать въ Торопецъ или въ иной порубежный городъ, въ которомъ дозволялось тогда торговать литовскимъ купцамъ. Понятно, какое важное торговое значеніе пріобрѣли въ то время Торопецъ и нѣкоторые другіе сосѣдніе съ Литвой города и ихъ торговые люди.

Въ XVIII столѣтіи торопецкая торговля продолжала развиваться. Торопецкіе купцы въ лицѣ своихъ наиболѣе зажиточныхъ и предприимчивыхъ представителей пріобрѣли повсемѣстную извѣстность и значительно расширили кругъ своихъ торговыхъ операцій. Не переставая посѣщать различныя литовскія и московскія ярмарки, по-прежнему рѣдко проходившія безъ ихъ участія, они торговали также на Ирбитской ярмаркѣ, на ярмаркахъ въ Лейпцигѣ и на другихъ; торговали въ Петербургѣ, въ Лейпцигѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ и даже въ Китаѣ. И до той поры въ Торопцѣ, какъ въ городѣ торговомъ, выдѣлялись изъ среды посадскихъ людей болѣе или менѣе богатые люди, въ XVIII же столѣтіи, благодаря иностранной торговлѣ, появилось не малое число настоящихъ богачей. Они понастроили себѣ въ Торопцѣ двухъ-этажные каменные дома красивой архитектуры и каменные кладовыя для храненія товаровъ; нѣкоторые изъ нихъ на собственныя средства созидали большія каменные церкви. Живое участіе въ торговлѣ принимали и небогатые люди и многимъ изъ нихъ удавалось въ короткое время пріобрѣсти торговлей значительныя денежныя средства. Быстро развивалась и широко раскидывалась торговая дѣятельность торопчанъ. Городъ Торопецъ, въ которомъ насчитывалось болѣе 8000 жителей, находился въ цвѣтущемъ состояніи.

Первый польскій раздѣлъ положилъ предѣлъ такому быстрому росту города Торопца, и уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка началъ замѣтно обнаруживаться упадокъ благосостоянія его жителей.

Пожары и инныя бѣдствія, постигшія торопчанъ въ концѣ XVIII вѣка, могли быть лишь второстепенными причинами ихъ обѣднѣнія: эти бѣдствія и прежде нерѣдко случались, но торопчане отъ нихъ всякій разъ быстро поправлялись. Перемѣна въ положеніи Торопца въ послѣдней четверти XVIII вѣка произошла 1) вслѣдствіе того, что онъ послѣ присоединенія Бѣлоруссіи не былъ уже болѣе городомъ порубежнымъ и не могъ пользоваться выгодами своего прежняго привилегированнаго положенія и 2) вслѣдствіе того, что историческая жизнь русскаго народа начала сосредоточиваться въ новыхъ мѣстахъ, явились новые важныя пункты оживленной торговой дѣятельности, и всѣ торговые пути проходили уже вдали отъ Торопца.

Все измѣнилось вслѣдствіе присоединенія Бѣлоруссіи къ Русскому государству. Съ этой поры жителямъ бѣлорусскихъ областей былъ открытъ свободный доступъ въ Москву, и для москвичей торговля поѣздки въ Бѣлоруссію не могли уже представлять прежнихъ затрудненій. Бѣлорусскимъ и московскимъ купцамъ теперь не было надобности для покупки товаровъ пріѣзжать въ Торопецъ. Теперь вполне основательно торопчане могли повторить свое старинное заявленіе, что ихъ городъ—«безпромышленной, пустой: ни изъ которыхъ городовъ съ торгомъ пріѣзду нѣтъ». Перемены, происшедшія въ условіяхъ торопецкой торговли, и паденіе торговаго промысла въ Торопцѣ повлекли за собой переселеніе въ другіе города богатыхъ и наиболѣе способныхъ и дѣятельныхъ купцовъ, что въ свою очередь явилось одной изъ причинъ дальнѣйшаго упадка Торопца.

Несмотря на крайній упадокъ торопецкой торговли, торопецкіе торговцы еще долго по своимъ капиталамъ были значительнѣйшими изъ всѣхъ купцовъ Псковской губерніи. Въ 1812 году, напримѣръ, предложено было собрать пожертвованій на вооруженіе и содержаніе ополченія съ купцовъ Псковской губерніи всего 69125 рублей, по 650 рублей съ купцовъ 1-ой гильдіи, по 250 р. съ купцовъ 2-й гильдіи и по 100 р. съ купцовъ 3-й. Въ Торопцѣ оказались: 1 купеческое семейство 1-ой гильдіи, 9 семействъ—2-й гильдіи и 165—3-й гильдіи, и потому предполагалось собрать съ нихъ 19375 рублей ²⁴⁴). Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе указанныхъ выше измѣненій въ торговомъ положеніи города

²⁴⁴) Городъ Псковъ—12750 р., Островъ—4050 р., Опочка—5900 рублей, Порховъ—6400 р., Новоржевъ—1950 р., Великія Луки—9850 р., Холмъ—7900 р., Печеры—950 р., Торопецъ—19375 р. (въ архивѣ Тороп. Городской Думы дѣла за 1813 годъ, № 18).

Торопца, онъ и въ XIX-мъ столѣтіи не могъ оправиться отъ своего экономическаго упадка.

Становится яснымъ, въ чемъ заключались въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ его сила и значеніе: *Торопецъ былъ городъ порубежный и торговый*. Важное его значеніе и благосостояніе его жителей прежде всего были слѣдствіемъ весьма значительнаго развитія торопецкой торговли, особенно заграничной. Торговля же доставляла большія выгоды торопецкимъ торговымъ людямъ главнымъ образомъ вслѣдствіе порубежнаго и привилегированнаго положенія города Торопца. Такимъ образомъ, хотя жизнь на рубежѣ двухъ враждебныхъ государствъ была для торопчанъ неразрывно связана со многими тревогами и матеріальными потерями, однако вмѣстѣ съ тѣмъ порубежное положеніе доставляло ихъ родному городу важное торговое значеніе и вслѣдствіе того обеспечивало ему экономическое процвѣтаніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Торопецкая уставная грамота 7099-го года ¹⁾.

Лѣта 7099-го (7099-го) Государь Царь і Великий Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи пожаловалъ торопчанъ посадцкихъ людей, старость, и соцкихъ, и пятідесяцкихъ, и всехъ лутчихъ и середнихъ и молотчихъ городцкихъ людей, Сенку Иванова сына Колмокова съ товарищи. Били челомъ ему, великому государю, а сказали: збирають де они на него, государя, после намѣсника всякие намѣсничьи доходы, на кобаке сидятъ однимъ посадомъ, а дѣти боярские и ихъ прикащики и крестьяна во всякие намѣсничьи доходы не пособляютъ; а судятъ де ихъ, посадцкихъ людей, воеводы, и на поруки ихъ даютъ приставы воеводцкие жъ, і имъ де чивятца убытки и продажи въ томъ великие, и отъ того де посадцкие люди бредутъ розно. И ему бѣ, государю, ихъ, торопчанъ посадцкихъ людей,—старость, и соцкихъ, и пятідесяцкихъ, и десятицкихъ, и всехъ лутчихъ, и середнихъ, и молодчихъ людей,—пожаловати: велети быть у нихъ въ городе на посаде въ земьскихъ целовальникахъ лутчимъ посадцкимъ торопецкимъ людямъ, которыхъ они учнутъ межъ себя городомъ всемъ избирати. А за намесничъ бы кормъ, и за тиунское, и за провѣтчиковы и за доводчиковы поборы, и за присудъ, и за пятно, и за явку, и за выводную куніцу, и за все намесничьи кормы и за пошлинниковы поборы—положить на нихъ оброкъ деньгами, то число, что собрали у нихъ вѣрные целовальники въ 97-мъ (97-мъ) году.

А по четвертнымъ книгамъ съ пк-го (82-го) году по пн-й (88-й) годъ, до королевского приходу, съ Торопца съ посаду за всякие намѣсничьи доходы платили въ четверть съ трехъ сохъ по сту по шести-десять по четири рубли по дватцати по два алтына по четири деньги, да съ рыбные ловли съ озеръ и по реке Торопце оброку по два рубли съ четвертью, да меховыхъ денягъ по два рубли по пяти алтынъ по

¹⁾ Списокъ съ торопецкой жалованной уставной грамоты—въ 1182-мъ столбцѣ Приказнаго стола, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

две деньги, і всего съ Торопца съ посаду въ четверть до королевского приходу—по сту по шестидесять по восьми рублевъ по пятнадцати алтынъ на годъ. А въ пн-мъ (88-мъ) году Торопецъ воевали литовские люди, а после литовскихъ людей войны—Торопецъ, посадъ и Торопецкой уездъ, былъ на льготе по уг-й (93-й) годъ; а съ уг-го (93-го) году по уз-й (97-й) годъ были Торопецъ пожалованы намѣсники князь Василей Пронской да князь Василей Лобановъ Ростовской; а после князь Василья Лобанова Ростовского въ уз-мъ (97-мъ) году собрали съ Торопца съ посаду вѣрные целовальники всякихъ намѣсничьихъ доходовъ и кобацкихъ денегъ двесте три рубли девятнадцать алтынъ. А по дозорнымъ книгамъ письма и дозору Григорья Колядинского да подьячего Нечая Сурочева ук-го (92-го) году, по которымъ собираютъ данные деньги, въ Торопце на посаде въ живущемъ—соха и полполполчеті сохи.

І Государь Царь і Великіи Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи торопчанъ посадцкихъ людей: старосту, и соцкихъ, и пятидесятцкихъ, и десяцкихъ, и целовальниковъ, и лутчихъ, и середнихъ и молотчихъ людей пожаловалъ: велелъ у нихъ быти въ городе і на посаде въ земскихъ целовальникахъ лутчимъ торопецкимъ людямъ, кого они межъ собою учнутъ выбирать всемъ городомъ, и те ихъ выборные земские целовальники въ городе вѣдаютъ и судятъ и управу посадцкимъ людямъ въ городе и на посаде чинятъ во всякихъ земскихъ делахъ по Судебнику и по той жалованной грамоте; да и іные всякие пошлыны наши съ нихъ собираютъ и въ нашу казну платятъ те жъ земские целовальники. А которыхъ посадцкихъ людей въ земские целовальники всемъ городомъ выберутъ, и техъ земскихъ целовальниковъ и по нихъ выборы, за отцовъ ихъ духовныхъ руками и за своими приписями, присылати імъ ежегодно къ Москвѣ въ четверть дьяка Дружины Пятелина; и по темъ выборамъ техъ земскихъ целовальниковъ приводити хъ крестному целованью на Москвѣ.

А явки имъ въ городе Торопце съ приезжихъ людей, и выводная куница, и новоженной убрусъ, и пятно имати по старине, какъ имали прежъ сего торопецкие намѣсники. А за намѣсничьи кормы, и за тиунские, и за проветчиковы и за довотчиковы поборы, и за присудъ, и за пятно, и за выводную куницу, и за явку, и за кормъ, и за все намѣсничьи доходы и за пошлынниковы поборы давати торопецкимъ посадцкимъ людямъ со всего посаду въ государеву казну на Москве въ четверть дьяка Дружины Пятелина на одинъ срокъ, на Оспожинъ день, по двесте по сороку по одному рублю на годъ, по тому жъ, что собрали съ Торопца съ посаду намѣсничьихъ доходовъ вѣрные цело-

вальники въ 97-мъ (97-мъ) году ²⁾. — А въ оброке и во всякихъ на-
мѣстничьихъ доходахъ торопецкимъ дутчимъ, и середнимъ и молотчимъ
людемъ верстатца межъ себя самимъ, по своимъ животомъ и по про-
мысломъ. А ямьские имъ денѣги платить по сохамъ, и городовое дѣло
делать и всякие тягла тянуть по старине, по тому жъ, какъ тянули
прежъ сего.

А судити торопецкимъ выборнымъ целовальникомъ по той гра-
моте. Взыщеть хто на комъ рубля московского, а будетъ досудитца до
виноватого, и целовальники велеть взять на виноватомъ пошпины съ
рубля по гривне московской. А будетъ дѣло больши рубля или
меньши,—и целовальникомъ на виноватомъ пошпины имати по тому жъ
росчету. А случитца крестное целованье въ поклажее, и целовальни-
комъ имати пошпины съ рубля по гривне жъ. А ково слухъ опослу-
шествуетъ лживой и обыщетьца то въ правду, и на томъ послухе взять
тотъ истьцовъ искъ и убытки все; а въ нашей пени—казнити его тор-
говою казнью: бити кнутомъ да вкинуть въ тюрьму на время. А дове-
дутъ на ково разбой, или татьбу, или ябедничество, или иное какое ли-
хое дѣло, а будетъ вѣдомой лихой человекъ, а доведетца до смертной
казни, и выборнымъ целовальникомъ зъ губными старостами обыскати,
а обыскавъ велети истьцово на немъ доправити изъ ево статка, а что

²⁾ Выше, въ этой же грамотѣ, написано, что намѣстничьихъ доходовъ въ
7097 году было собрано въ Торопцѣ 203 рубля 19 алтынъ. Очевидно, что 241
рубль собрали цѣловальники въ 98-мъ году. Посадскіе люди челобитную о даро-
ваніи имъ уставной грамоты подали въ 7098 году; они просили, чтобы оброкъ
былъ положенъ на нихъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ были собраны намѣстничьи
доходы въ предыдущемъ 97-мъ году, т. е. въ размѣрѣ 203 рублей 19 алт. По
справкамъ въ четверти дѣяка Дружины Петелина оказалось, что дѣйствительно съ
Торопца было получено 203 р. 19 алт. Послѣ этого, въ томъ же 98-мъ году была
составлена торопецкая уставная грамота, въ которой и было, между прочимъ, на-
писано, чтобы торопчанамъ платить по двѣсти три рубля 19 алтынъ «на годъ, по
тому жъ, что собрали съ Торопца съ посаду намѣстничьихъ доходовъ вѣрные цѣ-
ловальники въ 97-мъ году». Но эта составленная въ 98 году грамота была утвер-
ждена, когда уже наступилъ 7099-й годъ (1 сент. 1590 г.). Пришлось положить
оброкъ уже «по тому, что собрали съ Торопца» въ 98-мъ году, т. е. 241 рубль.
Соотвѣтственно этому въ составленной грамотѣ поспѣшно сдѣлано было измѣненіе
въ цифрѣ, обозначающей количество полученныхъ съ Торопца намѣстничьихъ дохо-
довъ, но цифру года, въ который доходы были собраны, не исправили, вслѣдствіе
чего получилась очевидная ошибка. Высказанная здѣсь догадка послужила однимъ
изъ шаткихъ и недостаточныхъ основаній для утвержденія, что торопец. уставная
грамота была пожалована въ началѣ 7099-го года, т. е. въ концѣ 1590 года.

у остатка останетца за истьцовымъ, и то целовальникомъ отписывати на государя, да посадити въ тюрму, да отписать къ Москве, а безъ государева указу смертию его не казнити. А взмолвить на кого тать или разбойникъ, і объ немъ обыскати, какой онъ человекъ, а подворья не печатать и продажи ему не чинити дотолѣ, доколь объ немъ обыщутъ. А учнутъ въ Торопце тати или разбойники жити и хъ кому тати или разбойники изъ иныхъ городовъ приезжати, и где техъ людей свѣдають, и выборнымъ целовальникомъ за теми людьми, за татьми и за разбойниками, гонять, да где ни буди догонять татя или разбойника, и они тутъ ево поймають да поставятъ сво въ Торопце передъ выборными целовальники, и истьцомъ съ теми лихими людьми чинятъ управу, а посадцкимъ людямъ въ томъ продажи нѣтъ. А у ково въ Торопце лошадь изгнеть, и найдутъ ту лошадь где ни буди, а татя съ нее не згонять, и они згоннаго съ тое лошади не даютъ. А хто ково повмаетъ съ приставомъ въ бою, или въ лае, или въ замехъ, а на судъ поити не захотятъ, и они, доложѣ целовальниковъ, помирятца, и въ томъ имъ продажи нѣтъ, опричь хоженаво; а хоженаво имати: дастъ ково въ городе на поруку,—и ему имати две деньги московская. А хто ково поймаеть съ поличнымъ, и тотъ съ себе сведетъ сводъ, хотя и до десяти сводовъ и до чеглово татя, и ему въ томъ продажи нѣтъ. А поличное — то: хто у ково выметъ нсъ клети изъ-за замка или что на комъ опознаетъ свое, ино то поличное; а найдутъ во дворе или въ пустой хоромине, а не за замкомъ, и то не поличное. А самосуду емлютъ выборные целовальники два рубля московскую; а самосудъ — то: хто поймаеть татя съ поличнымъ да отпустить ево прочь, а выборнымъ целовальникомъ не явить, а ево въ томъ уличать, ино то и самосудъ, а опричь того самосуду нѣтъ. А учинитца у нихъ въ городе душеубивство, а не будетъ душегубца въ лицахъ, и выборнымъ целовальникомъ имати вѣры за голову чѣтыри рубли московскую; а заплатятъ вѣру те люди, где у нихъ душегубство учинитца; а доищутца душегубца, и они ево отдадутъ выборнымъ целовальникомъ, а посадцкимъ людямъ въ томъ вѣры и продажи нѣтъ. А хто будетъ отъ своихъ рукъ утераетца, или въ воде утонетъ, или въ лесу древомъ убьеть, или съ студени умереть, или зверь съестъ, или згорить, или изъ-за рубежа убитую голову подкинуть, или убитая голова водою приплыветъ, а знахора і истьца не будетъ, и обыщутъ того безъ хитрости, — и они того явятъ выборнымъ своимъ целовальникомъ да того мертвого схоронятъ.

А десятильникомъ на нихъ имати отъ знамени печати съ холостьца—алтынъ московской, а со вдовца два алтына московскую. А

хто у нихъ дастъ дочеръ замужь въ городе,—и выборнымъ целовальникомъ имати за новоженной убрूसъ—алтынъ московской, а со вдовца—два алтына московскую. А хто у нихъ дастъ дочеръ изъ города замужь въ волость, и выборнымъ целовальникомъ имати за выводную куницу два алтына московскую.

А хто у нихъ купить лошадь или менить, и они являютъ выборнымъ целовальникомъ, и они у нихъ пятають своимъ пятномъ; а отъ пятна емлютъ съ лошади, съ купца и съ меновщины, деньгу московскую; а имена людцкине пишутъ и лошедь въ шерсти пишутъ въ книги памяти дия. А хто у нихъ купить лошадь или менить, а выборнымъ целовальникомъ не явить да токова жъ дни, и они, ево уличивъ, возьмутъ на немъ пропятаенья два рубли московскую.

А которые гости литовскихъ городовъ приедутъ въ Торопецъ съ товаромъ, и выборнымъ целовальникомъ имати явки по два гроша зъ гостя (и) съ товару, а отъ явки по грошу зъ гостя і съ товару; а съ наймитовъ ихъ явки и пошлинъ некоторыхъ нѣтъ. А которые гости-торговые люди изъ городовъ Московские земъли, изъ Тверские і изъ иныхъ многихъ царя і великого князя земель, приедутъ въ Торопецъ съ торгомъ, и выборнымъ целовальникомъ имати съ техъ гостей явки зъ головы, съ товарного человѣка,—по деньге московской зъ головы. А хто приедетъ въ Торопецъ изъ Торопецкого уезду съ какимъ товаромъ ни буди, и выборнымъ целовальникомъ съ техъ людей явки и пошлинъ некоторыхъ не имати. А хто привезетъ въ Торопецъ изъ Луцкого уезду или отъинуды, откуля-нибудъ, хлѣбъ на продажу на саяхъ или на телегахъ, и выборнымъ целовальникомъ имати съ техъ людей съ хлѣба, съ воза и съ телеги, по две деньги московской. А отъ явки у нихъ не емлютъ ничего.

А которые торопчана лошади и коровы купать, гоня за рубежь въ Литву, и выборнымъ целовальникомъ имати явки съ коровы по деньги московской, а съ лошади имати пошлину пятенную. А которой торопченинъ купить животину собе на ежу или туто на продажу, въ Торопце и въ Холму, і выборнымъ целовальникомъ съ тое животины явки не имати.

А хто торопченинъ привезетъ въ Торопецъ какой товаръ, — и выборнымъ целовальникомъ съ техъ людей съ товару тамги, и пошлинъ, и мыта не имати. А которой торопченинъ продастъ и менить въ Торопце лошадь за рубежь гостемъ литовскимъ и торговымъ людемъ,—и выборнымъ целовальникомъ у нихъ съ техъ лошадей имати пятна по четыре деньги съ литвина, а съ торопченина имати пятенную деньгу московскую.

А которыхъ дѣлъ земскимъ целовальникомъ безъ нашего вѣдома вершить не мочно,—и земскимъ целовальникомъ въ техъ дѣлахъ суда своево и обысковъ списки о всякихъ дѣлахъ присылать къ Москве, въ четверть къ дьяку къ Дружине Пятелину или кому иному царь і великіи князь прикажетъ ту четверть вѣдати, и о техъ дѣлахъ, докладывая царя і великого князя, указъ имъ чинять.

Да того земскимъ целовальникомъ межъ себя беречи накрепко, чтобъ отъ нихъ отъ самихъ и отъ стороннихъ ни отъ кого городскимъ людямъ обиды и продажъ безлепешныхъ не было жъ; и посулу и поминковъ ни въ какихъ дѣлахъ на посадскихъ людехъ не имали некоторыми дѣлы. И учнутъ посадские люди въ городе на посаде, или княженицкие, или боярские, или монастырские, или чьи ни буди, у себя лихихъ людей держати или за лихихъ людей стояти учнутъ, и выборнымъ целовальникомъ, поймавъ, не учнутъ отводить, и обыщца про техъ лихихъ людей, мимо ихъ, иными сторонними людьми, и темъ людямъ быти въ томъ отъ царя і великого князя каженнымъ смертною казнию, и животы ихъ и статки велятъ отдавать истцомъ. А учнутъ земские целовальники въ городе межъ себя кому ни буди посулы, и обиды, и продажи безлепешные чинить, и посулы и поминки на посадскихъ людехъ имати, и земскимъ целовальникомъ отъ царя і великого князя быти каженнымъ смертною казнию, и животы ихъ и статки велятъ у нихъ имати да отдавать темъ людямъ, кому у нихъ продажи и убытки чинятца.

А судные и обыскные дѣла всякие выборныхъ земскихъ целовальниковъ записывать земскому дьячку, которово они всемъ городомъ выберутъ. А у записки у всякихъ дѣлъ сидети земскимъ целовальникомъ, а съ ними лутчимъ людямъ. И велети ему всякие дѣла записывать передъ собою. А которые выборные земские целовальники грамоте умеютъ, и они къ темъ запискамъ по составомъ руки свои прикладывали и держали те записки всякихъ дѣлъ за своими печатями. А земскимъ дьячкомъ безъ нихъ судныхъ и обыскныхъ всякихъ дѣлъ не записывать и у себя не держати некоторыми дѣлы. А учнетъ земской дьячекъ судные и обыскные всякие дела записывать одинъ, не передъ земскими целовальники, или которые дѣла учнетъ земской дьячекъ держати у себя, а целовальниковыхъ у техъ дѣлъ по составомъ рукъ не будетъ,—а хто ихъ въ томъ уличить,—и дьячку земскому отъ царя і великого князя быти кажену, а животы ево и статки велети поимати да отдавати тому, кто на него доведетъ.

А корчемъ и питья всякого на продажу въ городе не держати, а держати имъ питье про себя, а не на продажу. А хто у нихъ въ

городе на посаде учнеть держати корчмы и питье учнеть продавати,— и выборнымъ целовальникомъ да съ ними лутчимъ людемъ у техъ людей, которые учнутъ питье держать на продажу, вынимати и заповеди на нихъ доправити на царя і великого князя рубль московской, а на себя имъ иматі рубль же московской.

А кому будетъ чево искати стороннимъ людемъ на торопчанехъ посадцкихъ людехъ, и те сторонние люди на городцкихъ посадцкихъ людей о управяхъ приходить бити челомъ дьяку Дружине Петелину, и дьякъ Дружина Петелинъ, докладывая меня, царя і великого князя, на посадцкихъ людей управу даетъ и на Москвѣ указъ учинить по нашему указу.

І на пустые имъ мѣста старинныхъ своихъ тяглицевъ изъ-за князей і изъ-за детей боярскихъ, изъ-за монастырей и изъ волостей, которые у нихъ съ посаду разошлись, въ заповедные лѣта вывозить назадъ на старинные ихъ мѣста,—гдѣ кто жилъ напередъ того,—безоброчно и безпошлинно.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

«Выборъ и приговоръ», данный соймомъ земскому старостѣ съ товарищами³⁾.

«Лѣта 7194-го (7194-го) году августа въ день, по указу Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича і Великие Государыни Благоверной Царевне і Великие Княжны Сооиі Алексѣвнѣ, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержцевъ, і по уставной Великого Государя жалованной судимой грамоте блаженные памяти Великого Государя Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия і Малыя і Бѣлыя Росіи самодержца, указу, торопецкой земской староста Алексей Петровъ сынъ Акончынниковъ съ товарищи да торопчєня посацкие люди Гаврило Андреевъ сынъ Туѳановъ, Яковъ Семеновъ сынъ Туѳановъ, Иванъ Дмитриевъ сынъ Нехорошевъ, Ѳедоръ Ивановъ сынъ Ворыпаевъ, Зеновъ Семеновъ сынъ Лябѣзгинъ, Прокоѳей Корниловъ сынъ Нехорошевъ, Максимъ Михайловъ сынъ Чырьевъ, Иванъ Середнеі Ивановъ сынъ Боткинъ, Аѳонасеі Никитинъ сынъ Антоновъ, Аксенъ Прокоѳьевъ сынъ Нахоткинъ, Тимоѳей Васильевъ сынъ Антоновъ, Иванъ Вар-

³⁾ Въ 1182-мъ столбцѣ Приказнаго стола.

Феофановъ сынъ Филимоновъ, Максимъ Ивановъ сынъ Ворыпаевъ, Семенъ Меньшой Федоровъ сынъ Староватовъ, Иванъ Васильевъ сынъ Антоновъ, Михайло Ларионовъ сынъ Свечниковъ и все торопчѣны посацкіе люди выбрали есмь торопчанъ же посацкихъ людей въ земскую избу старостою ко 195-му году: Максима Степанова сына Заозерского, Ивана Никитина сына Кобылкина, Давыда Тимофеева сына Сачнева, Никона Амелянова сына Скудельникова, Алексѣя Архипова сына Познекова, Афонасія Алексѣева сына Красильникова. И быть темъ напимъ выборнымъ земскому старостѣ съ товарищи въ земской избу съ Семена дни лѣтанащатца 194-го (читай 195-го) году сентября съ 1-го числа да по 196-й году да сентября по 1-е число.

И будучы въ Торопцѣ въ земской избѣ, земскому старостѣ съ товарищи—Великихъ Государей и мирские дела по ихъ Великихъ Государей указу, і по Соборному уложению, і по уставной Великого Государя грамотѣ межъ нами, посацкими людьми, росправу чинить по святой Христовѣ непорочно евангельской заповѣди Господни, другу не дружка, а недругу не мстя.

А учнутъ они, земской староста съ товарищи, насъ, посацкихъ людей, на всякіе городовые і острожные поделки посылать,—і во всемъ ихъ слушать, то ихъ слушати, и къ Государевымъ ко всякимъ і къ мирскимъ деламъ въ сѣи ходити безо всякаго ослушанія. А которой изъ насъ, посацкихъ людей, ево старосту съ товарищи учнутъ не слушати или обѣщестать,—и ему, земскому старостѣ съ товарищи, техъ посацкихъ людей сожать въ тюрьму на время, а изъ тюрьмы чинить наказаніе, смотря по ихъ винѣ.

А какъ учтетъ земской староста съ товарищи во всякіе поборы брать въ земскую избу, и намъ, посацкимъ людьми, въ те Государевы платежи і на мирские расходы платить ему, земскому старостѣ съ товарищи, безо всякаго ослушанія, противъ нашихъ окладныхъ книгъ, по жеребьямъ, въ сколько даней противъ роздачи збирать; а поборные выписи для збору довать намъ, посацкимъ людьми. А которые торопчѣны посацкіе люди не учнутъ пошлѣнъ плотить противъ окладныхъ книгъ, и на техъ неплатищниковъ давать приставовъ і хоженного, будетъ они не учнутъ пошлѣнъ противъ оклада платить, и на техъ ослушниковъ битъ челомъ Великимъ Государемъ о городовой приставѣ. А съ которыхъ съ насъ, посацкихъ людей, по окладнымъ книгамъ, по роскладѣ, пошлинныхъ денегъ и иныхъ всякихъ поборовъ и въ своемъ году не доправитъ, и ему, земскому старостѣ съ товарищи, тѣ недоборные деньги отдавать въ новой годъ новому земскому старостѣ съ товарищи, годъ отъ года.

А хто учнетъ къ нимъ, нашимъ выборному земскому старосте съ товарищи, приставливать въ нашихъ мирскихъ делахъ, и ево, земского старосту Максима съ товарищи, ево годового земской избы сиденья во всякихъ мирскихъ делахъ намъ стоять, и ни въ чемъ не выдать, і убытка ихъ въ мирскихъ делахъ никакова ни довести, по сему нашему выбору; а что станеть убытка ему, земскому старосте съ товарищи, въ нашемъ мирскомъ дѣле въ земскоі избы ево годового сидѣнія, и те убытки намъ, торопчаномъ посацкимъ людьми, съ него, земского старосты съ товарищи, снять все сполна, по ихъ душевной скаски.

А выборъ писалъ Васка Филимоновъ».

Во второмъ «выборѣ и приговорѣ», данномъ М. Заозерскому въ томъ же августѣ 1686 года, не перечисляются имена, отчества и фамиліи «лучшихъ людей»; вмѣсто того въ немъ помѣщены слѣдующія слова:

«Торопецкой земской староста Алексей Петровъ сынъ Акончиниковъ съ товарищи и все торопченя посацкіе люди выбрали есмъ торопченъ же посацкихъ людей въ земскую избу старостою ко рѣ-му (195-му) году Максима Степанова сына Заозерского съ товарищи; і данъ ему, Максиму съ товарищи, выборъ на рѣ-й годъ. Ему жъ, Максиму, данъ выборъ, что быти ему земскимъ старостою впредъ во рѣ-мъ (196-мъ) году и во рѣ-мъ (197-мъ) году бѣзперемежно, а къ нему, Максиму, въ товарищи целовальниковъ вобирать погодно».

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Отписка земскаго старосты съ товарищами въ Разрядъ объ избраніи на суймѣ новыхъ земскаго старосты и цѣловальниковъ (1698 годъ) ⁴⁾.

Великому Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣвичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, сироты твои, торопецкой земской староста Оетька Туеоновъ съ товарищи челомъ бьютъ.

Въ нынѣшнемъ, Государь, двесте шестомъ году июля въ 5 день, по Твоему, Великого Государя Царя і Великого Князя Петра Алексѣ-

⁴⁾ Въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи: Столбцы Московскаго стола, столбецъ № 962, л. 266.

евича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, указу и по жалованнымъ судимымъ грамотамъ; выбрали мы, сироты твои, въ земской избы, на суйму съ мирскими людьми, и съ торопчанъ посацкихъ людей въ земскую избу старосту и целовальниковъ къ двесте седьмому году; и на нихъ, выборныхъ земского старосту и целовальниковъ, выборъ за руками подъ сею отпискою и съ Торопца послали мы, сироты твои, къ Тебѣ, Великому Государю, къ Москвѣ нынѣшняго двесте шестаго году августа въ еи (15) день. А отписку, Государь, и подъ отпискою выборъ за руками велѣли мы, сироты твои, подать въ Розряде боярину Тихону Никитичю Стрешневу съ товарищи.

«Выборъ и приговоръ» земскому старостѣ и цѣловальникамъ (1698 годъ)⁵⁾.

Лѣта 7206-го году июля въ 5-й день, по указу Великого Государя Царя і Великого Князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и по жалованнымъ Великого Государя судимымъ грамотамъ, торопецкой земской староста нынѣшняго 206 году Ѳеодоръ Яковлевъ сынъ Туеоновъ съ товарищи, и лучшие и середние и молочные і все торопчани посацкие люди выбрали есмь торопчанъ же посацкихъ людей въ земскую избу: земскимъ старостою къ двесте седьмому году—Давыда Тимоѣева сына Сачнева да въ целовальники—Тимоѣя Савина сына Кобылкина, Петра Васильева сына Бѣлавина, Якова Яковлева сына Колачникова, Ѳеодора Аввакумова сына Жукопитина, Василья Григорьева сына Светицкого, Силу Алексѣева сына Большова. И быти тѣмъ нашимъ выборнымъ земскому старосте и целовальникомъ въ Торопце въ земской избѣ 207 году сентебря съ перваго числа да 208 году сентебря да перваго числа.

И будучи имъ въ земской избѣ, земскому старосте и целовальникомъ Великого Государя и мирские наши дела по жалованнымъ судимымъ грамотамъ, и по Соборному Уложению, и по новоуказнымъ стотьямъ насъ, торопчанъ посацкихъ людей, судить во всякихъ делахъ, и управу имъ, земскому старосте и целовальникомъ, мѣжъ нами, посацкими людьми, чинить въ правду по евангильской заповѣди Господни, другу не дружа, а недругу не мстя, по сему нашему, торопчанъ посацкихъ людей, выбору.

А выборъ писалъ торопецкой земской избы дьячокъ Карпушка Мельниковъ.

Отдалъ отъ стола дьякъ Иванъ Улановъ октября въ 5 день нынѣшняго 207-го году.

⁵⁾ Тамъ же, столб. № 962, л. 267 и 268.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

«Выборъ и приговоръ» сойма о сборѣ съ посадскихъ людей денегъ на мірскіе расходы ^{*)}.

Списокъ съ выбору и съ приговору слово въ слово. Лѣта 7198-го году генваря въ день, по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, и по памяти стольника і воеводы Василья Ивановича Потемкина, торопецкой земской староста Гаврила Гавриловъ сынъ Туѳановъ, да целовальники Петръ Ѳеодоровъ сынъ Столбынинъ съ товарищи, и все торопчаня посацкіе люди выбрали и приговорили торопчанъ же посацкихъ людей Петра Иванова сына Нехорошева съ товарищи, Івана Кузьмина сына Палкина да Солюяна Григорьева сына Дидеева, — къ денежному збору въ нынѣшнемъ во 198-мъ году.

Збирать имъ, выборнымъ целовальникомъ, съ насъ, торопчанъ посацкихъ людей, по нашимъ окладнымъ книгамъ, по жеребьямъ, въ одиннатцать даней вскорѣ и, собравъ съ насъ, съ торопчанъ посацкихъ людей, техъ зборныхъ денегъ, отдать торопчанину посацкому человѣку Максиму Степанову сыну Заозерскому и которого мы выбѣремъ торопченина посацкого человѣка. А отдавать при земскомъ старосте при Гавриле Гаврилове сыне Туѳанове съ товарищи и при всехъ торопчанъ посацкихъ людехъ въ нынѣшнемъ во 198-мъ году вскорѣ за то, что онъ, Максимъ, билъ челомъ Великимъ Государемъ въ прошломъ во 195-мъ году по нашимъ по заручнымъ челобитнымъ объ уставной судимой Великихъ Государей грамоте и об ѣнныхъ нашихъ мирскихъ дѣлахъ.

И какъ онъ, Максимъ, возьметъ тѣ деньги съ роспискою за рукою, и ехать ему, Максиму, къ Москвѣ (съ) стороннимъ человѣкомъ, которого мы выбѣремъ, и расплатится, гдѣ у него, Максима, занято на расходы и на убытки, по ево, Максимовой, душевной скаске, двести восемьдесятъ семь рублей и съ теми задаточными деньгами, которые бралъ онъ, Максимъ, на Москвѣ у которыхъ посацкихъ людей по росписи за Максимовой рукою. І въ нынѣшнемъ во 198-мъ году отдать ему, Максиму, старою Великого Государя судимую уставную грамоту да писцову выписъ писца и Лва Монастырева да подьячего Исаа

^{*)} Приказнаго стола столбецъ № 1182, въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи.

Баскакова въ Торопце въ земской избѣ земскому старосте Гаврилу Туеонову съ товарищи и торопчанамъ посацкимъ людямъ.

Имъ, выборнымъ целовальникомъ, платить тѣ деньги бѣзъ задержанія. А будетъ которые изъ насъ, торопченинъ посацкой человекъ, не учнетъ платить техъ денегъ вскорѣ, и имъ, выборнымъ целовальникомъ, техъ ослушниковъ сажать въ тюрьму и правежемъ править. А которые у него, Максима, браны въ задачу, будучи на Москвѣ, деньги у торопчанъ посацкихъ людей, и те задаточные деньги имъ, выборнымъ целовальникомъ, въ платежъ въ те одиннадцатъ даней по росписи; а у кого больші техъ даней будетъ, и темъ людямъ додовать изъ техъ даней, по ево, Максимовой, по заручной росписи. Да ему жъ, Максиму Заозерскому, быть съ нимъ, целовальникомъ, въ томъ денежномъ зборе для росплаты задаточныхъ, что бралъ онъ, Максимъ, будучи на Москвѣ, противъ своей заручной росписи, у торопчанъ посацкихъ людей. А брати имъ, целовальникомъ, съ насъ, торопчанъ посацкихъ людей, одиннадцатъ даней, а больші ни на комъ не брать.

А какъ у нихъ спросятъ техъ сборныхъ денегъ земской староста Гаврила Гавриловъ сынъ Туеановъ съ товарищи и торопчана посацкие люди въ земскую избу, и имъ давать съ роспискою по сему нашему выбору и приговору.

А выборъ писалъ Сенька Курицынъ.

А подлинной выборъ и приговоръ за руками земского старосты Гаврила Туеанова съ товарищи и всехъ торопчанъ посацкихъ людей за руками жъ».

На оборотѣ: «Къ сему списку (съ) приговору и выбору,—а подлинной къ себе взялъ,—Максимка Заозерской руку приложилъ».

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Письмо зятя къ тестю (1757 годъ)⁷⁾.

Милостивому Государю моему, батюшки Петру Васильевичу господину Туеанову, въ Москве.

Преусердной благоприятель нашъ і милостивый ко мне государь-батюшка, Петръ Васильевичъ.

Вашими отеческими молитвами зъ дочериею Вапею, а съ моею вселюбезнейшею Прасковьею Петровною, трактъ имель съ великою

⁷⁾ Нижегородскія письма взяты изъ коллекціи писемъ, въ настоящее время принадлежащей о. В. А. Щукину.

съ нуждою. Въ Торопецъ приехалъ 25 дня, то есть въ воскресенья въ ночи, а 26 дня по закону должности христіанской исповѣдали і елеемъ освящали, а 27 дня, то есть во вторникъ, после ранней обе-
дни, святыхъ тайнъ приобщили, а во второмъ часу двадцать пятой минуты по полудни, волею всемогущаго Бога, въ вечное жилище отъ-
иде. А къ погребенію преуговариваемъ къ преданію въ землю мая 29 дня. По крайней жадности вашей дочери, а моей любезной жены Прасковьи Петровны,—обще съ вашею сожительницею, а съ моею милостивою государынею-матушкою Татьяною Аеонасьевной, въ при-
ходе нашемъ, въ Николаевской перкви, во одномъ склепе поставлена
будеть.

Въ прочемъ усердно желаю видѣть Васъ въ скоромъ времени при добромъ здравіи; всего въ печальныхъ случаяхъ преставить болне сего не имею; въ прочимъ остаюся вашъ, моего Государя, всепо-
корный слуга, печальной зять вашъ Петръ Н. Ползуновъ. 1757 года мая 28 дня. Торопецъ.

Письмо матери къ сыну — домовладыкѣ (1754 годъ).

Вручить сие письмо торопецкому купцу Петру Васильевичу, его милости господину Туфанову, въ Москвы.

Торопецъ. Декабря 2-го дня 1754 году.

Сыну моему, Богомъ данному, Петру Васильевичу,—отъ матери твоей, Богомъ данной, Матрены Васильевны,—миръ и наша родитель-
ское благословеніе отъ нынѣ і до века. Любѣзніишия дети твои Пра-
скева Петровна, Анна Петровна, Агаѣя Петровна, Евдокія Петровна просятъ твоего родительскаго благословенія і земно кланяются. При
семъ вашу милость, Петръ Васильевичъ, прошу купить... Да при семъ
вашей милости, Петръ Васильевичъ, доношу, что я у Федота Ивано-
вича господина Аксенова взяла денегъ 20 рублей; да еще жъ Васъ,
Петръ Васильевичъ, покорно прошу уведомить насъ съ первымъ езда-
комъ, отъ каво мне для домашнево расходу денегъ требовать, іли сами
ізволисте прислать?—О постое объявляемъ: въ домѣ нашемъ стоитъ
господинъ капитанъ благополучно и смирно. И про насъ соизволишъ,
Петръ Васильевичъ, милостию своею напаятовать: і мы во всякомъ
благополучіи і въ добромъ здравіи пребываемъ. Да при семъ вашу
милость, Петръ Васильевичъ, покорно просимъ писать да насъ о сво-
емъ о многолетномъ здравіи і о щасливомъ пребываніи, чего ежеми-
нута съ почтеніемъ нашимъ слышетъ желаемъ і о Христе радаватца...

Болше сего да Васъ писать не імаю. Впротчемъ і остаюсь мать Ваша Матрена Васильева і съ любезнейшими детьми твоими княнямся. Да еще жъ Васъ, Петръ Васильевичъ, покорно прошу уведомить: вашу дочь, а мою внуку Пашунку, какъ і съ чемъ отпустить на маслиницы, такожде и на святой недели отъ твоего дому, какой Вы благъ советъ дадите на оное?...

Письма сына къ матери изъ-за границы (1791 годъ).

Madam

Madam Awdotia Petrowna Nachotkina in Ruszland, in Toropez.

Милостивый моей Государынѣ, матушкѣ Авдотьи Петровне Навоткиной, въ Торопцѣ.

1.

Милостивѣйшія Государыня моя, матушка Авдотья Петровна, прошу вашего родительскаго благословленія и земно кланеюсь.

Ваши пріятнѣйшія письма, первое отъ 16 февраля и второе отъ 25-го числа того жъ месяца, съ писмомъ дядюшкѣ Василя Ивановича и векселямъ на 1500 рублей, я имѣлъ честь благополучно получить. Я не могу никакъ моей благодарности за вашу такую милость описать, что вы намѣсто мною просимой тысячѣ—тысячу пятьсотъ рублей прислать изволили; впротчемъ я всегда старатся буду себя такъ вести, чтобы вы завсегда радость и славу имѣли. Я весьма сожалью, что я по моему несчастію принужденъ сталъ ваше приказаніе,—чтобъ я домой приѣхалъ, для свиданія нашего,—по слѣдующій причинѣ не исполнить. Я уже вамъ въ моемъ прежнемъ писмѣ писалъ, что я еще съ осѣнѣ все нездоровъ былъ и часто припадки имѣлъ, однако я еще выходить могъ, но 11 же марта получилъ я уже настоящію лихоратку, въ которой я целой мѣсяцъ лѣжалъ да еще и теперь не весьма отъ оной освобожденъ; однако жъ двѣ недѣли тому назадъ, какъ я уже больше не лѣжу и иногда съ двора выхожу. Прощу покорно, любезная матушка, обо мнѣ не пѣчалится, ибо сія болезнь не такъ и почти можно сказать совсемъ неопасна, такъ же и я въ оной никакой нужде не имѣлъ: госпожа мадамъ Коше, хозяйка, въ коей я живу, была все при мнѣ, для моихъ услугъ, и г. докторъ Бернеръ (Börner), весьма знающій и почтѣнный человѣкъ, пользовалъ меня. Для сей то причинѣ не совѣтуетъ мнѣ докторъ для великой опасности въ такую дальнюю дорогу пущаться, ибо хотя я теперь хожу, однако мнѣ все надобно въ кушаніи и протчихъ другихъ вещахъ остерегаться; да онъ

же советуетъ издѣсь на лѣто остаться для пользованія, кое мнѣ весьма нужно; почему такъ просилъ я ево, чтобъ онъ самъ вамъ сіе написалъ, что онъ и исполнилъ, и кое я при семъ писмѣ прилагаю. Итакъ прошу васъ покорно меня издѣсь еще на полгода, до другой ярмонкѣ, оставить, понѣже мнѣ никакъ иночѣ ѣхать нельзя, какъ съ рускимъ купцамъ, хотя вы и писали, мнѣ одному, ибо отъ сюда никто одинъ не ѣздитъ, по причинѣ такой дальности, и что въ Польшѣ теперь неспокойно. Впрочемъ пребуду съ истѣнейшимъ моимъ почтѣніемъ и до-стождною покорностію вашъ послушный сынъ Петръ Нахоткинъ.

ч: 19 апреля 1791 года, въ Лейпцигѣ.

Любезной сестрицѣ Александрѣ Петровнѣ и любезному братцу Павлу Петровичу мой поклонъ.

2.

Милостивая Государыня моя, матушка Авдотья Петровна, при всякомъ благополучіи и много летъ здравствовать вамъ всеусердно желаю.

Уже давно я вашего почтѣнейшего писма ожидалъ, однако и по теперешніе число онаго еще не получилъ, что меня въ немалое сумненіе приводить, и я изъ онаго заключаю, что съ вами, конечно, что-нибудь неблагополучное случилось, что вы мнѣ уже больше 4 месяцевъ о себѣ ничево не пишете. Итакъ, прошу покорно, по полученіи моего писма, мнѣ о себѣ известіе подать, ибо я теперь, слава Богу, въ добромъ здоровіи, и потомъ какъ я въ маіи месяцѣ отъ лыхораткѣ освободился, больше никакой болѣзни не имѣлъ и теперь я, мнѣ мои нужныя, науки повторяю. Я всема желаю въ эту ярмонку къ вамъ домой приѣхать, и какъ я теперь больше никакой болѣзни не опасаюсь, то мнѣ весьма свободно будетъ сіе исполнить; толко прошу покорно, любезнейшія матушка, мнѣ намѣсто просимой мною уже тысяче рублей 1500 рублей переслать, ибо ниравно какой случай трапится, чтобъ мнѣ деньги въ запасъ имѣть, да я думаю также себѣ некоторые книги для моихъ наукъ купить, то и на сіе мнѣ надобно. Я остаюсь ссисѣнейшимъ моимъ почтѣніемъ и благодарностію вашъ послушный сынъ Петръ Нахоткинъ.

ч: 6-го августа 1791 года, въ Лейпцигѣ.

Моимъ любезнымъ сестрицамъ Аниѣ Петровнѣ и Александрѣ Петровнѣ и братцу Павлу Петровичу, также всемъ нашимъ сродникамъ — мой нижайшій поклонъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

Жалованныя грамоты, данныя торопецкимъ посадскимъ людямъ Чирьевымъ въ 1647 и 1683 годахъ ⁹⁾.

1.

Божіею милостию Великій Государь Царь і Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, пожаловали есмя торопченина посадскаго челоувѣка Ѳедора Чирьева и ево дѣтеі за ево службу, что, по указу отца нашего блаженныя памяти Великого Государя Царя і Великого Князя Михаила Федоровича, всеа Русіи самодержца, посыланъ онъ, Ѳедоръ, изъ Торопца въ литовские города для провѣдыванья вестей многижда, и города Торопца і иныхъ нашихъ порубежныхъ городовъ своимъ промысломъ отъ войны литовскихъ людей оберегалъ, подлинныя вести изъ польскихъ и изъ литовскихъ городовъ въ Торопецъ привозилъ. И мы, Великій Государь Царь... самодержецъ, за ту ево, Ѳедорову, службу, и за радѣнье, и осадное терпѣнье, и за иные многие службы пожаловали: велѣли питье ему держать безъявочно и безвыимочно про себя, а не на продажу, и огня у него не выимати, и стояльцовъ у него на дворѣ не ставити, опричь великихъ пословъ. А безчестье ему указали противъ торговыхъ людей вдвое: десять рублей. И суда на него и на дѣтей ево по городомъ нигдѣ не давать; а кому до него будетъ дѣло, и имъ на немъ искать на Москвѣ въ четверти, гдѣ судимы торопчане; а будетъ дойдетъ до крестного целованья, и имъ самимъ креста не целовать, а целовать крестъ людямъ ихъ. А хто ево черезъ сю нашу жалованную грамоту чѣмъ изобидить, и имъ быти отъ насъ, Великого Государя Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца, въ опале. Дана ся наша царская жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ граде Москвѣ лѣта 7155-го (1642-го) апрѣля въ 21-й (17-й) день.

⁹⁾ Первая грамота въ М. Г. Арх. М. Иностр. Дѣлъ—Приказныя дѣла 25 іюля 1646 года—17 апр. 1647 года, № 59. Вторая грамота—въ М. Арх. М. Юстиціи—Дѣла Печатнаго приказа пошл., книга 238, л. 171.

2.

Апрѣля въ 6-й день 7191 (1683) года (запечатана грамота).

Жалованная писмянная грамота гостю Аѳанасью Ѳедорову сыну Чирьеву. За службы отца ево и за ево, Аѳанасьевы, велено ему ѣздить со всякими товары въ пограничныя государства, которые съ Великими Государи въ мирномъ поставленіи, повольно, і суда на него, и на детей, и на братьевъ, и на племянниковъ ево въ городѣхъ давать, і самимъ креста целовать, и съ черными сотнями никакихъ дѣлъ дѣлать, и зъ дворовъ ихъ мостовыхъ денегъ и мостовъ мостить, і во дворехъ у нихъ на Москвѣ і въ городѣхъ стояльцовъ ставить, и огня вынимать, и карауловъ съ нихъ спрашивать, и подводъ съ нихъ имать—не велено. А питьѣ имъ про себя держать безвыимочно, и по городомъ і на перевозехъ пропускать безъ задержанья, і ни въ какие службы ихъ не выбирать. А бесчестье ему пятьдесятъ рублей, а детямъ ево, и братьемъ, и племянникомъ—по дватцати рублей.

Пошлинъ семь рублей съ полтиною взято. Припись дьяка Івана Олферьева. Справка Івана Григорьева. Писана марта въ 30-й день.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Историко-географическій очеркъ города Торопца и его волостей (до 1500 г.)	1—31
I. Торопецкія волости	1—16
Природа Торопецкой земли и ея заселеніе 1—3. Торопецкое княжество 3—4. Его выгодное положеніе 4. Великій водный путь 4—8. Составъ Торопецкаго княжества: Вержавляне Великіе 9—11, Врочницы 11—12, Жижецкая волость 12—13, Торопецкая земля 13. Торопецкія волости 13—14. Села, дворы и погосты 15—16. Заключение 16.	
II. Городъ Торопецъ	17—31
Мѣстность, въ которой возникъ городъ, и время его основанія 17. Объясненіе названія города Кривитеска-Торопца 18—21. Топографія древняго города и его укрѣпленія 21—27. Церкви и монастырь 27—30. Княжескій дворъ 30. Торопецъ на новомъ мѣстѣ 31.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. Очеркъ политической исторіи города Торопца до 1503 года	32—57
Первоначальная исторія города Торопца 32—35. Образованіе Торопецкаго княжества 36—37. Торопецъ въ княженіе Мстислава Храбраго 37—40. Торопецъ въ княженія Мстислава Удалого, Владимира и Давида 41—44. Отношенія къ Торопцу князей Ярославъ Всеволодовича, Александра Невского и его сына Василя 44—45. Походы торопчанъ на Чудь 46. Нападенія литовцевъ 47—50. Подчиненіе Торопца Литвѣ и перенесеніе города на новое мѣсто 50—53. Зависимость Торопца отъ Литвы 53—54. Пограничная борьба торопчанъ съ москвичами 54—56. Подчиненіе Москвѣ 56—57.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Очеркъ внутренней исторіи города Торопца до конца XV вѣка	58—92
I. Составъ городского населенія	58—64
Связь города Торопца съ его волостями 58. Мѣщане и мужи 58—59. Бояре 59—61. Земцы 61—63. Духовенство 64.	

II. Управление	64—69
Управление и судъ въ рукахъ князей 64. Литовскіе тивуны и намістники 64—67. Мірскіе сходы 67—68. Сотскіе и старцы 68—69. Заключение 69.	
III. Подати и повинности.....	69—76
Дань мѣхами и перевары въ древнѣйшую эпоху 69—70. Подати, собиравшіяся въ Торопцѣ въ 1150 году 71. Подати, поступавшія въ скарбъ великаго княжества Литовскаго въ концѣ XV-го вѣка 71—73. Личныя и натуральныя повинности 73—74. Раскладка податей 74—75. Заключение 75—76.	
IV. Экономическій бытъ.....	76—83
Охота, рыбная ловля и бортное пчеловодство 76—77. Земледѣліе 78. Ремесла 78. Торговля 79—82.	
V. Религіозно-нравственное состояніе общества ..	83—92
Языческое кладбище около Торопца 83—86. Языческія празднества и игрища 86—90. Принятіе христіанства 90. Набожность торопчанъ 90—91. Чернь-Исакій 91. Заключение 92.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Историко-статистическій очеркъ города Торопца и его уѣзда въ XVI и XVII столѣтіяхъ.....	93—136
I. Торопецкій уѣздъ.....	93—106
Количество населенныхъ мѣстъ и количество населенія 93—98. Волостныя и переварскіе крестьяне 98. Помѣщичьи люди и крестьяне 98—100. Землепашество 100—101. Охота и рыбная ловля 101—103. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ 103—104. Разореніе уѣзда литовцами 104—105. Вережунскій острожекъ 105. Заселеніе южной границы помѣщиками 105—106. Засѣки 106.	
II. Городъ Торопецъ	106—136
Городскія и острожныя укрѣпленія 106—113. Монастыри и городскія церкви 113—122. Корсунская икона Божіей Матери 122—126. Дворы мѣстныхъ правительственныхъ учреждений 126—128. Торговныя помѣщенія и площади 128—131. Дворы частныхъ лицъ въ городѣ и на посадѣ 131—135. Заключение 136.	
ГЛАВА ПЯТАЯ. Очеркъ внѣшней исторіи города Торопца въ XVI и XVII вѣкахъ	137—184
Перемины въ Торопецкой землѣ послѣ присоединенія ея къ Москвѣ 137—138. Торопецъ въ 1540 году 139. Враждебныя дѣйствія литовцевъ въ первой половинѣ XVI вѣка 139—140. Торопчане въ	

Полоцкѣ и земскій соборъ 1566 года 141—142. Меровое повѣтріе въ 1566 году 143. Нашествіе Ст. Баторія 143—145. Враждебныя столкновенія съ Литвой послѣ заключенія перемирія 146—147. Затруднительное и извѣстивое подожженіе Торопца и разореніе его уѣзда въ 1608—1610 годахъ 147—149. Торопецкое осадное сидѣнье 1613 года 149—151. Нападеніе литовцевъ въ 1614 году 151—152. Пожертвованіе торопчанами Старого посада въ пользу соборной церкви 152. Военно-служилый классъ въ Торопцѣ послѣ 1614 года 153—154. Сказаніе о нападеніи литовцевъ на Торопецъ 154—156. Враждебныя отношенія торопчанъ къ литовцамъ и пограничныя столкновенія съ ними въ 1618—1634 годахъ 156—159. Пожаръ 1634 года 159—161. Старанія торопецкихъ посадскихъ людей поправить свое экономическое положеніе и хлопоты объ увеличеніи числа тяглыхъ людей 161—166. Боевая служба торопецкихъ помѣщиковъ и стрѣльцовъ 167. Столкновенія съ литовцами въ Торопецкомъ уѣздѣ и на рубежахъ 168—169. Пожаръ 1683 года 169—170. Дѣло о самозванцѣ 170—171. Бунтъ московскихъ стрѣльцовъ въ Торопцѣ въ 1698 году 172—175. Послѣдствія этого бунта для торопчанъ 176—177. Посѣщеніе Торопца Петромъ Великимъ 177—179. Причины враждебныхъ столкновеній торопчанъ съ Литвой 179—183. Заключеніе 183—184.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Очеркъ внутренней исторіи города Торопца въ XVI и XVII вѣкахъ 185—341

I. Составъ городского населенія 185—197

Количество населенія города Торопца 185—188. Дворяне и дѣти боярскія 188—189. Бѣлое духовенство 189. Стрѣльцы 189—190. Пушкари 191. Ямщики 192—193. Дворники 194. Посадскіе крестьяне 194. Городскіе, или посадскіе люди 194—196. Шабры 196. Подсосѣдники 196—197. Заключеніе 197.

II. Воеводское управленіе и мірское самоуправленіе 197—230

Намѣстники и тіуны въ XVI вѣкѣ 197—199. Воеводы и подьячье въ XVII вѣкѣ 199—204. «Торопчане всего города» и «всегородныя челобитныя» 204—206. Распаденіе городского населенія на нѣсколько классовъ 206—208. Торопецкій міръ 208. Въ XVI вѣкѣ судъ и управленіе въ рукахъ намѣстниковъ и тіуновъ 209—209. *Самосудъ и самоуправленіе* (торопецкая уставная грамота 7099-го года) 209—212. Новыя льготы 213. Попытки отнять у посадскихъ людей право самоуправленія и ихъ старанія о новомъ подтвержденіи ихъ уставной грамоты 214—218. *Органы мірского самоуправленія*: суймы 218—222, земская изба и земскіе цѣловальники 222—227, мірскіе челобитчики 227—230.

III. Подати и повинности..... 230—264

Личная повинности: ратная служба 230—231; городовое и острожное дѣло 231; ямская повинность 231—232; «всякія государевы службы» 232—233; развѣдыванье вѣстей 233—237. *Натуральная повинности:* запасный хлѣбъ и стрѣлцкій хлѣбъ 237—239. *Прямые налоги.* Въ XVI столѣтіи: дань, ямскія деньги, намѣстничьи и тиуновы корны, праветчиковы и доводчиковы поборы; намѣстничьи доходы; оброкъ вѣсто оброчныхъ доходовъ 240—241. Въ XVII столѣтіи: четвертными деньги, ямскія деньги и оброчныя деньги 242—245; платежи на мірскіе расходы 245; временные прямые налоги 246. Стрѣлцкія деньги и оброчныя деньги 246—247. Куда поступали налоги 248. *Распределение податей и повинностей между посадскими людьми* 248—256. Окладныя книги 250—251. Дань 251. Кладница 251. Способъ взиманія податей покладнымъ книгамъ 251—256. *Судебныя пошлины* 256—257. *Торговля пошлины* 257—261. Конскія пошлины 261. *Кабацкія деньги и кабацкіе доходы* 261—264.

IV. Экономическій бытъ..... 264—314

Звѣроловство 264—265. Пчеловодство. 266. Рыболовство 266—267. Землепашество 267. Огородничество 267. Скотоводство 268. *Обработывающая промышленность* 269—273. *Торговая промышленность* 273—313. Торопецкіе торговцы 274—277. Торговля мѣстными товарами въ Торопцѣ 278—279. Торговля привозными товарами въ Торопцѣ 279—283. Предметы торопецкой отпускной торговли 283—285. Литовскіе купцы въ Торопцѣ 285—291. Иногородные русскіе купцы въ Торопцѣ 291. Отъѣздъ торопецкихъ торговыхъ людей для торговаго промысла въ Литву и въ различные города Московскаго государства 292—300. Размѣры торопецкой торговли 300—303. Недобросовѣстность торопецкихъ торговцевъ 303—309. Выгодныя для торопчанъ условія торговли съ Литвой 309—310. Характеръ торопецкой торговли и характеръ торопецкихъ торговцевъ 310—313. Заключение 313—314.

V. Общественный бытъ..... 314—341

Умственное и нравственное состояніе общества 314—322. Образованность 314—316. Жестокость и грубость нравовъ 316—318. Строгіе семейные нравы и родственныя привязанности 318—319. Религіозность 319—320. Помощь немущимъ 320—322. *Общественная жизнь* 322—328. Гулянья около церквей и гулянья въ рощахъ 323—324. Скомоорохи 324—325. Субботки, посидѣлки, танцы, свадьбы и дѣвичники 325. Гулянья по улицамъ 325—327. Пирь 327—328. *Уклоненія отъ правильнаго теченія общественной жизни* 328—341. Жизнь въ Торопцѣ въ военное время 328—329. Грабежи, насилія и

бездѣльности 330. Различныя общественныя волненія 331. Столкновѣнія между посадскими людьми 331—333. Иллюстрація этихъ столкновѣній— борьба М. Заозерскаго съ Г. Туфановымъ 333—341.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ИСТОРИИ ГОРОДА ТОРОПЦА 342—350

ПРИЛОЖЕНІЯ 353—369

I-е. Торопецкая уставная грамота 7099-го года 353—359. П-е. «Выборъ и приговоръ», данный соймомъ земскому старостѣ 359—361.— III-е. «Выборъ и приговоръ» земскому старостѣ и отписки земскаго старосты въ Разрядъ объ избраніи новыхъ земскаго старосты и цѣловальниковъ 361—362.—IV-е. «Выборъ и приговоръ» сойма о сборѣ денегъ на мірскіе расходы 363—364.—V-е. Письма къ родственникамъ 364—367.—VI-е. Жалованныя грамоты посадскимъ людямъ 368—369.

A. 8143 = - 8a 2. -

Цѣна 2 р. 50 к.

